

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

XVIII
ВЕК

СБОРНИК
22

Санкт-Петербург
«Наука»
2002

УДК 882(09)

ББК 83

В 76

Ответственный редактор

Н. Д. КОЧЕТКОВА

Рецензенты:

П. Е. БУХАРКИН, Р. Ю. ДАНИЛЕВСКИЙ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 99-04-00053а*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 01-04-16042д*

© Коллектив авторов, 2002

© Российская академия наук и изда-
тельство «Наука», серия «XVIII век»
(разработка, оформление), 1935
(год основания), 2002

ТП-2002-II-№ 171

ISBN 5-02-028528-5

С. И. НИКОЛАЕВ

НЕИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ЛОМОНОСОВА
И ОТКЛИК НА НЕГО СУМАРОКОВА

В сентябрьском номере «Трудолюбивой пчелы» было опубликовано стихотворение А. П. Сумарокова «Стихи, сделанные из чужих русских стихов, на победу над пруссаками 12 июля 1759», вошедшее затем в его «Полное собрание всех сочинений»:

Европа и весь мир, монархия, свидетель,
Как Вышнему твоя любезна добродетель,
Благословляет он главы твоей венец,
И в воинстве твоём бесстрашие сердец:
Умножил мужество и действия геройски,
Бегут рассыпаны врагов твоих днесь войски.
Союзникам ты щит и ужас ты врагам,
Благополучие и вечна слава нам;
А мы, любя и чтя свою императрицу,
Целуем радостно пресильную десницу.¹

Смысл стихотворения ясен, но не вполне понятно, для чего было нужно воспевать победу русского оружия «стихами, сделанными из чужих русских стихов»? Первое, что приходит на мысль, — это центон. Однако центон практически не встречается в русской поэзии XVIII века.² С одной стороны, для составления центона нужно обладать определенным семинарским остроумием и трудолюбием; с другой — в то время русская поэзия еще не обладала одним из важнейших условий для составления центона — устоявшимся канонам русских авторов, более того — общепринятым хрестоматийным школьным канонам. Сумарокова же вообще трудно представить себе автором центона. Вместе с тем очевидно, что Сумароков переделал чьи-то стихи. И его образец отыскивается в июльском номере журнала «Праздное время в пользу употребленное». Это опубликованное

¹ Трудолюбивая пчела 1759 Сентябрь С 570–571 (подпись — «А С»), Сумароков А П Полное собрание всех сочинений 2-е изд. М., 1787 Ч 9 С 172

² См *Drage C L Russian Word-Play Poetry from Simeon Polotskii to Derzhavin Its Classical and Baroque Context* London, 1993 P 88, Николаев С И Кириак Кондратович — переводчик польской поэзии // XVIII век. Сб 21 СПб., 1999 С. 79–80

анонимно стихотворение «На преславную победу, полученную российским войском над прусским в Силезии, 12 июля 1759 года»:

Европа и весь свет, монархиня, свидетель
Пред Вышним, коль твоя любезна добродетель.
Он ревность храброю в полки твои вложил
И гордых сопостат коварну мочь сломил,
Бегут рассыпаны, зря прежние трофеи,
И посрамления сугубят тем идеи.
О нашем торжестве противники скорбят,
Союзники твою святую верность чтят.
О счастлив, счастлив, кто десницу ту лобзает,
Которой силами Бог гордых усмиряет.³

Почти полное совпадение первых двух строк, объема, один и тот же повод к написанию и одна и та же дата победы не позволяют сомневаться в том, что именно это стихотворение переделывал Сумароков. И именно это стихотворение я собираюсь атрибутировать Ломоносову. Поскольку речь идет о небольшом стихотворении довольно общего содержания, то методы содержательного, лингвостилистического или стиховедческого характера не могут предоставить нам убедительных аргументов, поэтому атрибуцию лучше всего начать с анализа имеющихся документальных и биографических сведений. Но сначала уточним хронологию событий: итак, сражение при Пальциге состоялось 12 июля, поручик И. Салтыков прибыл в Петергоф с известием о победе «около полудни» 22 июля, о чем «Санктпетербургские ведомости» сообщили 23 июля,⁴ подробная репликация о победе была напечатана в «Прибавлении к Санктпетербургским ведомостям» 30 июля, а стихотворение анонима было напечатано в «Праздном времени» 31 июля. Стихотворение опубликовано без имени автора, но с припиской после текста: «Писано в Гостилицах 25 июля того ж года». Гостилицы — это имение К. Г. Разумовского, расположенное неподалеку от Петергофа.

Ломоносов в «Росписи упражнений сего 1759 года», составленной в декабре того же года, перечислил свои многообразные труды и, в частности, выделил пункт «Сочинил краткие стихи», в котором назвал пять стихотворений. Из них до нас дошло только два: «На Фортуну» и «На Петров день в Петергофе». Одно из трех недошедших стихотворений особого названия не имеет и было охарактеризовано им как стихи «На победу у Пальцига, будучи в Гостилицах».⁵

Когда Ломоносов мог написать эти не дошедшие до нас стихи? Судя по «Летописи жизни и творчества М. В. Ломоносова», во второй половине 1759 года в Гостилицах он не был, а посещение им имения Разумовского в этом году⁶ документируется только цитированными словами из «Росписи упражнений». Тем не менее время посещения им Гостилиц можно уточнить. 19 июля Ломоносов сообщил в Канцелярию, что должен

³ Праздное время в пользу употребленное. 1759. Июль, 31 дня. С. 63.

⁴ См.: Санктпетербургские ведомости. 1759. 23 июля. № 59. С. 465.

⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1957. Т. 10. С. 396.

⁶ Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 303.

на несколько дней поехать в Усть-Рудицу для осмотра своей фабрики. 20 июля он получил разрешение и в ближайшие дни выехал туда, возможно 23 или 24 июля. В Петербург Ломоносов возвратился до 11 августа.⁷ После 20 августа Ломоносов приступил к работе над одой на день тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны «и на преславные ее победы, одержанные над королем прусским нынешнего 1759 года».⁸ Поскольку к этому времени русские войска под командованием генерала П. С. Салтыкова одержали еще ряд побед, о которых также идет речь в оде, в том числе 1 августа при Кунерсдорфе, то очевидно, что упомянутые Ломоносовым стихи «На победу у Пальцига» могли быть написаны «будучи в Гостилицах» только до начала работы над одой, позднее это просто не имело смысла. Этому не противоречит и датировка стихотворения в «Праздном времени» — «Писано в Гостилицах 25 июля».

Какие стилистические подтверждения атрибуции можно обнаружить в стихотворении, опубликованном в «Праздном времени»? К первому двустишию «Европа и весь мир, монархия, свидетель Пред Вышним, коль твоя любезна добродетель» отыскивается параллель в оде Ломоносова 1748 г.: «Европа и весь мир свидетель... Колика ныне добродетель».⁹ Стих «И гордых сопостат коварну мочь сломил» нашел отражение в оде 1759 г.: «Дабы коварну мочь сломить».¹⁰ Следующий стих «Бегут рассыпаны, зря прежние трофеи» отразился в стихе из той же оды «Рассыпаны от наших рук». Стихотворение в «Праздном времени» слишком невелико по объему, чтобы продолжить отдельные лексические сопоставления, однако и приведенных достаточно для вывода, что и в стилистическом плане это стихотворение также не противоречит атрибуции стихотворения Ломоносову.

Таким образом, стихотворение «На преславную победу, полученную российским войском над прусским в Силезии, 12 июля 1759 года», опубликованное в «Праздном времени», я считаю тем самым стихотворением «На победу у Пальцига, будучи в Гостилицах», которое Ломоносов назвал в «Росписи упражнений сего 1759 года». Дело, вероятно, обстояло следующим образом. Ломоносов в начале 20-х чисел июля выехал из Петербурга в Усть-Рудицу, по дороге заехал в имение Разумовского Гостилицы, где, возможно, и узнал об одержанной победе у Пальцига. Вероятно, по просьбе Разумовского он написал 25 июля небольшое стихотворение, которое и было опубликовано в «Праздном времени». Сама публикация была осуществлена, скорее всего, без участия автора (в Петербурге он отсутствовал), а «Праздное время» (номер от 31 июля) выбрано для скорейшей публикации, поскольку следующий номер «Санктпетербургских ведомостей» вышел только 3 августа.

Вернемся к стихотворению Сумарокова, напечатанному в сентябрьском номере «Трудолюбивой пчелы». Очевидно, что это отклик на сти-

⁷ Там же. С. 316–317.

⁸ Там же. С. 317–318.

⁹ Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 124. (Библиотека поэта. Большая серия).

¹⁰ Там же. С. 153.

хотворение Ломоносова и отклик, безусловно, полемический. Нет сомнений, что авторство анонимно опубликованного стихотворения не составляло тайны для Сумарокова (с одой 1759 года, печатание которой было начато 2 сентября, а завершено 10, он уже был, возможно, знаком) В чем же смысл этого отклика и его необычной формы — «Стихи, сделанные из чужих русских стихов»? Сумароков несомненно заметил, что стихотворение Ломоносова представляет собой набор общих мест и поэтических формул его поэзии, ранее уже им использованных. В своем полемическом ответе он не столько иронизировал над Ломоносовым (повод для этого был совершенно неподходящий), сколько вступил с ним в очередное поэтическое состязание и попытался «исправить» особенности ломоносовского стиля. В отличие от «вздорных од» стихотворение Сумарокова по содержанию совершенно серьезно и вовсе не пародийно по форме: его первое двестишие повторяет первое двестишие Ломоносова почти дословно, что сделано для лучшего опознания образца. Отдельные словосочетания повторены либо без изменений («Бегут рассыпаны»), либо незначительно стилистически переделаны («десницу ту лобзает» — «целуем десницу»); для стиха «Он ревность храбрую в полки твои вложил» подобрана сглаженная перифраза «И в воинстве твоём бесстрашие сердец». Вместе с тем Сумароков убрал любимые Ломоносовым слова «мочь» и «трофеи», заменил все глагольные рифмы именными, убрал перенос в первом двестишии¹¹ и полностью снял стих «И посрамления сугубят тем идеи», который просто не поддается перифразе. Помимо стилистических поправок Сумароков внес в свой вариант и одно содержательное изменение. Предпоследний стих Ломоносова «О счастлив, счастлив, кто десницу ту лобзает» имеет в виду, по всей вероятности, Разумовского, тогда как Сумароков в стихе «А мы любя и чтя свою императрицу» подразумевает все общество.

Остальная часть стихов представляет собой в целом перифраз ломоносовского стихотворения, это не столько очень удачный пастиш или стилизация, сколько намеренно «улучшенное» ломоносовское стихотворение. Дело в том, что в 1740–1750-х гг. и Тредиаковский, и Ломоносов, и Сумароков в отзывах на сочинения друг друга неизменно отмечали не понравившиеся им места и предлагали свои исправления, которые касались и языка, и стиха, и стиля. Так, Тредиаковский в направленном против Сумарокова «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанном от приятеля к приятелю» (1750), отметив неудачное или неправильное, по его мнению, место, предлагал свой вариант, сопроводив замечанием «двестишие сим образом могло б быть исправно» или «надобно б лучше следующему быть двестишию».¹² Сам Сумароков в небольшой заметке «Рассмотрение од г. Ломоносова» даже выделил отдельный пункт «Строфы, по моему мнению, требующие большого исправле-

¹¹ «Непростительные переносы» Ломоносова Сумароков отмечал и в статье «Критика на оду», см. *Сумароков Стихотворения* Л., 1935 С 347–348

¹² Сборник материалов для истории Имп Академии наук в XVIII в / Издал А Куник СПб., 1865 Ч 2 С 485–486

ния».¹³ Как именно предполагалось исправлять оды, Сумароков продемонстрировал в статье «Критика на оду», посвященной разбору оды Ломоносова 1747 года, в которой Сумароков неоднократно употребил формулы «надлежало бы сказать», «надлежало написать», «лучше бы сказать», «надобно бы было сказать» и привел свои варианты «исправленных» им выражений и недочетов.¹⁴

«Стихи, сделанные из чужих русских стихов», представляют собой, вероятно, единственный в своем роде образец полностью «исправленного» чужого стихотворения в соответствии со своими литературными взглядами и вкусами. Сумароков посчитал возможным и нужным перевести ломоносовскую одическую стилистику на свой поэтический язык, ведь его стих «Союзникам ты щит и ужас ты врагам» также является устоявшимся одическим клише. Правда, в стихотворении Сумарокова как раз от ломоносовского стиля ничего не осталось, а потому и подпись Сумарокова под стихотворением стоит вполне закономерно.

Сумароков воспользовался случаем, чтобы лишний раз уколоть Ломоносова. Суть его выпада, как представляется, заключалась в следующем: продемонстрировать, как именно и каким стилем надо писать такие стихи.

Отклик Сумарокова на стихотворение Ломоносова стал очередным этапом их долгой литературной полемики, которая этим эпизодом не завершилась. В том же 1759 году Ломоносов написал эпиграмму «Злобное примирение господина Сумарокова с господином Тредиаковским», в которой назвал очевидную для него причину «злобности» Сумарокова: желание заглушить «криком муз российских чистый глас» и «Пробиновых (т. е. самого Ломоносова. — С. Н.) хвалу унизить од».¹⁵ Вскоре Сумароков написал «Дифирамб» и несколько «вздорных од», в которых одический стиль Ломоносова был подвергнут уже безжалостному осмеянию. В этой атмосфере открытого выступления Сумарокова против Ломоносова полемически заостренные, хотя еще не враждебные «Стихи, сделанные из чужих русских стихов», отступили на второй план полемики, а затем смысл этого небольшого эпизода полемики был забыт.

¹³ См.: Сумароков. Стихотворения. С. 381.

¹⁴ См.: Там же. С. 344–354.

¹⁵ Ломоносов М. В. Избранные произведения. С. 268.

Н. Ю. АЛЕКСЕЕВА

ПЕТЕРБУРГСКИЙ НЕМЕЦКИЙ ПОЭТ Г. В. ФР. ЮНКЕР

Почти двадцатилетнее преобладание немецкой словесной культуры в Петербурге, наступившее с открытием Академии наук, в русском культурном сознании давно воспринимается как факт обыкновенный. Исследование этого явления возвращает нас к осознанию его феноменальности. Одним из ярких проявлений русского культурного феномена 1730-х годов было творчество Юнкера, в течение десяти лет самого видного поэта Петербурга, не знавшего, по-видимому, ни слова по-русски. Его сотрудничество в стенах Академии наук с В. К. Тредиаковским, а за их пределами — с Ломоносовым давно позволило выдвинуть предположение о влиянии Юнкера на становление русского классицизма. Однако малая изученность петербургского периода творчества немецкого поэта и полное отсутствие сведений о его творчестве германского периода затрудняли исследование этого вопроса. Единственным источником сведений о Юнкере до приезда в Россию служили до сих пор записки Г.-Ф. Миллера,¹ благодаря которому Юнкер оказался в Петербурге. Но и те немногие факты, которые сообщает Миллер, в русской историографии получили несколько тенденциозное истолкование, объяснимое господствовавшей предвзятостью в отношении придворной поэзии и поэтов, пишущих на заказ.²

Первым задался вопросом о литературных вкусах и немецких литературных связях Юнкера Л. В. Пумпянский,³ надеясь найти при его решении ответ на вопрос о вкладе Юнкера в развитие русской поэзии. Этот сам по себе частный вопрос важен для прояснения характера немецкого влияния на становление русского классицизма. Не располагая сведениями о немецкой поре жизни Юнкера, Л. В. Пумпянский вынужден был

¹ Миллер Г.-Ф. История Академии наук (1725–1743) // Материалы для истории Имп. Академии наук. СПб., 1890. Т. VI.

² Пекарский П. История Имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 479–493.

³ Пумпянский Л. В. 1) Тредиаковский и немецкая школа разума // Западный сборник. М.; Л., 1937. С. 157–186; 2) Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 3–44.

прибегнуть к реконструкции литературных связей поэта. Несмотря на то что в основу ее был положен только «список» немецких поэтов, приведенный Тредиаковским в «Эпистоле о русской поэзии к Аполлину» (1735), сложившийся, по справедливому предположению Пумпянского, под влиянием Юнкера, предложенная ученым литературная генеалогия последнего в целом оказалась верной. И все же некоторые, правда весьма существенные, литературные связи Юнкера остались неучтенными. Главный вывод о его принадлежности к немецкой «школе разума», довольно подробно охарактеризованной Пумпянским,⁴ не помог решению принципиального вопроса о литературной зависимости русских классицистов от творчества представителей «школы» в Петербурге — Юнкера и Я. Штелина. Отчасти это произошло потому, что свое внимание Пумпянский сосредоточил на проблеме стиля, проверяя зависимость стиля раннего русского классицизма от «разумного» стиля, отличавшего немецкую придворную школу. Проблема жанра, представлявшаяся Пумпянскому менее важной, в статьях о «школе разума» осталась только затронутой. Воздействие же на стилистическом уровне одной литературы на другую, когда обе они принадлежат к разным традициям, как это было в 1730-х годах с немецкой и русской поэзией, — явление почти невозможное, и Пумпянскому пришлось прийти к выводу, что «влияние школы разума скромно» и что оно «пошло под углом, почти касательной».⁵ По мнению Пумпянского, творчество петербургских немецких поэтов более всего сказалось «в сложении тематики раннего Ломоносова».⁶

Некоторые сведения о Юнкере, полученные при работе в петербургских книгохранилищах, дополняют наше знание о литературной культуре Юнкера и тем самым уточняют наше представление о его роли в становлении новой русской поэзии.

Готлоб Фридрих Вильгельм Юнкер родился в семье знаменитого в свое время ученого и просветителя Христиана Юнкера (1668–1714) от его второго брака с Марией Элизабет Вагнер. Имя Хр. Юнкера, труды и издания которого по истории и литературе пользовались широкой известностью, было памятно в немецкой культуре еще в XIX и в начале XX века.⁷ В 1914 году в память 200-летия его кончины был выпущен сборник,⁸ в котором в ряду других биографических сведений приводятся краткие данные о его восьми детях. Среди них вторым по старшинству и старшим из сыновей шел Готлоб Фридрих Вильгельм Юнкер. Он родился

⁴ Термин «школа разума», не встретившийся нам в немецкой литературе, в работах Л. В. Пумпянского означает примерно то же, что ранний классицизм, возможно, он заимствован из истории философии (так называлась школа Хр. Вольфа). В Германии это направление в поэзии относят к «придворной школе» (hofische Schule)

⁵ Пумпянский Л. В. Тредиаковский и немецкая школа разума С 186

⁶ Там же. Этому вопросу посвящена статья «Ломоносов и немецкая школа разума»

⁷ Ему посвящена статья в «Allgemeine Deutsche Biographie» (Bd 14 Leipzig, 1881 S 690–692)

⁸ Zum Gedächtnis Christian Junckers (1668–1714) Aufsätze über Juncker und sein Rennsteigwerk zum 200 Todestage herausgegeben Schriften des Rennsteigvereins N 6 Ruhla, 1914. Здесь же помещена основная литература о нем. Приношу благодарность доктору М. Шиппану, любезно приславшему мне эту книжечку из Берлина

1 июля 1703 года⁹ в Шлейзингене (Нижняя Саксония), в 1708 году семья перебралась в Эйзенах (Нижняя Саксония), а в 1713 — в Альтенбург (недалеко от Лейпцига). Здесь в июле 1714 года почти одновременно умерли оба родителя этой большой семьи. На смерть отца 11-летний Готлоб от имени себя и братьев написал стихи, переделанный вариант которых был им позднее опубликован. Получить образование старшему из сыновей (другие, кажется, не достигли совершеннолетия) в этих трудных обстоятельствах могли помочь имя и ученые связи покойного отца. Он, вероятно, окончил гимназию в Альтенбурге, ректором которой был его отец, и в начале 1720-х годов поступил в Лейпцигский университет.

О годах учения Юнкера в университете мы, как и наши предшественники, можем судить лишь по запискам Миллера, который учился с Юнкером «в одно время». Если Миллер поступил в Лейпцигский университет в 1724 году, будучи двумя годами моложе Юнкера и поучившись ранее в Ринтельне,¹⁰ то Юнкер мог попасть в университет в 1720 или 1722 году. «В свое оправдание должен сказать, — говорит Миллер, — что тогда я не имел с ним никаких отношений», поскольку Юнкера, признанного в университете «поэтом превосходным (vortrefflicher Dichter), поэтом прирожденным, как Гюнтер», которого он взял себе тогда «за образец», «редко видели в аудитории профессоров».¹¹ Проучившись около года в Лейпциге (летом 1725 года он уедет в Петербург), едва знакомый в то время с Юнкером, Миллер запомнил не столько его самого, сколько его студенческую славу и яркую одаренность. Уподобление Юнкера самому Гюнтеру в устах Миллера, относившегося к бывшему однокашнику весьма, как видно из его записок, сдержанно, продиктовано не плохим знанием дела или восторженностью автора записок (оценки Миллера как раз отличает трезвость), а, скорее, отражает реальное восприятие Юнкера в лейпцигской университетской среде. Юнкер мог считаться в университете преемником Гюнтера в том же смысле, как каждый выпуск лицейстов знал своего Пушкина. Это не так уж много, но и не мало. Надо учитывать, что Иоганн Христиан Гюнтер (1695–1723), самый значительный немецкий поэт первой половины XVIII века, для студентов Лейпцигского университета этого поколения еще только становился легендой, многие еще его хорошо помнили. Он учился в Лейпциге почти два года, в 1717–1719 годах, здесь его творчество достигло своего расцвета, и здесь же в его судьбе произошел роковой поворот, связанный с надеждами на должность придворного поэта и скандальным неуспехом при представлении его саксонскому курфюрсту Августу II в Дрездене. Образ Гюнтера, исполненный обреченности гения, еще для Гёте был символом «истинного», т. е. «прирожденного», поэта в противоположность поэту, натасканному на «науку поэзии». Это противопоставление, сказавшееся и в оценке

⁹ Ibid S 6. Таким образом, обе даты рождения Фр Юнкера (1702 и 1705 год), приведенные П П Пекарским (*Пекарский П* Указ. соч Т 1. С 480) и повторенные в других изданиях, неверны.

¹⁰ Там же С 310

¹¹ Миллер Г-Ф История Академии наук. С. 208.

Миллером Юнкера, в немецкой культуре 1730–1760-х годов достигло болезненной остроты. Острота была вызвана резким поворотом немецкой теории поэзии в сторону рационализма и классицизма, в его самом крайнем, очищенном варианте. Главным очагом, из которого исходило учение о рациональной поэзии, сводимой к определенным законам и правилам, был тот же Лейпциг, а само движение к очищению поэзии, начавшееся еще на рубеже веков, оформилось в трудах И. Хр. Готшета. Окончательный переход саксонской поэтической культуры к классицизму означился как раз в последние годы пребывания Юнкера в университете, на его глазах. И встает вопрос, с его ли участием? Позиция Юнкера в отношении начавшегося в Лейпциге готшетианства становится, таким образом, центральной проблемой в исследовании его творчества и тем самым в исследовании предполагаемого его влияния на ранний русский классицизм.

До наступившего в 1728–1730 годах главенства Готшета поэтические вкусы Лейпцига определял И. Б. Менке (Mencke, 1674–1732). Сведений о контактах профессора истории, известного ученого-эрудита,¹² издателя «*Nova Acta Eruditorum*» (Новых ученых трудов) с Юнкером не удалось разыскать. Однако участие Менке в судьбе Юнкера или во всяком случае его влияние на формирование вкусов молодого поэта не вызывает сомнений. Менке, отличавшийся редким вниманием к молодежи, обязательно кого-нибудь пестовавший, не мог не обратить свое внимание на талантливого студента. К тому же он, наверное, хорошо знал отца Юнкера, учившегося немногим ранее его самого в Лейпциге. Помимо своей ученой деятельности, Менке был широко известен как глава Поэтического общества (*Deutschubende poetische Gesellschaft*), основанного им в 1697 году. Он был заметным в первую треть века поэтом, выступавшим под именем Филандер фон дер Линде (*Philander von der Linde*). Наряду со сборниками «разных стихотворений» (*Vermischte Gedichte*) он пробовал себя и в роли теоретика литературы. В его известном в то время трактате,¹³ написанном в форме беседы двух профанов, Миниппуса и Титируса, со знатоком Филандером, раскрывающим им тайны поэзии, отразилось переходное состояние немецкой теоретической мысли от «второй силезской школы» к классицизму.¹⁴ Это выражается и в самой избранной Менке форме трактата, исполненной некоторой игривости, разрешавшей порой недосказанность, приглушенность даваемых уроков, и в оценке предшествующих и современных Филандеру поэтов. Более всего им ценятся Фр. Р. Каниц (*Canitz, 1654–1699*), Хр. Гофман фон Гофмансвальдау (*Hoffmannswaldau, 1617–1679*) и И. Бессер (*Besser, 1654–1728*), поэты, направления которых вскоре будут резко противопоставлены друг другу Каница и Бессера.

¹² О его роли при организации Петербургской Академии наук см. *Пекарский П.* Указ соч. Т. I. С. 20, *Копелевич Ю. X.* Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. С. 50, 58 и далее.

¹³ *Philander von der Linde.* Unterredung von der Deutschen Poesie // *Philander von der Linde.* *Vermischte Gedichte.* Ed. 2. Leipzig, 1727.

¹⁴ Разбор трактата Менке и исследование его значения для развития немецкой поэзии см. *Markwardt B.* *Geschichte der deutschen Poetik.* Bd I. Berlin, Leipzig, 1937. S. 325–331.

признают образцами «хорошего вкуса», а Гофмансвальдау будут приписываться все пороки безвкусыя, выражавшиеся в надутости, вычурности, нечистоте стиля. Для Менке же Гофмансвальдау еще поэт исключительного мастерства, умеющий «красочно живописать окружающий мир», а Бессер — поэт, у которого в стихах все «выходит галантно и непринужденно»¹⁵ «Непринужденность» (*Ungezwungenheit*) и «остроумие» (*Witz*) как раз и составляют, по Менке, основное достоинство поэзии. Неразличение при этом «чистых» поэтов от «нечистых» у Менке происходит потому, что для него проблемы стиля еще не выдвинулись на первый план, его более занимает организация произведения, его форма и само звучание стиха. Все это как раз и знаменует переходный характер эстетики Менке от галантной постбарочной поэзии к классицизму. В отношении формы поэзии это сказалось прежде всего на разработке немецкого александрийского стиха, на выдвигании на первое место вообще шести-стопного ямба, на преимущественном интересе к жанру надписи, сатире и отчасти к оде.

В атмосфере начальной ориентации немецкой поэзии на французский классицизм в 1718 году была создана ода Гюнтера «Принцу Евгению», первая немецкая ода, отвечавшая правилам Н Буало-Депрео. О роли Менке, подтолкнувшего в то время своего питомца Гюнтера к написанию подносного похвального стихотворения (*Lob-Gedichte* — в немецкой поэзии этого периода обычное обозначение, своего рода термин) Евгению Савойскому говорят все биографы Гюнтера. При этом о роли Менке в выборе еще исключительно редкой для немецкого лобгедихта форме классицистической оды упоминается значительно реже. А между тем сама ориентация Гюнтера на французский классицизм, вполне еще, впрочем, робкая, исходила от Менке.¹⁶

Эта же переходная атмосфера от итальянского маринизма (сам Менке еще ценит Дж Марино и переводит его мадригалы) к французскому классицизму окружала и Юнкера. Степень вовлеченности Юнкера в этот процесс может быть выявлена лишь после знакомства с его творчеством этих лет и выяснения его участия в Поэтическом обществе Менке. В 1722 году, в год празднования 25-летия Поэтического общества, в издании, посвященном этому событию, в числе членов Общества названо четыре студента, не исключено, что в их числе и Юнкер.¹⁷ Возможно, однако, что Юнкер вступил в Общество позднее, но почти несомненно, что он был членом еще Поэтического общества. В 1727 году Поэтическое общество было реорганизовано в Немецкое общество в Лейпциге (*Deutsche Gesellschaft in Leipzig*), и хотя его главой (сеньором) до самой

¹⁵ *Philander von der Linde* Op cit S 169

¹⁶ Об этом говорится в следующих работах: *Des berühmten Schlesischen Dichters Leben und Schrifften Schlesien, 1738 S 56–59, Titmann J Johann Christian Gunther // Allgemeine Encyclopedie der Wissenschaften und Kunste / Hrs F A Brockhaus Leipzig, 1878 Th 97 S 340, Fulda L Die Gegner der zweiten schlesischen Schule Johann Christian Gunther Berlin, Stuttgart Th 1 S a S 9–12*

¹⁷ *Danzel Th Gottsched und seine Zeit Auszüge aus seinem Briefwechsel Leipzig, 1848 S 80–81* Сама книжечка «*Schesmata de instituto societatis Philo-Teulonico-Poeticae, quae sub praesidio etc hic Lipsiae congragatur*» (Lipsiae, 1722) осталась нам не доступной

своей смерти в 1732 году оставался Менке, оно в своем новом виде испытывало сильное влияние своего негласного руководителя Иоганна Кристофа Готшеда.¹⁸ В конце изданных «Известий» о реорганизации Общества, содержащих объяснение его задач и целей, прав и обязанностей членов, помещен список всех участников Общества, разделенных на почетных членов из саксонской знати и 15 «академических» членов, среди которых значится Юнкер.¹⁹ В сборнике Немецкого общества 1732 года²⁰ собраны речи, произнесенные новыми членами Общества при их вступлении. Отсутствие среди них речи Юнкера, как и речей еще семерых членов, в том числе и Готшеда, из 15 «академических» членов 1727 года, свидетельствует в пользу того, что он, как и другие семь человек, был членом еще Поэтического общества и не нуждался во вступлении в обновленное Общество 1727 года.

На самой ранней поре нового Общества Юнкер играл в нем, очевидно, заметную роль. Осенью 1727 года он выпускает одно из первых изданий Общества: последний, седьмой, том собрания Гофмансвальдау. Это издание, начатое еще Бен Нейкирхом в 1695 году, включало в себя наряду с произведениями Гофмансвальдау «другие избранные немецкие стихотворения»²¹ В предисловии к сборнику Юнкер говорит об издании как о возложенном на него поручении Немецкого общества.²² Судя по перечню книг, выпущенных Обществом к 1730 году, список которых помещен в одном из его сборников, том Гофмансвальдау был к этому времени, не считая вышедшего в 1728 году одического сборника, единственным стихотворным сборником Общества.²³ Напрашивается вывод, что первое и в своем роде единственное издание стихотворений, предпринятое Обществом, было поручено самому заметному в нем (не считая стареющего Менке) поэту.

В том Гофмансвальдау, подготовленный Юнкером, вошло всего три стихотворения виновника издания, а в основном его составляют «другие избранные стихотворения», среди которых более всего стихотворений Кенига, который не был членом Общества, и самого Юнкера. Более тридцати его стихотворений 1724–1727 годов позволяют судить о характере творчества поэта этих лет. Из них более ранние относятся к легким жанрам — это любовные и поздравительные стихотворения, надписи к портретам, эпиграммы. Кроме них Юнкер поместил свои переводы из Овидия и Горация и девять похвальных стихотворений 1726–1727 годов. Для прояснения литературной позиции Юнкера не меньший интерес представляет его пространное «Исследование о светских стихах г. Готфрида Беньямина Ганке», помещенное в начале издания.²⁴

¹⁸ Во многих исследованиях неверно указывается, что его главой был Готшед. О неудачной попытке Готшеда возглавить Общество см. *Danzel Th Op cit S 82*.

¹⁹ *Nachricht von der erneuerten Deutschen Gesellschaft in Leipzig Leipzig, 1727 S 76*

²⁰ *Der Deutschen Gesellschaft in Leipzig gesammelte Reden und Gedichte Leipzig, [1732]*

²¹ *Herrn von Hoffmannswaldau und anderen Deutschen auserlesener und bisher ungedruckter Gedichte Leipzig, Frankfurt, Göttingen, 1695–1727 Bd 1–7*

²² Там же Bd 7 S [6]

²³ *Schriften der Deutschen Gesellschaft in Leipzig Leipzig, 1730 Th 1 S 531*

²⁴ *Untersuchung Herrn Gottfried Benjamin Hanckes Weltlicher Gedichte angestellt von G F W J // Herrn von Hoffmannswaldau < > Gedichte Bd 7* Страницы не нумерованы

Направленное против поэта Бенямина Ганке (Hanske, ум. в 1750 году), оно состоит главным образом из построчного разбора его стихотворений, но содержит также и ряд теоретических положений. Само изложение Юнкера еще проникнуто характерным для галантной немецкой традиции духом изящного остроумия, который Юнкер мог усвоить у Менке и который будет вытравлен вскоре серьезностью и основательностью Готшета и его последователей. Вместе с тем для Юнкера в отличие от Менке «хороший вкус» и «разумное» начало в поэзии представляют уже главную и безусловную ценность, а проблема стиля — одну из основных проблем. В этом отношении трактат Юнкера сильно перекликается с подробным и наукообразным «Исследованием о хорошем вкусе» Кёнига,²⁵ и написан, скорее всего, в согласии с ним. Оба трактата отражают движение немецкой теории в сторону победительного (на этой стадии) рационализма. Авторитетами в немецкой поэзии для Юнкера служат Опиц, Каниц, Гюнтер, Бессер, К. Г. Гереус (Heraeus, 1671–1730) и с оговорками Нейкирх (лишь эти имена упоминаются в трактате), а Гофмансвальдау и Лээнштейн, которых еще ценит Менке и на которых уже обрушивается Кениг, Юнкером не упоминаются вовсе.

Том стихов, опубликованных Юнкером, представляет собой интерес как собрание образцов лейпцигского круга поэтов до проведенной Готшедом реформы литературы. Хотя сборник поделен на разделы, их определяет не жанровая принадлежность стихотворений, ее фактически нет, а повод их написания. Сборник отражает характерное для немецкой поэзии этого времени метрическое однообразие, все стихи написаны шестистопным или четырехстопным ямбом. Раздел подносных стихотворений составляют исключительно лобгедихте, с устоявшейся для них в Саксонии и в Пруссии формой — александрийский стих, иногда поделенный на строфы в шесть стихов. И лишь одна ода, попавшая в сборник, принадлежит Юнкеру. Правда, она, «петая в начале иллюминации» 3 августа 1727 года, вполне еще далека от классицистической оды.

Но ни этот сборник, ни другие издания Немецкого общества этих лет не говорят прямо об отношении Юнкера к Готшеду и его деятельности. С известной осторожностью о нем можно судить лишь по некоторым умолчаниям, — так сказать, от противного. Само по себе отсутствие каких-либо свидетельств о знакомстве Юнкера с Готшедом, между тем как они несомненно были хорошо знакомы, свидетельствует по крайней мере о сдержанном характере их отношений. О сдержанном отношении Юнкера к Готшеду может свидетельствовать место в «Исследовании о стихах Ганке», в котором говорится о достоинствах немецких сатир, переводных, подражательных и оригинальных. В поучение Ганке Юнкер подробно разбирает достоинство сатир Каница и Гюнтера и ни словом не упоминает переводные и подражательные сатиры Готшета, которые публикуются в сборнике. Других произведений Готшета в сборнике нет. То же молчание о Готшете отражает «немецкий список» Тредиаковского, что вызвало недоумение Пумпянского, предложившего этому свое объяс-

²⁵ Untersuchung von der Guten Geschmack in der Dicht- und Rede-Kunst ausgefertiget von Johann Ulrich König // Canitz Gedichte Leipzig, Berlin, 1727

нение.²⁶ Однако удивление было бы более оправдано, если бы Готшед в этом списке присутствовал. В то время Готшеда не называли в ряду не только лучших, но и вообще заметных поэтов.

Готшед, приехавший из Кёнигсберга в Лейпциг в самом начале 1724 года, был уже начинающим ученым и руководствовался в выборе места своего пристанища²⁷ прежде всего связью Лейпцига с рационалистической философией Хр. Томазиуса и Хр. Вольфа, приверженцем которой он был. Хотя в Кёнигсберге он принимал участие в поэтическом кружке И. В. Питча (1690–1733), его серьезное занятие поэзией, по словам биографа, началось в Лейпциге под воздействием того значения, которое придавали лейпцигские просветители литературе.²⁸ Здесь, в Лейпциге, став 1 марта 1724 года членом Поэтического общества, он попал под покровительство Менке, а вскоре занял лидирующее положение в Обществе. Личность и энергия Готшеда изменили соотношение сил в литературном и ученом кругу Лейпцига уже к 1727 году, в течение которого он реорганизовал Общество и начал выпускать литературно-теоретическое издание «Бидерманн» (*Der Bidermann*). К осени 1729 года он закончил свой знаменитый «Опыт критического рассмотрения поэзии» (*Versuch einer Critischen Dichtkunst*), за который сразу же получил звание профессора поэзии. Набирающий силу Готшед в Юнкере, когда-то первом среди молодых поэтов Лейпцига, мог вызывать ревность и раздражение. Мало кому известный сегодня Юнкер мог видеть в Готшеде своего соперника. Он, как мы знаем со слов Миллера, был избалован признанием и не мог, вероятно, подчиниться новому авторитету, противостоять же ему у него не хватило сил. Теоретические возможности Юнкера, продемонстрированные им в «Исследовании», не могут идти в сравнение с мощной теоретической базой признанного вскоре всеми лидера немецкого классицизма. А именно теория становится отныне прерогативой Немецкого общества. Умение же легко и изящно, «непринужденно» писать стихи, в чем Юнкер был, по-видимому, силен, Готшедом в отличие от Менке уже не ценилось. Соединение учености с подлинным знанием и ценительством поэзии, которое господствовало при Менке, при Готшеде сменилось высокопрофессиональным отношением к делу. Отныне в писании стихов подвизались чуть ли не все «академические» члены Общества, число которых с каждым годом прибывало главным образом за счет студентов и молодых преподавателей. В этой поставленной на поток поэтической продукции трудно различим голос подлинного поэта, которым, по всей справедливости, независимо от степени дарования мог считать себя Юнкер.

Об известной независимости в теоретических взглядах Юнкера от словесной теории Готшеда, а одновременно о его слабости как теоретика говорит его отношение к известному тогда еженедельнику «*Discours der Mahler*» (Рассуждение художников, 1721–1723), издаваемого швейцарскими теоретиками поэзии И. Бодмером (*Bodmer*, 1698–1783) и И. Брей-

²⁶ Пумпянский Л. В. Тредиаковский и немецкая школа разума. С. 179–180.

²⁷ Готшед покинул родной Кёнигсберг из опасения попасть в прусскую армию.

²⁸ *Danzel Th. Gottsched und seine Zeit*. S. 67.

тингером (Breitinger, 1701–1776). «Дискурс» был направлен против преобладания рационального в словесном искусстве и ориентации немецкой поэзии на чуждый ее духу французский классицизм. У Готшета, стоявшего на противоположной позиции, выступление швейцарцев вызвало ответный «Опыт критического рассмотрения поэзии», открывший существенную для истории немецкой поэзии полемику Готшета со швейцарцами. В этом контексте признание за швейцарским «Дискурсом» определенных теоретических заслуг, высказанное Юнкером в «Исследовании», свидетельствует не столько о его более широком, чем у Готшета, взгляде на поэзию, сколько о меньшей принципиальности и законченности системы взглядов.

Разногласиями с Готшедом, а может быть, и неприятием его личности, известной своей авторитарностью, объясняется, по-видимому, малое участие Юнкера в изданиях Немецкого общества 1728–1730 годов. Так, в изданном в 1730 году сборнике произведений членов Общества Юнкеру принадлежит лишь 2 стихотворения, тогда как некоторым его собратьям по Обществу — более 20.²⁹ Та же картина предстает в первом сборнике од Немецкого общества, среди 104 од которого мы находим всего три оды Юнкера.

Невозможно пока ответить на вопрос, почему Готшед в начальные годы своей деятельности такое внимание уделял оде. Два выпущенных им сборника од (в каждом по четыре книги) с интервалом в 10 лет,³⁰ собрание его собственных стихотворений, основу которого составляют более сотни од, его разбор оды Гюнтера и образцы переводов из Анакреона, помещенные в «Beiträge»,³¹ не говоря уже о разделе, посвященном оде в «Опыте...», свидетельствуют о несомненном преимущественном интересе к этому жанру. Тема «Готшед и ода», важная для истории русской и незначительная для истории немецкой поэзии, не освещена в немецкой науке. Однако предисловия Готшета к сборникам од Общества и к собственным одам, указанные статьи в «Beiträge» и «Опыте», а также статьи из лексикона Цедлера об оде, Буало, Пиндаре, Горации, написанные членами Общества,³² выявляют весьма стройную и не противоречащую себе ни в чем теорию оды Готшета. Именно Готшедом была разработана для немецкой поэзии (с учетом опыта Гюнтера и Бессера) так называемая пиндарическая ода, узаконенная французским классицизмом, прежде всего в «Рассуждении об оде» (1693) Буало. Это включало в себя усвоение ее формы: строфы в 10 стихов четырехстопного ямба с установкой на звучность и энергию стиха, достигавшуюся дли-

²⁹ Schriften der Deutschen Gesellschaft in Leipzig Юнкеру принадлежит в нем похвальное стихотворение (с. 242–244) и стихотворение на смерть Фр М Динглингера (с. 272–274)

³⁰ 1) Oden der Deutschen Gesellschaft in Leipzig In vier Bucher abgeteilet Leipzig, bey J F Gleditschens sel Sohn Anno, 1728, 2) Der Deutschen Gesellschaft in Leipzig Oden und Cantaten in vier Buchern Leipzig, bey B Ch Breitkopf, 1738

³¹ Beytrage zur kritischen Historie der deutschen Sprache, Poesie und Beredsamkeit Bd 5 Leipzig, 1737

³² Grosses universal Lexicon aller Wissenschaften und Kunste Halle, Leipzig, bey I Chr Zedler, Halle, Leipzig, 1734–1741 Bd 8–11

ной периодов с частыми внутри них обращениями, восклицаниями, вопросами, а также наполнение ее политическим содержанием, заключающимся в похвале государству и утверждении гражданственных идеалов. Основу первого одического сборника Общества 1728 года составляют как раз героические (похвальные) оды. Если учесть, что 104 оды первого сборника писались и обсуждались (обсуждение было главным занятием на еженедельных заседаниях Общества) в течение одного года, можно представить себе ту одическую лихорадку, которую переживал Лейпциг в 1728 году! Однако героических од Юнкера в сборнике нет, ему принадлежит лишь одна промоционная (на получение степени) и две медитативные оды: «Der Ehrgeiz» (Честолюбие) и «Die Wollust» (Наслаждение),³³ проникнутые духом горацианства. Это тоже, возможно, связано с некоторой дистанцированностью Юнкера в отношении поэтического направления Общества.

Издание тома Гофмансвальдау было, по-видимому, вершиной литературной деятельности Юнкера. Предполагаемая нами холодность в отношениях Юнкера с Готшедом могла послужить причиной скорого его отъезда из Лейпцига, оказавшегося во власти Готшеда. Однако связи с Обществом Юнкер полностью не прерывал, и уже из России он посылал для его изданий свои стихи и оды.³⁴

По-видимому, в 1727–1728 годах он оканчивает университет. По условиям времени Юнкер мог претендовать либо на место при дворе, либо на место в университете. Последнее, как кажется, было исключено после легкомысленного обучения Юнкера в университете, о котором мы знаем от Миллера. Поэтому очень правдоподобно, что Юнкер пробует свои силы при курфюрстском дворе в Дрездене, при котором наряду с должностным придворным поэтом Кёнигом находили себе покровительство разного рода литераторы и артисты. Летом 1727 года он едет в Дрезден к Кёнигу³⁵ и вместе с ним готовит иллюминацию 3 августа 1727 года, к которой пишет похвальные стихи и оду, опубликованные в 7-м томе Гофмансвальдау. Предположение Миллера о конфликте Юнкера с Кёнигом («Вероятно, (выделено мной.— Н А) г. Кёниг должен был увидеть его (Юнкера.— Н А) превосходство, что пробудило в нем (Кёниге.— Н А) ревность, зависть, ненависть...»³⁶), разделенное Пумпянским, не имеет под собой достаточных оснований. Никакими сведениями о разладе Кёнига и Юнкера мы не располагаем. Напротив, Юнкер, как мы видели, щедро публикует стихи дрезденского поэта в сборнике

³³ Oden der Deutschen Gesellschaft in Leipzig Bd IV S 343–345, 386–388, 389–391

³⁴ Во второй части сборника «Schriften der Deutschen Gesellschaft in Leipzig» (Leipzig, 1734 Th 2 S 195–199) помещена идиллия Юнкера «Schafergedichte bey der Kirchbach- und Vitzthumlischen Vermählung», во втором одическом сборнике (Der Deutschen Gesellschaft in Leipzig Oden und Cantaten) 1738 года — одна кантата и три оды Юнкера, в том числе курфюрсту Августу III (с 21–24), об отдельном издании которой говорит Пекарский (*Пекарский П* Указ соч С 484) и петербургская ода на новый 1736 год (с. 32–34)

³⁵ О поездке Юнкера в Дрезден говорит Миллер (*Миллер Г-Ф* Указ соч С 208) со слов Юнкера

³⁶ «Wahrscheinlich, muss hr König an ihm seinen meister gefunden haben, welches bei ihm eifersucht, neid, hass erweckt hat » (*Миллер Г-Ф* Указ соч С 208)

и в согласии с его «Исследованием о хорошем вкусе» создает свое «Исследование» Через несколько лет, уже из России, он обратится к Кенигу с дружеским посланием, написанным, между прочим, в форме оды Это самое автобиографичное произведение Юнкера, проникнуто таким доверием к старшему поэту, он так откровенно рисует в нем уклад своей петербургской жизни, свою тоску и одиночество, что трудно говорить на его основании о дистанции между учеником и учителем Скорее, это дружба равных, пусть и разных по возрасту и положению поэтов

Du allerbesten Freund auf Erden!
Ich weiss, dass sich dein Mitleid regt,
Doch, sey nicht mehr von mir bewegt ³⁷

(Ты лучший из друзей на земле! / Я знаю, что ты движим состраданием, / Однако более не беспокойся обо мне)

Вывод Пумпянского на основании стиха «Ich weiss Dir nicht mehr nachzusingen» (Я не могу более петь вослед тебе) об ученичестве Юнкера ³⁸ представляется поспешным, поскольку во всем послании говорится об угасании поэтического дара «на брегах холодной Невы», и приведенные Пумпянским строки заключают жалобы на невозможность соответствовать прежнему поэтическому союзу

В Дрездене Юнкер не остается Его успеху при дворе (если он и вправду претендовал там на место) мог помешать Ганке, уничтожающий разбор произведений которого продиктован, возможно, отчасти личными отношениями Имя Ганке известно историку русской литературы по первому поэтическому произведению, опубликованному в «Примечаниях на Санктпетербургские ведомости» по причине его «курьезности» ³⁹ Свои сервилльные стихи, вызвавшие смех в Петербурге, Ганке читал королю в октябре 1729 года, но нет сомнения, что подобные опыты он производил и ранее Очень вероятно, что статья Юнкера была либо инспирирована Кенигом, которому как официальному придворному поэту Ганке мог мешать своим стихотворным лебезием, пользовавшимся снисходительностью короля, либо была вызвана личным неудовольствием Юнкера перебежавшим ему дорогу акцизным секретарем

Неудача в Дрездене привела Юнкера в Берлин, где, возможно, он также надеялся найти покровительство за счет своего поэтического дара Это предположение отчасти подтверждает его похвальное стихотворение графу Брюлю (1730), написанное уже под влиянием Готшета в форме оды ⁴⁰ Здесь в Берлине в конце июня—начале июля 1731 года его нашел Миллер в бедственном состоянии в доме книгоиздателя Амбросия Хау-

³⁷ Poetischen Schreiben Herrn Junkers aus Petersburg // König J U Gedichte Leipzig, 1745 S 616

³⁸ Пумпянский Л В Третьяковский и немецкая школа разума С 179

³⁹ Об этой публикации и переводчике стихов Ганке см Берков П Н Из истории русской поэзии первой половины XVIII века // XVIII век Сб статей и материалов М, Л, 1935 [Вып 1] С 70–81

⁴⁰ Glückwünschener Zuruff an Sel Excellens Hn Heinrichen von Bruhl // Schriften der Deutschen Gesellschaft in Leipzig Leipzig, 1730 Th 1 S 242–244

де⁴¹ за составлением разговоров в царстве мертвых⁴² Речь идет о «Разговорах в царстве мертвых», очень популярном в Германии XVIII века периодическом издании, в котором в увлекательной форме излагалась история всех времен и народов⁴³ Их автором был известный в то время историк и историограф Давид Фассман (1683–1744) По словам Миллера, «как раз в это время Фассман исчез», и «их издатель Амбросий Хауде был вынужден заменить его Юнкером» В 1726–1731 годах Фассман находился на службе у короля Фридриха Вильгельма I в числе членов так называемой Табачной коллегии (Tabakskollegium) и жил в Берлине, но в 1731 году с упразднением коллегии он покинул столицу⁴⁴ Издателем «Разговоров» был не известный берлинский книгоиздатель Амбросий Хауде, а его брат Иоганн Хауде, проживавший, по-видимому, в Лейпциге, где выходило издание⁴⁵ Миллер упоминает пятую и шестую части издания, посвященные истории Турции, автором которых был Юнкер Эта работа определила, вероятно, дальнейший интерес Юнкера к этнографии и истории, который проявился уже в Петербурге⁴⁶ Помня и, вероятно, страшась судьбы Гюнтера и уже начиная в чем-то повторять ее, по крайней мере своей неустроенностью, Юнкер, забыв свои прежние честолюбивые мечты, умолял Миллера устроить его домашним учителем в далекой России⁴⁷

Юнкер прибыл в Петербург с последней навигацией 1731 года и, представленный И -Д Шумахеру, был оставлен им при Академии наук Незадолго до этого в Академии начались работы по подготовке иллюминации и фейерверка к торжественному въезду императрицы Анны Иоанновны в Петербург Вновь прибывшему поэту сразу же была поручена подготовка проекта этого зрелища Как мы теперь знаем, некоторый опыт в составлении проектов у Юнкера уже был, поскольку он непосредственно участвовал в подготовке иллюминации 3 августа 1727 года в Дрездене Тог-

• ⁴¹ В 1730 году А Хауде проживал в доме г фон Барделебена по адресу угол Шпандау штрассе и Нагелштрассе (*Widdecke E Geschichte der Haude und Spenerschen Zeitung Berlin, 1925 S 38*)

⁴² П П Пекарский неверно указывает, что Миллер застал Юнкера в Лейпциге в 1730 году (*Пекарский П Указ соч Т I С 480*), сам Миллер говорит, что Юнкер разыскал его, когда тот был в Берлине (*Миллер Г-Ф Указ соч С 208*), т е между 28 июня и 13 июля 1731 года (Там же С 206, 210)

⁴³ *Gesprache in dem Reiche derer Todten Leipzig, verlegte Wolfgang Deer unter Herrn Johann Schwabens Haude* Это издание, выходившее в год 8 тетрадами, в каждой из которых был помещен отдельный «Разговор», имело многочисленные подражания, а после смерти Д Фассмана — продолжение Однако полный комплект «Разговоров» Фассмана, вероятно очень редок Даже каталог «*Gesamtverzeichnis des deutschsprachige Schrifttums*», составленный на основе коллекций Мюнхена, Нью Йорка Парижа и Лондона, фиксирует лишь отдельные выпуски «*Gesprache*» (GV T 46) В Петербургских библиотеках (БАН, РНБ) хранится относительно богатое собрание «Разговоров», однако те выпуски, в которых мог принимать участие Юнкер, т е 1728–1731 годы, как раз отсутствуют

⁴⁴ *Allgemeine Deutsche Biographie Leipzig, 1877 Bd 6 S 580*

⁴⁵ О книгоиздательстве Хауде см *Widdecke E Geschichte der Haude- und Spenerschen Zeitung*

⁴⁶ См *Пекарский П Указ соч Т I С 490* О его читательских интересах см *Хомеев Л И Немцы — читатели библиотеки Петербургской академии наук 1724–1736 годы // Немцы в России Петербургские немцы СПб, 1999 С 23*

⁴⁷ *Миллер Г-Ф Указ соч С 208*

да, правда, участие могло ограничиваться стихами и одой, опубликованными им в томе Гофмансвальдау, и наблюдением за работой по составлению проекта Кёнига. Теперь Юнкеру самому приходилось обдумывать идею действия, его план и композицию. 16 ноября проект был уже готов, и в тот же день его автор был произведен в адъюнкты Академии наук. Начало зимы ушло на составление проектов иллюминаций и фейерверков к 28 января 1732 года (день рождения императрицы) и 3 февраля (день ее тезоименитства). Все три устроенных Юнкером празднества в Академии наук и при дворе были приняты восторженно, а их «описание превзошло все ожидания». ⁴⁸ Уже велись переговоры о представлении Юнкера ко двору, но оно по неизвестным причинам не состоялось. Успех проектов и описаний иллюминаций и фейерверков Юнкера, очевидно, и определил невероятный «случай» Юнкера с первых его шагов в Петербурге, о котором говорит Миллер. Место в Академии и известность его при дворе были прежде всего следствием его работы над проектами, о чем говорят, в частности, даты его возвышения, и уже во вторую очередь — успехом его стихотворений в академической среде, о котором говорит Миллер. ⁴⁹

Неожиданный начальный взлет Юнкера зимой 1731/32 года свидетельствует о том, что искусство иллюминации и фейерверка сделалось в этот период времени чрезвычайно актуальным, что объясняется стремлением русского двора изменить после пяти лет безвременья свой статус. Возвращение императорской резиденции в Петербург и приезд нового инвентора Юнкера счастливо совпали. Вместе с тем мастерство в этом искусстве Юнкера, должно быть, много превосходило возможности прежних инвенторов и отвечало желаниям заказчиков. Сравнение характера иллюминаций и фейерверков Юнкера с иллюминациями его предшественников затруднено отсутствием изданий описаний в послепетровское время. По сохранившимся «Супплементам» и упоминаниям в «Описании коронации» иллюминации и фейерверка, представленных на коронации императрицы Анны 28 апреля 1730 года, ⁵⁰ можно говорить об относительной скромности и простоте этих зрелищ в сравнении с фейерверками Петровского времени и юнкеровскими. Необходимо, правда, учитывать, что роскошь иллюминации и фейерверка прямо зависела от средств, которые выделяли на них заказчики. Январские «великие» иллюминации 1732 года щедро ассигновались Академией, поскольку, как пишет Миллер, президент Л. Блюментрост, боявшийся своего падения, надеялся ими задобрить императрицу. ⁵¹ Но не только богатством определялась «великость» иллюминации, требовалось немало искусства выстроить все представление, разворачивавшееся в пространстве и во времени, сделать его цельным и при этом разнообразным. Для этого необходима была центральная идея и ее детальная разработка

⁴⁸ Там же С 215

⁴⁹ Там же С 214

⁵⁰ Описание коронации е и в < > Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля 1730 года М., печ при Сенате, 1730

⁵¹ Миллер Г-Ф Указ соч С 245

Проекты Юнкера превосходили проекты предшественников (И-С Бекенштейна и Г-З Байера⁵²) не только благодаря мастерству инвентора, не жалевшего на них своих сил, но и благодаря положенной в основу их идеи

Уже иллюминация Юнкера 16 января 1732 года пронизана идеей государственного благополучия «Благополучие Российского государства» названо в «Описании» «главным делом», вокруг которого строится все действие, призванное представить «храм благополучия Российского государства»⁵³ На это направлены все аллегории и эмблемы, обыгрывающие условия государственного благополучия «веселие народа», «верность престолу», «полечение об обществе», «тишина государства», «кораблеплавание», «красота и слава» Одной из центральных статуй, стоявших возле пирамиды, символизировавшей «веселие народа», была статуя «Политики», так переведена *die Staats-Klugheit* (государственное благоразумие) Ее аллегорическое изображение подробно разъяснено Описание пирамиды и статуи заключено стихами в 20 строк шестистопного ямба, восхваляющими Российское государство, где *die Staats-Klugheit* снова переведена «политикой» («*die Staats-Klugheit hebt hier, zur Rechten* » — На правой стороне политика стоит⁵⁴) Похвала государственной мудрости или политики распадается на похвалу внешней политики и похвалу внутренней политики Последней отведен целый план иллюминации на транспарантах значится 7 указов первых двух лет царствования⁵⁵ В центральном стихотворении, не имеющем в немецком оригинале названия (в русском переводе — «Дедикация» — посвящение), дается характеристика русского государства

Та же государственная идея лежит в основе других сохранившихся «изъяснений» Юнкера Всего известно четыре описания Юнкера 1732–1734 годов и одно 1737 года Их было больше, по всей видимости, им составлялись проекты и описания всех иллюминаций и фейерверков 1732–1734 годов В них Юнкером неизменно прославлялась Россия и была намечена целая система государственных ценностей, к которой восходят многие «общие места» русской государственной литературы, прежде всего торжественной оды

Государственное содержание иллюминаций и фейерверков Юнкера в условиях смены политического курса было высоко ценным новаторством После смерти Петра Великого государственный панегирик был забыт, и монархи даже Феофаном Прокоповичем прославлялись не как вла-

⁵² Миллер Г-Ф Там же С 214

⁵³ Описание оных торжественных учреждений < > на прибытие е и в < > в Петербург // Примечания на ведомости 1732 Ч 1 С 123–176

⁵⁴ Так же переводит Ломоносов 270-й стих «Венчанной надежды» Юнкера (*Die Staats-Kunst sieh zwar weit doch denckt sie zweifelhaft*) Политика зрит в даль, но слаб ее совет (Сочинения М В Ломоносова с объясн примеч акад М И Сухомлинова СПб, 1891 Т I С 84–85)

⁵⁵ Впоследствии такая схема похвалы внутренних установлениям со ссылкой на указы (в немецком оригинале — Ukas) будет повторена Штелином — в оде 1738 г (*Der herrliche Glantz der Russischen Kayser-Krone am hohen Kronungs-Feste St Petersburg, den 28 April 1738*) где даются подстрочные примечания с перечислением указов

детели великого государства, а как идеальные Божии помазанники⁵⁶ Прямому прославлению Российского государства в панегириках 1726–1731 годов не было места Возрождение после смерти Петра Великого государственного панегирика и стало, по-видимому, главной заслугой Юнкера, ценимой при дворе

Точнее говорить не просто о возрождении, но и о заметном усилении и, во всяком случае, о новой огласовке звучания государственной идеи у Юнкера Политическое содержание фейерверков и иллюминаций Юнкера восходит к политическому учению Хр Вайзе, лежащему в основе идеологии немецкой придворной школы Так, у Вайзе заимствовано Юнкером центральное в его философии государства и права понятие «die Staats-Klugheit», которому посвящен третий раздел трактата «Политические вопросы, или основательное известие о политике» «Von der Politische Staats-Klugheit» («О политическом государственном благоразумии»)⁵⁷ Поскольку эта категория была для немецкой культуры новой, Вайзе поясняет ее французским «Raison d'Etat» и латинским «Ratio Status»⁵⁸

В России слово «политика», вошедшее в обиход еще в Петровское время, не имело определенного закрепленного за ним значения Поэтому, когда в апреле 1734 года Юнкер за свои заслуги инвентора был пожалован званием профессора политики, императрица, от которой исходил указ (вопреки обычным правилам),⁵⁹ могла иметь в виду ту «политику» (государственную пропаганду), которой занимался Юнкер Для немецких же профессоров, воспринимавших «политику» как философскую дисциплину, это звание казалось нелепым⁶⁰ Но уже в 1738 году понятие «политика» у русских стало прочно ассоциироваться с устройением государственных празднеств Так, для Михаила Собакина совершенно естественно, что «действие Политики — Управляти торжества в праздники велики»⁶¹

Описание иллюминации и фейерверка представляло собой особый род литературы, в который входили помимо словесного описания внешнего вида и расположения статуй, пирамид и других фигур, представленных на планах, краткие девизы к ним, помещавшиеся на транспарантах, иногда их объяснение Необходимой частью описаний иллюминаций и фейер-

⁵⁶ [Феофан Прокопович] 1) Ad augustissimum totius russiae imperatorem Petrum II Cum Mosquam tenderet insignia regni Capessures, 2) Слово в день вшествия на всероссийский престол < > имп Анны Иоанновны < > О том, что царская власть собственным промыслом божим получается Проповеданное Феофаном архиепископом Новгородским [СПб, 1733] О содержании коронационного слова Феофана можно судить по краткому экстракту из него, помещенному в Описании коронации е и в < > Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля 1730 года См также стихи Феофана имп Анне Феофан Прокопович Сочинения Л, 1961 С 217–220

⁵⁷ Weise Chr Politischen Fragen, das ist Grundliche Nachricht von der Politica Dresden, Leipzig, 1710

⁵⁸ Ibid S 410

⁵⁹ Указ от 28 марта 1734 года См Пекарский П Указ соч Т I С 483

⁶⁰ В результате обсуждения этого звания академиками на заседании 25 ноября 1734 года оно было заменено «профессором поэзии» (Там же С 484) Сам Юнкер неизменно подписывал свои стихи первым званием

⁶¹ [Собакин Михаил] Совет Добродетелей о поздравлении всеавгустейшей персоны е и в Анны Иоанновны < > чрез Михайла Собакина, Шляхетнаго корпуса подпрапорщика [СПб, 1738] С 2

верков являлось своего рода вступление к собственно описанию, в котором излагалась основная идея представления, иногда рассказывалось о значении отмечаемого праздника. Отличительной особенностью юнкеровских описаний в сравнении с другими петербургскими описаниями, с более поздними (Я. Штелина, Хр. Гольдбаха и Ломоносова) и с более ранними (Петровской эпохи), состоит в помещенном в начале описания пространном стихотворении. Как мы знаем благодаря знакомству с иллюминационными стихами Юнкера 3 августа 1727 года, эта традиция была вывезена им из Дрездена. Стихотворением, похожим на дрезденское, открывается описание иллюминации 28 апреля 1732 года.⁶²

Вскоре Юнкер заменил вступительное похвальное стихотворение вступительной одой. Первая ода открывает иллюминацию 28 января 1733 года.⁶³ Всего сохранилось четыре иллюминационные оды Юнкера,⁶⁴ но было их несомненно больше (часть из них пропала вместе с описаниями). Уже летом 1734 года Тредиаковский называет «пять-шесть Од», «чрез» которые он «ведал искусство» в этом жанре «господина Юнкера»,⁶⁵ имея в виду его иллюминационные оды, поскольку именно их переводами он занимался. Много позднее он напомним президенту Академии наук К. Г. Разумовскому, что «переводил все покойного Юнкера оды». ⁶⁶ Переводы Тредиаковского помещались в русском варианте «Описаний». Другие стихотворения Юнкера, за исключением позднего похвального стихотворения «Die gekrönte Hoffnung» (1742), переведенного Ломоносовым, переводу не подлежали.

Между тем в 1733 году Юнкер написал целый ряд похвальных стихотворений: эпиталамическое стихотворение на брак свояченицы Бирона, Брауншвейгскому герцогу Антону Ульриху, принцессе Анне Леопольдовне и президенту Академии наук Г. К. Кайзерлингу.⁶⁷ Их имели в виду П. П. Пекарский и Л. В. Пумпянский, говоря об одах Юнкера.⁶⁸ Однако все они, написанные длинным стихом, не поделенным на строфы, не могут быть

⁶² Kurze Beschreibung der Illumination welche den 28 April 1732 [СПб, 1732]

⁶³ Beschreibung der grossen Illumination welche den 28 Jan 1733 < > vorgestellt worden [SPb, 1733]

⁶⁴ Они напечатаны в изд. 1) Beschreibung der grossen Illumination welche den 28 Jan 1733 < > vorgestellt worden [SPb, 1733], 2) Kurze Beschreibung desjenigen Feuer-Werckes welches den 28 Jan 1734 < > abgebrannt worden [SPb, 1734], 3) Kurze Nachricht von dem Feuer-Wercke welches den 28 April 1734 < > vorgestellt worden [SPb, 1734], Kurze Erkларung des Lust-Feurs welches den 28sten Januarii 1737 < > vorgestellt worden [SPb, 1737]

⁶⁵ Тредиаковский В К Рассуждение о оде вообще СПб, 1734 С [30]

⁶⁶ Письмо К Г Разумовскому от 8 марта 1751 года // Москвитянин 1849 № 4 Отд III С 178

⁶⁷ Все эти стихотворения выходили отдельными изданиями, экземпляры которых хранятся в СПбФ АРАН (разр VI, оп 1, № 683–685) и в БАН Стихи Антону Ульриху, отд изд — Als durchlauchtigste Furst und Herr, Herr Anton Ulrich Hertzog zu Braunschweig und Luneburg etc etc den 1 Jun 1733 Die kayserliche Academie der wissenschaftten und Kunst-kammer in St Petersburg mit dero hohen Gegenwart beehren [СПб, 1733] и стихи Анне Леопольдовне в «Сводном каталоге книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке» (Л, 1975 Т 2 Н-Р, в дальнейшем — СКИК) не зафиксированы, их местонахождение СПбФ АРАН, разр VI, оп 1 № 683, л 85–86 и № 684, л 201

⁶⁸ Пекарский П Указ соч Т I С 482, Пумпянский Л В 1) Ломоносов и немецкая школа разума С 34, 2) Тредиаковский и немецкая школа разума С 177

отнесены к одам Не называют их одами ни Третьяковский, как видно из приведенной цитаты («переводил все оды»), ни позднее Миллер⁶⁹ Три первых стихотворения написаны в соответствии с придворной школой шестистопным ямбом, стихотворение Кайзерлингу — восьмистопным хореем⁷⁰ Этот размер, давно забытый в Лейпциге, по-видимому, дань вкусу адресата, для которого этот стих должен был звучать привычнее Подавляющая часть немецких похвальных стихотворений в Петербурге 1720–1730-х годов писалась этим тяжеловесным витиеватым размером Юнкеру этот размер едва ли доставил удовольствие, поскольку отказ от него был одним из главных версификационных достижений придворной школы

Та же инерция восприятия немецких стихов в Академии наук и при дворе определила, по-видимому, то, что новаторский для немецкой поэзии жанр оды не нашел в начальные годы пребывания Юнкера поддержки при русском дворе Свое первое в России стихотворное произведение Юнкер создал в форме оды сразу же по приезде в Россию «Ode» на новый 1732 год, первая известная классицистическая (пиндарическая) ода в России, напечатанная анонимно в немецком и в русском вариантах «Примечаний на Санктпетербургские ведомости»,⁷¹ очевидно, осталась незамеченной В течение следующих трех лет, в которые Юнкер был признанным придворным поэтом в Петербурге, он не опубликовал ни одной оды и лишь в «Описаниях» обращался к этому жанру Только к новому 1735 году им была написана вторая петербургская ода,⁷² а к новому 1736 году — третья⁷³ За эти четыре года отношение к новому для России жанру торжественной оды в новой для русских (включая сюда и русских немцев) форме французской классицистической оды (пиндарической, по определению Буало) существенно изменилось И в этом повороте русского общества к новому жанру большую роль сыграли иллюминационные оды Юнкера

Внутри Академии наук Юнкера ценили не только как исправного инвентора, готового «взяться,— по словам Миллера,— за все», и прежде всего за подготовку в короткий срок проектов и описаний, но и как поэта «С появлением Юнкера, явился вдруг Гюнтер, Пич, Каниц, прирожденный, а не искусством и прилежанием сделавшийся поэт»⁷⁴ Здесь снова,

⁶⁹ Миллер Г-Ф Указ соч С 293, 299

⁷⁰ Об этом стихе см *Пумпянский Л В Третьяковский и немецкая школа разума* С 183–184

⁷¹ Anmerkungen über die Zeitung 1732 T I S 3–7, Примечания на Санкт-Петербургские ведомости 1732 Ч I С 3–7 Ее перевел на русский, по-видимому, М Шванвиц

⁷² Она опубликована Anmerkungen über die Zeit 1735 T I S 3–7 Ее русский перевод, выполненный Третьяковским Примечания на ведомости Ч I С 3–7

⁷³ Ode worin der allerdurchlauchtigsten grossmachtigsten Fürstin < > Anna Ioannowna Kayserin und Selbsthalterin von allen Reussen etc beym Eintritt in das 1736ste Jahr in allerunterthanigst gluckwunschet Gottlob Friedrich Wilhelm Juncker [SPb, 1736] (СКИК, № 1481) Исследователи петербургской немецкой оды ее не учитывают, ошибочно полагая, что Юнкеру принадлежит другая новогодняя ода — Allerunterthanigster Gluck-Wunsch in einer Ode an Ihre Kayserl Maj Anna Ioannowna < > zum Eintritt des 1736sten Jahres auss von der Academie der Wissenschaften SPb, [1736], которая в действительности принадлежит Штелину

⁷⁴ Миллер Г-Ф Указ соч С 214 Ироничный тон перевода этого места, приведенного Пекарским (*Пекарский П Указ соч Т I С 481*), мешает отнестись к свидетельству Миллера серьезно В словах Миллера, естественно, нет и тени пренебрежения

как и раньше, Миллер сравнивает Юнкера с лучшими поэтами эпохи и снова подчеркивает врожденный характер его гения, чуть раньше он говорит о присущем стихам Юнкера «великом остроумии» (*vieler Witz*).⁷⁵ Сам Миллер, на протяжении всей жизни интересовавшийся немецкой и русской поэзией, высоко ценил творчество Юнкера и сожалел о несостоявшемся издании его стихотворений, которое не успел подготовить И.-Г. Бок, умерший в 1760 году.⁷⁶ Ему Миллер отправил «много материалов» Юнкера, затерявшихся в Кёнигсберге. По свидетельству Миллера, Юнкером было написано в Петербурге множество стихотворений на самые разные случаи. Известные нам официальные стихотворения поэта, сохранившиеся благодаря публикациям, составляют, очевидно, лишь незначительную часть его творчества петербургского периода. Ценители поэзии в стенах Академии наук не могли не чувствовать в Юнкере подлинного поэта и не только в сравнении с прежними авторами, волею-неволею вынужденными прибегать к сложению похвальных стихов. Поэтическое дарование Юнкера, замеченное еще в Лейпциге и в Дрездене, в Петербурге могло только выиграть в своей привлекательности. К тому же Юнкер приехал из Лейпцига, своего рода литературной столицы Германии (*petit Paris*, как определит его позднее Гёте), с лучшими поэтами эпохи он был лично знаком (Кёнигом, Менке, вероятно, Бессером, жившим в Дрездене) и в новейшем движении теоретической мысли принимал личное участие. Все литературные новости и события известны были ему из первых рук. Для тех, кто интересовался немецкой поэзией, это не могло не быть притягательным. Глубокое знание поэзии в Юнкере сочеталось с общительностью (об этом говорит Миллер), позволявшей ему быть приятным собеседником, с удовольствием говорившим на интересные ему темы. Среди тех, для кого немецкая поэзия представляла интерес, был Шумахер. Литературные вкусы Шумахера еще не подвергались специальному исследованию, хотя они этого заслуживают, уже потому, что ни от кого, более чем от Шумахера, не зависела литературная политика Академии наук. Единственный из петербургских академиков, получивший специальное поэтическое образование,⁷⁷ Шумахер испытывал интерес не только к немецкой, но и к русской литературе, оказывая благоволение Третьяковскому после успеха «Езды в остров Любви» и Ломоносову после триумфа его од. Мы располагаем единственным документом, в котором дана зарисовка литературной жизни в Академии наук начала 1730-х годов и роли в ней Юнкера.

В письме от 1 июня 1733 года Третьяковского к Шумахеру⁷⁸ речь идет о только что состоявшейся беседе с «людьми даровитыми и академиками» о поэзии и о новом лирическом состоянии «восторга» и «исступления» (*extase, la violense*, письмо писано по-французски), связанного с те-

⁷⁵ П. П. Пекарский переводит это место «множество острог», не учитывая, по-видимому, того, что «остроумие» было в эту эпоху важной категорией немецкой эстетики.

⁷⁶ Миллер Г.-Ф. Указ. соч. С. 247.

⁷⁷ В 1711 г. при окончании Страсбургского университета он получил звание магистра поэзии и *laurea poetica* (Пекарский П. Указ. соч. Т. I. С. 16).

⁷⁸ Оно опубликовано Пекарским (Там же. Т. I. С. 41–42).

орией классицистической оды Одним из «даровитых людей» в компании Шумахера несомненно должен был быть Юнкер, раскрывавший перед собеседниками тайны новой лирики, пиндарической оды, изложенные в «Рассуждение о оде» Буало и исследуемые теперь Немецким обществом В результате этой беседы Шумахер, восторженно, очевидно, внимавший рассказам Юнкера, предложил Третьяковскому создать на русском языке подобные «стихи», т. е. пиндарическую оду Пока, летом 1733 года, Третьяковский был к этому еще не готов и изящно уклонился от поручения Письмо Третьяковского свидетельствует, во-первых, о внимании к новой теории лирики и к новому жанру пиндарической оды в академической среде, а во-вторых, открывает роль Юнкера и Шумахера в создании новой русской оды Спустя год с небольшим Третьяковский создает пиндарическую оду «На сдачу города Гданска» и «Рассуждение о оде вообще» (1734) Роскошное издание труда Третьяковского и перевод его на немецкий язык Юнкера служат дополнительным доказательством участия и заинтересованности бывших собеседников — Шумахера и Юнкера — в предпринятом русским поэтом деле

Спустя полгода после выступления с одой Третьяковского Юнкер покинул Петербург, чтобы вместе с фельдмаршалом Б. Минихом участвовать в польском, а затем крымском походах.⁷⁹ Вернувшись в столицу в конце 1735 года, он застал в ней уже Штелина, специального приглашенного из Лейпцига на смену Юнкеру для составления проектов иллюминаций Из чувства соревнования с этим скучного дарования поэтом он написал к новому 1736 году оду «Время» и поднес ее императрице.⁸⁰ А спустя год, когда Юнкер снова оказался в Петербурге, императрица пожелала, чтобы описание иллюминации и фейерверка 28 января 1737 года «взято б было от господина профессора Юнгора», выказывая тем свое предпочтение его искусству.⁸¹ В этом январе Юнкер переживал очередной свой триумф при дворе, вызванный его рассуждением об улучшении работы Бахмутских соляных копий.⁸² По указу от 26 августа 1737 года Юнкер был отставлен от Академии наук и назначался «каморным советником Бахмутских соляных заводов»,⁸³ что предоставляло ему завидное богатство⁸⁴ и свободу В конце 1737 года он уехал в Германию «для обозрения тамошних учреждений по соляной части»,⁸⁵ где летом 1739 года во Фрейбурге встретался с Ломоносовым По возвращении в Россию в конце 1739 года Юнкер уже не выступал в роли инвентора и официального поэта Однако связи с Академией наук им не прерывались 29 апреля 1742 года, пережив крушение своего патрона Миниха, и в беспокойстве от недобрых слухов о судьбе немецких академиков в новое царствование, в праздничном Академиче-

⁷⁹ Миних выехал из Петербурга 20 февраля 1735 г. (СПб ведомости 1735 № 15) с многочисленной свитой, в числе которой и был Юнкер

⁸⁰ Ее выходные данные см. в сноске 73. О републикации ее во втором одическом сборнике Общества см. сноску 34

⁸¹ Материалы для истории Имп. Академии наук. СПб., 1886. Т. III. С. 308

⁸² Миллер Г.-Ф. Указ соч. С. 451

⁸³ Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. III. С. 472

⁸⁴ Пекарский П. Указ соч. Т. I. С. 486–487

⁸⁵ Там же

ском собрании он читал свое похвальное стихотворение «Die Gekrönte Hoffnung», изданное тогда же в переводе Ломоносова.⁸⁶ Знаменательно, что это стихотворение, на которое Юнкер возлагал, очевидно, большие надежды, написано в форме лобгедихте, а не оды, оставшейся, вероятно, в его восприятии более литературным, чем официальным жанром. По-видимому, до конца своих дней (он умер 11 ноября 1746 года в Петербурге) Юнкер продолжает быть неофициально связанным с Академией. В 1743 году его просили подготовить надписи для украшения нового конференц-зала Академии наук.⁸⁷ И это последнее известие о Юнкере.

Необычная и оставшаяся полузабытой в истории русской литературы поэтическая судьба Юнкера предоставляет богатый материал для размышлений о характере литературных взаимосвязей и роли случайного и не случайного в их установлении. Даровитый поэт, вытесненный из своего окружения нуждой и литературной борьбой, оказался в Петербурге совершенно случайно. И здесь из всего спектра его литературных возможностей, знаний и умений было воспринято только и именно то, что было актуальным в данный момент для развития русской поэзии и культуры. И это оказалось вовсе не тем, чем Юнкер превосходил своих товарищей по Немецкому обществу. Его искусство в жанрах легкой поэзии и в поэтическом переводе, которым он мог гордиться, здесь постепенно ветшало (о чем говорится в послании Кёнигу). Разного рода стихи, сочиняемые Юнкером в большом числе по заказу академиков, были, вероятно, ниже его возможностей и носили узко корпоративный характер. Не представляли здесь также интереса и теоретические взгляды Юнкера на проблемы нового стиля немецкой поэзии. Вместе с тем то, чем он владел как обычный представитель литературной культуры придворной школы — составление проектов, — получило поддержку и повлияло на развитие русской государственной придворной культуры, а то, к чему он был причастен как член Немецкого общества — новая немецкая классицистическая ода, — повлияло на дальнейшее развитие русской лирики. Однако дарование Юнкера, лишь в незначительной, по-видимому, степени востребованное в Петербурге, не могло не оказывать свое магнетическое действие, необходимое для всякого влияния.

Сложись поэтическая судьба Юнкера более счастливо, в 1730-х или 1740-х годах в Лейпциге был бы издан том с гравированным его портретом, стихотворной к нему надписью и объяснением к ней, с обстоятельной его биографией, лестной и чувствительной. В конце XIX—начале XX века какой-нибудь молодой ученый издал бы в Лейпциге или Берлине о нем диссертацию, и его имя знатокам немецкой поэзии говорило бы о том, что Юнкер был в числе восьми или десяти поэтов немецкого классицизма, забытых с приходом в поэзию Ф. Г. Клопштока. Разорвав свой творческий путь отъездом в Россию, Юнкер лишил себя портрета, сборника стихов, обстоятельной биографии, но оказал неоценимую услугу русской поэзии и культуре, став единственным в своем роде провозвестником новой европейской поэзии в России.

⁸⁶ Программа этого собрания, вышедшая тогда же на латинском языке, приведена Миллером, см.: Миллер Г.-Ф. История Академии наук. С. 548–549.

⁸⁷ Там же. С. 604.

Й КЛЕЙН

ЛОМОНОСОВ И ТРАГЕДИЯ¹

Борису Андреевичу Успенскому к его 65-летию

В 1759 году императрица Елизавета Петровна, покровительница театра, повелела Ломоносову написать трагедию.² Для него это имело двойное значение. С одной стороны, он получил возможность укрепить свое положение при дворе и приобрести новые милости государыни и придворной публики. С другой стороны, это повеление поставило его в положение конкурента Сумарокова, которому удалось в том же 1759 году начать карьеру придворного драматурга-трагика: пьеса «Хорев», которая уже в 1747 году заложила традицию русской трагедии, была сначала поставлена на сцене Кадетского корпуса, а потом, 8 февраля 1750 года, также на придворной сцене. Премьеры трех последующих трагедий Сумарокова также состоялись при дворе и также в 1750 году: в начале года «Гамлет», в июле «Синав и Трувор», в октябре «Артистона».³

Что же касается Ломоносова, он не позже, чем в мае, приступил к работе над трагедией «Тамира и Селим»; после продолжительного перерыва — в ноябре 1750 года она была закончена. Премьера состоялась 1 декабря на придворной сцене; второе представление — также при дворе — состоялось 8 февраля 1751 года. Успех сопровождал пьесу и при издании: первое издание в количестве 600 экземпляров было распродано уже в январе 1751 года, что обеспечило выход второго издания таким же тиражом, которое также было быстро распродано.⁴ Вскоре после премьеры трагедии «Тамира и Селим» Ломоносов и опять же по указу императрицы⁵ начал свою вторую трагедию «Демофонт»,⁶ которую он закончил не позднее ноября 1751 года. По личному приказу императрицы она была

¹ При переводе этой статьи мне помогла И Паперно

² Такое же повеление получает Тредиаковский, подробнее см. *Ломоносов М В* Полн собр соч М, Л, 1959 Т 8 С 971–973

³ *Стенник Ю В* Жанр трагедии в русской литературе Л, 1981 С 163–164

⁴ *Ломоносов М В* Полн собр соч Т 8 С 972

⁵ *Летопись жизни и творчества М В Ломоносова* / Под ред А В Топчева и др М, Л, 1961 С 174 (сноска 75)

⁶ *Ломоносов М В* Полн собр соч Т 8 С 292–364 («Тамира и Селим»), 411–486 («Демофонт») Далее тексты приводятся по этому изданию с указанием акта (римскими цифрами) и сцены (арабскими)

напечатана необычайно большим тиражом в 1300 экземпляров.⁷ О постановке этой трагедии, однако, ничего не известно.

Соперничество с Сумароковым, в которое Ломоносов был вовлечен в результате повеления императрицы, имеет — помимо придворного — и литературное значение. Главную роль здесь играет принцип *соревнования*, свойственный классицистической эстетике.⁸ В своей литературной продукции поэт европейского классицизма стремится к вневременному совершенству. В этом он является соперником других поэтов. То соревнование в переводе одного из псалмов с церковнославянского языка, которое состоялось в 1743 году между Тредиаковским, Ломоносовым и Сумароковым, было лишь институционализацией этого принципа, который имел универсальное значение, определяя и продукцию, и рецепцию художественного произведения: современная автору публика вновь и вновь ставится перед вопросом: «Кто лучший стихотворец?»⁹

В условиях русской литературной ситуации тех лет принцип *соревнования* приобрел особенное значение. Развитие русской трагедии находилось еще в начальной стадии: предстояло создать по возможности совершенные ее образцы для последующих поколений; надо было навсегда определить дальнейшее направление жанра — окончательно установить его пределы в системе классицизма. В своих трагедиях Ломоносов получил возможность противопоставить тому канону жанра, который начинал вырисовываться в первых четырех трагедиях Сумарокова, свой собственный канон русской трагедии и соперничать с ним за славу основателя русской трагедии. В идеальном случае, он достиг бы такой же победы, которая выпала ему за несколько лет перед тем в столкновении с Тредиаковским на ниве создания нового русского стиха.

Как известно, Ломоносову не удалось повторить свой успех: в качестве «отца русской трагедии» в память последующих поколений вошел не он, а Сумароков. Сами по себе трагедии Ломоносова не считаются значительным достижением его творчества.¹⁰ Несмотря на это, они заслуживают внимание исследователя — как жанровая альтернатива к трагедиям Сумарокова и как попытка дать новое направление развитию русской трагедии.

⁷ Там же. С. 992.

⁸ Гукковский Г. К вопросу о русском классицизме. Состязания и переводы // Поэтика. Сб. статей. Л., 1928. Т. IV. С. 126–148.

⁹ См. 80-е письмо сатирического журнала «Алская почта» за 1769 (с. 266). Изображение литературной дискуссии в этом письме не носит сатирического характера. Обсуждается вопрос о том, является ли Ломоносов со своими одами или Сумароков со своими трагедиями «лучшим Стихотворцем».

¹⁰ См.: Мочульский В. М. В. Ломоносов как драматург // Русский филологический вестник. 1911. № 66. С. 310 и сл.; Резанов В. И. Трагедии Ломоносова // Ломоносовский сборник. СПб., 1911. С. 250–251 («Ломоносов не был драматургом по призванию», с. 250). Положительную оценку ломоносовских трагедий предприняла в своих работах Касаткина Е. А. 1) Полемическая основа трагедий Ломоносова «Тамира и Селим» и Тредиаковского «Деидамия» // Учен. зап. Томского гос. ун-та. 1958. Т. 17. С. 122–136; 2) Трагедия М. В. Ломоносова «Демофонт» // XVIII век. М.; Л., 1958. Т. 3. С. 91–110. См. также: Запавдов А. Отец русской поэзии. О творчестве Ломоносова. М., 1961. С. 208–222 («Трагедии Ломоносова»); Стенник Ю. В. Жанр трагедии. С. 44–56.

Придворный театр и любовная трагедия

«La règle souveraine est de plaire à V. [otre] A. [ltesse] R. [oyale]».¹¹

Русский классицизм является продолжением Петровской культурной революции. Историческая ситуация, которая представлялась Петру и его соратникам как *tabula rasa*, обязывала к воздвижению здания новой русской культуры по европейскому образцу. Русский классицизм видит себя как составную часть этой новой культуры, его ведущие авторы считают себя основателями радикально новой литературы, которая не будет иметь ничего общего с допетровским (доклассицистическим) прошлым. Этой установке следует Сумароков, когда закладывает основы русской трагедии. Он — поэт Новой России; он хочет порвать с национальной традицией русской драмы, представленной, прежде всего, школьной драмой первых десятилетий XVIII века. Это следует из применения им нового александрийского стиха, а также из членения драмы на пять актов и соблюдения «правил», прежде всего трех единств.

Этим самым Сумароков вступил на путь, которым следует и Ломоносов. Ломоносов, правда, снабдил свои трагедии исторически-мифологическим вступлением, как это было принято в русских школьных драмах до эпохи классицизма.¹² Кроме того, он не так строго, как Сумароков, придерживается правил классицистического канона. Однако шестистопный ямб (с перекрестной рифмовкой в «Тамире и Селиме», с парной рифмовкой в «Демофонте»), а также тематика и композиция трагедии в целом указывают на новое направление; о том же свидетельствует характер литературных заимствований Ломоносова — самыми важными его источниками являются «Умиравший Катон» Готшета (образец «Тамиры и Селима») и «Андромаха» Расина (образец для «Демофонта»).¹³

Следует указать еще на одну общую черту трагедий Сумарокова и Ломоносова. Характерным для трагедии Сумарокова является напряжение между двумя тематически-стилистическими комплексами — и в этом Сумароков следует традиции *tragédie classique*. С одной стороны, речь в трагедии идет об интересах государства и воинской славе, с другой — о любви. На уровне сюжета это напряжение кристаллизуется в конфликте между долгом и страстью, на стилистическом уровне — в напряжении между возвышенным и «нежным», т. е. между высоким и средним стилем.¹⁴ Из условий языковой ситуации, существовавшей в России, проистекает определенное соотношение письменного и разговорного начал, церковнославянского и русского языков (см. «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» Ломоносова).

¹¹ «Самое высокое правило — это нравиться вашему Королевскому Высочеству» — см. предисловие Расина к его трагедии «Андромаха» (*Racine. Œuvres complètes* (Bibliothèque de la Pléiade). Paris, 1950. Т. I. P. 240).

¹² Резанов В. И. Трагедии Ломоносова. С. 237.

¹³ Там же. С. 235–265.

¹⁴ См.: Гринберг М. С., Успенский Б. А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х—начале 1750-х годов // *Russian Literature*. 1992. Т. 31–32. P. 211. Авторы справедливо говорят о «двойственности стилистического статуса» трагедии.

В пределах соотношения этих двух стилистически-тематических комплексов автору трагедий открывалась значительная свобода в построении текста. Когда главный акцент ставился на возвышенном, т. е. на политических и воинских предметах, этот выбор вел к созданию жанрового типа героической (или политической) трагедии по образцу Корнеля. Когда, напротив, предпочтение отдавалось любовной тематике, произведение приближалось к жанровому типу любовной трагедии, главным представителем которого считался в XVIII веке Расин.¹⁵

На какой из этих двух жанровых образцов ориентировались русские авторы? К 1750 году русские авторы писали трагедии для постановки на придворной сцене. Эти пьесы были обращены к адресату, желания и ожидания которого трудно было игнорировать. Трагедия была составной частью придворной жизни и должна была соответствовать определенной атмосфере. В царствование Елизаветы Петровны придворная жизнь представляла собой нескончаемую череду праздников и увеселений. Так же как и при дворе молодого Людовика XIV во Франции, при русском дворе царила галантная атмосфера.¹⁶ Дело здесь, однако, не только в жажде развлечений, владевшей привилегированной элитой после Петра I: русские монархи культивировали стиль придворной жизни, подчеркивавший разрыв с атмосферой придворной культуры допетровской Руси. Они стремились публично утвердить в зрительных образах свою связь с Западной Европой. Цель здесь — тот же разрыв с прошлым, который в области литературы утверждали писатели этого времени.

Среди увеселений двора Елизаветы Петровны были доступные публике балы, а также балы-маскарады и так называемые «метаморфозы» — маскарады, при которых женщины переодевались в мужскую одежду, а мужчины в женскую. Стремление к маске и переодеванию находило выражение также в многочисленных театральных представлениях. На сцене придворная жизнь отражалась в идеализированных, поэтически сублимированных формах. Так размывалась граница между искусством и жизнью, тем более что в качестве актеров часто выступали не профессионалы, а молодые дворяне, воспитанники петербургского Кадетского корпуса.¹⁷ Таким образом, театральные представления при дворе являлись частью всеобъемлющей театральности, которая характеризовала придворную жизнь того времени как в Европе, так и в России.¹⁸

¹⁵ *Theile W* Die Racine-Kritik bis 1800. Kritikgeschichte als Funktionsgeschichte. München 1974.

¹⁶ См. *Анисимов Е. А.* Россия в середине XVIII века // В борьбе за власть. М., 1988. С. 210 и сл.; *Worstan R. S.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, 1995. P. 107–108. В первые годы царствования Людовика XIV галантный культ любви был частью официального культа монарха. См. *Pelous J.-M.* Amour précieux, amour gallant. Essai sur la représentation de l'amour dans la littérature et la société mondaine (1654–1675). Paris, 1980. P. 231–232; *Solnon J.-F.* La cour de France. Paris, 1987. P. 253–278 («La cour galante»).

¹⁷ *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* История русского драматического театра. М., 1977. Т. 1. С. 137.

¹⁸ Об эпохе придворных праздников с ее идеей мира как театра и о театрализации жизни см. *Alewyn R.* Das große Welttheater. Die Epoche der höfischen Feste. München, 1985.

На придворной сцене ставились главным образом французские пьесы, пока двор не открыл для себя в 1750 году русскую трагедию и начал стимулировать ее дальнейшее развитие. В своих мемуарах Екатерина II пишет об интересе, который Елизавета проявляла к этим представлениям. Императрица собственной персоной заботилась о костюмах актеров, придавая большую важность пышному антуражу. Особенным вниманием, по словам Екатерины, пользовался актер-кадет, исполнявший роль первого любовника, «довольно красивый восемнадцатилетний или девятнадцатилетний юноша», который получал от императрицы дорогие подарки.¹⁹ Этим юношей был Н. А. Бекетов, так же как и Сумароков, воспитанник петербургского Кадетского корпуса, по слухам, он был в течение короткого времени в начале 1751 года фаворитом императрицы.²⁰

На этом фоне неудивительно, что Сумароков подчеркивал в своих трагедиях любовную тематику, заслужив себе тем самым звание «Северного Расина». Именно благодаря мастерству в изображении любви он заслужил литературную славу в глазах своих современников. Далеко не в последнюю очередь именно Сумароков — автор трагедий — славится как «нежностей писатель».²¹ Позже, в контексте русского сентиментализма, Карамзин подчеркивал, что Сумароков «пленял» своими трагедиями «чувствительность» императрицы Елизаветы. «В трагедиях своих он старался более описывать чувства, нежели представлять характеры в их эстетической и нравственной истине < > любил так называемые *прощальные сцены*, для того, что они извлекали слезы из глаз чувствительной Елизаветы < >»²²

Фраза о «чувствительной» Елизавете звучит анахронизмом. Не следует, однако, сомневаться в том, что императрица любила в театре плакать. Еще задолго до эпохи сентиментализма в театре обильно проливались слезы. Как утверждал сам Расин, целью его трагедий было тронуть зрителей, вызвав слезы.²³ И Сумароков делал подобные заявления.²⁴ В своей характеристике трагедийного искусства Сумарокова Карамзин указал существенную особенность его поэтики, и это особенно относится к ранним трагедиям. В «Гамлете», правда, наряду с религиозными, значитель-

¹⁹ См. *Memoires de l'Imperatrice Catherine II, ecrites par elle-même et precedes d'une preface par A. Herzen* Londres, 1859. P. 150 sq.

²⁰ Там же С. 115.

²¹ См. стихотворение анонимного автора, участника полемики вокруг знаменитой сатиры И. П. Елагина против петиметров в кн. *Поэты XVIII века* Л., 1972. Т. 2. С. 380.

²² *Карамзин Н. М. Пантеон российских авторов* // Карамзин Н. М. Соч. В 2-х т. Л. 1984. Т. 2. С. 111–112. Ср. *Серман И. З. Русский классицизм. Поэзия. Драма. Сатира* Л. 1973. С. 100 и сл.

²³ См. прежде всего предисловие к его трагедии «Береника» (*Racine Œuvres complètes* T. 1. P. 467. «La principale règle est de plaire et de toucher»). См. также *Vinaver E. Le pathétique retrouve* // *Racine* / Hrgb. von Theile W. Darmstadt, 1976. S. 115–127, *Theile W. Die Racin-Kritik* S. 82). Более подробно об отношении Сумарокова к Расину см. *Klein J. Liebe und Politik in Sumarokovs Tragödien* // *Zeitschrift für slavische Philologie* 2001. Bd. 60. S. 105–122.

²⁴ «Стихи Ивану Афанасьевичу Дмитревскому» (*Сумароков А. П. Избранные произведения* Л., 1957. С. 295. «Твой плач все зрители слезами заплатили, / И, плача, все тебя старались хвалить»). См. также «Мнение о сновидении О французских трагедиях» (*Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе* М., 1781. Ч. 4. С. 339, 341).

ную роль играют политические и воинские элементы. Но в других трагедиях этих лет политическая и воинская тематика уходят на задний план. «Синав и Трувор» в наибольшей мере приближается к типу любовной трагедии. Среди драм Сумарокова это самая успешная пьеса: «Синав и Трувор» был дважды поставлен в присутствии императрицы; вскоре после первой постановки трагедия была издана в переводе на французский язык (СПб, 1751).²⁵

Как явствует, между прочим, из количества реплик разных персонажей, подлинным героем этой трагедии являются не два персонажа-мужчины, именами которых она названа, а женщина — дочь новгородского боярина Ильмена.²⁶ В этой трагедии отсутствуют батальные сцены, которые можно было видеть в «Хореве», зато имеются дидактические пассажи — они касаются темы монаршеских обязанностей. Но это не главное: на переднем плане стоит любовная тема. В некоторых сценах этой трагедии значительно растянуто драматическое время — это относится к тем сценам, в особенности в III и IV актах, в которых несчастные любовники пространно, с многочисленными повторениями, выражают свои чувства (ср. приведенное выше высказывание Карамзина). Как принято в классицистической трагедии, имеет место внутренний конфликт между долгом и страстью в «Синаве и Труворе». Однако и эта тема не стоит на переднем плане. Главным здесь является внешний конфликт между влюбленными, которым не удастся добиться счастья, и эгоизм монарха, который препятствует им. Эмоциональное воздействие усиливается самоубийством обоих героев.

Что касается Ломоносова, то политическая и воинская тематика занимает много места в его трагедиях; в «Тамире и Селиме» присутствует также тема русского патриотизма. Здесь имеются и дидактические пассажи, например о гордыне власть имущих и переменчивости счастья. При этом Ломоносов не пренебрегает и любовной темой, скорее напротив. В этом отношении Ломоносов соперничает с Сумароковым, «Северным Расином». В свою очередь он получает от приверженцев Сумарокова кличку «Расин поневоле» (*Racine malgré soi*).²⁷ Так же как и для Сумарокова, для Ломоносова трагедия является в первую очередь любовной трагедией; в своем «Предисловии о пользе книг церковных» в 1758 году он причислит трагедию не к высоким, а к средним жанрам.²⁸ В соответ-

²⁵ В целом имелось около пятидесяти постановок этой трагедии, последние — в первые годы XIX века. Ср. комментарии Ю. В. Стенника в книге *Сумароков А. П. Драматические сочинения*. Л., 1990. С. 459.

²⁶ Ильмене принадлежит 87 реплик, что намного превышает количество реплик других персонажей, так у Гостомысла (отца Ильмены) — 57 реплик, у Трувора — 53, а у Синава — 38.

²⁷ См. комментарий М. И. Сухомлинова *Ломоносов М. В. Соч.* 1891. Т. 1. С. 435 и сл., см. также *Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени 1750–1765*. М., Л., 1936. С. 101 и сл.

²⁸ Ломоносов здесь говорит «Сим (средним — *Й К*) штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия». В дальнейшем речь идет, с одной стороны, о «геройстве» и «высоких мыслях», с другой — о «нежностях», т. е. под «театральными сочинениями» Ломоносов подразумевает трагедии, о комедии он пишет ниже, в связи с низким стилем (*Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.* Т. 7. С. 589).

ствии с этим в его трагедиях русский разговорный язык занимает видное место: снова и снова он употребляет такие маркированные русизмы, как прилагательные в именительном падеже единственного числа мужского рода оканчивающиеся на *-ой* и *-ей*, относительное местоимение *которой* и глагол *говорить* и т. д.²⁹

Так же как у Сумарокова, у Ломоносова не мужчины стоят на первом плане, а женщины, что вновь явствует из распределения реплик.³⁰ И так же любовная тема определяет развитие действия (в этом состоит главное отличие «Тамиры и Селима» от политической трагедии Готшета «Умиравший Катон», которая послужила главным источником для Ломоносова).³¹ У Ломоносова персонажи получают не меньше возможностей для страстного выражения чувств, чем у Сумарокова. Такова, например, первая встреча любящих во 2-й сцене II акта в «Тамире и Селиме» или сцена примирения в 4-й сцене III акта «Демофонта» — Ломоносов и здесь использует весь регистр патетической любовной трагедии: угрозы самоубийства, падения на колени и клятву в верности. То же самое можно сказать об изображении смерти главного героя в конце V акта «Демофонта». Здесь Ломоносову удается особенно эффектное сочетание героического и «нежного» стиливого комплекса: стоит глубокая ночь; окруженный своим горящим флотом, смертельно раненый герой не думает ни

²⁹ Об окончаниях прилагательных см. не публиковавшуюся при жизни работу Ломоносова «Примечания на предложение о множественном окончании прилагательных имен» 1746 года (Там же С 83). О местоимении *который* и о глаголе *говорить* см. его «Предисловие о пользе книг церковных» (Там же С 588). Такие формы и слова выделяются на языковом фоне, который еще в значительной степени определяется преобладанием церковнославянского языка, в особенности в синтаксисе, который в соответствии с церковнославянской нормой характеризуется у Ломоносова более свободным порядком слов, чем у Сумарокова, а поэтому более труден для понимания. С другой стороны, примечательно, что Ломоносов избегает архаической формы вокатива *отче мой* — формы, которую Сумароков нередко употребляет в своих трагедиях (см., например *Сумароков А П Синав и Трувор* Трагедия СПб, 1751 С 5, 11 (I 1), 38 (III 1), 59 (IV 2), 60 (IV 3), 74 (V 3)). То же самое можно сказать о слове *дочь*. Ломоносов в своих трагедиях употребляет исключительно эту русскую форму, у Сумарокова рядом с русским словом *дочь* часто находим церковнославянский эквивалент *дщерь*. См., например, его «Синав и Трувор» (Там же С 5 (I 1), 14 (I 3), 16 (I 5), 38 (III 1), 43 (III 3) и т. д.). Одновременно употребляется Сумароковым и слово *дочь* с 21 (I 6), 40 (III 1), 45 (III 3) и т. д. Ломоносов упрекал его за неуместное употребление слова *дщерь* в этой трагедии — см. *Гринберг М С Успенский Б А* Литературная война С 259 (сноска 167). Сумароков реагирует на эту критику и во второй редакции своих трагедий в некоторых случаях заменяет слово *дщерь* русским эквивалентом *дочь*. Однако то, что Сумароков, как утверждают Гринберг и Успенский (там же), «последовательно исключает» слово *дщерь* во второй редакции своих трагедий, является неверным. ср., например, вторую редакцию «Синава и Трувора» — *Сумароков А П* Полн. собр. всех соч. Ч 3 С 123 (I 1), 130 (I 3), 134 (I 5) и т. д. О данной стиливой особенности Сумарокова см. *Живов В М* Язык и культура в России XVIII века М, 1996 С 344 и сл.

³⁰ В «Тамире и Селиме» лидирует Тамира с 45 репликами. Между ней и следующим по количеству реплик персонажем — дистанция в 12 реплик. Аналогично обстоит дело и в «Демофонте» здесь на первом месте также стоит женский персонаж — Филлида (62 реплики), за ней следует Демофонт (46 реплик) — дистанция в 16 реплик.

³¹ Доминантности политической темы соответствует у Готшета распределение реплик в главе «Катон» с 76 репликами, на втором месте с большим отрывом в 28 реплик — главный женский персонаж (48 реплик). Цитирую по изданию *Gottsched J Chr* *Sterbender Cato* / Hrsg. von H. Steinmetz Stuttgart [Reclam], 1984.

о чем, кроме своей возлюбленной, к ней обращены его последние слова. В последние мгновения она появляется, и Демифонт испускает дух в ее объятиях.

При всей близости к Сумарокову трагедия Ломоносова заключает в себе несколько иную концепцию любви. В большей мере, чем у Сумарокова, любовь предстает у него как абсолютная ценность. Как кажется, Ломоносов хотел нанести поражение своему сопернику на его собственном поле. Можно предположить, что именно в этом отношении он мог рассчитывать на аплодисменты со стороны придворной публики и самой императрицы.³²

Главный герой трагедии «Тамира и Селим» — идеальный любовник (*parfait amant*) в традиции французской любовной трагедии (и французского барочного романа):³³ как нечто само собой разумеющееся, полководец Селим, подчиняет свои воинские действия любви к Тамире — это единственная причина, по которой он в I акте прекращает осаду ее родного города. Что касается Тамиры, она переживает конфликт, аналогичный ситуации Оснельды, героини трагедии Сумарокова «Хорев»: она также любит врага и оказывается поэтому в конфликте со своим отцом (помимо этого, в трагедиях обоих авторов появляется мотив осажденного города).³⁴ На фоне этих аналогий яснее вырисовываются различия: героиня Сумарокова ищет компромисса между долгом и страстью, она не намерена пренебречь приказом отца. Немного иначе обстоит дело в Сумароковской трагедии «Синав и Трувор»: и здесь героиня подчиняется воле отца, однако только *pro forma*: она сочетается браком с нелюбимым человеком, а затем совершает самоубийство, тем самым ставя любовь выше царского трона. Абсолютизация любви, которая здесь намечается, ясно выступает у Ломоносова. В большей мере, чем Сумароков, он соответствует тенденции XVIII века ставить личное счастье отдельного человека на вершину морального порядка ценностей.³⁵

У Ломоносова этот идеал личного счастья оправдывает открытое непослушание детей родителям. Это поразительный мотив, даже если иметь в виду, что в России XVIII века авторитет родителей на уровне законодательства (другое дело — общественная практика) уже не являлся абсолютным: со времени Петра I родители больше не имели законного права женить своих детей против их воли (указ 1702 года).³⁶ С другой стороны, это, конечно, не значило, что детям уже не было нужно согласие родителей. Но именно так поступает героиня ломоносовской трагедии «Тамира и Селим» — она предпринимает попытку бежать к своему возлюбленному (IV.1). Только сила препятствует ей в исполнении этого желания. И Ломоносов весьма далек от того, чтобы осудить свою героиню. В конце

³² Об автобиографическом фоне этой концепции любви см. *Ломоносов М В* Полн собр соч Т 8 С 974

³³ См. *Pelous J-M* *Amour précieux, amour galant* P 123 sq

³⁴ См. *Резанов В И* Трагедии Ломоносова С 244–245

³⁵ См. *Hazard P* *La pensée européenne au XVIIIe siècle De Montesquieu à Lessing* Paris, 1961 P 274–289 («Le Bonheur sur la terre») См также *Maizi R.* *L'idée du bonheur dans la littérature et la pensée française au XVIIIe siècle* Paris, 1994

³⁶ См. *Соловьев С М* *История России с древнейших времен* М, 1962 Кн 8 С 88

Гакта Тамира получила возможность — в длинной реплике, обращенной к ее наперснице, — высказать свое мнение о принципиальных вопросах, имеющих отношение к ее бегству и непослушанию родителю: «Довольно и того, что права и законы / Во обуздании любовну страсть крепят...» В этот «развращенный век» дело обстоит еще хуже: «Отческа гроза, богатство, род и честь» стоят среди зол, исчисляемых Тамирой (I.5, с. 340)³⁷. Далее речь идет о «святой любви»; несчастье насильственного брака, заключенного по воле родителей, противопоставляется картине буколического счастья. Подобные мотивы также получают выражение в обширном монологе, в котором Надир, дядя Тамиры, размышляет о ее побеге. Предмет его монолога — «Несытая алчба имения и власти»; критика направлена против родителей, которые «На жертву отдают и совесть и детей» (IV.2, с. 363). Построение сюжета включает в себе обвинение Мумету, отцу Тамиры: жених, которого он навязал своей дочери, разоблачается как обманщик и убийца. Отец признает свою ошибку, и ничто больше не стоит на пути к счастью влюбленных.

В качестве отступления можно добавить следующее. Тема родительского авторитета и эпизод непослушания в трагедии Ломоносова заслуживают внимания, если учесть трактовку аналогичных тем в русской комедии XVIII века. Право родителей безоговорочно определять судьбу своих детей — это конвенциональная тема европейской комедии; ср. хотя бы у Мольера («Гартюф», или «Мнимый больной»). Эта тема часто встречается и в русской комедии, где она, однако, приобретает особенное значение: у таких авторов, как Лукин, Фонвизин, Екатерина II и Капнист, тема родительского авторитета уже не сводится к своей сюжетной функции препятствия на пути к счастливому концу, но получает особенную идеологическую нагрузку. Как правило, деспотизм родителей в русской комедии XVIII века изображается как реликт старомосковского прошлого, которому уже нет места в Новой России; тем не менее названные авторы настаивают на святости родительского авторитета. Пусть родители ошибаются, пусть действуют эгоистически, имея в виду не счастье своих детей, но собственную выгоду, — в любом случае этим не отменяется обязанность детей повиноваться. София в «Ябеде» Капниста может служить примером. Она с горечью жалуется на «жестокость» матери — «злой фурии» типа фонвизинской Простаковой, — которая ее заставляет выйти замуж за бездарного человека. Ее горничная предлагает ей противиться: пусть София скажет матери, что она скорее согласна «утопиться», чем быть когда-нибудь женой нелюбимого человека. Но добродетельная София отвергает такой поступок:

Ах, нет, ввек этого сказать я не посмею.
К родителям любовь, почтение имею.

³⁷ Этот пассаж читается как полемика, направленная против «Умиряющего Катона» Готшеда. Там героиня также находится в конфликте между любовью и послушанием родителю. Она влюблена в Цезаря, и Цезарь отвечает ей взаимностью. У Готшеда, однако, этот конфликт разрешается иначе, чем у Ломоносова: по политическим причинам Катон, отец героини, против этого союза, и послушная ему дочь после короткой дискуссии жертвует своим счастьем.

Хотя они меня и могут погубить,
Но я противу них не смею согубить³⁸

Аналогичным образом выражается фонвизинская Софья в Бригадире. Ее отец не понимает, что «дети могут желать того, чего не хотят родители» и заставляет ее выйти замуж за такого ничтожного человека и петиметра, как Иванушка (II 1, с. 61). Софья не таит своего отвращения к этому жениху, которого она называет «дураком», тем не менее она не сомневается в своей обязанности, говоря отцу: «Я должна вам повиноваться» (с. 62). Несмотря на эгоизм и ограниченность своего отца, Софья уважает его, чем она выгодно отличается от Иванушки, который презирает своих родителей, желает им смерти и называет их «животными» (I 3, с. 54). Любопытно, что у Фонвизина неуважение к родителям связывается с амплуа петиметра, вспомним, что Ломоносов в свое время выступил в пользу петиметров, отвечая на нашумевшую сатиру Елагина «На петиметра и кокеток» стихотворением «Златой младых людей и беспечальной век» (1753)³⁹. Не вырисовываются ли тут контуры того общественного контекста, который в трагедии «Тамира и Селим» определяет ломоносовское представление о безоговорочном праве детей на личное счастье?

Пуристический и барочный классицизм

Сакрализуя тему любви («любви святой») и развивая мотив буколического счастья, Ломоносов приводит внутренний смысл любовной трагедии к логическому концу. Как показывают дидактические пассажи, для Ломоносова важна также и нравоучительная сторона трагедии. Но прежде всего он старается придать больший вес политическим и военным темам. Чего же Ломоносов достигает в результате своей работы? В основном, это не больше чем стилистический тематический сдвиг: вместо чисто любовной трагедии, к которой стремится Сумароков в «Синаве и Труво-

³⁸ *Капитист В В* Собр соч В 2-х т М, Л, 1960 Т 1 С 364–365 См также комедию Екатерины II «Именины госпожи Ворчалкиной» В 6-й сцене III акта госпожа Ворчалкина в разговоре с Дремовым, одним из положительных персонажей, говорит о своем материнском праве по собственному усмотрению выбрать жениха для своей дочери Христины, ссылаясь при этом на старинные обычаи «Меня покойные родители выдали за покойного моего мужа, да я его до церкви и отроду не видала, не только б говорить с ним», ср аналогичное высказывание фонвизинской Бригадирши (*Фонвизин Д И* Собр соч В 2-х т М, Л, 1959 Т 1 С 96 (V1)). Дремов отвечает ей, что Христина как хорошая дочь вполне готова повиноваться « хотя б она кого и любила, но из воли вашей никогда не выступит» (Сочинения Императрицы Екатерины II Произведения литературные СПб, 1893 С 67). Подобное можно читать в комедии Лукина «Мот, любовью исправленный» Злая тетка-опекушка тут мешая счастью доверенной ей молодой Клеопатры Любовник Клеопатры ей предлагает покинуть дом, где она столько терпела гонений, и бежать с ним Но Клеопатра Лукина не менее добродетельна, чем София Капитиста, и отвечает своему возлюбленному «Не поноси ее (тетку — *Й К*) при мне Я лучше все от нее претерплю, нежели дойду до того, чтобы меня за то осуждали, что я, презревши честь и должность, ушла с любовником из дому такой родственницы, которой поручена я от родителя Нет! Я тем вечное навлеку себе поношение» (Сочинения и переводы В И Лукина и Б Е Ельчанинова СПб, 1868 С 62–63 (IV 7))

³⁹ *Ломоносов М В* Полн собр соч Т 8 С 540

ре», мы находим у Ломоносова любовную трагедию, включающую героико-воинский элемент. Если Ломоносов пытался противопоставить себя своему литературному сопернику в глазах русской публики, создав подлинную альтернативу сумароковской трагедии, ему следовало избрать иной путь — обратиться к форме трагедии, к ее основополагающему стилизовому принципу.⁴⁰

Стилизованный принцип сумароковских трагедий можно охарактеризовать следующим образом: «Сумароков построил свою трагедию на принципе крайней экономии средств, упрощенности, так сказать, сдержанности, „естественности“». ⁴¹ Этой экономии средств Ломоносов противопоставляет другой принцип: принцип пышного *изобилия*.⁴² Этот принцип реализуется в рамках художественного замысла, для которого в первую очередь важна не гармония и законченность, а воздействие на публику. Такие художественные представления отнюдь не чужды и Сумарокову, напротив. Сумароков, однако, осуществляет принцип воздействия в строгих правилах хорошо построенной трагедии (*tragédie bien faite*): он стремится достичь наибольшего воздействия на публику, не отступая от композиционных принципов «правильной» трагедии. Ломоносов идет другим путем. Он пренебрегает построением целого во имя того, чтобы — в каждой отдельной части — воздействовать тем сильнее.

Можно сказать, что Ломоносов переносит композиционный принцип своих торжественных од в жанр трагедии. Оставаясь во внешних рамках строгого порядка, который достигается в оде посредством членения на стихи и строфы, а в трагедии — посредством членения на пять актов и других правил классической трагедии, Ломоносов осуществляет идеалы барочной поэтики. Пуристическому классицизму, который Сумароков утверждает в своих трагедиях, Ломоносов противопоставляет барочный классицизм собственного производства. Этот барочный элемент связывает его трагедии с традицией доклассицистической драмы в России, несмотря на все различия.⁴³

В трагедии «Демофонт» тенденция Ломоносова к барочному стилю проявляется в использовании ужасающих физиологических деталей: «растерзана утроба» (с. 464), «смрадные кости» (с. 466). В речи обезумевшей Илионы речь идет об антропофагии (с. 484). Осуществляя таким образом принцип наибольшего воздействия на зрителей, Ломоносов нарушает «приличия» (*bien-séances*) классической трагедии. В трагедии «Тамира и Селим» проявляется склонность к экзотизму — например, в именах татарских ханов: Чингис, Хозрой, Батый (с. 329), а также в се-

⁴⁰ Детальный формальный анализ ломоносовской трагедии дает Х Хардер См *Har-der H B Studien zur Geschichte der russischen klassizistischen Tragodie 1747–1769* Wiesbaden, 1962 S 49–82

⁴¹ Ср *Гуковский Гр* О сумароковской трагедии // Поэтика Л, 1926 Т 1 С 69

⁴² См «Краткое руководство к красноречию» (*Ломоносов М В Полн собр соч Т 7 С 109–110* (§ 24))

⁴³ Этой преемственностью объясняется любопытный факт рукописной традиции в одном рукописном сборнике второй половины XVIII в ломоносовская трагедия «Тамира и Селим» фигурирует с такими школьными драмами, как «Стефанотокос» и «Действие об Эсфире», ср комментарии О А Державиной в кн *Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в М, 1975 С 642*

рии топонимов: «Спеши за Понт, за Тигр, за Нил, за Океан» (с. 337). Особенно богаты его образы — в развитых сравнениях получает выражение разнообразие чувственного мира. Батальные сцены его трагедий заключают в себе впечатляющие примеры того стиля иррационально-возвышенного парения, который отличает его оды: «В густой крови кипит, / И стрелы падали дождевых гуще туч» (V.6, с. 360). Сумароков пародировал такие формы в своих вздорных одах. Подобным образом приверженцы Сумарокова подтрунивают над ломоносовской трагедией.⁴⁴

Стремление к полноте и разнообразию Ломоносов осуществляет и в композиции своих трагедий, например в организации персонажей. В трагедии Сумарокова «Синав и Трувор» действуют всего четыре персонажа, выступающие больше одного раза. По сравнению с этим в ломоносовской трагедии «Тамира и Селим» количество персонажей удваивается. Восемь персонажей — в сравнении с переполненной разнородными персонажами сценой школьной драмы — это еще не очень много, однако по отношению к сумароковской трагедии разница остается значительной. Критики справедливо указывали в свое время, что не все из этих персонажей вполне мотивированы.⁴⁵ Это относится и к Надиру, уже упомянутому дяде Тамиры. То, как часто он берет слово, не соответствует его роли в развитии действия: произнося 33 реплики, он занимает в трагедии второе место, после Тамиры, опережая главного героя Селима, которому уделены лишь 30 реплик. НаDIR — проводник моральной позиции автора. Однако иногда этот персонаж является лишь мотивировкой для введения экзотических или курьезных мотивов. Так, например, мы узнаем, что НаDIR и Селим в прошлом пребывали в Индии, где Селим был воспитан Браминами.

В трагедии «Демофонт» имеется семь персонажей, выступающих более одного раза, среди них четыре центральных персонажа. Ломоносов здесь следует «Андромахе» Расина. У Расина четыре таких персонажа фигурируют как носители единого действия. Ломоносов удваивает сюжетную линию: у него каждая пара героев является носителем отдельного и самостоятельного действия. Как было указано критиком начала XIX века, это является нарушением классицистического принципа единства действия⁴⁶ (См. также эпистолу Сумарокова «О стихотворстве» 1747 года: «Не представляй двух действий к смешению мне дум; / Смотритель к одному свой устремляет ум»⁴⁷).

В «Демофонте» введение второй сюжетной линии приводит к тому, что современники называли «пухлостью». Тот же самый эффект наблюдается вследствие введения патриотически-героического элемента в трагедии «Тамира и Селим». Согласно желанию своего отца, царя крымского, Тамира должна выйти замуж не за Селима, царевича багдатского, а за Мамай, злодейского татарского царя. Благодаря этому сюжетному ходу,

⁴⁴ См сноску 27

⁴⁵ См Мочульский В М В Ломоносов как драматург С 311

⁴⁶ Там же С 311

⁴⁷ Сумароков А П Избр произведения С 119

Ломоносов получает возможность ввести те исторические ассоциации, которые связаны в русском национальном сознании с Мамаем (Куликовская битва), в которой русские войска под предводительством Дмитрия Донского одержали в 1380 году сокрушительную победу над татарским войском Мамаю. Возникает впечатление, что Ломоносов предвосхищает в своей трагедии ту программу патриотической поэзии, которую он разовьет в своем «Разговоре с Анакреоном» в 1756–1761 годах, в скрытой полемике против Сумарокова и его любовной поэзии. Однако в своей второй трагедии «Демофонт» Ломоносов отказывается от темы русского патриотизма: в обеих трагедиях он в первую очередь стремится к обогащению любовной трагедии за счет героической и — шире — возвышенной тематики, причем в конечном итоге вновь утверждает эстетический принцип избытка. Не в последнюю очередь такая концепция трагедии имеет то преимущество, что она предоставляет Ломоносову возможность продемонстрировать свое батальное мастерство: в «Тамире и Селиме» битва на Дону трижды становится предметом более или менее развернутого эпического изображения (I.4, II.6, V.6).

Чтобы уместить все эти элементы в своей трагедии, Ломоносов принужден был прибегнуть к сложной конструкции, что трудно было согласовать с классицистической нормой простоты. Тем самым он мог также вызвать упреки в нарушении вероятности. Согласно сюжету, после своего поражения Мамай, один, без свиты, спешит в Крым, выдавая себя за победителя в Куликовской битве, он все еще надеется получить Тамиру в супруги. После свадьбы он рассчитывает добиться от отца жены Мумета нового войска для борьбы с русскими. На тот факт, что известие о поражении Мамаю на самом деле было невозможно утаить, есть указания и в самой пьесе: уже в день приезда Мамаю в Крым в городе распространились слухи (IV.3, с. 342). Малоубедительной кажется и надежда Мамаю получить новое войска: в свое время, как знает зритель, Мумет послал всех своих воинов под предводительством сына на битву на Дону в качестве союзников Мамаю, а Мамай — по неясной причине — велел убить сына Мумета в момент битвы, когда победа над русскими еще казалась возможной.

Число таких сюжетных неувязок можно умножить и на материале трагедии «Демофонт». В целом, бросается в глаза, что Ломоносов пренебрегает многим из того, что считалось необходимым при построении «правильной» трагедии. Как уже было упомянуто, классицистическая критика укоряла его в этом. С точки зрения другой эстетики, вырисовывается, однако, иная картина: если стремиться в первую очередь поразить публику пышной полнотой и сильными эффектами, то можно пренебречь такими вещами, как последовательность и мотивированность действия. Дело не в том, что Ломоносов не сумел построить правильную во всех отношениях трагедию, а, скорее, в том, что это его не интересовало. Успех, которым Ломоносов пользовался у публики и у императрицы, подтверждает это. И в самом деле, можно задать вопрос: чем пышное разнообразие хуже композиционного единства и строгости, которые в свою очередь могут вызвать упреки в сухости и абстрактности?

Если в свое время модель жанра трагедии, разработанная Ломоносовым, не смогла победить, то в этом виновата не придворная публика, которая думала о своих развлечениях и мало заботилась о вечных истинах классицистической доктрины. Так же неповинны и читатели, которые покупали его пьесы с таким усердием. Этим читателям отнюдь не мешали барочные элементы ломоносовских трагедий. Что это были за люди? Можно предположить, что это были главным образом воспитанники духовных училищ — Московской духовной академии, в которой учился сам Ломоносов, или провинциальных семинарий во Владимире, Твери, Смоленске, Вятке и других городах. До 1750-х годов преподавание поэтики и риторики в духовных учебных заведениях еще следовало традициям европейского барокко.⁴⁸ Благодаря этому, образовалась определенная литературная публика, — публика, которая была довольно обширна и отнюдь не состояла только из духовных лиц. Ее следует считать социальным носителем барочного литературного вкуса.

Однако не эта публика определила дальнейшее развитие русской трагедии: в России XVIII века ожидания и привычки широкой читательской публики не играли роли в формировании литературы — для этого нужен был литературный рынок, а такой рынок образовался в России позднее и развивался медленно.⁴⁹ Чтобы повлиять на дальнейшее развитие трагического жанра в России, недостаточно было усердно покупать трагедии Ломоносова — нужно было также и писать трагедии. Но эту задачу читатели Ломоносова предоставили другим — Сумарокову и его «школе» — Хераскову, Ржевскому, Майкову и пр.⁵⁰ Не представляется случайным, что эти авторы (за исключением Майкова) получили образование не в духовном, а в совсем другом учебном заведении — в петербургском Кадетском корпусе, рыцарской академии для молодых дворян. В русской литературной жизни этих десятилетий петербургский Кадетский корпус выполнял роль институциональной базы литературного классицизма, который был заимствован главным образом из Франции. И именно в духе классицизма воспитанники Кадетского корпуса определили развитие русской трагедии в последующие годы. Однако трагедии, которые они писали, плохо раскупались, хотя активно ставились на сцене. Не в последнюю очередь это относится к трагедиям самого мэтра Сумарокова.⁵¹

Классицистической литературной доктриной руководствуются также и те авторы, которые подтрунивали над Ломоносовым как «Расином поневоле» и которые в XIX веке критиковали его за нарушение идеала «хорошо поставленной» драмы. Как показывает анализ текстов, Ломоносов в своих трагедиях отнюдь не стремился во всех отношениях подчиниться

⁴⁸ См. *Левин П.* Барокко в литературно-эстетическом сознании преподавателей и слушателей русских духовных училищ XVIII века // *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 1977 Bd 23 S 180–198

⁴⁹ См. *Marker G.* Publishing, Printing and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700–1800 Princeton, 1985

⁵⁰ См. *Стенник Ю. В.* Жанр трагедии

⁵¹ См. *Marker G.* Publishing, Printing P 205

этим правилам, скорее, напротив. Здесь проявляется та самостоятельность, которая характерна и для его торжественных од. Барочной поэтикой своих од Ломоносов в свое время сознательно противопоставлял себя классицизму.⁵² Он пытается сделать то же самое в трагедии, стремясь к тому, чтобы противопоставить трагедиям «Северного Расина» свою собственную модель жанра,— модель, которая бы заменила композиционную замкнутость *tragédie classique* поэтикой открытости, разнообразия и пышной полноты. Правда, классицистическая система в том виде, в котором она сложилась в России, была достаточно гибкой, чтобы позволить такое,— литературное влияние, которое оказала ломоносовская торжественная ода, свидетельствует об этом. В этом жанре, однако, приемы барочного стиля давно уже были санкционированы принципом *beau désordre*. Трагедия, напротив, в литературной системе классицизма была прикреплена к совсем другим литературным формам: что было хорошо для лирического жанра, было неуместно в трагическом жанре: здесь беспорядок был не *beau désordre*, а *désordre tout court* — обыкновенный беспорядок.

⁵² Это был классицизм готшедовского толка, с которым Ломоносов познакомился в Германии. См.: Морозов А. А. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости. 1711–1741. М.; Л., 1962. С. 361–362.

П. И. ХОТЕЕВ

**О РЕДКОМ ИЗДАНИИ ОДЫ ЛОМОНОСОВА 1741 ГОДА
(«ПЕРВЫЕ ТРОФЕИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИОАННА III...»)**

23 августа 1741 года в ходе шведской кампании русские войска под командованием генерал-фельдмаршала П. П. Ласи штурмом взяли Вильманstrand¹ — город-крепость в 50 верстах к северо-западу от Выборга. По случаю этой яркой победы Ломоносов, недавно вернувшийся в Петербург после длительного пребывания за границей, написал оду, которая начиналась следующими словами:

Российских войск хвала растет,
Сердца продерзки страх трясет,
Младой Орел уж Льва терзает.

Под молодым Орлом, побеждающим шведского Льва, подразумевался, конечно, малолетний император Иоанн Антонович, которому, собственно, и была посвящена ода, получившая пространное название:

«Первые трофеи Его Величества Иоанна III, Императора и Самодержца Всероссийского, чрез преславную над Шведами победу Августа 23 дня 1741 года в Финляндии поставленные, и в высокий день тезоименитства Его Императорского Величества Августа 29 дня 1741 года в торжественной оде изображенные от всеподданнейшего раба Михайла Ломоносова».²

Говоря об этой довольно обширной оде, насчитывающей 23 строфы, следует иметь в виду, что при ее написании Ломоносов был предельно ограничен во времени. Еще А. А. Куник в середине XIX века, давая оценку этому стихотворному произведению, обращал внимание на то, что ода написана с некоторой поспешностью.³ У нас есть реальная возможность разобраться, в какие сроки она была сочинена.

¹ Ныне — город Лаппенранта (Финляндия)

² Текст оды см *Ломоносов М В* Полн собр. соч М, Л, 1959 Т 8 С 43–52

³ [Куник А А] Краткое известие о вновь открытых одах Ломоносова, 1741 года // Ученые записки Императорской Академии наук по Первому и Третьему отделениям СПб, 1855 Т 3 С 278

До сих пор «Первые Трофеи» традиционно датировались периодом с 23 по 29 августа 1741 года, т. е. промежутком времени со дня сражения при Вильманстранде по упомянутый в заглавии оды день тезоименитства императора Иоанна Антоновича⁴ Другие временные ориентиры исследователями и комментаторами не принимались во внимание. Между тем, имеются сведения, которые позволяют уточнить время написания этой оды

По сообщению газеты «Санктпетербургские ведомости» от 28 августа 1741 года, а также в соответствии с достоверными данными, которыми располагали английский и французский полномочные министры при русском дворе Э. Финч и Ж. Ж. Тротти де Ла Шетарди, известие о взятии Вильманстранда было доставлено в Петербург на вторые сутки после сражения, в 4 часа утра 25 августа 1741 года, адъютантом фельдмаршала Ласи бароном фон Кампентаузенем, который, преодолев расстояние почти в двести верст, практически сразу явился с донесением к правительнице Анне Леопольдовне, матери императора. В то же утро в честь успеха русского оружия над Невой прогремели залпы оружейного салюта, при дворе состоялся официальный прием, в Петропавловском соборе и в придворной церкви были отслужены благодарственные молебны, до часу дня по всему городу раздавался колокольный звон. Известие о победе быстро распространилось среди петербуржцев.⁵

Из этих сведений следует, что, как и остальные жители Петербурга, Ломоносов узнал о вильманстрандской победе не ранее 25 августа 1741 года. Учитывая это обстоятельство, мы безошибочно можем внести уточнение в датировку «Первых трофеев», сузив ее границы с семи до пяти дней: ода была сочинена в период с 25 по 29 августа 1741 года. Иными словами, ода объемом в 230 стихов была написана Ломоносовым не более чем за пять дней.

Известно, что день тезоименитства годовалого императора Иоанна Антоновича отмечался в праздничной обстановке при дворе 29 августа 1741 года⁶ Не исключена возможность, что ода, сочиненная Ломоносовым, была зачитана на этих торжествах и получила благоприятные отзывы. Так или иначе вскоре, примерно в одно и то же время, появились сразу две публикации «Первых трофеев»: ода была напечатана на страницах петербургского журнала «Примечания к ведомостям» от 11 сентября 1741 года,⁷ а также вышла в свет отдельным изданием — в виде брошюры форматом в пол-листа и объемом в 8 нумерованных страниц, с выходными данными на титульном листе: «Печатано в Санктпетербурге при Императорской Академии Наук, 1741 года»⁸ Поскольку документы, свя-

⁴ Ломоносов М В Поля собр соч Т 8 С 884, Ломоносов М В Избранные произведения / Вступ ст, сост, примеч А А Морозова Л, 1986 С 81, 500 (Библиотека поэта Большая серия)

⁵ Санктпетербургские ведомости 28 августа 1741 г № 69 С 6–7, Сборник Императорского исторического общества 1894 Т 91 С 256, 259, 1896 Т 96 С 381–382

⁶ Санктпетербургские ведомости 1 сентября 1741 г № 70 С 7

⁷ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в 1725–1800 М, 1966 Т 4 С 170–172, № 212

⁸ Там же М, 1964 Т 2 С 172, № 3767

занные с печатанием оды не найдены, остается невыясненным, какая из двух публикаций была предпринята раньше⁹

Судьба обеих публикаций оды сложилась очень неудачно. После того как в результате дворцового переворота 25 ноября 1741 года на престол вступила Елизавета Петровна, повсеместно в России были приняты суровые меры по целенаправленному изъятию и последующему уничтожению всей печатной продукции с упоминаниями о низложенном Иоанне Антоновиче и его родителях, бывшей правительнице Анне Леопольдовне и герцоге Антоне Ульрихе Брауншвейгском¹⁰. В этих условиях под угрозой уничтожения оказались, разумеется, и «Первые трофеи», как журнальная публикация, так и брошюра. В особенности пострадал тираж отдельного издания¹¹. Долгое время считалось, что из всего тиража этой брошюры уцелел один-единственный экземпляр, который хранится теперь в Российской национальной библиотеке¹². Второй экземпляр обнаружился лишь недавно. Он найден в Нижнесаксонском государственном архиве в Вольфенбюттеле (ФРГ) среди рукописных и печатных материалов, поступивших в 1741–1742 годах ко двору герцогов Брауншвейгских с дипломатической почтой из Петербурга¹³. В то время как в елизаветинской России тираж брошюры методично уничтожался, этот экземпляр благополучно хранился в архивных делах, связанных с внешней политикой Брауншвейгского герцогского дома.

Необходимо подчеркнуть счастливо уцелевшие печатные тексты «Первых трофеев» имеют особое научное и культурное значение уже в силу того, что до сих пор нигде не обнаружен рукописный подлинник этой оды¹⁴.

В настоящее время разыскиваются многие русские издания XVIII века, некогда случайно утраченные из-за небрежения владельцев и хранителей или по разным причинам преднамеренно изъятые из читательского обихода и историко-культурной сферы в целом¹⁵. Находка второго экземпляра отдельного издания Ломоносовской оды «Первые трофеи» лишний раз свидетельствует о том, насколько эффективными могут оказаться книговедческие поиски не только в различного рода библиотечных фондах, но и в исторических архивах, как отечественных, так и зарубежных.

⁹ Ломоносов М В Полн собр соч Т 8 С 883

¹⁰ Там же С 884, Пекарский П История Имп Академии наук в Петербурге СПб, 1873 Т 2 С 320, Корф М А Брауншвейгское семейство М, 1993 С 83–84

¹¹ Имеются документальные свидетельства об уничтожении конкретных экземпляров отдельного издания «Первых трофеев» См. Материалы для истории Имп Академии наук СПб, 1895 Т 7 С 532, Ломоносов М В Полн собр соч Т 8 С 884

¹² [Кулик А А] Краткое известие о вновь открытых одах Ломоносова, 1741 года С 277–278, Ломоносов М В Избранные произведения С 500, Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в Т 2 С 172, № 3767, Ломоносов М В Сочинения / С объяснительными примечаниями М И Сухомлинова СПб, 1891 Т 1 С 129 третья пагинация

¹³ Niedersächsisches Staatsarchiv in Wolfenbüttel, 1 Alt 6 (Beziehungen zu nichtdeutschen Staaten), N 211, Bl 63–66

¹⁴ Ломоносов М В Полн собр соч Т 8 С 883

¹⁵ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в 1725–1800 Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения М, 1975 С 63–98

С. И. НИКОЛАЕВ

**ИМЯ НА ДЕРЕВЕ
(ИЗ ИСТОРИИ ИДИЛЛИЧЕСКОГО МОТИВА)**

Герои поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», добравшись до села Клин, оказались в запущенной помещичьей усадьбе:

Бродили долго по саду:
«Затей-то! горы, пропасти!
И пруд опять... Чай, лебеди
Гуляли по пруду?..
Беседка... стойте! с надписью!..»
Демьян, крестьянин грамотный,
Читает по складам.
«Эй, врешь!» Хохочут странники..
Опять — и то же самое
Читает им Демьян.
(Насилу догадались,
Что надпись переправлена:
Затерты две-три литеры,
Из слова благородного
Такая вышла дрянь!)¹

Что это была за надпись, где именно (над входом или на одной из стен беседки) и как она была выполнена (написана краской или вырезана), — неизвестно. В определенном смысле эту сцену можно рассматривать как травестию картины Никола Пуссена «Et in Arcadia ego».² Герои Некрасова, конечно, не аркадские пастухи — по своему настрою этот эпизод сопоставим, скорее, с картиной И. Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Сцена из поэмы Некрасова любопытна не только этой напрашивающейся параллелью. Это своего рода историко-культурный палимпсест, который сохранил следы трех этапов жизни надписи.

¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: В 15 т. Л., 1982. Т. 5. С. 123–124. При собирании материала мне помогли советы и справки коллег. Выражаю сердечную признательность А. Ф. Белоусову, Е. В. Душечкиной, Н. Д. Кочетковой, Н. П. Морозовой, В. П. Степанову, И. Х. Черняку, В. И. Эрлю.

² См.: Панофский Э. Et in Arcadia ego: Пуссен и элегическая традиция // Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. СПб., 1999. С. 335–362.

Сначала кто-то ее написал (или вырезал). Известно только, что это было некое «благородное» слово. Второй этап — кто-то не без известной избрательности переправил надпись («затерты две-три литеры»), в результате чего «из слова благородного такая вышла дрянь!» Наконец, третий этап истории восприятия надписи — хохочущие странники. Они смеются, конечно, не столько над «благородным» словом, сколько над той ловкостью, с которой неведомый насмешник осквернил чьи-то возвышенные чувства. Сама же «барская затея» — надпись на беседке — им чужда и непонятна, их искренний смех отмечает завершение длительной истории одного идиллического мотива, появившегося впервые в европейской литературе как раз в среде упомянутых аркадских пастухов и пастушек.

Надпись на беседке в поэме Некрасова — это лишь один вид из вереницы разнообразных надписей, которыми начиная с античности и вплоть до XIX века украшались сады.³ В античной буколической поэзии таким «приятным местом» (*locus amoenus*) и предшественницей сада была роща,⁴ и именно в ней появляется первая надпись такого рода. Естественное природное окружение и простодушно-наивный характер далеких от цивилизации героев буколической поэзии определили место надписи — кора дерева и как следствие определенной сложности исполнения ее кратчайший тип — имя возлюбленной или возлюбленного. Герои буколической поэзии далеки не просто от цивилизации, а именно от городской цивилизации, а это весьма существенная черта природы этого жанра.⁵ Как отмечал Й. Хейзинга, «по-настоящему наивной и естественной буколика не была никогда. У самого Феокрита она предстает плодом усталости от городской жизни, бегством от культуры».⁶ Пастухи и пастушки пишут на дереве не только потому, что им не на чем больше писать, — недолговечная и очень личная пастушеская надпись на дереве противопоставлена рассчитанным на вечность официальным надписям на камне и металле.

Этот мотив — имя на дереве — есть уже у классиков буколической поэзии, у Феокрита и Вергилия. П. Ю. Львов так перевел в 1796 году соответствующее место из 18-й идиллии Феокрита: «Никогда не изыдешь ты из памяти нашей. Сердца наши стремятся к тебе, как агнцы ко матери своей. Лotosовые венцы повесим мы на тенистом яворе. В серебряных

³ См.: Общее замечание г. Гиршфельда о надписях. (Взято из его сочинения о садах) // Экономический магазин. 1787. Ч. 29. № 23. С. 363–367; Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. С. 209–212. См. описания разнообразных надписей в парке Эрменонвиля под Парижем (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 308–312) и надписей в саду Сухопутного шляхетного корпуса во второй половине 1780-х гг.: Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 72–74. В рукописном сборнике А. Т. Болотова «Собрание мелких сочинений в стихах и прозе» сохранились проекты надписей в стихах 1797 г., которые предполагалось разместить в саду на специальных дощечках у пруда, скамьи и дерева, см.: Веселова А. Ю. Стихотворения А. Т. Болотова: хорошая физика, но плохая поэзия // Slavic Almanach. The South African Year Book for Slavic, Central and East European Studies. 2000. Vol. 6. № 9. P. 166–168.

⁴ См.: Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern; München, 1984. S. 202–206.

⁵ См.: Poggioli R. The Oaten Flute. Essays on Pastoral Poetry and the Pastoral Ideal. Cambridge, Mass., 1975. P. 1–41. Ср.: Hauzer A. Społeczna historia sztuki i literatury / Przekład J. Ruszczykówny. Warszawa, 1974. T. 2. S. 16–18.

⁶ Хейзинга Й. Об исторических жизненных идеалах. London, 1992. С. 100.

сосудах принесем масло ароматное, излием его по капле на кору древа сего и дорическими словами (да чтет мимоидуший) начертаем мы на нем: „Чтите меня, смертные, я древо, Елене посвященное“». ⁷ В начале XIX века появился и стихотворный перевод этой идиллии:

На завтра, как заря настанет,
Мы в луг пойдем собирать цветы,
И каждая из нас вспомянет,
Что с нами разлучилась ты.
Мы скажем: «Нет Елены с нами»,
И станем все ее искать;
Как агнца ищет меж кустами
О нем скучающая мать.
Украшим после их венками —
Приятен сей нам будет труд.
Своими утвердим руками
На ветвях сребряный сосуд.
На дереве изображенны
Слова, что нежность начертит:
«Прохожий! дерево Елены
В тебя почтенье да вселит!» ⁸

Перевод соответствующего места из 5-й эклоги Вергилия вызвал расхождения у русских переводчиков. А. Ф. Мерзляков в 1807 году перевел это место достаточно точно:

Унылая свирель, пусть звук твой раздастся!
В жилище ужасов, где лютый тигр пасется,
Там должно мне свое отчаянье скрывать,
На нежной древ коре любовь изображать.
Растите, деревья, расти, любовь несчастна!
Забытому судьбой пустыня не ужасна! ⁹

При переиздании своих переводов в 1826 году в приведенном отрывке Мерзляков исправил только этот стих: «И токмо древ коре любовь свою вверять». ¹⁰ Поскольку у Вергилия вырезание имени не упоминается, а лишь подразумевается (*tenerisque meos incidere amores arboribus*), то нет его и в переводе А. Ф. Воейкова 1819 года:

Я побреду к пастухам сицилийским; наигрывать стану
Песни на голос сладкий поэта калцидского песен.
Жить поселюся в лесах: терпеть от зверей не столь горько.

⁷ Эпиталам на брак Елены. Из Теокрита. Идиллия 18 / Пер. П. Львов // Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 12. С. 207. Ср.: *Феокрит. Моск. Бион. Идиллии и эпиграммы*. М., 1958. С. 86.

⁸ Феокритова идиллия XVI (так! — С. Н.). Эпиталамия Елены // Друг просвещения. 1806. Ч. 4. № 10. С. 28.

⁹ Эклоги П. Вергилия Марона, переведенные А. Мерзляковым. М., 1807. С. 91–92. Ср. перевод С. Шервинского: «И, надрезая стволы, доверять им любовную нежность» (*Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида*. М., 1971. С. 60).

¹⁰ Мерзляков А. Подражания и переводы и греческих и латинских стихотворцев. М., 1826. Ч. 2. С. 265.

Там на юных древах любовь вырезать стану,
Скоро древа возрастут, и любовь моя вырастет с ними ¹¹

Из этих первых запечатленных в буколической поэзии случаев вырезания имени на древесной коре недвусмысленно явствует, что надпись на дереве носит только посвятельный характер и не связана с какими-либо ритуальными или магическими действиями ¹² Не связана она и с чрезвычайно развитым культом поклонения деревьям, в том числе с распространенным мотивом превращения в дерево (так, например, только в «Метаморфозах» Овидия насчитывается более 20 превращений людей в деревья) ¹³

Психологическая и эмоциональная атмосфера самого момента создания надписи связана с большой разлукой с любимым или его утратой, невозможностью быть вместе или томлением по утраченному или несбывшему счастью Суть этого эмоционального состояния тонко пояснил Т. Тассо в «Освобожденном Иерусалиме» при описании страданий Эрминии, оказавшейся в лесной хижине пастухов К. Н. Батюшков отметил этот эпизод поэмы и пересказал его в очерке «Петрарка», ¹⁴ а вот как он был переведен в 1772 году М. И. Поповым «Почасту во время дневного жара, сидящая под тению буков, писала она на древесной коре имя обожаемого ею Князя Она присовокупляла к тому свое начертывала она там повесть своей любви „Растите, любезные древа,— вещала она по сем,— сохраните невредимо вверяемый мною вам залог Если когда-нибудь некий верный любовник придет опочинуть под вашу тень, возвестите ему мои напасти, понудьте его пожалеть о моем злосчастье Да речет он, узря мои злополучия «Возможно ль, чтоб любовь поступила толико жестоко с толь нежною и верною Царевною?»“» ¹⁵

¹¹ Новости литературы 1825 Кн 13 Сентябрь С 181 / Пер с лат А. Ф. Воейкова Дрепт, 1819

¹² Надо отметить, правда, что М. Комаров в посвящении сборника «Разные письменные материи» (М., 1791) кн. В. А. Хованскому писал «В прошедшие времена древних лет жители некоторой части земли начертывали на плодоносящих деревьях и листьях имена тех богов, которым они веровали, для того чтоб оные лучший и изобильнейший плод приносили, а писатели сочинения свои приписывали разумным, добродетельным, человеколюбивым и обо всем здраво рассуждающим людям или своим благотворителям»

¹³ См. *Кагаров Е.* Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции СПб., 1913 С 191–192, *Зеленин Д.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов М., Л., 1937 С 72–75

¹⁴ *Батюшков К. Н.* Опыты в стихах и прозе М., 1977 С 163

¹⁵ Освобожденный Иерусалим, ироническая поэма итальянского стихотворца Тассо, переведена с французского М. Поповым СПб., 1772 Ч 1 С 264 Ср этот фрагмент в украинском стихотворном переводе конца XVII—начала XVIII в., выполненном с польского перевода П. Кохановского (1618 г.) Украинська поезія Середина XVII ст. Київ, 1992 С 520

Частокроть, егда овец в время полуденно
Под сени высоких древ в прохладу отгнала,
В высоком буце или древо яворинно
Имя свое преславно ножом рысовала,
Всех своих милостей и бед неизменно
На корах розных древес повырезовала
И, гды оные писма охочо чытала,
Всегда кровавыми лзами вся ся обливала

Мотив имени на дереве встречается и в другой знаменитой итальянской поэме XVI века — «Неистовом Роланде» Л. Ариосто. Если К. Н. Батюшков пересказал этот мотив в «Освобожденном Иерусалиме» прозой, то А. С. Пушкин перевел стихами соответствующий отрывок из XXIII песни «Неистового Роланда» Л. Ариосто («Из Ариостова „Orlando furioso“, 1826 г.) начиная с описания locus amoenus:

Ott. 100

Пред рыцарем блестит водами
Ручей прозрачнее стекла,
Природа милыми цветами
Тенистый берег убрала
И обсадила деревьями.

101

Луга палит полдневный зной,
Пастух убогой спит у стада.
Устал под латами герой —
Его манит ручья прохлада.
Здесь мыслит он найти покой.
И здесь-то, здесь нашел несчастный
Приют жестокой и ужасный.

102

Гуляя, он на деревьях
Повсюду надписи встречает.
Он с изумленьем в сих чертах
Знакомый почерк замечает;
Невольный страх его влечет,
Он руку милой узнает...
И в самом деле в жар полдневный
Медор с китайскою царевной
Из хаты пастыря сюда
Сам-друг являлся иногда.

103

Орланд их имена читает,
Соединенны вензелом;
Их буква каждая гвоздем
Герою сердце пробивает.
Стараясь разум усыпить,
Он сам с собою лицемерит,
Не верить хочет он, хоть верит,
Он силится вообразить,
Что вензеля в сей роще дикой
Начертаны все — может быть —
Другой, не этой Анджеликой.

И далее:

И здесь их имена кругом
Древа и камни сохраняли;

Их мелом, углем или ножом
Везде счастливицы написали.¹⁶

Имена на деревьях появляются и в другом знаменитом произведении того времени — в «Дон Кихоте» Сервантеса, в рассказе козопаса о красавице гордячке Марселе, которая постоянно отвергала своих поклонников (ч. 1, гл. 12). В его повествовании упоминаются и «дюжины две буквых дерев, и на каждом вырезано имя Марцеллы, на иных же и под венцем, как будто для показания, что она достойна венца красоты. Там воздыхает пастух, здесь другой возсылает жалобы, там слышны любовные песни, а инде отчаянные речи».¹⁷

Таким образом, классические образцы дали два варианта толкования имени на дереве: два имени, обычно соединенные вензелем, означают взаимную любовь и согласие, тогда как одно имя (возлюбленной или возлюбленного) — печаль разлуки или любовное томление. В последнем случае имя на дереве — не просто посвятельная надпись, но и робкое признание влюбленного аркадского пастушка,¹⁸ рассчитанное на прочтение возлюбленной, и одновременно трепетное ожидание ответа (см. далее примеры из русской литературы XVIII века, особенно сентиментальной «чувствительной повести»). Имя на дереве — это своеобразное любовное послание, которое при всей своей краткости исполнено большого эмоционального напряжения; это своего рода язык влюбленных, понятный им одним. Эмоциональную напряженность «объяснения без слов» блестяще передал Л. Н. Толстой в сцене объяснения Кити и Левина в «Анне Карениной» (ч. 4, гл. XIII). Их «разговор» ведется мелкими на зеленом сукне карточного стола, причем Кити и Левин пишут только первые буквы слов довольно сложных фраз и тем не менее безошибочно понимают друг друга.¹⁹ В идилической традиции вырезанное на дереве имя призывает к столь же эмоциональному прочтению.

¹⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1948. Т. 3. Ч. 1. С. 14–16. В Штукатурном покое Китайского дворца в Ораниенбауме с 60-х гг. XVIII в. хранится картина «Анжелика и Медор» итальянского художника XVII в. Д. Чиньяролли, на которой изображены и деревья с надписями, см.: Ключарица Д. А. Художественные памятники города Ломоносова. Л., 1980. С. 104–105.

¹⁷ История о славном Ла-Манхском рыцаре Дон Кихоте. Переведена с французского [И. А. Тейльсом]. СПб., 1769. Т. 1. С. 128–129. В переводе В. А. Жуковского это место передано кратко и несколько иначе: «Все наши деревья измараны стихами Марселле» (Дон Кихот Ла Манхский. Сочинение Серванта. 2-е изд. М., 1815. Т. 1. С. 188).

¹⁸ Робость влюбленных — постоянный мотив пастушеской поэзии, см. эклогу А. П. Сумарокова «Амарилла», героиня которой

Крушится, что пастух «Люблю тебя» не скажет;
Но как сказать, когда она любви не кажет?
Со Амариллою в обширный разговор
Не смеет и войти влюбленный Полидор:
Взаимныя любви не ведая, страдают
И счастья своего с обеих стран не знают.

(Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. 2-е изд. М., 1787. Ч. 8. С. 55).

¹⁹ — Пойдите, — сказал он, садясь к столу. — Я давно хотел спросить у вас одну вещь. Он глядел ей прямо в ласковые, хотя и испуганные глаза.

— Пожалуйста, спросите.

— Вот, — сказал он и написал начальные буквы: к, в, м, о; э, н, м, б, з, л, э, н, и, т? Буквы эти значили: «когда вы мне ответили: этого не может быть, значило ли это, что никогда, или

Надпись на дереве — далеко не главный мотив пастушеской поэзии, но он оказался удивительно живуч в дальнейшей европейской литературе, особенно поэзии буколического характера. В русской поэзии он впервые появился в анонимно напечатанной в 1757 году идиллии А. А. Нартова «Нисса»:

На травке Тирс один в лачужке
Тогда лежал,
Как рассуждал
О Ниссе там пастушке
.....
«Поставлю имя по обету
В разных цветах
На всех деревьях,
Которых краше нету:
Пускай на них
То все читают
В гульбищах сих
И ту желают
Иметь в глазах».²⁰

Героиня эклоги А. П. Сумарокова «Флориза» сокрушается о своем возлюбленном («Дамета больше нет») и переживает разлуку с ним:

О Эхо! таинства Флоризина свидетель!
От возмущения и стона моего,
Не повторяло ли ты имени его,
Как я любезнейшим Дамета нарицала,
И имя здесь его всечасно восклицала.
И вы свидетели, высоки дресеса,
Дубровы темные, дремучие леса;
И вы, прохладные при сих горах пещеры,
Что нет любви моей к возлюбленному меры.
Вырезывала я в лесных корах: «Дамет!
Ты мил душе моей: люблю тебя мой свет»,
И именем драгим дубровы украшала,
А вас, пещеры, я слезами орошала.²¹

Примечательно, что ни в этих стихах, ни в других известных нам оригинальных русских сочинениях авторы предпочитают не указывать, чем именно вырезывается имя или надпись. Только в эклоге А. П. Сума-

тогда?» Не было никакой вероятности, чтоб она могла понять эту сложную фразу; но он посмотрел на нее с таким видом, что жизнь его зависит от того, поймет ли она эти слова.
<...>

— Я поняла,— сказала она покраснев (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. Т. 18. С. 418).

²⁰ Русская литература — Век XVIII: Лирика. М., 1990. С. 150. См.. Идиллия. Нисса // Ежемесячные сочинения. 1757. Март. С. 283 и сл.; без подписи. Идиллия без достаточных оснований была приписана Тредиаковскому и печаталась в составе его сочинений: *Тредиаковский В. К.* Соч. СПб., 1849. Т. 1. С. 750–753. В последнее время атрибутирована А. А. Нартову, см.: *Klein J.* Die Schäferdichtung der russischen Klassizismus. Wiesbaden, 1988. S. 73.

²¹ *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч. Ч. 8. С. 48–49.

рокова «Феламира» появляется нож, причем не столько как «орудие письма», сколько оружие в руках отчаявшегося влюбленного:

Любовник падает пред нею на колени:
«Я пеней никаких тебе не говорю,
Лишь только мучуся и в пламени горю;
И если я с тобой в сей час не соглашуся,
В сей час и жизни я перед тобой лишуся.
Чем имя здесь твое на корках я черчу,
Сей нож я кровию своею омочу!»²²

Второй раз «орудие письма» — и довольно необычное — названо в панегирической идиллии Сумарокова на день рождения наследника Павла Петровича 20 сентября 1761 года («Сицилийски нимфы пети...»), и это вовсе не предполагаемый нож, а игла:

Вы, пастушки, собирайтесь,
У потоков чистых вод,
И, сошедшись, разыграйтесь,
Составляя хоровод:
Воспевайте и пляшите,
Имя Павлово пишите,
Вы иглой на деревьях!
Пойте в поле нежну младость,
Пойте, пойте нашу радость,
При водах и при лесах!²³

Помимо оригинальных идиллий мотив имени на дереве появляется, конечно, и в переводной идиллии. Например, он есть у образцового идиллического автора Саломона Геснера. Милон, герой его идиллии «Ликас и Милон», говорит: «В последний раз при восходе Авроры я украсил место сие гирляндами, кои висели прищелпленные от куста на куст, и обвиты были вокруг всякого дерева: место сие казалось святилищем весны или любезной Венеры Я хочу, сказал я тогда, я хочу еще вырезать наши имяна на сей пихте. Я спрячусь по том в какой ни будь кустарник, от куда узрю ее усмехающуюся, и услышу что она скажет. Рекши сие, я начал вырезать на коре древесной; как вдруг почувствовал веноч охвативший чело мое Приятное осязание тот час принудило меня оглянуться, и я увидел усмехающуюся Дафну»²⁴

XVIII век хорошо знал и помнил о связи надписи на дереве с классической пастушеской поэзией. Н. М. Карамзин, описывая в «Письмах русского путешественника» разнообразные надписи в парке Эрменонвиля под Парижем, отметил и надписи на деревьях: «Прежде всего поведу вас к двум густым деревьям, которые сплелись ветвями, и на которых рукою Жан-Жака вырезаны слова: *любовь все соединяет* Руссо

²² Там же С 63

²³ Там же С 175 В этой части книги есть сбой в пагинации, указывается фактическая страница

²⁴ Идиллии и пастушьи поэмы господина Геснера Переведены с подлинника Васильем Левшиным М., 1787 С 27

любил отдыхать под их сению, на дерновом канапе, им самим сделанном. Тут рассеяны знаки пастушеской жизни; на ветвях висят свирели, посохи, венки, и на диком монументе изображены имена сельских певцов: Теокрита, Виргилия, Томсона». ²⁵ На «древнем, густом вязе» другая надпись:

Под сению его я с милой изъяснился;
Под сению его узнал, что я любим!

И далее Карамзин пишет: «Вы ищите глазами Юлиина имени, и видите его — на камнях и деревьях». ²⁶

Как видно, надпись на дереве — это обычно штрих, психологическая деталь идиллии. Но уже в 80-е годы XVIII века надпись на дереве становится темой стихотворения. Юный П. И. Голенищев-Кутузов в 1785 году написал «Стишки к дереву, на коем вырезано имя Е.»:

Как имя на дереве сем
Моей драгой изображенно,
И в сердце так моем
Прелестное лице любезной впечатленно. ²⁷

В начале XIX века в печати появилось развернутое стихотворение, целиком посвященное только этому мотиву — «Имя на клену», но в нем речь идет уже о печали разлуки:

Прелестны некогда места прохлады милой!
Скажите, отчего ваш ныне вид унылый?
Где прежняя твоя приятность, друг наш, клен?
Под коим отдыхал со мною мой Филен?
Ах! сколь болит удар нам от руки любезной!
Мне все противно здесь, все вид имеет слезный.
Сей голос соловья, сей томный шум ручья
С пременою в душе иначе слышу я.
Почто ж я горести мои усугубляю,
И вас в участии с изменником пеняю?
Пусть сей пушистый дерн, сей нежный ветерок,
Дадут неверному и за меня упрек.
Ты, клен, свидетель был всех наших восхищений,
Будь зрителем моих лишь горестей, мучений;
Я смою на тебе потоком слез сей знак;
Которым некогда заметил он наш брак...
Но легче имя истребить
На мягкой сей коре древесной,
Чем перестать того любить,
Чей в сердце вид ношу прелестной. ²⁸

²⁵ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 308. Здесь и далее курсив принадлежит цитируемым авторам.

²⁶ Там же. С. 309.

²⁷ Голенищев-Кутузов П. Стихотворения. М., 1804. Ч. 3. С. 109.

²⁸ Улей. 1811. № 1. Январь. С. 73–74.

Автор опубликованного в «Улье» стихотворения был установлен сравнительно недавно — это польский поэт Циприан Годабский (1765–1806)²⁹ Примечательно, что в оригинале стихотворение, впервые опубликованное в 1803 году,³⁰ названо «*Sufla na jaworze*», т. е. «Вензель на яворе» Замена весьма показательная — неизвестный переводчик посчитал более уместным поставить в заглавие «имя», возможно, как более привычное не только в литературной традиции, но и в быту, поскольку именно имя одного возлюбленного на коре дерева соответствует трагической ситуации расставания Вырезанные и соединенные в надписи два имени, правда, не на дереве, а на пастушьем посохе, встречаются в другой идиллии, опубликованной также в «Улье» и тоже переведенной с польского — самой знаменитой польской идиллии эпохи сентиментализма «Лаура и Филон» Францишека Карпинского (1741–1825)

Но страстью никогда, клянуся, не пленялся
Ужели тот влюблен, кто бровью лишь мигнет?
Вот посох тот, на нем слова изображены
С раскраскою моею рачительной резьбой,
Ты наши имена здесь видишь сопряжены
Вверху цветочною вязанкой меж собой³¹

Два имени на дереве могут пробудить и воспоминание о минувшей любви, ср. стихотворение «К вязу, на коре которого начертаны были вместе два имена (Из Парни)»

О верный вяз! зачем ты мне напоминаешь
Два сердца, кои рок давно уж разлучил?
Завидую тебе! ты счастлив, ты не знаешь,
Что мой Аминт уже другую полюбил³²

Вырезанное на коре дерева имя возлюбленной встречается, конечно, далеко не в каждой идиллии XVIII—начала XIX века³³ и даже не у каж-

²⁹ См. *Dworski A Z dziejow zblizenia kulturalnego rosyjsko-polskiego na poczatkę XIX wieku — polonica w czasopiśmie «Улей» // Spotkania literackie Z dziejow powiazan polskorosyjskich w dobie romantyzmu i neoromantyzmu* Wrocław, 1973 S 168, 180

³⁰ См. *Zabawy przyjemne i pozyteczne 1803 T 1 S 53, Godebski C Dzieła wierszem i prozą* Warszawa, 1821 T 2 S 438

³¹ Улей 1812 Ч 4, № 22 Октябрь С 318 Это стихотворение было переведено самим издателем журнала В Г Анастасевичем еще в 1802 г., см. *Николаев С И А Нарушевич и Ф Карпинский в «Чужой музе» В Г Анастасевича // Русская литература 1988 № 4 С 143*

³² Украинский журнал 1825 № 23 и 24 С 357 Подпись « въ» Из восьми строк оригинала неизвестный переводчик перевел только первое четверостишие Ср два перевода В Брюсова этого восьмистишия из сборника Э Парни «Любовные стихотворения» (кн 4, элегия 3) Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова М, 1994 С 180–181, 822 В 1912 г Брюсов перевел четверостишие римского поэта Флора «О том, какова жизнь», в котором разработан разбираемый мотив

Грушу с яблоней в саду я деревьями посадил,
На коре наметил имя той, которую любил
Ни конца нет, ни покоя с той поры для страстных мук
Сад все гуще, страсть все жгучей, ветви тянутся из букв

(Античная лирика М, 1968 С 481)

³³ Хронологический перечень русских идиллий и эклог XVIII в см в кн *Klein J Die Schaferdichtung der russischen Klassizismus S 187–199*

дого образцового автора. Так, этого мотива нет ни в идиллиях г-жи Дезульер в переводе А. Ф. Мерзлякова,³⁴ ни у В. И. Панаева.³⁵ Отзвук мотива находим уже в романтическую эпоху в стихотворении В. Г. Бенедиктова «К А. П. Г<артонг>» (1839). Страдающий от любви герой стихотворения сообразно с модой времени переживает свою печаль уже не в идиллической роще, а в более романтических горах, на Чатырдаге в Крыму:

Там, средь природы колоссальной,
На высях гор, на ребрах скал,
Оставил я мой след печальный
И ваше имя начертал,
И после — из долин метались
Мои глаза на высоты,
Где мною врезаны остались
Те драгоценные черты.

Герой, впрочем, надеется, что его возлюбленная когда-нибудь окажется в этих местах:

И вы найдете те скрижали,
Где, проясняя свой удел
И сердца тайные печали,
Я имя ваше впечатлел.
Быть может, это начертанье —
Скалам мной вверенный залог —
Пробудит в вас воспоминанье
О том, кто вас забыть не мог!³⁶

Бенедиктов не обратил внимания на очевидное противоречие между романтическим ландшафтом и сентиментальным поведением героя, мысли и действия которого повторяют схемы пастушеской поэзии. Материал для вырезания имени непременно должен быть недолговечным и потому связан с живой природой. Русской литературе XVIII—первой трети XIX века известны и более эфемерные, чем древесная кора, материалы, на которых начертывалось (или грезилось вырезанным) имя возлюбленной.

На цветах и травах:

В луга, в долины, в рощи, горы
Ты, Эхо, песни разнеси,
Ты имя хвальное Лидоры
И ей любезного гласи!
Силен приятно свирелью
И соловей различной трелью,
Пусть их стократ изобразят
Цветы, кустарники, дубравы,
Листы древес, и мягки травы
Пусть на себе их имя зрят.³⁷

³⁴ См.: Дезульер А. Идиллии. М., 1807.

³⁵ См.: Панаев В. Идиллии. СПб., 1820.

³⁶ Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1983. С. 204—205.

³⁷ Идиллия. Лидора // Модное ежемесячное издание. 1779. Ч. 2. С. 30.

На плодах

Тебе сии слова, любезнейшая, новы,
Но слышали стократ то здешния дубровы,
Как я именовал несклонную, стена,
И имя здесь твое на тыквах у меня
Как осенью мороз во тыквы только резнет,
И имя тут мое со тыквами исчезнет,
Минется время тыкв, исчезнут тыквы те,
Исчезнет тут на них и имя красоте³⁸

На лепестке

На листочке алой розы
Я старалась начертить
Милу другу в знак угрозы,
Что не буду ввек любить³⁹

На листочке

Отнесите, ветры,
К ней сухие листья
Пусть прочтет на каждом
«Так он, бедный, вянет,
Так в нем сохнет сердце,
От любви тоскуя!»⁴⁰

Материал может быть не указан, но надпись явно недолговечная

На месте я твоим пред олтарем сижу,
И, тщетно ждя тебя, на все страны гляжу
Везде пишу твое дражайшее названье
И ах! Слезами то смываю начертанье⁴¹

На покрытом инеем стекле

«Теперь прости, милая Элиза, до радостного вечера, в который я тебя увижу — Я видел чей-то вензель на окошке — усеянный блестками сребристого мороза — Я не хочу жив быть, если это не его вензель Тайна, кажется, открылась Предчувствие меня не обмануло»⁴²

Именно к этой идиллической традиции восходит самая знаменитая в русской литературе надпись на «отуманенном» стекле

Татьяна пред окном стояла,
На стекла хладные дыша,

³⁸ Сумароков А П Полн собр всех соч Ч 8 С 57 Надпись на тыкве не является изобретением Сумарокова — она встречается, например, в стихотворении немецкого поэта Б-Г Броккеса (1680–1747) «Тыква» («Der Kurbis»), см *Фолькельт И* Современные вопросы эстетики СПб, 1900 С 212

³⁹ Костров Е И Клятва // Русская литература — Век XVIII Лирика С 284

⁴⁰ Глинка Ф Сетование (С богемского) // Новости литературы 1825 Кн 13 Июль С 55

⁴¹ Модное ежемесячное издание 1779 Ч 1 С 13

⁴² Галинковский Я Часы задумчивости М, 1799 Ч 1 С 52–53 Герой оказался прав, героиня, действительно, любит другого

Задумавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель *О да Е*.

(«Евгений Онегин», гл 3, XXXVII)⁴³

История имени на коре дерева не заканчивается, однако, вместе с историей русской стихотворной идиллии. Ближайшей наследницей этого жанра стала сентиментальная «чувствительная повесть», которая унаследовала от идиллии и характеры персонажей, и язык, и другие черты,⁴⁴ в том числе *locus amoenus* сентиментализма — рошу. Более того, «чувствительная повесть» прямо продолжила идиллию: «Нежная любовная сцена, или ряд сцен, маленький сюжетный узелок — и идиллия превращается в повесть».⁴⁵ При этом превращении не потерялась и надпись на дереве, но она претерпела незначительное с виду, но существенное изменение. Если в идиллии надпись на дереве по преимуществу только характеризовала психологическое состояние влюбленного героя или героини, то в «чувствительной повести» она уже влияет на сюжет и из минимального по объему текста (одно имя) вырастает до развернутого письменного сообщения, а подразумеваемое эмоциональное содержание надписи раскрывается в повествовании и становится объектом подробного описания и психологического анализа.

Герой повести В. В. Попугаева «Аптекарский остров, или Бедствия любви» (1800) некий Н... был поражен красотой героини повести Маши, но не смог заговорить с ней и скрылся. Позднее он вернулся, «приближается к дереву, у коего она стояла, лобызает его и просит в испуге, чтоб ему сказало, кто *его возлюбленная?* Но вскоре опамätывается, дивится сам своему забвению и впадает в глубочайшую задумчивость. <...> Встает и, начертав на корке дерева следующие стихи,— *уходит*.

Бейся, бейся, сердце страстно!
С вздохом, томна грудь, теснись.
Утро дней моих ненастно,
Смерть, разить меня стремись
Я лишился век покоя,
Мне счастливым не бывать;
Нежным взором мила Клоя
Мне велела воздыхать.

⁴³ В Набоков указывает любопытный «случай сходства более раннее появление этой же лесной монограммы в „Избирательном сродстве“ Гете < >, где описывается стакан, на котором видны „ . die Buchstaben E und O in sehr zierlicher Verschlingung eingeschnitten“» (Набоков В Комментарий к роману А С Пушкина «Евгений Онегин» СПб, 1998 С 338) Это, конечно, случайное совпадение, так как Татьяна не вырезает, а именно пишет «На отуманенном стекле», причем пишет не свои инициалы, а вензель из первых букв имени и фамилии того, в кого она влюблена, т е здесь точно повторяется ситуация, описанная Я Галинковским

⁴⁴ См Скипина К О чувствительной повести // Русская проза Л, 1926 С 31–41, Hammarberg G The Idyll as Prototype for Sentimentalist Fiction // Russia and the World of the Eighteenth Century Columbus (Ohio), 1988 P 316–331 См также Бахтин М М Вопросы литературы и эстетики М, 1975 С 373–384

⁴⁵ Скипина К О чувствительной повести С 36

Ах! всегда, всегда спокоен
Я дотоле пребывал.
Лучше, лучше б взор я Клоин
Никогда бы не видал.
Я не зрел бы сих терзаний,
Не горел бы, как горю,
Не пускал б о той страданий,
Коей, может, не урю.⁴⁶

На следующий день Маша возвращается к дереву. «Сердце ее забилося, неизвестная сила влекла ее к оному. Едва она туда вышла, стихи, начертанные на дереве, поражают глаза ее; она их прочитывает и, приведена в смущение, не знает, кем то сделано, но сердце ей сказало, кто оные написал».⁴⁷ Спустя месяц Маша вновь пошла на тот самый луг. «Робким шагом, трепеща, идет она на оный, приближается к дереву, где видела стихи, их ищет и не находит. Кора, на которой они были начертаны, совсем облупилась и не оставила даже знака. Сие ее смущает, и она в задумчивости ходит по лугу. По случаю глаза ее обращаются на предстоящее дерево, примечают надпись. Любопытство или, лучше сказать, скрытая какая-то причина побуждают ее прочесть. Что ж она видит? Это рука Н... Несчастный, томимый страстию, бывал часто на лугу и, отчаявшись наконец видеть сам, решился написать следующее. *Давно я вас не вижу и уже лишаюсь надежды иметь счастье сие. Я боле не приду, опасность вовлечь вас в беславие мне то запрещает. Когда вы меня любите и желаете видеть, в пять часов на Аптекаарском острове верно найдете.* Все чувства ее приходят в восторг, когда прочитывает строки сии».⁴⁸

Далее возлюбленные встречаются и начинается их недолгое счастье. Надпись на дереве, таким образом, превращается в развернутое признание в любви и приобретает сюжетобразующую функцию. Ни автор, ни герои не обращают, правда, внимания на одну очевидную несообразность — надписи на коре дерева чрезмерно обширны, само их исполнение достаточно трудоемко; недаром автор предусмотрительно выбрал глагол «начертать», а не «вырезать». Подобная обширная надпись, однако, не была отечественным изобретением в жанре сентиментальной повести. В том же 1800 году был опубликован перевод повести А. Г. Ю. Лафонтена «Адель, или Несчастье». Рассказчик встречается в рощице с рыдающим «чувствительным пастухом» Гиласом. Гилас ведет рассказчика к ручью. «На берегу ручейка стояла древняя ива, Гилас подбежал к ней, пал на колени, бледность покрыла лицо его, тяжкие вздохи вырывались из его груди, он плакал. Это положение растрогало меня, я поднял его и старался утешить. „Видишь,— сказал он,— я еще не много плакал, но это уже прошло... Адель видела меня... а я... я... я ее не видел. Посмотри на эту иву, сколько раз она была свидетельницею моего несчастья! Адель и я!...

⁴⁶ Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма. М., 1990. С. 143.

⁴⁷ Там же. С. 144.

⁴⁸ Там же. С. 145.

теперь я один прихожу стенать сюда... Видишь ли ты эти слова? Я вырезал их!“

Итак, лишился я любезной,
Увы! быть может, навсегда!
Теперь по ней я ток лью слезной,
А с ней блаженствовал тогда.
Когда весной гроза сберется,
Польется дождь из облаков,
Прекрасна роза блекнет, гнется —
И упадет без листков;
Мое от злой так сердце скуки
Всечасно сохнет, как она.
Ах, скоро ль, скоро ль, кончив муки,
Паду и я — мне жизнь скучна!
Я скоро в гроб нисшедши тесный,
С Аделью съединюсь своей,
Коль вечен дух ее небесный,
Льзя ль кончиться любви моей?»⁴⁹

В конце повести «чувствительный пастух» скончался на руках рассказчика, который похоронил его подле Адели и на коре рядом стоящего дерева вырезал довольно длинное стихотворение.⁵⁰

Переписка на коре дерева становится приемом. Н. П. Брусилов в «Истории бедной Марьи» (1805) избежал стихов: «Однажды Марья, ходя в роще, увидела на дереве, под которым любила сидеть и предаваться размышлениям, сии слова: люблю тебя! Марья вздохнула, как невинный ребенок задумалась, для которого язык любви был еще нов, непонятен, и на той же коре робкою рукою написала несколько слов в ответ. Назавтра невольное чувство влекло ее в рощу. Она входит, бежит к любимому дереву и видит розовую гирлянду над ее словами. Марья затрепетала, испугалась, хотела бежать — вдруг является молодой прекрасный человек».⁵¹

П. И. Шаликов в повести «Темная роща, или Памятник нежности» (1819) тоже благоразумно избежал длинных посланий. Героиня повести Нина влюблена в Эраста. «Когда Эраст не мог быть у своей Нины, то Нина находила удовольствие бродить с образом Эраста в темной любимой своей роще, примыкающей дикими своими аллеями к самому их дому. Романические воображения мешались с мыслями о предмете любви, занимавшей всю душу Нины; чувства ее настраивались к неизъяснимой сладости мечтаний. На каждой гладкой коре дерева она вырезывала милое, бесценное ей имя».⁵² В разлуке с возлюбленной в рощу направляется и Эраст, он «не знает сам, что происходит в душе его, — целует каждое дерево, твердит бесценное ему имя Нины и находит на коре од-

⁴⁹ Адель, или Несчастье. Пер. с франц. [П. Война-Курина]. М., 1800. С. 14–16.

⁵⁰ См.: Там же. С. 98–99.

⁵¹ Ландшафт моих воображений. С. 229. При перепечатке в книге «Русская сентиментальная повесть» (М., 1979) «История бедной Марьи» по недоразумению приписана Н. П. Милонову.

⁵² Ландшафт моих воображений. С. 87.

ного дерева свое и ее имя, соединенные гирляндой, с подписью: „Симпатией и Небом!“ „Это ее рука вырезала! — закричал он в совершенном иступлении.— Здесь, подле этого дерева должно умереть мне!“ — повторил он несколько раз — и упал в сильном обмороке на землю». ⁵³

Несколько изменив свой характер, надпись на дереве в «чувствительной повести» все же сохранила свою связь с идиллией. Не вполне уместная — хотя бы по трудности своего исполнения — переписка на коре дерева в дальнейшем перешла в более убедительно мотивированный сюжетом обмен письмами, оставляемыми в роще в дупле дерева, — именно так обмениваются посланиями влюбленные в «Барышне-крестьянке» и «Дубровском» А. С. Пушкина.

В первой трети XIX века история имени на дереве в русской поэзии завершается вместе с постепенным изменением статуса пастушеской поэзии, которой в новой иерархии жанров было отведено периферийное место. Между тем именно у надписи на дереве — далеко не основного и даже побочного мотива буколической поэзии — есть своя внелитературная история, причем эта вторая жизнь имени на дереве непосредственно связана с литературной традицией, в русских условиях — с традицией, идущей от эпохи сентиментализма. Следует оговорить то обстоятельство, что надписи на дереве, рассматриваемой в ряду разнообразных других надписей (на камне, металле и т. д.), явно не повезло в истории эпиграфики, поскольку по понятным причинам ее можно изучать только по литературным источникам, ⁵⁴ — по мемуарной и художественной прозе. Необходимо подчеркнуть, что для народной культуры надписи на деревьях не характерны. Не было на Руси и самостоятельного культа поклонения деревьям, ⁵⁵ хотя известны и «заповедные рощи», ⁵⁶ и посвящение дерева члену семьи («загадывание дерева»). Примечательно, что этот обычай отмечен как в императорской семье, ⁵⁷ так и в северной русской деревне. ⁵⁸

⁵³ Там же С 97

⁵⁴ Так, например, рассматриваемая надпись на дереве (имя) не упоминается в обстоятельном исследовании *Sparrow J Visible Words A Study of Inscriptions in and as Books and Works of Art* Cambridge, 1969. Мне известны только две небольшие статьи, непосредственно посвященные этому предмету *Bystron J S Napisy na drzewach* // *Bystron J S Łancuch szczęścia i inne ciekawostki* Warszawa, 1938 S 129–132, *Mikulski T Napisy na drzewach (Z motywow pasterskiej sielanki)* // *Mikulski T Rzeczy staropolskie* Wrocław, 1964 S 324–327. В этих работах, впервые опубликованных в 1927 и 1928 гг., приведен ряд примеров имени на дереве из польской поэзии XVI–XIX вв.

⁵⁵ См. *Агапкина Т А Топорков А Л Материалы по славянскому язычеству (Древнерусские свидетельства о почитании деревьев)* // *Литература Древней Руси* Источниковедение Л, 1988 С 234

⁵⁶ См. *Невский А А Заповедные рощи Вологодского края* // *Сообщения Государственной академии истории материальной культуры* 1931 № 11–12 С 61–62, *Зеленин Д К Тотемический культ деревьев у русских и у белорусов* // *Изв АН, 7-я сер Отд-ние обществ наук* 1933 № 8 С 591–629

⁵⁷ В Павловском парке, например, была посажена «семейная роща, состоящая из молодых берез. К каждому дереву привязана жестяная дощечка с именем одного из членов императорского дома и с означением года рождения, а на некоторых и года бракосочетания» (*Путеводитель по саду и городу Павловску, составленный П Шторком, с двенадцатью видами, рисованными с натуры В А Жуковским, и планом СПб, 1843 С 45*)

⁵⁸ См. *Логинов К К Семейные обряды и верования русских Заонежья* Петрозаводск, 1993 С 113

Таким образом, встречающаяся уже не в литературе, а в быту надпись на дереве (имя) — это явление чисто литературного, книжного происхождения

Восприятие жизни сквозь призму литературы, ориентация на литературные образцы и следование им в быту — эти явления свойственны разным эпохам и культурам, и русский XVIII век вовсе не является здесь исключением.⁵⁹ Необыкновенно красноречивое подтверждение существования имени на дереве в быту уже в XVIII веке сохранилось в «Записках» С. Н. Глинки. Рассказывая о своем дяде А. И. Глинке, он вспомнил, как «лишась первой супруги своей, он уныло бродил по рошам и дубравам и вырезывал на деревьях имя ее». Тут же С. Н. Глинка привел и характеристику дяди, вполне объясняющую его поведение: «Он плакал, читая романы Феодора Эмина, и заливался слезами, читая и перечитывая Маркиза Г..., переведенного Елагиным. Теперь этих книг нет и в помине; теперь не только не плачут, но и не читают трагедий Сумарокова; а было время, что при дворе императрицы Елисаветы были для них и рукоплескания, и слезы, и вздохи. На все время, и все на время»⁶⁰

После появления повести «Бедная Лиза» (1792) пруд около Симонова монастыря стал местом паломничества «чувствительных» поклонников Н. М. Карамзина. И здесь не обошлось без надписей на деревьях. Свидетельством тому является появившаяся уже в 1796 году гравюра Н. И. Соколова, на которой был изображен «Лизин пруд», «окруженный деревьями». Под гравюрой помещен довольно обширный текст, в частности, говорится: «На каждом почти из оных дерев любопытные посетители на разных языках изобразили чувства своего сострадания к несчастной красавице и уважения к сочинителю ее повести. Наприм<ер>, на одном дереве вырезано:

В струях сих бедная скончала Лиза дни,
Коль ты чувствителен, прохожий! воздохни».⁶¹

Вторая приведенная Соколовым надпись посвящена уже самому Карамзину, примечательно, что в ней четвертый стих заменен точками, а ниже в скобках следует помета Соколова: «многова нелзя разобрать, стерлось». Надписи на деревьях у пруда стали появляться, таким образом, сразу после появления повести. Замечание Соколова о стершейся части надписи является и красноречивым подтверждением недолговечности надписи на древесной коре.

⁵⁹ См. *Лотман Ю. М.* 1) Очерки по истории русской культуры XVIII—начала XIX в // Из истории русской культуры Т 4 (XVIII — начало XIX в) М., 1996 С 106–123 (раздел «Литература и читатель жизнь по книге»), 2) Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII в // Там же С 537–563

⁶⁰ *Глинка С. Н.* Записки СПб, 1895 С 12 Этот эпизод отмечен в кн. *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания) СПб, 1994 С 219 См также раздел «Чтение в жизни „чувствительного“ героя» (Там же С 156–189)

⁶¹ *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравюров XVI–XIX вв СПб, 1895 Т 2 Стб 955 Текст уточнен по экземпляру гравюры, хранящемуся в Государственном Русском музее (инв номер Гр 28017, ср эту же гравюру на фронтисписе издания «Бедной Лизы» без выходных данных экземпляра БАН, шифр 1797/87)

На переднем плане гравюры видны две маленькие фигуры: одна, женская, стоит перед деревом, прижимая левой рукой платочек к лицу, а правой касаясь дерева; вторая, мужская, сидит у другого дерева и правой рукой так же касается дерева. Нет сомнений, что и женщина, и мужчина вырезают на древесной коре какие-то надписи, что явствует и из подписи под гравюрой.⁶² Гравюра была использована для фронтисписа первого отдельного издания повести в 1796 году и двух последующих переизданий в XVIII веке.⁶³

Но в те же самые годы появляется и ироническое отношение к подобным надписям. Так, в 1799 году И. А. Иванов описывал А. Х. Востокову, однокласснику по Академии художеств, свои впечатления о прогулке вокруг Симонова монастыря и Лизиного пруда: «Ныне пруд здесь в великой славе, часто гуляет около него народ станицами и читает надписи, вырезанные на деревьях вокруг пруда, и я читал их, но ни одной не нашел путной, везде Карамзина ругают: везде говорят, что он наврал, будто здесь Лиза утонула, никогда не существовавшая на свете. Есть, правда, из них и такие, кои писаны *чувствительными*, тронутыми сею жалкою историею: но они — *залки*⁶⁴ и писаны, кажется, петиметрашками...»⁶⁵ Через несколько дней Иванов напомнил еще раз о надписях на деревьях, отличив как достойные насмешки те, «которые кажутся писаны Комаровым или кем-нибудь из его шайки»; не забыл сказать и о приезде вечером гостей к пруду: «Приехали два кузова, сиречь линейка и карета, полные шевальеров и дам, которые начали читать надписи, один из них написал свое имя на дереве, и я было вздумал написать, но было уже поздно».⁶⁶ Некоторые из надписей «у Лизина пруда» воспроизвел в своем дневнике А. И. Тургенев, например, «*O pulcherrima Lisa quae a te dementia coepit*», «*Coeurs sensibles aggretez vous ici*», «*Анна <Полянская> (не разобрал), обманутая Карамзиным*», «*Крайне жалко, что большая часть*

⁶² См воспроизведение гравюры в кн *Топоров В Н «Бедная Лиза» Карамзина Опыт прочтения* М., 1995 С 246 В Н Топоров приводит обширную выписку из «Нового путеводителя по Москве» (1833), автор которого, описывая «Лизин пруд», в частности, пишет «Рассмотрите растущие здесь деревья и подивитесь нет ни одного, на котором не было бы написано каких-нибудь стихов, или таинственных букв, или прозы, выражающей чувства Можно, кажется, поручиться, что это писали влюбленные и, может быть, столь же несчастные, как Лиза» (Там же С 304) В Н Топоров цитирует также (Там же, с 244–245) путеводитель по Москве начала XX в., который подтверждает, что память о «томных поклонниках» Карамзина, которые стекались к пруду и «проливали слезы над бедной Лизой и вырезывали на коре прибрежных деревьев сердца и вензеля Лизы и Эраста», сохранялась очень долгое время, см *По Москве Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям* М., 1991 С 363 (Репринтное воспроизведение издания 1917 г)

⁶³ В Н Топоров считает, что гравюра и предназначалась для фронтисписа изначально (см *Топоров В Н «Бедная Лиза» Карамзина Опыт прочтения* С 359–364) Между тем очевидно, что гравюра не является иллюстрацией к повести, а размеры ее доски (15 5×21 5 см) явно превосходят размер возможного фронтисписа для издания формата в 4-ку Скорее всего, гравюра появилась раньше первого отдельного издания и независимо от него

⁶⁴ Может быть, следует читать «жалки»? — С Н

⁶⁵ Переписка А Х Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И Срезневского СПб., 1873 С VIII–IX

⁶⁶ Там же С IX

людей пустяками занимается». ⁶⁷ Здесь чрезвычайно важно то обстоятельство, что в самой повести Карамзина «Бедная Лиза» никто из героев имен на дереве не вырезает, поэтому поведение паломников у Лизиного пруда определяется не столько этой повестью, сколько сложившимся стереотипом поведения «чувствительного» читателя.

Свидетельства мемуаристов подтверждают безусловную связь имени на дереве с литературным климатом эпохи и одновременно фиксируют появление иронического к ним отношения. Вместе с тем насмешки И. А. Иванова или скептицизм последнего утверждения С. Н. Глинки в отношении надписи на дереве не оправдались — она осталась в обиходе, хотя со временем разнообразные по жанрам, тематике и по технике исполнения граффити и стали постепенно вытеснять в быту вырезание имени на дереве. Менялось и место надписи — с исчезновением из культурного ландшафта «сентиментальной» рощи имя с дерева перекочевало на скамейки и садовые скамейки, а затем и на школьные парты. Много времени спустя В. В. Набоков вспоминал свою юношескую влюбленность в именины под Петербургом: «В начале того лета, и в течение всего предыдущего, имя Тамара появлялось (с той напускной наивностью, которая так свойственна повадке судьбы, приступающей к важному делу) в разных местах нашего имения. Я находил его написанным химическим карандашом на беленой калитке, или начерченным палочкой на красноватом песке аллеи, или недовырезанным на спинке скамьи, точно сама природа, миная нашего старого сторожа, вечно воевавшего с вторжением дачников в парк, предупреждала меня о приближении Тамары». ⁶⁸ Несмотря на буклическую ностальгию этого фрагмента воспоминаний, Набоков отдавал себе отчет в том, что отношение к имени на дереве уже не было столь трогательным или экзальтированным как в XVIII веке, оно могло быть безжалостно осмеяно и опозлено. Герой его романа «Машенька» (1926), размышляя о давних встречах с возлюбленной «на высокой площадке над рекой», где «стояли под липами скамьи и железный круглый стол с дыркой посередине для стока дождевой воды», вспоминал, как «однажды, когда они встретились там в солнечный вечер после бурного ливня, на садовом столе оказалась хулиганская надпись. Деревенский озорник соединил их имена коротким и грубым глаголом, безграмотно начав его с буквы „и“». Надпись была сделана химическим карандашом и слегка расплылась от дождя». ⁶⁹

Осквернение выраженных в надписи возвышенных или благородных чувств началось давно (ср. хотя бы фрагмент из поэмы Некрасова), при этом о поэтической генеалогии имени на дереве никто из читателей надписей не вспоминал. Имя (написанное или вырезанное) растворилось в ряду других надписей на деревьях, по отношению к которым сложи-

⁶⁷ ИРЛИ, ф. 309, № 276, л. 71 об. В латинской фразе сделана конъектура, в рукописи читается «Lisa quae te dementa».

⁶⁸ Набоков В. Другие берега. М., 1989. С. 114–115.

⁶⁹ Набоков В. Истребление тиранов: Избр. проза. Минск, 1989. С. 61–62. Осквернение надписи могло стать и темой анекдота, см.: Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб., 1997. С. 121.

лось стойкое представление как об обывательской пошлости⁷⁰ В защиту надписей выступил старичок-сенатор из небольшого рассказа И. А. Бунина «Надписи» (1924),⁷¹ который возражал своим собеседникам: «А я думаю, господа, что ваше остроумие над пошлостью этого обывателя гораздо пошлее, не говоря уже о вашем бессердечии и — о лицемерии, ибо кто же из вас тоже не расписывался в том или другом месте и в той или иной форме?» (304). Перечисляя различные виды надписей (в том числе «изодранные перстнями, точно паутиной покрытые зеркала в кабацких кабинетах» — 307), старичок-сенатор не забыл и «тысячи имен и инициалов на старых деревьях и на скамейках в усадьбах и городах, в Орле и Кисловодске, в Царском Селе и в Ореанде, в Нескучном и в Версале, в Веймаре и Риме, в Дрездене и Палермо» (305). Логика его защитительной речи такова: «Пошлость, цыганщина? Но разве важно, отчего именно счастлив или несчастлив человек? Все слезы одинаковы, все они капли одной и той же влаги!» (307). Старичку-сенатору понятна эмоциональная напряженность надписи: «Нет, надписи на зеркалах меня ужасно всегда трогали! Трогали и инициалы на скамейках и деревьях, вырезанные тоже по случаю того, что когда-то „была чудесная весна“ и „хороша и бледна, как лилея, в той аллее стояла она...“ Тут опять то же самое: не все ли равно, чьи имена, чьи инициалы, — Гёте или Фрица, Огарева или Епиходова, Лизы из „Дворянского гнезда“ или ее горничной? Тут главное все-таки в том, что была „до ланит восходящая кровь“ и заветная скамья, что „шиповник алый цвел“ (и, конечно, отцвел в свой срок), что блаженные часы проходят и что надо, необходимо (почему, один Бог знает, но необходимо) хоть как-нибудь и хоть что-нибудь сохранить, то есть противопоставить смерти, отцветанию шиповника. Тут вечная, неустанная наша борьба с „рекой забвения“. И что ж, разве эта борьба ничего не дает, разве она уже совсем бесплодна? Нет, тысячу раз нет!» (308).

За патиной обывательских представлений персонаж Бунина проницательно разглядел психологическую сторону и самую суть надписи: для пишущего или вырезающего ее этот момент «есть час его великой скорби или радости» (308)⁷² В своей страстной речи старичок-сенатор никак не затронул вопроса о связи надписей с литературой, более того, его занимает в первую очередь их бытование именно в реальной жизни. Говоря об именах или инициалах на дереве, старичок-сенатор никак не выделил их из других видов надписей — очевидно, что к XX веку связь надписи на дереве с идиллической традицией уже не осознавалась и была утрачена окончательно.

⁷⁰ Одна из институток первой половины XIX в вспоминала, как однажды во время прогулки воспитанниц в саду классная дама поучала их «Прошу не брать примера со старших — строчить на деревьях всякий вздор! Только бы найти эту дрянь, завтра же здесь не будет! И не смейте у меня подходить читать этот вздор!» (<Водовоз>-ва <Е Н> Из заметок старой пансионерки // Голос 1866 № 16 16(28) января С 1)

⁷¹ См. Бунин И. А. Соч. В 3 т. М., 1982 Т 2 С 304–308. Далее в скобках указываются страницы этого издания.

⁷² Ср. признание Вяч. Иванова в автобиографическом письме С. А. Венгерову (1917 г.) «Я сторал в то лето какую-то лихорадкую дерзновенность и счастья, писал с каждою почтой своей будущей жене и ее брату и получал от них письма, бродил ночами по лесу и вырезал на деревянной стене своей комнаты строки из „Фауста“» (Русская литература XX века 1890–1910 / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1918 Т 3, кн 8 С 89).

Н. Д. КОЧЕТКОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОСВЯЩЕНИЯ В РУССКИХ ИЗДАНИЯХ
XVIII—НАЧАЛА XIX ВЕКА

Статья 1. Особенности жанра

Еще в античной литературе возникал «зазор» «между литературной условностью и литературным бытом.¹ Важную роль в преодолении этого «зазора» стали играть литературно-документальные жанры (письма, дневники, мемуары), а также самое обрамление книги: предисловия, обращения к читателю, послесловия, посвящения.

В древнеримской литературе посвящение сформировалось как панегирический жанр и в этом качестве существовало в течение веков, нередко принимая откровенно сервильный характер. Многочисленны примеры такого рода в литературе Франции XVII века: классическим примером стало знаменитое посвящение финансисту Монтерону трагедии П. Корнеля «Цинна», написанное за 200 пистолей.

Традиция предвартать свои произведения посвящениями настолько прочно укоренилась в европейской литературе, что эти тексты приобрели определенную автономность, подчиняясь своим особым законам и правилам.² В XVIII столетии посвящение («dedication») получает форму «посвятельного письма» («dedicatory epistle»): оба термина становятся синонимами.³ Ж. Женетт обращает внимание на два значения слова «dédicace» во французском языке, легко разграничиваемые благодаря существованию двух разных глаголов: «dédier» (посвятить) и «dédicacer» (сделать дарственную надпись). Соответственно исследователь разграничивает жанры посвящения (текста, присутствующего во всем тираже книги) и дарственной надписи, сделанной на одном экземпляре.

В русском языке XVIII века слова «дедикация», «дедиковать» употреблялись как синонимы слов «посвящение», «приписание»; «посвятить», «приписать».⁴ «Дедикация» могла быть и письменной (в частности, на

¹ Аверинцев С С Поэтика ранневизантийской литературы. М, 1977 С 184.

² См Genette G Paratexts Thresholds of interpretation / Translated by J E Lewin Cambridge, 1997 P. 117–143. Приношу благодарность В. Росслин за помощь в ознакомлении с этим исследованием

³ Там же С. 118–119. См также Leimer W Der Widmungsbrief in der französischen Literatur (1580–1715) Heidelberg, 1965

⁴ См Словарь русского языка XVIII века Л, 1991. Вып 6 (Грызться — Древный) С 69

подносом экземпляре), и печатной, растиражированной. Изучение дарственных надписей, т. е. надписей, сделанных на одном экземпляре печатного издания,— это особая тема. Предметом нашего внимания будут именно посвящения — тексты, присутствующие, как правило, во всем тираже.⁵

Жанр посвящения формируется в русской литературе XVIII века с учетом как европейского опыта, так и национальных традиций обрамления книги. В древнерусской литературе рукописные и старопечатные книжные предисловия и послесловия были обращены сразу ко многим читателям или слушателям — «господии и братии», «всем человеком», всему «мирови» и т. д., причем, как правило, по сравнению с самим текстом произведения, они имели более светский характер. Функциональные возможности этих текстов, непосредственно соединявших автора и читателя, широко использовались в славянских литературах XVI—XVII веков. Тематика и стилистика белорусских, польских, русских, украинских предисловий и послесловий в книгах этого времени достаточно разнообразна.⁶ Постепенно появляются и предисловия-посвящения или «посвятительные предисловия», обращенные к государю и имеющие панегирический характер.

Если в древнерусских предисловиях основным компонентом было прославление правящего монарха, то в конце XVII—начале XVIII века тематика предисловий существенно расширяется, включая и филологическую проблематику и пропаганду новых общественных идей. Все это оказывается той основой, на которой формируется жанр посвящения в русской литературе XVIII столетия, ориентировавшейся одновременно и на европейский опыт. Начиная с Петровского времени в России все большее распространение стали получать книги на европейских языках: польском, французском, немецком, в меньшей степени английском, итальянском и других. Интенсивное расширение переводческой деятельности русских литераторов⁷ способствовало усвоению принятых правил обрамления книги, в том числе и определенных формул посвящения. Однако при переводе посвящения зарубежных авторов, как правило, не переводились, но часто заменялись собственными.⁸ Если Ш. Монтескье демонстративно отказывался от посвящений покровителю,⁹ то русский переводчик его

⁵ В русской издательской практике XVIII века были, разумеется, исключения: иногда в части тиража посвящение одному лицу заменялось другим. Так, посвящение Анне Леопольдовне в переводе книги Б. Грасиана-и-Моралеса «Придворный человек» (1741), осуществленным С. С. Волчковым, в части тиража было заменено посвящением только что вступившей на престол Елизавете Петровне.

⁶ Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 12–26, 71–253 (авторы глав — А. С. Демин, А. С. Елеонская, А. С. Курилов, Л. И. Сазонова, Л. И. Софронова).

⁷ См.: История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995–1996. Т. 1. Проза. Т. 2. Драматургия. Пoesия.

⁸ Редкий случай перевода книги вместе с посвящением даже ввел в заблуждение одного из авторов «Словаря русских писателей XVIII века». В статье об Иване Крюкове указано, что ему принадлежит перевод книги Ш. Роллена «Способ, которым можно учить и обучаться словесных наук» (1774–1783; 2-е изд. 1789) с посвящением «ректору и университету». Однако текст представляет собой не что иное, как перевод посвящения самого Роллена.

⁹ См.: Genette G. Paratexts. P. 121–122.

«Персидских писем» Ф Пospelов предпослал книге посвящение-панегирик П. В. Завадовскому, «под вожделеннейшим начальством» которого он служил.¹⁰

Посвящения могли быть в прозе и в стихах, объем их очень различен. Иногда они представляют собой развернутые трактаты, как например посвящение Н. С. Мордвинову, предваряющее поэму С. С. Боброва «Таврида» (1798); иногда очень краткие: посвящение книги П. Урусова «Оттенки моего сердца» (1802), состоит из одного слова: «Тебе***».

Русские посвящения XVIII столетия только начинают становиться предметом специального литературоведческого изучения. Обычно к литературным посвящениям в русской книге XVIII—начала XIX столетия обращались как к источнику сведений об авторе или переводчике В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века 1725–1800» (М., 1963–1975. Т. 1–5 и «Дополнения. Разыскиваемые издания») атрибутированы многие издания благодаря подписям под посвящениями, однако адресаты посвящений указаны лишь в исключительных случаях. Этот пробел в какой-то степени восполняет «Словарь русских писателей XVIII века» (Л., 1988. Вып. 1. А–И; СПб., 1999. Вып. 2. К–П). Однако и здесь далеко не во всех статьях названы адресаты посвящений. Кроме того, очень многие третьестепенные литераторы не включены в «Словарь». Между тем посвящения, которыми они сопровождали свои сочинения или переводы, тоже представляют немалый интерес. Наличие или отсутствие посвящения может служить важным обстоятельством при атрибуции переводов, имеющих дословные совпадения. Так, В. Д. Рак показал, что из двух почти одновременно вышедших в Петербурге и в Москве в 1788 году переводов произведения английского поэта М. Прайора «Гейнрих и Эмма...» и приписанных в «Сводном каталоге» Н. Маркову, лишь один, содержащий посвящение с его подписью, принадлежит этому переводчику.¹¹

Г. А. Космолинская, обследовавшая сравнительно небольшую группу изданий учебно-воспитательного характера, хранящихся в собрании Научной библиотеки Московского государственного университета (136 номеров), отметила имеющиеся там посвящения и сделала ряд очень ценных наблюдений.¹² Так, исследовательница справедливо отмечает, что «хотя в книжном репертуаре пока преобладала переводная книга, в предисловии и посвящении к ней переводчик (реже — издатель) имел возможность высказаться без посредников, изложить прежде всего „побудительные причины“ и цели своего труда».¹³ Приводимые далее примеры посвящений в книгах учебного и морально-философского характера дают

¹⁰ Персидские письма из сочинений г. Монтеスキо. Переведены с французского языка <Ф. Пospelовым> СПб., 1789 С 5–6 нenum

¹¹ См. Рак В. Д. 1) Марков Николай // Словарь русских писателей XVIII века СПб., 1999 Вып. 2 (К–П) С 272–273, 2) Индивидуальное и коллективное в переводах московских студентов (конец XVIII века) Гипотеза // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia, Ucraina e Russia XVI–XVIII secolo Edizioni dell'Orso, 1999 P 387–391

¹² См. Космолинская Г. А. Памятники учебно-воспитательной литературы второй половины XVIII века в собрании Научной библиотеки МГУ // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета М., 1987 С 5–40

¹³ Там же С 11

представление о значительной роли этих текстов в формировании литературной культуры эпохи

Конкретному автору — Кирияку Кондратовичу — была посвящена работа Л И Бердникова «Из истории книжного посвящения в России (Кириак Кондратович и Господин Господинович)»¹⁴ Остановливаясь на книге Кондратовича «Старик молодой» (СПб, 1769), исследователь замечает, что автор, поместивший в конце издания посвящение некоему вымышленному «милостивцу» Господину Господиновичу, решительно нарушает принятые каноны Л И Бердников рассматривает Кондратовича как «новатора, одним из первых в России сознательно нарушившим строгую иерархию элементов структуры книги того времени», и упоминает о давней сложившейся традиции панегирических посвящений, но специально ее не характеризует

Важнейший вклад в изучение интересующей нас темы вносят работы польских исследователей, прежде всего обратившейся к русскому материалу Анны Варды Первоначально внимание исследовательницы, как и у Л И Бердникова, было сосредоточено на «антидедикациях» — пародийных предисловиях и посвящениях в изданиях М Д Чулкова, Н П Осипова, В С Березайского и анонимных авторов¹⁵ Говоря о традиционной схеме «автор—читатель—книга», А Варда убедительно показывает, как изменяется «внешняя, формальная связь между этими компонентами», сообщая тексту полемический характер¹⁶ Наконец, появилась книга А Варды,¹⁷ в которой на обширном материале проанализирована самая значительная группа русских посвящений XVIII века — посвящения меценатам В книге совершенно правомерно ставится вопрос о дедикации как самостоятельной форме, связанной с определенным культурным этикетом и отражающей литературное сознание эпохи Исследовательница показала на многочисленных примерах, сколь различны были поводы написания посвящений Она выявила основную структуру традиционного посвящения, ее главные элементы и повторяющиеся формулы

Однако несмотря на существование определенного эталона, который выделяют исследователи на материале как европейской, так и русской литературы, тематика и стилистика посвящений варьируется чрезвычайно широко, даже в пределах анализируемой А Вардой группы панегири-

¹⁴ Впервые Альманах библиофила М, 1989 Вып 25 С 142–153 То же в кн Бердников Л И Счастливый Феникс Очерки о русском сонете и книжной культуре XVIII—начала XIX века СПб, 1997 С 162–174

¹⁵ Варда А Антидедикация как форма литературной полемики (на материале русской демократической прозы второй половины XVIII века) // Русская проза эпохи Просвещения Новые открытия и интерпретации / Под ред Э Малэк Łódz, 1996 С 133–142

¹⁶ Там же С 134

¹⁷ Warda A Z obserwacji nad dedykacjami mecenasowskimi w osiemnastowiecznej Rosji Łódz, 2000 85 s Как указывает автор, ею учтено около 400 посвящений Кроме именного указателя книга содержит указатель 109 изданий с посвящениями (названия приведены в алфавите по-польски, затем следует русское название книги) К сожалению, в тексте и постраничных примечаниях далеко не всегда указаны адресаты посвящений Кроме того, в библиографических описаниях переводных книг часто не называются авторы сочинений начинаются описания с фамилии переводчика (автора посвящения), что затрудняет идентификацию изданий

ческих посвящений. Едва ли правомерно относить к одному типу мецената влиятельного вельможу и директора учебного заведения. Особого рассмотрения заслуживают посвящения государю и членам царской семьи. Как и в хвалебных одах, помимо традиционных комплиментарных формул, во многих таких посвящениях содержались высказывания по актуальным вопросам политики и общественной жизни. Соответственно отношения автора и адресата посвящения далеко не всегда сводились к отношениям просителя и покровителя. Если же обратиться к другим, тоже достаточно значительным группам (посвящения наставнику, соученику, другу, члену семьи и др.) картина окажется еще более сложной и разнохарактерной.

Можно говорить о посвящении именно как о самостоятельном жанре, весьма близком предисловию, но вместе с тем имеющем и свои особые функции, и специфические черты. Показательно, в частности, что ряд изданий XVIII века сопровождался и посвящением, и предисловием. На протяжении десятилетия жанр, как и все прочие, изменялся, отражая те перемены, которые происходили в общественно-литературном сознании. При этом одновременно могли существовать разные типы посвящений, связанные с разными традициями и разными собственно литературными жанрами.

Прежде всего важно установить, в чем сходство и в чем основные различия посвящений и предисловий или «предупреждений». И тот и другой текст, предваряя книгу, определенным образом настраивают читателя. Нередко здесь сообщаются сведения о публикуемом произведении, его авторе (если это переводное сочинение), говорится о причинах, побудивших автора или переводчика взяться за этот труд, о его целях и задачах. Таким образом, текст ряда посвящений, так же как и предисловий, имеет программный характер, превращаясь иногда даже в своеобразный миниатюрный трактат, посвященный важным историко-литературным вопросам и имеющий самостоятельное значение. Основное различие предисловий и посвящений в этом случае достаточно формально: первые обращены к читателю вообще, вторые к какой-то группе читателей или конкретному лицу.

Подобный тип посвящений-предисловий, восходящий к традициям и древнерусской книжности, и европейской литературы, рано получает распространение в России XVIII века и сохраняется на протяжении всего столетия. Как показала Л. А. Черная, в переходный период русской культуры (конец XVII—начало XVIII века) в книжных предисловиях все большее значение приобретает авторское начало: «человеческое „я“ выходит на страницы книг: через книгу передаются собственные знания, опыт, наблюдения над жизнью».¹⁸ Одновременно появляются и более дифференцированные характеристики читателя, в котором автор хочет видеть своего единомышленника: читатель «трудолюбивый», «мудролюбивый», «доброхотный истории любитель» и т. п. Появляются предисловия, обращенные «не к читателю вообще, а к определенной группе (возрастной, социальной)».¹⁹

¹⁸ Черная Л. А. Русские книжные предисловия конца XVII—начала XVIII в. (защита «мирских» книг и «гражданских» наук) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий. С. 254.

¹⁹ Там же. С. 258.

Это последнее обстоятельство особенно существенно при сопоставлении предисловий и посвящений: здесь граница между этими жанрами почти стирается. Посвящение группе лиц как бы сужает читательскую аудиторию, к которой непосредственно обращается автор, и это обращение вместе с тем выявляет его собственную социальную принадлежность, общественную или литературную ориентацию. Один и тот же автор мог использовать разные виды посвящений — выбор определялся обстоятельствами создания и публикации книги, ее содержанием, утилитарными намерениями автора, его отношением к адресату или адресатам.

Помещая в книге и развернутое посвящение, и предисловие, писатели XVIII века чаще всего разграничивали их содержание следующим образом: в первом, обращенном к конкретному лицу, преимущественное внимание уделялось адресату, его отношению к автору и автора к нему; во втором, обращенном к читателю вообще, — содержанию книги, целям и задачам сочинителя или переводчика. Так, В. Т. Золотницкий (1741 или 1743 — после 1797), посвящая свое сочинение «Общество разнородных лиц, или Рассуждение о нравах человеческих» (1766) П. И. Панину, восхвалял его заботы о науках, благодарил его за покровительство и высказывал надежду на дальнейшую помощь. В «Предисловии» же он говорил о своем намерении «услужить обществу» и выражал надежду на понимание со стороны «разумных читателей».²⁰ Книга Л. Гольберга «История разных героинь...» (1767) в переводе Золотницкого имела три предваряющих ее текста: развернутое посвящение великому князю Павлу Петровичу, «Предисловие от трудившегося в переводе» и, наконец, своеобразное продолжение этого «Предисловия» под заглавием «Для известия». Посвящение имеет вполне традиционный панегирический тон; «Предисловие» содержит небольшое назидательное рассуждение о правилах государственного правления, основанное на примерах, содержащихся в книге; наконец, в заметке «Для известия» переводчик сообщает «благоклонному читателю» о своих принципах перевода: «...не столько смотрел на слог немецкого языка, сколько по большей части наблюдал свойство и выражение российского...»²¹ И. И. Завалишин (1769 или 1770–1821) сопроводил свою книгу «Сокращенное землеписание Российского государства...» (1792) посвящением начальнику Ф. Е. Ангальту, восхваляемому как «чадолюбивейший отец, кроткий наставник, беспристрастный шеф, истинный друг и не дремлющий о благе их <питомцев> попечитель» и т. д. В следующем за текстом посвящения «Предупреждении» автор, говоря о содержании своей книги, писал: «Хотя я ведаю, что труд мой имеет в себе многие недостатки, однако ж льщусь надеждою, что усердие, с каковым я его соотчичам предлагаю, заменит оные».²² Этикетное умаление достоинств своего труда и своих способностей могло иметь место и в по-

²⁰ Золотницкий В. Т. Общество разнородных лиц, или Рассуждение о нравах человеческих. СПб., 1766. С. 9–10 нenum.

²¹ История разных героинь и других славных жен, сочиненная Лудовиком Гольбергом, которую на российский язык перевел с прибавлением от себя предисловия и на некоторые места примечаний Владимир Золотницкий. СПб., 1767. Ч. 1. С. 19 нenum.

²² Завалишин И. И. Сокращенное землеписание Российского государства, сочиненное в стихах для пользы юношества. СПб., 1792. С. XII.

священии, и в предисловии, так что грань между этими жанрами неизменно оставалась достаточно зыбкой. И тот и другой текст мог содержать сведения о предлагаемой книге или об ее авторе, если это был перевод, а не оригинальное сочинение. И в предисловии, и в посвящении можно встретить упоминание о том, что книга представляет собой «первый плод» трудившегося над ней литератора, что работал он в «свободное от должности» время и т. п. Однако приведенные примеры обнаруживают известную закономерность: автор, который не довольствуется посвящением, но прибавляет к нему предисловие, стремится подчеркнуть, что его книга обращена не только к названной персоне, но и к «благоклонным читателям», «разумным читателям», «соотчичам».

Издавая «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735), Третьяковский предварил его развернутым посвящением группе лиц: «Всем высокопочтеннейшим особам, титулами своими превосходнейшим, в российском стихотворстве искуснейшим и в том охотно упражняющимся, моим милостивейшим господам». Чувствуя себя нововводителем и стремясь приобрести сторонников предлагаемой им системы стихосложения, Третьяковский вмещает в свое посвящение и похвалу «искуснейшим», «благоразумнейшим», «правду любящим», и традиционную самоуничижительную формулу, упоминая о «малой и весьма недействительной искре» своего ума.²³ Это посвящение в сущности почти не отличается от обращений к «благожелательному читателю», в котором автор хочет видеть компетентного знатока, умеющего по достоинству оценить предлагаемый его вниманию труд. Однако в отличие от предисловия текст обращен к достаточно узкой группе читателей — к собратьям по перу, к тем, кто сам «упражняется в российском стихотворстве». Зная участников переводческого Российского собрания при Академии наук, нетрудно назвать тех, к кому обращался автор «Нового и краткого способа»: В. Е. Адодуров, И. И. Тауберт, М. Шванвиц. Хотя их имен в посвящении нет, из текста явствует, что автор и «высокопочтеннейшие господа», к которым он обращается, связаны общими интересами, что автор причастен к той группе лиц, которой посвящается его книга.

Персональные посвящения преобладают в русских изданиях XVIII века, но и посвящения группе лиц появляются на протяжении всего XVIII и в начале XIX столетия у разных авторов в разных обстоятельствах. Книжки посвящаются иногда, как и у Третьяковского, научному сообществу. Например, Д. Е. Дамаскин (Семенов-Руднев) (1737–1795), известный своими филологическими трудами, предпосылает изданному им «Собранию разных сочинений в стихах и прозе» М. В. Ломоносова (1778) обширное посвящение, обращенное к «почтеннейшим господам Вольного Российского собрания членам, о поправлении и обогащении российского языка старающимся». Приветствуя создание Российского собрания, Дамаскин предлагает ему в этом посвящении развернутую программу дальнейшей деятельности: «... главное ваше намерение состоит в том, чтобы россий-

²³ Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий. Чрез Василья Третьяковского. СПб., 1735. С. 3 нenum.

ский язык удобрить, обогатить и до самого высочайшего степени совершенства довести. Если что другое, то сие ваше намерение всякой похвалы достойно и предостойно; для того наипаче, что вы, посредством оного, воспрепятствуете природному нашему языку от неискусных сочинителей и переводчиков быть испорчену; что положите ему твердые и известные пределы, за которые никто выступать не должен будет; что сверх того еще единомудушным вашим признанием и одобрением введете в него такие речения и выражения, которых в нем еще нет, или, хотя и есть, но от одних в таком, а от других в другом смысле употребляются».²⁴ Далее ученый монах подробно излагает свои представления о путях совершенствования русского языка, считая необходимым обращение, с одной стороны, к греческим и латинским авторам, а с другой — к церковным книгам и сочинениям такого «примерного автора», каким он считает Ломоносова. Текст посвящения Дамаскина — это небольшой трактат, в котором обсуждаются насущные языковые вопросы. Заслуживает внимания и подпись, отличная от обычных посвящений: издатель Ломоносова обращается к членам Вольного Российского собрания не как «покорный слуга», а как член сообщества ученых людей, сохраняя и учтивость, и чувство собственного достоинства и перечисляя собственные титулы: «Всеусердный доброжелатель, Московской славяно-греко-латинской Академии ректор, священной богословии профессор, Геттингенского Исторического института член архимандрит Дамаскин».²⁵ По своему содержанию пространный текст этого посвящения тесно соотносится с «Предисловием о пользе книг церковных в российском языке» Ломоносова, открывавшим его «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе» (1757). Таким образом, жанровое различие между посвящением и предисловием в данном случае достаточно формально и означено только наличием или отсутствием обращения и подписи.

Часть групповых посвящений XVIII—начала XIX века связана с учебными заведениями. Как правило, эти посвящения предваряют книги нравоучительного или учебного характера.²⁶ Студент, а затем преподаватель Славяно-греко-латинской академии А. А. Мельгунов (р. 1765) книгу своих переводов («Молодым детям наука» Эразма Роттердамского и «Руководство к мудрости» Х. Л. Вивеса, 1788) открыл словами: «Московской Славено-греко-латинской Академии ученикам усерднейшее приношение» Ф. В. Каржавин (1745–1812) в подготовленном им учебнике («Вожак, показывающий путь к лучшему выговору букв и речений французских», 1794) обратился с письмом-посвящением на французском языке к членам конференции Московского университета. В. С. Подшивалов (1765–1813) адресовал свою книгу «Краткая русская просодия, или Правила, как писать русские стихи» (1798) воспитанникам Московского благородного пансиона. Текст его посвящения имеет подпись и дату: «Издатель. 23 февраля 1798 г.». И. В. Лопухин (1756–1816), который во время своего пре-

²⁴ Покойного статского советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собрание разных сочинений в стихах и в прозе М., 1778 Кн 1 С 3 нуну

²⁵ Там же С 10 нуну

²⁶ См об этом также *Космолинская Г А Памятники учебно-воспитательной литературы* С 12–13

бывания в Казани в 1800 году перевел книгу «Изображение истинного христианства...», посвятил этот труд «учащим и учащимся в Казанской академии и в семинарии Вятской». А. А. Палицын (кон. 1740-х — нач. 1750-х гг.—1816), издавая свой перевод поэмы Ш.-Г. Мильвуа «Независимость писателя» (1813), писал: «Императорского Харьковского университета питомцам, посвятившим себя словесности. Александр Палицын, сочлен университета».

Во всех этих и подобных примерах группа лиц, которым посвящается книга, объединена по самому общему признаку: все они связаны с одним и тем же учебным заведением; в некоторых же случаях — с одним и тем же городом. Так, А. В. Олешев предпослал своей книге «Начертание благоденственной жизни...» (1774) развернутое посвящение «Вологодской провинции почтенному дворянству». ²⁷ Н. М. Карамзин посвятил отдельное издание своего стихотворения «Освобождение Европы и слава Александра I» (1814) «Добрым москвитянам». ²⁸

Иногда литераторы в групповом посвящении стремились определить желаемые качества единомышленников, одновременно декларируя собственную позицию. Так, И. В. Лопухин открывает свою книгу «Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил» (1780) словами: «Чтущим Бога и любящим добродетель усердно посвящаю». Подобным же образом А. Львов сопроводил свой перевод книги «Иисус, всяческая во всех представляемый христианину...» (1804) посвящением «Господу Иисусу и верным ученикам его». Дидактическая установка несомненна в ряде изданий ректора Троицкой духовной семинарии, а затем ректора Славяно-греко-латинской академии А. Д. Байбакова (Аполлоса) или писателя-разночинца И. В. Нехачина (1771–1811), которые посвящали свои труды «Богу, церкви и отечеству», «Отечеству», «России, любезному, знаменитому и Богом благословенному моему отечеству», «Россиянам-соотечественникам», «Российскому юношеству». ²⁹ Развернутый лирический этюд представляет собой посвящение «душам благородным и чувствительным» в книге М. А. Пospelовой (1780–1805) «Некоторые черты природы и истины, или Оттенки мыслей и чувств моих» (1801). Все эти тексты, иногда предельно краткие, иногда весьма пространные, сразу же дают общее представление и об авторе, и о содержании книги.

«Приношение» И. П. Тургенева (1752–1807), предвещающее его перевод книги Дж. Мейсона «Познание самого себя» (1783), обращено к «благодетелям и друзьям». Имена их не названы, но в этом случае, зная био-

²⁷ Об А. В. Олешеве и его книге см.: Лазарчук Р. М. Литературная и театральная Вологда 1770–1800-х годов. Из архивных разысканий. Вологда, 1999. С. 114–134.

²⁸ Позднее стихотворение предвлялось словами: «Посвящено московским жителям» (Карамзин Н. М. Сочинения. М., 1820. Т. 1. С. 241).

²⁹ См.: Степанов В. П. 1) Байбаков Андрей Дмитриевич (в монашестве Аполлос) // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. (А–И). С. 49; 2) Нехачин Иван Васильевич // Там же. СПб., 1999. Вып. 2 (К–П). С. 345–347. Следует отметить, что второе издание своего перевода сочинения Дж. Бона «Христианская философия...» (1782), в отличие от первого (1774), посвященного Е. Р. Дашковой, А. Д. Байбаков предварил стихотворным «благоевным» посвящением «Любезному Отечеству».

графию Тургенева, нетрудно определить адресатов — это Н. И. Новиков и другие члены Дружеского ученого общества, в частности А. М. Кутузов, И. В. Лопухин, М. М. Херасков. Самый текст «приношения» может служить интересным автобиографическим свидетельством и документом, раскрывающим характер взаимоотношений участников Новиковского кружка. «Внимая учению вашему, — писал Тургенев, — нашел я вкус в предлагаемой здесь материи».³⁰

Особую разновидность составляют групповые посвящения, обращенные к женщинам. Естественно, в книгах с такими посвящениями главной становится любовная тема, правомерность которой в 1760–1770-е годы все еще требовала какого-то обоснования. А. В. Храповицкий (1749–1801) сопроводил свой перевод галантного «Любовного лексикона» (1768) Ж.-Ф. Дрё дю Радье текстом, озаглавленным: «Красавицам усердное приношение»³¹ и оформленным по правилам письма-посвящения, т. е. с обращением к «милостивым государыням» и подписью: «Вам преданный слуга переводчик». Вспоминая пример Овидия, Храповицкий объясняет читательницам, что «тогда еще любовь сделалась наукою; но ныне она пришла в гораздо большее совершенство и приняла разные наречия, для коих потребно изъяснение».³² Ф. И. Дмитриев-Мамонов (1727–1805) предварил издание своей поэмы «Любовь» (1771) «Эпистолой к красавицам», начинающейся следующими строками:

Кому я припишу, красавицы, мой труд?
Кому здесь яблочко вручит Парисов суд?
О, вам! которые красою столь прелестны;
Которы в нежности имеют дар небесный.³³

Далее автор стремился убедить «красавиц», что «истинна любовь есть точно добродетель» и что «не враг Купидо — друг». Хотя этот текст может быть рассмотрен как самостоятельное стихотворение, функционально он представляет собой разновидность интересующего нас жанра — стихотворное посвящение.

Как и его предшественники, А. П. Сумароков, издавая свои «Эклоги» (1774), также предпослал им развернутое посвящение «Прекрасному Российского народа женскому полу». Автор разъяснял, что в его эклогах «возвещается нежность и верность, а не злопристойное сластолюбие и нет таких речей, кои бы слуху были противны», что «любовь источник и основание всякого дыхания, а в добавок сему источник и основание поэзии».³⁴

Таким образом, в групповых посвящениях независимо от их объема, прозаической или стихотворной формы обычно заявляется основная тема книги — учебная, нравоучительная, религиозная, патриотическая, любов-

³⁰ Иоанна Масона А. М. Познание самого себя... М., 1783. Ч. 1. С. 3 нenum.

³¹ См. о нем: Сазонова Л. И. Переводной роман в России XVIII века как *ars amandi* // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. Памяти П. Н. Беркова. С. 132–136.

³² <Дрё дю Радье Ж.-Ф.>. Любовный лексикон. СПб., 1768. С. 5 нenum.

³³ Поэма. Любовь С. А. Дворянина философа <Ф. И. Дмитриева-Мамонова>. М., 1771. С. 3 нenum.

³⁴ Эклоги Александра Сумарокова. <СПб., 1774>. С. 4–5 нenum.

ная. Характеристика адресата дается самая общая или совсем отсутствует. Здесь, как правило, трудно найти какие-либо конкретные детали, помогающие воссоздать биографию автора. Далеко не всегда соблюдается эпистолярная форма. Чаще всего текст посвящения дается без подписи или с подписью без имени: «издатель», «переводчик». По своему характеру эти посвящения ближе к жанру предисловий, чем персональные. Чем точнее называется адресат, тем больше присутствует в тексте посвящения личное начало, как это можно заметить на примере упоминавшегося «приношения» И. П. Тургенева «благодетелям и друзьям», имеющего и более «личную» подпись, означенную, правда, лишь инициалами: «I. T.».

В отличие от групповых, персональные посвящения решительно преобладают в русских изданиях XVIII—начала XIX века, причем не только в книгах, но и в журналах. Журнал А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759) открывался стихотворным посвящением великой княгине Екатерине Алексеевне:

Умом и красотой и милостью богиня,
О, просвещенная Великая княгиня!
Великий Петр отверз к наукам россам дверь.
И вводит в ону нас его премудра дочь.
С Екатериною Петру подобясь ныне
И образец дая с Петром Екатерине,
Возвысь сей низкий труд примерами ея
И покровительством Минерва будь моя!³⁵

Как справедливо отметил П. Н. Берков, это посвящение имело характер «политической демонстрации» и представляло «личный вызов» правящей в это время Елизавете Петровне.³⁶ Несколько по-иному, но тоже с определенным политическим расчетом использовал опыт Сумарокова Н. И. Новиков, «приписывая» свой журнал «Живописец» (1772–1773) «неизвестному г. сочинителю комедии „О время!“», т. е. Екатерине II.

В журнальной практике XVIII—начала XIX века встречаются случаи, когда разные части периодического издания имеют и разные посвящения. Довольно необычное «приписание» поместил в первой части своего журнала «Старина и новизна» (1772) В. Г. Рубан — стихотворение, обращенное к господину «Имя-реку», который «труды ученых почитает». Вторая часть этого журнала имеет традиционное посвящение А. А. Вяземскому. М. И. Невзоров (1762 или 1763–1827), получивший существенную поддержку со стороны М. Н. Муравьева, попечителя Московского университета, ему и посвятил свой журнал «Друг юношества», который начал выходить с января 1807 года. В этом же году Муравьев скончался, но журнал продолжал существовать по апрель 1815 года. С января 1813 года он издавался под названием «Друг юношества и всяких лет», и январский выпуск имел посвящение другому «благодетелю» Невзорова — И. В. Лопухину, который деятельно сотрудничал в издании, «наполняя» его «первейшими и лучшими статьями, делающими ему честь и украшение,

³⁵ Трудолюбивая пчела 1759 С 3 нenum

³⁶ См. Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века М., Л., 1952 С 117

по которым он особенно из *Друга юношества* должен был называться *Другом юношества и всяких лет*.³⁷ Д. И. Фонвизин демонстративно нарушал существовавшую традицию, назвав свой журнал «Друг честных людей, или Стародум» (1788) (так и не появившийся в печати при жизни автора из-за цензурных препятствий) «периодическим сочинением, посвященным истине»³⁸

Журнальные посвящения чаще всего не имеют подписи или подписаны без имени: «Со^счинитель» Живописца», «издатели» и т. п. Но и в этом случае они могут служить важным источником сведений об авторе и об адресате. Еще в большей степени это относится к книжным посвящениям, подпись под которыми в очень многих случаях служит единственным источником атрибуции сочинения или перевода. Персональное посвящение отражает отношения между автором (переводчиком, иногда издателем) и адресатом — отношения, которые, как между любыми людьми, могут изменяться. Поэтому наличие или отсутствие посвящения в части тиража или в разных изданиях одной и той же книги — факт, сам по себе имеющий немаловажное значение для характеристики литератора, его общественной и нравственной позиции, эволюции его отношений с адресатом.

Зная биографию А. М. Грибовского (1767–1834), ловкого и беспринципного политика,³⁹ можно соответствующим образом расценить тот факт, что его перевод повести Ф. Т. М. Бакюляра д'Арно «Опасность городской жизни» появился в 1784 году с посвящением княгине Е. П. Барятинской, а спустя четыре года в 1788 году вышло титульное издание этого же перевода под названием «Городской житель в искушении» уже без посвящения. Очевидно, надежды Грибовского на покровительство княгини не оправдались, и посвящение было снято. Может быть, по той же причине «именинный стихотворец» П. М. Карабанов (1765–1829), посвятивший свои «Стихотворения...» (1801) Ф. В. Растопчину, выпустил второе издание этого сборника в 1812 году уже без посвящения. И. И. Завалишин при переиздании своей книги «Сокращенное землеописание Российского государства» (1792) в 1793 году снял посвящение Ф. Е. Ангальту, директору Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, под началом которого Завалишин служил до 10 декабря 1792 года.⁴⁰ Впрочем, отказ от посвящения при переиздании книги далеко не всегда свидетельствовал о беспринципности автора или перемены его отношения к адресату. Так, Н. И. Новиков, предваривший свое издание книги А. И. Лызлова «Скифская история» (1776) письмом-посвящением собирателю рукописей и знатоку русской старины П. К. Хлебникову, снял этот текст во втором издании (1786), возможно просто потому, что обращение к человеку, которого давно уже не было в живых, могло показаться неуместным (Хлебников скончался в 1777 году)

³⁷ Друг юношества и всяких лет 1813 Январь С 6–7 нenum

³⁸ Фонвизин Д. И. Собр. соч. В 2-х т. М., Л., 1959. Т. 2. С. 40

³⁹ См. Кочеткова Н. Д. А. М. Грибовский как литератор XVIII века // Zeitschrift für Slawistik 1988 Bd 33 N 6 S 843–853

⁴⁰ См. Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1 (А–И). С. 321–323

Как и в практике европейских писателей,⁴¹ у русских литераторов встречаются посвящения разным лицам отдельных томов одного и того же издания: каждая книга имеет свое посвящение. Это характерно, в частности, для изданий Я. П. Козельского.⁴² Первую часть своего перевода книги Верто д'Обефа «История о переменах, происходивших в Швеции...» (1764) он посвятил директору Инженерного корпуса А. Н. Вильбоа (своему непосредственному начальнику), а вторую, вышедшую через год, — Е. А. Нарышкиной, в благодарность за ее «высокую милость». Подобным образом поступил Козельский, издавая свой перевод «Истории датской» (1765–1766) Л. Гольберга: первая часть имеет посвящение Г. Г. Орлову, а вторая — его брату Ф. Г. Орлову. С книгой Козельского «Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима» (1788), имевшей торжественное посвящение Екатерине II, весьма бесцеремонно поступил Н. М. Амбодик-Максимович, переиздавший ее своим иждивением в том же году под названием «Китайский философ, или Ученые разговоры двух индийцев Калана и Ибрагима» без указания автора, заменив посвящение Козельского собственным — посвящением своему начальнику А. О. Закревскому. Чужое сочинение использовалось для того, чтобы засвидетельствовать «глубочайшее высокопочитание» и преданность покровителю: тексту посвящения соответственно придавалось большее значение, чем тексту самого сочинения. Впрочем, поступок Н. М. Амбодика-Максимовича — достаточно редкое явление в издательской практике того времени. Чаше издатели предпосылали свои посвящения книгам уже умерших авторов, и самая работа над изданием оказывалась уже их собственной несомненной заслугой (примером может служить упоминавшееся «Собрание разных сочинений» Ломоносова, изданное Д. Е. Дамаскиным (Семеновым-Рудневым)).

Подносный экземпляр рукописи, как и дарственная надпись на книге предназначались лишь для одного читателя — самого адресата. Печатное посвящение становилось достоянием публики, что должно было быть особенно лестно: литератор восхвалял адресата «пред целым светом». Посвящение — в самой своей основе жанр панегирический, что и отличает его от предисловия и сближает с хвалебной одой или похвальным словом. Complimentарная литература — подносные стихи, похвальные оды и речи — была связана с некоей «моралью сервиллизма», которой не чужды были и замечательные авторы, как например Ф. Малерб или И.-Х. Гюнтер.⁴³ На русской почве этот обычай «ласкати царям» (выражение А. Н. Радищева) принес разные плоды: с одной стороны, это и complimentарные, но наполненные глубоким общественным содержанием и истинным поэтическим вдохновением стихи М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, М. М. Хераскова; с другой — множе-

⁴¹ См.: Genette G. Paratexts. P. 127. В качестве примера приводится, в частности, роман Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1760–1767, т. 1–9).

⁴² См.: Степанов В. П. Козельский Я. П. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2 (К–П). С. 91–93.

⁴³ См.: Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-литературном контексте. Л., 1983. С. 6–7. (XVIII век. Сб. 14).

ство мало замечательных в художественном отношении произведений сервильных стихотворцев, готовых прославить любого владыку и покровителя в надежде на вознаграждение.⁴⁴ Этот широкий спектр можно наблюдать и при обращении к текстам посвящений. И. Г. Рейхель, «приписывая» свою книгу «Краткая история о Японском государстве...» (1773) уже упоминавшемуся собирателю книг и рукописей П. К. Хлебникову, писал: «Приносящие и посвящающие другим свои книги по большей части ищут тем нечто себе приобрести, или милость у других, или повышение чина, или награждение, или славу; и для того часто случается, что такие приношения немногих имеют читателей и у самых тех приходят в презрение, коим бывають поднесены или как будто силою навязаны».⁴⁵ Свое посвящение Рейхель противопоставляет этой традиции, восхваляя Хлебникова за его «любовь к наукам» и исторические познания.

Исследователи отмечали, что «еще в манускриптах установился характер оформления текста панегирических посвящений: обязательные интервалы, жесткая система абзацных отступов, выделение крупными литерами имени и титула адресата».⁴⁶ Данная схема, сохранившаяся и в русских печатных изданиях конца XVIII—начала XIX века, предполагала также подробное перечисление титулов, званий, должностей, а нередко также орденов лица, которому посвящалось сочинение.⁴⁷

Нередки были заверения литераторов, что главным украшением их труда будет прежде всего имя той персоны, которой он посвящен. Поэтому «называнию» адресата придавалось исключительно большое значение: обязательно было назвать имя, отчество и фамилию. Лишь очень редко этот главный компонент персонального посвящения отсутствует.

Примером подобного исключения может служить упоминавшееся «приписание» Новикова в «Живописце». Посвятить литературный труд императрице Екатерине II как покровительнице было можно, и позднее сам Новиков так и поступил, издавая «Древнюю российскую вивлиофику» (2-е изд., 1788–1791). Но как литератор государыня выступала анонимно, и Новиков весьма удачно использовал возможность посвящения, чтобы обратиться к ней как автору комедии, не называя ее, но почтительно и лестно отзываясь о ее литературных занятиях. Издатель «Живописца» писал: «.. может быть, особенные причины принуждают вас укрывать свое имя; ежели так, то не тшусь проникать оных. И хотя имя ваше навсегда останется неизвестным, однако ж почтение к вам мое никогда не умалится. <. > Вы открыли мне дорогу, которая я всегда страшился; вы возбудили во мне желание подражать вам в похвальном подвиге исправлять нравы своих единоземцев, вы поострили меня испытать в том свои силы: и дай Боже! чтобы читатели в листах моих находили хотя некоторое

⁴⁴ См. *Западов В. А.* Проблема литературного сервилизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина // *Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века* Л., 1989 С. 56–75 (XVIII век Сб. 16)

⁴⁵ <Рейхель И. Г.> *Краткая история о Японском государстве*, из достоверных известий собранная М., 1773 С. 5 нелум

⁴⁶ *Бердников Л. И.* Из истории книжного посвящения в России (Кириак Кондратович и Господин Господинович) С. 166

⁴⁷ См. *Warda A. Z.* obserwacji nad dedykacjami mecenasowskimi S. 35–36

подобие той соли и остроты, которые оживляют ваше сочинение..»⁴⁸ Для большинства читателей, так же как и для Новикова, имя сочинителя комедии «О время!» не составляло секрета, и они таким образом включались в своеобразную литературную игру между издателем и адресатом его посвящения.

К концу столетия в связи с общей эволюцией литературных принципов постепенно меняются и жанровые особенности посвящений, которые начинают приобретать менее официальный характер, о чем подробнее будет сказано в следующем разделе нашего исследования. Отметим здесь, что важные перемены происходят и в самом «назывании» адресата: иногда указываются только инициалы или сокращенная фамилия, иногда не названо ни имени, ни фамилии, но текст посвящения позволяет адресату узнать себя. Такое посвящение сопровождает печатное издание, доступное многим читателям, но раскрыть адресат могут только люди, достаточно близко знающие автора, причастные к его личной жизни. Так, А. Н. Радищев, издавая «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) и посвящая ее своему другу А. М. Кутузову, называет лишь его инициалы «А. М. К.». В то же время достаточно внимательный читатель, даже не знакомый с автором, легко мог расшифровать эти инициалы, если в его руках было «Житие Федора Васильевича Ушакова» (1789) Радищева с посвящением, в котором писатель называл полностью имя, отчество и фамилию адресата: «Алексею Михайловичу Кутузову».

Вторая книга альманаха Н. М. Карамзина «Аглая» (1795) имеет посвящение: «Другу моего сердца, единственному, бесценному». Имя друга не названо, но при издании своего перевода повести Ж. де Сталь «Мелина» (1795), посвященной «Настасье Ивановне Плещеевой в знак дружбы и почтения от переводчика», Карамзин указал: «Ей же приписана и книжка „Аглая“».

Любопытный пример анонимного адресата представляет собой посвящение перевода повести Ф. Т. М. Бакюльера д'Арно «Сидней и Волсан» (1794), выполненного некоей женщиной, подписавшейся инициалами «С. Ф.». В пространном письме-посвящении, обращенном к «милостивейшей государыне», в частности, говорится: «... единственная цель моя была, упражняясь для провозждения времени в переложении повести сей, учинить занятие мое для меня приятным, и не из тщеславия предаю тиснению, подвергая погрешности порицанию с твердостью духа, но дабы токмо прославить героев сей повести и Героиню сердца моего, *поместив имя сострадательницы страждущего человечества в заглавие книги*, толико приличной имени сему. Позвольте, милостивая государыня, посвятить вам первые опыты слабых трудов моих и ласкать себя, что оные с снисхождением приняты будут моею милостивцею...»⁴⁹ Странным образом имя «милостивицы» осталось не упомянутым, что можно объяснить, вероятно, ее подчеркнутой скромностью, заставившей изъять лист с наименованием адресата.

⁴⁸ Живописец 1772 Ч 1 С 3 нenum

⁴⁹ Сидней и Волсан, аглинская повесть Из сочинений господина д'Арнольда М, 1794 С 7-8 нenum (Курсив мой — Н К)

Переводчик сборника «Антония, дочь графа О... с присовокуплением разных <...> повестей, выбранных из новейших лучших немецких писателей» (1793), скрывший собственное имя за инициалами «И. М.», предварил текст книги посвящением: «Почтеннейшему моему другу В...А...Л...». Расшифровка подобных посвящений нередко оставалась для большинства читателей, а также позднейших исследователей невыполнимой задачей. Элемент некоторой тайны, известной лишь немногим, придавал этим посвящениям особый интимный характер.

Даже легко читаемые сокращения фамилий иногда могли ввести в заблуждение. Так, П. И. Шаликов посвятил свое «Путешествие в Малороссию» (1803) «Любезным сердцу моему Андрскому, Бнну, Тшву». Зная, что в дружеский круг Шаликова входил Б. К. Бланк (1769–1825), нетрудно было прочесть одну из этих фамилий как «Бланку».⁵⁰ Между тем в «Другом путешествии в Малороссию» (1804) Шаликов полностью называет фамилии тех же друзей: «Андревскому, Бунину, Таушеву».

Не менее важным, чем «называние» адресата, в посвящении была и подпись. Вполне понятно, что это совершенно необходимый компонент в панегирическом «приписании». Государь, вельможа, начальник по службе — каждый из них должен был знать имя «сочинителя» или «трудившегося в переводе». Показательно, что полное имя литератора нередко стоит не на титуле, а после текста посвящения. Если книга содержала и посвящение, и предисловие, то подпись, конечно, следовала после первого, или первое завершалось полной подписью, а второе могло быть подписано инициалами. Жанровое различие между посвящением и предисловием проявлялось здесь особенно наглядно. Так, В. Т. Золотницкий в своей книге «Состояние человеческой жизни...» (1763) подписал посвящение А. К. Разумовскому словами «Покорнейший слуга Владимир Золотницкий», а следующее затем предисловие, адресованное «благодарному читателю», — «Ваш покорный слуга В. З.». Так же он поступил и при издании своей книги «Сокращение естественного права...» (1764), посвященной А. Б. Куракину.

Правда, встречаются панегирические посвящения, в которых по всем правилам назван адресат, но имя автора или переводчика отсутствует. Это могли позволить себе литераторы, занимавшие достаточно высокие посты, лично хорошо знакомые с адресатом и предпочитавшие выступать в печати анонимно. Так, влиятельный вельможа И. П. Елагин посвящает свой перевод трагедии И. В. Браве «Безбожный» (1771) фавориту императрицы графу Г. Г. Орлову и подписывает посвящение: «Вашего сиятельства всепокорнейший слуга. Переводчик». Для адресата, впрочем, не было никакого секрета в имени переводчика, так как в самом тексте посвящения Елагин писал: «Ваше сиятельство желали, чтоб перевел я трагедию *Безбожного* Я сие исполнил. перевел ее и при сем перевод мой посылаю »⁵¹ Своеобразным указанием на авторство перевода была также помета: «В Селе Сарском».

⁵⁰ См. Степанов В. П. Бланк Б. К. // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1 (А–И). С. 94.

⁵¹ Безбожный. Трагедия в пяти действиях г. Браве. Переведена с немецкого. СПб., 1771. С. 5 нунум.

Графу А. Г. Орлову посвятил свою книгу «Излияние сердца, чтущего благость единоначалия...» (1794) И. В. Лопухин, подписавшийся: «Сочинитель». Из текста посвящения так же совершенно ясно, что автор и адресат хорошо знакомы. «Я уверен, — писал Лопухин, — что Ваше сиятельство сие приношение мое изволите принять с обыкновенным Вашим ко мне благоволением, которое тем больше приносит мне чести и удовольствия, что оно, сказать осмелюсь, не есть приобретение корыстного и ласкательного искания, но бесценный дар чувствованиям, нелицемерно чтущим отличающее Вас великодушие и подвиги славные и для отечества полезные»⁵² Вслед за посвящением следовало своеобразное предисловие — обращение «От сочинителя читателю», в котором Лопухин, в частности, заявлял: «Имя мое скрываю я только для того, чтоб можно мне было, не нарушая правил учтивости, наслаждаться молчанием при всех разнообразных суждениях, которые могут последовать о сем сочинении моем. <...> Звание мое не есть быть писателем и отличиться в литературе. Дело пера моего бывало писать и подписывать решения уголовных дел; открывать преступления; пользуясь законами царствующей ныне на российском престоле Милости шадить человечество и оправдывать иногда невинность».⁵³ Таким образом, автор, в прошлом председатель Московской уголовной палаты, помогал не только адресату, но и «любезному читателю» узнать его.

В посвящениях членам царской семьи, так же как в письмах и прошениях на высочайшее имя, литератор называл себя «Вашего императорского высочества всенижайший раб» или «всеподданнейший раб» до указа Екатерины II от 15 февраля 1786 года, отменявшего такое обращение и заменявшего его словами «верноподданный» или «всеподданнейший». Свою «Оду. На истребление в России звания раба» (1786) В. В. Капнист подписал «верноподданный В Капнист».⁵⁴ Так же соответственно стали подписываться и прошения, и посвящения. При обращении к вельможам и людям достаточно высокого социального положения формулы подписи варьировались достаточно разнообразно (варианты приведены в исследовании А. Варды), но стандартными оставались подписи — кальки с французского: «le plus humble et le plus soumis serviteur» («всепокорнейший и нижайший слуга»), «très obéissant et très obligé serviteur» («всепокорнейший и признательнейший слуга») и т. п.⁵⁵

Постепенно шаблонные формулы посвящений начинают все больше варьироваться, становясь менее официальными и казенными. Этот процесс, как и в европейских странах, был обусловлен изменениями в общественном и в художественном сознании. С развитием нового литературного направления — сентиментализма — трансформируется самая жанровая

⁵² <Лопухин И В> Излияние сердца, чтущего благость единоначалия М, 1794 С 6 нenum

⁵³ Там же С 8

⁵⁴ См Ермакова-Битнер Г В Примечания // Капнист В В Избранные произведения Л, 1973 С 542

⁵⁵ Распространению этих обращений способствовало, конечно, то обстоятельство, что значительная часть корреспонденции в России XVIII в велась по-французски См, в частности Письма русских писателей XVIII века Л, 1980

система, интенсивнее идет взаимодействие между литературными и документальными жанрами, причем особенно возрастает роль дружеской переписки.

С ростом посвящений, не имевших сервильного характера, адресованных другу, члену семьи, возлюбленной, меняется и отношение к правилам подписи. Становятся довольно многочисленны случаи, когда вместо полной подписи приводится сокращенная или стоят только инициалы, которые, очевидно, нетрудно расшифровать адресату. Подобные примеры встречаются уже в 1760-е годы. Так, литератор Николай Даниловский предпосылает своему переводу восточной повести А. Ж. Ла Поплинера де Ле Риша «Даира» (1766–1767. Ч. 1–4) довольно пространное «Письмо» — посвящение своему другу «А. Г. Толс<тому?>» с подписью: «Н. Дан». Эпистолярная форма подчеркивается указанием точной даты и места: «Маия 25 дня, 1766 года. Из Москвы». В конце XVIII—начале XIX века все чаще встречаются подписи «ваш верный друг и покорный слуга» или просто «твой верный друг», «искренний твой друг» и т. п.

Наряду с прозаическими посвящениями, которые встречаются, правда, гораздо чаще, существовали стихотворные, примеры которых уже приводились выше. Нередко они представляли собой как бы самостоятельные произведения, аналогичные подносным стихам, но сопровождавшие какое-то другое сочинение или перевод. Так, И. С. Барков предварил издание своих переводов «Сатир» Горация (1763) развернутым стихотворным посвящением Г. Г. Орлову. В. П. Петров сопроводил свой перевод первой части «Енеиды» Вергилия (1770) стихотворным посвящением наследнику престола Павлу Петровичу.

С камерной поэзией соотносимы стихотворные посвящения, обращенные к другу, возлюбленной, супруге. Так, И. И. Хемницер (1745–1784) предварил свой сборник «Басни и сказки» (1779) лирическим стихотворением, адресованным Марии Алексеевне Дьяковой. Спустя двенадцать лет, когда Хемницера уже не было в живых, в печати появилась поэма Н. А. Львова «Русский 1791 год» (1791). Издание открывалось стихотворным посвящением «милостивой государыне» — той же Марии Алексеевне, в 1780 году вышедшей замуж за Львова, друга Хемницера. Две книги, разделенные значительным промежутком времени, оказались связаны между собой посвящениями. В стихотворении Львова есть строки, непосредственно напоминающие о Хемницере, его сборнике и посвящении:

Пороков злых гонитель
И истины ревнитель,
Природы друг простой,
Хемницер дорогой,
Талант свой дружбы в дар священный
Залогом положил,
Светильник истины возженный
Тебе в покров он посвятил <...>⁵⁶

⁵⁶ Львов Н. А. Избранные сочинения / Вступ. статья, сост., подготовка текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Кёльн, Веймар, Вена, СПб., 1994. С. 165–166, 406.

Посвящения отражают жизнь дружеского круга, семейные отношения, что сближает их с литературным бытом, с той «домашней» литературой, которая получает широкое распространение в конце XVIII—начале XIX века.

Таким образом, посвящение оказывается чрезвычайно гибким жанром, который может соотноситься с другими как документальными, так и литературными жанрами, включая и панегирическую оду, и официальное прошение, и хвалебную эпистолу, и дружеское письмо, и стихотворное послание, приобретая лирический характер. В большей или меньшей степени текст посвящения связан с содержанием книги, которой он предшествует. Характер этой связи, тематика и стилистика посвящений — все это требует дальнейшего специального исследования. Но даже настоящий предварительный обзор обнаруживает, как широко русские писатели использовали богатые возможности этого жанра, как разносторонне он отражал те процессы, которые происходили и в литературе, и в самом общественно-культурном сознании людей той эпохи.

Ю. В. СТЕННИК

**ПОЛЕМИКА О НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ
В ЖУРНАЛАХ 1760–1780-х ГОДОВ**

В 1783 году в III части журнала «Собеседник любителей российского слова» были помещены вопросы, посланные Д. И. Фонвизиним в редакцию и затрагивавшие важнейшие стороны тогдашней общественно-политической жизни. Отвечать на них взялась сама императрица, бывшая негласным соиздателем журнала. Среди многих других последним, под номером 20, значился вопрос: «В чем состоит наш национальный характер?» Екатерина II ответила на него решительно и кратко: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных».¹

Принято считать, что этот заочный диалог сатирика с императрицей послужил исходной точкой для обращения к проблеме национального характера в русской литературе последней четверти XVIII века. Будучи осмыслена в контексте фактов национальной истории, проблема стала оплодотворяющим фактором, определившим пафос многих произведений тех лет. Она получила отражение в пьесе Екатерины II «Из жизни Рюрика» (1786), в трагедиях Я. Б. Княжнина «Рослав» (1783) и «Вадим Новгородский» (1789). Ей посвятил программную статью в журнале «Зритель» П. А. Плавильщиков «Нечто о врожденном свойстве душ российских» (1793), а в журнале «Корифей» (1802) появилось «Мнение о характере русских». Тема исконных добродетелей национального характера предков россиян затрагивалась и в прозе Н. М. Карамзина — в повестях «Наталья, боярская дочь», «Лиодор», а также в «Письмах русского путешественника».

Однако в общем контексте событий литературной жизни 1760–1790-х годов обращение Фонвизина в редакцию «Собеседника...» со своим вопросом о свойствах национального характера русских следует рассматривать не как начало, а как завершение полемики, имевшей свою историю и своих оппонентов задолго до Фонвизина.

В январе 1769 года в Петербурге начал анонимно выходить журнал «Всякая всячина». Инициатором и одним из основных участников этого

¹ Фонвизин Д. И. Собр. соч. В 2-х т. М., Л., 1959. Т. 2. С. 275.

издания была сама императрица Екатерина II. На скрытую политическую подоплеку данной акции Екатерины II уже не раз указывали исследователи литературы XVIII века.² Но не подлежит сомнению и тот факт, что инициатива императрицы дала импульс возникновению новых веяний в литературной жизни своего времени. Резко активизировалась журнальная периодика, разрабатываются новые формы жанров прозаической сатиры, а главное, впервые в русской литературе в ходе журнальной полемики обозначилось противостояние демократически настроенных литераторов идеологическим установкам правительства. Проводником таких установок выступала «Всякая всячина», и в полемике с нею многие волновавшие общественность вопросы стали предметом открытого обсуждения. В числе других вопросов, вызвавших обостренный интерес со стороны читательских кругов и отдельных писателей, был вопрос о состоянии отечественных нравов, впервые выдвинувший на передний план проблему национального характера. Инициатором в ее постановке явилась как раз «Всякая всячина», первая предпринявшая обсуждение свойств национального русского характера, но весьма специфическим способом. В листе 5 журнала редакция поместила письмо от некоего Евдокима Примечаева (в мистификации этой корреспонденции не приходится сомневаться), в котором тот сообщал о своем увлечении с молодых лет изучением обычаев и нравов разных народностей, «дабы их начало спознать». «Часто я видел или думал по крайней мере видети, что не все то народу какому ни есть природно, что у него в обыкновении». И далее Примечаев конкретизировал свою мысль: «...много о чем мы думаем, что то есть или был наш обычай; напротиву того он к нам прильнул от старинных злодеев наших *Крымских Татар*. Смело можно разделить наши обычай на два рода: первые — *природные*, другие — *Татарские*. Все хорошие обычай суть природные Российские; все же дурные суть Татарские. В следующей росписи усмотреть можете некоторую часть последних, но я признаться должен, — замечает автор письма, — что она не весьма полна; со временем оную дополню».³

«Роспись» татарских обычаев «Всякая всячина» не сочла нужным публиковать, оставив ее у себя, «чтобы делать из оной употребление». Но письмо Примечаева было в журнале помещено. В том, что это письмо было инициировано «Всякой всячиной», трудно сомневаться, ибо о явной солидарности с мыслями г. Примечаева издатели журнала поспешили заявить тут же при его публикации: «В прочем мысли сего нашего корреспондента мы принимаем за законно рожденные наши и весьма ему благодарны за сообщение их».⁴ Последствия не заставили себя ждать.

Уже в следующем 6-м листе журнала, комментируя письмо, по-видимому также явно мистифицированное, от некоей Агафьи Хрипухиной, издатели «Всякой всячины» сделали «употребление» росписи г. Примеча-

² Подробно этот вопрос рассмотрен в монографии П. Н. Беркова «История русской журналистики XVIII века» (М.; Л., 1952. С. 156–265); см. также соответствующий раздел монографии: Стешик Ю. В. Русская сатира XVIII века. Л., 1985. С. 216–257.

³ Всякая всячина. <СПб>, 1769. С. 35–36.

⁴ Там же.

ева. Та предложила осудить дурную привычку некоторых людей не держать данного ими слова. Редакция воспользовалась поднятым Хрипухиной вопросом, чтобы напомнить своим читателям об исконных нравах: «...не сдержатъ данного обещания есть обычай по сообщенной нам росписи, о коей упоминается под числом 11 „Всякой всячины“, *Крымских татар*: а старинный российский есть — сдержатъ данное слово, дабы не стыдно было, тут же изъятия нет, в безделице ли, или в важном деле; ибо обман все есть обман».⁵ Обращает на себя внимание подчеркивание региональности обычаев: речь идет именно о крымских татарах, что было далеко не случайно, как мы увидим ниже.

Вновь отсылка к росписи татарских обычаев г. Примечаева встречается в листе 11, где издатели журнала отвечали на вопрос некоего Агаба Саманукова «мотать ли ему или ворчать, что на ум взбредет?»⁶ После успокоительных советов своему корреспонденту относительно линии поведения по части мотовства редакция заключила свои рекомендации следующим рассуждением: «Мотать же и ворчать, что на ум взбредет, думаем, неприлично никому, а еще менее клевать, злословить и просмеивать ближнего. Мода же таковая никогда не есть и не будет общая всем, а только той части людей, кои следуют *Татарским обычаям*».⁷

И еще в листе 20 под № 59 в одном из пунктов росписи жалоб, присланных от неизвестного корреспондента, следовала ссылка на *Татарские обычаи*, заключающие в себе «совокупленно невежливость, жадность и зависть».⁸ Данный материал является, по всей вероятности, переводным.

В подобной обстановке, вполне устраивавшей редакцию «Всякой всячины», протекало обсуждение инспирированного ею же вопроса. Отклики реальных и мнимых корреспондентов подтверждали позицию. Но были и другие мнения.

В числе литераторов, включившихся в обсуждение поднятого на страницах «Всякой всячины» вопроса, оказался и А. П. Сумароков. Известный драматург, создатель сборника остросатирических басен, язвительный публицист, он выступил оппонентом курируемого императрицей журнала. Он пишет коротенькую статью «Противуречие г. Примечаеву», в которой оспорил главное утверждение корреспондента «Всякой всячины» о влиянии татар на развращение нравов наших предков. «Татары, не только благородные, но и остатки низайших их отраслей, суть люди добрые: а народы их в добродетели всегда были отличны; и тако нравы их не могли нас никаким заразить худом».⁹ Опровергая утверждения г. Примечаева, Сумароков попутно выдвигает собственную версию генезиса российского этноса и указывает на факторы, которые, по его мнению, определяли формирование отечественных нравов на самых ранних ступенях становления российской государственности. Естественно, источник падения нравов россиян он видит совсем в другом.

⁵ Там же. С. 47.

⁶ Там же. С. 81.

⁷ Там же. С. 83. (Курсив мой. — Ю. С.)

⁸ Там же. С. 157.

⁹ *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч. М., 1787. Ч. IX. С. 314.

Есть серьезные основания предполагать, что первоначальные планы Сумарокова были связаны с публикацией своего эссе на страницах «Всякой всячины». Он был в числе первых корреспондентов этого журнала, где в листе 10 были опубликованы две его басни («Ось и бык» и «Блоха»). По-видимому, ознакомившись с содержанием «Письма г Примечаева», он тут же отреагировал на него, послав издателям свою критическую заметку, выдержанную в резко полемических тонах. Однако редакция не сочла возможным поместить подобный материал на страницах своего журнала. Статья Сумарокова была опубликована анонимно в одном из февральских номеров другого журнала — издания М. Д. Чулкова «И то и сию». Косвенным свидетельством того, что материал, посланный Сумароковым во «Всякую всячину», не остался незамеченным, может служить несколько странный отклик на помещенное в листе 12 явно мистифицированное письмо в редакцию журнала от некоей Леонильды Критюхиной под названием «Критика без разума глупость». Вслед за помещением письма следовала короткая приписка от издателей «Всякой всячины» извещавшая, что «Письмо Акинфия Сумасбродова не будет внесено во Всякую всячину для того, что рыбак рыбака далеко в плесе видит».¹⁰ Есть основания полагать, что под именем Акинфия Сумасбродова имелся в виду не кто иной, как Сумароков, пославший в редакцию журнала свои возражения на письмо г. Примечаева. Возникает, правда, вопрос, что имели в виду издатели «Всякой всячины», приводя несколько видоизмененную народную пословицу «Рыбак рыбака видит издалека», ибо в ней содержался явный намек на скрытую солидарность с позицией Акинфия Сумасбродова, письмо которого тем не менее редакция отказывалась помещать на страницах журнала.

Для ответа на этот вопрос следует вновь вернуться к статье Сумарокова и рассмотреть его аргументацию в споре с г. Примечаевым относительно истинных причин упадка российских нравов. К решению этой проблемы Сумароков подходит исторически, обращаясь к истокам формирования русского этноса.

Сумароков исходит из убеждения, что свое происхождение наши славянские предки вели от кельтов, родственных скифам, и что самое первое развращение нравов они получили от *Сарматов* (предков поляков), завоеванных ими и влившихся в общеславянскую семью. Устанавливая скифские корни древних славян, Сумароков выводил представление о нравах своих предков через сопоставление их с нравами Европейцев, которые и сравниваются с Татарами: «Жестокосердые люди во всех народах сыскиваются»,¹¹ — замечает он. Жестокость скифских нравов отличается от жестокости европейцев, по мнению Сумарокова, только тем, что она обнажена, в то время как у европейцев она таится «под маскою, ради прикрытия от малоумных людей. <...> Лютый Татарин огрызается, лает и кусает; изгнанный из своего отечества Француз ластится, ласкает и кусает; но тот пес, что, ластясь, кусает, опаснее. Предки наши никогда лаянию Татар не подражали, а подражали только их

¹⁰ Всякая всячина С 96

¹¹ Сумароков А П Полн собр всех соч Ч IX С 315

истиннолюбию и геройству, которым они и сами не меньше их исполнены были...»¹²

Как видим, Сумароков не столько дистанцирует нравы славянских предков от татарских, сколько сближает их в противопоставлении лицемерию французов, хотя о каком-либо отождествлении российских нравов с татарскими, как это часто делали европейские авторы, у Сумарокова также речи не идет: «Я очень далек от того,— продолжает он,— чтобы Татар Французам предпочтитель; ибо у Татар нет ни единых школы. Но не было бы худа, ежели бы и у Французов школ было поменьше. <...> Истинная наука приводит к познанию Божества и человечества, а суетное и обремененное мудрование приводит к заблуждению, суеверию и безбожию. Татары имели основание на мужестве и истине, и нас никогда не портили; а портят благородное Российское юношество французские худонравные учителя. <...> Вот причина нашего развращения, а не Татары».¹³

Редакция «Всякой всячины» не сочла возможным поместить посланное Сумароковым возражение на страницах своего журнала. Прежде всего это противоречило ее долгосрочным планам, с которыми было связано помещение во «Всякой всячине» материала, провоцировавшего обсуждение вопроса о татарских нравах в нужном ей русле. Кроме того, совершенно неожиданно Сумароков, по-видимому, сам того не подозревая, обнажил в своем возражении скрытую подоплеку всей затеянной Екатериной II игры вокруг вопроса об исконных русских нравах, когда перевел обвинения г. Примечаева с татар на французов.

Для понимания последнего обстоятельства очень важно, что в том же 5-м листе «Всякой всячины» сразу же после письма Евдокима Примечаева под № 13 была помещена еще одна, явно мистифицированная, корреспонденция от некоего *Адама Адамовича Варгейта*, серебряника (т. е. серебряных дел мастера), сообщавшего издателям журнала о своем знакомце, учителе-французе, бывшего до этого сапожником, солдатом и кучером. Этот француз отдал на лом Варгейту серебряную медаль со странным изображением на ней: «Представляет она с одной стороны Султана Турецкого, на престоле сидящего, из которых один наднес меч на главу простертого у ног султанских человека: лилеи, изображенные на порфире его, поднесенные им в мешках деньги, лежащие у подножия престола; все сие довольно показывает, откуда, кто и для чего сей в рабском виде представленный человек. Но другая сторона медали еще боле то изъясняет в следующей надписи: „Друг Турок, друг Алжирцев, друг варваров, ненавистник и гонитель христиан“».¹⁴ Приятель ювелира, которому Варгейт показал медаль, так откомментировал надпись: «нечему де дивиться, что бывало, то есть и будет».

Издатели журнала в свою очередь сопроводили публикацию письма Адама Адамовича следующим заключением: «Спасибо господину Варгейту, что он свету открывает такие великие правды. О сем только сказать

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 315–316.

¹⁴ Всякая всячина. С. 40.

можно : O tempora! O mores! то есть: О времена! О нравы!»¹⁵ Антифранцузская направленность письма г. Варгейта не подлежит сомнению, и помещение подобной корреспонденции на страницах журнала, издававшегося под патронажем императрицы, становится понятным в свете той роли, которую взяла на себя Франция, выступившая тайной союзницей Турции во время русско-турецкой войны 1768–1772 годов. На явно мистифицированный характер данного письма указывает и фамилия корреспондента — *Vargeйт*, калька с немецкого слова *Wahrheit*, что в переводе на русский язык означает «правда», «истина». Так раскрывается скрытый смысл затеянного на страницах «Всякой всячины» обсуждения обычаев «крымских татар», якобы испортивших нравы наших предков.

В свете сказанного становится понятным, почему редакция «Всякой всячины» не поместила «Противуречие г. Примечаева» на страницах своего журнала, хотя, казалось бы, позиция Сумарокова в его нападках на французских учителей не только не противоречила позиции «Всякой всячины», но и была с ней фактически солидарна. Можно предположить, что свое полемическое письмо в журнал по поводу нравов Сумароков отправил вскоре после того, как там стали появляться материалы, развивавшие затронутую г. Примечаевым тему.

Кстати, Сумароков был не одинок в своем несогласии с позицией «Всякой всячины» относительно влияния татар на русские нравы. Очень скоро у него появились союзники. В том же журнале «И то и сию» в последнем февральском номере (№ 8) было опубликовано еще одно письмо к издателю журнала с выражением солидарности с позицией, заявленной в «Противуречии г. Примечаеву». Автор письма, выступивший под псевдонимом «Елисей Прямиков», прямо заявляет: «Вы справедливо в защите их (татар. — Ю. С.) от тово говорите, что они суть благородны и добры. <...> По рождению моему хотя я и руской, однако могу смело выговорить не собою одним, но вместе с теми, кои с народом сим в обхождениях довольно обращались, что они суть истиннолюбы, справедливы во всем и хранят добродетели тцательно, по начальному их на том основании».¹⁶ И в конце письма неизвестный сторонник Сумарокова также указывает на Сарматов как первых виновников развращения нравов российского народа.

Именно этот скрытый диалог между журналами помогает понять смысл обсуждения на страницах «Всякой всячины» вопроса о причинах развращенности российских нравов. Смысл этого проясняется в контексте двух обстоятельств. Во-первых, актуализации данного вопроса способствовала начавшаяся в 1768 году война России с Турцией, в которой крымские татары, всегда находившиеся в вассальной зависимости от турок, выступали их традиционными союзниками. И во-вторых, скрытый полемический подтекст инициированного Екатериной II спора о российских и татарских нравах объяснялся еще одним обстоятельством — выходом во Франции из печати роскошно изданной книги аббата Шаппа д'Отроша, посвященной России под названием «Путешествие в Сибирь <...> содер-

¹⁵ Там же.

¹⁶ «И то и сию». <СПб>., 1769. Февраль. № 8. Без пагинации.

жащее в себе нравы и обычаи русских и теперешнее состояние этой Державы» (Париж, 1768).

Член Королевской академии наук Шапп д'Отрош посетил Россию в 1761–1762 годах с целью проведения астрономических наблюдений в Тобольске и после своего возвращения во Францию выпустил книгу о России в двух томах. Имевшая форму путевых заметок книга содержала множество сведений о быте русских людей, их нравах, о культуре и экономике России, ее истории, о системе политического правления страны. В то же время книга была написана в высокомерно пренебрежительном тоне и содержала немало оскорбительных для национального достоинства русских высказываний, подчас граничивших с домыслами. Много нелестного было высказано и относительно системы государственного правления, существовавшего в России, форму которого Шапп д'Отрош подчеркнуто определял как деспотическую. В деспотизме власти он видел главное препятствие на пути приобщения русских к просвещению и благам цивилизации: «Любовь к славе и отечеству неизвестны в России; деспотизм в ней заглушает ум, талант и всякого рода чувства; самая к тому способность утрачивается униженной и зарубелюю душою. Страх есть, так сказать, единственная пружина, движущая народом».¹⁷

Все это, естественно, не могло понравиться Екатерине II, и она параллельно с изданием «Всякой всячины» скрытно организовала, не без помощи привлеченных ею помощников, выход другой книги, полемически направленной против сочинения французского астронома с целью нейтрализовать тот отрицательный эффект, который оно могло оказать на общественное мнение Европы. Книга была опубликована в Петербурге анонимно на французском языке под названием «Antidot, ou Examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé: Voyage en Sibérie...» (1770) («Противоядие, или Проверка дурной книги, превосходно изданной под заглавием: Путешествие в Сибирь...»). В 1771 году книга была переиздана в Амстердаме. Подробно страница за страницей сочинение Шаппа д'Отроша подвергалось в «Антидоте» придирчивому разбору. Екатерина не простила французам ни одной ошибки, уличая его в многочисленных несуразностях, незнании истории и нравов России, а то и в откровенной предвзятости.¹⁸ Но главное, что определяло пафос полемики, это отстаивание национального достоинства россиян, утверждение чистоты нравов и верности русских обычаям предков: «Никогда не было народа, который бы более управлялся нравами и обычаями, чем наш»,¹⁹ — заявляла Екатерина II в пику утверждениям французского автора о приверженности русских к страху под воздействием деспотии.

Таким образом в книге Шаппа д'Отроша Россия изображалась варварской страной, а ее народу вообще отказывалось в способности достиг-

¹⁷ Оснадцатый век. М., 1869. Т. 4. С. 449.

¹⁸ Данный вопрос рассматривается в статье: *Степник Ю. В.* Идея «древней» и «новой» России в литературной и общественно-исторической мысли второй половины XVIII века. (Екатерина II, И. Н. Болтин, М. Щербатов) // *Литература и история. (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв.)*. СПб., 1997. Вып. 2. С. 17–21.

¹⁹ Оснадцатый век. С. 450.

нуть каких-либо успехов в науках и искусствах. Здесь французский астроном имел своеобразного союзника в лице философа Ж.-Ж. Руссо: «Быть может, если верить г-ну Руссо из Женевы, было бы желательно, чтобы этого народа никогда не коснулось просвещение».²⁰ И оба они, в сущности, следовали традиции, распространенной в Европе, согласно которой между нравами русских и татар не существовало большой разницы. Этой точки зрения придерживался сам Вольтер в своем широкоизвестном историческом труде «Siècle de Louis XV» (1751) («Век Людовика XV»): «Прежде (т. е. до Петра I. — Ю С) эта держава (Россия. — Ю С) была пространною степью; ее народ не имел ни законов, ни благоустройства, ни просвещения и во всем походил на татар..»²¹ В подобных утверждениях Вольтер основывался на тех сведениях о России, которые он мог черпнуть из сочинений других историков, в частности, из книги Ф. И. Страленберга об истории и географии России. Шведский капитан Страленберг, долго живший в России, в 6-й главе «О государствении императора Петра Великого» утверждал, что до времени правления Петра I «Россия даже до сего веку почиталась за варварской, языческой и татарам подобный народ и что оной ни к чему не способен».²²

В книге Шаппа д'Отроша подобные взгляды на Россию получили свое логическое развитие, а в обстановке русско-турецкой войны 1768–1774 годов, в которой Франция скрытно выступала союзницей Турции, создание негативного облика России служило политическим интересам французского правительства. Этим объясняется официальная поддержка, которую издание данной книги получило во Франции. И это прекрасно осознавала Екатерина II, заметившая в комментариях на книгу Шаппа д'Отроша: «Россия заградила путь властолюбию французов; не имея возможности побороть ее, они говорят о ней как можно больше дурного, чтобы ей отомстить. Милая нация <...> это в тоне наушника Мустафы».²³

Именно в данном контексте следует оценивать и затеянное Екатериной II на страницах «Всякой всячины» обсуждение вопроса о причинах упадка отечественных нравов и о пагубном влиянии, якобы оказанном на русских со стороны татар. Причем, как уже указывалось выше, основным объектом нападок избирались как раз союзники Турции — крымские татары. Сумароков, возражая г. Примечаеву, невольно обнажил скрытую политическую подоплеку этой журнальной игры, когда назвал французских учителей подлинными виновниками в развращении отечественных нравов. Впрочем, издатели «Всякой всячины» были внутренне солидарны с такой позицией. Мало того, в одном из ближайших номеров журнала татарские нравы были прямо отождествлены с турецкими. В № 13 «Всякой всячины» (л. 38) в письме от некоего помещика *Ефима Трудолюбивова* (корреспондента, по всей вероятности, так же точно мистифицированного) тема национальных обычаев вновь всплывает. Ссылаясь на сообщенную

²⁰ Там же С 455

²¹ *Voltaire* Siècle de Louis XV Nouvelle édition Lausanne, 1769 T I P 47

²² Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого Ч I М, Л, 1985 С 108

²³ Осмнадцатый век С 230

в письме г Примечаева «*роспись об обычаях, пришедших на Русь от Татар*», корреспондент обращался к издателям журнала с просьбой прислать в оной росписи, откуда пришел в Россию обычай стыдиться в глазах окружающих любви к своей жене и открыто демонстрировать о наличии у кого-либо из супругов любовных связей на стороне С этим обычаем он, приехав из деревни, столкнулся в городском свете, где ему разъяснили, что даже в Петербурге «только одним мешанам свойственно любить жен своих, и что нам это неприлично, а у нас и то пропускается меж глаз, когда жена от мужа любовника имеет, да и муж < > сам также ей изменяет»²⁴

Автор письма ссылаясь при этом на своего дедушку, который учил его любить свою будущую жену так же, как он любил бабушку, горячо и неизменно всю жизнь, и отсюда делал вывод, что «сей обычай есть не Российский»

Ответ издателей полностью соответствовал их позиции «стыдиться имети жену есть обычай Татарский Ибо у Турок и у Крымских татар неучтивство спросить в добром ли здравье жены и дети? А гнушаться показаться вместе с женою в людях есть обычай французский Итак, болячку, на кою жалуется господин Трудолюбивов < > мы не можем за иное что почесть, как за дурный Татарофранцузский обычай, а отнюдь оный не Русский Праотцы наши любили жен своих как самих себя»²⁵ Таким образом, в комментариях редакции «Всякой всячины» семейные обычаи крымских татар, турок и французов объявляются едва ли не тождественными

Последняя точка в обсуждении этой темы на страницах «Всякой всячины» была поставлена в ноябрьском листке, где под № 132 редакция поместила обращенное к ней письмо от корреспондента, скрывшегося под псевдонимом «Стоиков» Автор письма вновь отсылал внимание читателей журнала к корреспонденции г Примечаева, но категорически отвергал выдвинутую им версию вредного влияния татарских нравов на формирование национального характера русских «мне сие доказательство невероятным кажется потому, что сколько у нас есть выезжих князей и знатей Татарских, кои здесь в великие произошли достоинства, они их получили не по худым природным им обычаям и нравам, но по благородным и добрым Так почему же быть прильнутой к нам от них худобе, когда в них этого не примечено было?» Корреспондент не ограничивается реабилитацией татар, но противопоставляет точке зрения г Примечаева уже высказывавшуюся версию относительно источников ухудшения российских нравов Такой источник он находит не на востоке, а на западе «Прежняя Российская история довольно свидетельствует, что когда Славяне, от коих мы происхождение имеем, по покорении Сарматов с ними смешались, то сии худые обычаи и нравы от них в наследие нам достались Итак прямо можно сказать, что г Примечаев, рассматривая только поверхность обрядов всех областей, взял отрасль сию от Татар несправедливо»²⁶

²⁴ Всякая всячина С 300

²⁵ Там же С 302

²⁶ Там же С 351–352

По сути дела, неизвестный корреспондент, скрывшийся под псевдонимом «Стоиков», повторяет аргументацию Сумарокова, в свое время не принятую редакцией «Всякой всячины». Теперь она была вынуждена согласиться с оппонентом, сопроводив публикацию письма сдержанной репликой: «Сие письмо само собою говорит, и нужды не имеет в комментарии».²⁷

Одним из результатов этой полемики можно считать инициативу Н. И. Новикова, начавшего в 1773 году выпускать периодическое издание «Древняя Российская Вивлиофика». В нем должны были публиковаться исторические документы, отражавшие многовековое развитие допетровской Руси, — важнейшие события ее политической жизни, юридические акты, вплоть до свидетельств бытового уклада жизни разных социальных слоев. В обращенном к современному читателю предисловии Новиков прямо указывал на потребность в обществе знать «описания обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся. <...> Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземских народов, но гораздо полезнее иметь сведения о своих прародителях; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранных; но стыдно презирать своих соотечественников, а еще паче гнушаться оными».²⁸ Poleмичность этого предисловия, содержащего отсылку к источнику клеветы на русские нравы в лице аббата Шаппа д'Отроша, имеет своим прямым адресатом сограждан, «напоенных Сенским воздухом». И противодействовать подобным взглядам призвано было служить издание Новикова. В сохранении памяти о нравах и обычаях предков он видел залог освобождения от пагубного влияния на соотечественников слепого поклонения перед французской модой. Пафос утверждения исконной добродетельности нравов россиян пронизывает и содержание журнала Новикова «Кошелек» (1774), последнего из осуществленных им периодических изданий 1770-х годов. Наиболее показательный в этом отношении материал помещен в № 2 и 3, где опубликованы два сатирико-публицистических диалога: «Разговор между россиянином и французом» и «Разговор между немцем и французом». В этих диалогических сценках своеобразно раскрываются нравственные качества представителей трех народов — доброта и простосердечие русского, честность и обстоятельность немца, пронырливость и коварство француза, берущего в долг обманом у русского деньги и тут же обливающего грязью нравы и духовные качества целого народа. Союзником и невольным защитником обманутого русского выступает немец, приехавший в Россию для приискания себе должности на научном поприще. Именно он обличает обман и невежество француза, претендующего выступать воспитателем дворянских русских детей. И именно ему принадлежат слова о достоинствах русских людей, которые в «остроте, разуме и проницании» не уступают французам, а в «твердости, терпении и прилежании» их даже превосходят. Показательно, как в рассуждениях немца, чье мнение полностью совпадает с позицией издателя

²⁷ Там же. С. 352.

²⁸ Древняя Российская Вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений... СПб., 1773. Ч. 1. С. 6.

журнала, подвергается сомнению польза от просвещения россиян европейскими обычаями и художествами: «Кажется мне, — восклицает он в конце диалога, — что мудрые древние российские государи яко бы почувствовали, что введением в Россию наук и художеств наидрагоценное российское сокровище, нравы, погубятся безвозвратно; и потому лучше хотели подданных своих видеть в некоторых частях наук незнающими, но с добрыми нравами, людьми добродетельными, верными Богу, государю и отечеству».²⁹ В этих словах уже содержится тенденция к переоценке некоторых аспектов политики Петра I, повернувшего своими реформами историческое развитие России в качественно новое русло. Теперь, в новых условиях, лидер просветительски настроенного русского дворянства обращает внимание своих соотечественников к исконным ценностям отечественной старины, предвосхищая в некотором отношении те споры между славянофилами и западниками, которые развернутся в середине XIX столетия. Глубинные истоки этих споров восходят к XVIII веку и, в частности, к той полемике о свойствах национального характера россиян, которая имела место в журналах конца 1760-х—начала 1770-х годов.

²⁹ Сатирические журналы Н. И. Новикова / Редакция, вступ. статья П. Н. Беркова. М.: Л., 1951. С. 488.

Е. Д. КУКУШКИНА

ПОЭЗИЯ М. М. ХЕРАСКОВА. ПОИСКИ СМЫСЛА ЖИЗНИ

О жизни я помыслил тленной,
И что мы значим во Вселенной ...
М М Херасков

Вопрос о смысле жизни, о значении личного бытия во вселенском масштабе, ставший предметом пристального внимания русской философии и литературы в XIX веке, возник в общественном сознании XVIII столетия, мучительно переживавшем свои нравственные болезни. Человек Древней Руси, по-видимому, не задавался вопросом о смысле жизни, так как не выходил в представлениях о себе за пределы христианских категорий (грешника, праведника) или социальных ролей. Жизнь казалась кратким мигом, а смерть — естественным переходом из временного бытия в вечность.¹ В Псалтыри говорится: «Дни человека, как трава. ..» (102: 15). Тот же тезис повторялся в духовных стихах:

Человек живет на земли, как трава растет;
Всяка слава человека — яко цвет цветет.
С вечеру человек в беседе здрав и весел сидит:
А по утру человек той уже в гробе лежит.²

В популярных в древнерусской рукописной традиции «Стихах покаянных» и переведенном в XV веке с немецкого языка «Прении живота со смертию» говорилось о бренности бытия и о смерти, которая «ждется с сладостью и преемлетя с радостью» как путь к спасению.³ Размышления о том, что спасение уготовано не каждому человеку, а только тому, кто заслужил его, легли в основу полемики о средствах спасения, начатой Симеоном Полоцким и Аввакумом.⁴ В начале XVIII века споры о формах благочестия, о том, дела человека или его вера гарантируют душе вечную

¹ Чумакова Т В Смерть и бессмертие в древнерусской культуре // Философский век Альманах 10 Философия как судьба Российский философ как социокультурный тип СПб, 1999 С 256–265

² Безошов П А Калѣки перехожие Сборник стихов и исследований М, 1863 Вып VI С 319–320

³ Повести о споре жизни и смерти / Иссл и подгот текстов Р П Дмитриевой М, Л, 1964 С 8

⁴ Панченко А М О смене писательского типа в Петровскую эпоху // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века Л, 1974 XVIII век Сб 9 С 112–128

жизнь, велась на страницах фундаментальных сочинений Стефана Яворского и Феофана Прокоповича.⁵

Петровские реформы и усилившееся западное влияние привели к утверждению в обществе идеала «практической полезности», которому стали подчиняться все сферы жизни, включая эстетику и мораль: «„Табель о рангах“ заменяет и символ веры и самое мировоззрение».⁶ Мирские интересы начинают главенствовать в обществе. Идея «Святой Руси» сменяется идеей «Великой Руси».

«Вольтеррианство» привнесло в общественные настроения новые черты: ироничность, скептицизм в отношении к религии, осмеяние суеверий, критику общественного строя. Новая национальная идеология получает теоретическое обоснование. Так, например, исходя из популярной в XVIII веке доктрины «естественного человека», В. Н. Татищев в трактате «Разговор дву приятелей о пользе наук и училищ», написанном в 1733 году и распространявшемся в списках, утверждал, что желание мирского благополучия «вкоренено» в человеке Богом. По-видимому, усвоив идеи С. Пуфендорфа, Татищев противопоставлял «естественные» законы, управляющие поведением людей, как божественные по своему происхождению, церковным законам.⁷

Новое мировоззрение выполняло важную миссию. Оно способствовало росту гражданской инициативы, развитию личных качеств человека, осознанию им собственного «я». В то же время оно оправдывало культ наслаждений, неразборчивость в средствах ради достижения успехов в мирской жизни, неуклонно вело к «повреждению нравов».

Стремление преодолеть раздвоенность, разорванность бытия, духовную опустошенность, возникшую потому, что Церковь перестала отвечать религиозным потребностям личности, способствовало распространению масонства в России. В масонской литературе, переводной и оригинальной, «явственно выступает основная религиозно-философская тема — учение о сокровенной жизни в человеке, о сокровенном смысле жизни вообще».⁸ Наиболее выразительно, хотя и противоречиво, поиски смысла жизни воплотились в поэзии М. М. Хераскова.

Херасков вступил в общество масонов в 1775 году, но проникся их идеями значительно раньше. Об этом свидетельствуют его поэтические опыты 1760-х годов. В них содержатся те мысли, которые в 1770–1780-е годы будут развиты теоретиками масонства в многочисленных трактатах и в первом русском масонском журнале «Магазин свободнокаменщический».

«Херасков Михаил есть первый наш писатель в философических одах», — заметил Евгений Болховитинов.⁹ Русская философия при ее возникновении питалась из двух источников — «из недр религиозного миро-

⁵ Григоренко А. Ю. Проблема спасения души в русской духовной культуре XV–XVIII веков // Философский век Альманах 10 СПб, 1999 С 68–69

⁶ Протоиерей Георгий Флоровский Пути русского богословия 3-е изд Paris, 1983 С 114

⁷ Зеньковский В. В. История русской философии Л, 1991 Т 1 Ч 1 С 92

⁸ Там же С 107

⁹ Державин Г. Р. Соч, с объяснит примеч Я. К. Грота СПб, 1872 Т VII С 618

воззрения» и от напряженной философской жизни Западной Европы.¹⁰ Херасков, опираясь на христианское вероучение, облакает в поэтическую форму «моральную философию», традиция которой восходила к М. Монтеню, а затем была продолжена писателями-моралистами (П. Шаррон, Ф. Ларошфуко, Ж. Лабрюйер), религиозными мыслителями (А. Арно, П. Николь), философами (Ф. Бэкон, Б. Спиноза, Г. В. Лейбниц, К. Гельвеций, Б. Паскаль). Для философии такого рода характерны «внимание к движущим силам, мотивам и скрытым пружинам человеческого поведения, условиям человеческого существования вообще, достоинству человека, его назначению на земле, жизни и смерти, счастью и высшему благу людей».¹¹

Одним из первых литературных опытов Хераскова стал перевод небольшой поэмы Вольтера «Почерпнутые мысли из Екклесиаста» (М., 1765). В предисловии к нему Херасков писал: «Не покидая следов мудраго пророка, заимствовал я нечто от подражателя его, многое переменял и, что с нашим писанием нашел несходное, отставил». Это был вольный перевод в отношении тех вопросов, которые особенно волновали Хераскова. Он смягчил религиозный скептицизм Вольтера, опустил отдельные строфы, в которых звучали эпикурейские мотивы. Позднее Херасков неоднократно обращался к своему переводу, работал над его языком.¹² В 1779 году поэма была напечатана вторым, в 1786 году — третьим изданием, а затем включена Херасковым в VII том «Творений» (1796–1803), куда вошли произведения, прошедшие строгий авторский отбор. Перевод открывает этот том, как бы задавая интонацию для всего сборника. Заметим, что в 1796 году поэму Вольтера перевел Н. М. Карамзин. Впоследствии он также начинал этим переводом собрания своих стихотворений.

Екклесиаст — книга, автор которой «смотрит в лицо смерти».¹³ В ней утверждается, что земная жизнь с ее радостями и страданиями, успехами и неудачами, почетом и бесчестьем — все это «суета сует», бессмыслица, что личные заслуги человека не имеют никакого значения, ибо «время и случай» (Екк. 9 : 11) управляют ходом событий. «Участь сынов человеческих и участь животных — участь одна» — смерть (Екк. 3 : 19), а потому следует «есть и пить и наслаждаться добрым во всех трудах своих» (Екк. 5 : 17).

Екклесиаст — самая мрачная из библейских книг. Она лишена знания о бессмертии души и, значит, лишена надежды. Но Херасков не случайно обратился к этому тексту. Осознание хаоса и видимой бессмыслицы в окружающей действительности свидетельствует, что существует какая-то точка опоры вне этого порочного круга, являясь отправной точкой для размышлений над вопросом: «Для чего мы живем здесь, под солнцем?»

Утверждения Екклесиаста носят обобщенный характер. Вольтер в своей поэме, а вслед за ним и Херасков придали им личную форму. Это раз-

¹⁰ Зельковский В. В. История русской философии. С. 11, 13.

¹¹ Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. М., 1994. С. 213.

¹² Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII—первая треть XIX века. Л., 1978. С. 50–51.

¹³ Крифт Петр. Три толкования жизни: суета, боль, любовь // Мир Библии. 1995/1 (3). С. 19.

мышления старого, усталого человека, для которого «забавы» «кипящей младости» обратились «житейской отравой», а «богатство, слава и чины» только «старость возвестили»¹⁴ В переложении Хераскова появляются нотки раздумий и сомнений, которых нет у Вольтера человек «сомнений полн», «куда идет — не знает» (с 6), но он задумывается о своем месте во времени и пространстве

Известно ли уму
Вселенная начало?
Не сведом никому
Его предел ни мало,
Не знаем, здесь дыша,
Куда пойдет душа (С 9)¹⁵

Христианская вера в бессмертие души, а значит, и в справедливое воздаяние на «том» свете за земные поступки, была поколеблена не только суждениями французских энциклопедистов, но и успехами естествознания Оно позволило увидеть, что жизнь подчиняется строгим биологическим законам, по которым человек рождается, развивается, живет и умирает Английским ученым У Гарвеем еще в 1628 году был открыт круговорот крови в организме В XVII веке было переведено на русский язык сочинение А Везалия «О строении человеческого тела» В XVII веке в Голландии, а в XVIII Москве появились анатомические театры И у Вольтера, и у Хераскова в переложении Екклезиаста возникает описание процесса умирания с физиологическими подробностями

Кипяща кровь во мне простынет и замерзнет
Померкнут очи, мысль притупится моя,
Сосуды в ключевых потоках сокрушатся,
И вкус мой услажден не будет уж ничем
Трепещущ, слаб, согбен, я стану приближаться
Ко прагу вечности (С 10)

Сомнения в бессмертии души, страх смерти, охвативший общество, надолго проникли на страницы литературных произведений Тема смерти много раз возникает в поэзии Г Р Державина Герой «Путешествия из Петербурга в Москву» А Н Радищева Ч так описывает чувства, испытанные им при кораблекрушении «Ужас последнего часа прорободал мою душу, я видел то мгновение, что я существовать перестану Но что я буду? Не знаю Страшная неизвестность Теперь чувствую час бьет, я мертв, движения, жизнь, чувство, мысль — все исчезнет мгновенно Вообрази себя, мой друг, на краю гроба, не почувствуешь ли корчущий мраз, лиющийся в твоих жилах, и заременно жизнь пересекающий»¹⁶

В 1762 году Херасков опубликовал свой первый поэтический сборник, назвав его «Новые оды» Книгу составили 28 моралистических стихотвор-

¹⁴ Творения М Хераскова, вновь исправленные и дополненные Ч VII М, (Б г) С 3 Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц

¹⁵ Ср Contes, satires, épîtres, poésies diverses, odes, stances, poésies mêlées, traductions et imitations, par Voltaire Paris, 1842 С 377–383

¹⁶ Радищев А Н Путешествие из Петербурга в Москву Вольность СПб, 1992 С 15

рений, написанных без рифм, в основном трехстопным ямбом и четырехстопным хореем. Позднее, включив этот корпус стихов в состав VII тома своих сочинений, Херасков дал ему название «Анакреонтических од». «Новые оды» отличались от произведений этого жанра своим содержанием. Перед читателями предстала лира «в новом уборе», воспевающая «простые чувства». В стихотворном посвящении Е. Р. Дашковой Херасков писал, что «вкус Анакреонта» он мешал со слезами и свою задачу видел в том, чтобы умножить отвращение к порокам и изобразить утешение «честных». Этот сборник вместил наряду с «пастушескими» и анакреонтическими стихотворениями выраженные в поэтической форме размышления о том, в чем заключается благополучие человека, зачем ему дан разум, о добродетели.

В нескольких одах Херасков развивал тему Екклезиаста. В оде «О суетных желаниях» он развернул в сюжетное повествование метафору «корабль в бушующем море». Поэт описывает гибель людей на тонущем корабле. На пороге смерти они осознают суетность прежних забот и клянутся изменить свою жизнь. Но все тщетно, смерть неминуема. Это дает Хераскову повод к нравоучительным размышлениям о слабости человека, который ради корысти, «для сует единых» вверяется морям. Но и сам рассказчик поддается искушению: погнавшись за оленем с золотыми рогами (символ богатства), он едва не гибнет в пасти льва. Моралью этой оды, напоминающей басню, является мысль о том, что не внешние обстоятельства («не ветер и не звери») приводят человека к гибели, а мелкие, суетные желания.

Человеку не дают покоя и страсти, но их нельзя избежать — утверждает Херасков в оде «Суеты мира». Они заставляют человека волноваться так же, как ветер волнует море. Душа человека, по мнению Хераскова, а позднее и других поэтов-масонов, в соответствии с христианскими представлениями является ареной «борьбы, столкновения противоборствующих враждебных сил. Она-то и есть загадочный объект изучения».¹⁷

Херасков осознает, что человек в своей земной жизни не может преречь ее требований. В декабрьском номере журнала «Свободные часы» за 1763 год он опубликовал «Стансы», в которых воспевались деньги, этот материальный символ жизненной суеты и обманчивая гарантия человеческого счастья. Херасков признает: нет на свете человека, который бы «о деньгах не тужил». Они нужны «мальчику и старику, умному и дураку». Деньги смягчают «лютость», они «слабым оборона» и создают «приятство» в обществе. «Деньги, деньги, вопиют, / Честь и разумы дают» — таково мнение общества, признает Херасков. Его скептическое замечание звучит лишь в одной из строф:

Деньги, чаю, вы устали,
Слыша наши похвалы.
Вы не знаете хулы;
Наши Идолы вы стали.¹⁸

¹⁷ Лотман Ю. М. Поэзия 1790–1800-х годов // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 354.

¹⁸ Свободные часы. 1763. Декабрь. С. 698.

Эта тема, восходящая к библейской «маммоне» (Мф. 6 : 24, Лк. 16 : 13), возникает и в одах, написанных позже. Чем больше богатства обретает человек, тем трагичнее становится его жизнь, считает Херасков. Боясь потерять нажитое, богач «о нем всечасно умирает» («Богатство», с. 325). Деньги не могут дать человеку желаемого счастья. Но человек наделен разумом. Может быть, в нем залог благополучия?

Разум как особое качество человека стоял на первом месте в эстетике и поэтике классицизма, опиравшихся на картезианский рационализм. Ему были посвящены научные трактаты: «Опыт о человеческом разуме» (1690) Дж. Локка, «Новые опыты о человеческом разуме» (1704) Г.-В. Лейбница, «Трактат о началах человеческого знания (1710) Дж. Беркли, «Исследование о человеческом уме» (1748) Д. Юма. Феофан Прокопович считал разум первейшей частью души, которая с помощью совести руководит поступками человека.¹⁹ А. Д. Кантемир в стихотворной сатире «На хулящих учения. К уму своему» (1729) выступил в защиту разума и просвещения.

К середине XVIII века интерес к разуму, его природе и возможностям реализовался в появлении трактатов, в которых оценка разума и его роли в жизни человека и общества существенно усложнились. В России хорошо была известна книга Гельвеция «Об уме» (1758). В 1763 году в журнале «Невинное упражнение» (январь-июнь) был опубликован перевод IX–XIV глав «Третьего рассуждения» трактата «Об уме» под названием «О источнике страстей», выполненный, вероятно, Е. Р. Дашковой.²⁰ Гельвеций отмечал, что разум толкает людей к действиям ради собственных интересов, а результаты этих действий не приносят им желаемого счастья. Серьезные претензии к цивилизации, продукту человеческого ума, высказал Ж.-Ж. Руссо, сформулировав антитезу натура — общество и сделав вывод, что бедствия, которым подвергает человека природа, не столь жестоки, как те, которые люди причиняют друг другу.²¹ Размышления Хераскова питались этими новыми идеями.

Херасков посвятил разуму три оды: «О силе разума», «О вреде, произшедшем от разума», «О разуме». В первой из них он рисует в деталях, близких к книге Иова, картину сотворения мира, конечным актом которого было появление человека. Для того чтобы человек мог противостоять опасностям, подстерегающим его в природе, «натура» наделила его разумом. Но человек, считает Херасков, стал использовать разум не по назначению, он сделался «властолюбивым», подчинил природу своим законам и «прихотям» (с. 234–235). Эта тема получает развитие в оде «О вреде, произшедшем от разума». Как чистый источник может быть замутнен болотной водой, так и разум, по мнению Хераскова, испорчен завистью. Она толкает людей к войнам, и вот уже «брат брата убивает» (с. 241). Разум, который должен служить на пользу человеку, становится источником его бед. На что же «потребен разум» — этот инструмент, используе-

¹⁹ Валицкая А. П. Русская эстетика XVIII века. М., 1983. С. 42–44.

²⁰ Кучеренко Г. С. Сочинение Гельвеция «Об уме» в переводе Е. Р. Дашковой // XVIII век. Сб. 21. Памяти П. Н. Беркова. СПб., 1999. С. 215–227.

²¹ Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Таллин, 1992. Т. II. С. 45–50.

мый человеком в корыстных целях, — спрашивает Херасков в оде «О разуме». И сам отвечает на этот вопрос. Разум нужен человеку, чтобы «от скотины в сей жизни отменяться / И к Богу возвышаться» (с. 283). Этому может способствовать правильное воспитание, которое даст возможность «расчистить разум», посеять и взрастить добрые «семена» («О воспитании», с. 244). Сравнение человека и животного Херасков продолжил через несколько лет в оде «Сравнение». Животные, по его мнению, обладают преимуществами перед человеком. Они не подвержены суете, лишены честолюбия («не ведают чинов»). «Скоты» несовершенны, так как лишены ума. Человек несовершенен, так как его ум направлен на корысть. Отличают человека от скотов только «добрые дела» (с. 377–379).

Отрицая всемогущество разума в сфере морали, Херасков задается вопросом об источнике нравственного чувства у человека. В его рассуждениях появляется всеобъемлющая и вечная категория — добродетель, «дщерь небес». Она царствует среди «разных народов» и не может истребиться вовек. «Уставами» добродетели должен руководствоваться человек в своей жизни («О силе добродетели», с. 255–257; «О добродетели», с. 299–300). Люди ищут благополучия в земных утех, Херасков предлагает им иное: преодоление страстей и желаний. Высшая степень благополучия, по его мнению, — возможность ощущать себя счастливым и в несчастьи.

Позднее в идеологии масонства появился символ креста, как испытания, которое достойно, не ропща, должен нести человек в своей земной жизни. В связи с этим возник особый интерес к фигуре «великого крестоносца», библейского бунтующего страдальца Иова, в котором масоны видели именно страдальца, а не бунтаря. Мысль о необходимости терпения, подавления воли в себе много раз будет повторяться в письмах Н. И. Новикова. Своим адресатам он давал советы в духе сатирических лечебников: «терпение, покорность, постоянство, долготерпение, преломление собственной воли и проч., и проч., все смешав, употреблять по утрам и вечеру по столовой ложке».²²

Свой следующий поэтический сборник, опубликованный в 1769 году, Херасков назвал «Философические оды или песни», тем самым подчеркнув важность их содержания. В этом сборнике в полной мере проявился «яд просвещения» — «новая привычка к умственной работе», работе «отвлеченного мышления».²³

В познании человека и мирового порядка Херасков придавал особое значение поэтическому творчеству. Он полагал, что истинный поэт, разум которого «чист» и «светел», чье сердце ощущает людские страсти и кто способен точно изобразить «их силу и движенье, болезнь, изнеможенье», такой поэт способен «проникнуть» и «связи всей природы» («О важности стихотворства», с. 266). Таким образом, поэзия, по мнению Хераскова, могла преодолеть трудности в изложении «собственной науки человека» — нравоучения. О большом значении нравоучения для отдельной личности и общества в целом и о сложностях в его истолковании говорилось в ма-

²² Новиков Н. И. Письма. СПб., 1994. С. 53, 109, 136.

²³ Семека А. В. Русское масонство в XVIII в. // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1914. С. 135.

териалах Энциклопедии, перевод которых был предпринят в 1767 году под руководством Хераскова и с его участием (он перевел главы о словесных науках и магии). В главе «Нравоучение» (переводчик С. В. Нарышкин) отмечалось, что для преподавания нравов нет зрительных примеров — «начертаний, кои бы точно глазам нашим представляли понятия нравоучительные, а есть только для изъяснения их одни речения». Нравоучительные понятия более сложны, чем те, которые употребляются «в науках математических» и, кроме того, их восприятию «противится» человеческое корыстолюбие. В Энциклопедии отмечалось, что «не достает <...> сочинения философического на согласование нравоучения Евангельского со просвещением прямого разума, и по пунктам доказывалось безусловное превосходство нравоучения над христианской верой. Во-первых, можно делать добро с нравоучением без веры, во-вторых, нравоучение „успокаивает разум, усмиряет страсти и подает блаженство каждому человеку“. В-третьих, „правило нравоучения гораздо известнее правила веры, ибо все просвещенные народы в главных положениях нравоучения согласуются, а в вере весьма разнствуют“. В-четвертых, неверие „менее вредно, нежели порок“. Так как „без веры добродетельный человек спастись может, особливо будучи в большом непросвещении; но порочному человеку с верою нет спасения“. И наконец, пятое: „вера, если не все, то главное свое достоинство занимает от соединения с нею нравоучения“».²⁴

В «Философических одах» Хераскова еще в большей мере, чем в его первом сборнике, настойчиво повторяются одни и те же темы. Оды, а также некоторые стихотворения, опубликованные в периодических изданиях, взаимно дополняют друг друга и дают достаточно полное представление о восприятии Херасковым основных философских категорий: времени, пространства, природы, человека.

Масонская идеология возводила практическую этику в разряд философии. В 1762 году А. В. Нарышкин, сетуя на упадок нравственности в обществе, писал:

...Общей матери наукам,
Матери разсудка здрава,
Философии священной
Мы вослед идти не тщимся
И ее правдивым светом
Мы не тщимся освещаться,
И ее нелестным духом
Мы стыдимся исправляться
Для блаженной в свете жизни.
О отцы! Своих детей <...>
Вы старайтесь обучати
В философии той части,
Той полезнейшей для смертных,
Нас котора заставляет
Прежде всех себя познати.²⁵

²⁴ Переводы из Энциклопедии. (М.), 1767. Ч. 3. С. 29–30, 40–41.

²⁵ Нарышкин А. В. Стихи анакреонтические // Полезное увеселение. 1762. Июнь. С. 272.

В центре внимания Хераскова — нравственная жизнь человека. Именно она определяет, по его мнению, содержание и смысл человеческой жизни. Подобно естествоиспытателю, который рассматривает и изучает внутреннее строение живого организма, Херасков пристально вглядывается во все составляющие человеческой души. В одах в соответствии с их названиями говорится о чести, терпении, гордости, умеренности, непостоянстве, беспечности, желаниях, лести, «спокойстве», суетности, ничтожности. В них также рассматриваются человеческие ценности, мнимые и истинные, — «злато», фортуна, знатная порода, красота, благополучие, добродетель. Выявляя закономерности в поведении человека, Херасков стремится к предельному обобщению. «Философические оды» Хераскова представляли собой краткое изложение учения о нравственности, выраженное в поэтической форме. Не случайно в VII том своих сочинений он включил их под названием «Нравоучительные оды».

Развивая тему Екклесиаста, Херасков показывает, что внутренняя потребность человека к гармонии с самим собой и окружающим миром не находит удовлетворения:

Во злате ищем мы спокойства,
Имев его, страдаем в век;
Коль чудного на свете свойства,
Коль странных мыслей человек!

(«Злато», с. 328).

Эту гармонию человек может увидеть в природе.

Поэзию Хераскова пронизывает натурфилософская концепция одухотворенной природы, восходящая к Возрождению и детально разработанная в Средневековье.²⁶

Всегда у нас перед очами
Отверзта книга Естества.
В ней пламенными словесами
Сияет мудрость Божества.

(«Чтение», с. 389).

Херасков использует уподобление мира книге, известное по сочинениям раннехристианских и средневековых авторов, а в русской поэзии по стихотворению Симеона Полоцкого «Мир есть книга».²⁷ Он считает, что для человека предпочтительнее наблюдение природы, чем «чтение без пользы многих книг». «Внимательный ум» заметит, что природа гармонична и все в ней взаимосвязано: роса поит травы, земля питает животных, ветер осушает влагу («Несогласие», с. 380–381). «Храм Природы» удивляет Хераскова своей «премудрой простотой». Он обращает свой взор на «цветок простой», рассматривает лист и «млечные в стебле токи», питающие его, ощущает приятный запах цветка. Растения питают, одевают, врачуют человека. Природа подарила пчелам «меда таинство» и скрыла

²⁶ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 270.

²⁷ Папченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 178–179.

напитки в гроздьях винограда Она — «дщерь небесная» и «мать всех времен» Ее образ у Хераскова созвучен образу «Матери-природы» в «Опытах» Монтеня «Любезный сын природы» — человек — сотворен для ее утешения («Сельская муза», с 401–407) Но люди мешают существовать Природе в ее стройном порядке, они злодействуют друг другу Произошла подмена ценностей Человек создал себе нового идола Золото, этот «тленный бог земного круга / Дорожке стал отца и друга» («Несогласие», с 382) Бог видит это и готов снова «потопом шар земной покрыть», но, жалея красоты природы, удерживается от этого шага В наказание людям он посылает голод, беды, скорбь («Родство», с 340)

Утверждая, что люди «далеко удалились» от природы и лишили свою жизнь духовного содержания, Херасков использует библейскую метафору жизнь есть сон Люди «заснули во тьме на лоне суеты» и их сон может стать вечным сном Поэт призывает «Проснися, человек! Натуры чадо ты» («Сельская муза», с 412) Природа, по мнению Хераскова, дает человеку возможность забыть о суете, погрузиться в самого себя

Проснися, прах земной! Проснися,
Войди в себя ты, оглянися
И бедственной к себе любви
Дерзай, завесу разорви

(«Суета», с 319)

Читая «вечную книгу Природы» и видя ее «премудрость», человек должен стремиться «познать и чувствовать себя» («Чтение», с 391) В 1780-е годы эти мысли были сформулированы в «Теоретическом градусе Соломоновых наук» — сочинении, предназначенном для орденских занятий масонов «Тот есть философ, < > который всеми образы старается Бога, своего Творца, себя самого и натуру познавать и ея столь различные действия испытывать»²⁸

Воображение уносит Хераскова за пределы видимого мира и дает пищу для раздумий о месте человека в нем

Я некогда в зеленом поле
Под тению древес лежал
И мира суетность по воле
Во смутных мыслях вображал,
О жизни я помыслил тленной
И что мы значим во Вселенной

(«Ничтожность», с 386)

Херасков сравнивает несоизмеримые величины На фоне бесконечной Вселенной даже Земля мала, «как капля в океане вечном, / как бранный лист в густых лесах» В этих масштабах человек ничтожен, ведь «в мире сем его не видно» (с 387) «На что же все мы сотворенны, / когда не значим ничего?» — задается вопросом Херасков И вынужден признать, что не знает ответа «Такие тайны сокровенны / от разсужденья моего» (с 388)

²⁸ Семка А В Русское масонство в XVIII веке С 162

К этой теме Херасков снова обратился через несколько лет в оде «Мир» («Утренний свет», 1778, ч. II, с. 74), когда, увлеченный масонскими идеями, он почувствовал, что тайна Бытия приоткрылась ему. Вселенная уже не пугает Хераскова. Ее беспредельность он определяет библейским понятием «бездна», вошедшим в русскую поэзию благодаря М. В. Ломоносову. Вглядываясь в безграничное небо, он ощущает не растерянность, как Ломоносов («Теряюсь, мыслями утомлен»),²⁹ а удивление и восторг:

Отверзлась мне завеса мира!
В восторге дух, трепещет лира...
Молчу, дивлюся и пою.
О, коль видения любезны!
Звездами полны вижу бездны,
Средь тысячи миров стою. (С. 24).

Херасков описывает величественную Вселенную в привычных земных образах: «висят горящие лампы», «как риза небо протяженно». Единым взглядом объемлет он звезды, «солнца», «огромные миры» и Землю, на которой видит луга, поля, горы, океанские волны, разные народы. Но весь этот «прекрасный» и «дивный» мир — лишь оболочка «всеобщей души», «кора одна, в которой жизнь заключена». Мир во всех его проявлениях двуедин. Он содержит в себе «и жизнь и дух». Указывая на эту духовную субстанцию, Херасков пользуется поэтической метафорой света:

Во свете вижу скрытый свет.
Един из тел совокупленный,
Другой бесплотный и нетленный
И в мире мир другой живет. (С. 25).

«Бытие другое» скрыто и в человеке, «и там сияет Божество!» Вся Вселенная «совокупленна» в его чертах. Позднее Г. Р. Державин в оде «Бог» сформулировал эту мысль от 1-го лица: «Частица целой я вселенной», «я связь миров повсюду сущих».³⁰

Если безграничность Вселенной уже не пугает Хераскова, так как человек является ее центром, средоточием, и сама природа создана к его «подпоре», то бесконечность времени страшит своей равнодушной силой: «Противу Время обороны, / ни силы, ни защиты нет». Время нельзя изобразить в земных образах и сравнениях:

Представить в мыслях не умею.
Следов, ты коими текло.
Лишь Время вобразить успею —
Оно сокрылось, прошло.

(«Время». С. 414–415).

Человек, погруженный в «пространный круг веков», подобен пловцу, направляющемуся от одного «острова» — года к другому: «Прошел кто

²⁹ Русская литература. Век XVIII. Лирика. М., 1990. С. 95.

³⁰ Там же. С. 301.

берег раз, в другой его не тронет, / И век свой так плывет, пока он не потонет».³¹

В другом стихотворении Херасков прибегает к традиционному сравнению времени с потоками воды. Время — это «лиющая река», в которой «гибнут города и горы превысоки». Оно безжалостно к трудам человека и к самой памяти о нем:

Трудится человек и жизнь в трудах теряет;
Но время все дела людские пожирает.
Хоть в память мы свою прошедшее берем;
Но память та умрет и с нею мы умрем.

Бесполезно «возноситься» «имением» или «славою», гордиться «науками» или «счастьем»:

И титулы и умы удобно время стертъ,
Всех обща в свете часть: забвение и смерть.³²

Не всплыло ли в памяти Г. Р. Державина это стихотворение, когда он записывал на грифельной доске свою «Реку времен»? В восьми ее строках сохранились не только смысл и композиция пятистрочного стихотворения Хераскова, но также его ключевые слова и образы: «Река времен» — «лиющая река» у Хераскова, «дела людей» — «дела людские» у Хераскова, «царства» — «страны» у Хераскова, «пожрется» — «пожирает» у Хераскова, «звуки трубы» — «слава» у Хераскова, «общей не уйдет судьбы» — «всех обща в свете часть» у Хераскова.

Но есть еще одна непостижимая величина, которой подвластно и само время, — это вечность. Херасков в соответствии с христианской концепцией времени, сформулированной блаженным Августином,³³ разграничивает время событий, которое можно охватить разумом, и божественную вечность:

Но стой, о Время! На минуту
И гласу мирному внимли...
Твоя безмерна скоротечность
За нас тебе отмстить спешит:
Тебя, тебя поглотит Вечность,
Движения и крыл лишит.

(«Время», с. 415).

Человек, живущий на границе двух временных бездн, — прошедшего и будущего — не может осознать настоящее: «все, как молния, мелькает». Херасков пытается поймать, зафиксировать в сознании мгновения, из которых и складывается жизнь, но они ускользают от восприятия:

Где прошедшее девалось?
Все как сон, как сон прошло...
Будущего ожидаем.
Что сулит оно, не знаем;

³¹ Русская литература. Век XVIII. С. 198.

³² Там же. С. 199.

³³ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 103.

Будущее настает —
Где ж оно? Его уж нет!
(«Прошедшее»);³⁴

Размышления Хераскова близки наблюдениям Б. Паскаля. Его «Мысли» (1669) в XVIII веке несколько раз издавались во Франции и были хорошо известны в России. Паскаль писал: «Мы никогда не живем настоящим, все только предвкушаем будущее и торопим его, словно оно опаздывает, или призываем прошлое и стараемся его вернуть, словно оно ушло слишком рано. Мы так неразумны, что блуждаем во времени, нам не принадлежащем, пренебрегая тем единственным, которое нам дано, и так суетны, что мечтаем об исчезнувшем, забывая об единственном, которое существует <..>. Покопайтесь в своих мыслях, и вы найдете в них только прошлое и будущее <...>. Вот и получается, что мы никогда не живем, а лишь предполагаем жить и, уповая на счастье, так никогда его и не обретаем».³⁵ Многие мысли Паскаля, хорошо согласующиеся с масонской идеологией, были позднее развиты Н. И. Новиковым.³⁶ В 1779 году в его типографии в переводе Антона Тейльса было напечатано сочинение П.-Ж. Брийона «Подражание Феофрастовых Характеров и Паскалевых Мыслей», а в 1784 году — «Последование Характеров Феофрастовых и Мыслей Паскалевых» (переводчик Алексей Сергеев). Но эти издания были в большей степени действительно «подражанием» и «последованием», а не переводом.

Херасков ищет наиболее подходящие сравнения, чтобы сформулировать, что же являет собой «человек» в этом бесконечном временном и вселенном пространстве. Вольтер в переводе Екклесиаста сравнивал человека с атомом. В переложении Хераскова возникает сравнение человека с пылинкой — синоним библейского «праха»: «Пылинка человек и точка в мире сем» (с. 13). Те же сравнения употребляются в оде «Гордость»: «Пылинка ты едина в свете, / невидимая точка в нем» (с. 358). Херасков находит и другие определения человеку, составляя образный ряд:

Пылинка ты одушевлена,
Мечта при легком сне явлена,
Смешенье скорбей и сует,
Былинка, посеченный цвет.

(«Суета», с 318)

По мнению Паскаля, все достоинство человека и его преимущество перед растениями и животными состоит в способности мыслить. «Человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но тростник мыслящий».³⁷ Для Хераскова важна «одушевленность» человека. Во всем прочем человек, по его мнению, равен траве или червяку: «Не вид от червяка нас тленный отличает, но то, что душу в нас бессмертие вен-

³⁴ Херасков М М Избранные произведения Л, 1961 (Библиотека поэта Большая серия) 2-е изд С 138–139

³⁵ Франсуа де Ларошфуко Максимы, Блез Паскаль Мысли Жан де Лабрюйер Характеры М, 1974 С 148

³⁶ Стрельцова Г Я Паскаль и европейская культура М, 1994 С 294–299

³⁷ Франсуа де Ларошфуко и др С 169

чает». Через несколько лет Державин сформулировал эту мысль как провозглашение божественной природы человека : «Я царь — я раб — я червь — я бог!»³⁸ Херасков обращается и к традиционному сравнению человека и травы, но теперь оно служит выражением не краткости человеческой жизни, а его бессмертия:

Трава, как человек, рождается на свете:
Бывает в юности, бывает в лучшем цвете;
Ко старости она, равно как мы, придет,
Лишится сил своих, увянет и умрет...
Мне травка из земли всходящая являет,
Что Бог другую жизнь и мне приготовляет;
А в круге сем, где я поставлен от него,
Велит достойно быть творения Его.

(«Сельская муза», с. 401).

Гармоничная природа, одновременно умирающая и вечная, и в центре ее — бессмертный человек, цель которого — путем нравственного совершенствования уподобиться природе гармоничностью своей духовной жизни — таков идеальный образ мира в представлении Хераскова в 1760-е годы. Впоследствии масоны определили смысл человеческого бытия как нравственное возрождение и «обожение»: «Мы надежно утверждать можем, что назначение человека на земле сей есть не иное какое, как познавать самого себя и Натуру; а через сие — Творца и поступать сообразно познанию сему».³⁹ В споре о формах благочестия масоны выступали за оправдание верой. Только вера, по их мнению, может руководить добрыми поступками человека. Добрый поступок, совершенный насильственно, не освященный верой, лишен истинной добродетели.⁴⁰

К концу XVIII века мысль о главенстве нравственности для отдельно-го человека, взращенная в масонских кругах, приобрела социальное значение и преобразовалась в идею о нравственном просвещении всего общества как необходимом условии воспитания граждан. На торжественном собрании Московского университета 30 июня 1797 года профессор М. М. Снегирев произнес «Слово о пользе нравственного просвещения» (М., 1797), в котором высказал мнение, что нравственность сама по себе способна усовершенствовать общество: «Все науки, взятые в общей связи, не что иное суть, как усовершенствование человека, составляющее истинное его благополучие. <...> Итак, лучше, кажется, надобно стараться о том просвещении, какое доставляет нравоучение, нежели возноситься ученистю на идеальные высоты бесплодных умозрений».⁴¹ Большое внимание уделил нравственному воспитанию курсантов военных учебных заведений А. Ф. Бестужев в трактате «О воспитании» (Санкт-Петербургский журнал. 1798. Январь—декабрь).

³⁸ Русская литература XVIII века Лирика С. 301

³⁹ *Арсанухин С В* Философские взгляды русского масонства Екатеринбург, 1995 С 195

⁴⁰ Там же С 174–175

⁴¹ Антология педагогической мысли России XVIII в М, 1985 С. 364, 366

Херасков, ставший к этому времени одним из виднейших масонов, отказался от откровенно дидактического обращения к читателям и в своем художественном творчестве «перешел в область иносказаний, аллегорий, сюжетных новелл, вставляемых в рамы эпических произведений».⁴² Особой популярностью пользовалась у масонов его мистическая поэма «Владимир».⁴³

В XIX веке в русской поэзии в новых социально-исторических условиях вновь возникнет тема «взаимоотношений» природы и человека. Представления о «полном созвучии» в явлениях природы и о разладе человека с нею, об утрате «мыслящим тростником» чувства гармонии с миром и жажда этой гармонии определяют психологическую напряженность стихотворений Ф. И. Тютчева.

⁴² Западов А. В. Поэты XVIII века. А. Кантемир, А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков. Литературные очерки. Изд. Моск. ун-та. 1984. С. 194.

⁴³ Розанов И. Н. М. М. Херасков // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1915. Т. II. С. 45.

**ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ЛИССАБОНСКОГО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ:
ПОРТУГАЛО-ФРАНКО-РУССКАЯ ТЕОДИЦЕЯ**

Первый день сего месяца не изгладится
из памяти последующих столетий из-за
землетрясения и пожара, повергших
в руины обширную часть города

«*Gazeta de Lisboa*» 6 ноября 1755 г.¹

Спустя три недели после события «*Gazet van Antwerpen*» писала, «что в день праздника Всех Святых в Лиссабоне, столичном граде Португальского королевства, приключилось ужаснейшее землетрясение, от коего обширная часть всех домов и строений сего великолепнейшего, наикрасивейшего укрепленного града до основания разрушилась, более чем 100 тысяч душ погубив под развалинами » (28 ноября 1755 года)

Землетрясение произошло в субботу, 1 ноября 1755 года, в девять часов сорок минут во время утренней службы Толчки продолжались всего несколько минут, но за ними последовали пожары, вызванные огнем кухонных очагов в обрушившихся домах, и в течение нескольких дней они опустошили весь город Из 40 приходских церквей, насчитывавшихся в Лиссабоне, 16 стореело, 19 лежало в развалинах, 5 были повреждены Из 65 монастырей лишь 11 были пригодны для того, чтобы там оставались монахи, более 30 дворцов лиссабонской знати было полностью уничтожено Великолепный королевский дворец, кафедральный собор, опера более не существовали Само королевское семейство избежало несчастья, так как в день Всех Святых пребывало в своем дворце в Белеме 10% домов было уничтожено полностью, две трети города были непригодны для жилья Что касается числа жертв, с течением времени оценки сильно менялись вероятно, в Лиссабоне из общего числа 260 тысяч жителей не менее 10 тысяч погибли²

Землетрясение 1755 года было не первым в истории Португалии в XIV и XVI веках их было шесть, в XVII веке три, а в XVIII землетрясения в Лиссабоне были также в 1724 и 1750 годах Португальский король Жозе I пребывал в полной растерянности Единственный, кто сохранял хладнокровие, это военный министр, бывший также министром иностранных дел, Себаштиан Жозе ди Карвалью и Мелу, оставшийся в исто-

¹ O dia primeiro do corrente ficará memorável os séculos pelos terramotos, e incendios que arruinaram uma grande parte da cidade // Veríssimo S J História de Portugal Vol VI O despotismo iluminado (1750–1807) Lisboa, 1990 P 245

² Детали см *França J-A Une ville de Lumieres La Lisbonne de Pombal* Paris, 1965 P 51–66

рии как маркиз де Помбал. На вопрос короля: «Что же нам делать?» — он решительно ответил: «Похоронить мертвых и позаботиться о живых». Эта решительность обеспечила ему полное доверие короля. Помбал безжалостно вешал мародеров, а также преследовал всяческих пророков, предвещавших несчастья и пытавшихся подстрекать народ. Португалия получила немалую помощь из-за границы: Англия, Германия, Франция, Испания и Голландия послали туда деньги и продовольствие. Помбал велел разбирать руины и начал восстанавливать город. Тот прекрасный Лиссабон, каким мы его знаем сейчас, является делом рук этого «диктатора Португалии».³ В нынешней Португалии открыто признают, что «эта катастрофа» была не только «страшным несчастьем», но также и «неоспоримым благодеянием для нашей столицы».⁴

Землетрясение 1755 года — одно из тех трагических событий, которые стали вехами в истории XVIII века.⁵ К середине XVIII столетия Португалия утратила свое былое значение: и в военной, и в политической, и в интеллектуальной сфере, и в промышленности она мало что собой представляла. Но при этом Лиссабон был «оплотом католицизма»: он славился красотой и великолепием своих церквей, фанатичной верой, которая находила выражение в бесчисленных процессиях и празднествах. Португалия была известна также инквизицией и преследованиями евреев. Это была та Португалия, которая служила мишенью для нападок философов-просветителей.⁶

Со времен Ренессанса наука и техника испытывали такой подъем, что деятели эпохи Просвещения считали своей целью проникать во все аспекты физической жизни. В подчиненном религии мире это означало, что теология также должна быть обращена в сторону рационализма. При этом постоянно ощущалась необходимость в теодицее, т. е. оправдании Бога от упреков в том, что он является причиной зла в мире. Лейбниц принял вызов и защищал Бога от такого рода упреков в сочинении 1710 года «*Essais de théodicée: sur la bonté de Dieu, la liberté de l'homme et l'origine du mal*» («Опыты теодицеи: о благодати Божией, свободе человека и происхождении зла»),⁷ где утверждается, что Бог создал лучший из всех возможных миров. Подобные идеи мы обнаруживаем и у Александра Попа в его «Опыте о человеке» (1730), содержащем столь известное высказывание: «Все существующее — справедливо». К середине XVIII века западный академический мир был широко вовлечен в дискуссию об этой

³ См. *Cheke M Dictator of Portugal A Life of the Marquis of Pombal 1699–1782* London, 1938

⁴ *Exposição iconografica e bibliográfica comemorativa da reconstrução da cidade depois do terremoto de 1755.* Lisboa, 1955 P 6

⁵ См. обширный сборник и библиографию под ред. В. Брайдерта (*Breidert W Die Erschütterung der vollkommenen Welt Die Wirkung des Erdbebens von Lissabon im Spiegel europaischer Zeitgenossen* Darmstadt, 1994) См. также *Loffler U Lissabons Fall — Europas Schrecken Die Deutung des Erdbebens von Lissabon im deutschsprachigen Protestantismus des 18. Jahrhunderts* Berlin, New York, 1999

⁶ *Gastinel G Le désastre de Lisbonne // Revue du dix-huitieme siècle* 1913 P 396

⁷ В XVIII в. вышел нидерландский перевод с пространными комментариями *Leibnitz G W Theodicee of Proeven over Gods goedheid, 's menschen vryheid, en den oorsprong van het kwaad* Utrecht, 1782

теории Повсеместной проповеди оптимизма был нанесен колоссальный урон землетрясением в Лиссабоне В «Поэзии и правде» Гете описывает впечатление, которое эта ужасная катастрофа 1755 года произвела на шестилетнего мальчика «В первый раз душевное спокойствие мальчика испытало глубочайшее потрясение под влиянием одного чрезвычайного всемирно-исторического события 1 ноября 1755 года произошло лиссабонское землетрясение, поразившее необыкновенным ужасом весь мир, давно уже привыкший к тишине и покою Большая и пышная столица, бывшая в то же время торговым городом и портом, неожиданно поражена ужаснейшим бедствием < > так повсюду господствует безграничный произвол стихий < > Может быть, никогда еще демон ужаса так быстро и могущественно не распространял трепет по всей земле

Мальчик, которому много раз приходилось слышать все это, был немало поражен Бог, создатель и хранитель неба и земли, которого первые объяснения религии изображали ему столь мудрым и милосердным, оказался вовсе не таким любящим отцом, одинаково погубив и правых, и неправых Напрасно молодая душа старалась восстановить в себе равновесие, нарушенное этими впечатлениями, тем более что мудрецы и ученые писатели не могли согласиться между собою, как следует смотреть на это явление»⁸

Новый правитель Помбал выступал против иезуитов, которых он помимо прочего подозревал в том, что они сеяли панику, распространяя наводящие страх предсказания о неминуемых землетрясениях⁹ Иезуит Габриел Малагрида полагал, что землетрясение было наказанием Господним за развратные театр, музыку, танцы, непристойные комедии и бой быков («*Juizo da verdadeira causa do terramoto*» — «Суждение об истинной причине землетрясения», 1756)¹⁰ По наущению Помбала этот пророк грядущих бедствий был отправлен на костер (сентябрь 1761 года)¹¹ Но и другие представители духовенства видели в землетрясении Божие наказание за грехи португальского Содома Знаменитый португальский врач Антониу Нуниш Рибейру Саншес полагал, что это религиозное объяснение было совершенно бессмысленным подобное сверхъестественное объяснение способно было лишь сеять панику и вызывать чувство беспо-

⁸ Гете И В Собр соч В 13 т М, 1935 Т IX С 45–46 Пер Н А Холодковского

⁹ Один английский купец, оказавшийся свидетелем землетрясения, записал в своем дневнике «*incredible the Barbarity caused by Superstition, Enthusiasm and Bigotry*» («невероятно это варварство, порождаемое суеверием, исступлением и слепым фанатизмом») // Macaulay R They went to Portugal London, 1985 P 275

¹⁰ Chr G von Murr пишет в своем «*Geschichte der Jesuiten in Portugal unter der Staatsverwaltung des Marquis von Pombal*» (Nurnberg, 1787) «Он открыто высказывался не только языком своих проповедей, но и пером в одном весьма недурном сочинении об этом предмете и, опираясь на Священное Писание и изыскивая сильные доводы, доказывал, что подобные бедствия посланы Господом в наказание за грехи Отец же наш, в то время как в Лиссабоне слышались вопли, что, дескать, город вскорости будет проглочен морской пучиной, всячески силился избавить народ от страха, внушая ему надежду на милосердие Божие и неизменно повторяя, что Господь желает, дабы Лиссабон встал на путь истинный, а не разрушен был и низвергнут в пучину (I, 57)»

¹¹ Об этом аутодафе, вызвавшем за пределами страны появление множества врагов Португалии, см *Isaias da Rosa Pereira O auto-da-fe de 1761 // O Marquês de Pombal e o seu tempo Coimbra, 1982–1983 Т I P 367–376*

мощности. Такая позиция была пагубной также и потому, что вступала в противоречие с практическими действиями тех, кто (под началом Помбала) хотел как можно скорее восстановить город, уберечь население от эпидемий и пр. Провозвестники бед между тем призывали народ к покаянию и смирению, считая материальные нужды пострадавших делом второстепенным. Португальская литература знает стихи Франсишку ди Пина и Мелу (1695–1773) «Ao Terremoto do 1.º Novembro de 1755. Paranesis» («На землетрясение 1 ноября 1755 г.»), где автор решительно отвергает естественное объяснение случившегося землетрясения. Все это дела Божьи, и Его божественная мудрость недоступна человеческому разумению. То, что улица с борделями уцелела, объясняется тем, что Бог питает сострадание к горемыкам, посещающим места подобного рода, однако он не может прощать осквернения храмов, домов Божьих. Антониу ду Сакраменту в сочинении «Exhortação consolatoria de Jesus Christo» («Утешительное увещание Иисуса Христа», 1757) утверждал, что землетрясение было деянием любви Иисуса, возжелавшего свое греховное дитя — португальскую нацию — вернуть в Божии объятия.¹²

В Англии также много писали и упоминали в проповедях о Португалии, с которой поддерживались теплые отношения. Говорили о том, что множество католических церквей было разрушено, тогда как единственная протестантская часовня, бывшая в городе, нисколько не пострадала.¹³ Общим мотивом было «Except you repent, you shall all likewise perish» («Если вы не раскаетесь, то и вы тоже погибнете»), как например у Джона Уэсли в «Серьезных размышлениях по случаю недавнего землетрясения в Лиссабоне» (*Wesley J. Serious Thoughts occasioned by the late Earthquake at Lisbon. London, 1755*). В 1756 году португалец Франсишку Шавьер ди Оливейра (1702–1783) выступил в Лондоне с протестантской апологией «Discours Pathétique au sujet des calamités présents arrivées au Portugal» («Патетические рассуждения в связи с нынешним бедствием в Португалии»). Землетрясение, по его мнению, было Божьей карой за суеверия и идолопоклонство, в которое выродилось христианство в Португалии, в особенности же наказанием за запрет инквизиции на публикацию Библии.¹⁴ Ссылки на Библию (и особенно на XVIII гл. Откровения) не прекращались, но некоторые полагали, что нелепо сравнивать Лиссабон с Вавилоном, так как немало других городов в гораздо большей степени заслуживало этой печальной участи!

Громкую славу приобрела реакция Вольтера. В 1756 году он опубликовал «Poème sur le désastre de Lisbonne ou Examen de cet axiome, Tout est bien» («Поэму о гибели Лиссабона, или Проверку аксиомы „Всё — благо“»).¹⁵ Поэму повсюду читали и горячо обсуждали, потому что она была

¹² Произведения, посвященные этой теме, были широко распространены в Португалии; бульварная литература также набросилась на это событие века. См. *Mayone Dias E O terremoto de 1755 numa colectânea de literatura de cordel // Pombal Revisitado. Lisboa, 1984. T. II. P. 177–188*

¹³ *Kendrick T. D. The Lisbon Earthquake. London, 1956. P. 152.*

¹⁴ *Saraiva J. A., Lopes Ó. História da literatura portuguesa. Porto — Coimbra — Lisboa, 1976 P. 639–640.*

¹⁵ *Oeuvres Complètes de Voltaire Poésies T. I. Paris, 1825. P. 229–255.*

написана одним из умнейших людей своего времени и потому что это землетрясение более чем какое-либо другое событие явилось сильнейшим потрясением для западной цивилизации со времен гибели Римской империи в V веке.¹⁶ Вольтер в своих стихах с негодованием говорит о гибели прекрасного города:

Je respecte mon Dieu, mais j'aime l'univers.
Quand l'homme ose gémir d'un fléau si terrible,
Il n'est point orgueilleux, hélas! il est sensible.

(Я Бога чту, люблю, но и люблю вселенну.
Коль стонут смертные среди толиких бед,
Не гордость в них, увы! Мученье вопиет).¹⁷

И «Pourquoi donc souffrons-nous sous un maître équitable?» («Когда Творец так благ, почто же страдает тварь?»). Бессмысленно отрицать существование зла:

Éléments, animaux, humains tout est en guerre.
Il le faut avouer, le *mal* est sur la terre:
Son principe secret ne nous est point connu.

(Враждует вся земля — стихии, люди, звери.
Признаем: зло сродни печальной этой сфере;
Заботливо от нас укрыт его рычаг).¹⁸

Но разве Создатель не есть источник всяческого добра?

Mais comment concevoir un Dieu, la bonté même,
Qui prodigua ses biens à ses enfants qu'il aime,
Et qui versa sur eux les maux à pleines mains?
Quel oeil peut pénétrer dans ses profonds desseins?
De l'être tout parfait le mal ne pouvait naître.

(Мы можем ли себе представить благ творца
Творцом напастей всех? И дети от отца
Возмогут ли иметь мученья повсеместны?
Кому, о Боже мой, твои судьбы известны?
Всесовершенный зла не может произвести).

(Пер. И. Богдановича)

Лейбниц также не дает никакого объяснения:

Leibnitz ne m'apprend point par quels noeuds invisibles
Dans le mieux ordonné des univers possibles
Un désordre éternel, un chaos de malheurs,
Mêle à nos vains plaisirs de réelles douleurs,
Ni pourquoi l'innocent, ainsi que le coupable,
Subit également ce mal inévitable.

¹⁶ См.: Weinrich H. Literaturgeschichte eines Weltereignisses: Das Erdbeben von Lissabon // Literatur für Leser. Essays und Aufsätze zur Literaturwissenschaft. Stuttgart—Berlin—Köln—Mainz, 1971. S. 64–76.

¹⁷ Перевод Ипполита Богдановича, см. прим. 23.

¹⁸ Вольтер. Избранные произведения в одном томе / Пер. А. Кочеткова. М., 1938. С. 422–428.

(Мне Лейбниц не раскрыл, какой стезей не зримой
В сей лучший из миров, в порядок нерушимый
Врывается разлад, извечный хаос бед,
Ведя живую скорбь пустой мечте вослед;
Зачем невинному, сродненному с виновным,
Склоняться перед злом, всеобщим и верховным).

(Пер А Кочеткова)

Вольтер покорно принимает свое незнание:

Que peut donc de l'esprit la plus vaste étendue?
Rien: le livre du sort se ferme à notre vue.

(Приподнят ли покров великими умами?
Нет: книга жребия закрыта перед нами).

(Пер А Кочеткова)

В гораздо более известном произведении, отмеченном более яркими литературными достоинствами, Вольтер значительно расширяет рамки дискуссии о теологическом обосновании веры в прогресс, свойственной его современникам. Речь идет о появившейся в 1759 году повести «Кандид, или Оптимизм». Кандид и его учитель Панглос странствуют по свету и оказываются в числе свидетелей землетрясения в Лиссабоне. Панглос утешает переживших это ужасное бедствие, «en les assurant que les choses ne pouvaient être autrement: „Car, dit-il, tout ceci est ce qu'il y a de mieux; car s'il y a un volcan à Lisbonne, il ne pouvait être ailleurs; car il est impossible que les choses ne soient pas où elles sont; car tout est bien“» («уверая, что иначе и не могло быть: „Потому что, — говорил он, — все к лучшему; ибо если вулкан находится в Лиссабоне, то он и не может быть в другом месте; ибо невозможно, чтоб вещи были не там, где они есть; ибо все хорошо“»¹⁹)

Тот факт, что проблема теодицеи была фундаментальной для интеллектуального дискурса этого времени, Вольтер демонстрирует, помещая в опубликованном несколькими годами позже «Dictionnaire philosophique» (1764) статью «Bien (Tout est)» («(Всё) Благо»).

Сразу же получившая широкую известность поэма Вольтера нашла отклик в России.²⁰ В 1763 году вышел ее русский перевод, выполненный Ипполитом Богдановичем (1744–1803), будущим автором «Душеньки» — одного из самых поэтических произведений XVIII века. Русский переводчик сократил поэму Вольтера на 32 строки, но не в ущерб содержанию, а исключительно путем упрощения вольтеровских формулировок. Авторское вступление в переводе отсутствует, видимо, из-за того, что вольтеровское вольнодумство выражено здесь особенно явно. Кроме того, в русском названии «Поэма на разрушение Лиссабона»²¹ опущен весьма важный

¹⁹ *Вольтер* / Философские повести / Пер Ф Сологуба М., 1954 С 110

²⁰ В 1760–1780 гг. Россию буквально наводнили переводы Вольтера. См. История русской переводной художественной литературы Древняя Русь XVIII век / Под ред. Ю. Д. Левина Т. I Проза СПб., 1995 С 164, *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер XVIII—первая треть XIX века Л., 1978

²¹ Перевод И. Богдановича «Поэма на разрушение Лиссабона» появился в журнале «Невинное упражнение» (1763, № 4), а также в его книге «Лиры, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов, некоторого муз. любителя» СПб., 1773

подзаголовок В переводе есть ряд отклонений если у Вольтера «*cent mille infortunés*» («сто тысяч несчастных»), то в русском тексте их «тысячи», что, пожалуй, более реалистично, чем число жертв у Вольтера, черпавшего сведения в слухах Слово «закон» вызвало у переводчика явные затруднения, в русском тексте оно почти не упоминается Жонглирование Вольтера понятиями «закон» и «закономерность» русский переводчик понимает, по-видимому, чересчур материалистически Вольтеровские «*éternelles lois*» («вечные законы») не существуют по-русски, «*ces immuables lois de la necessite*» («необходимости незыблемы законы») превращаются в «необходимости сей нужды непременной»; «*la loi tyranique*» («тиранический закон») становится просто «законом», однако при всем при том «*la voix de la nature*» («глас природы») Вольтера переводится как «естества закон»

В дополнение к этому переводчик то тут, то там сглаживает острые углы оригинального текста Восклицание «*O ciel, ayez pitié de l'humaine misère!*» («О небо, сжался над людским несчастьем!») вовсе исчезло, «*Enfants du Tout-puissant, mais nés dans la misère*» («Дети Всемогущего, рожденные в несчастье») превращается в «О дети бедные всемогущего отца», «*ce chaos fatal*» («сей хаос роковой») по-русски — «состояние злое», а чрезвычайно важное «*Je ne m'élève point contre la Providence*» («Не возвышаюсь я противу Провиденья») снижается до

Покорствую, стена и токи слез лия,
И воле вышнего терпя подвержен я

Если у Вольтера

Le present est affreux, s'il n'est point d'avenir,
Si la nuit du tombeau detruit l'être qui pense

(Ужасно сущее, коль будущего нет,
Коль ночь могилы губит мыслящую тварь)

то в переводе Богдановича —

А настоящее для смертного ужасно,
Когда он в будущем добра не получит

Всего один раз русский переводчик делает явный промах У Вольтера

Elements, animaux, humains tout est en guerre
Il le faut avouer, le *mal* est sur la terre

(Враждует вся земля — стихии, люди, звери,
Признаем зло сродни печальной этой сфере)
(Пер А Кочеткова)

Богданович делает из этих строк нечто прямо противоположное

Между собою все на свете брак ведет,
Все твари чувствуют, что злом наполнен свет, —

т. е. «брак» стоит вместо «раздор» или «война». Это могло быть следствием простой опечатки: в переводе Богдановича «брак» занял место очевидного «брань». Этот лишенный всякого смысла «брак» повторяется и в современном издании.²²

За исключением этого промаха и некоторых стилистических сдвигов, перевод Богдановича вполне заслуживает доверия, и его ямбы доносят до читателя тот же пафос негодования, что и французский оригинал. Опубликованный в литературном журнале, перевод распространялся также и в списках.²³ В виде книги перевод издавался в 1801, 1802 и 1809 годах. «Кандид» в русском переводе выдержал в XVIII веке пять изданий.²⁴

Не всем в России был по вкусу скептический тон поэмы Вольтера. Иеромонах Гедеон (Григорий Криновский), придворный проповедник императрицы Елизаветы Петровны, в «Слове о случившемся 1755 году... ужасном трясении» (1756) утверждал, что никак нельзя видеть простую случайность в том, что землетрясение это случилось именно в Португалии, а не в России. Он считал, что разрушение Лиссабона, как до этого гибель Содомы и Гоморры, было предупреждением для тех, кто еще мог быть спасен («чтоб утратить нас грешных» и «может быть, уже и на нас простерта страшная рука Божья, которую на себе почувствовали прочие край. Но ждет еще, не утратимся ли мы их примером, и не пробудимся ли от сна нашего стуком, которой потряс толь великую часть вселенных?»). По мнению проповедника, «Слово» его было направлено также против «натуралистов и фармазонов», которые настаивали на научном объяснении этого явления.²⁵ Именно научное объяснение появилось в мартовском номере журнала «Ежемесячные сочинения» за 1756 год; весьма примечательно, что статья эта была переводом с немецкого.²⁶

Оживленно полемизировал с Вольтером Василий Левшин (1746—1826), один из самых плодовитых писателей XVIII века. В 1788 году он опубликовал пространное «Письмо, содержащее некоторые рассуждения о Поэме Волтера „На разрушение Лиссабона“». В этом ужасном землетрясении Левшин усматривает проявление благодати Божьей — как для тех, кто смог таким образом искупить совершенные ими грехи, так и для тех, кто еще не успел их совершить. Божественное вмешательство в судьбу жителей Лиссабона могло быть для них только благодеянием. Ибо на земле зла вообще не существует; существует лишь наше непонимание замысла Божия по не-

²² Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Л., 1957. С. 210.

²³ Кочеткова Н. Д. Богданович И. Ф. // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. (А–И). С. 105.

²⁴ Кандид, или Оптимизм, то есть наилучший свет. СПб., 1769, 1779 (2 издания) и 1789 (2 издания).

²⁵ Слово о случившемся в 1755 году в Европе и Африке ужасном трясении // Собрание разных поучительных слов <...> сказанных придворным <...> проповедником иеромонахом Гедеоном. СПб., 1756. Т. II. С. 316–323. См. также: Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века / Ред. Т. В. Артемьева. СПб., 1996. С. 56. Криновский был известен как один из лучших ораторов своего времени; собрание его проповедей было опубликовано в 4 томах в 1755–1759 гг. См.: Николаев С. И., Криновский Г. А. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. (К–П). С. 151–152.

²⁶ Размышление о землетрясениях // Ежемесячные сочинения. 1756. Март. С. 274–285.

²⁷ Переиздание в кн.: Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века. С. 220–255.

мощи нашего разума. Что для нас важнее, задается вопросом Левшин, знание или блаженство? Он выбирает последнее. Для русской теодицеи XVIII века оправдание веры в Бога основывается на том, что в вере человек обретает «удовольствие, подкрепление и надежду». Здесь отвергается всяческое теоретизирование и провозглашается принцип: «Верую, чтобы быть счастливым». Целью Бога может быть только благо, и правило это выводится из того, как устроен мир: зло всегда либо обезвреживается, либо содержит в себе те или иные положительные аспекты. Такое оправдание существующего порядка в условиях России XVIII века не должно вызывать у нас удивления: для государственного православия скептицизм французского просветителя по отношению к религиозным догмам (в данном случае католическим) был далеко не очевиден. Не слишком приемлемой казалась также и та легкость, с которой на Западе писали о Боге.

Дискуссия о вольтеровской теодицее в России получила продолжение в XIX веке в остроумной полемике, которую вел Достоевский с современными ему литературными критиками. В одной из своих многочисленных статей о литературе он выступает как против утилитаристов, которые ожидают от искусства немедленной пользы, так и против так называемых эстетов, которые остаются совершенно чуждыми реальному миру. В этой связи он проводит следующую параллель: «Положим, что мы переносимся в восемнадцатое столетие, именно в день лиссабонского землетрясения. Половина жителей в Лиссабоне погибает; дома разваливаются и проваливаются; имущество гибнет; всякий из оставшихся в живых что-нибудь потерял — или имение, или семью. Жители толкаются по улицам в отчаянии, пораженные, обезумевшие от ужаса. В Лиссабоне живет в это время какой-нибудь известный португальский поэт. На другой день утром выходит номер лиссабонского „Меркурия“ <...>. Номер журнала, появившегося в такую минуту, возбуждает даже некоторое любопытство в несчастных лиссабонцах, несмотря на то что им в эту минуту не до журналов; надеются, что номер вышел нарочно, чтоб дать некоторые сведения, сообщить некоторые известия о погибших, о пропавших без вести и проч., и проч. И вдруг — на самом видном месте листа брошется всем в глаза что-нибудь вроде следующего:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

<...> Не знаю наверно, как приняли бы свой «Меркурий» лиссабонцы, но мне кажется, они тут же казнили бы всенародно, на площади, своего

знаменитого поэта, и вовсе не за то, что он написал стихотворение без глагола, а потому, что вместо трелей соловья накануне слышались под землей такие трели, а колыхание ручья появилось в минуту такого колыхания целого города, что у бедных лиссабонцев не только не осталось охоты наблюдать —

В дымных тучках пурпур розы

или

Отблеск янтаря,

но даже показался слишком оскорбительным и небратским поступок поэта, воспевающего такие забавные вещи в такую минуту их жизни. Разумеется, казнив своего поэта (тоже очень небратски), они все непременно бы кинулись к какому-нибудь доктору Панглосу за умным советом, и доктор Панглос тотчас же и без большого труда уверил бы их всех, что это очень хорошо случилось, что они провалились, и что уж если они провалились, то это непременно к лучшему. И доктора Панглоса никто бы не разорвал за это в клочки; напротив, дали бы ему пенсию и провозгласили бы его другом человечества. Ведь так всё идет на свете». ²⁸

Неизвестно, была ли вызвана эта полемика Достоевского сочинением Вольтера «Поэма на разрушение Лиссабона» или его философской повестью «Кандид». Во всяком случае, в крупных романах Достоевского мы встречаем явные отголоски теодицеи XVIII века, ²⁹ и наиболее явно — в бунте Ивана Карамазова, отвергающего счастье для всего человечества, если оно будет достигнуто ценой слезинки хотя бы одного ребенка

В русской культуре речь о Лиссабонском землетрясении заходит в последний раз в знаменитой поэме Александра Блока «Скифы». Поэма, написанная в начале 1918 года, обращает к Западу страстный призыв присоединиться к революционной России и прийти «на братский пир труда и мира»:

Миллионы — вас. Нас тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины! ³⁰

²⁸ Достоевский Ф М Полн собр соч В 30 т Л, 1978 Т 18 С 75–76 Статья 1861 г «Г-н — бов и вопрос об искусстве»

²⁹ См. Гроссман Л П Русский Кандид (к вопросу о влиянии Вольтера на Достоевского) // Вестник Европы 1914 № 5 С 192–203, Rammelmeyer A Dostojevskij und Voltaire // Zeitschrift für slavische Philologie 1958 Bd 2 S 252–278

³⁰ Блок А Собр соч В 7 т Берлин, 1923 Т 4 С 29

Блок упоминает в своей поэме не только землетрясение 1755 года в Лиссабоне, но и землетрясение 1908 года в Мессине, на юге Италии, а также греческую колонию Пестум на юге Апеннинского полуострова, в конце IX века захваченную арабами.

Мы видим, что одно из эпохальных событий XVIII века вплоть до XX столетия сохраняло свое присутствие не только в исторической памяти португальцев,³¹ но и в сознании русских деятелей культуры, которых «сей грозный бич справедливости Божией»³² ставил перед одним из серьезнейших вопросов, волновавших умы человечества: «Откуда берется зло? В ответе ли Бог за зло, творимое в мире?» Катастрофа 1 ноября 1755 года стала для многих европейских умов концом их веры в миф Просвещения. При этом переводы поэмы и повести Вольтера открыли для России доступ к современным взглядам Запада.

³¹ В 1955 г в Лиссабоне была открыта большая юбилейная выставка, посвященная реконструкции португальской столицы после землетрясения 1755 г *Exposição iconografica e bibliografica comemorativa da reconstrução da cidade depois do terremoto de 1755*

³² Как писала «Gazet van Antwerpen» от 30 марта 1756 г

В Д РАК

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ СБОРНИКА И. В. НОВИКОВА «ПОХОЖДЕНИЕ ИВАНА ГОСТИНОГО СЫНА, И ДРУГИЕ ПОВЕСТИ И СКАЗКИ»

В последнее время существенно продвинулось изучение одного из любопытных произведений низовой литературы XVIII века — сборника И. В. Новикова «Похождение Ивана гостиного сына, и другие повести и сказки» (Ч 1–2 СПб, 1785–1786). Еще совсем недавно, переиздавая несколько рассказов из него, пришлось констатировать, что об их авторе «только и известно, что звали его Иваном Новиковым и что умер он, вероятно, до 1808 года, когда невыкупленный остаток тиража его книги был продан Петербургским Академическим комитетом на вес»¹. Столь же pessimистичным был и появившийся несколькими годами позже комментарий в антологии русского святочного рассказа «Сведений об авторе установить не удалось. Обычно в истории русской литературы XVIII в. он фигурирует лишь как автор вышеназванной, впрочем, довольно популярной вплоть до середины XIX в., книги»². Ныне известно отчество Новикова и основные вехи его служебной карьеры,³ и хотя в его биографии еще многое остается скрытым (в частности, такие важные для его литературного труда моменты, как полученное им образование и особенно знание иностранных языков), имеющиеся сведения дают надежду со временем восполнить хотя бы частично посредством дальнейших архивных разысканий сохраняющиеся в ней «пустоты». Выявлен печатный источник девяти рассказов и одной вставки в собственную «повесть» Новикова⁴. Польская исследовательница Э. Малек, плодотворно изучающая русское «неполезное чтение» эпохи Просвещения, нашла рукописные источники нескольких рассказов, в том числе «О крестьянине Странжице, обманувшем господина и избавившем себя от побой» (ч 2, № 2), а также и параллели⁵.

¹ Повести разумные и замысловатые. Популярная бытовая проза XVIII века / Сост., автор вступ. ст. и примеч. С. Ю. Баранов. М., 1989. С. 16.

² Чудо рождественской ночи. Святочные рассказы / Сост., вступ. ст. и примеч. Е. Дущеткиной и Х. Барана. СПб., 1993. С. 656.

³ Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2 (К–П). С. 359–361.

⁴ XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 216–217.

⁵ Malek E. О некоторых источниках «Похождений Ивана гостиного сына» Ивана Новикова (К проблеме взаимодействия рукописной и печатной книги в России второй половины XVIII века) // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia

Продолжалось сопоставление повести «Новгородских девушек святочный вечер, сыгранный в Москве свадебным», с ее давно установленным источником — «Повестью о Фроле Скобееве»⁶ В обобщающей монографии А Варды, ученицы Э Малэ, сборник Новикова рассмотрен в его связях с разными жанровыми, сюжетными, стилистическими и пр традициями и современными ему новыми тенденциями⁷ В результате на том белом пятне, которое в истории массовой литературы XVIII века обозначалось ничего не говорящими именем и фамилией Иван Новиков, стали проступать контуры реального человека и творческой личности, обладающей, говоря словами одной из названных выше работ, необходимыми для литературного труда знаниями, писательскими способностями и авторской индивидуальностью⁸

Эта характеристика Новикова сложилась на основе анализа одной повести («Новгородских девушек святочный вечер») и потому в едва начавшем угадываться его творческом портрете поддерживается лишь несколькими еще только наметившимися штрихами Для того чтобы проявившийся контур наполнился не расплывчатыми, теряющимися, а хорошо различимыми чертами необходимо выяснить многое

1) Должны быть продолжены поиски документов, содержащих биографические сведения о Новикове Вероятнее всего их обнаружить в РГАДА и (или) РГВИА

2) Следует далее выявлять и накапливать параллельные входящим в сборник рассказам сюжеты, мотивы, ситуации и пр , а также их постоянные и варьирующиеся комбинации с целью постепенного определения с максимально возможным приближением круга чтения и объема литературной эрудиции Новикова Особенно важно провести эту работу применительно к рассказам, которые производят впечатление сочиненных им самим («Похождение Ивана гостиного сына», «Приключение вора пономарева сына», «Похождение названного брата Ивана купецкого сына») по образцу знакомых ему произведений «плутовского» жанра

3) Основной задачей, которой должны служить и специально предпринимаемые разыскания, и сведения, накапливаемые при разработке предыдущего пункта, нужно считать установление литературного источника (или источников) каждого рассказа Новикова, понимая под этим термином находившийся в его пользовании определенный печатный (конкретное издание либо, при невозможности на него выйти, какое-то из текстурально идентичных изданий) или рукописный (вариант, извод, редакция) текст произведения

Filologiczne, 1983 Bydgoszcz, 1985 Z 18 S 115–124, Малэ Э Источники и литературная история «Повести об Аквитане» // ТОДРЛ Л., 1990 Т 43 С 101–113

⁶ Душечкина Е В Стилистика русской бытовой повести XVII века (Повесть о Фроле Скобееве) Учебный материал по древнерусской литературе Таллин, 1986 С 67–72, Староста А «Повесть о Фроле Скобееве» в обработке Ивана Новикова // Studia z literatury rosyjskiej i radzieckiej Łódź, 1989 P 13–22 (Acta Universitatis Lodzianensis Folia literaria T 25)

⁷ Warda A «Przypadki Iwana, syna kupieckiego» Iwana Nowikowa Analiza monograficzna na tle kultury literackiej rosyjskiego Oświecenia Łódź, 1996

⁸ Староста А Указ соч С 22

4) Обязательным должно быть детальное сопоставление текста Новикова с его несомненным или предполагаемым источником, что позволит отделить механические и маскируемые немудреными приемами сокрытия плагиата заимствования компилятора, ограничившегося простым переписыванием и комбинированием чужого, от того, что было им в какой-нибудь степени переработано или явилось плодом его собственного творчества Сопоставление должно производиться снизу вверх, начиная с лексики, фразы, предложения, периода, абзаца и далее поднимаясь к образам, сюжетам, идеям и пр., но не в обратном направлении, когда «низшие» уровни рискуют остаться необследованными и в поле зрения исследователей не попадут некоторые очень интересные и существенные особенности новиковских версий произведений, бытовавших в рукописной и печатной литературе Эти особенности таковы, что при должном их осмыслении могут значительно скорректировать устоявшиеся представления о связях сборника Новикова с рукописной традицией

Рассмотрим в качестве примеров несколько «повестей и сказок», в отношении которых уже накопился запас наблюдений и рельефно (хотя еще далеко не полностью) обозначился круг вопросов и задач, связанных с поиском источников Новикова и анатомированием его компиляторской манеры и техники.

Прослеживая связи Новикова с рукописной литературой, Э Малэк и А Варда опираются, в частности, на хранящийся в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки сборник прозаических фацеций и новелл «Примеры и жарты» (Погодин 1777), являющийся одним из списков переведенного, согласно выводам В. П. Адриановой-Перетц, с немецкого языка не позднее 1740-х годов и получившего в России достаточно широкое распространение сборника светских рассказов.⁹ Среди «повестей и сказок, принадлежащих к „Похождению Ивана гостиного сына“», польские исследовательницы выявили двенадцать совпадающих по сюжету с этим сводом забавных историй.¹⁰ С добавлением еще трех, ими не отмеченных, общее число составляет пятнадцать. Ниже в перечне первы-

⁹ См *Адрианова-Перетц В П* 1) Западноевропейская городская новелла в русской рукописной литературе XVIII в // Русско-европейские литературные связи М, Л, 1966 С 13–18, 2) Новеллистические сюжеты в фольклоре и русской литературе XVIII века // Русская литература XVIII века и ее международные связи Л, 1975 С 12–17 (XVIII век Сб 10)

¹⁰ *Малэк Э* Источники и литературная история «Повести об Аквитане» С 105, Опыт указателя сюжетов С 71, 105, 147, 149, Указатель сюжетов Т 1 С 92, 93, 134, 288, *Warda A* Op cit P 82–83 Указанная А Вардой как содержащаяся в сборнике «Примеры и жарты» под № 29 фацеция «О лукавом нищем», представляющая, по утверждению исследовательницы, параллель одноименному рассказу Новикова, там отсутствует, под этим номером числится фацеция «О цыгане» (л 12 об–13 об) на другой сюжет Однако в следующем за «Примерами и жартами» сборнике «Увеселительные жарты» параллель этому рассказу Новикова составляет стихотворная фацеция «О втором нищем» (л 128 об–130), отмеченная как таковая Э Малек в другой рукописи (Опыт указателя сюжетов С 111–112), а также содержащаяся под заглавием «О притворном нищем» в рукописном сборнике Василия Бунина «Разные курьезности» (1789) (ИРЛИ, колл В Н Перетца, № 404, л 31 об–2 об) В «Опыте указателя сюжетов» (с 81) ошибочно объединены как имеющие общий сюжет рассказ «О кривом и изменившей жене его», заимствованный Новиковым (Ч 1 № 13) из журнала «Доброе намерение», и рассказ из сборника Погодина «О кривом» (№ 69)

ми приводятся названия рассказов у Новикова и параллельно, после знака ||, их соответствия в рукописном сборнике:

Ч. 1. № 21. О ложном Месияте, хотевшем жидов провесть по морю во Иерусалим и реку Сабат || № 194. О жиде (л. 101 об.–102).

Ч. 2. № 6. О бароне, жившем недалеко от Парижа, и его супруге || № 135. О бороне (л. 64–65 об.).

Ч. 2. № 7. О Сципионе, римском полководце, поступившем правосудно при осаде города Афин || № 192. О учителе (л. 99 об.–100 об.).

Ч. 2. № 9. О золотаре и податливой жене его || № 146. О золотаре (л. 73 об.–74).

Ч. 2. № 12. О гелозайском принце, венчанном после родителей на царство в младых летах || № 183. О младом короле (л. 91 об.–93 об.).

Ч. 2. № 13. О деревенском мужике, шедшем к господину с оброчными деньгами, и о встретившем его драбанте || № 59. О мужике (л. 25 об.).

Ч. 2. № 14. О дворянине и о портном, сшившем ему платье || № 181. О портном (л. 89 об.).

Ч. 2. № 18. О студенте и жившей у него кухарке || № 86. О студентах (л. 37 об.).

Ч. 2. № 19. О лукавом нищем || Сб. «Увеселительные жарты». О втором нищем (л. 128 об.–130).

Ч. 2. № 20. О гишпанском солдате и Езуите || № 47. О солдате (л. 20 об.–21).

Ч. 2. № 21. О женщине, усыпавшей своих детей || № 226. О пьяной бабе (л. 125–125 об.).

Ч. 2. № 22. О шуте, бывшем у персидского шаха || № 93. О дураке (л. 41 об.–42 об.).

Ч. 2. № 24. О четырех науках, употребляемых у магометан || № 197. О министерском сыне (л. 104–105 об.).

Ч. 2. № 26. О дворянине, женившемся на подобной невесте || № 70. О дворянине (л. 29 об.–30).

Ч. 2. № 27. О женившемся помещике и о тороватой жене || № 72. О женихе и невесте (л. 30–31 об.).

Четыре рассказа (Ч. 2. № 13, 14, 21, 22) Э. Малэк возводит непосредственно к текстам сборника Погодина, отмечая, что они «почти дословно» совпадают с их рукописными оригиналами,¹¹ но допуская при том вполне правомерно, что Новиков мог пользоваться каким-то другим, ей не известным списком.¹² Ранее исследовательница говорила, что в трех из этих рассказов (опущен № 13) «писатель почти буквально следует за рукописным текстом», и это утверждение иллюстрировалось факцией о портном, заимствуя которую «Новиков сохраняет почти без изменений не только сюжет, но и словесное оформление анекдота», изменяемое им, однако, в тех случаях, когда это подсказано исходным текстом (синонимические замены во избежание повторения слов, уточняющие дополнительные определения, замещение общих понятий более конкретны-

¹¹ Малэк Э. Источники и литературная история «Повести об Аквитане». С. 105.

¹² Malek E. О некоторых источниках «Похождений Ивана гостинного сына». С. 123 (примеч. 11).

ми).¹³ А. Варда выделяет эти четыре рассказа в группу «незначительно отличающихся от своих прототипов».¹⁴

Можно ли говорить о *буквальном* или *дословном* воспроизведении заимствуемого текста, если в него вносятся изменения, а при положительном ответе на этот вопрос, какова мера и допустимый характер отступлений, которые позволяли бы признавать их *незначительными*? Когда идет речь об установлении оригиналов и источников нарративных произведений мелких жанров (жарты, фации, анекдоты и т. п.), имеющих длительную и запутанную историю распространения, расплывчатость ключевых определений, наблюдаемая в приведенных выше характеристиках, может стать немалою помехою, и поэтому важно договориться предварительно о содержании употребляемых понятий.

Буквальным воспроизведением исходного текста предлагается считать следование ему слово в слово, без каких-либо изменений. Подобные *буквальные* заимствования встречаются в рассказах, взятых Новиковым из журнала «Доброе намерение», но существуют лишь в виде небольших фрагментов, продолжение которых эту «чистоту» так или иначе разрушает.

О правосудии, которое самым делом с строгостию исполнять должно / Из аглинского журнала

Султан желая удовольствовать любопытство своего хозяина, отвечал ему на сие следующими словами: «Услышавши я о сем беззаконии непременно думал, что оно учинено чрез моего сына, в котором я знал к сему великую склонность, и для того я погасить велел факелы, чтоб не увидеть мне его лица, дабы я чрез то позабыть мог, что я его родил и он мой сын, а позабыв сие и не видя его, позабыл бы и любовь родительскую к чадам и воздал бы ему достойное наказание за таковое его преступление. (ДН. Июнь. С. 277–278).

О правосудном султани, наказавшем подданного за обругание крестьянской жены

Султан, желая удовольствовать любопытство своего хозяина, отвечал ему на сие следующими словами: услышавши я о сем беззаконии, непременно думал, что оно учинено чрез моего сына, в котором я знал к сему великую склонность, и для того я погасить велел факелы, чтоб не увидеть мне его лица, дабы я чрез то позабыть мог, что я его родил и он мой сын, а позабыв сие и не видя его, позабыл бы и любовь родительскую к чадам и воздал бы ему достойное наказание за таковое его преступление. (Н I, 108).

Результирующий текст можно считать *буквальным* и в том случае, если по сравнению с исходным в нем употреблены вариативные формы слов и подверглось изменению членение на предложения.¹⁵ Подобные *буквальные* заимствования из «Доброго намерения» также присутствуют

¹³ Там же. С. 117–118.

¹⁴ Warda A. Op. cit. P. 83.

¹⁵ В сборнике Новикова невозможно отделить нарушения последнего рода, допущенные им самим, от типографских, которые, по всей видимости, также вносились в немало числе.

в рассказах Новикова лишь в виде фрагментарных вкраплений в массивах текстов, подвергшихся трансформации.

*Всяк жребием своим доволен
быть должен / Перевел с аглин-
ского С<тудент> М. Пермской*

Он с удовольствием сперва осматривал мое жилище, которое хотя не было великолепное, однако чистое; потом взор свой обратил на меня и смотрел с удивлением, видя, что я будучи беден, кажуся во всем достаточным. Но как он был одет в пустынноическое платье, то я по обыкновению и любви моей к сим странникам, принял ево к себе с великою радостию и внутреннюю сердца моего чувствительностию. Как скоро он несколько чашек кофе сидя у меня выпил, так начал спрашивать меня о разных вещах. (ДН. Июль. С. 332).

*О дerviше Гараме и о турчанине,
недовольном своим состоянием*

Он со удовольствием сперва осматривал мое жилище, которое хотя не было великолепное, однако чистое; по том взор свой обратил на меня и смотрел со удивлением, видя что я будучи беден кажуся во всем достаточным: но как он был одет в пустынноическое платье, то я, по обыкновению и любви моей к сим странникам, принял ево к себе с великою радостию и внутреннюю сердца моего чувствительностию. Как скоро он несколько чашек кофе сидя у меня выпил, так начал спрашивать меня о разных вещах. (Н I, 100).

Дословным предлагается считать воспроизведение, в котором сохранена лексика исходного текста и последовательность предложений, но допущены некоторые из следующих отклонений: перестановка слов, пропуск отдельных слов, частей предложения, фраз и предложений при сохранении связного изложения и смысла, употребление вариативных форм (в сочетании с другими отклонениями), изменение грамматической формы или грамматической категории слова, иное членение предложений (в сочетании с другими отклонениями). Подобные заимствования у Новикова также фрагментарны.

Сон

Он смотрел долго на меня с сожалительным видом, а потом приказал мне идти за собою <...> (ДН. Март. С. 114).

После сего велел он мне обратиться свой взор на другую страну, где я увидел иное пространное и прекрасное поле, населенное малым числом обывателей, и для гор, лежащих вокруг его, почти неприступное, на конце которого стоял

*Похождение Ивана
гостиного сына*

Он смотря на меня долго, приказал итти за собою <...> (Н I, 28).

После сего велел он мне взор свой обратить на другую страну, где увидел я иное пространное и прекрасное поле, населенное малым числом обывателей, и для гор лежащих вокруг его неприступное, на конце ево стоял великолепной дом.

великолепной дом. Сия страна, сказал он, находится под властью *Добродетели*, в которой жители, хотя и всегда в трудах упражняются; однако с радостью и спокойствием духа собирают плоды оных. (Там же. С. 117).

Но сии трудности нисколько меня не устрашали: я бежал наперед моего предводителя; и чем уже становилась дорога, тем скорее старался я по ней итти. (Там же. С. 118).

Если пропуски в результирующем тексте сколь-либо значительны, то целесообразно квалифицировать его как *дословный с купюрами*. Пропуски могут быть как приемом сознательной переработки оригинала, так и следствием невнимательности или типичной ошибкой переписывания (набора).

Лице его было бледно и сухощаво; он имел широкую и окладистую до пояса бороду; одет был в епанчу с широкими рукавами; подпоясан веревкою и был бос. В одной руке держал он из осины выдолбленное блюдо, а в другой бич, которым себя идучи по дороге, часто бил. Он назывался *воздержанием*, и мне советовал итти за собою; учил меня простоте нравов и умеренности; а между тем уверял, что к храму *Добродетели* нет ближайшая дороги, как через его келию. (Там же. С. 119).

Если ограничить понятия *буквальный* и *дословный* предложенными рамками, то все изменения, за них выходящие, следует отнести к трансформациям текста, производимым из каких-то идеологических, художественных и прочих соображений. Что касается Новикова, то, перерабатывая заимствуемые из «Доброго намерения» произведения, он преследовал обычную для плагиаторов и компиляторов цель — внести достаточное число разнообразных изменений, которые, не затрагивая основное содержание, сделали бы его текст непохожим на исходный (или, во всяком случае, от него как-то отличающимся) и позволили бы ему претендовать на авторство. Этого результата он добивался использованием не очень богатого арсенала трансформирующих (маскировочных) приемов, кото-

Сия страна, сказал он, находится под властью добродетели, в которой жители хотя и во всегдашних трудах, однако с радостью и спокойствием духа собирают плоды оных. (Там же. С. 31).

<...> но сии трудности ни мало меня не устрашили; я бежал наперед моего предводителя, и чем уже становилась дорога, тем скорее я по ней итти старался. (Там же. С. 32).

<...> лице его бледно и сухощаво: он имел широкую и окладистую до пояса бороду, называющейся воздержанием; он мне советовал итти за собою, учил меня простоте нравов и умеренности, а между тем уверял, что к храму добродетели нет ближайшая дороги как чрез его келию <...> (Там же. С. 33).

Лутче с него кожу содрать,
И не будет боле овец красть.
(Погодин 1777, л. 125 об.).

рять, лутче кожу содрать, то не бу-
дет он овец пожирать. (Н II, 96).

Отчетливо сквозь всю трансформацию, состоящую в изменении деталей и в амплификации, проглядывает субстрат рукописной фацеции «О портном» в начальных строках рассказа «О дворянине и о портном, сшившем ему платье»:

Дворянин призвал портнова и спросил, много ли мне надобно сукна на пару платья. Он ему сказал, что десять аршин. Дворянину показалось много: Отослал ево прочь, призвал другога портнова и спросил, сколко надобно. Тот ему сказал, что девять аршин с половиною. (Погодин 1777, л. 89 об.).¹⁷

Дворянин, живущий наездом в одном городе, призвавши портнова спросил: много ли аршин надобно ему сукна на полную пару платья? он ему сказал, что непременно надлежит употребить восемь аршин. Дворянину показалось очень много, а сего ради и отказал ему, и призвавши другога такой же дал вопрос; но тот по сущей справедливости сказал, что довольно будет шести с половиною аршин. (Н II, 75–76).

Оба приведенных фрагмента подтверждают с абсолютной несомненностью использование Новиковым анекдотов и фацеций в редакции погодинского и ему подобных сборников, хотя рукопись, которой он располагал, могла быть иного, чем они, состава. В остальном указанные четыре рассказа представляют, в сравнении с этими их оригиналами, последовательное и точное изложение сюжета в свободной манере и со многими изменениями, которые было бы поспешно и неправильно приписывать самому Новикову без максимально полного изучения истории текста как на русском, так обязательно и на западноевропейских языках (польском, французском, немецком), служивших проводниками в Россию подобной литературы. В самом деле, можно ли быть уверенным, что, например, уменьшение количества требуемого портными сукна с десяти и девяти с половиною аршин до соответственно восьми и шести с половиною не было Новикову подсказано другим текстом той же фацеции?

Рассмотрим эту проблему на примере рассказа «О шуте, бывшем у персидского шаха», сопоставив его с фацецией из погодинского сборника, польской фацецией на тот же сюжет, наиболее распространенной редакцией анекдота на французском языке о шуте короля арагонского, неаполитанского и сицилийского Альфонса V Великодушного и ее немецким переводом.

¹⁷ Фацеция дважды публиковалась: *Malek E.* О некоторых источниках «Похождений Ивана гостинного сына»... С. 117–118; Указатель сюжетов. Т. 1. С. 92.

О шуте, бывшем у персидского шаха

У персидского шаха был шут, которого называли дураком; но он то дурачество присматривал за вельможами и знатными двора служителями, и что кто зделает записывал в свою книгу и при веселом времени читывал своему государю, и хотя за то многие на него и серживались, однако как он верен государю и им за то любим, то и досады их оставались втуне. В одно время шах, давши бывшему у него во услужении арапу, которой взят был на войне у турок, десять тысяч червонных, приказал ехать в Аравию и купить хороших тамошней породы лошадей. Дурак, сие проведав, записал в ту ж книгу и своего государя и во обыкновенное время объявил пред собранием. Шах на него сперва весьма осердился, но напоследок, знаяши его остроумные замыслы и шутки, спросил, по какому случаю он поместил с прочими и своего благодетеля имя. Он ему небоязненно отвечал: «Для того, ваше величество, что вы так легкомысленно поступили, поверя чужеземцу такое знатное сокровище, и ежели арап возвратится сюда с лошадьми, то я вас оттуда вычерню, а он останется там, а когда не приедет, то ваше величество будете там присутствовать с прочими остроумными людьми». (Н II, 96–97).

О дураке

Король имел при дворе своем дурака и которой всегда записывал в дураческую книгу, ежели кто ис придворных что смешное молвит или что дурачески зделает. И к тому еще от себя прикладывал шутливые слагательства, чему король веселился и для забавы читал ево дурачью книгу. Той же король имел при дворе своем одного арапа, которого он зело любил. И, уверя того арапа, дал ему десять тысяч червонных и послал ево во Аравию, чтоб на те денги добрых лошадей купил и привел к королю. Той помянутой дурак и оное записал в дурачью книгу самого короля именно со всякою насмешкою, что король то зделал без рассуждения. И потом король для забавы повелел к себе принести дурачью книгу, и как читал и нашол между прочими и свое имя в дурацком списке написано, зело гнева исполнился и велел дурака призвать к себе и рек: «Злы отроде, для чего так имя мое написано?» Дурак ответствует: «Я не мог того миновать, чтоб такое неосторожное дело не записать, что ваше величество учинили: такому чуженцу выдали такую сумму денег. Когда он сам не придет, то ваше величество денег и ево самово никак достать не можете». Тогда король сказал дураку: «А когда тот арап приедет, то что ты в ту пору станешь и делать и какой ответ мне дашь за твою мне насмешку и мое бесчестие?» Тогда дурак сказал: «Милостивы король, то в те поры и я имя твое из дураков вычерню, а ево имя вместо твоего напишу, что он так самовольно такое сокровище у себя потерял».

Всяк дурачеству смеется,
А оно, право, никого не минется

(Погодин 1777, л. 41 об.—42 об.).¹⁸

¹⁸ Фацеция дважды публиковалась: *Malek E.* «Неполезное чтение» в России XVII—XVIII веков. Warszawa; Łódź, 1992. С. 107–108; Опыт указателя сюжетов. С. 168–169.

Nie masz człeka tak mądrego, który by nigdy nic nie uczynił głupiego, skąd mówią: *Nemo mortalium omnibus horit sapit*. Przeciwnym obyczajem nie masz tego błazna tak głupiego, który by też kiedy nie począł sobie dobrze abo do rzeczy czego nie powiedział.

Był tedy jeden trefniczek u zacnego kóregoś w Polsce pana, który chcąc to pokazać, iż i mądrzy błądzą, a błądzą grubo, uczynił sobie registr, w który sprawy niemądre tych, których za mędrców miano, spisował. Wiedział o tym pan jego i co dzień go rad pytał, kto i z chym przybył do rejestru. Gdy zaś dnia jednego poważniejsze sprawy odprawiwszy, a mianowicie tegoż dnia Węgrzyna do Węgier po wina i po konie wyprawiwszy, każe do siebie zawołać trefniczka, chcąc się po onej pracy nieco urekreować, wedle zwyczaju pyta go, jeśliby kto przybył do rejestru jego. Odpowie, że: «Dawnom gościa tak zacnego na mym rejestrze nie miał». Gdy go pan tym chciwiej pytał, on długo go trzymawszy na rzeczy, gdy co raz pan wiedzieć chciał, kto by to był taki, powiedział, że «Waś mściwy pan i dobrodziej».

Pocznie się pan rachować z sobą i nic, co by tak głupie uczynił, wspomnieć nie mogąc, pyta go, co by on w nim upatrzył godnego rejestru tego. Powiedział: «To, iżeś Węgrzyna do Węgier z tak wielką sumą pieniędzy wyprawił». Pan mówi: «Pamiętaj, błaznie, że się na tym omylisz, co myślisz, aby mię Węgrzyn zdradził, bo ja tuszę nie tylko, że mi się stawi, ale i dobrze sprawi; zaczem obaczysz, że nic po mnie w tym rejestrze było i musisz to zmazać». Powie trefniczek: «Jeśli to tak będzie, tedy ja waszą miłość zmażę, a na to miejsce Węgrzyna napiszę».¹⁹

Plaisanterie du bouffon du roi de Naples

Alphonse, roi de Naples, avait en sa Cour un bouffon, qui mettait en écrit dans un livre toutes les folies des gentilshommes et des seigneurs qui hantaient la Cour de son temps. Il advint donc que le roi Alphonse ayant un More en sa maison, l'envoya au pays de Levant avec dix mille ducats, pour acheter des chevaux, ce que le bouffon ajouta en son livre, comme l'estimant une pure folie. Quelque jours après, le roi demanda au bouffon à voir son livre, parce qu'il y avait assez de temps qu'il ne l'avait vu. En lisant dedans, il trouva à la fin d'icelui son histoire, celle du More et des dix mille ducats, dont le roi, courroucé, demanda au fol pourquoi il l'avait mis dans son livre? Parce que (dit le bouffon) vous avez fait une folie d'avoir donné vos deniers à un étranger, que vous ne verrez jamais. Et s'il revient (dit le roi) et amène des chevaux, quelle folie est-ce à moi? Le bouffon dit: Lorsqu'il sera revenu j'effacerai votre nom du livre, et y mettrai le sien, car alors il sera plus fol que vous de retourner avec l'argent.²⁰

¹⁹ Dawna facecja polska (XVI—XVIII w.) / Opracowali J. Krzyżanowski i K. Żukowska-Billip. Warszawa, 1960. S. 227–228. Фация взята из рукописного сборника, датируемого 1650 г. Перевод латинского изречения Плиния Старшего: Никто из смертных не бывает всякий час благоразумен.

²⁰ Facétie du fol du roy Alphonse // Norrozet 1556. Fol. 104^r–105^v; Corrozet 1560. P. 163–164; Favoral. P. 139–141; Tresor 1625. P. 212; Tresor 1638. P. 262–263; Gaillardise du fol du mesme prince // Garon 1652. P. 95–97 (Centurie I. № 97); Response du fou d'Alphonse roy

Es hatte König Alphonsus an seinen Hof einen Schalcksnarren, der alle narrische Bossen, wie nehmlich er sie auff's wenigste dafür hielt, welche die Herren und Edelleut, so den Hof besuchten begiengen, in ein Buch zusammen schriebe. Es begab sich aber, daß der König ein Moriskan oder Mauritaner, der er am Hof hatte, mit zehntausend Ducaten, Pferd darumb zuerhandlen, nach Orient schickte. Der Narr schrieb diese That in sein Buch, als die da würdig were, solche unter andere narrische Sache zusetzen. Eliche Tag hernach, begehrte der König solches Buch zubesuchtigen, weil er den Narren lange Zeit nicht gesehen hatte. Als er nur darinnen lase, fand er auff die letzt die Historie von ihme und dem Mohren, darüber er dann zornig ward, und den Narren fragte: Warumb er ihn in sein Buch geschrieben hatte? Darumb, antwortete der Narr, daß ihr eine sehr grosse Thorheit begangen habt, in dem ihr ewer Gelt einem Frembden gegeben, der ihr nimmermehr wider sehen werdet. Wann er aber widerkompt, replicirte der König, und die Pferd mitbringet, werde ich dann thorecht gethan haben? Ey wann er wird wider kommen, sprach der Schalcksnarr, so will ich ewren Namen widerumb im Buch außleschen, und den seinigen dafür hinein schreiben. Dann er so dann ein grosserer Narr, als ihr, seyn wird. Fast ein gleichförmiges Exempel wird von dem Ertzbischoff Alphonso Carillo und seinem Diener erzehlet.²¹

Польская фацеция, представляющая свободное во всех отношениях с перенесением на отечественную почву изложение сюжета, безоговорочно исключается из круга возможных источников и оригиналов русских текстов, поскольку в них не присутствует ни одной из целого набора деталей, только в ней встречающихся и не имеющих в его вариантах на других языках ни параллелей, ни опоры для подобного переосмысления.

Немецкая фацеция точно, кроме заглавия, следует неоднократно публиковавшемуся в XVII веке французскому тексту Л Гарона, и в этом заключается причина всех ее мелких несовпадений с французским же текстом «Рожера Бонтана», опиравшимся на сборник Фаворала. Впрочем, от себя немецкий компилятор добавил одно предложение в конце, где указал еще один анекдот на такой же сюжет, действующим лицом которого были архиепископ толедский Карилло д'Акунха (ум 1482) и его слуга.²²

С учетом заключения В П Адриановой-Перетц о происхождении по-

d'Arragon, qui le surprit et toute la cour // *Histoires* 1673 P 550–556, *Plaisanterie du bouffon du roi de Naples* // Roger Bontemps 1708 T 1 P 27 (цитируется по этому изданию), *Amusemens françois, ou Contes a rire = Trattenimenti italiani, overo Conti da ridere Venezia*, 1752 T 1 P 70, 72 (параллельный текст на итальянском языке), *Contes a rire* 1881 P 48

²¹ *Exitum melancholiae* S 436–437

²² Существовал еще один вариант этого анекдота «В один день шут сказал королю Франциску I, что у него имеется реестр дуракам, в число которых вписал он также имя императора Карла Пятого. Король спросил у него, для чего бы он то сделал? для того, отвечал шут, что он, проходя через Францию, опасается, чтоб не быть задержану. Но что ты тогда скажешь, примолвил король, если не только я пропущу, но и отдам ему те места, которые я ему отдать обещал? Знаете ли, отвечал шут, что я сделаю? Я вычеркну из моей книги имя Карла Пятого и поставлю Ваше на его место» (*Семенов П Товарищ разумный и замысловатый СПб, 1764 Ч 2 С 20–21*)

годинского и ему аналогичных сборников оригиналом содержащейся в них фацеции «О дураке» мог служить именно этот немецкий текст — вероятно, какая-то из его перепечаток. Если так обстояло дело, то она является не переводом, а вольным пересказом.

Лексические совпадения рассказа Новикова с рукописной фацецией состоят из обязательных для данного сюжета слов (дурак; дурачество — дураческая, дурачья, дурачески; книга, записывать, арап, десять тысяч червонных, лошади и др.), которые не являются признаком текстуальной связи, поскольку могли в каждом из этих пересказов анекдота появиться как закономерные переводческие соответствия иноязычным оригиналам. Однако из этого «стандартного» ряда выпадают типично русский оборот «что кто сделает» (в фацеции: «ежели кто ис придворных что смешное молвит или что дурачески зделает») и неожиданный глагол «приедет», который вряд ли мог возникнуть независимо у двух лиц в качестве привычного соответствия французскому «revenir» или немецкому «wiederkommen». Эти два неординарные совпадения подтверждают, что Новиков был на самом деле знаком с фацецией «О дураке» и держал ее перед собою, когда работал над своим рассказом «О шуте, бывшем у персидского шаха». Вместе с тем в тексте, вышедшем из-под его пера, есть особенности, дающие основание предполагать, что она была не единственным вариантом анекдота, находившимся в его поле зрения.

Компилятор погодинского сборника передал дважды фигурирующий глагол «wiederkommen» сказуемыми «придет» и «приедет», Новиков употребил в первом случае «возратится», что является точным переводом и французского, и немецкого глаголов. Разумеется, это очень естественное и подходящее для описываемой ситуации слово могло быть подобрано без влияния или подсказки какого-либо иностранного текста; однако в равной мере возможно, что здесь имел место перевод. Если бы этот гипотетический и по отношению ко всему объему рассказа незначительный след иностранного языка был единичным, никакого вывода — ни уверенно положительного, ни категорически отрицательного — сделать было бы нельзя; но в тексте Новикова есть еще один мелкий фрагмент, где проглядывает иностранная основа. В рукописной фацеции «дурак» заносит в свою книгу глупые поступки и речи «*придворных*», шут персидского шаха «присматривал за *вельможами и знатными двора служителями*» (курсив мой.— В. Р.), что прямо соответствует и французскому «...des gentilshommes et des seigneurs qui hantaient la Cour...», и немецкому «die Herren und Edelleut, so den Hof besuchten...» — с обычной для Новикова перестановкою слов. Такое совпадение в отличие от предыдущего не могло возникнуть случайно, так что факт обращения Новикова к иноязычному тексту рассказа об Альфонсе V и его шуте можно считать установленным.

Вместе с тем вполне вероятно, что компилируя (теперь это можно сказать с полной определенностью) рассказ «О шуте, бывшем у персидского шаха», Новиков привлек еще один «бродячий» анекдот на тот же сюжет, печатавшийся под заглавием «Смелый ответ секретаря своему хозяину» («*Repartie hardie d'un secrétaire à son maître*»).²³ Здесь речь шла

о некоем государе («un prince souverain»), доверившем шайке проходимцев, выдавших себя за алхимиков, две тысячи экю на покупку химикалий, с помощью которых они обещали превращать металл в золото. По их отъезде секретарь занес этот поступок в книгу, где вел летопись «всех глупостей, совершавшихся в городе». Как и Альфонс V, государь знакомится с этой записью и задает секретарю те же вопросы, на которые получает такие же ответы. Однако происходит это в несколько иной обстановке. Ни французский и немецкий тексты, ни соответственно русская фацеция не содержат ни малейшего намека на то, чтобы при чтении королем книги и его разговоре с шутом присутствовали какие-нибудь лица. Между тем в анекдоте о государе, обманутом лже-алхимиками, секретарь ведет книгу не только для того, чтобы забавлять своего господина, большого любителя посмеяться, но когда к тому «съезжалась какая-нибудь компания, он доставлял себе удовольствие позабавить таким образом общество» («quand il arrivoit quelque compagnie, il prenoit plaisir à divertir le monde par ce moyen-là»). Запись о совершенной им самим глупости попадает на глаза государю, когда он, желая развлечь очередных гостей, велит секретарю принести книгу и открывает в ней последний заполненный лист; соответственно при них же совершается и обмен вопросами и ответами. Сходная ситуация в рассказе Новикова: шут, «проведавший о «дурачестве» шаха, «записал в ту же книгу и своего государя и во обыкновенное время объявил пред собранием» (курсив мой.— В. Р.). «Обыкновенное время» — это уже домысел самого Новикова, как и перенесение места действия в Персию, «досады» придворных, не смевших дать им выход, верность шута шаху, пленение арапа «на войне у турок».

Таким образом, рассказ «О шуте, бывшем у персидского шаха», представляет собою компиляцию, в которой сочетаются элементы трех текстов на один и тот же сюжет. Творческий процесс Новикова при работе с произведениями рукописной литературы отнюдь не сводился к их пересказу своими словами и со своими изменениями, но включал сравнение и оценку их печатных вариантов (версий, редакций, параллелей) с выбором между ними, а также их контаминацию, чему в двух томах «Похождения Ивана гостинного сына» находится немало уже обоснованных или ждущих подтверждения примеров.

Если, как можно предполагать, Новиков имел рукописный сборник, тождественный или близкий по составу погодинскому, он должен был читать рассказ «О министерском сыне»,²⁴ но тот же сюжет был ему известен по кн. 6, гл. 40 «О науках расад, сыгр, тылсым и протч.» труда Д. Кантемира «Книга свстима или состояниѣ мухаммеданскія релігїи» (СПб., 1722). Предпочтение было отдано этой авторитетной (для Новикова) печатной книге, откуда он и взял текст, несколько его сократив, произведя в одном месте перестановку и — главное — обновив архаический язык молдавского господаря.

²³ Ouville. Contes 1651. Pt. 1. P. 512–514; Ouville. L'élite 1669. Pt. 2. P. 430–432; Ouville. L'élite 1671. Pt. 2. P. 352–354; Contes à rire 1781. T. 3. P. 165–167.

²⁴ Рассказ опубликован в кн.: Указатель сюжетов. Т. 1. С. 343–344.

Именемъ наукъ назначаются, и иныя нѣкія чародѣіныя, волшебныя, жребіевражбѣтственныя, обавателныя, провѣщательныя, или гадательныя, связательныя, и протчія хѣтлости, отъ нѣхъ же нѣкія невозбранены суть Мухаммеданомъ, нѣкія же не позволены, и закономъ Курановымъ запрещены, и мерзостны суть. Позволенные убо суть РАСАДЪ, РЕМЕЛЬ, СЫГРЪ, ТЫЛСЫМЪ, ОКУМАКЪ, возбраненныя же ФАЛЬ, ДЖАЗУЛЫКЪ, БУГИ, Г҃ОЗБАЇДЖІЛЫКЪ и ДААВАИ ШЕЯТЫНЬ. Убо и о сіхъ всѣхъ въ кратцѣ изрекши, конецъ сего тщетнаго труда сотворимъ.

РАСАДЪ свойственно знаменуетъ Астрономію числительную <...> (С. 369).

РЕМЕЛЬ, родъ есть жребіевражбѣтства, и образъ гаданія, или проріцанія чрезъ точки нѣкія, и характеры, Греческой можетъ быть Геомантіи, сѣло подобная <...>

СЫГРЪ свойственно знаменуетъ волшебство, и сію глаголють быти науку, извѣстными, и натуральными началами, и правілами состоящуюся, ея же перваго изобрѣтателя, сказуютъ быти Царя Соломона, которою наукою можаше, не токмо животныхъ дѣятели разумѣти, но и вся въ образы, въ няже онъ хотяше, претворяти можаше. Тако глаголють, человекъ, сея хѣтлости искусныи, всякого иного, въ осла: въ коня, въ столпъ каменный, деревянный, и протч: можетъ претворѣти, и паки, аще восхоцетъ, въ первое можетъ возвратѣти состояніе. Сею хѣтлостію можетъ сотворѣтися, да огонь, и дождь, блістанія, и громы снѣдутъ, блістають, и гремятъ, и иная страшїліща, и дѣвы нату-

У Магометан между прочими есть по Куранову закону позволенные волшебныя гадательныя и прорицательныя связывающія и разрешающія четыре науки, расад, ремель, сыгр и тылсым, из которых

расад имянуютъ астрономіею числительною,

а ремель образъ гаданія или прорицанія.

Сыгр же и Тылсым свойственно знаменуется волшебство и третьей науки известными, и натуральными правилами доказываютъ перваго изобретателя царя Соломона; сею то наукою будто мог онъ разуметь не только глаголъ животныхъ, но и всехъ въ образы въ нихъ же хотелъ претворять, зданіи с мѣста на другое переносил,

гром, молнію, дождь, и всякая страшїлища представляя.

ралныя да проіздутся. <...>
(С. 371).

Сказують, яко бысть нѣкїи Царь Персїдскїи, иже единаго точїю имѣяше сына, которого во всѣхъ свободныхъ художествахъ, и наукахъ обучїти тшашеся. И тако съ велїкїмъ иждївенїемъ, мужеи во всякой наукѣ сѣло искусныхъ, для наставленїя сына своего, отвсюду созвалъ, между которыми бысть едїнь, которїи и науку РАСАДЪ и РЕМЕЛЬ [о неїже зри нїжше] въ совершенство знаяше. Царь убо повелѣлъ, да бы сынъ его отъ оно-го учїтеля, наукѣ РАСАДЪ наученъ былъ. И тако учїтель оныи чрезъ пять летъ трудїлся, и всѣ каноны, и правїла, яже самъ знаяше, сыну Царскому совершенно предаде. и Царскїи сынъ такъ твердо на память всѣ оныи изучїлъ бяше, яко удобѣе ему было ихъ прочїтовати, неже кому лїбо иному повсядневныя молїтвы. Обаче учїтель, усмотряше юношу, сѣло глупаго быти разума, и ни къ чему годнаго разсужденїя, ибо изданныхъ, призволенихъ, требованныхъ, известныхъ, свѣдомыхъ, и явныхъ предложенїи, нїкоже заключенїе, и нїкоеже извѣстное, и прїстоїное можаше положїти окончанїе.²⁵ По пятолѣтномъ убо, всепрїлѣжномъ трудѣ, Царь вопросїлъ учїтеля, еда ли сынъ его изучїлъ науку РАСАДЪ глаголемую? отвѣща учїтель, О Царю, сынъ твои вся во правду отъ мене ему преданная изучїлъ, обаче самъ нїчтоже знаетъ: Царь первѣе удївлїся, потомъ гнѣвомъ на учїтеля воспалївся: Како рече, вся изучїлъ, и глаголеши яко самъ нїчтоже знаетъ? Отвѣща учїтель глаголя: аще угодно будетъ твоему

Онымъ всемъ и другимъ наукамъ, некто изъ Персидскихъ царей, имевшей у себя одного сына, обучить старался, к чему с великимъ иждивениемъ мужей искусныхъ отвсюду созвалъ, между которыми былъ одинъ знающий все оныя вещи в совершенстве. Царь приказалъ, чтобъ сынъ ево тому наученъ былъ, и хотя тотъ учитель чрезъ долгое время трудился и все правила, кои самъ зналъ, царевичу преподавалъ, но онъ прочитывалъ ихъ наизусть, какъ в Алькоране утрення молїтвы; но никакова отъ себя заключения делать не могъ.

По прошествїи пяти летъ царь спросилъ учителя, что сынъ ево изучилъ ли хотя первую науку в совершенстве? Учитель ему отвечалъ, что хотя онъ, сколько самъ знаетъ, давалъ полезныя и понятныя наставленїи, но онъ ничего не понималъ. Царь во-первыхъ весьма удивился, а по томъ гневомъ на учителя наполнился, что всему ученъ, а ничего не знаетъ. Учитель ему представлялъ, что то самая истинна; прикажите царевича позвать, и я только тремя словами докажу,

²⁵ Глосса на поляхъ: Опїсанїе.

Царскому Велічеству, прізови предь себе сына твоего, и азъ тремя словами изьявлю, что онъ якоже рѣхъ, отъ мене преданная вся изучилъ, обаче отъ себе не знаетъ чтолібо. Прізану убо бывшу сыну Цареву, учитель проситъ Царя, да изволитъ положи перстень въ горсти своей держати, и сына своего вопросити. Что въ горсти руки своя сокровенно имѣеть? Чесому бывшу, сынъ Царевъ по наукѣ преданныхъ заповѣден, и правилъ художества, обрѣте, яко отецъ его, в руцѣхъ своей, заключенно держитъ нѣчто круглое и діру имущее. Сие егда онъ обрѣте, учитель рече: се О Царю, доселѣ хитрость, ей же азъ учихъ его протяжается, остася от своего си разсужденія нѣчто заключити. Чесоради, паки вопросы его, оное круглое, и діру имущее, что можетъ быти? О чемъ отъ отца своего вопрошенъ бывъ, долго во умѣ своемъ мяташеса, таже отрыгнуль глаголя, нічтоже иное можетъ быть о отче, развѣ камень мелничныи. Тогда учитель рече, сие есть произведеніе отъ ума сына твоего, которыи по хитрости убо, юже отъ мене получилъ, обрѣте вещь быти круглую, и діру имущую, удивительныя же ради разума, и разсужденія скудости, не могъ разсудити, яко камень мелничныи въ горсти руки укрятися не можетъ. (С. 370–371).

что моя наука была в совершенстве подавана; но у него к окончанию ее в голове нет. Призван был царевич и учитель просил царя, чтоб изволил в руке своей держать зажатой перстень. Спрошен был царев сын

по науке преданныхъ заповедей и правилъ таинства. Он и отвечал, что в руке царевой круглое и діру имущее: тогда учитель сказал: вот, Царю, хитрость, ей же его учил, остается в своей силе, но спросите теперь его разума, что он вам скажет, а на то он и отвечал, что конечно камень жерновой. Тут царь и познал глупость сына своего и более не стал обучать сих сокровенныхъ наук. (Н II, 98–100).

Ответом сына кончается фацеция в погодинском сборнике, Новиков продолжает свою «повесть» и, следуя Кантемиру, переходит к науке тыльсым, иллюстрируя ее действие двумя примерами из той же главы — рассказом о медном столпе, оберегавшем Константинополь от нашествия змей, и о стоявшем там же над городскими воротами мраморном истукане, которому по совету волхва была отсечена голова, что вызвало смерть осаждавшего столицу Византии болгарского князя Симеона, а с нею и прекращение боевых действий. Эти занимательные «волшебные» истории в какой-то мере, вероятно, подкрепили решение Новикова взять за основу не рукописную фацецию, а главу из «Книги система», подстроч-

ная ссылка на которую должна была, очевидно, дать читателю знать, что ему предлагают не пустые «сказки», а сведения из заслуживающего доверия сочинения.

Труд Кантемира был Новиковым прочитан, кажется, очень внимательно от корки до корки. В разделе, называемом «Пророчества, о нападеніи Деджджала» (Кн. 3. Апокаліпсіса мухаммеданскаго Часть вторая. О дѣвахъ или знаменіяхъ конецъ міра предвѣряющіхъ. Вторый членъ), он нашел символическое имя для главной «злодейки» своего романа «Приключение принца Беграгама и принцессы Фатьмы». Княгиня Катане (Новиков пишет: Катанѣ), бывшая «в препроводившее на свете время экстрактом всех злостей и причиною сожаления достойных смятеній» (Н II, 175), носит имя женщины, которая, согласно мусульманским верованиям в передаче Кантемира, произвела на свет искусителя людей, чье явление им состоится перед концом света: «Мухаммедъ нѣкогда съ Омеромъ, едѣнымъ отъ четырехъ наслѣдниковъ его, въ нѣкую весь входящія, рече Омеру, вѣси ли ты, како въ селѣ семъ есть мужъ нѣкинъ именемъ КАТАНЪ, и жена именемъ КАТАНЕ, из нѣхъ же проклятыи ДЕДЖДЖЪАЛЬ проізыти имать», которымъ «первѣе в странахъ Хорасанскіхъ явітся».²⁶ Примечательно, что новиковская Катане называет себя дочерью «одного богатого Хорасанского дворянина» (Н II, 176) и владеет «увеселительным» замком и лесом «близ Хорасана» (там же. С. 119), а события происходят в «Хорасайском государстве» (там же. С. 118) — здесь возможна или опечатка, или простейший маскировочный прием, использованный единожды и тут же забытый. Еще два имени для своих персонажей Новиков заимствовал из тридцатой главы четвертой книги, где Кантемир пересказал известную ему восточную версию романа об Александре Македонском: хорасанский государь стал тезкою сопровождавшего великого полководца «главнѣйшаго вожда, БЕГРАМІГІУРЪ зовомаго», «непреодолемои храбрости вѣтязя», а главный герой, «одного обладателя полуденной части света, именем Нарбонасара, наследной крон принц Беграгам» (Н II, 117) зовется почти так же, как упоминаемый там же воин Беграм.²⁷

Вопрос о выборе опорного текста и его контаминации с другими стоял, по всей видимости, перед Новиковым и тогда, когда он приступил к рассказу «О бароне, жившем недалеко от Парижа, и его супруге», который, по классификации А. Варды, относится к числу «сильно отличающихся от прототипов и связанных с ними лишь общими сюжетными мотивами».²⁸ В рукописном сборнике он имел новеллу «О бароне»,²⁹ оригинал которой был на немецком языке, о чем говорит трижды повторен-

²⁶ *Кантемир Д.* Книга свѣтѣма... СПб., 1722. С. 68–69. В современных справочниках на русском языке имя мусульманского антихриста передается: Даджал (см.: Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 346).

²⁷ *Кантемир Д.* Указ. соч. С. 129–130. К заимствованию имени, нередкому приему в низовой литературе, Новиков прибег еще по крайней мере один раз, назвав Астутю надзирательницу за двумя девицами, завлекшими Ивана гостинного сына в свои сети (Н I, 19–20). Это имя он нашел в новелле «Приключения некоторого чужестранца в Париже» (ДН. Декабрь. С. 557–559) на сюжет «Декамерона» (II, 5).

²⁸ *Warda A.* Op. cit. S. 85.

²⁹ Новелла опубликована в кн.: Указатель сюжетов. Т. 1. С. 93–94.

ное слово «шлос» (нем. Schloß), вытеснившее первоначально употребленное «замок». Сюжет («Нет») хорошо известен в фольклоре разных народов (АТ 853 А, СУС 1418 А) и получил распространение в литературных обработках (ТМ К 1331).³⁰ В той, которую пересказал компилятор погодинских «Примеров и жарт», повествуется о том, что по приказанию своего ревнивого мужа, уехавшего по делам в Париж, молодая и красивая баронесса отвечает на все вопросы проезжего дворянина: «Нет, мой господин», — а тот, ловко их подбирая, исполняет, к обоюдному удовольствию, все свои нескромные желания; в Париже он случайно останавливается в том же трактире, что и барон, в чьем присутствии за обедом рассказывает об этом забавном приключении.

Текстуальная связь рассказа Новикова с этой новеллой отчетливее всего проявляется в начальных строках:

Един барон, человек молодой, женился и понял себе девицу молодую и зело прекрасную. И она была ласкова обхождению со всеми людьми. (Погодин 1777, л. 64).

Недалеко от Парижа, изобилующего в Европе всеми забавами и роскошью пред прочими городами, жил барон, человек молодой и достаточной, понявший себе в супругу девицу, равного себе звания и достоинства, весьма прекрасную и ни с кем прежде его побочной любви не имеющую. За все ее достоинства барон любил, а равно и она отвечала своею горячностью; и как она была веселого нрава, а потому со всеми людьми имела ласковое и приятное обхождение... (Н II, 53).

Исходный текст подвергся настолько большой амплификации, что раздробился на мелкие фрагменты, рассыпанные внутри добавленных фраз, значительно превышающих его по своему объему. Далее, придерживаясь основной сюжетной канвы, Новиков продолжает ее насыщать своими деталями и мотивировками. Так, в рукописной новелле наставление барона жене, «чтоб она с посторонними людьми ласково не обходилась и слов приятных не производила, а особливо без него никаких речей с кавалерами молодыми не говорила и ни с какими б мужчинами в разговоры не вступала», объясняется прямолинейно тем, что он «зело был ревнив», и столь же бесхитростна ответная просьба его супруги: «дайте мне регул вопрошать» (Погодин 1777, л. 64). Новиков смещает психологическую коллизию, вводя дополнительные подробности и характеристики. «Непорочное дружество», проявляемое баронессою по отношению к другим людям, становится ее мужу «несколько в тягость» по причине его «угрюмости», а недоверие и сомнение

³⁰ К сожалению, автор статьи не имел возможности познакомиться со специальной монографической работой об этом сюжете. *Nyrop K Nej et motivs historie* København, 1891

возникают на почве собственного богатого опыта в амурных делах; иной оказывается и реакция жены на запрещение беседовать с мужчинами: «...хотя он и надеялся на добродетель своей баронессы, что к повреждению его достоинства ничего худого быть не может; однако как он, с молодых лет искусившись в любви, знал, что страсть сия есть различного свойства, по различию земель и народов, и французы весьма живы, проворны, к обманам склонны, женолюбивы, и в любви переменчивы, так что, получа от одной взаимную благосклонность и удовольствие, скоро пренебрегает и другую сыскать старается; но всегда предпочитает красавицу, хотя и неразумную; а как баронесса была не из последних прелестниц, то барон в одно время сказал ей, чтоб она с посторонними людьми, особливо с модными щеголями и вертопрахами, обходилась поскромнее; она, имея самые цветущие лета и что кроме его никем другим занята не была, то, рассмеявшись, поставила сие в шутку» (Н II, 53–54). Пересказывая сюжет в подобной манере, с изменениями деталей и положений,³¹ Новиков доходит до приезда любовника в Париж, и здесь опять дает о себе знать исходный текст, что свидетельствует о том, что он все время находился перед глазами компилятора:

И как он приехал в Париж, и стал в тот же трактир, где барон стоит <...> тот дворянин стал всем сидящим рассказывать о том шлосе, и о той жене, и о своем счастье, не зная того, что муж ея тут сидит... (Погодин 1777, л. 65).

Приехавши в Париж, стал нечаянно в тот трактир, где имел пребывание и барон <...> Рассказчик не знал, что той госпожи, у которой целую неделю наслаждался запрещенною забавою, тут же сидит ближний сродник... (Н II, 57).

После этого тексты резко расходятся. Опорный — исчерпан: он заканчивается на том, что незадачливый муж, «слыша такое нечаянное дело, от великого сам себе стыда не мог за столом усидеть, выскочил, аки неистовой, закричал своим лакеям, чтоб седлали лошадей, и в тот же час уехал вон ис Парижа, чему все сидящие такой нечаянной причине смеялись и дивились» (Погодин 1777, л. 65 об.). Новиковский герой проявляет выдержку — и повествование продолжается по сюжету «любовное приключение, рассказанное как сон» (АТ 1364. III; ТМ J 1155; Tubach 5287).

³¹ В рукописной новелле не объясняется цель поездки барона в Париж, в рассказе Новикова он отправляется «во угождение своей красавицы, для покупки новомодных вещей, или какая и собственная нужда позывала ехать» (Н II, 54). В новелле барон один раз произносит запрет, в рассказе повторяет его перед отъездом, а баронесса принимает это опять с хохотом и на первый же вопрос проезжего отвечает «с усмешкою», так что все дальнейшее между ним и ею разворачивается как шутка. В новелле приключение начинается с вопроса проезжего дворянина о том, какая из двух дорог, проходящих мимо замка, ведет в Париж; в рассказе он просит пустить его на ночлег ввиду приближения ночи. В новелле он покидает замок сразу после того, как «исполнил, что желал» («И паки встал, и пошел, и сел на свою лошадь, и поехал»). — Погодин 1777, л. 65), в рассказе он проводит у баронессы целую неделю, она же, «хотя и ожидала скорого возвращения своего супруга, но гостя не очень весело провожала» и «при приятном расставании <...> просила гостя, чтоб он и впредь не оставлял ее своим посещением, а он за угощение воссылал искреннейшую благодарность» (Н II, 57).

Барон приглашает всех, с кем обедал в трактире, к себе в замок и туда же собирает родственников жены, намереваясь в их присутствии разоблачить жену и получить основание для развода. Видя, что соблазнитель ее не узнает, хозяйка бросает в его кубок подаренный ей от него перстень; по этому знаку офицер понимает, у кого находится в гостях, и, повторяя по просьбе барона свою забавную историю, приводит доказательства того, что в день, когда она случилась, был в другом месте: «...из армии я поехал 1 августа, 2 был в дороге, и на 3 ночевал в Сент Роале, расстоянием отсюда в пяти милях, а 4 числа приехал в Париж, как то и пашпорт мой доказывает, которой в точное уверение и показал и от коего вся правда открылась и баронессу вывело из подозрения, потому что воин, приехавши в баронов замок, оставя себе верховую лошадь, повозку отпустил в Париж, где пашпорт сходно с словами его у городских ворот и записан...» (Н II, 59). Предъявив собравшимся и перстень, который, по собственному рассказу, подарил даме, он завершает свой рассказ ключевыми для сюжета словами: «...конечно, я в то время был околдован или мечта воображение в моих членах имела» (там же).

Объединение двух фольклорно-литературных сюжетов не было творческой находкой самого Новикова. Он его обнаружил, по-видимому, в каком-то сборнике фавстий и анекдотов в виде новеллы, восходившей к «Лучшим рассказам» или «Рассказам в часы безделья» французского писателя Антуана Ле Метела д'Увиля (1590?–1656?), где она была напечатана под заглавием «Об одной молодой особе, недавно вышедшей замуж» («D'une jeune demoiselle nouvellement mariée»).³² В том же или, может быть, другом подобном сборнике прочел ее, видимо почти в одно время с Новиковым и П. М. Карабанов, чье стихотворное переложение³³ увидело свет в тот же год, что и вторая часть «Похождения Ивана гостиного сына», где содержался анализируемый рассказ. Других русских версий этой комбинации сюжетов неизвестно,³⁴ так что источник Новикова был, вероятно, иностранным — судя по некоторым приведенным выше цитатам, французским, с которым он обращался так же вольно, как до этого с рукописным, не переводя его фразу за фразой, а свободно пересказывая с подобными же изменениями и дополнениями. Некоторые из последних: начальные строки, в которых восхваляется Париж, рассуждение о поведении французов в любви (см. выше) — производят впечатление отрывков из какого-то беллетристического сочинения, и такое же подо-

³² Эта новелла встретилась в следующих из просмотренных сборников: *Récréations françoises*. Pt. 1. P. 162–163; *Ouville. L'élite* 1699. Pt. 1. P. 30–39; *Ouville. L'élite* 1703. Pt. 1. P. 37–48; *Contes à rire* 1781. T. 1. P. 80–85.

³³ [Карабанов П. М.]. Нет: Сказка // Лекарство от скуки и забот. 1786. № 3. 15 июля. С. 41–47; перепечатано в кн.: Стихотворная сказка (новелла) XVIII—начала XIX века / Вступ. ст. А. Н. Соколова; подгот. текста и примеч. Н. М. Гайденкова и В. П. Степанова. Л., 1969. С. 244–247.

³⁴ Записанная А. Н. Афанасьевым сказка «Нет» (см.: Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым, 1857–1862 / Изд. подгот. О. Б. Алексеева и др. М., 1997. С. 61–63) развивает только первый сюжет. По всей видимости, она является скабрзным пересказом первой части все той же новеллы д'Увиля, о чем говорят две важные детали: проезжий — офицер (то же можно понять из контекста в новелле), и молодую барыню он застает гуляющей в саду.

зрение внушает подробный расчет пути, представляемый офицером в доказательство того, что все им рассказанное в действительности не происходило. Эти вставки, посторонние для обоих сюжетов, плохо в них вписываются, растягивают повествование, отдаляя момент остроумной выдумки офицера и тем самым ослабляя эффект ее неожиданности. Для мотивировки запрета достаточно лишь упоминания о богатом любовном опыте барона; предъявление «пашпорта» (речь, видимо, идет о подорожной) со всеми предшествовавшими объяснениями о датах пути, а также демонстрация перстня снимают с баронессы подозрение до того, как произносится тот главный «аргумент», который в забавной новелле д'Увиля выступает ее кульминацией и заключительной фразой, а здесь становится маловыразительным «привеском» к предшествующим доказательствам, теряя свою исконную выразительность еще и потому, что на нем повествование, вопреки законам жанра, не обрывается, но переходит в добавленную компилятором концовку, чужеродную для данного сюжета. Упав на охоте с лошади, барон разбивается насмерть, оставя жену «всего своего имени законною наследницею», а она «не умедлила послать с письмом к тому полубовнику, по приезде которого учинила другую свадьбу; он же, отъезжая куда и на долгое время, не запрещал ей обходиться ласково со всеми и говорить „что изволите“, а не так что „нет, мой государь“ или „нет, мой господин“» (Н II, 60–61). Было ли такое завершение всего случившегося придумано самим Новиковым или подсказано ему (кроме, разумеется, безусловно ему принадлежащей фразы о снятии запрета на беседы с мужчинами) каким-то литературным образцом, выяснится, если будет известен полный круг рукописных и печатных сочинений, использованных при компиляции сборника «Похождение Ивана гостиного сына, и другие повести и сказки». Оставляя по необходимости решение этого вопроса на будущее, сейчас, тем не менее, можно с большой определенностью утверждать, что, работая над рассказом «О бароне, жившем недалеко от Парижа, и его супруге», Новиков опирался не только на рукописную фацицию «О бароне» и новеллу д'Увиля (или какую-то ее обработку?), но обращался и к другому произведению или даже нескольким, откуда сделал несколько малоискусных вставок.

Подобными же компиляторскими приемами с похожими просчетами, создававшими всевозможные неувязки, был скомпонован с привлечением разных опорных текстов рассказ «О персидском шахе Али Бее и о любимце его, помрачившем добрые дела свои прелестями одной женщины». Сюжет знаменит в мировой литературе шекспировской «мрачной» комедией «Мера за меру», а в русской — пушкинской поэмой «Анджело». В XVI–XVII веках он был известен в нескольких вариантах, будучи связываем с разными историческими лицами и вымышленными литературными персонажами,³⁵ в XVIII веке преимущественное распространение

³⁵ См.: *Budd F. E. Material for a study of the sources of Shakespeare's «Measure for Measure» // Revue de littérature comparée. 1931. T. 11. № 4. P. 711–736; Narrative and dramatic sources of Shakespeare / Ed. by G. Bullough. London; New York, 1958. Vol. 2. P. 397–530; Shakespeare W. Measure for Measure / Ed. by J. W. Lever. London; Cambridge (Mass.), 1965. P. XXXV–XLIV, 151–200 (The Arden Edition of the Works of Shakespeare).*

получил в изложении английского писателя и журналиста Ричарда Стиля, составившего № 491 (от 23 сентября 1712) издававшегося им совместно с Джозефом Аддисоном ежедневного сатирико-нравоучительного листка «Зритель» («The Spectator») Этот очерк, в котором был пересказан вариант, опубликованный в 1605 году гуманистом, филологом Юстием Липсием,³⁶ переводился на французский, немецкий и другие европейские языки, в том числе и на русский, в годы, предшествовавшие выходу «Похождения Ивана гостиного сына».³⁷ Новиков мог его знать либо на русском, либо на иностранном языке и взять его сюжетную канву для своего рассказа. Правда, никаких прямых текстуальных соответствий между историей Клодия Ринсольта, назначенного за свою честность и верность наместником провинции Зеландии, и «повестью» об оказавшемся в таком же положении любимце персидского шаха, носящем по выбору компилятора звонкое историческое и литературное имя Баязет, не обнаруживается; различия очень велики и повсеместны. Тем не менее связь между ними вполне вероятна: только в варианте Стиля жертвою домогательств и обмана со стороны правителя выступает жена богатого купца, так же и Баязет «весьма распалился запрещенною любовию» к замеченной им среди «великого множества» наблюдавших его проезд по улицам жене «одного богатого и по всему городу почтенного купца» (Н I, 153). Совпадение такого рода могло возникнуть, однако, и случайно, так как, склонный выбирать своих персонажей из купеческой среды, что неоднократно проявляется в сборнике, Новиков мог отнести оклеветанного и казенного мужа к этому состоянию по собственному разумению, не ориентируясь ни на какой литературный прецедент. Если принять эту на первый взгляд правдоподобную гипотезу, встает вопрос о том, с каким из других существующих вариантов сюжета он был знаком и почему ни с одним его рассказ не имеет никаких общих специфических, индивидуальных деталей. Поиски выхода из этого тупика возвращают обратно к очерку Стиля, тем более что в XVIII веке он был наиболее часто публикуемой и, следовательно, самой доступной версией сюжета (о других сведениях для этого времени не собрано).

В дополнение к приведенным аргументам следует обратить внимание на одну фразу в рассказе Новикова, допускающую, кажется, видеть в ней сильно трансформированное отражение слов, которыми Ринсольт провожает обманутую им женщину. «На другой день, — пишет Стиль, — по утру пошла несчастная Сафира к губернатору и предалась на его произволение. Ринсольт хвалил ее прелести, ласкал себя иметь с нею впредь свободное обхождение и сказал ей с веселым видом, чтоб взяла она мужа

³⁶ *Lipsius J. Monita et exempla politica libri duo, qui virtutes et vitia principum spectant* Antverpiae, 1605 P 125–127 (Lib II, Cap IX, § 7)

³⁷ Описание печального приключения, случившегося во владение Карла Отважного, герцога Бургундского / Пер с фр П П[астуховым] // Праздное время в пользу употребленное 1760 [Ч 4] 9 сент С 170–175 Библиографические сведения о русских переводах этого очерка в XVIII в см Левин Ю Д Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века Прилож Материалы к библиографии статей из английских журналов в русских переводах XVIII в // Левин Ю Д Восприятие английской литературы в России Исследования и материалы Л, 1990 (по указателю к статье)

своего из темницы. „Но, — сказал, — не надобно тебе печалиться, естли приму я меры дабы впредь не было помешательства к нашему свиданию“. Сии последние слова предсказывали ей ту печальную судьбину ее мужа, которую нашла она исполненну по приказанию губернаторскому, когда пришла она в темницу». ³⁸ У Новикова сюжет лишается своего центрального, узлового, присутствующего во всех версиях эпизода: жена арестованного и приговоренного к смерти купца не обращается к правителю с просьбою о помиловании, а соответственно не получает от него гнусного предложения и не жертвует своей честью ради спасения мужа. Со своей стороны, Баязет рассчитывает, казнив мужа и устранив тем самым главную помеху своим вожделениям, добиться со временем их удовлетворения: «По приезде из Испагани купца в дом, по оговору некоторых плутов, взят был в суд и посажен в тюрьму, а чрез несколько дней скончал невинно жизнь свою на эшафоте, уповая тем овдовевшую преклонить на свою сторону» ³⁹ и восторжествовать над прелестными ее красотами» (Н I, 156). И в очерке из «Зрителя», и в рассказе Новикова казнь совершается с одинаковым заранее составленным намерением — и это является основанием считать второй зависимым от первого, так как издававшаяся только на английском языке (впервые — в 1581 году) новелла одного из предшественников Шекспира писателя Томаса Луптона (Lupton), где жестокое вероломство получает такое же объяснение, русскому компилятору не могла быть известна, а в других вариантах сюжета подобная мотивировка отсутствует, хотя в некоторых имеется мотив желания продолжить встречи с обманутой просительницей. Например, в новелле Чинтио, стоящей у истоков широкого распространения этого сюжета, наместник Джуристе предполагает, что «сможет обладать этой девушкой так, словно она уже была его женой и словно он вернул ей брата живым»; но эта надежда рождается у него уже после доклада тюремщика о том, что Эпития «не проявила никаких признаков неудовольствия при виде столь ужасного зрелища», ⁴⁰ а сам коварный его поступок такого замысла под собою не имел.

В некоторых деталях угадываются следы каких-то иных литературных произведений, находившихся в поле зрения Новикова. К ним относится, например, пришедшая распаленному порочной страстью губернатору мысль, «чтоб по утру рано послать к мужу той красавицы и под видом нужного государственного дела заслать в дальней город, а потому чтоб он к нему тот же час явился; но сказано, что поехал с караваном в Испань» (Н I, 154), тогдашнюю столицу Персии. Пользуясь удобным моментом, «помешанной умом седой любовник» является в его дом и домогается желаемого, а получив решительный отпор, «засылал многих с великими дарами и письмами о принятии его в число первого по муже солубовника» (Н I, 156). В похожей ситуации находятся персонажи третьей новеллы «Гептамерона» Маргариты Наваррской. Неаполитанский король Альфонс V (о котором уже шла речь в связи с рассказом о шуте

³⁸ Праздное время, в пользу употребленное 1760 [Ч 4] 9 сент С 173–174

³⁹ Языковая небрежность Новикова

⁴⁰ Итальянская новелла Возрождения / Сост А Эфроса М., 1957 С 508–509

и реестре дураков), «известный своим распутством», пленяется молодой дамою, примеченной им при посещении ее дома во время карнавала, и надеется на ее благосклонность. «Чтобы удостовериться, что это действительно так, он дал ее мужу какое-то поручение в Рим и услал его туда недели на три. Едва только он уехал, жена, у которой еще свежа была память о нем, стала о нем тосковать. Видя это, король принялся утешать ее, обращаясь к ней с ласковыми речами и поднося ей бесчисленные подарки».⁴¹ Весь дальнейший ход событий в новелле, где король легко добивается победы, но муж в отмщение делает его самого рогоносцем, и в рассказе о Баязете, которому ничем не удалось сломить сопротивление добродетельной женщины, расходуется по своим сюжетным линиям, не имеющим никаких точек соприкосновения. Заимствованным оказывается, таким образом, лишь один эпизод, что, впрочем, в компиляторской практике Новикова было, как видно из разобранных выше примеров, обычным приемом. Сам «Гептамерон» в полном объеме Новиков определенно не читал, но две новеллы были ему известны в русских переводах, напечатанных в «Добром намерении»,⁴² из которых одну он включил оттуда в свой сборник (Ч. 1, № 13 «О кривом и изменившей жене его»). Новелла о любовном похищении Альфонса V и мести обманутого мужа дошла до него другим путем. В свое время она была включена с сохранением присвоенного ей в печатных изданиях «Гептамерона» заглавия в «Лучшие рассказы» д'Увиля,⁴³ откуда перешла в другие сборники забавных рассказов и анекдотов,⁴⁴ в одном из которых, по всей вероятности, и привлекла внимание Новикова.

Какими-то историческими, а может быть, и литературными ассоциациями и реминисценциями, отложившимися при чтении, видимо, печатных изданий, которые предстоит установить, был обусловлен выбор имени Баязет для сластолюбивого наместника и Али Бей — для его властителя, осуществляющего, по сюжету, высшую справедливость, персидского шаха, вымышленного компилятором в замещение герцога Бургундского. Существовал и был хорошо известен рассказ Фенелона «Histoire d'Alibée, Persan».⁴⁵ В некоторых его переизданиях имя героя печаталось «Alibég» и в этом написании перешло в русские переводы,⁴⁶ но в переделке П. Летур-

⁴¹ *Маргарита Наваррская*. Гептамерон / Пер. с фр. А. М. Шадрина, ст. и примеч. З. В. Гуквской. Л., 1967. С. 24.

⁴² Великодушие, оказанное королем Франциском графу Гильому, которой хотел его умертвить: [«Гептамерон» II, 17] // *Доброе намерение*. 1764. Июль. С. 321–325; Выдумка одной женщины, которая сыскала способ уйти своему любовнику, когда муж ее, будучи крив, думал ее с ним найти вместе: [«Гептамерон» I, 6] // Там же. С. 326–328.

⁴³ D'un Roy de Naples abusant de la femme d'un Gentilhomme porte enfin lui-même les cornes // *Ouvville. L'élite* 1699. Pt. 1. P. 461–470. Первое издание сборника: Paris, 1641. Т. 1–2; входила ли в него эта новелла, а если не входила, то когда была включена, мне не известно, за отсутствием возможности познакомиться de visu со всеми изданиями сборника.

⁴⁴ Например: *Contes à rire* 1781. Т. 3. P. 128–133.

⁴⁵ Впервые: *Fénelon F. Dialogues des morts anciens et modernes, avec quelques fables, composé pour l'éducation d'un prince*. Paris, 1718. Т. 2. P. 211–223.

⁴⁶ Повесть о Алибеге Персианине // Фенелон Ф. Новые разговоры мертвых, также Повести и басни, сочиненные для воспитания молодого государя. СПб., 1768. Ч. 2. С. 297–304; [Фенелон Ф.]. История Алибеге Персидского. СПб., 1780.

нера была употреблена форма «Алибей».⁴⁷ Новиков пишет имя шаха раздельно или через дефис, второй элемент — с заглавной буквы, и это верный признак того, что ни рассказ Фенелона, ни обработка Летузнера, даже если он их читал в подлиннике или переводе, не служили ему в данном случае источником. Значение слова «бей», встречавшегося в литературе многократно и получившего на русском языке объяснение,⁴⁸ он должен был понимать; однако весьма сомнительно, чтобы он знал, что этот титул носила одна из древних династий персидских правителей; и очень вероятно, что свое имя в рассказе шах получил от мамелюка Али-Бея, поднявшегося от раба до правителя Египта, провозгласившего в 1769 году независимость от Турции и убитого в 1773 году. Эти события освещались в газетах, так что, работая над своим рассказом, Новиков мог вспомнить мелькавшее там имя, а тот факт, что ономастический прототип был турком, в то время как получающий его имя герой предполагался персом, не мог никоим образом его смутить.

Наконец, оставляют впечатление заимствованных откуда-то вставок два фрагмента, объясняющие внезапную перемену в поведении Баязета вмешательством потусторонних сил зла, не упускающих воспользоваться человеческой слабостью. После проезда по городу, во время которого заметил он жену купца, «вкрался в него любовной пламень, так что при начале другого дни или увидеть ту полюбившуюся ему красоту и достать в свои объятия, или перестать жить. А как виновный враг человеческого рода, которой по ремеслу своему, ничего не пропуская, старается распалить слабые наши телесные чувства, то он, и в сие дело вмешавшись, советовал губернатору, чтоб по утру рано послать к мужу той красавицы...» (Н I, 153–154). И в тот момент, когда обуреваемый страстью наместник получает от женщины решительный отказ, искуситель спешит его толкнуть на несправедный путь: «Тут-то дьявол садится в черную свою колесницу, запряженную двумя драконами, кои по воздуху скоро рассекают густую мрачность, водворяется в губернаторский дом и сердце, ибо он в самом деле уверен был, что будет управлять его душою. Это было его добро; окаянный ведал о скрытном зле, владевшем им; он знал и о предбудущем, а потому сей древний змий потихоньку его наущал и воспалил за сию толь отважную дерзость и непослушание с сопротивлением или мужу, или жене отмщение учинить смертью» (там же. С. 155–156). Убийство, замышляемое в отмщение за проявляемую нравственную стойкость и неудовлетворенную похоть, плохо согласуется с появляющейся в следующем же предложении другой его мотивировкой, согласно которой арест купца и вынесение ему смертного приговора имели целью избавиться от него как от соперника, владеющего сердцем преследуемой женщины. Чужеродные по отношению

⁴⁷ Алибей: Восточная повесть // Санктпетербургский вестник. 1778. Ч. 1. Июнь. С. 448–455 (перепечатано в кн.: [Ардт Б. Ф.]. Трехязычная книга... СПб., 1779. С. 61–71); Цена верности // Детское чтение, или Отборные небольшие повести, удобные увеселить детей и наставить их любить добродетель. СПб., 1779. С. 18–19.

⁴⁸ Бей или бег // Статьи из Энциклопедии, принадлежащие к Турции. СПб., 1769. Т. 1. С. 151–152.

к сюжету, который ни в одном из своих вариантов не приобретал религиозно-поучительной окраски, эти два фрагмента выглядят посторонними и в контексте всего сборника, где персонажи, особенно в «повестях» авантюрно-плутовского жанра, совершают множество неблагоприятных поступков, но все по собственной воле, без наущения или подстрекательства дьявола. Поэтому сомнительно (хотя не невозможно), чтобы эти фразы принадлежали самому Новикову и выражали его собственное понимание того, как произошел резкий переворот в душе и что толкнуло на преступление бывшего «министра, превосходящего разумом всех придворных, правдолюбивого, во обхождениях ко всем ласкового, приятного и <...> в воинских и гражданских советах полезного и наивернейшего, коим весь народ был доволен» (там же. С. 152). Более вероятно, что здесь возымела первенство специфическая творческая логика компилятора, диктующая при каждом удобном и подходящем случае использовать вырванные из прочитанного отрывки, не особенно заботясь о внутренних смысловых и художественных связях создаваемого на такой основе текста. Красивая риторика и впечатляющий образ властелина преисподней, несущегося на колеснице в «густой мрачности», привлекли внимание Новикова в каком-то из прошедших через его руки произведений, и он нашел применение этим фрагментам там, где они как-то подошли по содержанию и где их позволял использовать жанр (в шутивном или сатирическом рассказе подобные мотивировки вряд ли были бы уместны). Впрочем, это пока остается лишь предположением; окончательный вывод сейчас еще невозможен.

Итак, сплошь и рядом в «повестях и сказках» Новикова встречаются фрагменты, ситуации, мотивы, сюжеты и другие элементы содержания и композиции, находящие прямые соответствия, аналогии, подобия и параллели в произведениях западноевропейской литературы, которые он мог читать лишь на иностранном языке по причине отсутствия в то время их русских переводов, и печатных, и рукописных. Вместе с тем наличие на русском языке в печатном или рукописном обращении произведения, с которым тот или иной рассказ, «принадлежащий к „Похождению Ивана гостиного сына“», имеет общий сюжет или мотивы, не исключает того, что параллельно с русским текстом Новиков знал также иностранный или даже что ему был известен и послужил основой только последний. Использование русского текста, подтверждаемое неоспоримо лексическими и фразовыми совпадениями, могло сочетаться с равноправным вовлечением в компиляцию иностранного источника. Получившиеся таким образом контаминации осложнялись употреблением маскировочных приемов трансформации заимствуемого текста и активным, повсеместным *творческим* вмешательством Новикова на всех уровнях — от изменения лексики и перестройки фразы до различных дополнений и вставок, а также сюжетных новаций. Осуществлявшаяся им переработка, подчас очень глубокая и многослойная, в одних случаях распознаваема, как например в начальных строках рассказа «О женившемся помещике и о тороватой

жене»,⁴⁹ там же в увещевании тестем зятя,⁵⁰ но часто не может быть с уверенностью выделена. Распутывание этих сложных переплетений, как показал анализ нескольких рассказов, очень трудоемко и может быть доведено до конца, т е до установления конкретного источника и степени его *авторской* переработки, лишь при владении максимально полной информацией о распространении мотивов, сюжетов и других «бродячих» компонентов повествования, дошедших теми или иными путями до Новикова Материалом для последующих исследований в этом направлении послужат, можно надеяться, и публикуемые ниже пока еще отрывочные и не поддающиеся систематизации сведения, которые удалось собрать к настоящему моменту

Ч. 1. № 12. О деревенском мужике, давшем талер для размену обезьяне. Э Малек не нашла на русском языке ни одной параллели этому рассказу⁵¹ Она имеется на французском в третьей книге знаменитого романа Шарля Сореля⁵² и еще более близкая — в немецком сборнике забавных рассказов⁵³

Ч. 2. № 2. О крестьянине Странжице. По мнению Э Малэк, Новиков, перерабатывая «Повесть об Аквитане», сам «в связи со стремлением усилить плутовскую природу Странжица расширяет количество испытаний, выпавших на его долю < > например, заставляет своего героя „изрезать и роздать по установленному закону“ не только индейского петуха, но и семь рябчиков»⁵⁴ Между тем эти сюжеты, из которых второй существовал в России в виде стихотворной фации о дележе пяти яиц,⁵⁵ объединены в одиннадцатой книге того же романа Сореля,⁵⁶ где педант Гортензиус демонстрирует «правильность своей счетной системы», деля четырех молодых голубей между собою и двумя подшутившими над ним дворянами, а затем Франсион рассказывает, как еще раньше он же разделил между обедающими фазана по традиционной для этого сюжета схеме Следовательно, нельзя исключать вероятности того, что Новиков нашел в какой-то книге оба сюжета так же соседствующими

⁴⁹ «Другой такой же дворянин, или помещик, не знаю, только ведаю то, что сим именем двойное разумеется название, много видим таких дворян, которые за собою ни одной души людей и лоскута земли не имеют, а помещик великое дело он владеет деревнями, а в них повелевает хотя мужиками, но такими ж, как и он, христианскими душами, умалчивая о рогатой скотине и животине, о гусях и других мелких птицах» (Н II, 108)

⁵⁰ « любезный сын, не сердись на меня, что я тебе скажу справедливые четыре русские пословицы первая, *каков пан таков и храм*, другая, *каков поп таков и приход*, третья, *каково дерево таковы бывают отрасли и плод*, четвертая, *как де кого кликнешь так и откликнется*, не все, брат, перенять, что по речке плывет, тужить не о чем, пролитое полным не бывает, я сам с молоду неспускалого десятку, любил девок, не оставял молодых баб, не пренебрегал же и старухами Что делать? век пережить, не поле перейти » (Н II, 112–113)

⁵¹ Указатель сюжетов Т I С 71–72

⁵² *Sorel Ch La vraie histoire comique de Francion / Nouv ed, avec avant-propos et notes par E Colombey Paris, 1909 P 114–115, ср Сорель III Правдивое и комическое жизнеописание Франсиона М, 1990 С 137–138*

⁵³ *Das wohlbekleidete Apotheker-Sohnen // Kurtzweilige Historicus S 85–86*

⁵⁴ Малэк Э Источники и литературная история «Повести об Аквитане» С 106

⁵⁵ Указатель сюжетов Т I С 89–99

⁵⁶ *Sorel Ch Op cit P 462–463, ср Сорель III Указ соч С 504*

Ч. 2. № 7. О Сципионе, римском полководце, поступившем правосудно при осаде города Афин. Исторической основой этой небольшой «повести» является рассказ Тита Ливия об отказе римского полководца Марка Фурия Камилла, осаждавшего в 394 году до н. э. столицу древнеиталийского народа фалисков город Фалерии, воспользоваться предательством учителя, который привел к нему в заложники своих учеников, детей знатных граждан (*Ab urbe condita* V, 27, 1–10).⁵⁷ Извлеченный из труда римского историка, эпизод вошел в сборники анекдотов и памятных деяний, откуда переводился по крайней мере дважды на русский язык.⁵⁸ Ни с одним из переводов рассказ Новикова не имеет прямых текстуальных совпадений, однако у него общая с рукописным вариантом, но отсутствующая в печатном, мотивировка предательства боязнью учителя за свое имущество. Приписывание одного и того же поступка разным историческим лицам и вымышленным персонажам — обычное явление в анекдотической литературе. В данном случае Новиков, кажется, единственный назвал героем этого великодушного и благородного акта Сципиона, перенеся к тому же действие в Грецию и подвергнув учителя сожжению, — способу казни, греками не применявшемуся. Какой ход мысли и ассоциаций привел к столь грубому нарушению исторической правды, непонятно. Ни один из сколь-либо известных представителей знаменитого рода Сципионов не участвовал во взятии Афин (146 г. до н. э.), тем более не был главным героем этого события. В войне с фалисками участвовал, на важных, но не первых ролях, военный трибун Публий Корнелий Сципион; для того чтобы это знать, Новиков должен был читать Тита Ливия, чему в его сборнике нет никаких признаков, но если даже он и был знаком с этим фундаментальным трудом по римской истории, все равно остается необъяснимым, как бегло упоминаемое в нескольких местах лицо (*Ab urbe condita* V, 19, 2; 24, 1; 26, 2; 31, 8)⁵⁹ вытеснило много более значимый исторический персонаж, о чьих делах говорится пространно и подробно. Возможно, что в памяти Новикова контаминировались благородные поступки Камилла и Публия Корнелия Сципиона Африканского, вернувшего приведенную к нему по взятии Нового Карфагена красавицу-пленницу ее жениху, о чем также рассказано у Ливия (*Ab urbe condita* XXVI, 50)⁶⁰ и тоже перешло в сборники анекдотов и славных деяний.⁶¹ Афины могли стать местом действия в результате аберрации памяти.

⁵⁷ *Тит Ливий. История Рима от основания города.* М., 1989. Т. 1. С. 256–257.

⁵⁸ № 192. О учителе // Примеры и шарты (Погодин 1777), л. 99 об.–100 об.; *Le précepteur perfide // Pfeffel.* Pt. 2. P. 116–118 (*Liv. V, № 34*); рус. пер.: Вероломный учитель // [Пфеффель Г. К.] *Собрание разных забавных и веселых повестей, или Исторической магазин для разума и сердца / Пер. с фр. Н. Унковской.* М., 1779. Ч. 2. С. 94–96. (Кн. V, № 34). На русском языке о предательстве учителя рассказывалось также в переводном труде: *Поллен III. Римская история от создания Рима до битвы Актийския / С франц. пер. тцанием и трудами В. Треднаковского.* СПб., 1762. Т. 2. С. 214–215 (кн. VI, § III).

⁵⁹ *Тит Ливий.* Указ. соч. Т. 1. С. 249, 253, 255, 261.

⁶⁰ Там же. Т. 2. С. 271–272.

⁶¹ Например: *Grande retenue de Scipion l'Africain // Choffin D.-E. Amusemens philologiques; ou Mélange agréable de divers pièces...* 2^d éd., rev. et cor. Halle, 1757. Т. 2. P. 195–197 (здесь же в статье «De Camille, général romain», кратко изложен эпизод с учителем — p. 404);

Ч. 2. № 11. *О греканине, занявшем в Станбуле у жида 5000 червонных*. Сюжет, широко распространенный в фольклоре разных народов и в литературе, где он значит шекспировским «Венецианским купцом» (АТ 890; ТМ J 1161.2; Rotunda J 1161.2; Tubach 3867),⁶² представлен в виде короткого рассказа во множестве сборников фацетий, анекдотов, памятных деяний и пр.⁶³ В одном из них, без сомнения, и прочел его Новиков, а пересказывая, увеличил в десять раз сумму долга (во всех выявленных публикациях она, если называется, составляет 500 экю или дукатов).

Ч. 2. № 13. *О деревенском мужике, шедшем к господину с оброчными деньгами, и о встретившем его драбанте*. В этом рассказе «драбант», он же «прохожий солдат с заряженною фузеею и пистолетом», неожиданно в одном месте называется «рыцарем», что может быть признаком использования наряду с рукописной фацетией еще какого-то текста. Годом позже на русском языке был напечатан другой рассказ на тот же сюжет, не учтенный Э. Малэк в качестве параллели.⁶⁴

Ч. 2. № 17. *О купцеком сыне и о обманувшей его девушке*. Сюжет АТ 1441*; ТМ К 1223; Rotunda К 1223, К 1843.3, К 1911.1.5. Соответствующий рассказ входил в сборники забавных историй и анекдотов.⁶⁵

Ч. 2. № 26. *О дворянине, женившемся на подобной невесте*. Начало рассказа (до слов: «...чтоб я о том матушке поведала...») — Н II, 106)

Scipion Africain // Pfeffel. Pt. 1. P. 60–64 (Liv. I. № 44). На русском языке анекдот печатался в XVIII в. несколько раз: *Роллен Ш.* Римская история от создания Рима до битвы Актийской, то есть по окончании республики. СПб., 1763. Т. 5. С. 338–340 (кн. XVII, § III); Валерия Максима изречений и дел достопамятных книг девять / Пер. с латин. яз. И. Алексеевым. СПб., 1772. Ч. 1. С. 390–391 (Кн. IV, гл. 3, § 1); Сципион Африканский // [Пфеффель Г. К.] Собрание разных забавных и веселых повестей. Ч. 1. С. 55–58.

⁶² О сюжете см.: Narrative and dramatic sources of Shakespeare / Ed. by G. Bullough. London; New York, 1957. Vol. 1. P. 446–454; *Hannojst L. Fleischpfand // Enzyklopädie des Märchens: Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung*. Berlin; New York, 1984. Bd. 4. S. 1256–1262; *Schamschula E. Das Fleischpfand: Mot. J 1161.2 in Volkserzählung und Literatur // Fabula*. 1984. Bd. 25. H. 3/4. S. 277–295.

⁶³ Le jugement de sultan Soliman grand seigneur des turcs // Corrozet 1556. Fol. 62; Corrozet 1560. P. 100–101; Du juif qui pour sa dette veut une livre de la chair d'un chrestien // Sylvain A. Epitomes de cent histoires tragiques... Paris, 1581. Fol. 237–238; Le jugement de sultan Soliman, grand seigneur des turcs // Favoral. P. 90–91; Tresor 1625. P. 27–28; Tresor 1638. P. 34–35; Jugement de sultan Soliman, empereur des turcs // Garon 1641. P. 52–53 (Centurie I. № 46); Garon 1652. P. 52–53; *Judenzinß // Exilium melancholiae*. S. 245; Jugement de Solyman, soldan d'Egypte, entre un chrestien défendeur et un juif demandeur // Histoires 1673. P. 353–355; Beau trait de prudence de sultan Soliman empereur des turcs // Roger Bontemps 1708. T. 2. P. 124; Roger Bontemps 1734. T. 2. P. 107–108; без загл. в кн.: *Bibliothèque amusante et instructive, contenant des anecdotes intéressantes et des histoires curieuses tirées des meilleurs auteurs*. Paris, 1753. P. 286–287. Во всех перечисленных выше французских сборниках, кроме А. Сильвена, в уплату причитается *две унции* плоти, лишь у А. Сильвена — *один фунт*, но у него занята сумма равна 900 экю; в немецком сборнике — *четыре лота*. У Новикова — *один фунт*; следовательно, его источник был, по всей видимости, иной, что относится и к другим его рассказам, имеющим в этих книгах соответствия.

⁶⁴ Обманщик обманутый // Лекарство от скуки и забот. 1787. Ч. 2. № 46. 12 мая. С. 159. Ср.: Опыт указателя сюжетов. С. 105.

⁶⁵ *Plaisant discours d'un ministre qui voulant jouyr d'une jeune damoiselle, se trouva couché auprès d'une vieille matrone // Reveille-matin*. P. 321–329.

совпадает с часто встречающимся в сборниках смешных историй и анекдотов рассказом⁶⁶

Ч. 2. № 27. О женившемся помещике и о тороватой жене. В сборниках фацей и анекдотов рассказ на этот сюжет печатался в двух редакциях — пространной,⁶⁷ восходящей к собранию д'Увиля, которой соответствует и фацеция «О женихе и невесте» в погодинском сборнике, и рассказ Новикова, и краткой,⁶⁸ кончающейся предложением со стороны молодой супруги сочетать их незаконнорожденных детей браком, когда они придут в возраст. Во всех выявленных западноевропейских публикациях как пространной, так и краткой редакций у молодого супруга оказывается прижитым до брака сын, а у его жены — дочь, в рукописной фацеции и в рассказе Новикова обратный расклад у мужа — дочь, у жены — сын. Однако другими немаловажными деталями, о которых в погодинском сборнике не упоминается ни словом, текст Новикова совпадает именно с новеллой д'Увиля: внебрачная дочь мужа «содержится на воспитании у *приятеля* его» (Н II, 109, курсив здесь и ниже мой — В Р, в новелле муж говорит о сыне «*Je le tiens chez un de mes amis*»⁶⁹), сын жены, по ее признанию, «воспитывается моею верною *вскармливающей*»⁷⁰ (там же, в новелле «*une petite fille qui est en nourrice*»⁷¹). Знакомство Новикова с французским текстом подтверждается и лексическим совпадением в словах рассерженной матери, обращенных к дочери: «В том ли быть откровенной, двуногая *скотина*, сия тайна должна быть запечатана на одной твоей груди до смерти» (там же С 111), в новелле «*Comment, bête que tu es, dit la mere, n'as-tu point de honte de lui avoir dit cela?*»,⁷² в рукописной фацеции «Тогда мать с гневом рекла “Прямая ты дура”» (Погодин 1777, л 31)

Иностранские книги, содержащие тексты, которые могли служить Новикову оригиналами или составляют параллели его рассказам, образуют в совокупности пеструю картину, в которой усматривается лишь одна

⁶⁶ D'un fiance a sa fiancee // Recreations françoises Pt 1 P 138–139, Ouville L'elite 1699 Pt 1 P 21, Ouville L'elite 1703 Pt 1 P 23–24, La fiancee ingenue // Nouveaux contes 1709 P 112, D'un fiance a sa fiancee // Contes a rire 1781 T 1 P 73, La fiancee ingenue // Contes a rire 1881 P 250 Ср Указатель сюжетов Т 1 С 134

⁶⁷ Autre sur le mesme sujet [заглавие предыдущей Naivete d'une jeune femme a son mari la premiere nuit de ses noces] // Recreations françoises Pt 1 P 119–126, Ouville L'elite 1699 Pt 1 P 5–10, Ouville L'elite 1703 Pt 1 P 4–10, Ingenuite d'une femme a son mari la premiere nuit de ces noces // Nouveaux contes 1709 P 89–93, Autre sur le mesme sujet // Contes a rire 1781 T 1 P 63–66, Ingenuite d'une femme a son mari la premiere nuit de ses noces // Contes a rire 1881 P 209–212 Ср Указатель сюжетов Т 1 С 288

⁶⁸ Gaillardise d'un fiance qui ne vouloit pas tromper la marree // Garon 1641 P 326–327, Garon 1652 P 326–327, Eheleuth // Exilium melancholiae S 101–102, Des discours que tenoit un jeune fiance a sa fiancee, et de la reponse qu'elle luy fit // Reveille-matin P 64, Der ubel betrogene Brautigam // Kurtzweilige Historicus S 139–140 Параллель на русском языке Нескромное признание // Семенов П Товарищ разумный и замысловатый СПб, 1764 Ч 2 С 193–194

⁶⁹ Contes a rire 1781 T 1 P 64

⁷⁰ Здесь существительное «вскармливающая» употреблено в значении «кормилица», не зарегистрированном лексикографами, которые указывают только «воспитанница, питомица» (см. Словарь русского языка XVIII века Л, 1988 Вып 4 С 155)

⁷¹ Contes a rire 1781 T 1 P 65

⁷² Ibid P 66

закономерность, проявляющаяся в том, что несколько фацетий, анекдотов и новелл фигурируют в сборниках д'Увиля и от них зависевших собраниях подобного рода Эта картина похожа на ту, которая сложилась у А И Кирпичникова, когда он пытался установить источник «Присовокупления второго» в «Письмовнике» Н Г Курганова, и держалась до тех пор, пока в видимом беспорядочном конгломерате «кратких замысловатых повестей» не был нащупан четкий, последовательно выдержанный принцип их организации⁷³ Ни один из указанных выше в сносках сборников забавных историй и анекдотов не несет никаких специфических признаков, которые давали бы основание считать его источником рассказов Новикова, имеющих в нем сюжетные и текстуальные соответствия, некоторые определенно им не являлись⁷⁴ Но в том, что такие книги были, сомнений, кажется, не осталось, а опыт подобных разысканий подсказывает, что их не могло быть много В силу внешних обстоятельств их поиск был ограничен петербургскими библиотеками, где их найти не удалось, будем надеяться, что в этих ли богатейших книгохранилищах, или в каком-либо другом рано или поздно кому-нибудь повезет больше

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

- ДН — Доброе намерение 1764 Январь—декабрь (Ссылки в тексте с указанием месяца и страницы)
- Н — [Новиков И В] Похождение Ивана гостиного сына, и другие повести и сказки СПб, 1785–1786 Ч 1–2 (Ссылки в тексте с указанием части римской цифрой и страницы — арабской)
- Опыт указателя сюжетов — Malek E Русская нарративная литература XVII–XVIII веков (Опыт указателя сюжетов) Łódź, 1996
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов Восточнославянская сказка / Сост Л Г Бараг и др Л, 1979
- Указатель сюжетов — Malek E Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII–XVIII вв Łódź, 2000 Т 1
- АТ — The types of the folktale A classification and bibliography A Aarne's Verzeichnis der Marchentypen / Tr and enl by S Thompson 2^d ed Helsinki, 1964
- Contes a rire 1781 — Contes a rire, ou Recreations françoises Nouv ed, corr et augm Lille, 1781 Т 1–3 (В большей части (до Т 3 Р 72) повторяет содержание и последовательность сборника «Recreations françoises»)
- Contes a rire 1881 — Contes a rire et aventures plaisantes ou Recreations françoises Nouv ed, rev et corr, avec pref par A Chassant Paris, 1881
- Corrozet 1556, 1560 — Corrozet G Les divers propos memorables des nobles et illustres hommes de la Chrestiente Paris, 1556, Lyon, 1560
- Exilium melancholiae — [Lehmann C] Exilium melancholiae, Das ist Unlust Vertreiber Aufs Ludovici Garon Franzosischen Tractat Le Chasse Ennuy und andern guten Authorn colligirt Straßburg, 1669

⁷³ См Рак В Д Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века СПб, 1998 С 97–115

⁷⁴ См сноску 63

- Favoral — Favoral Les contes et discours facetieux, recueillis par le sieur Favoral, où sont plusieurs rencontres subtiles pour rire en toutes compagnies Paris, 1615
- Garon 1641, 1652 — *Garon L.* Le chasse-ennuy ou Honneste entretien des bonnes compagnies Divise en cinq centuries Paris, 1641, Rouen, 1652
- Histoires 1673 — Histoires plaisantes et ingenieuses Recueillies de plusieurs bons auteurs grecs, latins, espagnols et françois Paris, 1673
- Kurtzweilige Historicus — Hilarius Sempiternus Der kurtzweilige Historicus Cosmopoli, 1731
- Nouveaux contes 1709 — Nouveaux contes à rire, et aventures plaisantes de ce tems, ou Recreations françoises Nouv ed, augm et corr Cologne, 1709
- Ouville Contes 1651 — *Ouville A d* Contes aux heures perdues Paris, 1651 Pt 1
- Ouville L'elite 1669, 1671, — *Ouville A d'* L'elite des contes Paris, 1669 Pt 2, [S 1], 1671 Pt 2, Augm en cette ed Rouen, 1699 Pt 1-2, La Haye, 1703 Pt 1-2
- Pfeffel — [*Pfeffel G K*] Magasin historique pour l'esprit et le coeur Nouv ed Strasbourg, 1768 Pt 1-2
- Recreations françoises — Les recreations françoises, ou Recueil de contes a rire, pour servir de divertissement aux melancholiques, et de joyeux entretien dans les cours, les cercles et les ruelles Paris, 1658 Pt 1-2 («Les Recreations françoises» представляли собою выборку из собрания *Ouville A d'* Contes aux heures perdues Paris, 1643 1 vol, Paris, 1644 T 1-4 (см *Cioranescu A* Bibliographie de la litterature française du dix-septieme siecle Paris, 1966 T 2 P 1260 № 42329, *Lever M* La fiction narrative en prose au XVIIeme siècle Repertoire bibliographique du genre romanesque en France (1600-1700) Paris, 1976 P 360))
- Reveille-matin — Le facecieux reveille-matin des esprits melancholiques, ou Remede preservatif contre les tristes Rouen, 1673
- Roger Bontemps 1708, 1734 — Roger Bontemps en belle humeur Donnant aux tristes et aux affligez le moyen de chasser leurs ennuis, et aux joyeux le secret de vivre toujours contens / Par M*** Cologne, 1708 T 1-2, Cologne, 1734 T 1-2
- Rotunda — *Rotunda D P* Motif-index of the Italian novella in prose Bloomington, 1942
- TM — *Thompson S* Motif-index of folk literature A classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, mediaeval romances, exempla, fabliaux, jest books and local legends Rev and enl ed Copenhagen, 1955-1958 Vol 1-6
- Tresor 1625, 1638 — Tresor des recreations, contenant histoires facetieuses et honnêtes Douay, 1625, Rouen, 1638
- Tubach — *Tubach F C* Index exemplorum A handbook of medieval religious tales Helsinki, 1969

Е. Б. МОЗГОВАЯ, К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

**ИДЕИ И. И. ВИНКЕЛЬМАНА И ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ
ХУДОЖЕСТВ В XVIII СТОЛЕТИИ***

Учреждение в Петербурге Императорской Академии художеств, последовавшее в результате высочайшего указа от 6 ноября 1757 года,¹ было одной из важнейших государственных мер, направленных на преодоление культурного отставания, болезненно ощущавшегося русскими в первой половине XVIII века. Из доношения Московского университета (текст его, по всей видимости, был составлен И. И. Шуваловым), представленного в Сенат, явствует, что отсутствие собственных мастеров, приводившее к зависимости от мастеров иностранных,² было источником патриотической озабоченности русских вельмож, претворявших в жизнь идеалы просвещенного абсолютизма:

«...Необходимо должно установить Академию художеств, которой плоды когда приведутся в состояние, не только будет славою здешней Империи, но и великою пользою казенным и партикулярным работам, за которые иностранные посредственного знания, получая великие деньги, обогатятся, возвращаются, не оставя по сие время ни одного русского ни в каком художестве, который бы умел что делать».³

Им куратор Академии художеств И. И. Шувалов, и его фактотум А. Ф. Кокоринов стремились к тому, чтобы ученики Академии в наикрат-

* Предварительную частичную разработку этой темы см.: *Lappo-Danilevskij K. Die Anfänge der Winckelmann-Rezeption in Rußland // Zeitschrift für slavische Philologie. 1999. Bd. 58. H. 2. S. 293–311.*

¹ О проектах создания аналогичного учебного заведения еще в Петровскую эпоху см.: *Гаврилова Е. И. О первых проектах Академии художеств в России // Русское искусство XVIII — первой половины XIX века. Материалы и исследования / Под ред. Т. В. Алексеевой. М., 1971. С. 219–228.*

² Справедливости ради отметим, что уже с начала XVIII века во всех русских контрактах, заключавшихся с иностранными архитекторами, живописцами, скульпторами, граверами и т. п., непременно присутствовало условие подготовки ими русских мастеров. Так, у Адриана Шхонебека учились братья И. Ф. и А. Ф. Зубовы, у О. Эллингера — И. М. Махаев, у И. Ф. Дункера — Михаил Павлов, у П.-А. Ротари — И. П. Антропов и т. п.

³ Об учреждении в С.-Петербурге Академии художеств // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. XIV. С. 806. С учетом опыта первых лет существования Академии ее жизнь вскоре подверглась дальнейшей регламентации, см.: *Привилегия и устав императорской Академии трех знатнейших художеств, живописи, скульптуры и архитектуры с воспитательным при оной Академии училищем. СПб., 1764.*

чайший срок достигли уровня мастерства их европейских собратьев. Первоначально предпочтение отдавалось французским учителям. В первые годы существования Академии в числе ее преподавателей находим скульптора Н.-Ф. Жилле, архитектора Ж.-Б. М. Валлен-Деламота, живописцев Л.-Ж. Ле Лоррена, Ж.-Л. Девельи, Л.-Ж. Ф. Лагрена Старшего, С. Торелли и некоторых других.

И И. Шувалов и его единомышленники видели свою задачу не только в том, чтобы организовать учебный процесс, привить питомцам Академии определенные практические навыки или обзавестись необходимыми учебными пособиями и инвентарем, но и в том, чтобы с течением времени их ученики оказались в состоянии воспринять наиболее важные достижения европейской мысли в области теории и истории искусств. Последнее обстоятельство делало неизбежным знакомство в той или иной форме с идеями И. И. Винкельмана, чьи труды после публикации в 1755 году его первой книги «Мысли по поводу подражания греческим произведениям в живописи и скульптуре» были в центре внимания современников.

Ориентация русской культурной элиты главным образом на французское искусство привела все же к тому, что приоритет был изначально отдан французским сочинениям. Первую попытку популяризировать их содержание на русском языке предпринял дипломат и писатель князь Дмитрий Алексеевич Голицын (1734–1803),⁴ состоявший с 1754 по 1768 год русским посланником в Париже, где он завязал дружеские отношения с Вольтером, Д. Дидро, М. Гриммом и другими знаменитостями. В патриотическом порыве, желая содействовать просвещению на родине, он прислал в Академию художеств три компилятивных сочинения:

«О пользе, о славе и прочем художеств» (1766);⁵

«Описание знаменитых произведениями школ и вышедших из оных художников и проч.» (1767–1768);⁶

«О рисунке» (1769).⁷

Остающиеся в рукописи по сию пору, они пользовались известностью в среде преподавателей Академии и стали позднее источником новых компиляций.⁸

Если в связи с первыми двумя компиляциями Голицына вряд ли можно говорить о существенном влиянии идей Винкельмана, то в его кратком сочинении «О рисунке» (1769) оно заметно, что несомненно связано с тем

⁴ См о нем подробнее *Цверева Г К Д А Голицын (1734–1803) Л, 1975, Dulac G. Evdokimova L La Correspondance de Dmitri A Golitsyn (1760–1784) // Dix-huitieme siecle 1990 Nr 22 P 367–400* Реконструкции библиотеки Д А Голицына был посвящен доклад В А Сомова, сделанный 23 ноября 1998 г в Пушкинском Доме

⁵ РГИА, ф 789, оп 1, ч 1, 1766, д 246, л 1–9 об (Датировано 5 ноября 1766 г и прочтено на заседании Совета Академии художеств 8 июня 1768 г)

⁶ Там же, 1806, д 1927, л 1–170 об Известна также писарская копия этого сочинения без вставок на французском и латинском языках там же, д 1926, л 1–115 об Заслуга первого обращения к этому трактату и установление его авторства принадлежит А Л Кагановичу *Каганович А Л* Антон Лосенко и русское искусство середины XVIII столетия М, 1963 С 116–122

⁷ РГИА, ф 789, оп 1, ч 1, 1768, д 368, л 1–8

⁸ См ниже, например, о книге П П Чекалевского «Разсуждение о свободных художествах» (1792) и анонимном «Кратком руководстве к истории свободных художеств» (1794)

успехом, что выпал на долю трудов немецкого историка и теоретика искусств в 1760-е годы. Появление в 1766 году «Истории искусства древности», а вскоре и ее французского перевода⁹ способствовало более широкому знакомству с трудами Винкельмана во всей Европе, а его пресловутая смерть в Триесте в 1768 году усилила интерес к его личности. Хочется отметить, что само название рукописи Голицына («О рисунке») связано с одним из основных вопросов, не перестававших волновать европейскую художественную мысль XVII—XVIII веков и нашедших свое выражение прежде всего в спорах между рубенсистами и пуссенистами. При этом характерно, что в сочинениях Голицына находим ссылки как на сторонников приоритета «dessein» (Ш. Лебрен, Ф. Шампень, А. Фелисьен и др.), так и «coloris» (Роже де Пиль, Ж. Б. Бланшар)¹⁰

Уже в своем первом сочинении «Мысли по поводу подражания греческим произведениям в живописи и скульптуре»¹¹ Винкельман занял недвусмысленную позицию по отношению к важнейшим эстетическим полемикам, волновавшим его современников: 1) о древних и новых,¹² 2) о рисунке и цвете. Уже в начале своего труда он выступил как восторженный поклонник древних и оставался таковым всю жизнь. Знаменитое парадоксальное утверждение, открывающее первую книгу Винкельмана, — это, имплицитно, целая программа.

«Единственный путь для нас сделаться великими и даже, если можно, неподражаемыми — это подражание древним, и сказанное кем-то про Гомера, что тот научается им восторгаться, кто научился его понимать, относится также к произведениям древних, и в особенности греков. Необходимо познакомиться с ними, как с близким другом, для того, чтобы найти Лаокоона столь же неподражаемым, как и Гомера».¹³

Провозглашая античное искусство (и в первую очередь древнегреческую пластику) высочайшим достижением всех эпох и народов, Винкельман закономерно приходил к мысли о том, что античные скульптуры — объект подражания для всех изобразительных искусств, и в том числе для

⁹ Д. А. Голицын, по всей видимости, пользовался следующим изданием: *Histoire de l'art chez les anciens* Par Mr J. Winckelmann. Ouvrage traduit de l'allemand [par G. Sellius et redigé par J. B. R. Robinet] Amsterdam (в действительности — Paris), 1766. Vol 1–2.

¹⁰ Следует отметить, что перевод одного из сочинений Р. де Пилля, выполненный А. М. Ивановым (русское название — «Понятие о совершенном живописце, служащее основанием судить о творениях живописцев» — СПб, 1789), пользовался значительно меньшей популярностью, чем сочинения И. И. Виена и П. П. Чекалевского (о них ниже), как явствует из просьбы А. М. Иванова приобрести у него нераспроданные 368 экземпляров за одну пятую первоначальной цены (50 копеек вместо 2 руб. 50 коп. за шесть лет до этого, общий тираж вряд ли превышал 500 экземпляров). См. О купленной книге от академика Архипа Иванова под названием «Понятие о совершенном живописце» (РГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 1, д. 1206, 1795, л. 1–2).

¹¹ *Winckelmann J. J. Gedanken über die Nachahmung der griechischen Werke in der Malerey und Bildhauerkunst*. Dresden, Leipzig, 1756 (Здесь и далее использовались репринты первоизданий, осуществленных в серии «Studien zur deutschen Kunstgeschichte») Книга вышла в 1755 г. тиражом 30 экземпляров и была переиздана через год.

¹² См. подробнее *Käfer M. J. J. Winckelmann — ein Ancien? // Winckelmann J. J. Neue Forschungen Eine Aufsatzsammlung*. Stendal, 1990. S. 73–78.

¹³ *Винкельман И. И. Избранные произведения и письма*. Перевод А. А. Алявиной / Вступ. ст. и ред. Б. Шибышевского. М., Л., 1935. С. 86.

живописи. Древние греки, изучив природу, свершили таким образом необходимый синтез, и, подражая античным скульптурам, можно скорее приблизиться к прекрасному, к идеальной красоте, чем если избрать путь подражания природе. Четкий рисунок, изящная линия, благородный контур — наиважнейший итог этого ученичества:

«Если бы подражание природе и могло дать художнику все, то он во всяком случае не мог бы у нее позаимствовать правильность контуров; ей можно научиться только у греков.

Благороднейший контур в греческих фигурах объединяет или очерчивает все части прекраснейшей природы и идеальной красоты; или, лучше сказать, он — высшее понятие в обеих». ¹⁴

Более детально разработанное учение о красоте, занимающее в эстетике Винкельмана центральное место и столь важное для темы данной статьи, находим в его «Истории искусства древности». Объявляя красоту «высшей конечной целью и средоточием искусства» («Die Schönheit, als der höchste Entzweck und als der Mittelpunkt der Kunst»¹⁵), Винкельман наставляет на ее идеальной, божественной природе: ¹⁶

«Бог есть высшая красота, и понятие о человеческой красоте будет тем совершеннее, чем более мы его мыслим соответствующим и совпадающим с высшим существом, которое отличается для нас от материи понятием единства и неделимости. Это понятие о красоте подобно духу, возникшему из материи, прошедшему через огонь и стремящемуся породить тварь, созданную по образу и подобию первого разумного существа, задуманного божественным разумом. Формы такого образа просты и непрерывны и в этом своем единстве многообразны, а вследствие этого и гармоничны». ¹⁷

При создании красоты художнику открыто два пути — или изображать прекрасного индивидуума (найти безусловно прекрасного человека, по мнению Винкельмана, весьма затруднительно), или следовать идеальному представлению, выработанному в результате созерцания многих людей и произведений искусства:

«Образование красоты может быть индивидуальным, то есть направленным на единичное, или представлять собой подбор прекрасных частей, взятых у многих разных индивидуумов, и объединение их в единое целое, которое мы называем идеальным. Образование красоты началось с индивидуально прекрасного, как подражание какому-либо предмету, даже при изображении богов; мало того, в самый расцвет искусства богинь делали по образу и подобию прекрасных женщин, даже из тех, которые всем и за мзду расточали свое благоволение». ¹⁸

¹⁴ Там же. С. 103.

¹⁵ Winckelmann J. J. Geschichte der Kunst des Alterthums. Erster Teil. Dresden, 1764. S. 142.

¹⁶ Именно поэтому Гёте видел в идеях Винкельмана своеобразную религиозность: «Ему мерещится своего рода самобытная религия, по которой, впрочем, Бог является первоисточником прекрасного и не имеет почти никаких иных отношений к человечеству» (Гёте. Наброски к характеристике Винкельмана // Винкельман И. И. Избранные произведения и письма. С. 640).

¹⁷ Винкельман И. И. Избранные произведения и письма. С. 282.

¹⁸ Там же. С. 284.

Именно древнегреческие скульпторы поднялись впервые до этого синтеза:

«Природа, однако, и строение самых прекрасных тел редко бывают без недостатков, и в нем встречаются формы или части, которые в более совершенном виде можно найти или представить себе в каком-либо другом теле. На основе этого опыта эти мудрые художники поступали подобно искусному садовнику, прививаемому к одному стволу черенки разных благородных пород; и подобно тому как пчела собирает мед со многих цветов, так и у греческих художников понятия о красоте не ограничивались только индивидуальными ее проявлениями, как это иногда бывает у древних и новейших поэтов и у большинства современных художников; они стремились, напротив, объединить в одно целое прекрасные части многих прекрасных тел. Они устранили из своих произведений всякие проявления личного вкуса, отвращающего наш ум от истинно прекрасного».¹⁹

Краткое сочинение «О рисунке» Голицын начинает с оценки роли Дедала, имеющей аналог в «Истории искусства древности» Винкельмана и восходящей в конечном счете к Павсанию.²⁰ Переходя к общему описанию последующих достижений древнегреческого искусства, Голицын излагает свои представления о прекрасном, которые, как две капли воды, схожи с рекомендациями Винкельмана:

«Тогда красота не была уже более подданна простому подражанию, никогда до совершенства оригинала не доходящего. Дабы копия могла равное действие произвести, должно ей некоторые преимущества над моделями дать. И так художники, приметя, что натура весьма скупко совершенствами своими нас одаряет, что ее дары в разных частях тела рассеяны, воспользовались оным разделением, соединили в одном предмете все рассеянные оные красоты и из недостаточного подражания достигнули до красоты единственно мнением нашим изображающим.

Разные модели служили греческим живописцам для сочинения одной фигуры. В оную употребляли они стан Фринейн, грудь Файсову, лицо Глисерино и пр. Воображение их набогащалось, а вкус процветал беспрепятственным зрением на красоту, и хотя они подражателями были, что касается до разных частей, соединению всех оных были они, однако ж, вымышленники. И действительно, естли посмотрим мы, сколько должно иметь вкусу и рассуждения в соединении сих разных частей таким образом, чтоб оно произвело сочинение с натурою сходственное и нам милое, работе их довольно чести невозможно воздать.

Древние авторы и поэты признали превосходность мнимой красоты над натурою».²¹

Неразработанность искусствоведческой терминологии в русском языке XVIII столетия побудила Голицына сделать к выражению «мнимая красота» следующее пояснение: «Разуму нашему воображающей. Beauté idéale». Это примечание проливает свет и на то, что имелось в виду под «мнением изображающим» — Голицын (или его переводчик) мучительно

¹⁹ Там же. С. 288.

²⁰ *Winckelmann J. J. Geschichte der Kunst des Alterthums. S. 7.*

²¹ РГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 1, № 368, л. 1–1 об.

подыскивал в русском языке термин для «*Beauté idéale*»²² (в немецком оригинале Винкельмана — «*die idealische Schönheit*»).

Развивая далее свои мысли, Голицын восторженно упоминает «Аполлона Бельведерского», «Венеру Медичи» из Уффици, «Гладиатора» из Виллы Боргезе, группы Лаокоона и Ниобы, т. е. именно те скульптуры, бывшие в центре внимания Винкельмана в «Истории искусства древности» (да, впрочем, и в других его сочинениях) и признанные им наиболее совершенными произведениями античного искусства.²³ Благодаря его авторитету они во второй половине XVIII века приобрели статус эталонов, копировавшихся во всех европейских академиях и привлекавших внимание путешественников (ср. также их частые изображения на живописных полотнах — в частности, у П. Батони). Заслуживает внимания противопоставление Голицыным Рафаэля Микеланджело (как известно, Винкельман чем далее, тем более критиковал второго из них, подчеркивая искусственность поз его скульптур):

«Одним словом, чрезмерная разнота есть между движениями, натурой возбужденными или хитростию произведенными. Древние в том уверены были, и от того происходит отменная та простота, коя сочинении их составляет. Рафаэль успешно в оной части древним подражал, в доказательство чему может служить, между прочим, картина его Святыя Цецилии. Он избежал со тщанием притворные сопротивления Микел-Анжела и насильственные постановления Гвидовы».²⁴

В «Истории искусства древности» Винкельман особенно подробно остановился на том, какое положение занимали художники в греческом полисе (ср. главу «*Von der Achtung der Künstler*»), сколь важную роль в этом обществе играла личная свобода граждан и сколь способствовала она процветанию искусств (глава «*Die aus der Freyheit gebildete Denkungsart*»). Схожие идеи находим и у Голицына, хотя и в значительно более сжатом изложении:

«Греческие статуишки не довольствовались быть художниками: разум их, подкрепленный воспитанием, процветанный наукою, был сверх того украшен еще светским обхождением. Они были друзья философов, ученых людей, знатных особ и ровные тем, для кого работали, и действительно вкус их к наукам и вольность душевная во всех их сочинениях ощущаются».²⁵

²² Ср. в первом французском переводе «Истории искусства древности» название главы «*Formation de la beauté idéale*» (*Histoire de l'art chez les anciens* Par Mr J. Winckelmann T 1 P. 261–276)

²³ Это не обширные аналитические описания, как у Винкельмана, а, скорее, восторженные краткие упоминания, как например в этом случае. «...взгляните на удивительные пропорции, на силу штиля Лаокоона и Борца (во франц. варианте текста «*Gladiateur*» — *Е М, К Л-Д.*), на сильное выражение и божественный характер Аполлона, на приятности Медиской Венеры! Когда рисунок соединяет приятность и красоту с характером, далее уже совершенство распространить не может» (там же. Л. 1 об.).

²⁴ Там же. Л. 7–7 об. Ср. суждение Винкельмана о Гвидо Рени в статье «О способности чувствовать прекрасное в искусстве» (1763). «Гвидо Рени не ровен ни в рисунке, ни в выполнении; он понимал красоту, но не всегда был способен достигнуть ее» (*Винкельман И И Избранные произведения и письма*. С. 246).

²⁵ Там же. Л. 7 об.

В заключение рассуждения Голицын не вполне мотивированно писал о сходстве ситуации в Древней Греции и в Российской империи²⁶ и выражал уверенность, что русские художники достигнут необходимого совершенства в рисунке «благодаря неусыпным трудам Ея Императорского величества о благополучии и славе Ея империи» и «беспрестанному старанию его превосходительства» президента Академии художеств

В кратком сочинении Голицына находим также латинские цитаты из Плиния, Овидия, Сенеки, свидетельствующие о его обращении к латинским первоисточникам, несомненно, пользовался он и какими-то французскими трудами по истории искусств. Однако изложение им на первых листах учения Винкельмана об идеальной красоте и о задачах художника, заключающихся в ее постижении и воплощении, позволяет говорить о значительном влиянии идей Винкельмана на русского писателя-дипломата в 1760-е годы

* * *

Длительное, почти непрерывное пребывание Винкельмана в Риме (с 1755 по 1768 год) и возникшая здесь под его влиянием художественно-интеллектуальная среда привели к примечательному перерасположению культурных сил на европейской карте. Это произошло не только из-за того, что наиболее авторитетный немецкий историк и теоретик искусства, пойдя на компромисс с католической метрополией, оказался в непосредственной близости от обожаемых им древностей и получил великолепные возможности для своих штудий и реализации творческих замыслов, но также и по той причине, что в Риме он обрел и меценатов, и друзей-единомышленников (в первую очередь нужно назвать А. Р. Менгса²⁷), с помощью которых стал пропагандировать свои взгляды на искусство, утверждать в сознании современников собственную систему ценностей и противодействовать влиянию столь нелюбезных его сердцу французов. Интеллектуалы всей Европы, традиционно отправлявшиеся в Италию для завершения или углубления образования, неизбежно знакомились здесь с кем-либо из многочисленных почитателей Винкельмана (а нередко и с ним самим), что еще в большей мере способствовало популярности идей немецкого мыслителя.

Для русских одним из таких посредников был Иоганн Фридрих Рейфенштейн (1719–1793). Сопровождая молодого датского аристократа, он в 1762 году приехал в Рим и не смог более покинуть вечный город. Здесь же окрепли его дружеские отношения с Винкельманом. Вскоре Рейфенштейн вступил в русскую дипломатическую службу и в течение последующих тридцати лет был неутомимым чичероне для многих русских, посещавших Рим. Собиратель древностей, прекрасный знаток итальянских

²⁶ Ту же мысль утверждали в своих сочинениях А. М. Иванов, И. И. Виен, П. П. Чекалевский (см. ниже).

²⁷ Имя Менгса было широко известно в художественных кругах России, его произведения закупались Екатериной II, а подготовительный картон к его наиболее значительному произведению «Парнас» (1761) лег в основу скульптурного рельефа, украшающего фронтон Академии художеств в Санкт-Петербурге. О русских связях Менгса см. подробнее Антон Рафаэль Менгс. Каталог выставки. К двухсотлетию со дня смерти художника / Сост. Н. Н. Никулин, Л. Н. Целищева, А. С. Гуковская-Кантор, Н. И. Стадничук. Л., 1981.

достопримечательностей, художник-дилетант, он был избран 7 января 1771 года почетным членом Петербургской Академии художеств в Риме и исполнял ее разнообразные поручения (от закупки картин и скульптур до опеки над пенсионерами Академии).²⁸ Карл Юсти, создавая биографию Винкельмана, цитировал его характеристику Рейффенштейна: «...теперь в мелочах, предпринимает многое и ничего не доводит до конца».²⁹

Географическая близость пенсионеров Академии художеств к Винкельману и его окружению была причиной предположений (и порой весьма поспешных) о влиянии его идей на молодых русских художников. Однако еще А. Трубников, впервые ставший детально изучать эту тему, сожалел о скудости сохранившихся источников и содержащейся в них информации.³⁰

Тем знаменательнее, что через все журналы и отчеты пенсионеров, описавших Рим во второй половине XVIII века, красной нитью проходит мысль о необходимости учиться у античных статуй, признанных под влиянием Винкельмана эталонными; Бельведерский дворец, где они были выставлены, посещался и описывался питомцами Академии художеств в первую очередь (см. отчеты М. И. Козловского,³¹ А. М. Иванова,³² Ф. Ф. Щедрина³³). Свидетельством переворота в воззрениях, вызванного встречей с памятниками древнего ваяния, может, как кажется, служить коллективный «Рапорт Архипа Иванова, Михаила Иванова и Ивана Бельченкова», посланный в 1773 году из Рима в Петербург:

«С рачением рассматриваем, сколько возможность позволяет, оные вещи, которых долговременное учение и подражание делает искусных художников, что теперь нас весьма в оном мнении подтверждает: прежде мы думали, как и много протчих, что и без них можно достичь до совершенства, имея хорошее наставление от мастера, соединя к неусыпным трудам и непрерывному учению природы. Но теперь видим, что мы весьма ошибались и что она самая натура нас ослепляет, будучи столь часто различна и имея в себе без сравнения более худого, нежели той красоты, которую антики столь счастливо в своих работах показали».³⁴

²⁸ Русские контакты Рейффенштейна, избранного почетным академиком Академии художеств в 1780 г., заслуживают более детального анализа с использованием «Дела о господине почетном академике и комиссионере Рейффенштейне», апр. 1771 — 8 ноября 1784 г. (РГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 1, д. 436).

²⁹ «...„der ehrliche Reiffenstein“, meint Winckelmann, „verliert sich in Kleinigkeiten, unternimmt vieles und bringt nichts zu Ende“» (*Justi C. Winkelmann und seine Zeitgenossen*. Leipzig, 1898. Bd. 3. S. 262).

³⁰ См.: *Трубников А. 1) Пенсионеры Академии художеств в XVIII в. // Старые годы*. 1907. Июль–сентябрь. С. 49–356; 2) *Первые пенсионеры императорской Академии художеств // Там же*. 1916. Апрель–июнь. С. 67–92. Из последних работ укажем: *Галовенкова Р. В. 1) Пенсионеры-живописцы Академии художеств в XVIII веке // Вопросы художественного образования*. Л., 1974. Вып. VII. С. 73–83; 2) *И. И. Шувалов и пенсионерство в Императорской Академии художеств // И. И. Шувалов (1727–1797): Просвещенная личность в Российской истории*. СПб., 1998. С. 43–47.

³¹ Мастера искусства об искусстве: Избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов: В 7 т. / Под общ. ред. А. А. Губера, А. А. Федорова-Давыдова, И. Л. Маца, В. Н. Гращенкова. М.; Л., 1969. Т. 6. С. 98.

³² Там же. С. 111.

³³ Там же. С. 136.

³⁴ Там же. С. 111.

Если художники-пенсионеры стремились в первую очередь к усвоению практических навыков, то представители русской аристократии и европеизированного дворянства, посещавшие Италию, были в большей степени расположены к восприятию новейших эстетических доктрин.

В этом отношении в высшей степени важна фигура И. И. Шувалова. После вступления на престол Екатерины II в июне 1762 года присутствие бывшего фаворита царицы Елизаветы Петровны в пределах российского государства стало для высшей власти весьма нежелательно. Опальный вельможа отправляется в апреле 1763 года за границу, где проводит 14 лет. Посетив Париж и Лондон, он поехал в Италию, где прожил около 8 лет сряду. Вполне возможно, что весной 1768 года состоялось его личное знакомство с Винкельманом, ибо в этом году Шувалов осматривал римские достопримечательности вместе с президентом Российской Академии наук графом К. Г. Разумовским и его сыном Алексеем.³⁵ С сопровождавшим их гувернером сего последнего, литератором Людвигом Генрихом Николаи (1737–1820), Винкельман познакомился лично, как явствует из двух его не так давно опубликованных писем.³⁶

К сожалению, из всего эпистолярного наследия Шувалова этих лет опубликована небольшая часть писем к сестре, княгине Прасковье Ивановне Голицыной. Художественные интересы брата были ей чужды, и из писем к ней мы узнаем главным образом о разнообразных деталях итальянского быта, а не о сфере его интеллектуальных интересов. Почти обмолвкой выглядит его признание в письме от 9 июня 1770 года, где он кратко отзывается о римских достопримечательностях и своей к ним любви:

«Я приехал сюда, с новым удовольствием смотрю все редкие и удивительные вещи, которые уже несколько раз видел. В сем роде сей город единственный строение, статуи, картины, которым подобных нигде нет».³⁷

Из следующего письма от 20 октября 1770 года можно составить некоторое представление о круге тамошних знакомых Шувалова:

«Здесь в Риме, как я и прежде писал, веселиев, забав нет; но жизнь весьма спокойная, моя охота к художествам и обхождение с иностранцами и с малою частию здешних господ — все мое удовольствие. <...> Иностранцы между собою живут просто, и лутче время препровождают; и все разных народов иностранцы в Риме между собою обходятся, нежели с обитателями, теперь множество агличан приехало, как обыкновенно к зиме бывает».³⁸

Из других источников известно, что Шувалов хотел создать в Риме особую академию для русских художников по французскому образцу, но

³⁵ Heier E. L. H. Nikolay (1737–1820) The Hague, 1965 S 27

³⁶ Rudiger H. Eine verlorene Schrift Winckelmanns? Zwei Briefe Winckelmanns an Ludwig Heinrich Nikolay // Antikrezeption, Antikeverhältnis, Antikebegegnung in Vergangenheit und Gegenwart Stendal, 1983 S 303–322 (Schriften der Winckelmann-Gesellschaft, Bd VI/II)

³⁷ Письма И. И. Шувалова к сестре его родной, княгине П. И. Голицыной // Москвитянин 1845 Ч V С 60

³⁸ Там же

не нашел поддержки в Петербурге. Он способствовал также тому, что с лучших римских, флорентинских и неаполитанских статуй были сняты формы. Вскоре они были посланы в Петербург, где по ним были исполнены гипсовые отливки, использовавшиеся в процессе обучения Академии художеств. Сам подбор скульптур для копирования (это и наиболее известные, использовавшиеся в учебном процессе европейских академий образцы, и открытые незадолго до того памятники) отражает систему приоритетов, которую развивал в своих трудах Винкельман, — достаточно упомянуть о том, что из 70 отливок, составивших академическую коллекцию, более 40 упоминалось или анализировалось в его трудах.³⁹

Весьма существенны контакты Винкельмана и его окружения с могущественным кланом графов Воронцовых. В феврале 1764 года в Риме ожидался приезд российского канцлера М. И. Воронцова, о готовящемся знакомстве с которым Винкельман сообщал в своих письмах Ф. Р. Бергу и барону И. Г. Ризеделю.⁴⁰ Известно также, что его племянник граф С. Р. Воронцов приобрел во время пребывания в Италии в 1778 году двухтомное издание Винкельмана.⁴¹ Его родная сестра — племянница канцлера княгиня Дашкова — посетила Италию вместе с сыном в 1781 году. Здесь она познакомилась с кругом людей, биографически близких к Винкельману. Многие из них в той или иной степени были связаны с русским двором и пользовались известностью среди европейских интеллектуалов XVIII столетия — французский поэт и дипломат кардинал Франсуа Берни, шотландский художник Гевин Гамильтон, испанский дипломат и литератор Х. Н. д'Азара, преподнесший ей торжественно сочинения Винкельмана.⁴² Во время личной встречи с Папой Пием VII одной из тем бесед стали художественные собрания Ватикана, объединенные в 1771–1794 годах в Пио-Клементинском музее.

«Папа долго как любитель и знаток рассказывал мне о драгоценных памятниках искусства в Риме. Он первым подумал об основании музея в Ватикане, где собрал много чудесных статуй, ваз, картин и т. д. и т. д.»⁴³

Далее Е. Р. Дашкова описывала свое и сына времяпрепровождение в Риме, типичное и для других русских посетителей Вечного города.

«В 8 часов утра, а иногда еще и раньше, мы в экипажах ездили осматривать шедевры искусства в городе либо в окрестностях. Обычно поездки продолжались часов до трех, затем я спешила закончить обед, так как

³⁹ См. Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования / Под ред. П. Н. Петрова. СПб., 1864. Т. 1. С. 196–198; *Busiri Vici A L'erudito della corte Russa del settecento*, Ivan Ivanovitch Schuvaloff, ed. i suoi rapporti con Roma // *L'urbe Nuova serie* Nr 6. Nov-Dic 1976. P. 39–52.

⁴⁰ *Winckelmann J. J. Briefe / In Verbindung mit H. Diepolder hrsg. von W. Rehm*. Berlin, 1956. S. 17, 22.

⁴¹ *Шлыкова М. Э. Итальянское путешествие графа С. Р. Воронцова (1775–1776) // Воронцовы — два века в истории России. Материалы Пятых Воронцовских чтений, посвященных 190 летию со дня смерти А. Р. Воронцова (11–12 окт. 1995 г., г. Владимир) / Сост. и ред. В. Н. Алексеев. Петушки, 1996. Вып. 2. С. 63. Речь шла о кн. *Winckelmann G. Monumenti antichi inediti*. Roma, 1767. Vol. I–II.*

⁴² *Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под общ. ред. С. С. Дмитриева, сост. Г. А. Веселая М., 1987. С. 135.*

⁴³ Там же. С. 132.

вскоре приезжали художники на чашку китайского чая, который мне присылали с каждым курьером из России»⁴⁴

Связанный с Воронцовыми родственными узами, В Н Зиновьев описание своего дня в Риме 12/23 февраля 1785 года начал со знаменательной фразы «Утро провел за чтением Винкельмана»⁴⁵ Речь шла, как кажется, об «Истории искусства древности» В начале июля того же года он переслал эту книгу своему другу и свойственнику С Р Воронцову, выразив желание, чтобы она ему, как и несколько других книг, понравилась⁴⁶

Для темы данной статьи важно упоминание итальянской поездки поэта и архитектора Н А Львова, избранного членом Академии художеств 8 января 1787 года Выполняя курьерское поручение, он посетил в мае — июле 1781 года Неаполь, Рим, Ливорно, Пизу, Флоренцию, Болонью, Венецию и через Вену возвратился в Россию На обратном пути в Ливорно он начал вести дневник, где почти исключительно описываются произведения искусства Суждения Н А Львова обнаруживают глубинную связь с системой ценностей, пропагандировавшей Винкельманом, что стало объектом специального рассмотрения в предисловии к его дневнику⁴⁷ Известно о встречах Н А Львова в Риме с И Ф Рейфенштейном, в Вене — с гравером-каталогизатором Кристианом фон Мехелем (1737–1817), входившими в ближайшее окружение немецкого теоретика искусств Беседы с ними, обмен мнениями, апелляция к соответствующим сочинениям незадолго до того умерших Винкельмана и Менгса могли лишь укрепить Н А Львова в избранной системе взглядов на историю европейского искусства В дневнике вскользь упомянуты банкир-антиквар Томас Дженкинс (ок 1720–1798) и художник Кристоф Унтербергер (1732–1798), принадлежавшие к тому же кругу, однако неясно, познакомился ли русский путешественник с ними лично или слышал о них

Таким образом, в России к 1780-м годам складывается круг людей, вступивших в непосредственный контакт с ближайшим окружением Винкельмана, скончавшегося в 1768 году, и способных в той или иной степени содействовать распространению его идей у себя на родине В связи с этим заслуживает внимания следующий эпизод 1 июня 1780 года в Совете Академии художеств был обсужден «полученной из Геттингена экземпляр похвал в честь покойного Винкельмана, сочинения г-на надвального советника и геттингенского университета секретаря Христиан Готтлиб [sic!] Гейна»⁴⁸ За это сочинение он был удостоен звания почетного члена Академии

⁴⁴ Там же С 132

⁴⁵ Журнал путешествия В Н Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии // Русская старина 1878 Т XXIII, ноябрь С 402

⁴⁶ Там же С 414

⁴⁷ *L'ov N A Italienisches Tagebuch Ital'janskij dnevnik / Hrsg und kommentiert von K Yu Lappo-Damilevskij* Koln, Weimar, Wien, 1998 S 33–40

⁴⁸ Сборник материалов для истории Императорской С -Петербургской Академии художеств Т I С 141, 235, 237 Речь шла о сочинении геттингенского профессора элоквенции Христиана Готлоба Гейне (1729–1812) *Heyne Ch -G* Lobschrift auf Winckelmann Kassel, 1778 (впоследствии переведено на франц и итал языки, неоднократно перепечатывалось)

О продолжении знакомства с идеями Винкельмана в России можно судить по трактату Ивана Ивановича Виена «Диссертация о влиянии анатомии в скульптуру и живопись», опубликованному в Петербурге в 1789 году «в пользу питомцев Санкт-Петербургской Академии художеств».⁴⁹ Биография Виена (1747–1809), врача-эпидемиолога, стремившегося преподавать в Академии художеств, восстановлена не так давно по архивным источникам.⁵⁰ В историю русского искусствоведения Виен вошел как автор единственного сочинения.

В посвящении «Диссертации» И. И. Бецкому, президенту Академии художеств с 1764 по 1794 год, он писал о том, что предпринял свой труд «для пользы юношества, воспитываемого под благотворящею Вашею сению, в Академии художеств», и о том, что единственным счастьем для него было бы заслужить «почтеннейшее покровительство».⁵¹

Структура трактата весьма проста: он состоит из общего введения (с. 1–12), двух частей, в которых доказывалась важность анатомии для скульптуры (с. 12–35) и для живописи (с. 35–71), и заключения (с. 71–85). Эклектический характер сочинения Виена оказался в значительной степени предопределен тем, что он на протяжении всего трактата стремился доказать идею, бывшую для его европейских современников (да, пожалуй, и для многих русских) давно очевидной, — она заключалась в том, что скульпторы и живописцы должны быть сведущи в анатомии. Ища аргументов, Виен свободно черпал из разнообразных западных источников (главным образом французских), добросовестно указывая их в многочисленных сносках; это сочинения В. Варбуртона, К. А. Ватле, аббата Ж. Б. Дюбо, графа А. К. Ф. Кейлюса, Ш. Лебрена, Р. Покока, аббата Ж. Ришара, аббата Ж. Р. Петити, Р. де Пиля, аббата К. Салье и др.

Особый интерес представляют теоретические соображения, изложенные И. И. Виеном в предисловии. Первая из волнующих его проблем — это сравнительная ценность природных способностей и правил, усваиваемых в процессе обучения. Приоритет отдается «врожденному разуму, одаренному тонким вкусом и пылким воображением, сим даром небес, которого человеческое искусство влиять не может». Правила хотя и вторичны, но играют важную роль, ибо совершенствуют вкус и способствуют некоему «украшению природы», которое должен предпринимать художник:

«Словом сказать, правила очищают, устанавливают и совершенно утверждают вкус наш; ибо обнаженная и неукрашенная природа, оставленная сама себе на произвол, имеет в себе обыкновенно, или, лучше сказать

⁴⁹ Виен И. И. Диссертация о влиянии анатомии в скульптуру и живопись. Объясненное доказательством, извлеченными из преданий искусства и из самой опытности, по существующим творениям славнейших художников протекших веков и наших времен. СПб., 1789.

⁵⁰ Мозговая Е. Б. Материалы к биографии Ив. Ив. Виена // Русское искусство Нового времени. М., 1998. С. 6–16.

⁵¹ Второе издание «Диссертации» Виена (Виен И. И. Краткое историческое обозрение скульптуры и живописи... СПб., 1803) было посвящено уже следующему президенту Академии художеств А. С. Строганову.

всегда, нечто дикое и суровое: искусство же, основанное на твердых, разумных и замысловатых правилах, дает ей величие, важность, приятство и красоту...»⁵²

Подражанию природе остается все же наиболее важной задачей всякого художника: «...первым же себе поставить правилом как возможно ближе подражать природе; ибо где оной не видно, там все теряет свое достоинство».⁵³

Далее Виен подробно характеризует сведения, необходимые, по его мнению, живописцу:

«...полное знание в рассуждении расположения предметов, приличествующего костюма, составления групп и их противоположений или контрастов, драпировки и точности рисунка, а особливо относительно к выражению душевных страстей; сверх же сего живописцу надлежит быть еще весьма сведущим и в правилах линейной и воздушной перспективы, чем уже и древние славились, так как и в расцветивании или колорисе и в так называемом тоне, касательно ясности и мрачности теней (*clair-obscur*)...»⁵⁴

На предварительном этапе наибольшего внимания заслуживают также «чертеж или рисунок», «ибо от верного абриса или очертания, т. е. верного означения всех подробностей, зависит, так сказать, творение вообще всех изображений».⁵⁵ Скульптор должен уметь выбирать мрамор и учитывать возможное освещение. Однако все эти навыки можно обрести лишь путем познания столь дорогой сердцу Виена анатомии.

Как видно из вышеизложенного, Виен оперирует главным образом понятиями, выработанными французской эстетикой XVII–XVIII веков, при этом обедняя их, что особенно хорошо видно, когда он пишет о подражании природе и необходимости ее приукрашивания. Принцип «*imitatio naturae*» восходит к теории мимесиса, изложенной Аристотелем первых четырех главах «Поэтики»; в Новое время он вступает в противоречие с принципом подражания древним, столь существенным для классицистов,⁵⁶ и оказывается в центре внимания А. У. Ла Мотта, Ж. Б. Дюбо, Ш. Баттё, Д. Дидро и др. Особенности споры вызвало выдвинутое Баттё утверждение о том, что искусство суть подражание прекрасной природе («*Les arts sont l'imitation de la belle nature*»). Ни имени Дидро, ни имени Баттё, олицетворявших для современников последние достижения французской эстетической мысли, Виен не упоминает, а волновавшие их проблемы предстают в упрощенном виде.

В связи с этим любопытно проследить, как Виен воспринимал идеи Винкельмана, ибо имя немецкого историка и теоретика искусств упоминается в его диссертации чаще, чем чье-либо иное — в общей сложности 23 раза на 86 страницах «Диссертации», главным образом при ссылках на «Историю искусства древности». Как явствует из указаний самого Виена, он пользовался вторым по счету французским переводом этого сочинения

⁵² Виен И И Диссертация о влиянии анатомии в скульптуру и живопись. С. 3

⁵³ Там же. С. 7.

⁵⁴ Там же С. 8–9.

⁵⁵ Там же С. 11

⁵⁶ Knabe P E Schlüsselbegriffe des Kunsttheoretischen Denkens in Frankreich von der Spätclassik bis zum Ende der Aufklärung Dusseldorf, 1972. S. 320–329.

ния, сделанным Гюбером.⁵⁷ Лишь один раз на с. 13 Виен делает следующую сноску, искажая название немецкого труда: «Joh Winck Geschichte des Altertums I Th: I Cap: pag: 7». Что побудило его к этому? Тщетное желание убедить читателя в собственном хотя бы частичном обращении к немецкому оригиналу или иные резоны?

По всей видимости, авторитет Винкельмана в кругах Академии художеств побудил Виена к столь частым и не всегда оправданным упоминаниям имени немецкого теоретика. Это относится прежде всего к первой ссылке на Винкельмана на с. 5; говоря о знаниях, необходимых художнику, Виен поясняет, в чем они состоят:

«В точном постижении общей меты всех свободных наук и художеств, в совершенном познании находящихся в оных красот и коих существенность заключается в прямом выражении .»⁵⁸

Поясняя свое понимание «прямого выражения» Виен отсылает к следующему пассажиру во французском переводе «Истории искусства древности», в котором характеризуется одна из скульптур «высокого стиля» греческого искусства, однако эти отрывки вряд ли можно признать корреспондирующими друг с другом в полной мере:

«Cependant si l'on veut s'en rapporter au jugement de Lucien sur l'art, la statue de l'Amazone Sosandra, de la main de Calamis, étoit une des quatre principales figures de femme, quant à l'expression de la beauté».⁵⁹ («Однако если довериться суждению Лукиана об искусстве, то амазонка Сосандра, изваянная Каламисом, принадлежала к числу четырех главных женских фигур, выразивших идею красоты»).

Если даже обратиться к главе III «De l'expression et des proportions» в Гюберовом переводе «Истории искусства древности», все равно остается неясным, что имел Виен в виду под «прямым выражением».

Виен ссылается на Винкельмана по большей части для подтверждения основных положений собственного сочинения: о стремлении всех народов изображать своих богов (с. 13), о больших художественных достоинствах греческих статуй в сравнении с римскими и этрусскими (с. 22), о лучших греческих скульптурах (с. 26–27), о более раннем развитии вааяния по отношению к живописи (с. 38), о важности находок на Палатинском холме (с. 47) и т. д.

Наибольшая смысловая и текстуальная зависимость от трудов Винкельмана обнаруживается у Виена, когда он пишет о развитии греческой скульптуры (с. 14–21) и сравнивает ее с египетской, финикийской, персидской и этрусской. В обширном примечании на с. 20–21 он в сжатом виде излагает концепцию Винкельмана о четырех стилях античного искусства:

⁵⁷ *Winckelmann J Histoire de l'art de l'antiquite Traduite de l'Allemand par M Huber T I–III Leipzig, 1781* Перевод Гюбера был сделан с венского издания «Истории искусства древности» (1776), выпущенного друзьями Винкельмана после его смерти. Ученые скептически относятся к этой публикации, ибо невозможно установить, что добавлено и изменено самим автором, что — кем-то из его окружения. Именно поэтому перевод Гюбера в процессе работы постоянно сравнивался нами с каноническим дрезденским изданием «Истории искусства древности» (1764).

⁵⁸ *Viene И И Диссертация о влиянии анатомии в скульптуру и живопись С 5*

⁵⁹ *Winckelmann J Histoire de l'art de l'antiquite Vol 2 P 240*

«Известно по преданиям, что было четыре разные стили в греческой скульптуре 1) до времен Фидия, невольный и жесткий, что ясно нам доказывает древняя Паллада, находящаяся в загородном доме Албанов, многими принимаемая за египетскую статую, равно как и барелиев Капитолинский, представляющий трех Баханок и Фавна, 2) от Фидиаса до Праксителя был слог величественный, острый и угловатый, что и свидетельствует Ниоба Медицкая; 3) от Праксителя до Лисиппа и Апелеса, имяновавшийся прекрасным стилем, был мягок, плавлен и пленяющ, 4) [тот] же стиль наконец был слог подражания и купно падения; из чего ясно, что лучшее время скульптуры должно быть помещено между Периклом и Александром Великим. Winckelmann I. c. Tome II. Page 57»⁶⁰

Примечательно, что эпитеты, поясняющие сущность стилей, даются Виеном на основании соответствующих разделов «Истории искусства древности», при этом они не повторяют формулировок Винкельмана, а, скорее, вычлениают из них нечто, по мнению русского сочинителя, наиболее существенное, причем происходят и некоторые смысловые сдвиги.⁶¹

Непоследовательность позиции Виена лучше всего видна на примере оценки столь высоко ставившихся Винкельманом скульптурных групп Ниобы и Лаокоона, о которых русский сочинитель неоднократно отзывался в «Диссертации» с похвалой (с 19–20, 26, 30–31, 57–58,⁶² 72–73) На с 30 Виен внезапно обращается к проблематике знаменитого спора о древних и новых, становясь на сторону последних, и вслед за Дюбо хвалит новейшие скульптурные произведения за «прекрасный непорядок» и за наличие в них «стихотворческого духа», умаляя достоинства двух знаменитых античных групп⁶³ Следующее затем на с 32–34 перечисление

⁶⁰ Виен И И Диссертация о влиянии анатомии в скульптуру и живопись С 20–21

⁶¹ Так, эпитеты «невольный и жесткий» соотносятся сразу с двумя пассажами — ср «les artistes de ce style donnoient a leurs figures des actions violentes & des attitudes forcees» (Winckelmann J Histoire de l'art de l'antiquite Vol II P 228), «la durete de premier style genferme la correction de contour» (там же P 238), «величественный, острый и угловатый» — ср «Il est pourtant probable, & nous pouvons l'inferer de quelques passages des anciens auteurs, que le dessin du haut style conserva quelques caracteres de l'ancienne maniere, telles que les lignes droites, & que les contours se traitoient par meplats, ce qui paroît indiquer par le terme de carres ou d'angles» (там же P 239, при этом характеристика рисунка, пришедшего высокому стилю распространена на стиль целиком), «именовался прекрасным стилем, был мягок, плавлен и пленяющ» — ср «Depuis Praxitele jusqu'au temps de Lysippe & d'Apelle, l'art acquit plus de grace, plus d'amenite, & je nommerai ce style le beau, le gracieux» (там же P 220), «слог подражания, и купно падения» — ср «Quelque temps apres ces artistes & les disciples de leurs ecoles, l'art commença a decliner sous leurs imitateurs & et nous designerons ce style par celui de l'imitation jusqu'a ce qu'enfin l'art, deja sur son declin, arriva insensiblement a son entiere decadence» (там же P 220)

⁶² На с 58 Виен почти дословно повторяет характеристики Винкельмана, данные этим скульптурам «Лаокоонт, предъявляющий живой образ сокрушения и терзания, Ниоба — ужас смерти»

⁶³ Ср «Истина сего неопровержима, ибо взгляните вы на карание чад Ниобы, на сию единственную оставшуюся нам композицию древних, находящуюся в саду Медицисов, что предъявляет она взору вашему? Множество прекрасных фигур, но излишество в предметах, скудость в стихотворческих воображениях и совершенное забвение прекрасного того непорядка, который творит величественное и пленяющее, а большую часть, таков-то слог и всех прочих произведений древних! Свойственно ли и пристойно ли было представить нагим Аполлонова жреца Лаокоонта, сего почтенного старца, который пред мгновением своего несчастья приносил жертву Нептуну» (там же С 30–31)

заслуживающих подражания образцовых скульптурных произведений Нового времени (работы Л. Гиберти, Донателло, П. Пюже, Ф. Жирардона, Л. Бернини, Ж. Б. Пигаля, Э. М. Фальконе и т. д.) вступает в неразрешимое противоречие с насаждавшейся Винкельманом системой ценностей.

В разделе об истории живописи влияние идей Винкельмана на Виена ощутимо в наименьшей степени. После краткого описания важнейших европейских школ живописи (флорентийской, римской, ломбардской, венецианской, немецкой, голландской, французской и фламандской) он кратко излагает теорию Роже де Пиля об «истинном простом» («le vrai simple»), «истинном вообразительном» («le vrai idéal») и «истинном сложном или совершенном» («le vrai composé ou le vrai parfait»). Перечисление европейских художников, которые, по мнению Виена, достигли наибольших успехов в сельской и портретной живописи, в изображении военных сражений, морских видов и кораблекрушений, а также пейзажей, далеко от иерархии ценностей, пропагандировавшей Менгсом⁶⁴ и Винкельманом. Второе издание «Диссертации», вышедшее из печати в 1803 году, было автором несколько дополнено, однако пассажи, связанные с именем Винкельмана, не претерпели существенных изменений.

* * *

В 1792 году в Петербурге был опубликован еще один трактат на художественно-теоретические темы — «Рассуждение о свободных искусствах с описанием некоторых произведений Российских художников» П. П. Чекалевского (1751–1817).⁶⁵ Автор этого сочинения в молодости провел 11 лет за границей, служив переводчиком при двух русских посольствах: с 1770 по 1775 год в Вене, с 1776 по 1781 в Копенгагене. После возвращения в Петербург и четырех лет службы в Коллегии иностранных дел Чекалевский был 1 января 1785 года определен конференц-секретарем Академии художеств, а 5 августа 1799 года назначен ее вице-президентом; он оставался в этой должности до самой смерти.⁶⁶

В кратком введении Чекалевский указывал на компилятивный характер своего трактата и кратко характеризовал его цель:

«При чтении моем разных иностранных сочинений замечал я для собственного моего употребления некоторые мнения: а как в числе оных рассуждения, касающиеся до изящных искусств, могут полезны быть молодым нашим художникам, то сие самое побудило меня собрание оных издать тиснением».⁶⁷

⁶⁴ В трактате Виена Менгс упомянут один раз, когда в заключение «Диссертации» питомцам Академии рекомендуется прочесть «Ореге» итальянского художника-теоретика.

⁶⁵ Рассуждение о свободных искусствах с описанием некоторых произведений Российских художников. Издано в пользу воспитанников Императорской Академии художеств советником посольства и оной академии конференц-секретарем Петром Чекалевским. СПб., 1792. (Переизд.: М., 1997).

⁶⁶ Бенешевич В. Н. П. П. Чекалевский // Рус. биограф. словарь. СПб., 1905. Т. «Чаадаев-Швитков». С. 114–116.

⁶⁷ Чекалевский П. П. Рассуждение о свободных искусствах с описанием некоторых произведений Российских художников. СПб., 1792. [С. 1].

Свою потенциальную аудиторию Чекалевский не ограничивал юными питомцами Академии, считая, что сообщаемое им будет приятно знать всякому «любителю художеств, принимающему участие в успехах соотечественных художественных произведений»

Некоторых из своих предшественников, трудами которых он пользовался, Чекалевский указал сам, хотя в отличие от «Диссертации» Виена мы не находим в его «Рассуждении» точных библиографических ссылок на какие-либо издания. На с. 52–56, 75–79 «Рассуждения» содержатся обширные описания Аполлона Бельведерского и группы Лаокоона (они даются в кавычках, и грань между авторским и цитируемыми текстами ясна) Эти пассажи вводят следующие фразы: «Г. Винкельман, говоря об Аполлоне Бельведерском, делает следующее о сей статуе описание»; «Г Винкельман делает следующее о сей статуе описание».

На с. 172 упомянуто имя французского архитектора Жюльена Давида Леруа («Le Roa в описании своем о древностях Греции упоминает...»), а на с 181 — имя оксфордского профессора астрономии и путешественника Джона Гривса («я в описаниях о пирамидах и Лабиринте, славнейшем в Египте здании, коего некоторые остатки еще существуют, следовал повествованию одного Англичанина»; ниже в сноске указано имя: «Graeves») Эти указания отсылают к «Прекраснейшим памятникам Греции» Леруа⁶⁸ и «Пирамидографии» Гривса.⁶⁹ Примечательно, что в этом случае Чекалевский указывает источники, имевшие для него явно второстепенное значение. Как показывает сопоставление текстов, из Леруа он позаимствовал в общей сложности лишь одну страницу.⁷⁰

Столь же вольным было использование книги Гривса.⁷¹ Это либо перевод отдельных отрывков, смонтированных в единый текст, либо извлечение наиболее важных фактических данных. Вопреки вышеприведенному утверждению Чекалевского описание лабиринта почерпнуто из какого-то иного труда, а не из «Пирамидографии» Гривса.

Следующее далее на с. 191–229 описание архитектурных ордеров и античных построек заимствовано из каких-то французских сочинений, ибо Чекалевский при употреблении терминов почти всегда дает в скобках их французские эквиваленты. Нередкие и обычно краткие ссылки на Плиния, Павсания, Страбона и др. античных авторов, скорее всего, взяты русским сочинителем из вторых рук.

Как указал еще А. Л. Каганович, Чекалевский активно пользовался в главе о живописи вышеназванным сочинением Д. А. Голицына «Описание знаменитых произведениями школ и вышедших из оных художников и проч.» (1767–1768), списывая из него целые пассажи. о возникно-

⁶⁸ *Le Roy J D Les ruines les plus beaux monuments de la Grèce Paris, 1770 Vol 1–2*

⁶⁹ *Greaves J Pyramidographia, or Description of the Pyramids in Aegypt London, 1646* Ниже ссылки даются на переиздание этого труда в кн *Miscellaneous Works of Mr J Greaves Professor of Astronomy in the University of Oxford London, 1736 Vol 1 P 1–164*

⁷⁰ На с 172–173 находим у Чекалевского перевод отрывков со с 35 и 41 первого тома книги Леруа, «скрепленных» пересказом пассажи со с 36

⁷¹ На с 181–184 и на с 186–187 Чекалевским частью переводились, частью пересказывались пассажи со с 92, 94, 96, 98, 105 и со с 156 труда английского астронома-путешественника

вении живописи (с. 108–109) с л. 2–2 об., о творчестве Чимабуэ (с. 123–124) с л. 10 об.–11, о разделении живописи на школы (с. 133–134) с л. 13 и т. д.

Несмотря на многообразие использованных источников, «Рассуждение» Чекалевского отличается строгостью композиции и состоит из введения (с. 1–38) и трех частей, каждая из которых посвящена одному из «свободных художеств» — скульптуре (с. 39–99), живописи (с. 100–154) и архитектуре (с. 154–231). В каждой из них значительное внимание уделено достижениям русского искусства и перечислены важнейшие произведения (с. 87–99; 149–154; 229–231). Вступление к «Рассуждению» позволяет составить некоторое представление о взглядах Чекалевского. В предисловии он предстает рационалистом, убежденным в необходимости совместных просветительских усилий для достижения общего блага. По убеждению Чекалевского, прекрасное и доброе едины, поэтому расцвет искусств приводит общество к гармонии и преобразует людей.⁷²

От теоретических деклараций Чекалевский переходит к краткому обзору общей истории искусств, анализу причин их процветания и последовавшего упадка в Греции. И хотя общий безоговорочно оптимистический вывод Чекалевского о превосходстве новых над древними⁷³ вряд ли пришелся бы Винкельману по душе, нужно признать, что влияние идей немецкого историка и теоретика именно на эту часть введения наиболее существенно.

Если на с. 14–18 содержатся разрозненные суждения о влиянии климата на развитие художеств, об искусстве халдеев, египтян и этрусков, о греческой скульптуре как вершине античного искусства, перекликающиеся с отдельными положениями главы «О происхождении искусств» «Истории искусства древности»,⁷⁴ то на с. 19–23 находим частью перевод, частью пересказ главы «Основания и причины успехов и превосходства греческого искусства других народов», причем имя Винкельмана нигде не названо, а кавычки или другие обозначения чужого текста отсутствуют.

Первый вводный абзац достаточно четко передает сущность концепции Винкельмана, являясь дословным переводом соответствующего пассажа в «Истории искусства древности»:

«Превосходство греков в искусстве происходило от стечения разных обстоятельств; в том участвовали климат их, политическое установление, образ их мыслей, почтение, коим художники пользовались, и предмет, к какому художества были употребляемы».⁷⁵

⁷² Чекалевский П П Рассуждение о свободных художествах С 12, 30

⁷³ Ср «Со всем тем новейшие художники не уступают ни в искусстве, ни в разуме древним, как то некоторые писатели полагают Механические художества во многом превосходят бывшие у греков Хороший вкус у многих нынешних художников стал нежнее, нежели у древних, и сила разума, вместо того, чтоб умалиться, вообще более еще увеличилась » (Чекалевский П П Рассуждение о свободных художествах С 36–37)

⁷⁴ Как и Виен, Чекалевский пользовался вышеупомянутым переводом Гюбера, на него далее даются ссылки Отметим попутно, что выражение «художества, зависящие от рисования», взятое Чекалевским на вооружение, восходит к Винкельману (ср «les arts dependans du dessin», «die Kunste, welche von der Zeichnung abhängen»)

⁷⁵ Чекалевский П П Рассуждение о свободных художествах С 19 Ср Winckelmann J Histoire de l'art de l'antiquite Vol 2 P 1

Собственно, аргументация Винкельмана подается в сильно сокращенном виде — de facto на с. 19–23 дан коллаж отдельных переведенных отрывков со следующих страниц Гюберова перевода «Истории искусства древности»: с. 3, 4, 15–16, 17, 18, 20–21 При этом Чекалевским опущено все, что Винкельман писал об особенностях государственного устройства Древней Греции и о той решающей роли, которую сыграла личная свобода граждан в отношении развития искусств.

Охарактеризовав в заключении введения искусство Нового времени в самых общих чертах, Чекалевский начинает раздел о скульптуре с изложения идеи Винкельмана о происхождении ваяния, одной из наиболее важных в общей концепции немецкого мыслителя.

«Художество началось простым образованием предметов из глины и, следовательно, некоторого рода резьбою; ибо из мягкого вещества гораздо легче можно сделать какое-либо подобие, нежели начертать оное на плоской поверхности; почему и вероятно, что скульптура прежде возымела бытие свое, нежели живопись».⁷⁶

После нескольких общих суждений Чекалевский пытается определить то, как живописцы и скульпторы должны создавать прекрасное, что побуждает его подобно Д. А. Голицыну изложить концепцию Винкельмана об идеальной красоте:

«Самые благороднейшие и важнейшие работы, какие только разум скульптора произвести может, должны состоять из точного изображения разных действий естества, то есть чтоб воображаемая красота как в скульптуре, так и в живописи была избрана из красоты, существующей в естестве, рассеянной на разных бытиях вселенная; и так разные части сей красоты должно художнику чувствовать, избирать, соглашать и вымышлять иногда для составления такой фигуры, какова, например, Аполлонова, или для расположения какого-либо сочинения, как то мы видим в смелых произведениях Лафранковых, Корреджиевых и Рубенсовых, где естество служит основанием искусству воображаемой красоты...»⁷⁷

Как уже указывалось выше, Чекалевский, следуя Винкельману, на него по большей части не ссылается и имени его не упоминает, но в двух случаях, когда речь заходит о знаменитых описаниях (Аполлон Бельведерский и Лаокоон), он четко отделяет свой текст от цитируемого В целом русский сочинитель точно следовал французскому тексту (лишь в описании Лаокоона опущена фраза) и несмотря на мелкие неточности на лексическом уровне,⁷⁸ верно и неплохим стилем предста-

⁷⁶ Чекалевский П. П. Рассуждение о свободных художествах С 39

⁷⁷ Там же С 42

⁷⁸ Ср «sublime» — «самая непревосходнейшая», «Пренебрежение видимо на устах его, гнев познается по ноздрям и бровям его » — «Le dedain siege sur ses levres, l'indignation qu'il respire gonfle ses narines et monte jusqu'a ses sourcils», «руками Пигмалиона» — «ciseau de Pigmalion», «Сии черты, слегка мною назначенные » — «Les traits que je viens de crayonner », «Страдание купно с презрительным гневом, возбуждаемым невинностью его, познается по носу его и по ноздрям, расширенным и вверх поднявшимся» — «La souffrance, mêlée d'indignation sur injustes châtimens, remonte jusqu'au nez, le gonfle et eclate dans les narines elargies et exhaussees» (*Winckelmann J Histoire de l'art de l'antiquite Vol 3 P 8*) Справедливости ради необходимо отметить, что французский перевод Гюбера в высшей степени близок немецкому оригиналу

вил русскому читателю знаменитые отрывки вдохновенной прозы Винкельмана.

Как и Виен, Чекалевский посчитал необходимым ввести в свое сочинение периодизацию греческого искусства. Однако глава «Du progrès et de la décadence de l'art des Grecs» в переводе Гюбера (с. 218–270) сжалась у русского сочинителя до четырех страниц (с. 66–69). В сущности, речь должна вестись о переводе двух абзацев из издания Гюбера (со с. 220 и со с. 269), соединенных между собой пересказом и рассуждениями Чекалевского. Поэтому о концепции Винкельмана читатель мог составить себе в высшей степени общее представление. Приведем характеристику стилей, которую любопытно сравнить с соответствующим пассажем в «Диссертации» Виена:

«Итак, скульптура в Греции имела в своем стиле четыре эпохи. Стиль прямой и грубой, стиль величественный и выразительный, стиль прекрасный и ровный и стиль подражания; первый продолжался до Фидиаса, второй до Праксителя, Лизиппа и Аппелеса, третий при подражателях школы сих художников, а четвертый во время совершенного художеств падения».⁷⁹

Помимо отрывков, обнаруживающих непосредственную текстуальную зависимость от «Истории искусства древности», во многих пассажах «Рассуждения» заметно влияние идей Винкельмана: о важности контура в скульптуре и живописи и о несовершенстве рисунка у Рубенса (с. 49), о греческих статуях как о «лучшем примере» изображения обнаженного человеческого тела (с. 59), о лучших греческих статуях (с. 60),⁸⁰ о красоте античных «глиняных произведений» (с. 63), о наиболее совершенных римских скульптурах (с. 73), о роли Дедала в развитии ваяния (с. 79) и т. д.⁸¹

«Рассуждение» отразило и знакомство Чекалевского с сочинениями А. Р. Менгса, друга и единомышленника Винкельмана. Как известно, он считал величайшими художниками Нового времени Рафаэля, Корреджо и Тициана и посвятил их сравнительной характеристике два своих наиболее важных теоретических сочинения: «О красоте и хорошем вкусе в живописи» (1762), «О трех великих художниках Рафаэле, Корреджо и Тициане» (опубл. посмертно в 1780 году). На с. 142–148 находим у Чекалевского сравнительную характеристику этих художников, во многом повторяющую соображения Менгса.

Заключительный абзац при этом непосредственно позаимствован из книги «О красоте и хорошем вкусе в живописи»:

«Рафаэль, конечно, одарен был возвышенным и пылким разумом, раждавшим в нем великие мысли и побуждавшим его стараться успеть в выражениях страстей. Корреджий имел разум тихой и нежной; почему, уда-

⁷⁹ Чекалевский П. П. Рассуждение о свободных художествах. С. 69.

⁸⁰ Приведем список наиболее совершенных с точки зрения Чекалевского статуй, он полностью соответствует вкусам Винкельмана: «Из всех древних фигур главным правилом для наготы могут служить следующие: Боец, Аполлон, Лаокон, Геркулес Фарнезский, Торс, или Туловище, Антиной, Группа, представляющая Кастора и Поллюкса, Гермафродит и Венера Медицидская». (Там же. С. 60; см. также с. 84).

⁸¹ Отметим попутно, что в своем более позднем сочинении Чекалевский неоднократно апеллировал к авторитету Винкельмана и цитировал его (Чекалевский П. П. Опыт ваяния из бронзы одним приемом колоссальных статуй. СПб., 1810).

ляся всякого сильного выражения, искал более всего в работах своих означать приятность и нежность Тициан имел меньше разума, нежели вышеупомянутые два художника, и поелику всякой человек предпочитает сходное с его свойством, то кажется, что представление художественно-видимого больше было ему способно, нежели изображение чего-либо мысленного»⁸²

* * *

В 1793 году в типографии Морского шляхетного кадетского корпуса было опубликовано «Краткое руководство к познанию рисования и живописи исторического рода, основанное на умозрении и опытах» Ивана Федоровича Урванова, преподавателя живописи, воспитанника Академии художеств. При отсутствии каких-либо библиографических сносок в этом труде именно анализ содержащихся в нем идей позволяет прояснить их зависимость от ряда положений в трудах Винкельмана.

«Краткое руководство» составляют две части. первая затрагивает ряд общих проблем и потому представляет для нас интерес; вторая почти целиком посвящена методике преподавания живописи⁸³ Исходя из главенствующего положения исторической живописи по отношению к другим ее родам, И Ф Урванов неоднократно подчеркивает необходимость учения у древних и в первую очередь у их скульптур: «...особливо ж они (т е древние художники — Е М, К Л-Д) в творениях своих оставили нам избраннейшую и совершеннейшую красоту природы, наименее приятнейшую своей простотою; наипаче ж все сие приметно в ваятельных работах, коих до наших времен более осталось, нежели рисунков и картин».⁸⁴

Определяя красоту как «правильный размер, расстояние и соединение вещей», И. Ф. Урванов в духе Винкельмановой формулы «благородная простота и спокойное величие» призывает следующим образом представить античную богиню войны: «Впрочем, красота Минервы должна быть простая, небрежная и скромная, и чтобы во всем видима была строгая приятность, твердость, величество, сила и великолепие. Наконец, заключаю тем, что благородная простота и приятность стыдливости всегда составляют наивеличайшую прелесть в красоте»⁸⁵

⁸² Чекалевский П П Рассуждение о свободных искусствах С 147–148 Ср у Менгса «In Raphael müssen durch einen gemässigten Charakter und einen emporstrebenden Geist erhabene Ideen und eine vorherrschende Neigung zum Ausdruck erzeugt worden seyn Correggio war ein Mann von sanfterem, zarterem Gefühle, darum vermied er zu ausdrucksvolle, scharfe Bezeichnung und gönnte dem Angenehmen, Reizenden den Vorzug vor allem andern Titian scheint weniger Geist und Gefühl als die beiden ersteren besessen zu haben, und da jeder Mensch sich besonders an das halt, was seinem Charakter am meisten entspricht, so liess er sich unlaugbar mehr durch den materiellen und in die Sinne fallenden als durch den geistigen und idealen Theil der Kunst anregen» (Mengers A R Sammtliche hinterlassene Schriften / Hrsg von G Schilling Bonn, 1844 Bd 2 S 225)

⁸³ Известное исключение составляют изложенные здесь физиогномические «истины», призванные объяснить юным художникам связь между внешностью и характерами изображаемых персонажей (Краткое руководство к познанию рисования и живописи исторического рода, основанное на умозрении и опытах Сочинено для учащихся художником И У СПб, 1793 С 108–109)

⁸⁴ Там же С 10

⁸⁵ Там же С 21

В согласии с теорией Винкельмана о создании прекрасного из соединения разбросанных в природе деталей автор «Краткого руководства» призывал к сходному художественному синтезу «Память художнику служит хранилищем идей, приобретенных обозрением хороших вещей, к чему прибавляет он нечто или убавляет что-либо своим рассудком, дабы составить ту изящность, каковую мы находим в творениях древних художников, которым подражание всегда почиталось от искусных людей каждого века за надежнейшее средство»⁸⁶

Несмотря на собственные, по-видимому весьма скромные, творческие успехи, И Ф Урванову удалось впервые подняться до теоретического осмысления проблем преподавания живописи, создать с учетом собственного опыта и размышлений первое руководство по усвоению ее навыков, а также выразить сложившуюся к тому времени в стенах Академии иерархию жанров

* * *

В 1794 году в Петербурге в типографии Корпуса чужестранных единоверцев была опубликована анонимная брошюра «Краткое руководство к истории свободных художеств», насчитывающая всего двадцать четыре страницы. Основной текст содержал в предельно сжатом виде информацию о классификации художеств (с 1), об искусстве древности (с 1–17), о живописи (с 21–23) и об архитектуре Нового времени (с 21–23). Его сопровождают вопросы в виде постраничных сносок, долженствующие, видимо, содействовать наилучшему запоминанию и повторению материала учащимися Академии.

Анонимный компилятор пользовался в своей работе главным образом двумя источниками — «Рассуждением» П П Чекалевского и «Описанием знаменитых произведениями школ» Д А Голицына, поэтому все, что Чекалевский, опираясь на Винкельмана, писал об античном искусстве, перекочевало с минимальными смысловыми изменениями и в максимально усеченном виде в «Краткое руководство». Так, цитированный выше пассаж из книги Чекалевского о четырех периодах развития древнегреческого ваяния приобрел следующий вид:

«Скульптура у греков имела четыре эпохи I Стиль прямой и грубый, II Стиль величественный во время Фидиаса, сего превосходным разумом одаренного художника и его современников, III Стиль прекрасный и ровный во дни Праксителя, Лизиппа и Аппеллеса, когда художество приобрело приятность и красоту, и IV Стиль подражания при падении художеств»⁸⁷

В высшей степени хвалебная оценка древнегреческого искусства, данная в «Кратком руководстве»,⁸⁸ вполне соотносится с концепцией Винкельмана. Анонимный компилятор проявил также особенное внимание

⁸⁶ Там же С 32

⁸⁷ Краткое руководство к истории свободных художеств В пользу воспитанников Императорской Академии художеств СПб, 1794 С 6–7

⁸⁸ Ср. «У этрусков изящные искусства начинали уже приходить в некоторое совершенство, но у греков дошли они до такого вкуса и красоты, до каких нигде доведены не были» (Там же С 6)

к скульптуре, включив в свое сочинение 12 произведений наиболее известных в античной Греции ваятелей (с. 7–9). В заключение он почти курьезно пасовал перед многообразием факторов, способных повлиять на благоденствие и деградацию искусств.

«Впрочем, свободные художества приходили в цветущее состояние, упадали и паки возвышались, по мере просвещения тех народов, кои оные производили, и по стечению разных обстоятельств, что из самой истории изящных художеств подробнее усмотреть можно...»⁸⁹

* * *

Если попытаться систематизировать источники, по которым можно судить о развитии художественно-теоретических идей в России XVIII столетия, то можно выделить три группы. Одну из них составят сочинения, написанные по случаю избрания в почетные члены Академии, а также речи, связанные с торжествами вторичного открытия ее после реформы 1764 года, с инаугурацией в 1765-м и с публичными собраниями. Во вторую войдут отчеты и журналы воспитанников Академии о виденном в Европе во время пенсионерских поездок и дневники русских путешественников, отразившие их многообразные впечатления от произведений европейского искусства. В третью — публикации, осуществлявшиеся «в пользу воспитанников Академии» в 1780–1790-х годах и преследовавшие художественно-просветительские и художественно-педагогические цели. Из предшествовавшего изложения видно, что если две первые группы документируют восприятие идей Винкельмана весьма спорадически, то третья дает обильную информацию об их все возраставшем авторитете в России.

Помимо вышеназванных сочинений, вышедших из стен Петербургской Академии художеств (при общем еще весьма небольшом числе художественно-теоретических произведений), непосредственное отношение к теме статьи имеют речь профессора Московского университета И. Г. Рейхеля «Слово о художествах древних, в которых замысл и искусство художников похвалу заслуживают» (в ней содержится восторженная характеристика заслуг Винкельмана⁹⁰) и перевод «Письма дон Антонию Рафаела Менгса ... к дон Антонию Понзу», выполненный преподавателем Сухопутного шляхетного кадетского корпуса Н. И. Ахвердовым (СПб., 1786).⁹¹ Появление этих книг, связанное с иными учебными заведениями, вряд ли может поставить под сомнение главенствующую роль Петербургской Академии художеств в распространении идей Винкельмана в России.

⁸⁹ Там же С 23

⁹⁰ «О заслугах Винкелманна, коварно лишенного жизни, какие он оказал в свободных художествах, лучше молчать, нежели мало говорить Сочинения ж сего в художествах искуснейшего мужа достойны того, чтоб любители словесных наук читали с великим прилежанием» (*Рейхель И Г Слово о художествах древних, в которых замысл и искусство художников похвалу заслуживают* [М.] 1770 С 8)

⁹¹ Из журнальных публикаций можно назвать лишь одну Замечания о прелести в произведениях искусства, по руководству аббата Винкельмана // Чтение для вкуса, разума и чувствовании 1792 Ч V С 261–272

Помимо этого, сочинения немецкого историка и теоретика искусств читались русскими по большей части во французских переводах или в оригинале, но о широте бытования его книг делать какие-либо выводы из-за неполноты информации крайне сложно⁹²

В немногочисленных работах, посвященных рецепции идей Винкельмана в России, точкой отсчета были приняты конец 1760—начало 1770-х годов, т. е. время пребывания первых пенсионеров Петербургской Академии художеств в Риме⁹³ Рукопись Д. А. Голицына «О рисунке» (1769) позволяет сделать к общей весьма скудной картине важное добавление

Примечательно, что знаменитая формула «*edle Einfalt und stille Größe*» («благородная простота и спокойное величие»), имевшая столь большое значение для немецкой классики, видевшей в ней воплощение представлений калокагатии, не нашла в русских трактатах в XVIII столетия дословного перевода⁹⁴ (вместе с тем русские художники и скульпторы несомненно стремились запечатлеть этот идеал в своих произведениях) «Мысли по поводу подражания греческим произведениям в живописи и скульптуре», первое значительное сочинение Винкельмана, где эта чеканная формула высказана, как кажется, остались тоже незамеченными, в то время как «История искусства древности» была в России на этом этапе наиболее влиятельным сочинением немецкого мыслителя Русских теоретиков-компиляторов, с одной стороны, интересовали фактические данные, содержащиеся в этой книге, с другой стороны, их исканиям оказалась созвучной концепция идеальной красоты и трактовка Винкельманом задач художника

⁹² При невозможности определить состав библиотеки Академии художеств в XVIII в и прояснить судьбу отдельных книг имеет смысл все же перечислить издания Винкельмана конца XVIII — первой половины XX столетия, хранящиеся ныне в ее фондах: 1) *Lettre de M l'abbé Winckelmann a M le Cte de Brühl sur les decouvertes d'Herculanum* Dresde, 1764, 2) *Monumenti antichi inediti, spiegati ed illustrati da Giovanni Winckelmann* Roma, 1767 Vol 1–2 (также немецкий, 1791–1792, и франц., 1808–1809, переводы), 3) *Winckelmann J J Anmerkungen über die Geschichte der Kunst des Alterthums* Dresden, 1767, 4) *Histoire de l'art de l'antiquite, par Winckelmann, traduite de l'allemand par M Huber* Leipzig, 1781 Vol 1–3, 5) *Remarques sur l'architecture des anciens, par Winckelmann* Paris, 1783, 6) *Histoire de l'art chez les anciens, par Winckelmann, traduite de l'allemand [par H Jansen]* Paris, 1803 T I–II, 7) *Elemens du dessin, ou Proportion des plus belles figures de l'antiquite accompanees de leur description par Winckelmann, traduit de l'allemand par M Huber* Par F-A David Paris, 1798, 8) *Winckelmanns Werke / Hrsg. Von C. L. Fernow* Dresden, 1808–1820 Bd 1–6 См подробнее Белоутова Н. Е. Книги XVIII в в фонде Научной библиотеки Академии Художеств СССР Аннотированный каталог T 1–2 Л., 1963–1967 (на правах рукописи), *Виттенбург Е. П.* Библиотека Академии художеств в XVIII веке // Вопросы художественного образования Тематический сб науч трудов Л., 1976 Вып XVII С 3–19

⁹³ *Пишбышевски Б.* Винкельман // Винкельман И. И. Избранные произведения и письма М. Л., 1935 С 78, *Husar I J J.* Winckelmann in den ostslawischen Landern, *Rokyta H.* Winckelmann und Böhmen Stendhal, 1979 S 44–48 (Beiträge zu der internationalen Wirkung J J Winckelmanns Teil 2/3), *Nachov I M.* Winckelmann in Rußland // *Antikerezeption, Antikeverhältnis, Antikebegegnung in Vergangenheit und Gegenwart* Stendal, 1983 S 361–376 (Schriften der Winckelmann-Gesellschaft Bd VI/II)

⁹⁴ Помимо цитированного выше пассажа из «Краткого руководства» И. Ф. Урванова известный интерес представляет многократное использование А. П. Лосенко категории «величественного» при характеристике композиции и «аттитюд» описывавшихся им картин (*Лосенко А. П.* Журнал примеченных мною знатных работ живописи и скульптуры в бытность мою в Париже // *Мастера искусства об искусстве* С 65–73)

Личные контакты с итальянским окружением Винкельмана и его европейскими почитателями, чтение его трудов во французских переводах и в немецком оригинале, использование их в компиляциях, предназначавшихся для преподавателей и питомцев Академии художеств, — все это способствовало тому, что репутация Винкельмана как одного из наиболее авторитетных знатоков античного искусства постепенно упрочилась в России. В то же время его теоретические идеи были восприняты питомцами Академии художеств, способствуя расцвету классицизма в русском искусстве в конце XVIII—начале XIX века.

М. Г. ФРААНЬЕ

ГОЛЛАНДСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ФЕЙТ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ¹

Перевод — мигрант, принявший гражданство другой литературы. Передвижение текстов из одной литературы в другую — миграция. Можно говорить еще о промежуточных пунктах. В XVIII веке для многих текстов, дошедших до России, таким промежуточным пунктом являлась Франция.²

Французское посредничество иногда скрывало настоящий источник текста. Так, роман для детей «Молодой Грандисон» (1782) голландской писательницы М. Г. Декамбон-ван дер Веркен, не менее трех раз переведенный на русский язык, до сих пор приписывается его французскому переводчику Арно Беркену. (См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1962. Т. I. № 515–516. Третий, неполный, перевод в кн. Легчайший и удобнейший способ к достаточному разумению французского языка... М., 1806–1807; 2-е изд.— 1824).

Данная статья исследует некоторые случаи литературной миграции. Описывается судьба пяти произведений Рейнвиса Фейта (Rijnvis Feith, 1754–1824), главного представителя голландского сентиментализма. На рубеже XVIII–XIX века появились во французских, потом в русских переводах его стихотворение «Совість», роман «Юлия», повести «Темира», «Пустынник» и «Алпин». В данной работе прослеживается маршрут, который прошли эти произведения начиная с Голландии, через Францию и заканчивая Россией. Будет показано, каким изменениям они подвергались на пути и в какие смысловые отношения вступали со своей новой литературной или общественной средой.

¹ При переводе данной работы мне помогала А. Е. Чернина

² О французском литературном посредничестве см. *Заборов П. Р.* «Литература-посредник» в истории русско-западных литературных связей XVIII–XIX вв. // *Международные связи русской литературы. Сб. статей / Под ред. М. П. Алексева*. М., Л., 1963. С. 70–81, а также *Stackelberg J. von Übersetzungen aus zweiter Hand. Rezeptionsvorgänge in der europäischen Literatur vom 14. bis 18. Jahrhundert*. Berlin, New York, 1984.

«Совесьть»

Первым произведением Фейта, появившимся на русском языке, является стихотворение «Совесьть». Под «совесьтью» разумеется познание Бога и Его Закона, которое для протестанта Фейта прежде всего индивидуально, совесть служит для него основой нравственной независимости человека в отношении к церковным и мирским властям. В стихотворении христианские высказывания перемежаются с парафразами из произведений Горация: например, первые две из двадцати двух строф стихотворения являются вариацией на начальные стихи II эпода Горация, его известной «похвалы сельской жизни» (ср. «Евгению. Жизнь Званская» Державина).

Со времен Возрождения «похвала сельской жизни» стала популярным стихотворным жанром в разных европейских литературах. Жанр часто имел определенный политический подтекст: он мог служить выражением социального недовольства дворян, стесненных абсолютистской властью монарха. Дворянам казалось их положение в «свете» тягостным; они начали мечтать о жизни в «деревне», где, как полагали, будут свободны и поистине счастливы.³ Для Фейта похвала сельской жизни, как мы увидим далее, имела подобный социальный и политический подтекст.

Фейт написал свое стихотворение «Совесьть» в 1791 году, четыре года спустя после неудачной голландской революции 1786–1787 годов. Эта революция явилась кульминационным пунктом многолетней борьбы между тремя партиями: демократически настроенными бюргерами, олигархическими «регентами» и стремившимся к автократии штатгальтером Вильгельмом V. Демократические голландские бюргеры объединились в революционное движение под названием «Патриоты». В отличие от французских революционеров их вдохновляла не универсалистская и просветительская идеологии, а националистические и протестантско-христианские идеи.⁴ Фейт, встав на сторону «Патриотов», писал резкие агитационные стихи против регентов и Вильгельма V. В 1787 году после интервенции прусских войск, которые восстановили власть штатгальтера, Фейта и других «патриотов» преследовали; многие из них бежали за границу.⁵

Фейт спасся от гонения, уединясь в своем имении. Он признается в своей приверженности Патриотической партии в письме одному противнику⁶ Тут Фейт описывает свою изолированность и вынужденное бездействие такими словами, как «сельская жизнь» и «совесьть». Эти слова оказываются неразлучно связанными между собой; первое является не-

³ *Lohmeier A M* *Beatus ille Studien zum «Lob des Landlebens» in der Literatur des absolutistischen Zeitalters* Tübingen, 1981

⁴ *Shama S* *Patriots and Liberators, Revolution in the Netherlands* New York, 1977 P 69–74

⁵ С одним таким голландским «патриотом», «который, по ненависти к штатгальтеру и оранистам, выехал из отечества», встретился зимой 1789/90 г побывавший в Женеве Н М Карамзин См О любви к отечеству и народной гордости // Карамзин Н М Избранные статьи и письма М, 1982 С 93

⁶ *Streng J C* (ed) «Zo als men aan gemeenzame vrienden gewoon is te schrijven» De correspondentie van Rhijnvis Feith 1753–1824 Epe, 1994 P 105

обходимым условием последнего: только сельское уединение может обеспечить у побежденного бескомпромиссное поведение и настойчивое сохранение своих убеждений в отношении к победителям. Употребляя эти слова в стихотворении «Совесть», Фейт описал собственное общественное положение: стихотворение описывает судьбу преследуемого голландского христианина-революционера.

«Совесть» появилась впервые в двухтомном собрании сочинений Фейта 1796–1797 годов.⁷ Год спустя французский журнал «Северный зритель» («Le Spectateur du Nord»), который издавался в Гамбурге, опубликовал как образец творчества Фейта прозаический перевод этого стихотворения.⁸ То, что французский переводчик выбрал именно «Совесть», объясняется сходством в социальном положении Фейта и сотрудников «Северного зрителя». Хотя Фейт был революционером, а сотрудники «Северного зрителя» находились более или менее на противоположной, антиреволюционной, стороне, что касается их отношения к событиям в Голландии или во Франции, все они остались наблюдателями, все были обречены на роль безучастных зрителей.

Инициалы, которыми был подписан перевод: «Р. Н. М.», принадлежат Поль-Анри Маррону (P. H. Marron, 1754–1832). Маррон родился в Лейдене в семье французских протестантов. В 1787 году, когда во Франции протестантам предоставили гражданские права, его избрали пастором парижского прихода. Наряду с духовной деятельностью Маррон писал статьи о голландской литературе для различных французских журналов. Во время революции его несколько раз арестовывали и едва не казнили на эшафоте.⁹ Основатель журнала Бодус (J.-L.-A. de Baudus, 1763–1822) в 1791 году в начале революционного террора бежал в Голландию. Четыре года спустя, когда страну оккупировала французская армия, он был вынужден уехать в Гамбург. Писатели Вийер (Ch. de Villers), Ривароль (A. Rivarol), поэт Делиль (abbé Delille), публиковавшие свои труды на страницах журнала, находились в эмиграции из-за своей приверженности к роялистским идеям. Политические взгляды последних явились главной причиной того, что после провала в Париже роялистского заговора 18-го фруктидора (4 сентября 1797 года) «Северный зритель» внесли в список запрещенной литературы.¹⁰

Итак, «Северный зритель» был рупором французских беженцев-оппозиционеров. Поэтому можно предположить, что сотрудники журнала находили в стихотворении Фейта, в его образе добродетельного и подвергнувшегося несправедливому гонению человека, поэтическое изображение собственной судьбы.

«Северный зритель» ставил себе задачу знакомить своих читателей с литературой Северной Европы, под которой подразумевалась и Рос-

⁷ Oden en Gedichten van Mr. Rhijnvis Feith. 2e Deel. Amsterdam, 1797. P. 41–46.

⁸ La Conscience. Ode traduite du hollandaise de Rhynvis Feith, qui a publié, l'année dernière, deux volumes de poésies // Le Spectateur du Nord. Tome 6-ième. En Basse-Saxe, 1798. P. 72–75.

⁹ La France Protestante. Par MM. Eug. et E. Haag. Paris, 1856. T. VI. P. 283–286.

¹⁰ Об истории журнала см.: Hazard P. «Le Spectateur du Nord» // Revue d'Histoire littéraire de la France. 13e Année. Paris, 1906. P. 26–50.

сия. В 1797 году журнал опубликовал две статьи Н. М. Карамзина и французский перевод его повести «Юлия»¹¹ Французский перевод «Совести» был напечатан в апреле 1798 года Уже несколько месяцев спустя, в третьем квартале 1798 года, русский перевод стихотворения появился в московском журнале «Приятное и полезное препровождение времени».¹²

Русский переводчик указал не фамилию, а только свое место жительства: «В сельце Мосееве» В журналах конца XVIII—начала XIX века статьи часто подписывались названиями сел или деревень Из этого, конечно, не следует делать вывод, что авторы этих статей были провинциалы В таком обозначении проявляется характерное для этой эпохи амплуа поэта — сельского жителя, который порицает порочный свет, а сам «дышит невинностью» в уединении своей деревни¹³ Подписываясь названием своего села и соединяя собственный поэтизированный облик с переведенным им произведением, русский переводчик «Совести» усилил значение его двух начальных строф: похвала сельской жизни¹⁴

В последние годы XVIII века, при Павле I, стихотворная похвала сельской жизни в России могла приобрести политический подтекст. Служившие дворяне, испытывая мучительную зависимость, например, от изменчивой благосклонности такого самодержца, как Павел, мечтали о незаметной, но независимой жизни в деревне. Изображение этой мечты и образец для собственных произведений русские дворяне-поэты нашли в творчестве Горация В своих похвалах сельской жизни Державин, Капнист, Н. А. Львов и многие другие выражали свое недовольство абсолютистским государством в его невыгодной для дворянства форме.¹⁵

Выражением этого недовольства могли служить и переводы с других языков Похвалы сельской жизни отличались большой степенью абстрактности, в них описывалась универсальная обстановка. Таким образом, читатели в разных странах в зависимости от соответствующего контекста свободно могли связывать слова одного и того же стихотворения с разными подходящими для них реалиями. Русский переводчик стихотворения Фейта «Совесть» отождествлял себя с праведным героем переведенного им произведения: восхваляемое уединение — это было его собственное

¹¹ См. *Лотман Ю. М. Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. (К генезису исторических концепций Карамзина) // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII—начало XIX в. Л., 1981 (XVIII век. Сб. 13) С. 123–127*

¹² *Совесть (из стихотворений Голландских Ринвиса Фейта) // Приятное и полезное препровождение времени. М., 1798. Ч. 19. С. 188–192*

¹³ Ср. Державин в стихотворении «Евгению Жизнь Званская» «Дыша невинностью, пью водух, влагу рос» (*Державин Г. П. Сочинения. С объяснительными примечаниями Я. Грота. 2-е академ. изд. СПб., 1869. Т. 2. С. 404*)

¹⁴ Ср. *Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 27*

¹⁵ *Berkov P. N. Frühe russische Horaz-Übersetzer (Zur 2000. Wiederkehr des Geburtstags von Horaz) // Berkov P. N. Literarische Wechselbeziehungen zwischen Rußland und West-Europa im 18. Jahrhundert. Berlin, 1968. S. 101–102. Также Берков П. Н. В. В. Капнист как явление русской культуры XVIII века // XVIII век. М., Л., 1959. Сб. 4. С. 259*

сельцо Мосеево; слово «совесть» — выражало его притязание на личную независимость; стихотворение выражало его чувство нравственного превосходства над вельможами и фаворитами царя. Итак, русский переводчик «Совести» хотел своим переводом не только дать образец иностранной литературы, но, присоединяясь к русскому горацианству, выразил и свое собственное социальное недовольство.

«Юлия». «Темира». «Пустынник»

Главным произведением голландского сентиментализма считается сборник Фейта 1783 года, в который вошли краткий эпистолярный роман «Юлия», повести «Themis», «De Hermet» («Пустынник»), «Alpin» и некоторые стихотворения.¹⁶ В произведениях Фейта встречается большое количество заимствований из таких произведений, как «Новая Элоиза» Руссо и «Вертер» Гёте. Однако заимствованные элементы обработаны Фейтом в соответствии с его религиозным мировоззрением. Так, например, сюжет его романа «Юлия», заимствованный из первой части «Новой Элоизы» (ч. I, письма XIV–XXIV), оканчивается более «нравственно» (Юлия не теряет своей невинности), и выступающий в романе персонаж с именем Вертер осуждается за чувственность своей любви. В отличие от героев Руссо и Гёте герои Фейта не хотят осуществить свое желание вопреки общественным правилам; они стремятся не к земной, а к духовной, неземной любви. Фейт подражает Руссо и Гёте, но при этом, возможно с полемическим замыслом, проявляет и свою идейную самостоятельность.

«Юлия» должна была служить не только образцом нравственного любовного поведения, но и литературным образцом. Своим романом Фейт хотел ввести в голландскую литературу новый «вкус». В противовес сильному влиянию французской эстетики «приятности» он пропагандировал эстетику «возвышенности», образцы которой он находил в произведениях английских и немецких предромантиков.¹⁷ «Юлию» и свой второй эпистолярный роман «Фердинанд и Констанция» (1785) Фейт сознательно писал в «немецком» стиле, в стиле «Вертера».

Направленность против французских эстетических норм не помешала его романам появиться во французских переводах. Перевод «Фердинанда и Констанции» вышел в свет в 1793 году. В это издание были включены и переводы повестей «Темира» и «Пустынник». В 1795 году появилось 3-томное французское издание произведений Фейта. Первые два тома включали в себя переиздание «Фердинанда и Констанции»; в третьем томе содержались «Темира», «Пустынник» и первые переводы «Юлии» и «Алпина». Все эти произведения переводил на французский язык голландец Гендрик Йонас Янсен (H. J. Jansen, 1741–1812). Янсен жил в Париже с 1770 года, принял французское гражданство, работал издателем и переводчиком, переводил многие литературные произведения бывших

¹⁶ *Feith Rh Julia* Lejden, 1783

¹⁷ Ср напр. *Feith Rh* Brieven over verscheiden onderwerpen 6e deel Amsterdam, 1793 P 179–185

своих соотечественников. Фейт и Янсен были лично знакомы друг с другом: они вели переписку. Без сомнения, во время поездки Фейта в Париж в 1792 году они встречались.¹⁸

В июле 1793 года, вскоре после выхода в свет французского перевода «Фердинанда и Констанции», появился критический разбор этого перевода во французском «Духе журналов».¹⁹ Критик отрицательно относился не только к творчеству Фейта, но и к сентиментализму в целом, который он отождествлял с иностранным нефранцузским духом. В рецензии в «Энциклопедическом журнале» сентиментальность Фейта тоже объяснялась нефранцузскими нравами.²⁰ Французские критики противопоставляли свою эстетику приятности и деликатности неумеренному, по их взглядам, англо-германскому сентиментализму.

Возможно, что, занимаясь переводом «Юлии», Янсен учитывал эту критику, потому что в отличие от довольно точного перевода «Фердинанда и Констанции» его перевод «Юлии» в значительной степени отклоняется от оригинала. Янсен следовал на этот раз известной французской переводческой традиции XVIII века и переработал роман в соответствии с доминирующей во французской литературе эстетической нормой «приятности».²¹ В переводе, например, устранились повторения и синтаксические переломы, уменьшилось число гипербол, в результате чего интонация французского перевода стала более сдержанной. Сентиментальная метафорика Фейта приблизилась к канонической метафорике французской литературной традиции. К тому же была пропущена значительная часть конкретных названий, которые уже в оригинале немногочисленны; пейзаж и персонажи в романе еще больше абстрагировались. Своеобразное изменение обнаруживается в эпизоде с персонажем Вертером. Его возлюбленная, которая в голландском оригинале без имени, во французском переводе получает имя Шарлотты: история фейтовского Вертера отождествилась с историей гётевского Вертера.

Изменения касались не только стиля, но и идейного содержания романа. Янсен последовательно опускал все образы, заимствованные из Библии, как и другие метафоры с религиозным оттенком. Оказывается, что все места в романе, где проявляется протестантское мировоззрение Фейта, в переводе переработаны по нормам, близким к деизму. Например, изменилось то ключевое место, где Юлия разъясняет своему возлюбленному Эдуарду высший смысл своего несчастья. В голландском оригинале она призывает Эдуарда внять «гласу Религии», иными словами, Слову Божьему, Священному Писанию, т. е. следовать нравственным нормам, не зависящим от человека; во французском переводе Эдуард должен поступать по «совести», которая тут не подразумевает, как для Фейта, познание личного Бога и Его Закона, но означает, согласно деистическому

¹⁸ *Streng J C* Op. cit. P. 75, 78, 98–100

¹⁹ *L'Esprit de Journaux, françois et étrangers*. Paris, 1793 T. VII (Juillet). P. 227–234.

²⁰ *Journal Encyclopédique ou Universel*. Bouillon, 1793 T. VII. № XXIV. P. 212–232.

²¹ *См West C B La théorie de la traduction au XVIIIe siècle, par rapport surtout aux traductions françaises d'ouvrages anglais // Revue de littérature comparée*. 12 année. Paris, 1932 P. 330–355

учению «естественной религии», внутренние нормы, свойственные каждому отдельному человеку. В то время как голландская Юлия находит свою опору в Боге и утешается мыслью о загробной жизни, французской Юлии чужда всякая трансцендентность; она довольствуется только земными благами, такими, как «добродетельное сердце» и неопределенные «чистые чувствования».

С устраниением большей части религиозных элементов потерялась идеологическая направленность романа Фейта. Кроме того, роман во французском переводе больше не пропагандировал эстетики «возвышенности» в духе немецкого сентиментализма, а приспособился к французской традиции умеренной, элегантной чувствительности.

На этой умеренной и секуляризованной версии романа основывался русский перевод 1803 года.²² К оригинальному заглавию прибавился эпитет «чувствительная», вероятно, чтобы отличить заглавие фейтовского романа не только от известной повести Карамзина, но и от русских переводов одноименных романов А. Радклиф и Ф. Дюкре-Дюмениля. В издание были включены еще повести «Темира» и «Пустынник». Фамилия переводчика неизвестна, он подписал свое предисловие к переводу инициалами «Ф. Б.». Возможно, что за ними скрывается некий Федор Баранов, который в 1798 году с теми же инициалами поместил стихотворение в «Приятном и полезном препровождении времени».²³

Перечисляя в своем предисловии причины, побудившие его перевести произведение Фейта, переводчик упоминает их «приятный слог», характеры главных персонажей, «нежное изъяснение взаимной их любви». Он подчеркивает сентиментальность произведений не только в заглавии, но и своим посвящением «чувствительным сердцам». Можно предположить, что переводчик конкретизировал произведения Фейта прежде всего как «трогательные» любовные истории без подчеркнуто назидательных целей.

Русский перевод «Юлии» довольно точен по отношению к французскому тексту. Похвала приятному стилю этого текста и верность ему можно истолковать как утверждение выраженных в нем эстетических норм. Переводчик, кажется, принадлежал к тому направлению русского сентиментализма, которое находило свои образцы в элегантной «чувствительной» французской литературе. Как ни парадоксально, оригинал фейтовского романа должен был служить просвещению голландской литературы с помощью немецких литературных образцов в противовес французскому влиянию. Русский же перевод романа, верный французскому тексту, очищенному от «немецких» признаков, испытал именно это влияние.

Верность французскому переводу привела к тому, что по языку русского переводчика «Юлии» нельзя назвать последователем Карамзина.

²² Чувствительная Юлия, или Редкий образец нежной и пламенной любви. Сочинение Голландского писателя Ринвиса Фейта. С приобщением двух трогательных его повестей о Темире и Пустыннике. Перевод с французского. М., 1803.

²³ «Ф. Б.» Голубочик // Приятное и полезное препровождение времени. М., 1798. Ч. 17. С. 127–128. Ср. также: Ода Его высокопревосходительству <...> Матвеем Григорьевичу Спиридову, в 5-й день Апреля 1803 года поднесенная Ф... Б... М., 1803.

Как известно, Карамзин ориентировался в своем языке на разговорную речь, лучшим образцом которой являлась, по его мнению, речь эlegantных аристократических женщин. Отражение их языка мы находим, например, в письмах Анастасии Плещеевой, приятельницы Карамзина.²⁴ В ее письмах отсутствуют, между прочим, не характерные для разговорного языка причастия. С этим обстоятельством связано уменьшение числа причастий в художественной прозе Карамзина. Если мы сопоставим его повесть «Бедная Лиза» (ок. 4750 слов) со сравнимой по объему частью русского перевода «Юлии» (первые 7 писем, ок. 4700 слов), то оказывается, что Карамзин употребил в 3.5 раза меньше причастий, чем русский переводчик Фейта (51 против 179). Разница объясняется различными языковыми ориентирами у Карамзина и переводчика Фейта. Ориентация Карамзина на разговорную речь сложилась под влиянием французского языка, но не конкретного, а его структурной нормы: Карамзин хотел поставить русский разговорный и литературный языки в такое же близкое соотношение, в каком находились французский разговорный и литературный языки; они должны были если не совпадать, то по крайней мере сблизиться.²⁵ Русский переводчик «Юлии», однако, ориентировался на конкретный французский текст. Он пытался осуществить русский эквивалент «приятному» французскому литературному языку посредством подстрочного перевода. Но французские причастия, инфинитивные обороты, сложные предложения заставляли его употреблять русские причастия, отглагольные существительные (типа «соделание»), книжные союзы или наречия («паки», «нанпаче») и другие языковые формы, отвергнутые Карамзиным как «неприятные».²⁶

«Алпин»

В оригинальном сборнике Фейта 1783 года находилась еще повесть «Алпин». Эта повесть является подражанием «Сельмским песням», одному из известных эпических отрывков, изданных шотландцем Джеймсом Макферсоном как якобы подлинное произведение легендарного кельтского барда Оссиана. Фейт познакомился с «Сельмскими песнями» в анонимном голландском переводе 1763 года: между данным переводом и повестью Фейта обнаруживается множество словесных совпадений.²⁷ Однако, подражая стилю Оссиана, повесть «Алпин» в значительной мере отклоняется от своего образца. Фейт переработал языческого Оссиана в соот-

²⁴ См. Барсков Я Л Переписка московских масонов XVIII-го века 1780–1792 гг Пет-роград, 1915

²⁵ Успенский Б А Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века Языковая программа Карамзина и ее исторические корни М, 1985 С 16–17

²⁶ О повышенной степени книжности переводов с французского языка см. Лотман Ю, Успенский Б Споры о языке в начале XIX в как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или судьбина российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва) // Учен зап Тартуского гос ун-та Вып 358 Тр по русской и славянской филологии XXIV Литературоведение Тарту, 1975 С 202–207

²⁷ De Gezangen van Selma, door Ossian, Fingal's zoon, een der oude Schotse Barden // Nieuwe Bydragen tot Opbouw der Vaderlandsche Letterkunde Deel I Leyden, 1763 P 257–280

ветствии со своим христианским мировоззрением: он прояснил очень неясные у Макферсона намеки на воскрешение мертвых и внес указание на то, что событиями в повести, в конце концов, управляет христианский Бог. Он также опустил оссианский мотив героической борьбы. Фейта интересовали у Оссиана прежде всего его возвышенные картины природы и чувствительные элегические жалобы.

Французский перевод «Алпина» вышел в свет в 1795 году, в одном сборнике с романом «Юлия» Немудрено, что французский переводчик Янсен, отвергнув «нефранцузские» особенности стиля романа «Юлия», отверг и своеобразие оссианского стиля повести «Алпин»: он рационализировал иррациональные метафоры, не дал эквивалента характерной для Оссиана лексической или грамматической архаизации, часто не перенимал асиндетического синтаксиса и инверсий; он также смягчил суровость возвышенного ландшафта, внося в его описание приятные цветочки.

В некоторых местах, однако, переводчик поставил текст в более близкие отношения к английскому оригиналу Макферсона: Алпин, обратившись в начальных строках голландского оригинала к ночному светилу, которое восходит на востоке, т. е. к луне, во французском переводе обращается к светилу, восходящему на западе, т. е. к планете Венере; таким образом, французский Алпин повторяет знаменитое тогда обращение к «вечерней звезде» в начале «Сельмских песен». Янсен также умножил число экзотических кельтских топонимов. Он трактовал произведения Фейта как подражания известным авторам: он восстановил мотивные связи с этими авторами (ср. также внесение имени Шарлотты в романе «Юлия»), но при этом пренебрег стилистическими особенностями и идеологической самостоятельностью Фейта.

Повесть «Алпин» отсутствует в русском издании «Юлии» 1803 года. Русский перевод «Алпина» появился в том же году в журнале «Новости русской литературы» без фамилии автора и указания на то, что текст является переводом.²⁸ Русский переводчик фейтовского подражания «Сельмским песням», без сомнения, учитывал чрезвычайную популярность, которой пользовалось в России это произведение. «Сельмские песни» переводились на русский язык полностью или частично не менее 12 раз.²⁹

Отдельная публикация русских переводов, с одной стороны «Юлии», с другой — «Алпина», объясняется прежде всего разными стилистическими требованиями к данным текстам. По всей Европе произведения Оссиана воспринимались хотя и ошибочно, но в рамках древней северно-европейской эпической традиции. Оссиановское произведение Фейта тоже, как указывает заглавие повести, как будто «взято из древнего манускрипта». Предполагаемая древность оссианских произведений служила поводом для их стилизации с помощью языковых форм, которые тем или иным образом вызывали представления давно минувшего исторического периода и передавали «характерную» для первобытного человека возвы-

²⁸ Алпин (Взято из древнего манускрипта) // *Новости русской литературы* Ч 7 М, 1803 С 389—403

²⁹ *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе (Конец XVIII—первая треть XIX в.) Л, 1980 С 53

шенность. Качество этих языковых форм отличалось в различных языках. В «Сельмских песнях» Макферсона стилизация осуществлялась посредством архаичных местоимений, инверсий, библеизмов. Фейт стилизовал свою повесть «Алпин» инверсиями и существительными с архаичными падежными окончаниями. Во французском переводе повести, как мы отметили, число стилистических средств, придавших тексту «древнюю» возвышенность, ограничилось. Хотя, основываясь на французском переводе, русский переводчик «Алпина» восстановил степень возвышенности. При переводе среднюю лексику французского текста он переключил на высокую лексику русского литературного языка. Французское «demeure» стало у него «обиталище», «j'ai dit» — «я вещал», «descendit» — «низшла», «fille de la beauté» — «дщерь красоты» и т. д. Такое переключение на чаще всего славянскую лексику характерно для русского оссианизма; сам Карамзин стилизовал свои переводы Оссиана с помощью таких славянизмов.³⁰

Стилизация, однако, ограничилась лексикой. На синтаксическом уровне переводчик «Алпина» следовал своему французскому образцу; поэтому инверсии, к которым русский литературный язык XVIII века был очень способен, у него почти не встречаются.

Смысловые ассоциации языковых категорий, употребляемых для стилизации оссианских произведений, отличались в зависимости от языкового и литературного контекста. В оригинале Фейта стилизация с помощью архаизмов вызывала представление неопределенной универсальной древности; в русском культурном контексте конца XVIII—начала XIX века стилизация с помощью славянизмов связывала текст именно с традицией русской культуры, с идеей о ее преемственности и с ощущением ее преимущества по отношению к другим европейским культурам. Посредством семантической насыщенности славянизмов русские переводы Оссиана и оссиановских произведений могли наполняться содержанием, выражающим национальную, русскую, культурно-идеологическую позицию.³¹

Итак, передвигаясь от одного литературного и общественного контекста к другому, произведения Фейта изменялись по форме, содержанию и функциям, изменялись своими возможными общественно-политическими аллюзиями, стилистической направленностью, характером их смысловых соотношений с литературной и языковой средой. В новых контекстах произведения Фейта включились в уже существующие там традиции: стихотворение «Совесть» вошло в русскую традицию гораццианской поэзии, роман «Юлия», повести «Темира» и «Пустынник» — в сентиментальную литературу во французском духе. «Алпин», наконец,— в русский оссианизм. Однако в конечном результате первоначальное своеобразие произведений Фейта оказалось нивелированным.

³⁰ Ср.: Левин В. Д. Очерки стилистики русского литературного языка XVIII — начала XIX в. (Лексика). М., 1964. С. 245.

³¹ Левин Ю. Д. Указ. соч. С. 66, 88–89.

А. Ю. ВЕСЕЛОВА

А. Т. БОЛОТОВ И П. З. ХОМЯКОВ. РОМАН ИЛИ МЕМУАРЫ?

В России споры о жанре романа занимают значительное место в литературной полемике примерно со второй половины XVIII века. Изучение данной проблемы необходимо вести и с учетом тех текстов, которые были написаны в этот период, но не были опубликованы и, следовательно, остались неизвестны современникам. Подобного рода тексты тоже являются литературным фактом эпохи и должны быть введены в научный оборот. Особый интерес могут представлять критические суждения, обнаруживающие «чистоту жанрового мышления» автора. К таким авторам относится А. Т. Болотов, в 1790 году завершивший создание сборника «Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков».¹ Сборник представляет собой беспрецедентное для русской критики второй половины XVIII века явление, так как содержит 50 статей о русских и переводных романах (написано было 100, но вторая часть не сохранилась). В целом, в данном сборнике Болотов стремился к объективности, и «беспристрастность» суждений была декларирована в предисловии. Но при анализе статей сборника можно обратить внимание на то, что рецензируемые произведения во многом оцениваются исходя из их соответствия сложившемуся у Болотова представлению о жанре романа. Поэтому наиболее серьезные замечания касаются жанровой невыдержанности того или иного произведения. Среди таких произведений, подвергавшихся особенно строгой критике, выделяется книга П. З. Хомякова «Похождение некоторого россиянина, истинная повесть, им самим писанная»,² так как посвященная ей статья обращает на себя внимание резкой критичностью: «Сочинитель

¹ *Болотов А Т Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков* Андрея Болотова РО ИРЛИ, ф 537, ед хр № 14, 173 л Далее цит по выборочной публикации *Кучеров А Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков* Андрея Болотова // *Литературное наследство* М, 1933 Т IX–X С 192–221

² *Хомяков П З Похождения некоторого россиянина, истинная повесть, им самим писанная* Содержащая в себе историю его службы и походов с приключениями и слышанными им повестями М, 1770 Ч I–II

оной есть действительно россиянин, и сочинение сие оригинальное российское самых последних времен, но сочинение такое, которым отягощена только публика к истинной досаде всех любителей литературы и которое не к славе, а к бесчестию наших российских писателей служит».³ Болотов считает книгу Хомякова не просто плохой, но даже вредной, такой, которую бы следовало запретить, так как она «приносит собой худую честь нашему отечеству и всего меньше достойна занимать место в библиотеках, а разве только для единого свидетельства и доказательства тому, до чего может простираться самолюбие и охота к прославлению себя писаниями и что может происходить от вольности печатания книг в разных типографиях и от недостаточности цензуры оным».⁴ Очевидно, что Болотов относит «Похождения некоторого россиянина...» к определенному типу повествования, «жанру», и возмущение его вызывает не само существование подобного рода произведений, а способ его реализации Хомяковым: «Надпись объясняет уже довольно, какого рода сия книга, и сочинитель не солгал, назвав ее истинною повестью, а почему она и не принадлежит к романам, если б не утаены были имена, то могла б относиться более к историческим или паче биографическим книгам, буде она такового названия достойна быть может».⁵

Рассматривая книгу Хомякова как мемуары, Болотов не отрицает ценность мемуарного повествования как такового: «Наконец, если может произойти от сей книги впредь какая-нибудь польза, так разве в таком случае, если она столь счастлива будет, что удастся ей пробудить кого-нибудь иного из Россиян к такому предприятию, то есть к описанию своей жизни, однако не таким, а лучшим и порядочнейшим образом и слогом».⁶ Последнее утверждение не удивительно, так как Болотов известен прежде всего как автор обширных мемуаров, и, возможно, именно себя Болотов подразумевал под россиянином, который мог бы описать свою жизнь «лучшим и порядочнейшим», чем у Хомякова, слогом. Подобное имплицитное противопоставление Болотовым собственных записок тексту Хомякова заставляет обратиться к сравнительному анализу мемуаров этих авторов.

«Похождение некоторого россиянина...» — это рассказ о 33 годах военной службы его автора. При этом ряд приведенных в книге фактов биографии Хомякова не просто перекликается, а почти совпадает с фактами биографии Болотова. Они оба из небогатой, но «честной» фамилии, оба с детства находились при полку, так как отцы их были офицерами, оба получили весьма скромное и непоследовательное образование, обладая при этом «врожденной склонностью к наукам».⁷ Оба с детства были записаны в полк и начали службу, уже имея небольшой чин. Оба участвовали в Семилетней войне и в одно и то же время находились в Пруссии,

³ Болотов А. Т. Указ. соч. С. 196.

⁴ Там же. С. 197–198.

⁵ Там же. С. 196.

⁶ Там же. С. 198.

⁷ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1871. Т. I. С. 199.

обоим одинаково знаком армейский быт, которому отведено немало места в мемуарах. Есть в их произведениях и текстуальные совпадения, возможно, восходящие к какому-нибудь общему источнику. Некоторые из них отметил еще В. В. Сиповский⁸, как например сцены расставания с городом, в котором размещался полк.

Болотов о Кёнигсберге

«Сколько дней, преисполненных веселием, прожито в тебе мною, град милый и любезный! Никогда не позабуду я тебя и время, прожитое в недрах твоих! Ежели доживу до старости, то и при вечере дней моих буду еще вспоминать все приятности, которыми в тебе наслаждался...»⁹

Хомяков о Торуне

«О прекрасные местоположения! вы до самого окончания моей жизни не можете вытти из моей памяти; да и возможно ли вас изгладить из оной, когда вам нигде не нахожу подобных?»¹⁰

Если сравнивать произведение Хомякова с той частью записок Болотова, которая посвящена военной службе, то сначала содержание их примерно одинаково: поход, вступление в прусский город, его описание с упоминанием нравов его жителей и, наконец, размещение на зимних квартирах в доме купца, имеющего нескольких дочерей. И именно с этого момента начинаются расхождения.

Хомяков пишет о своих впечатлениях романтически-возвышенным слогом. «Сии обожания достойные девицы столь были прекрасны, что казалось, будто бы природа истощила все свое искусство к дополнению их красоты; но как бы то ни было, Элиза пред своими сестрами имела отличные дарования, которые могли тронуть и самое нечувствительное сердце».¹¹ Болотов же в аналогичной ситуации испытывает совсем иные чувства и описывает происходящее прагматически-отстраненно: «Я слышал, что можно и против воли своей влюбиться, а дочери г. Розенштрауха не таковы были дурны, чтоб не могли никому вперить к себе любовного пламени. Некоторые из них были довольно хороши, и хотя ни одну из них не можно было почесть красавицею, но все до одной были разумные и очень хорошо воспитанные девушки... А особливо опасался я одной из средних, которую звали Елеонорою и которая превосходила всех своих сестер и красотою, и разумом, и приятностью своих поступков и обхождения».¹² В результате он, несмотря на утверждение, что «сердце было (в нем.— А В.) не топорной работы, а рождено было уже с нежнейшими чувствованиями»,¹³ прилагает все усилия, чтобы оградить себя от любовного чувства: «Пропади она, эта любовь и со всеми ея сладостями! Мне

⁸ Сиповский В В Очерки из истории русского романа СПб, 1909 Т I Вып 1 С 671

⁹ Жизнь и приключения Т II С 143

¹⁰ Хомяков П З Указ соч Ч I С 42

¹¹ Там же С 18

¹² Жизнь и приключения Т II С 387–388

¹³ Там же С 285

как можно надобно от нее остерегаться. Заразит проклятая, так и сам себе не рад будешь!»¹⁴ Подобное отношение Болотова к любовному чувству обусловлено его «философией счастья», подробно изложенной им в «Путеводителе к истинному человеческому счастью» (1784). В самом общем виде применительно к жизненной практике эта философия заключается в том, чтобы научиться довольствоваться неубыточными наслаждениями, дальновидно избегая тех, за которые придется дорого платить. Очевидно, и любовь относится как раз к последним и может быть с успехом заменена, например, чтением любовных романов.

Но расхождения в поведении и оценке сложившейся ситуации объясняются не только разными жизненными позициями авторов. Именно с этого момента можно говорить о принципиальном жанровом различии текстов. Хомяков начинает активно внедрять в повествование романские элементы, тогда как Болотов остается в рамках выбранного жанра мемуаров.

«Похождение одного россиянина...» представляет собой компиляцию авантюрного романа и мемуарно-исторического повествования. Влияние на Хомякова авантюрного романа пронизательно отметил и Болотов: «...господину сочинителю, ничего порядочно неучившемуся, а, как видно, читавшему только несколько романов и книг, к несчастью захотелось еще умничать и украшать свою повесть, но совсем некстати и невпопад и вовсе неумеючи, таким слогом, какой нимало ей неприличен, и наполнять ее множеством таких слов, речений и фигур, которые столь же ей неприличны, как к дурной корове богатое и великолепное седло».¹⁵ Злоупотребление различными риторическими фигурами, характерными для романного слога, например при описании природы, в сочетании с бытовыми подробностями действительно зачастую создает комический эффект: «На другой день, при восхождении багряной Авроры, пошел я к своему родителю...»;¹⁶ «Как скоро птицы начали от пения умолкать в дремучих лесах и прохладных долинах, вся окружность Мемеля покрылась уже снегом, то тогда приказано было нам от главной команды, чтоб второму батальону немедленно соединиться с первым»;¹⁷ «Все лето занимались мы такими упражнениями (военными учениями.— *А В*), и когда появилась жестокая неприятельница сего годового времени, тогда и мы, оставя полевое жилище, перешли на квартиры».¹⁸

Романизация повествования наблюдается также и на сюжетном уровне. В записках Хомякова налицо тщательный отбор фактов, достойных, по его мнению, описания: это любовные похождения автора и его военной служба, причем в последнем случае в центре находится уже не сам герой, а едва ли не вся русская армия. Эти две линии достаточно четко распределены по двум частям книги: первая часть представляет собой описание любовных приключений автора и заканчивается его женитьбой,

¹⁴ Там же С 385

¹⁵ Мысли и беспристрастные суждения С 197

¹⁶ Хомяков П. З. Указ соч. Ч. I С 118

¹⁷ Там же Ч. I С 30–31

¹⁸ Там же Ч. I С 61

а вторая преимущественно посвящена описанию военных походов и заканчивается отставкой. При этом факт отбора материала для повествования в соответствии с собственным представлением о том, что может быть интересно читателю, эксплицирован Хомяковым в самом тексте и свидетельствует, что именно эти две стороны своей жизни Хомяков полагал интересными для читателя (по существу, одну частную, а вторую — общественную). В предисловии он пишет: «С самых тех пор, как начал я себя чувствовать, вел журнал своим похождениям, а особенно тому, что по моему мнению хотя мало достойно быть казалось примечания».¹⁹ В первой части он считает основной линией повествования свои любовные похождения: «Думаю я, что мой читатель чувствует некоторую досаду от сего, что медленно я уведомию его о моих любовных обстоятельствах».²⁰ Во второй же сознательно избегает подробностей частной жизни, как например при описании своих чувств, вызванных рождением дочери: «В то самое благополучное для меня время произносил я столько восхитительных слов, что теперь и упоминать их не могу; и так, не упрекая себя в слабой памяти, предаю я оныя забвению потому, что кажется мне они и для читателя не очень надобны».²¹

Таким образом, сфера частной жизни ограничивается для Хомякова любовной интригой, и после свадьбы он может представлять интерес для читателя только как член социума и свидетель неких исторических событий. Такое отношение к любви как единственной или доминирующей сфере частной жизни характерно прежде всего для романа.²² И, вероятно, только в своих любовных приключениях мог Хомяков усматривать черты романа в собственной жизни. Романизация произведения начинается именно с попытки ввести в него любовную интригу. Причем любовная линия вводится по схеме авантюрного романа: герой перемещается в пространстве, влекомый разного рода обстоятельствами, и на каждом новом месте влюбляется заново и каждый раз смертельно. Так, Хомяков пишет, что его прощание с первой возлюбленной длилось пять часов с поочередной потерей сознания и горестными восклицаниями. Страдает он, впрочем, не долго и на следующей квартире влюбляется вновь. Призвав на помощь камердинера, герой²³ назначает своей возлюбленной свидание, во время которого между ними происходит объяснение. Он обращается к своей возлюбленной с «вытверженным» (по его собственным словам) из книг любовным признанием: «Небо, лишенное солнечного светила, ожидает скорого восхождения луны; так подобно и я, дражайшая А..., упоенный к вам любовью, ожидал вас сюда. Взор ваш при первом свидании столь сильно умел меня поразить, что я, лишась всей воляности, с тех пор сделался вашим пленником. Откройтесь мне, обладательница

¹⁹ Там же Ч I С 5 нenum.

²⁰ Там же Ч I С 23

²¹ Там же Ч I С 166

²² О роли и функции любовного романа в России XVIII века см. *Сазонова Л. И.* Переводной роман в России XVIII века как *ars amandi* // XVIII век Сб 21 Памяти П. Н. Беркова СПб, 1999 С 126–139

²³ В данном случае такое определение кажется правомерным, так как мемуарист превращается здесь в героя романа

души моей, хотите ли вы мне даровать свободу, или повелеваете до самого гроба носить тяжкие сии оковы?»²⁴ В ответ «дражайшая А» проявляет неожиданный практицизм и говорит, что если он хочет на ней жениться, то должен готовиться к препятствиям со стороны ее родителей, которые вряд ли позволят ей выйти замуж за иностранца. Герою ничего не остается делать, как сказать, что «чувствования» его «совершенно сходствуют» с ее и предложить ей руку и сердце. Этот забавный диалог, который на первый взгляд выглядит безусловной компиляцией романного и мемуарного типов повествования, тем не менее мог иметь место в действительности. Объяснение происходило по-немецки, и если допустить, что в основе данного эпизода лежит факт реальной биографии автора, то Хомякову, плохо владевшему этим языком, возможно, на самом деле пришлось позаимствовать текст любовного признания из романов. Но Болотов, который, вероятно, обратил внимание на комическую контрастность данного диалога, мог не принять во внимание «языковой фактор», так как сам он хорошо говорил по-немецки и смог бы при необходимости признаться в любви без помощи книг.

Помимо доминирования любовной интриги и соответствующего стиля необходимо отметить ряд других свидетельств романизации прозы Хомякова. В частности, Сиповский выделил три момента, в которых влияние авантюрного романа особенно очевидно: описания природы, обилие нравоучительных сентенций и особая роль судьбы в жизни героя.²⁵

Герою авантюрного романа полагалось быть подверженным гонениям судьбы. Поэтому иногда Хомяков, видимо, не находивший в своей жизни достаточно подходящих примеров подтверждения того, что он был «не что иное, как невольник злосчастной судьбы»,²⁶ склонен к их изобретению. Объяснившись с будущей женой и предчувствуя препятствия женитьбе, которые будут чинимы со стороны его отца и полкового командира (никак, впрочем, не мотивированные, в отличие от тех, о которых предупреждала его невеста), он раздражается длинным монологом о превратностях судьбы и даже заранее, еще до разговора с ними, помышляет о самоубийстве.

Категория судьбы у Хомякова сопоставима с категорией Божественной воли у Болотова. Герой записок Болотова сам строит свою жизнь, согласуя ее с волей Творца, что ставит его на более высокую ступень, чем та, на которой находится герой мемуаров Хомякова, — игрушка в руках судьбы. Жизнь, подобная болотовской, может быть показательна, так как является сознательно выстроенной, жизнь же Хомякова — цепь случайностей (впрочем, не исключительных), не достойная быть описанной в книге. Поэтому у Болотова вызывает возмущение тот факт, что свои записки Хомяков предназначает для печати (книга приписана «всем читателям вообще, а особливо любителям долговременных путешествий»): «Истинно понять невозможно, что бы побудило его подарить публику таким подарком. Вся довольно длинная его повесть не вмещает в себе

²⁴ Хомяков П 3 Указ соч Ч I С 92–93

²⁵ Сиповский В В Указ соч Т I Вып I С 671

²⁶ Хомяков П 3 Указ соч Ч II С 197

никаких приключений, которые сколько-нибудь были важны, редки, любопытны и могли хоть несколько занять читателя, а вся состоит она в повествовании о самых мелочах, ничего не значущих ездах, походах, службах и волокитах».²⁷

Сам Хомяков оправдывает обилие подробностей истинностью описываемых событий: «Я думаю, может быть, что причиняю в благосклонном читателе некоторое неудовольствие и скуку частыми повторениями о лагерях; но сего никак умолчать не можно, потому что сие происходило в самой сущности. И когда я пишу не выдуманное какое-либо повествование, то и за нужное почитаю с моей стороны подробно писать о всем том, что ни происходило».²⁸ На деле Хомяков отнюдь не всегда следует закону «истинности» повествования, если подразумевать под этим не только содержательную сторону. Несмотря на то что записки Болотова неоднократно им перерабатывались, причем в соответствии с определенной установкой, автор всегда проводит четкую границу между тем, что он видел лично и что знал из других источников, и избегает говорить о тех событиях, которые не могли быть ему известны. Например, в рассказе об одном из своих предков, включая внутренний монолог другого человека, Болотов объясняет, что именно в таком виде услышал его от одной пожилой родственницы.²⁹ Хомяков же в своем произведении постоянно превышает полномочия мемуариста, выступая как повествователь романа, который может быть свидетелем сразу нескольких, одновременно происходящих событий: «Теперь, оставя господина Ф... Б..., спешающего с деташементом своим на помощь господину С..., обратимся к подполковнику К...».³⁰

Но даже последовательно выдержанная истинность повествования, определяющая принадлежность текста к мемуарному жанру, еще не является, по мнению Болотова, достаточным основанием для обнародования этого текста: он должен либо содержать некие исключительные события (как мемуары исторического деятеля, например), либо выполнять дидактическую функцию (как мемуары самого Болотова).

Все записки Болотова — проповедь его жизненной философии. Он строит мемуары как доказательство действительности этой философии на примере собственной жизни. Этой установкой определяется и предполагаемый адресат произведения. Мемуары Болотова рассчитаны прежде всего на узкий круг лиц, которому автор осмеливается предложить свое завуалированное нравоучение. Они написаны в форме писем к вымышленному «любезному приятелю», который якобы побудил его «предпринять подобный труд»: «Вы уговорили и уверили меня, что в происшествиях, бывших со мною, и без того много кой-чего такого найдется, о чем можно писать и рассказывать и о чем как вам, так и потомкам моим, можно будет не без удовольствия и любопытства читать и слушать».³¹

²⁷ Мысли и беспристрастные суждения... С. 196.

²⁸ Хомяков П. З. Указ. соч. Ч. I. С. 15.

²⁹ Жизнь и приключения... Т. I. С. 14–15.

³⁰ Хомяков П. З. Указ. соч. Ч. I. С. 156.

³¹ Жизнь и приключения... Т. I. С. 3.

При этом истинными адресатами его мемуаров являются потомки: «Письмы сии назначиваются не для одних вас, но вкупе и для детей моих и потомков, мне так хотелось сохранить и для них память как о себе, так и о моих предках; а как для нас, потомков, мила и любопытна и самая малейшая черта из жизни наших предков, то и рассудил я заметить все, что я мог только помнить».³² Этим Болотов объясняет подробность своих записок, которые содержат самые незначительные происшествия: «А как писал я сие не в том намерении, чтоб издать в свет посредством печати, а единственно для удовольствования любопытства моих детей и тех из моих родственников и будущих потомков, которые похотят обо мне иметь сведения, то и не заботился я о том, что сочинение сие будет несколько пространно и велико, а старался только, чтоб чего не было пропущено; почему в случае, если кому из посторонних случится читать сие прямо набело писанное сочинение, то и прошу меня в том и в ошибках благосклонно извинить».³³ Из последних слов со всей очевидностью следует, что Болотов не исключал возможного чтения записок посторонними лицами, но не считал все же возможным адресовать им свой труд непосредственно. Описание его частной жизни, со всеми ее мелочами, предназначено прежде всего для тех, кому интересна именно его личность, т. е. родственникам и знакомым.

С другой стороны, имея в виду более широкий круг читателей, Болотов пишет мемуары с целью создания образа в своем роде некоего божественного избранника. Ряд эпизодов, например, таких, в которых Болотов неоднократно подвергается смертельной опасности, свидетельствует о том, что Господь хранит автора записок, что напрямую связано с его верой в Творца и добродетельным поведением: «Всякий раз, когда размышляю я о течении моей жизни и о всех, бывших со мною происшествиях, примечаю я в оной многие следы особливого божеского обо мне Промысла и вижу ныне очень ясно, что и наиглавнейшими происшествиями со мною не иначе, как неведомая рука Господня управляла...»³⁴ С этой точки зрения, мемуары Болотова могут рассматриваться как произведение в высшей степени нравоучительное, и, вероятно, именно так Болотов расценивал функцию и назначение частных записок вообще. Повествование о частной жизни имеет право на существование только в том случае, если самой *неисключительностью* может служить примером «правильного» поведения для простых смертных. При этом оно должно быть повествованием именно о частной жизни, достаточно детально описанной, так как в противном случае картина будет недостаточно полной.

Следует отметить, что Болотов никогда не делает из случаев своей жизни выводов о жизни вообще — лишь о своей собственной. Хомяков же склонен к как можно более широким обобщениям нравоучительного свойства, характерным для авантюрного романа. Подобные обобщения делаются на основании частных, бытовых ситуаций, таких, как например эпизод бегства денщика, за которым следует пространная тирада, начина-

³² Там же. С. 129–130.

³³ Там же. Т. I.

³⁴ Там же. С. 672.

ющаяся словами «О век! Век коловратный! Коликие бывают в тебе приключения, коликие опасности и огорчения!»³⁵ Кроме того, Хомяков делает неприемлемое для Болотова, но характерное для романа обобщение, позволяющее предположить, что каждый достоин заботы Творца: «О жизнь! коль многим ты подвержена опасностям; но когда всевидящее око, хранящее все наши стези, не прерывает нить жизни нашей и охраняет от всех нас бедствий, то и самая опасность вредить нам нисколько не может».³⁶ Болотов создает свои мемуары, чтобы доказать обратное: только тот, кто добродетельным поведением и богопочитанием заслужил Божественную милость, имеет право на нравоучение, да и то не прямое, а на собственном примере

Таким образом, можно предположить, что активное неприятие Болотовым книги Хомякова было вызвано прежде всего ее компилятивным характером и жанровой невыдержанностью на разных уровнях. Эту особенность книги Хомякова неоднократно отмечали исследователи. Сиповский назвал мемуары Хомякова «романизированными записками о действительных приключениях автора»³⁷ в духе романов Прево. В. П. Царева отметила, что «в произведении присутствует стремление осознать события собственной жизни как романский сюжет».³⁸ В примечаниях к публикации «Мыслей о романах» Болотова А. Кучеров писал: «Похождения некоторого россиянина принадлежат к мемуарно-анекдотической прозе»³⁹ При нераспространенности термина «мемуарно-анекдотическая проза» использование его кажется вполне уместным, как и параллели, проводимые Кучеровым с такими текстами, как «Десятилетние странствования унтер-офицера Ефремова» (1786) или «Несчастные приключения Василия Баранщикова» (1793). В данном случае можно говорить о формировании определенной жанровой разновидности, стоящей на стыке романного и мемуарного типов повествования и вызванной к жизни стремлением с большим или меньшим основанием романизировать собственную биографию. Справедливо также и указание Кучерова на связь подобных текстов с прозой М. Д. Чулкова, изобиловавшей как авантюрами, так и бытовыми элементами и часто тяготевавшей к анекдоту. Влиянием Чулкова (или наличием у Чулкова и Хомякова общих источников) можно объяснить и лишь косвенно мотивированное включение в текст нескольких сказок, что также было отмечено Болотовым в ряду недостатков: «Но что всего смешнее и нескладнее: то неизвестно уж совсем, для чего вздумалось господину сочинителю сей книги посреди самой своей повести и поместить несколько сказочек, из коих одна другой глупее и нескладнее; и помещены тут, как в пословице говорится, ни к селу, ни к городу и ни малехонько некстати».⁴⁰

³⁵ Хомяков П. З. Указ соч. Ч. II. С. 148

³⁶ Жизнь и приключения. Т. I. С. 144

³⁷ Сиповский В. В. Указ соч. Т. I. Вып. 1. С. 671

³⁸ Царева В. П. Становление романа в русской литературе 60–90-х годов XVIII века. Л., 1978. Автореф. дисс. канд. филол. наук. С. 16

³⁹ Мысли и беспристрастные суждения. С. 219

⁴⁰ Там же. С. 197

Точка зрения Болотова на роман в данном случае отражает определенный этап развития этого жанра, преодоление которого было начато в прозе таких авторов, как Г. Филдинг или Л. Стерн. В творчестве этих писателей при всем различии в повествовательной манере и понимании задач романа как жанра была сделана попытка ввести сам процесс создания романного мира в ткань повествования и тем самым решить противоречие между достоверностью и вымыслом. Роль метасюжета в такой прозе определил Ю. В. Манн: «Назначение „рефлексии“ в том, чтобы генерализовать частное, привести к нему жизненные и литературные параллели, найти изображаемому место в общей картине мира».⁴¹

Данная ситуация интересна еще и тем, что демонстрирует неосознанное для автора-дилетанта зарождение на периферии литературы приема, свидетельствующего в данном случае о новом этапе существования романного жанра, получившего дальнейшее развитие в произведениях других авторов. Возможно, такой случай не является единичным, и поэтому при изучении некоторых основных культурных тенденций обращение к творчеству «второстепенных» авторов и даже авторов-графоманов является необходимым.

⁴¹ Манн Ю. В. Автор и повествование // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 440.

В. А. СОМОВ

**КРУГ ЧТЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО ОБЩЕСТВА
В НАЧАЛЕ 1760-х ГОДОВ
(ИЗ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ ГРАФА А. С. СТРОГАНОВА)**

Однажды нам уже приходилось кратко упоминать о любопытном документе из истории строгановской библиотеки, хранящемся в ОР БАН,— тетради, в которую записывались книги, выданные из личной библиотеки графа А. С. Строганова.¹ Этот документ, публикуемый здесь, представляется нам очень важным и интересным:

во-первых, это самый ранний из известных нам перечней книг, принадлежащих А. С. Строганову;

во-вторых, он выходит за рамки истории строгановской библиотеки, так как зафиксировал имена многих людей, пользовавшихся ею.

Подобные материалы о книжных собраниях XVIII века вообще очень редки, но, когда речь идет о библиотеке одного из первых русских меценатов, они приобретают особую значимость, так как позволяют представить круг чтения не только самого графа Строганова, но и его окружения — петербургского высшего общества.

Библиотека А. С. Строганова была одной из лучших библиотек Петербурга второй половины XVIII века, она особенно пополнилась во время путешествий владельца за границу в 1750–1770-х годах и заключала в себе к началу XIX века примерно 4000 печатных изданий (около 10 000 томов). Это были ценные русские рукописи, особенно много французских и итальянских книг, в том числе гравированных изданий по истории искусства. Впоследствии она бережно сохранялась потомками графа, а затем сотрудниками музея, созданного после революции в Строгановском дворце. После закрытия дворца-музея в 1930 году библиотека была поделена между Эрмитажем, Публичной библиотекой и Академией наук, сотни книг были проданы властями за границу. Но, хотя она и не сохранилась до наших дней как единый комплекс,— судьба ее не так печальна, как судьба многих других частных библиотек XVIII века. Дошедшие до нас документы из семейного архива, рукописные каталоги и сами экземпляры строгановских книг позволяют не только получить

¹ Сомов В. А. О библиотеке графа А. С. Строганова // Книга в России. Проблемы источникововедения и историографии. Сб. науч. тр. СПб., 1991. С. 100–106.

полное представление о ней, но и говорить о возможности ее реконструкции.²

Один из этих документов — «Promemoria des livres prêtés» (ф. 18, № 37). Он представляет собой небольшую тетрадь в бумажной обложке (размер 15.7×20) в 12 л. (I + 10 + II; л. 7–10 и л. II чистые), сшитую из белой русской бумаги. Филиграни: герб Сиверса и литеры ГКС, белая дата: 1762 г.: (Участкина, № 115).³ Полистно: л. I, II; л. 4, 7; л. 5, 6: 62 // ГКС; л. 1, 10; л. 2, 9; л. 3, 8: герб Сиверса // 17. На обложке тетради (л. I) заглавие: «Promemoria Des livres Prêtés».

Даже при первом взгляде можно сказать, что тетрадь относится именно к библиотеке графа Александра Сергеевича. Она происходит из Строгановского дворца-музея, по внешним признакам датируется началом 1760-х годов, в ней упоминаются близкие родственники графа, рукописи, которые были только у него. Ниже мы приведем дополнительные факты, неоспоримо подтверждающие это предположение.

Почти все или, вероятно, даже все записи в тетради сделаны одним и тем же отчетливым писарским почерком, большинство коричневыми, некоторые черными чернилами или карандашом. Этот крупный, витиеватый почерк нам не известен. Во всяком случае, это не рука А. С. Строганова. Видимо, записи делал библиотекарь или секретарь графа.

По своему внешнему виду тетрадь четко делится на две части. Первая часть (л. 1–4 об.) разлинована карандашом (поперечные линейки для удобства письма), записи в ней сделаны очень аккуратно. С л. 5 внешний вид тетради изменился, линеек нет, записи сделаны, видимо, в спешке, тем же почерком, но черными чернилами и тонким пером. Можно предположить, что первая часть тетради (л. 1–4 об.) представляет собой не оригинальные записи, а переписана позднее из какого-то другого документа, так как записи в ней сделаны слишком аккуратно для подобных материалов, даже те, что по содержанию являются позднейшими приписками.

Например:

«Gresset. 2. vol. 2mo manque 1. vol. perdu en voyage.
Tom Jones 2. vol. 8.vo manque 1. vol perdu en voyage.
Les secrets de Lemery 5. vol. 12.mo on à rapportés 3. volumes».

Пояснения «не хватает 1 тома, потерянного в путешествии», «вернули три тома», которые, несомненно, сделаны по возвращении книг и в оригинале были бы припиской, по нашему мнению, сделаны одновременно с записью о выданных книгах, так как ничем не отличаются от нее по внешнему виду. Быть может, вся запись целиком была сделана постфактум при возврате книг?

Возвращенные книги, как правило, перечеркивались, некоторые, видимо те, что не были возвращены, не перечеркнуты. Иногда перечеркну-

² Введенский А А Библиотека и архив у Строгановых в XVI–XVII вв. // Север Вологда, 1923 Кн 3–4 С 69–115, Елагина Н А, Сомов В А Каталоги библиотеки графов Строгановых в Отделе рукописей РНБ (К вопросу о реконструкции строгановского книжного собрания) // Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки СПб, 2001 С 222–234.

³ *Uchastkina Z V A history of Russian hand paper-mills and their watermarks. Hilversum, 1962*

та сразу вся запись, содержащая несколько книг. Возможно, записи первой части тетради и перечеркнуты одновременно во время проверки библиотеки.

Хотя тетрадь велась очень аккуратно, это всего лишь записи на память, а не описания книг. Как правило, записи очень краткие, полное название приводится лишь изредка, часто не назван автор, никогда не указывается место и дата издания, зато можно найти число томов и формат книги. Название за редким исключением дается на языке оригинала, в основном это французские книги, лишь несколько изданий на латинском, немецком, итальянском языках.

Укажем несколько сложных случаев атрибуции.

В «Promemoria»: Les Heros Subalternes. 1 vl. Печь идет о книге: Godard d'Aucour, Claude. L'Académie militaire ou les Héros Subalternes par p***, auteur suivant l'armée. Amsterdam, par la Société, 1749. 6 parties en 2 vol. in 12.

В «Promemoria»: Eröffnung de Vorschleges zu Verbesserung der Russischen Historie 3 vl. 8 vo. На самом деле речь идет о журнале Г.-Ф. Миллера «Sammlung russischer Geschichte» («Собрание Российской истории»), который описан в соответствии с заглавием издательского проспекта: Eröffnung eines Vorschleges zu Verbesserung der Russischen Historie durch den Druck einer Stückweise herauszugebenden Sammlung von allerley zu den Umständen und Begebenheiten dieses Reichs gehörigen Nachrichten. St. Petersburg, bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1732.

Секретарь или библиотекарь графа, имя которого нам неизвестно, иногда делал записи по слуху и, вероятно, в спешке, поэтому несколько записей совершенно не поддаются атрибуции.

Иногда вызывает затруднения и идентификация читателей, например, трудно определить, какому именно «Господину Ржевскому» (№ 33) выданы немецкие книги, сложно атрибутировать такие записи, как «секретарю князя Голицына» (№ 56), «Полю Семенычу» (№ 34) и невозможно установить, кто был «Господин», взявший «Всеобщую историю путешествий» (№ 51). Почему, если речь идет о «Госпоже Гетманше», в тетради записано «M. La Hettman», а не «M[adam]e La Hettman» (№ 10). Под записью «al Pittore Matvei» (№ 36) можно подразумевать либо живописца Матвея Ивановича Пучинова (1716?, 1722?, 1724?–1797), либо мозаичиста Матвея Васильевича Васильева, который, по свидетельству Я. Штелина, получил в 1767 году из строгановской галереи портрет старика работы Рубенса для создания мозаичной копии этой картины.⁴

Всего в тетради 60 записей, из которых явствует, что за это время библиотекой А. С. Строганова воспользовались примерно 50 человек и было выдано около 90 книг.

К сожалению, записи в «Promemoria» не датированы. Судя по бумаге (белая дата филигрании 1762 год), тетрадь начали вести не ранее 1762 го-

⁴ Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. М., 1990. Т. I. С. 119–121, 123–125, 127, 130. Благодарю К. В. Малиновского за консультации. См. также: Кузнецов С. О. Из фамильной хроники Строгановых // Наше наследие. 2001. № 59–60. С. 32–33.

да. Но если первые записи скопированы из другого документа, то они зафиксировали и более раннюю выдачу книг.

Попробуем датировать если не отдельные записи, то хотя бы тетрадь в целом. Вначале рассмотрим некоторые записи, которые поддаются датировке, причем она тесно связана с атрибуцией имени читателя, а иногда и выданной книгой.

Открывается «Рго-метогиа» довольно загадочной записью: «Господину Барону». Ему было выдано 8 книг, в то время как обычно выдавались одна-две книги. В их числе «Сельская библиотека», роман Вольтера «Кандид», один том писем некоего В. (вряд ли стоит сомневаться, что речь идет о Вольтере), три тома гравюр по произведениям Антуана Ватто.⁵ Упоминание «Кандида» свидетельствует о том, что запись сделана не раньше 1759 года, когда роман вышел в свет. Мы можем только предполагать, кто скрывается под записью «Господин Барон». Без сомнения — это человек, хорошо известный в доме. А если допустить, что первые записи в тетради являются копиями более ранних записей, тогда, возможно, это даже сам А. С., который стал графом только в 1761 году.⁶ В октябре 1760 года А. С. был послан Елизаветой Петровной в Вену для поздравления австрийского двора по случаю бракосочетания эрцгерцога Иосифа. Там он получил титул графа Священной Римской империи (29 мая 1761 года), с этого момента и в России он считался графом. Если речь идет о самом хозяине, то первые записи в тетради были сделаны до его отъезда в Вену, т. е. не позднее октября 1760 года. В связи с этим еще раз обратим внимание на примечания к сочинениям Грессе и роману Филдинга «История Тома Джонса, найденыша», которые сообщают, что в каждом из этих изданий не хватает по одному тому, так как они потеряны во время путешествия. Может быть, речь идет именно о поездке А. С. в Вену? Заметим, правда, что при копировании тетради в 1762 году А. С. могли назвать уже графом. Поэтому нельзя исключать и того, что вышеупомянутый «Господин Барон» это кто-нибудь из близких родственников А. С., может быть, один из его двоюродных братьев, сыновей барона Николая Григорьевича Строганова: Александр Николаевич (ум. 1783), Сергей Николаевич (1738–1777) или Григорий Николаевич (1731–1777). Однако имя последнего мы встречаем в тетради дважды: «Господину барону Григорию Строганову» были даны «История претендента» Ж.-М. Дюре де Морсана и «Рассуждения о всеобщей истории» Боссюэ.

В тетради есть еще одна запись (№ 11), подобная первой: семь книг были выданы «Госпоже Баронессе», в том числе сборники «комических опер», «различных комедий», «Дон-Кихот» Сервантеса, и, так же как «Господину Барону», — сочинения Вольтера и Грессе. Здесь тоже возможны различные предположения: либо это сама Анна Михайловна Строганова,

⁵ Видимо, это издание было продано через «Антиквариат» за границу. См.: Catalogue de très beaux livres du XVIIIe siècle et du début du XIXe. Imprimés entre les années 1700–1819. Paris, S. A. Georges, libraires, 1931.

⁶ Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи Императора Александра I. СПб., 1903. Т. I. С. 11, 229. Рескрипт с позволением принять титул подписан М. И. Воронцовым 17 июля 1761 г.

либо жена одного из вышеупомянутых кузенов, например Григория Николаевича, Александра Борисовна Строганова, урожденная Голицына. Если же речь идет об А. М. Строгановой, в таком случае и все предыдущие записи (№ 2–10) сделаны не позднее октября 1760 года, так как супруга сопровождала А. С. в заграничном путешествии.

Обратимся к некоторым другим записям.

Запись 2: «Графу И. Г. Чернышеву» выдали «Историю нового народа» Д. Томпсона, изданную в 1757 году, и некое «Путешествие в Китай». Так как Иван Григорьевич Чернышев в апреле 1761 года был назначен вторым полномочным министром на Аугсбургский конгресс, а в начале 1762 года отозван Петром III в Россию, запись сделана либо не позднее апреля 1761, либо после возвращения Чернышева в Петербург, т. е. не раньше начала 1762 года.⁷

Запись 5: «Камергеру Шувалову» выданы две книги «Философия, или Логика» и «Размышлениями графа Оксеншерна». Это, без сомнения, И. И. Шувалов, который уехал за границу в конце февраля 1763 года, т. е. запись сделана не позднее этого времени.⁸

Запись 12: «майору Нартову» выданы две книги: немецкая «Путешествие по России» и французская «Нравы» (автор Ф.-В. Туссен). Речь идет об Андрее Андреевиче Нартове, который в 1759 году стал майором, а в 1763 — полковником. Значит, запись сделана не ранее 1759 года и не позднее 1763.

Запись 14: «Господину Бутурлину» выданы две книги: «Письма и мемуары барона Пельница» и том сочинений Вольтера. Мы предполагаем, что речь идет о графе Петре Александровиче Бутурлине. Странно, однако, что он не назван графом, как правило, даже в подобных документах титулы указывались. Не случайно в тетради фигурирует некий «Господин Панин» без титула (№ 30): разумеется, это один из двух братьев Паниных, скорее всего, Никита Иванович. Но он не назван графом, и это верно, так как Н. И. и П. И. Панины возведены в графское достоинство Российской империи только в 1767 году. Скорее всего, и запись 14 сделана до того, как отец П. А. Бутурлина Александр Борисович получил титул графа, т. е. до февраля 1760 года,⁹ во всяком случае не позднее февраля 1763 года, когда П. А. Бутурлин, получив пост посланника в Мадриде, уехал из Петербурга.

Конечно, можно допустить, что близкие люди упоминаются без титула. Например, некая «Мария Сергеевна» получила четыре тома книги «Сельские забавы» (№ 17). Речь идет, скорее всего, о родной сестре владельца библиотеки. Она не названа графиней либо потому, что писавший (диктовавший?) мог обратиться к ней просто по имени, либо запись сделана после того, как она вышла замуж за Н. У. Новосильцева.

⁷ Алексеевский Б Чернышев И Г // Рус биограф словарь Т 22 «Чаадаев–Швитков» СПб., 1905 С 319

⁸ 28 февраля 1763 г М И Воронцов писал из Москвы А Р Воронцову «Р S Сегодня Иван Иванович Шувалов отсюда поехал, получа от Ея Императорского Величества Милостивое позволение воажировать Он намерен чрез Берлин, Вену в Париж ехать, а потом в Италию и уповает быть и в Лондоне» Архив князя Воронцова. М., 1872 Т V С 118

⁹ Дочгогуков П Российская родословная книга СПб., 1856, Архив князя Воронцова 1872 Т 5 С 118

Записи 16 и 26 сообщают, что «Господину канцлеру» (М. И. Воронцову) выданы «Путешествие Клима» и две географические карты, а «Госпоже Канцлерше» (А. К. Воронцовой) выдана Библия, украшенная эстампами. Обе записи сделаны не позднее июля 1763 года, когда Воронцовы отправляются за границу.¹⁰

Запись 21 «Его Превосходительству Господину Графу Роману Воронцову» сделана не ранее января 1760 года, когда Р. Л. Воронцов получил титул графа.¹¹ «Господин Воронцов-сын», получивший «Зрелище природы» А. Плюша и «Воздыхания Европы» Ж. Дюмона (№ 13), скорее всего, Семен Романович, так как его брат А. Р. Воронцов был в это время за границей.

Запись 25. «Майору Мелюзино». Это несомненно Петр Иванович Меллисино, который в 1759 году стал артиллерии майором.

Запись 27 «Госпоже княгине Дашковой» сделана не ранее 1759 года, когда Екатерина Романовна Воронцова вышла замуж и стала княгиней Дашковой.

Запись 28: «Господину графу Андрею Петровичу» выдано «Путешествие по Швейцарии». Это несомненно А. П. Шувалов, который в 1759 году вернулся в Петербург после путешествия по Европе, а в 1764 году опять уехал за границу. Значит, запись сделана между 1759 и 1764 годом.¹²

Запись 29: «Господину Пикте из Женевы». Пикте Франсуа Пьер, выходец из Женевы, доктор правоуедения, приятель и протееже Вольтера, секретарь А. Р. Воронцова. Приехал из Вены в Петербург, видимо, в конце 1761 года.¹³ Запись сделана не ранее этого времени.

Запись 31 «Ее величеству Императрице». Она даже внешне выделяется среди других, сделана крупным почерком. Эта простая с первого взгляда запись вызывает, однако, вопросы, так как в короткий период времени, о котором идет речь, в России было две императрицы. Если запись сделана до конца 1761 года, речь идет о Елизавете Петровне, если же в 1762 году — о Екатерине II (подробнее см. ниже).

Запись 32 «Господину Позье» сделана не позднее 1764 года, когда придворный ювелир Иеремия Позье уехал из России (подробнее см. ниже).

Для датировки очень важны две записи, завершающие первую часть тетради № 37 и 38, о книгах, взятых графом в путешествие и отправленных в Москву. По нашему мнению, они сделаны в августе—сентябре 1762 года (подробнее см. ниже).

Рассмотрим некоторые записи второй части тетради, которая является не копией, а оригинальным документом, напомним, что они сделаны не ранее 1762 года

¹⁰ 5 августа 1763 г из Петербурга М И Воронцов извещает А Р Воронцова, что завтра отправится в путь Архив князя Воронцова Т V С 127

¹¹ Долгоруков П Российская родословная книга СПб, 1856 Ч 2 С 210

¹² Кобеко Д Ф Ученик Вольтера граф А П Шувалов (1744–1789) // Русский Архив 1881 Т 3 № 2 С 241–290, Заборов П Р Русско-французские поэты XVIII в // Многоязычие и литературное творчество Л, 1981 С 72–86

¹³ Письмо А Р Воронцова Вольтеру от 11 09 1761 // Новые тексты переписки Вольтера Письма к Вольтеру / Публ В С Люблинского Л, 1970 С 60–62, Кобеко Д Ф Из истории французской колонии в Петербурге // Журнал Министерства народного просвещения 1883 № 5 Отд 2 С 51–64, 1884 № 11 Отд 2 С 1–26

Запись 44 сообщает о том, что «Господину Жукову выдан первой том русской книги „Иродота“». Русский перевод сочинений Геродота (первый том) был опубликован в 1763 году. Значит, эта и последующие записи сделаны не ранее 1763 года.

Записи 41, 49: «Господину д'Одару». Речь идет о пьемонтце Мишеле (Джованни-Микеле) Одаре, который приехал в Россию в конце царствования Елизаветы Петровны. М. Одар, имя которого дважды упоминается во второй части тетради, путешествовал по Европе с июля 1762 по февраль 1763 года и в июне 1764 окончательно покинул Петербург. Значит, записи сделаны в 1763–1764 годах.¹⁴

Запись 57 — одна из последних в тетради — зафиксировала имя «графа Растрелли». Знаменитый архитектор уехал из России около 1764 года.¹⁵

Таким образом, последние записи сделаны не позднее середины 1760-х годов (1764?), и саму рукопись, выполненную на бумаге 1762 года, можно датировать 1762—серединой 1760-х годов (1764?). Если же допустить, что записи первой части тетради (л. 1–4 об.) скопированы из раннего документа, то по содержанию тетрадь можно датировать 1759/60 годом—серединой 1760-х годов, записи первой части сделаны не ранее конца 1759 года, записи второй части (с л. 5) не позднее середины 1760-х (1764?).

Читателями строгановской библиотеки были члены высшего столичного общества, государственные и военные деятели, придворные, иностранцы, жившие в Петербурге. Сама императрица брала книги у своего камергера.

В тетради записаны имена близких родственников графа — его родной сестры Марии Сергеевны, кузена Григория Николаевича Строганова, а также членов семьи Воронцовых — родственников его жены Анны Михайловны. Это тесть Строганова М. Л. Воронцов, родной брат тестя Роман Ларионович, один из сыновей Р. Л. Воронцова Семен Романович и его дочь Е. Р. Дашкова

Библиотекой пользовались ученые, писатели, художники, в том числе профессора Петербургской академии наук историк Г.-Ф. Миллер, химик И. Г. Леман, архитектор К. Б. Растрелли, построивший великолепный Строгановский дворец на Мойке, А. А. Нартов, А. П. Сумароков.

Уже сама дата филигрании — 1762 год — очень привлекательна для историка. Это год восшествия на престол Екатерины II, начало нового царствования, дата, ставшая рубежом не только в политической, но и в культурной жизни России. Лица, упоминаемые в тетради, свидетели «счастливой перемены» — переворота 28 июня 1762 года, а некоторые даже его непосредственные участники. Нам представляется более вероятным, что «Ее Величество Императрица», фигурирующая в «Prometopia», не Елизавета Петровна, а новая императрица Екатерина II. Здесь присутствуют имена представителей обеих группировок — и сторонники Екатерины, и сторонники Петра III. Они все тесно связаны между собой, часто

¹⁴ Строев А. Ф. «Те, кто поправляет Фортуну» Авантюристы Просвещения М., 1998 С. 312–316

¹⁵ Козьяни Г. К. Архитектор Растрелли Л., 1976 С. 189–192

являются родственниками. Императорский двор — это большая семья, а дворцовый переворот был семейным делом.

Сама императрица упомянута дважды. Первый раз ей выдана комедия «Философы» (№ 31. Палиссо (?)), а вторая запись, вернее приписка карандашом, свидетельствует о том, что одна из книг, отправленная графу в Москву, а именно «Мемуары» герцога де Сюлли, взятые из «Малых покоев Господина Графа», дана Ее императорскому Величеству (№ 38)

Вполне естественно, что Екатерина пользовалась одной из лучших, если в то время не лучшей, библиотекой Петербурга. Кроме того, граф Строганов был одним из любимых собеседников императрицы, спутником в ее путешествиях по России, частым партнером в карточной игре. О близости Строганова к Екатерине свидетельствовали как русские, так и иностранные авторы.¹⁶ По словам биографа, граф «постоянно пользовался благосклонностью и дружбой императрицы»,¹⁷ и эта благосклонность, во всяком случае в начале царствования Екатерины, объяснялась не только просвещенностью и остроумием графа, но и тем, что А. С. был среди приверженцев императрицы еще до восшествия ее на престол 28 июня 1762 года граф одним из первых присоединился к Екатерине, как только она вступила в Петербург. Строганов был далек от политических интриг, имя его не упоминается среди награжденных участников переворота,¹⁸ видимо, сам он не участвовал непосредственно в подготовке заговора Княгиня Дашкова в своих мемуарах оставила описание одного из конфликтов между Петром III и Екатериной, жертвой которого был граф Строганов.

Во время торжества по случаю заключения мира с королем Фридрихом — праздничного обеда, на котором присутствовали высшие сановники и послы иностранных государств,¹⁹ Петр во всеуслышание оскорбил Екатерину, назвав ее душой.

«Императрица залилась слезами, но, не желая вызывать жалость и чтобы отвлечься, она попросила своего кузена, камергера графа Строганова, который как дежурный стоял позади ее стула, занять ее беседой и своими милыми шутками, в чем он был большой искусник. Граф поспешил подавить в себе негодование и огорчение, вызванное происшедшей сценой, и стал болтать, стараясь развеселить Екатерину, к которой он был очень привязан, чем уронил себя в глаза ее супруга, тем более что жена графа, которая была очень дружна с моей сестрой, мужа не терпела. По окончании обеда Строганову приказали отправиться на свою дачу на Каменном острове и не выезжать оттуда до нового распоряжения».²⁰ Так, желание развлечь императрицу повлекло за собой домашний арест.

¹⁶ Histoire ou anecdotes sur la Révolution de Russie, en l'année 1762 Par M de Rulhiere A Paris, Chez Desenne, An V de la Rep 1797 P 88–89

¹⁷ Колмаков Н М Памяти графа Александра Сергеевича Строганова СПб, 1844

¹⁸ Сб Русского исторического общества Т 7 С 110, 132 (список награжденных за участие в событиях 26 июня)

¹⁹ Церемониальный и банкетный журнал 1762 г за время царствования имп Петра III СПб, 1865 С 56

²⁰ Memoires de la princesse Dashkaw D'après le manuscrit revue et corrigé par l'auteur // Архив князя Воронцова Кн 21 М, 1881 (Бумаги княгини Е Р Дашковой (урожденной графини Воронцовой)) С 48

Во время переворота графиня А. М. Строганова оставалась в числе сторонников Петра III в Петергофе. Великий князь Николай Михайлович писал в связи с этим: «...политические события резко повлияли на судьбу молодой четы <...> С этого времени начинается рознь в супружеской жизни А. С. Строганова, скоро перешедшая в открытую вражду и кончившаяся возвращением графини Анны Михайловны в родительский дом. Супруги разъехались в ноябре 1764 г. Пять лет тянулось дело о разводе. Екатерина II отклонила от себя решение этого вопроса, предоставляя Строганову обратиться к суду духовному».²¹ Тем не менее в своих мемуарах она не преминула обвинить графиню в неверности мужу.

В «Прометоега» встречаем имена многих людей, близких к императрице в дни переворота. Прежде всего это княгиня Дашкова, которая в отличие от своих родственников Воронцовых горячо и деятельно поддерживала Екатерину и, по мнению многих современников, была одним из главных действующих лиц событий 28 июня. В числе тех, к кому благоволила императрица, был Карл-Фридрих Крузе, она вернула ему пост лейб-медика, которого он лишился по воле Петра III. Современники утверждали, и этот слух повторен иностранными авторами, описывавшими переворот, что именно Крузе приготовил яд, которым пытались отравить императора. «Господин Крузе» (№ 60) взял описание коллекций Кунсткамеры. Видимо, он регулярно обменивался с графом книгами. Так, среди строгановских рукописей, хранящихся в БАН, есть одна с дарственной надписью К. Ф. Крузе, сделанной в 1764 году «*Diario Sopra la Revolte di Messina Seguinte li 7. Luglio 1674*» («*Illustri ac Excell. Comitibus Bibliotheca inscribitur CF Kruse. <...> 1764*»)²².

В тетради встречаем имена еще двух иностранцев, выполнявших важнейшие поручения императрицы: Мишель Одар и Франсуа Пикте.

Пьемонтец Мишель (Джованни-Микеле) Одар пользовался покровительством Дашковой и принимал участие в подготовке переворота. По словам княгини, «это был человек слабого здоровья, уже в годах, очень умный и хитрый».²³ После воцарения Екатерины он поступил на службу в Кабинет в качестве библиотекаря и принимал участие в переписке с Даламбером, когда знаменитого ученого пытались пригласить на пост воспитателя Павла Петровича.²⁴ В 1763–1764 годах назначен членом Комиссии для рассмотрения коммерции российского государства и особого при ней Собрания для рассмотрения проектов, касающихся до торговли.

Одар взял у Строганова четыре книги, его интересовали поэзия и политические трактаты. С одной стороны, это «Влюбленный Роланд» Боярдо и итальянский перевод Лукреция Кара, с другой — «Политические рассуждения» Дэвида Юма и сборник политических завещаний, в котором представлены имена Ришелье, герцога Лотарингского, Кольбера и Лу-

²¹ Николай Михайлович, вел кн Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817) Историческое исследование эпохи Императора Александра I СПб, 1903 Т I С 12

²² ОР БАН, ф 18 (Строгановы Иностран), № 23

²³ Mémoires de la princesse Dashkoff P 51–52

²⁴ Кобеко Д Ф Екатерина II и Даламбер (Новооткрытая переписка Даламбера с Екатериною и другими лицами) // Русская старина 1884 № 4 С 107–142, № 5 С 283–289

ву (№ 41, 49) В Российской национальной библиотеке сохранилась одна из этих строгановских книг: итальянский перевод поэмы Лукреция «О природе вещей», выполненный А. Маркетти. Это двухтомник, изданный в Амстердаме в 1754 году на веленовой бумаге с золотым обрезом. Книга украшена гравюрами, выполненными П. Лемиром, Ж.-Ш. Вакуа, Д. Сорником по рисункам Ш.-Д. Эйзена, Ш.-Н. Кошена и др. На титульном листе обоих томов помета черными чернилами «Au comte Stroganov». ²⁵ Книга в нарядном кожаном светло-коричневом переплете XVIII века с золотым тиснением. Любопытно, что тиснение на корешке точно соответствует записи в тетради: «Marchetti di Tito Lucrezio Caro». Скорее всего, именно этот экземпляр был в руках у Одара.

О книгах, взятых Пикте, мы скажем позднее, а теперь вернемся к вопросу о датировке «Прометогия». Для этого особенно важны несколько записей в конце первой части тетради. Сразу вслед за упоминанием императрицы (№ 31) идет запись о том, что г-ну Позье (придворному ювелиру Иеремии Позье) выдан фолиант под заглавием: «коронация Ее И. В.» (№ 32). Если мы допустим, что записи сделаны в 1762 году, то можно предположить следующее. Несколько дней спустя после переворота Позье было поручено заняться короной для торжеств коронации, с которой Екатерина в отличие от Петра III решила не медлить. ²⁶ Вероятно, для этого Позье и понадобилось описание предыдущей коронации, т. е. коронации Елизаветы Петровны.

Судя по записи, речь идет о французской книге. Однако известны лишь русский и немецкий варианты этого роскошного издания, которое Д. А. Ровинский назвал «главным памятником русского гравирования при Елизавете». ²⁷ Возможно, у Строганова была рукопись французского варианта, или просто запись в тетради была сделана по-французски, хотя напомним, что, как правило, книги записывались на языке оригинала. ²⁸ Если же запись о Позье сделана до переворота, он мог брать описание коронации, например, для изготовления погребальной короны Елизаветы Петровны в январе 1762 года либо еще раньше с какой-то другой целью. Однако первое предположение кажется нам более вероятным, что подтверждается и анализом других записей.

²⁵ Вероятно, это адресная запись книгопродавца либо переплетчика. Я признателен сотруднику РНБ С. В. Королеву, который обнаружил в Иностранном фонде РНБ множество экземпляров из библиотеки Строгановых.

²⁶ *Позье И.* Записки придворного брильянтщика о пребывании его в России с 1729 по 1764 г. // Русская старина, 1870. Т. 1. № 3. С. 228–232; *Кузнецова Л. К.* Георг Фридрих Экарт и алмазная мастерская, его отношения с Позье и работа над короной Екатерины II // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1989 М., 1990. С. 379–391.

²⁷ *Ровинский Д. А.* Подробный словарь гравированных портретов. СПб., 1889. Т. IV. Стб. 28–31. Намеревались издать и французский перевод, но он не вышел в свет. Материалы по истории Имл. Академии наук. СПб., 1889. Т. 5. С. 986–987, 1025, СПб., 1895. Т. VII. С. 620–622. Благодарю М. А. Алексею за сведения об этом издании.

²⁸ Вряд ли речь идет о французском описании коронации Екатерины II, корректурный экземпляр сохранился в РГАДА и представляет собой, по свидетельству М. А. Алексеевой, лишь текст, опубликованный в Санктпетербургских ведомостях. *Description du couronnement de Sa Majeste Imperiale Catharine II imperatrice et souveraine de toutes les Russies etc. accompli a Moscou, [1762].* 16 P. 2, *Алексеева М. А.* Художник Жан Луи де Велли (1730–1804) // Вопросы теории и истории русского искусства II половины XVIII века. СПб., 1997. С. 23–35.

Коронация Екатерины II состоялась в Москве 22 сентября 1762 года.²⁹ Императрица выехала со двором из Петербурга 1 сентября, а Позье, занятый приготовлениями, последовал за ней неделю спустя и покинул Москву вслед за императрицей в начале июня 1763 года, таким образом, запись о Позье можно датировать июлем—августом 1762 года, вероятно, все же июлем, когда он приступил к работе над короной.³⁰ А. С. Строганов как камергер, естественно, также сопровождал Екатерину и, более того, «находился безотлучно» при ней.³¹ По нашему мнению, именно эта поездка графа зафиксирована в «Prometopia», причем рядом с записями об императрице и Позье. Одна за другой следуют две записи на итальянском языке о книгах и вещах, «взятых графом в путешествие» (№ 37) и «отправленных в Москву его сиятельству господину графу» (№ 38) Это «Ирокезские письма» Ж. Мобера де Гуве, трактат Гельвеция «О разуме», «Мемуары» герцога де Сюлли (рядом запись карандашом: «дана ее императорскому величеству»), две книги, взятые от «госпожи графини», т. е. у А. М. Строгановой: «Побочный сын» Дидро (?) и сборник «Французская плеяда, или Дух великих поэтов», а также оркестр, чембало, каминный экран, подставки для поленьев и все принадлежности для двух каминов. Справедливости ради укажем, что Строганов еще раз собирался в Москву в начале 1764 года и даже заранее отправил туда багаж, правда, эта поездка не состоялась. О планах графа мы узнаем из переписки П. В. Бакунина с А. М. Строгановой, которая в это время жила за границей. Бакунин, регулярно информировавший графиню о петербургских новостях, писал ей во Флоренцию 10 января 1764 года: «Господин граф Строганов предполагает уехать в Москву в феврале, и в преддверии отъезда туда была отправлена большая часть его вещей, особенно библиотека и редкости, число которых значительно увеличилось благодаря целой коллекции, которую, говорят, он приобрел за 7000 рублей у господина Крузе, оставшейся после покойного Бургаве»³² Но в нашей тетради речь идет всего лишь о нескольких книгах, поэтому вряд ли записи относятся к приготовлениям, о которых пишет Бакунин. Даже если это так, запись сделана не позднее начала января 1764 года и не меняет верхней границы датировки рукописи. Нам представляется более вероятным, что записи 37 и 38 свидетельствуют именно о путешествии графа в Москву на коронационные торжества. Приведем дополнительные факты, подтверждающие это.

Обе записи, назовем их «московскими», делят тетрадь примерно на две части. Имя Дашковой упоминается почти одновременно с императрицей в первой части тетради (№ 27). Известно, что Дашкова уехала в Москву вместе с Екатериной в одной карете, но, напротив, осталась в Москве, когда весь двор вернулся в Петербург в июне 1763 года. Кня-

²⁹ Соловьев С М История России с древнейших времен // Соловьев С М Сочинения М, 1994 Кн 13 С 121–133

³⁰ Позье И Указ соч С 114–121

³¹ Колмаков Н М Указ соч С 10

³² Архив князя Воронцова М, 1888 Кн 34 С 320 Письмо П В Бакунина интересно и сообщением о покупке коллекции покойного лейб-медика Г Бургаве-Кау у его зятя Карла-Фридриха Крузе

гиня попала в немилость за причастность к заговору против Орловых и вернулась в Петербург (судя по ее мемуарам) лишь в декабре 1763 года. К этому времени Россию уже покинули некоторые «читатели» Строгановской библиотеки. Так, в 1763 году уехал М. Л. Воронцов с женой, И. И. Шувалов, вскоре (в 1764 году) И. Позье и А. П. Шувалов. Все они упоминаются именно в первой части тетради. К. Б. Растрелли, имя которого значится одним из последних в конце тетради, вернулся в Италию в 1764/65 году. Таким образом, можно еще раз уточнить датировку тетради. По нашему мнению, более половины записей в ней сделаны не позднее 1762 года, большая часть из них после восшествия Екатерины на престол, точнее, с конца июня по август и никак не позднее сентября, когда двор отправился в Москву. Последние записи сделаны не позднее 1764/65 года.

Из сотни зафиксированных в «Promethogia» книг почти все на французском языке (если исключить случаи, когда по-французски могли записать иноязычные книги). Немецкими книгами заинтересовался только некий «Господин Ржевский» (возможно, Алексей Андреевич), взявший три тома журнала, издаваемого Г.-Ф. Миллером, «Собрание Российской истории» и сочинение по истории и генеалогии европейских монархов (№ 33). Всего два раза упоминаются материалы на русском языке: А. П. Сумароков взял некую «русскую рукопись» (№ 18), а «Господин Жуков» перевод сочинений Геродота (№ 44). Скорее всего, речь идет о Петре Федоровиче Жукове, петербургском библиофиле, богатое книжное собрание которого стало основой библиотеки столичного университета.³³

Из авторов в «Promethogia» чаще всего встречается имя Вольтера. Это не случайно. Начало 1760-х годов — время, «когда вольтерьянство стало поощряемой свыше общественной тенденцией и даже модой».³⁴ В тетради записи неопределенные — «Вольтер», «том Вольтера», «сочинения Вольтера», «Письма В[ольтера]» соседствуют с более отчетливыми, зафиксированными новейшие издания книг философа. «Кандид» (1759), «Сборник парижских шуток (фациций)» (1760). Несколько раз выдавалась «История Российской империи», первый том которой вышел в 1759 году, второй в 1763. Граф Миних (вероятно, сын, отец был бы записан со званием фельдмаршала) взял только второй том книги, значит, запись (№ 58) сделана не ранее 1763 года.

Княгине Дашковой были выданы «рукописи Вольтера» (№ 27). Трудно сказать, что это — оригиналы, копии писем, распространяемые самим Вольтером, или рукописные копии его изданных сочинений. Заметим, что в ОР БАН, в том же фонде Строгановых, есть копии статей из «Философского словаря», а знаменитые письма Вольтера к И. И. Шувалову, посвя-

³³ Горфункель А. Х., Николаев Н. И. Начало университетской библиотеки (1783 г.): Собрание П. Ф. Жукова — памятник русской культуры XVIII в. Каталог. Л., 1980. У самого П. Ф. Жукова есть это издание: см. № 76. П. Ф. Жуков бывал в доме у А. П. Шувалова. Вероятно, он был знаком с А. С. Строгановым. Кобеко Д. Ф. О стихотворениях академика П.-Л. де Руа // Российская библиография. 1881. № 93. С. 361–362.

³⁴ Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер: XVIII—первая треть XIX века. Л., 1978. С. 31.

шенные работе над историей Петра и хранящиеся теперь в Оксфорде в Вольтеровском фонде, происходят именно из Строгановского собрания³⁵

Среди тех, кто обратился за сочинениями Вольтера,— «Г-н Пикте из Женевы» (№ 29), взявший «Историю войны 1741 г.» (книга изданная в 1752 году, впоследствии включена в состав «Очерка века Людовика XV»). Франсуа Пьер Пикте — фигура примечательная, он возвращает нас к теме июньского переворота. Приехав в Россию в конце 1761 года, он пользовался здесь вниманием как приятель Вольтера и протеже Воронцовых, впоследствии получил место французского учителя у Г. Г. Орлова, затем стал сотрудником Канцелярии Опекунства иностранных. С сентября 1762 до февраля 1763 года был в Москве (вместе с Двором на коронации). Именно Пикте оказал значительную услугу императрице, послал Вольтеру письмо с рассказом о «счастливой перемене» в Петербурге, составленное в духе, выгодном Екатерине II. Благодаря Вольтеру это письмо было помещено в «Энциклопедическом журнале», следовательно, Пикте через Вольтера информировал о перевороте всю просвещенную Европу. Он был своеобразным посредником между Петербургом и Фернэ, способствовал началу переписки императрицы и великого философа, переписки, сыгравшей столь важную роль в привлечении общественных симпатий к России, созданию образа Екатерины II как просвещенной государыни.³⁶ Пикте помогал и Строганову завязать отношения с великим философом и получать его книги.³⁷

Еще одно имя, тесно связанное с Вольтером,— «Господин Шоме» Нам показалось возможным соотнести его с Абрахамом Жозефом де Шоме (1725–1773), литератором, противником Вольтера и энциклопедистов.³⁸ Его «антифилософские» сочинения были поддержаны янсенистами и представителями Рима Однако после своих распрей с Вольтером и с лагерем философов Шоме весной 1763 года вынужден был уехать из Франции, он отправился в Россию, где получил место гувернера. Вольтер в свою очередь выступал с нападками на Шоме во многих сочинениях 1760–1773 годов и в переписке У Строганова Шоме взял книгу Ф. Г Штрубе де Пирмонта «Очерки законов природы» (№ 59)

Примерно треть нашего списка книг относится к изящной словесности: это романы, поэзия, театральные произведения. Среди последних комедия «Философы» (вероятно, Палиссо), которая была взята императ-

³⁵ *Voltaire Correspondence and related documents* Oxford, 1972 Т XXIV Они зафиксированы в каталоге библиотеки 1820-х гг ОР РНБ Разн F XVIII 177/2 № 3729 *Lettres manuscrites de Voltaire relatives a l'histoire de Pierre le Grand* 80 (86) lettres in 4 Помета карандашом «нет VIII 22»

³⁶ *Люблинский В С* Письмо Вольтера к Пикте // Вольтер Статьи и материалы Л, 1947 С 185–196 Существовало письмо Пикте Вольтеру из Москвы от 10/21 марта с описанием коронационных торжеств Текст его донныне неизвестен Новые тексты переписки Вольтера Письма к Вольтеру / Публ В С Люблинского Л, 1970 С 239

³⁷ Новые тексты переписки Вольтера Письма к Вольтеру / Публ В С Люблинского С 238, Новые тексты переписки Вольтера Письма Вольтера / Публ В С Люблинского М, Л, 1956 С 399

³⁸ *Dictionnaire des journalistes / Sous la direction de Jean Sgard* Oxford, 1999 Т 1

рицей (№ 31). Граф Растрелли заинтересовался сочинениями французского поэта Жана-Батиста Грекура (№ 57).

Такую же часть репертуара (около 30 наименований) составляет литература историко-политического содержания и описания путешествий. Например, княгиня Дашкова взяла три тома «Всеобщей истории» (№ 27).

Из «Россики» упомянем «Записки о царствовании Петра Великого» Руссе де Мисси, которые взял «Г-н Ржевский» (№ 33).

В списке встречаются и периодические издания: литературный альманах «Le Petit Réservoir», издававшийся в Гааге в начале 1750-х годов и публиковавший выдержки из «Энциклопедии», сочинения Монтескье, Вольтера, Фонтенеля, переводы с английского, стихи, эпиграммы, объявления о вновь вышедших книгах. Этот альманах взял «г-н Сенепар», видимо актер французской труппы (№ 53).³⁹

Некоторые читатели берут книги, явно необходимые для профессиональной деятельности: «Господин Панин», видимо Никита Иванович Панин, — фактический глава коллегии иностранных дел, взял копии различных трактатов (№ 30). «Господин Сукин», видимо, речь идет о Федоре Ивановиче Сукине, ставшем впоследствии вице-президентом Мануфактур-коллегии, — книгу Плюмара де Данжеля «Рассуждение» о французской и английской торговле (№ 15).

В тетради зафиксированы сочинения по вопросам философии, права, экономики, математики, естественной истории, искусству, теологии — это своеобразный срез универсальной библиотеки, столь характерной для книжных собраний русских аристократов.

Хронологически издания охватывают период XVI–XVIII веков, но за редким исключением, это прежде всего издания XVIII века. Примерно пятую часть (более 20) составляют новинки европейского книжного рынка — издания 1750-х годов — времени, когда Строганов путешествовал за границей и сделал свои основные приобретения.

Среди книг были и те, о которых много говорили в Петербурге начала 1760-х годов, впоследствии переведенные на русский язык. Нам показалось любопытным сопоставить перечень книг из «Prometopia» с записками С. А. Порошина, воспитателя великого князя Павла Петровича, относящимися к 1764–1765 годам, т. е. ко времени, совсем близкому.

Порошин с педантичностью отмечал все, что касалось личности великого князя, его воспитания и обучения, — посетителей, разговоры за обеденным столом. Судя по его запискам, граф Строганов — частый гость при дворе великого князя, он фактически принимает участие в воспитании наследника престола: рассматривает вместе с ним геометрические фигуры, беседует о театральных постановках, о переводах и о «стихотворстве», о «гражданских законах», о путешествиях, «о богатстве разных языков». Например, в один из вечеров граф говорил с великим князем

³⁹ Азбучный указатель русских деятелей для Русского биографического словаря СПб., 1888 Ч 2 Сб Имп Русского исторического общества Т 62, Дипломатический Архив Франции Нант Фонд французского посольства в Петербурге «Denis Senepart, fils majeur du sieur Pierre Senepart, bourgeois de Paris»

по-гасконски, «чем его высочество весьма много увеселялся».⁴⁰ Нередко в присутствии графа обсуждаются и прочитанные книги. «Приходили к государю Великому князю гр. Иван Григорьевич Чернышев и гр. Александр Сергеевич Строганов. Смотрели нововышедшую книгу „Histoire des Rois-Philosophes Marc-Aurele, Julien, Stanislas et Frédéric“».⁴¹

Среди десятков литературных сочинений, упомянутых на страницах дневника Порошина, есть и книги, зафиксированные в «Promemoria». Это сочинения Вольтера, в том числе «История Российской империи», трактат Гельвеция «О разуме», «Приключения Телемака» Фенелона, «История Дон Кихота» Сервантеса, «Мемуары» герцога де Сюлли. При дворе великого князя беседуют о сочинениях Бюффона, Юма, Монтескье. По поводу одной из книг, принадлежавших Строганову, а именно «Рассуждения об успехах и неудачах Франции и Великобритании в торговле...» Плюмара де Данжеля, Панин, сначала обвинив сочинителя в том, что «он все выкрал из одного аглинского автора», пустился в «плодовитое рассуждение» о системе государственных доходов.⁴²

Канцлер М. Л. Воронцов взял у Строганова роман Людвиг Гольберга «Путешествие Нильса Клима под землей». Возможно, сам хозяин рекомендовал тестю прочесть это фантастическое путешествие, давшее автору возможность рассуждать о различных народах. В дневнике Порошина читаем: «Из посторонних обедал у нас только граф Александр Сергеевич Строганов. Говорили мы за столом о путешествиях Юливеровых, также Климовых и Робинзоновых».⁴³ Брат канцлера Р. Л. Воронцов получил трактат Монтескье «О духе законов». Перевод книги был издан лишь в 1775 году, но трактат был хорошо известен в России еще в оригинале. Напомним, что Екатерина II, называвшая эту книгу «молитвенником государей», использовала идеи Монтескье при составлении своего «Наказа». Р. Л. Воронцов также отнесся к книге с живым интересом. Спустя несколько лет, в 1767 году, он рекомендовал Андрею Ларионовичу Дубровскому перевести ее.

В тетради отмечали не только книги, но и всякие другие предметы, взятые из Строгановского дворца. Барон Хр.-В. Миних, брат знаменитого фельдмаршала, взял свой портрет работы Преннера (№ 3).⁴⁴ По распоряжению «госпожи канцлерши», т. е. А. К. Воронцовой, некоему «русскому художнику» был выдан мольберт из красного дерева (№ 26). «Его превосходительство господин де Гросс», вероятно А. Л. Гросс, русский дипломат, посол в Англии, заинтересовался телескопом (№ 23). Неизвестно, смог

⁴⁰ Порошин С. А. Записки. Изд. 2-е СПб., 1881.

⁴¹ Там же. Стб. 434.

⁴² Там же. Стб. 232. Книга Плюмара де Данжеля была мнимым переводом с английского.

⁴³ Там же. Стб. 531.

⁴⁴ Преннер Георг Каспар (ок. 1720–1766). Работал в России с 1750 по 1755 г. Немецкий живописец и гравер. В августе 1750 г. по приглашению графа М. И. Воронцова приехал в Санкт-Петербург. Был придворным живописцем. В Петербурге написал портреты императрицы Елизаветы Петровны, вице-канцлера графа М. И. Воронцова и членов его семьи, канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, графа П. И. Шувалова и др. См.: Государственный Русский музей. Живопись XVIII в. Каталог. СПб., 1998. Т. 1. С. 138.

ли он получить его, так как запись, которая следует за его фамилией, единственная, сделанная по-русски, гласит: «Телескоп чрез Андрея Андреевича Нартова отдан Александру Сумарокову» (эта запись сразу же повторена по-французски). Видимо, любителям астрономических наблюдений, а этим увлекались многие, было трудно приобрести телескопы. Строганов в отличие от других имел свои собственные, которыми пользовались окружающие. Подтверждение этому находим в переписке А. М. Строгановой с родителями. 25 мая 1761 года (А. С. с женой в это время были за границей) М. И. Воронцов просил дочь передать А. С., «что я сегодня посылал к секретарю его, чтоб телескоп ко мне прислал. Только мне он отвечивал, что будто несколько телескопов в доме были и оные розданы, а кому — не ведает (не случайно стали записывать.— В. С.). Я требовал телескоп для смотра завтрашнего числа проходящей планеты Венуса мимо Солнца; токмо я, имея свой телескоп, буду завтра сию феномену смотреть и его потом уведомяю».⁴⁵ В письме М. И. Воронцова речь шла о солнечном затмении, которое ожидалось 26 мая (6 июня) 1761 года в связи с прохождением Венеры мимо Солнца. Это уникальное астрономическое явление стало великим событием в жизни ученой Европы,⁴⁶ именно для наблюдения за этим затмением совершил поездку через всю Россию в Тобольск французский астроном Ж. Шапп д'Отрош, издавший позднее описание своего «Путешествия в Сибирь», книгу, столь разгневавшую Екатерину II. Может быть, записи о телескопе (№ 23 и № 24) относятся именно к маю 1761 года, что вполне соответствует нашему предположению о том, что эта часть тетради является копией ранних, сделанных до 1762 года, записей.

Одним из постоянных читателей Строгановской библиотеки был Герард-Фридрих Миллер. Его имя встречается в «Prometogia» 4 раза, ученый взял 9 книг и рукописей, необходимых ему для исследований по русской истории (№ 19, 39, 42, 55). Среди них особо отметим «рукописи Гордона» (№ 19), т. е. дневник Патрика Гордона, шотландца, генерала на русской службе. Эта запись очень важна для атрибуции тетради, она неопровержимо свидетельствует, что речь идет именно о библиотеке А. С. Строганова. Известно, что в 1759 году он приобрел часть дневника П. Гордона у вдовы его внука, а затем уступил эту ценнейшую рукопись Миллеру. Значит, запись сделана не раньше 1759 года.⁴⁷ Среди материалов, заинтересовавших Миллера, «латинская рукопись о посвящении в сан русских епископов», «Всеобщий словарь торговли» Жака Савари, «Всеобщая история гуннов, турок и монголов» французского ориенталиста Жозефа де Гиньеса, сборник различных описаний путешествий и исторических сочинений, изданный Симоном Гринеусом в 1555 году, «Novus orbis regionum», содержащий также материалы касающиеся России: «Опи-

⁴⁵ Архив князя Воронцова. М., 1872. Кн. IV. С. 456–472.

⁴⁶ *Racault Jean-Michel*. L'Observation du passage de Vénus sur le soleil. Le voyage de Pingré dans l'océan Indien // XVIII siècle. 1990. № 22. P. 107.

⁴⁷ *Шмурло Е. Ф.* Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. 1. (XVIII в.). СПб., 1912. С. 137–138 (Паг. 2); *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1892. Т. 1. Кн. 2. С. 1095; *Гордон Патрик*. Дневник 1635–1659 / Пер., ст., пр. Д. Г. Федосова. М., 2001. С. 234.

сание Европейской и Азиатской Сарматии» Матвея Меховского, сочинение Павла Иовия Новокамского о посольстве в Московию.

Взял Миллер и вольтеровскую историю России, книгу, для которой он сам собирал документы, а затем подверг критике. Правда, взял только один том, вероятно второй, только что вышедший в 1763 году (№ 42). Строгановский экземпляр «Истории России», возможно тот самый, что брал Миллер, сохранился в библиотеке СПб ИИ РАН. На титульном листе он имеет уже известную нам запись «Au comte Stroganoff» («Графу Строганову»).⁴⁸ Видимо, к Строганову книга попала раньше, чем к «соавтору» и оппоненту Вольтера, который впоследствии получил свой собственный экземпляр.⁴⁹ Однако следует признать, что подобные рассуждения о судьбе книг весьма относительны и часто не выдерживают критики. Например, предположив, что «Словарь торговли», взятый Миллером у Строганова, не что иное, как хорошо известный в России «Всеобщий словарь торговли» Ж. Савари, и речь идет о пятитомном издании словаря (Копенгаген, 1749), которое значится в позднейшем каталоге строгановской библиотеки 1820 года, в самом издании мы с удивлением обнаружили имя Г.-Ф. Миллера среди подписчиков. Либо наше предположение изначально неверно, и речь идет о какой-то другой неизвестной нам книге, либо Миллер не имел своего собственного полного экземпляра, возможно, получив книгу, он уступил ее Строганову, но по-прежнему в ней нуждался. Мы не можем предугадать всех конкретных ситуаций, складывавшихся в отношениях между людьми, связанными общими научными интересами, несомненно одно — *они регулярно обменивались книгами*

Профессора Петербургской академии наук и молодого просвещенного вельможу связывали давние дружеские отношения. Миллер работал с коллекциями Строгановых, создавая свое описание Сибири.⁵⁰ А. С., отправляясь в первое путешествие по Европе в 1752 году, имел рекомендательные письма Миллера, которые помогли ему вступить в контакт со знаменитыми европейскими учеными.⁵¹ Любопытно, что Миллер, как и Строганов, был одним из самых ревностных сторонников Екатерины II в 1762 году. А. С. высоко ценил труды немецкого ученого. По свидетельству Порошина, во время одного из посещений великого князя Строганов, когда разговор зашел о российской истории, «зачал восхвалять господина Миллера, что он многое, до оной касающееся, выдал». Столь восторженные отзывы о трудах Миллера заставили Порошина напомнить графу, что «достоинства и старания покойного Василия Никитича Татищева остались совсем почти в забвении».⁵²

В 1760 году Миллер как конференц-секретарь Академии наук попытался помочь А. С. Строганову напечатать в академической типографии французскую брошюру «Рассуждение об успехах изящных искусств в Рос-

⁴⁸ Шифр III r 8059

⁴⁹ Книга есть в каталоге личной библиотеки Миллера См. ОР РГБ, ф. 445, № 32, л. 20

⁵⁰ *Иконников В. С.* Указ соч. Т. 1. Кн. 2. С. 1094

⁵¹ *Колмаков Н. М.* Дом и фамилия графов Строгановых 1752–1887 // Русская старина 1887. Кн. 3. С. 583

⁵² *Порошин С. А.* Указ соч. Стб. 81

сии» (*Discours sur le progrès des Beaux Arts en Russie*. М. DCC.LX. 32 Р. 8°). Попытка эта вызвала противодействие М. В. Ломоносова. Великий ученый был недоволен содержанием брошюры, а именно недостаточно высокой оценкой его творчества и чрезмерными похвалами Сумарокову, что привело к резкому столкновению между академиком и Строгановым.⁵³ Записи в тетради относятся как раз ко времени этой ссоры. Любопытно и показательно, что, тогда как имя Миллера встречается в тетради несколько раз, а имя Сумарокова дважды, имени Ломоносова здесь вообще нет.

Как известно из работ П. Н. Беркова, эта брошюра представляет собой текст французской речи, произнесенной в Петербурге в 1760 году в литературном собрании, инициаторами которого были А. П. Шувалов и А. С. Строганов.⁵⁴ Речь была напечатана анонимно. Имя автора не называется ни в рапорте Миллера при представлении ее в Академию, ни в письме оскорбленного Ломоносова И. И. Шувалову. П. Н. Берков считал автором «Рассуждения» священника французского посольства в Петербурге аббата Этьена Лефевра, привезенного в Россию послом Шетарди и оставшегося там при другом посланнике Д'Альоне. По сведениям, приводимым тем же П. Н. Берковым, шестидесятилетний Э. Лефевр в 1744 году был уже во Франции, но — с удивлением вынужден констатировать ученый — «тем не менее через пятнадцать лет имя его вновь встречается в петербургских салонах».⁵⁵ По нашему мнению, П. Н. Берков ошибся. Речь произнес не аббат Лефевр, а другой француз — аббат Фор (*abbé Faure*), также священник французского посольства, но уже при другом после, маркизе Лопитале.⁵⁶ Имя аббата Фора как автора речи, в частности, названо Филиппом Эрнандесом (*Philippe Hernandez*) в издававшемся им в Москве французском «Журнале наук и искусств» (1761).⁵⁷ Это же имя мы встречаем и в «Прометогна»: Аббат Фор (*abbé Fort*, № 7) взял в строгановской библиотеке какую-то «брошюру» и книгу под невнятным названием «*Les Parades*». Несомненно, что перед нами один и тот же человек, разница в написании имени объясняется тем, что записывали по слуху, и в том и в другом случае фамилия читается как Фор. По сведениям Эрнандеса, аббат Фор в 1761 году уже покинул Россию и был каноником в Страсбурге. Действительно, запись о выдаче ему книг (№ 7) находится в самом начале тетради (л. 2 об.), т. е. сделана, скорее всего, в 1760–1761 годах. Видимо, ошибка Беркова вызвана как сходством в написании имен *Faure*, *Fevre*, так и одной и той же должностью, которую

⁵³ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени М, Л, 1936 С 240–262, Ломоносов М В Полн собр соч. М, Л, 1955 Т 9 С 634–635, 955–957

⁵⁴ Подробнее см в нашей статье «Кто был автором французской речи „Рассуждение об успехах изящных искусств в России“?» Не опубликовано

⁵⁵ Берков П. Н. Указ соч С 240–262, Ломоносов М В Полн. собр соч Т 9 С. 634–635, 955–957

⁵⁶ «*Otto-Anne Faure, chanoine du chapitre de Saint-Pierre de Strasbourg, present à Saint-Petersbourg en 1760*» За сведения об О-А Форе по материалам Дипломатического архива Франции (Нант) благодарю В С Ржеуцкого и А Мезэн

⁵⁷ *Journal des sciences et des arts, particulièrement consacré à l'instruction de la jeunesse russe par Mr Hernandez, ci-devant, l'un des Auteurs du Journal Etranger* En 2 volumes in 4 Premier volume Imprime a l'Université Impériale de Moscou, par le Facteur T S Hojer [1761] [4], 208 P 4°. № 7. P 56 (ОПК БАН 9289 q / 25665 R).

в разное время занимали аббат Фор и аббат Лефевр,— священника при французском после.

Сведений о французском литературном салоне, в котором была произнесена речь, очень мало. Где происходили заседания этого сообщества и как долго они продолжались, нам неизвестно, но, разумеется, и в 1760 году, и позже его члены посещали дом Строганова и пользовались библиотекой гостеприимного хозяина. «Prometopia» донесла до нас несколько десятков имен читателей строгановской библиотеки, среди которых и его единомышленники, определявшие лицо культурного Петербурга. Из упоминаемых Берковым участников так называемого «франко-русского салона» (вернее, имен, упоминаемых в тексте речи аббата Фора) в тетради записаны имена М. Л. Воронцова, И. И. Шувалова, А. П. Шувалова.

Дворец Строганова, разумеется, неоднократно был местом подобных литературных собраний. Но увлечение французской литературой не мешало заботиться о развитии русской культуры. Именно здесь в 1766 году был оглашен план создания Российской публичной библиотеки. И судя по нашей тетради, в начале 1760-х годов библиотека Строганова уже была своеобразным Кабинетом для чтения, подобным тем, что во множестве возникали тогда в Европе. Известна неудачная попытка Строганова устроить Кабинет для чтения на своей даче на Каменном острове, когда многие книги не были возвращены хозяину. Таким образом, в условиях недостатка библиотек общественного пользования строгановская библиотека выполняла функции подобной Истинный меценат А. С. Строганов стремился к популяризации своих коллекций — создавал и публиковал их каталоги (в конце XVIII века издал каталог своей картинной галереи, в начале XIX века подготовил к публикации каталог библиотеки, составленный книгопродавцем Ш. Вейером),⁵⁸ тем самым способствовал развитию наук и художеств. Вполне закономерно, что в 1800 году именно А. С. Строганов стал директором только что основанной Императорской публичной библиотеки и президентом Академии художеств.

Нам представляется, что маленькая тетрадь под названием «Prometopia des livres prêtés» не случайно сохранилась в семье, известной богатыми традициями собирательства книг и рукописей. Потомки графа, оберегавшие его библиотеку, оценили важность документа, который зафиксировал круг общения владельца и читательские интересы петербургского общества в переломный момент русской истории и явился ярким свидетельством начала просветительской деятельности А. С. Строганова.

⁵⁸ *Stroganov A S Catalogue raisonnée des tableaux qui composent la collection du comte A de Stroganoff Saint-Petersbourg, de l'imprimerie du Corps imperial des Cadets Nobles, 1793 [4], 72 P, То же St Petersburg, de l'Imprimerie Impériale 1800 [3], IV, 84 P, Catalogue de la bibliotheque de Son Excellence Monsieur le Comte Alexandre de Stroganoff Grand-Chambellan, Conseiller privé actuel, Président de l'Academie Impériale des Beaux-Arts, Chevalier des grands Ordres de Russie etc etc par Charles Weyher См также Невзоров О Я Коллекции графа А С Строганова // «Наше наследие» 2001 № 59–60 С 47–54*

ПРИЛОЖЕНИЕ I

PROMEMORIA // DES LIVRES // PRÉTÉ //
 ОР БАН. ФОНД 18 (СТРОГАНОВЫ) № 37

Текст документа публикуется с сохранением особенностей оригинала.
 Номера записей в квадратных скобках проставлены нами.

(f. 1) В левом верхнем углу синим карандашом «N 54», сверху по центру черными чернилами: «Инв. 3015», справа: «Собрание Строганова (инostr. рук.) N 37» фиолетовыми чернилами.

Promemoria // Des Livres // Prété // [виньет].

- (f. 1) [1] A M:^r Le Baron.
 Lettres de V. 1. vol.
 Sur La Façon de Conserver de L'Histoire Naturelle 1. vol.
 Biblioteque de Campagne 2. vol.
 Les Oeuvres de Vetteau 3. vol. F.
 Candide.
 Gresset. 2. vol. 2ma manque 1. vol. perdu en voyage.
 Tom Jones 2. vol. 8.vo manque 1. vol. perdu en voyage.
 Les secrets de Lemery 5. vol. 12.mo on a rapportés 3. volumes.
 [2] À M:^r Le C: J: G: Czernichew.
 Histoire d'un peuple nouveau
 Le Voyage de La Chine vol.
 [3] A M:^r Le Baron de Munich. G. M:
 Son Portrait dessiné par Prenner.
 [4] À M:^r Le C: Jagusinski
 Differentes Comedies Italiennes.
 (f. 1 v.) [5] Lew. Alex. Nariskin.
 Les Héros Subalternes. 1. vol.
 [6] À M:^r Le Chamb. Schuvalow.
 La Philosophie ou La Logique. 1. vl.
 Les Pensées d'Oxenstiern. 2.vl. 12ma
 [7] A M:^r l'Abbé Fort.
 Les Parades. 1. vl.
 Un Brochure.
 [8] A M:^r Le Baron G. de Stroganoff.
 Histoire du Pretendant.
 [9] À G: Mikolawitz.
 La Comtesse de Montglas.
 [1À] A M: La Hettman.
 Angola.
 [11] A Mad. La Baronne.
 Amusemens des Dames ou Chansons.
 Voltaire. 1. vol.
 Jeannette Seconde. 3. vl.

(f. 2) Histoire de Don Quichotte	6. vl. 12. ^{mo}
Voltaire 1. vol. 2. vol. Volt. 1. vol. Gresset.	
Operas Comiques 1. vl.	
Differentes Comedies 1. vl.	
[12] À M: ^r Le Major Nartoff.	
Russland Reisen.	
Les mœurs.	1. vl.
[13] À M: ^r De Woronzoff Le Fils. ¹	
Spectacle de La Nature.	4. vl. 8: ^{vo}
Les soupirs de l'Europe	1. vl. 12. ^{mo}
[14] À M: ^r de Buturlin.	
Memoires de Polnitz	1. vl.
Oeuvres de Voltaire	1. vl. 12. ^{mo}
[15] À M: ^r Soukin	
Remarques sur L'avanture & Le desavanture des François et des Anglois touch:[ant] Le Commerce.	
[16] À S. E. M: ^r Le Chancellier	
Voyage de Klimius.	
f. 2 v. Deux Cartes Geographiques.	
[17] À Marie Sergiewna.	
Amusemens de La Campagne.	4. vl.
[18] À M: ^r Samarokoff.	
Un Manuscript Russe.	
[19] À M: ^r Le Professeur Miller.	
Un Manuscript Latin de L'ordination des Eveques Russes.	
Dictionnaire de Commerce.	
Manuscripts de Gordon.	4. vl.
Un Livre Latin, et François en 12 ^{mo}	
Histoire generale des Huns	3. vl. 4. ^o
Novus Orbis Regionum.	1. vl. Folio.
[20] À M: ^r Döbert.	
Lettre du Roi de Prusse au marquis d'Argens	
[21] À S: E: M: Le C: Roman Woronzoff	
Esprit des Loix, ou Montesquieu	1. vl. 4 ^o
(f. 3) [22] A Mad: ^e La Princesse Kurakin.	
Lettres de Miledi Catesbi.	
[23] A S: Ex. M: ^r de Gross. ²	
Телескопъ чрез Андрея Андреича Нартова отданъ Александру Суморокову;	
[24] À M: ^r Al: Petr: Samarokoff p. m ^r . Nartoff. ³	
Un Teleskope dans La Boete.	
[25] À M: ^r Le Major Melusino	
Un volume de Voltaire. ⁴	
[26] À Madame La Chancelliere.	

¹ Вся запись не перечеркнута.

² Вся запись не перечеркнута.

³ Вся запись не перечеркнута.

⁴ Зачеркнуто прямой чертой чернилами и волнистой чертой карандашом.

- Donné par son ordre a un Peintre Russe, un Chevalet bois de Mahon.
 Une Bible avec Estampes. Grand Folio.
 [27] À Mad:^e La Princesse Daschkoff. 1.2.3. vl. 4.^{to5}
 Histoire universelle
 Les manuscrits de Voltaire.⁶
 (f. 3 v.) Monumens de la Mythologie, de la Poesie, des anciens scandinaves
 & Celtes.⁷
 [28] À M:^r Le Com: And:^e Petrowitsch.
 Voyages de Suisse.
 [29] À M:^r Pitté de Geneve.
 Histoire de La guerre de 1741.
 Histoire du sisteme 3. vl. 12.mo
 Les Elémens d'Euclide 1.vl. 12.mo
 L'Esprit⁸
 [30] À M:^r de Panin
 Copie de differens Traités.
 [31] À S: M: L'Imperatrice.⁹
 Les Philosophes Comédie.
 [32] À M:^r Pausié.
 Le Couronnement de S. M: I: 1 vl. Folio.
 [33] À M:^r Rzewski.¹⁰
 Memoires du Règne de Pierre le Grand 4. vl. 12mo
 (f. 4) Erofnung des Vorshlages zu Verbesserung der Russischen Historie 3 vol: 8vo
 Historische und Genealogische Erlauterung der Europaischen Kayser &c. Folio.
 [34] A Paul Semionitsch.¹¹
 Le Thelemarck 1. vl.
 [35] À M:^r Le Professeur Lehmann.
 deux volumes Histoire Naturelle.
 [36] al Pittore Matvei.
 donato al med^{mo}
 Metamorfosi d'Ovidio.
 Prospettiva del Padre Puzzi.
 [37] Preso S. E. il sig:^r Conte p[er] Viaggio.¹²
 12. quaderni di Lettere.
 La Patente di suo Padre.
 Lettres Iloquas.
 de L'Esprit. 1. vl. 4.to
 (f. 4 v) [38] Spedito a Mosca. a S. E. il S. Conte¹³

⁵ Эта строка зачеркнута карандашом, волнистой чертой.

⁶ Эта строка не зачеркнута.

⁷ Строка зачеркнута карандашом, косой чертой.

⁸ Другими (черными) чернилами, другим пером, но тем же почерком.

⁹ [Крупно].

¹⁰ Вся запись не перечеркнута.

¹¹ Вся запись не перечеркнута.

¹² Вся запись не зачеркнута.

¹³ Вся запись не зачеркнута.

Memoires de Maximilien de Bethume Duc de Sully de p[eti]t ap[artement]. de M: Le Comte 8. T. 4. vl. 8°. <i>donné à S. M. Imp</i> ¹⁴	
Le Fils naturel	1.vl. 12. ^{mo} de M: la Comtesse
La Pleyade Françoise ou L'Esprit des sept plus Grands Poetes 2. vl.: 12 ^{mo} de Madame La Comtesse	
La Musica.	
Il Cembalo.	
Il Parafuoco.	
Gl'Alari con tutti gl'annessi dei due Cammini. ¹⁵	
f. 5 [39] A M: ^r Le Professeur Miller	
Melanges de Litterature.	1.2. vl.
[40] À M: ^{mc} Bertlo	
L'Ecole de L'Homme	1. vl. 12. ^{mo}
[41] A M: d'Odar	
Marchetti di Tito Lucrezio Caro	2. vl. 8°.
L'Orlando Innamorato	1. vl. 4°.
Discours de M: ^r Hume	2. vl. 8°.
[42] À M: ^r Le Professeur Miller	
‡ [зачеркнуто] Histoire de La Russie par M: Voltaire	un vl. 8°.
[43] À M: ^r Lis	
Histoire de Pierre G [зачеркнуто] le Grand	1. vl. 4°. [ранее 8]
[44] A M: ^r Joukoff	
Un Livre Russe p[remier]r. v[o]l.[ume] Ipolot. ¹⁶ Irodota ¹⁷	
[45] À M: ^r Samarin	
Histoire de La Russie.	2.vl. 8°
(f. 5v.) [46] À M: ^r Le Major Gobbo.	
Jerusalem delivré	2 vl. 12. ^{mo}
[47] À M: ^r Le Comte Gurovski.	
Un livre Latin, et trois Françoise.	12. ^{mo}
[48] A S. E. M: ^r Le Baron Gr. Stroganoff	
Histoire universelle ¹⁸	
Discours sur l'Histoire universelle par M: ^r Bossuet	1. vl. 12.
[49] À M: ^r D'Odar. ¹⁹	
Recueil des Testamens Politiques du Cardinal de Richelieu. &c. 4. vl. 8. vol ²⁰	
[50] À M: Samarin	
Discours de M: ^r Hume ²¹	6. vl. ²¹
(f. 6) [51] À M: ^r	
Histoir e General des Voyages.	7. 10. vl.

¹⁴ Приписка карандашом, тем же почерком.

¹⁵ Далее пробел пол-листа, до этого все записи одной рукой, очень аккуратно коричневыми чернилами, начиная с л. 5 записи небрежны, делались в спешке, но, видимо, тем же почерком (чернила черные).

¹⁶ Одно слово зачеркнуто.

¹⁷ Скорее всего, эта запись сделана иностранцем.

¹⁸ Название книги зачеркнуто продольной чертой.

¹⁹ Вся запись не зачеркнута.

²⁰ Ранее 12° исправлено.

²¹ Далее пробел почти пол-листа.

[52] A M ^r Le Comte Jagusinski Les Oeuvres de Regnard	
[53] A M ^r Senepar Petit Reservoir	1 2 vl
[54] A M ^r Le comte Belfort Pasisios [?] Parisiennes ²² Faceties Parisiennes ²³	1 vl 8°
Histoire de Maurice Comte de Saxe ²⁴ [55] A M ^r Muller Histoire du siecle	2 vl 12 ^{mo}
[56] A M ^r Le Secretaire du Prince Galicm Faceties Parisiennes	1 vl 8°
Histoires de Revolutions de la Republique Romaine (f 6 v) [57] A M ^r Le Comte Rastrelli Les Oeuvres de Grecourt	3 vl 12 ^{mo} 3 vl
[58] Au Comte Munich Histoire de la Russie	sed ^e vl 12 ^{mo} 25
[59] A M ^r Schomex Ebauches des Loix Naturelle	1 vl 8°
[60] A M ^r Kruse ²⁶ Musei Petropolitani	4 vl 12 ^{mo}

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ЧИТАТЕЛИ СТРОГАНОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

- Бельфор, граф (Belfort, le comte), бригадир ¹ РМ (Promemoria) 54
 Бергло, госпожа (Bertlo) ² РМ 40
 Бутурлин Петр Александрович (1734–1789), граф, дипломат, посланник в Мадриде РМ 14
 Васильев Матвей Васильевич, мозаичист РМ 36
 Воронцов Михаил Илларионович (1714–1767), граф, канцлер Российской империи РМ 16

²² Зачеркнуто продольной чертой, видимо, исправлена ошибка

²³ Зачеркнуто волнистой чертой

²⁴ Эта запись сделана простым карандашом, не перечеркнута

²⁵ Вся запись сделана простым карандашом

²⁶ Вся запись не перечеркнута

¹ См письмо С Р Воронцова — Р Л Воронцову Тверь, 12 июня 1766 года «А зная ваше милостивое добросердечие, что всех, кто ни пожелает, к себе в дом пускать изволите, как Бекетовых, Муравьевых, Бельфортовых и Ушаковых и прочих, то если мои горницы пусты останутся и потом кого-нибудь пустить в оные изволите, то и мебели мои будут загажены и бумаги распродадут» АВ М, 1872 Т 16 С 93

² Вероятно, жена того Бергло, о котором пишет А К Воронцова А М Строгановой 25 февраля 1761 г «Что ты пишешь о Бергло, что хотел ехать в Сибирь, это правда, однако легкая голова уже давно раздумал, а у меня только два раза был, и я от посторонних слышала, что намерен был ехать Венеру искать А тот француз (т е Шапп д'Отрош — В С) сегодня уехал, и с ним нашего швейцарца (кто-то другой или Бергло швейцарец? — В С) брат поехал в Сибирь» АВ М, 1872 Т 4 С 462

- Воронцов Роман Илларионович (1707–1783), граф, генерал-аншеф, сенатор, наместник Владимирский, Пензенский и Тамбовский. РМ 21.
- Воронцов Семен Романович (1744–1832), граф, дипломат. РМ 13.
- Воронцова (урожд. Скавронская) Анна Карловна (1722–1775), графиня, жена канцлера М. И. Воронцова, статс-дама императрицы Елизаветы Петровны, обер-гофмейстрина. РМ 26.
- Гоббо, майор (Gobbo). РМ 46.
- Гросс Андрей Леонтьевич (ум. 1765), дипломат; Гросс Федор Иванович, дипломат; Гросс Генрих, тайный советник и полномочный министр в Англии. РМ 23.
- Гуровский, граф. Возможно, граф Рафаил Гуровский (1716–1797), возведен 5 ноября 1787 г. в графское прусское королевское достоинство. Или его сын Непомук (ум. в 1791 г. в Яссах),³ служил в России бригадиром и был другом князя Потемкина.⁴ РМ 47.
- Дашкова Екатерина Романовна, княгиня (1743–1810), статс-дама императорского двора. РМ 27.
- Добер, господин (Döbert).⁵ РМ 20.
- Екатерина II Алексеевна (1729–1796) или Елизавета Петровна (1709–1761/62), императрица. РМ 31.
- Жуков Петр Федорович (1736–1782), чиновник, библиофил. РМ 44.
- Крузе (Kruse) Карл Федорович (1727–1799), лейб-медик Екатерины II, действительный статский советник, почетный член Императорской Академии наук. РМ 60.
- Куракина Елена Степановна (1735–1769), княгиня, дочь фельдмаршала С. Ф. Апраксина. РМ 22.
- Леман Иоганн Готтлоб (Lehmann Johann Gottlob) (1700–1767), профессор химии, член Петербургской Академии наук. РМ 35.
- Лис (Lis) Иосиф, дворецкий А. С. Строганова. РМ 43.
- Мелиссино Петр Иванович (1724, 1726?–1797), генерал от артиллерии, директор артиллерийского и инженерного кадетского корпуса, артиллерии майор с 1759 г. РМ 25.
- Миллер Герард-Фридрих (Müller, Gerhard Friedrich) (1705–1783), историк и археограф, конференц-секретарь Петербургской Академии наук. РМ 19, 39, 42, 55.
- Миних Иоганн Эрнест (1707–1788), граф. РМ 58.
- Миних Христиан Вильгельм (1688–1768), барон, генерал-майор, брат фельдмаршала Б.-Хр. фон Миниха РМ 3.
- Нартов Андрей Андреевич (1737–1813), ученый, писатель, переводчик. 1759–1763 гг. майор артиллерии. РМ 12.
- Нарышкин Лев Александрович (1733–1799), обер-шталмейстер, действительный камергер. РМ 5.
- Одар (Odar) Джованни-Микеле, Мишель (ок. 1719 — ок. 1773), участник переворота 1762 г., надворный советник в Коммерц-коллегии. РМ 41, 49.

³ АВ. Т. 8. С. 43.

⁴ Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. СПб., 1856. Ч. 3. С. 120–121.

⁵ Возможно, Готтард Добберт, каретник.

Панин Никита Иванович (1718–1783), граф, воспитатель императора Павла I. РМ 30.

Пикте Франсуа Пьер (Picte François Pierre, 1728–1798), выходец из Женевы, доктор правоуедения, приятель и протеже Вольтера, секретарь А. Р. Воронцова, сотрудник канцелярии Опекуинства иностранных. РМ 29.

Позье Иеремия (1716–1779), придворный ювелир. РМ 32.

Пучинов Матвей Иванович (1716?, 1722?, 1724?–1797), исторический живописец. РМ 36.

Разумовская, ур. Нарышкина Екатерина Ивановна (1731–1771), жена гетмана К. Г. Разумовского. РМ 10.

Растрелли Франческо Бартоломео (1700–1771), граф, обер-архитектор двора. РМ 57.

Ржевский Алексей Андреевич (1787–1804), государственный деятель, писатель. РМ 33.

Самарин Николай Михайлович (1707–?), статский советник, вице-президент Коммерц-коллегии. РМ 45, 50.

Сенепар Дени (Senaispart; Sénépart, Denis), актер французской труппы в Петербурге. РМ 53.

Строганов Александр Сергеевич (1733–1811), граф, действительный камергер. РМ 1, 37, 38.

Строганов Григорий Николаевич (1731–1777), барон, действительный камергер. РМ 8, 48.

Строганова (ур. графиня Воронцова) Анна Михайловна (1743–1769), баронесса, с 1761 г. графиня. РМ 11.

Строганова Мария Сергеевна, в замужестве Новосильцева. РМ 17.

Сукин Федор Иванович, вице-президент Мануфактур-коллегии 1766–1772. РМ 15.

Сумароков Александр Петрович (1717/1718–1777), поэт, драматург. РМ 18, 24.

Фор Отто-Анн (Faure Otto-Anne), аббат. Каноник капитула Св. Петра в Страсбурге, священник при французском поселе в Петербурге маркизе де Лопитале. РМ 7.

Чернышев Иван Григорьевич (1726–1797), граф, генерал-поручик, действительный камергер, член Адмиралтейств-коллегии. РМ 2.

Шоме Абрахам Жозеф де (Chaumeix Abraham-Joseph de, 1725–1773) французский литератор, гувернер в России. РМ 59.

Шувалов Андрей Петрович (1744–1789), граф, поэт. РМ 28.

Шувалов Иван Иванович (1727–1797), государственный деятель, фаворит императрицы Елизаветы Петровны, действительный камергер. РМ 6.

Ягужинский Сергей Павлович (1731–1806), граф, генерал-поручик с 1764 г. РМ 4, 52.

G: Micolawitz. РМ 9.

Paul Semionitsch. РМ 34.

M:r Le Secretaire du Prince Galicin. РМ 56.

Mr. РМ 51.

КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ А. С. СТРОГАНОВА

Данные об атрибутированных изданиях приводятся в соответствии с основными библиографическими справочниками (каталогами крупнейших библиотек, национальными библиографиями). Как правило, указывается издание, наиболее близкое по времени к «Prometogia». Кроме того, приводятся сведения об этих книгах из каталогов строгановской библиотеки. В случае, когда нами обнаружен строгановский экземпляр, описание дается по этому экземпляру. Сообщаются краткие сведения о русском переводе книги: если существовало несколько изданий переводов, приводится только наиболее ранний, близкий к интересующему нас времени. В именной указатель включены только имена авторов.

Геродот. Повествования Иродота Аликарнасского. Перевел Андрей Нартов. Т. 1–3. СПб., при Имп. Акад. наук, 1763–1764. [Изд. 2-е]. Т. 1. СПб., при Имп. Акад. наук, 1763.— СК 1402–1403; Жуков 76; РМ 44.

Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования... имп. Елисавет Петровны... СПб., печ. при Имп. Акад. наук, 1744. In 2.— СК 4789; РМ 32.

D'Alembert, Jean Le Rond. *Mélanges de littérature, d'histoire, et de philosophie*. Nouv. éd., rév., corr., et aug. très considérablement par l'auteur. Т. 1–5. Amsterdam, chez Z. Chatelain et fils, impr.-libr., 1759–1767.— В. V. N 32. Catalogue 1820 № 3614 *Mélanges de littérature, d'histoire et de philosophie* 1759. Amsterdam, Chatelain 4. In 12; Рус. пер.: СК 1684. (1784).— РМ 39.

Amusement des dames, ou nouveau recueil de chansons choisies. La Haye, Comp. 1756. 12°.— Копанев 14; РМ 11.

Bibliothèque de la campagne ou amusemens de l'esprit et du cœur. Amsterdam, 1764. 12 vol. in 8.; à la Haye, 1735–1739. 12 vol. in 8. *Bibliothèque de la campagne* (le 6me vol.) ed. Etienne-André-Philippe de Pretot. à La Haye, 1737.— Ломоносов 1239. Catalogue 1820 № 2936 *Bibliothèque de la campagne ou amusements de l'esprit et du cœur*. La Haye, Neaulme 3 in 12; а 2935 *Bibliothèque de la campagne ou amusement de l'esprit et du cœur*. Lyon, 1766 21 (зачеркнуто) 10 + 2 in 12.— РМ 1, 17.

Boiardo, Matteo Maria. *Orlando innamorato composto gia dal sig. Matteo Maria Boiardo, conte di Scandiano, ed ora ritatto tutto di nuovo da M. Francesco Berni...* (publicato da Cellenio Zacceloci) Fiorenza, 1725. in 4.— CBN. Т. 14. P. 1141–1142. Catalogue 1820 № 2751 *Orlando innamorato, composto gia del Matteo Maria Nicolas Gostal*. Fiorenza, 1725. 1 in 4°. Catalogue 1807 *Orlando innamorato, composto dal Sig. Bojardo comte Scandiano*. 4° Firenze, 1721; Рус. пер.: СК 718 (пер. Я. И. Булгакова СПб., 1777–1778); РМ 41.

Bossuet Jacques-Bénigne. *Discours sur l'histoire universelle, à monseigneur le Dauphin: pour expliquer la suite de la religion, & les changemens des*

empires... Par Messire Jacques-Bénigne Bossuet, évêque de Meaux. Nouv. éd. P. 1-2. Paris, M.-E. David. 1737-1739.— ББ 483; Копанев 90; рус. пер.: (М., 1761-1762).— СК 712; PM 48.

Buffon Georges-Louis Leclerc, cte de, et Daubenton, Louis Jean Maris. Histoire naturelle, générale et particulière, avec la description du Cabinet du roy. T. 1-16. Paris, de l'Imprimerie royale, 1750-1770.— ББ 572; Catalogue 1820 № 1764 Histoire naturelle générale et particulière Paris Imp. roy. 1755; № 1765 Histoire naturelle de Buffon Paris. Imp. du Roy 1777. 6 in 4°. Catalogue 1807 F. 30 Histoire naturelle générale et particulière par Mr. le Comte de Buffon. 4° Paris, imprimerie royale 1749-1802. 39 volumes. Рус. пер.— СК 810. СПб.: 1789-1808.— PM 35.

Carné, de. Histoire de la comtesse de Montglas, ou la Consolation pour les Religieuses qui le sont malgré elles. Paris, 1756. 2 vol. in 12.— PM 9.

Cervantes Saavedra Miguel de. Histoire de l'admirable Don Quichotte de la Manche, traduite de l'espagnol de Michel de Cervantès (par Filleau de Saint-Martin) Continuation de l'histoire de l'admirable Don Quichotte de la Manche ... (Traduite par G. de Chasles) Francfort en foire, J.-F. Bassompierre. 6 vol. in 12.— CBN T. 25 P. 830; Catalogue 1820 № 3419 Histoire de don Quichotte de la Manche. Francfort, 1750 6 in 16; рус пер.: СПб., 1769 (с фр. И. А. Тейльс).— СК 6447; PM 11.

Diderot, Denis. Le fils naturel, ou les épreuves de la vertu. Amsterdam [Paris], 1757.— ББ 1032-1033; Рус. пер. 1764(?). СК 1861; PM 31.

Dumont Jean, baron de Carscroon. Les soupirs de l'Europe à la veüe de projet de paix contenu dans la harangue de la reine de la Grande-Bretagne à Son Parlement du 6-17 juin 1712. S. l., 1712° S. l., 1713.— Barbier T. 2 P. 537; PM 13.

Durys de Morsan, Joseph-Marie. Histoire du Pretendant. S. l. 1756. In 12.— CBN T. 45, P. 834; PM 8.

Les Elemens d'Euclide du R. P. Dechalles... et de M. Ozanam... Paris, Jambert, 1753. 12°.— Копанев 231. Catalogue 1820. № 1944. Euclides elementorum Rome 1574. 2 in 12; рус. пер.: СК 8545 СПб., 1769. (с фр. Николай Курганов).— PM 29.

Fénélon, François de Salignac de la Mothe. Les aventures de Télémaque, fils d'Ulysse. Paris, 1740. T. 1-2 in 8.— Жуков 363. Catalogue 1807. f. 98 Aventures de Telemaque 2 vol. Рус. пер. СПб., 1767.— СК 7709; PM 34.

Fielding, Henry. Histoire de Tom Jones, ou l'Enfant trouvé. Trad. de l'angl. de M. Fielding par M. D. L. P. [P.-A. de La Place]. Enrichie d'estampes dessinées par M. Gravelot. T. 1-4. Londres [Paris] Jean Nourse, 1752.— ББ 1341. Catalogue 1820. № 3227 Histoire de Tomes-Jones, l'enfant trouvé, 1750; рус. пер.: СПб., 1770-1771 (с фр. Е. Харламов).— СК 7778-7779; PM 1.

Frédéric II le Grand. Oeuvres diverses du Philosophe de Sans Souci. Berlin, 1762. in 12 (T. XI. Correspondance avec le Marquis d'Argens).— CBN T. 54. P. 1131. Рус. пер.: СК 7905. T. 7 Письма к маркизу д'Аржансу и к д'Аламберу. СПб., 1789.— PM 20.

Gaillard Pierre. Jeannette seconde, ou la nouvelle paysanne parvenue. Amsterdam, 1744. in 12.—CBN T. 56. P. 516. Catalogue 1820. № 3254. Jeannette seconde, ou la nouvelle paysanne parvenue 1758. Amsterdam, 1 in 12.—PM 11.

Genard, François (или Dupuis). L'École de l'Homme, ou parallèle des portraits du siècle et des tableaux de l'Écriture Sainte, ouvrage moral, critique et anecdotique. Londres, et aussi Amsterdam, (Noyon, Rocher), 1752. 3 vol. in 12.—Barbier T. 2. P. 13–14; ББ 1451; PM 40.

Godard d'Aucour, Claude. L'Académie militaire ou les Héros Subalternes par p***, auteur suivant l'armée. Amsterdam, par la Société, 1749. 6 parties en 2 vol. in 12.—CBN T. 61. P. 503; PM 5.

Gravesande Willem Jacob's. Introduction à la philosophie. Contenant la métaphysique et la logique. Leide, 1737. In 8.—CBN T. 63. P. 1032–1033; Catalogue 1820 № 1530; PM 6.

Grécourt (abbé Jean-Baptiste Joseph Willart de) – [Œuvres meslées]. Par M. de G***. P.1–[3]. Amsterdam, chez P. Mortier, 1745.—ББ 1531; Œuvres diverses de Grécourt. Nouvelle édition... Luxembourg, 1761. T. 2–4 in 12.—CBN T. 63. P. 1158; Catalogue 1820 № 2673a Grécourt Œuvres 2t. 2; PM 57.

Gresset Jean-Baptiste-Louis. Œuvres de M. Gresset... Nouvelle édition revue, corrigé et augmentée. Londres, 1748. 2 vol. in 12.—CBN T. 64. P. 370–371; Œuvres de Gresset...Nouvelle édition revue, corrigée et...augmentée. Londres, 1751. 2 vol. in 12.—ББ 1535. Catalogue 1820. № 2638 Œuvres de Gresset. Londres, 1758. 2. in 12; № 3642. Gresset œuvres de Londres, 1760. 4 in 12.—PM 1, 11.

Grynaeus, Simon. Novus orbis regionum ac insularum veteribus incognitarum. Basilea, Herwog, 1555 in-fol. Av. une carte gr. en bois et fig. (Græsse T. 3. P. 165); Catalogue 1820 № 1804b Novus orbis regionum. 1555. (Книга очень редкая, поэтому можно предполагать, что речь идет именно об этом издании, числящемся в каталоге).—PM 19.

Guignes, Joseph de. Histoire générale des Huns des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux. Paris, Desaint et Saillant, 1756–1758. 4 vol. in 4.—CBN T. 661. P. 234. Catalogue 1820. № 4617 Histoire generale des Huns, des Turcs et des mogols et autre par Deguignes. 1756. Paris Desaint 3 in 4.—PM 19.

Hautchamp du. Histoire du système des finances sous la minorité de Louis XV... (Par du Hautchamp). La Haye, P. de Hondt, 1739. 6 vol. in-12 (Barbier T. 2. P. 794) (Экземпляр из библиотеки Строгановых. Библиотека Эрмитажа шифр: 164.1.52). Catalogue 1820. № 1647 Histoire du système des finances sous la minorité de Louis XV, pendant les années 1719 et 1720. La Haye, P. Hondt, 1739. 6 in 12.—PM 29.

Helvétius, Claude-Adrien. De l'Esprit. Paris, Durand, 1758. In 4.—CBN T. 70. P. 299. Catalogue 1820. № 1546 de l'Esprit par Helvetius. 1758. à Paris 1 in 4.—PM 29, 37.

Histoire générale des voyages, ou Nouvelle collection de toutes les relations de voyages par mer et par terre, qui ont été publiées jusqu'à présent dans

les différentes langues de toutes les nations connues... [Par A.-F. Prévost, A.-G. Meusnier de Querlon, J.-Ph. Rousselot de Surgy, A. Deleyre]. T. 1-48. Paris, Didot, 1746-1754.— ББ 1645. Catalogue 1820 № 4009a. Histoire des voyages Atlas. Рус. пер.— СК 5611-5613; PM 51.

Histoire universelle depuis le commencement du monde jusqu'à présent, trad. de l'anglois d'une société des gens de lettres [par George Sale, Georg. Psalmanzar, Archibald Bower, le capit. Shelvock, le Dr Campbelle, John Swinton et autres auteurs].— Amsterdam, Arkstée et Mercus; Paris, Mériqot, 1742-792. 46 vol. 4°.— Копанев 311. Catalogue 1820. № 4180. Histoire universelle depuis le commencement du monde jusqu'à présent; T. on de l'anglois 1747. Amsterdam — Merkus. 32.— PM 27.

Historische und Genealogische Erläuterung des Europäischen Kayser etc. Folio.— PM 33.

Holberg, Ludvig af. Voyage de Klimius dans le monde souterrain, contenant une nouvelle théorie de la terre et l'histoire d'une cinquième monarchie inconnue jusqu'à présent, ouvrage tiré de la bibliothèque de M. B. Abelin et traduit du latin par M. de Mauvillion.-Copenhague, J. Preuss, 1741. In-8. 1753 2 ed. A Copenhague et à Lipsiæ: F.C. Pelt. In 8.— CBN T. 72. P. 1131. Рус. пер.: СПб., 1762. Стефан Савицкий.— СК 1523; PM 16.

Hume, David. Discours politiques de M. Hume traduits de l'anglois, nouvelle édition, par l'abbé Le Blanc...—Dresde, M. Grœll, 1755. 2 vol. in 8.— CBN T. 74. P. 1213-1214. Idem. Discours politiques, trad. de l'anglois par monsieur de M*** [Eléazar de Mauvillon].— Amsterdam, Schreuder et Mortier, 1754. 8°.— Копанев 327; PM 41, 50.

La Morlière, Charles Jacques Louis Auguste Rochette de. Angola, histoire indienne, ouvrage sans vraisemblance. Agra, [Paris], 1748. 2 part. in 12.— Копанев 375. Рус. пер. М., 1785.— СК 3436; PM 10.

Lemery, Nicolas. Nouveau recueil des plus beaux secrets de médecine, pour la guérison de toutes sortes de maladies, augmentée d'un Nouveau recueil de recettes et d'expériences, où l'on voit ce que l'art, la nature, la physique et la médecine renferment de plus curieux, par M. L'Emery. Nouvelle édition. Paris, Ribou, 1737. 4 vol. in-12.— Paris, Lambert et Durant, 1740. 4 vol. in 2.— CBN T. 94. P. 338; PM 1.

Liger, Louis. Amusemens de la campagne, ou nouvelles ruses innocentes qui enseignent la manière de prendre aux pièges toutes sortes d'oiseaux, bêtes à quatre pieds etc. le tout divisé en 5 livres Paris, 1734. 1740. 1753. 2 tom. in 12. Avec fig. Græsse T. 4 P. 209. Catalogue 1820. № 2937-2938. Amusements de la campagne de la cour et de la ville ou récréations. Amsterdam, Honoré fils 1741. 1 in 8. PM 17.

Lucretius Carus, Titus. Di Tito Lucrezio Caro della natura delle cose libri sei. In Amsterdamo. [Paris] a Spese dell' editore. 1754 in 8 2 vol. (Српo-гановский экземпляр РНБ шифр: 7.18.7.132).— ББ 2226. Catalogue 1820. Di Tito Lucrezio Caro della natura della cose libri sei tradotte del latino in

italiano. Amst. 1754. 2 in 8. Catalogue 1807 f. 86 T. Lucrecio Caro della nature della cose trad. da Marchetti. 8° Amsterd. 1754. 2 vol.— PM 41.

Mallet, Paul-Henri. Monument de la mythologie et de la poésie des Celtes, et particulièrement des anciennes Scandinaves, pour servir de Supplément et de preuves à l'Introduction à l'Histoire du Dannemarc. Par Mr Mallet. Copenhague, C. Philibert, 1756. In 4.— CBN. T. 104. P. 698; BB 2293; PM 27.

Maubert de Gouvest, Jean-Henri. Histoire politique du siècle, ou se voit développée la conduite de toutes les cours, d'un traité à l'autre, depuis la paix de Westphalie, jusqu'à la dernière paix d'Aix la Chapelle inclusivement; Avec une preface, où l'éditeur du Testament politique du C. Albéroni répond à ses critiques. Londres, aux dépens de la Compagnie, [Lausanne], 1754.— BB 2358; PM 55.

Maubert de Gouvest, Jean-Henri. Lettres iroquaises. Irocopolis, chez les vénérables, 1752. 2 vol. in 8.— CBN T. 110. P. 17; PM 37.

Mauvillion, Elezeur de. Histoire de Pierre I, surnommé le grand. A Amsterdam et à Leipzig, chez Arkstée et Mercus, 1742. 4°. The British Library General Catalogue of Printed Books to 1975. T. 216. P. 41. Catalogue 1820 № 4747 Pierre le Grand 1742. Mercus 1 in 4.— PM 43.

Mémoire instructif sur la manière de rassembler, de préparer, de conserver et d'envoyer les diverses curiosités d'Histoire naturelle. Lyon, Brueset, 1758. in 8. (Debure, 1786 № 852).— PM 1.

Mezières. Lettres de Milady Juliette Catesby à milady Henriette Campley, son amie. Par Marie de M***. 3 ed. Paris, Humblot, 1760. in 12.— Barbier T. II. P. 1254.— PM 22.

Montesquieu, Charles-Louis de Secondat, b-on de la Brède et de. De l'Esprit des loix, ou du Rapport que les loix doivent avoir avec la constitution de chaque gouvernement, les mœurs, le climat, la religion, le commerce etc. à quoi l'auteur a ajouté des recherches nouvelles sur les loix romaines touchant les successions, sur les loix français et sur les loix féodales. [publ. par J. Vernet] Genève, Barillot et fils, 1749 2 parties en 1 vol. in 4.— CBN T. 118. P. 264–266. Pyc. пер. 1775.— CK 4332. Catalogue 1820. № 1402 L'esprit des lois par Montesquieu. Amsterdam, 1759 Arkstée et Merkus. 3.— PM 21.

Müller, Gerharhd-Friedrich. Sammlung russischer Geschichte. (Проспект: Eröffnung eines Vorschlages zu Verbesserung der Russischen Historie durch den Druck einer Stückweise herauszugebenden Sammlung von allerley zu den Umständen und Begebenheiten dieses Reichs gehörigen Nachrichten. St. Petersburg, bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1732.— СКИ 2015; CK 4236; PM 33.

Musei Imperialis Petropolitani. vol. 1–2. 6 parties. [Saint-Pétersbourg], typis Academiae Scientiarum Petropolitanae, 1741–1745. 8°.— СКИ 2027; PM 60.

Néel, Louis Baltazar. Histoire de Maurice Comte de Saxe. Londres, 1753. 2 vols. in 12.— CBN T. 123. P. 322 (Mittau, 1752); Catalogue 1820. № 4758. de Saxe, histoire de Maurice Comte de. Londres, 1753. 2. in 12.— PM 54.

Ovidius. Le Metamorfosi d'Ovidio. Al christianissimo re di Francia Henrico Secondo di Giovanni Andrea dell'Anguillara. Vinegia, per G. Griffio, 1561.— BB 2631. Catalogue 1820. № 2603 Methamorphose d'Ovide T[raduction] de l'abbé Bannier. Amsterdam, 1732. Wetstein. 2 in 4; № 2606 Les Metamorphose d'Ovide Traduites en français, avec des remarques par l'abbé Bannier 1738. Amsterdam. Smith. In 12. P. nep.: СПб., 1772–1774.— CK 4834–4836; PM 36.

Oxienstierna, Johann Thuresson. Pensées de M. le Comte d'Oxenstiern sur divers sujets, avec les reflexions morales du même auteur. Nouvelle édition, revue et corrigée ... par M. D. L. M. (A. A. Bruzen de la Martinière) La Haye J. van Duren. 1742. 2 vol. in 12 id. 1744 2 vol. in 12; id., 1759, 2 vol. in 12.— Barbier T. 2. P. 820; CBN T. 128. P. 746. Pyc. nep. СПб., 1771.— CK 4906; PM 6.

Palissot de Montenoy, Charles. Les Philosophes. Comedie, Paris, Duchesne, 1760.— CBN T. 129. P. 424.— PM 31.

Les parades.— PM 7.

Petit Reservoir, contenant une variété de faits historique et critiques, de Littérature, de Morale et de Poésie, etc... et quelques fois de petites aventures romanesques et galantes. Ouvrage Periodique. [...] (Dictionnaire des journaux. 1600–1789. Sous la direction de Jean Sgard. Paris, 1991. № 1115). Catalogue 1820. № 3429. le Petit Reservoir, contenant une variété de faits historiques, des aventures romanesques et galantes. 1750. La Haye. Neaulme. 4 (зачеркнуто) 3 in 12.— PM 53.

La Pleïade française, ou l'esprit des sept plus grands poètes. (Publié par P.-L. d'Aquin de Château-Lyon). Berlin (Paris), Duchesne, 1754. 2 vol. in 12.— Barbier T. 3. P. 916; PM 37.

Pluche, abbé Antoine, pseud. Nœl Pluche. Le spectacle de la nature, ou Entretiens sur les particularités de l'histoire naturelle qui ont paru les plus propres à rendre les jeunes gens curieux et à leur former l'esprit Paris V[eu]ve Estienne, 8 tomes en 9 vol. in 12 frontisp. et pl. gr. 1732–1746; idem. 1755–1764. Paris, les Freres Estienne. 8 tomes en 9 vol. in 12 Frontisp. et pl. gr.— CBN T. 139. P. 234–236. Catalogue 1820. № 1766 Spectale de la nature ou entretien sur les particularités de l'histoire naturelle. Francfort, 1762. 9 (6) in 12. № 1768 Spectacle de la nature. Paris, Etienne 1763. 1 in 12.— PM 13.

Plumard de Dangeul (pseud. John Nickolls). Remarques sur les avantages et les désavantages de la France et de la Gr. Bretagne par rapport au commerce et autres sources de la puisances des Etats. Traduction de l'anglais du chevalier John Nickolls. Leyde, [Paris?], 1754. in 12.— CBN T. 139 P. 253–254; BB 2767; PM 15.

Pœlnitz, Baron Carl Ludwig von. Lettres et memoires du B[aron] de Pölnitz, contenant les observations qu'il a fait dans ses voyages et le caractère des personnes qui composent les principales cours de l'Europe. 3e édition. Amsterdam, F. Changuion, 1737. 5 vol. in 12.— CBN T. 139. P. 582. Catalogue 1820.

№ 4315 Lettres et memoires du baron de Polnitz, contenant le caractère des personnes qui composent les principales cours de l'Europe 1747 Londres. 3 [зачеркнуто] 2 in 12; рус пер.: СПб., 1767.— Павел Жуков; CK 5146; PM 14.

Pozzo, Andrea. *Perspettiva Pictorum*. Romæ, 1693. Vol. 1–2.— CBN T. 142. P. 178–179. PM 36.

Recueil des Testamens Politiques du cardinal de Richelieu [avec les Observations de Castel de Saint-Pierre], du duc de Lorraine [Charles V, attribué à J.-B. de Chèviemont ou H. de Straatman], de M. Colbert et de M. de Louvois [par Sandras de Courtilz]. Divisé en 4 v. T. 1–4. Amsterdam, chez Z. Chatelain. [Paris], 1749. 4 vol.— BB 2907; PM 49.

Regnard, Jean-François. *Les Œuvres de M. Regnard...* Nouvelle édition.— La Haye, A. Moëtjens, 1729. 2 vol. in 2.— CBN T. 147 P. 1031–1032. Catalogue 1820. № 2853. Regnard (Œuvres de) littérature et comedies. Amsterdam. Comp-ie des libraires. 1753. 2 in 12; Catalogue 1807. P. 108 Œuvres de Regnard. 18. à La Haye 1728. T. 1–2.— PM 52.

Rousset de Missy, Jean. *Mémoires du règne de Pierre le Grand, empereur de Russie, père de la patrie, &c, &c, &c.* Par le B. Iwan Nestesuranoi. En 4 vol. Amsterdam, les Wetsteins & Smith, 1728–1730.— BB 3047; PM 33.

Russland Reisen.— PM 12.

Savary des Bruslons, Jacques. *Dictionnaire universelle de commerce, d'histoire naturelle, et des arts et Metiers*. Nouvelle édition. A Copenhague, chez les Freres Cl. et Ant. Philibert. 1759. 4 vols. F°.— CBN T. 163. P. 1137. Копанев 640. Catalogue 1820. № 1708 *Dictionnaire universelle de Commerce Copenhague*, 1749 5. Рус. пер.— CK 6524; PM 19.

Strube de Pymont, Frederick Heinrich. *Ebauches des loix naturelles et du droit primitif...* Amsterdam, J. Ryckhoff le fils, 1744. 2 parties en 1 vol. in 4.— CBN T. 179. P. 613. Catalogue 1820. № 1411 *Ebauches des loix naturelles et du droit primitif p. Strube de Piermont*; 1744 Amsterdam 1. in 4.— PM 59.

Sully, Maximilien de Béthune, duc de. *Mémoires de Maximilien de Béthune, duc de Sully, principal ministre de Henry le Grand*. Mis en ordre, avec des remarques, par M. L. D. L. [L'Ecluse Des Loges]. T. 1–8. Londres [Paris], 1745.— BB 3223; PM 38.

Tasso, Torquato. *Jérusalem délivrée, poème héroïque*, trad. en français [par J.-B. Mirabaud]. Amsterdam, Rickoff, 1755. 2 tomes. 12°.— Копанев 670. Рус. пер.— CK 7157. (СПб., 1772); PM 46.

Thompson, David. *Histoire d'un peuple nouveau, ou découverte d'une isle à 43 degrés 14 minutes de latitude méridionale*. Ouvrage trad. de l'anglais. Londres, 1757. 2 part. in 8.— Копанев 677; PM 2.

Toussaint François-Vincent. *Les mœurs*. 5 éd. [Lausanne], M.-M. Bousquet & c-ie, 1752.— BB 3323; PM 12.

Vertot, René-Aubert de. *Histoire des révolutions arrivées dans le gouvernement de la république romaine*. 5-éd. T. 1–3. Paris, Didot, 1752.— BB 3433. Рус. пер.: СПб., 1771–1775.— CK 946; PM 56.

Voltaire, François-Marie Arouet de. *Candide ou l'optimisme*. Traduit de l'Allemand de M. le docteur Ralph S. L. [Genève, Cramer], 1759. in 12.— CBN T. 214 (II). P. 1102–1107. Pyc. пер. СК 1108–1112. (СПб., 1769); PM 1.

Voltaire, François-Marie Arouet de. *Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand*. Par l'auteur de l'Histoire de Charles XII. T. 1–2. [S. I.] 1759–1763.— ББ 3615. Catalogue 1820. № 4591, 4593; PM 42, 45.

Voltaire, François-Marie Arouet de. *Histoire de la guerre de mil sept cent quarante-et-un*. Amsterdam [Paris], 1755. 2 vol. in 12.— Barbier T. 2 P. 699; ББ 3616; CBN T. 214–II. P. 1307–1308; PM 29.

Voltaire, François-Marie Arouet de. *Lettres de M. F. de Voltaire [à J. van Duren, libraire à la Haye] 1740*.— ББ 3672; *Lettres sur la nouvelle Héloïse, ou Aloisia de Jean-Jacques Rousseau*. 1761.— ББ 3675; *Lettres philosophiques de Mr de Voltaire*. Berlin, 1761. (Voronzov A. R.).— PM 1.

Voltaire, François-Marie Arouet de. *Recueil des faceties parisiennes, pour les six premiers mois de l'an 1760*. [publié par Voltaire]. [Genève, Cramer,] 1760.— ББ 3746; PM 54, 56.

Voltaire, François-Marie Arouet de. *Les manuscrits de Voltaire; Catalogue 1820. Lettres manuscrits de Voltaire relatives à l'histoire de Pierre le Grand*. 86 lettres in 4. 1 in 4.— PM 27.

Voyage de la Chine.— PM 2.

Voyage de Suisse.— PM 28.

Watteau, Antoine de. *L'œuvre d'Antoine Watteau*. Gravé d'après ses tableaux et dessins originaux, tirés du Cabinet du Roi et de plus curieux de l'Europe par les soins de M. de Julienne. Paris, Fixé à cent exemplaires des p-es épreuves. Imprimé sur le grand papier; 2 vol. Gr. in-fol. 1 vol. 55 gravures; II vol.-96 gravures; Rel. mar. vert de l'époque. 3 filets et des dorés bord inter. tr. dor.— Catalogue de très beaux livres du XVIIIe et du début du XIXe Imprimés entre les années 1700–1819. Paris, S. A. Georg, Libraires, 1931 № 173. Catalogue 1820. № 2141 Œuvres d'Antoine Watteau 2 in F°. PM 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Архив князя Воронцова / Ред. П. И. Бартнев. М., 1870–1895. Книги 1–40.
- Жуков — Начало университетской библиотеки (1783 г.): Собрание П. Ф. Жукова. Памятник русской культуры XVIII века. Каталог / Составители А. Х. Горфункель и Н. И. Николаев. Л., 1980.
- Ломоносов — Catalogue des livres de la bibliothèque du palais de Marbre // Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975. С. 148–214.
- Копанев — *Копанев Н. А.* Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в. // Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории. Л., 1986. С. 59–111. (Приложение: Каталог французских книг, продававшихся в Московской Академической книжной лавке в 1749–1760 гг.).

- БВ — Библиотека Вольтера Каталог книг / Отв ред М П Алексеев и Т Н Коп-
реева М, Л, 1961
- СК — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века 1725–1800
М, 1962–1967 Т 1–5
- СКИ — Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII ве-
ке 1701–1800 Л, 1984–1986 Т 1–3
- Barbier — *Barbier A-A* Dictionnaire des ouvrages anonymes Paris, 1872–1879 Т 1–4
- СВН — Catalogue generale des livres imprimes de la Bibliothèque Nationale Paris, 1924–
1981 231 Т
- Catalogue 1807 — Catalogue de la Bibliotheque de Son Excellence Monsieur le Comte Alexandre
de Stroganoff [] Par Charles Weyher (ОР РНБ Разн F XVIII № 184 / 1)
- Catalogue 1820 — Catalogue de la bibliotheque de la comtesse de Stroganoff (ОР РНБ Разн F XVIII
№ 177 / 1–3)
- Graesse — *Graesse J G* Trésor de livres rares et precieux Dresde, 1859–1867 Т 1–6
- PM — Promemoria
- Vorontzov A R — Catalogue de la bibliothèque de son Excellence Monsieur le comte de Woronzov
[] 1766 (Архив СПб ИИ РАН, ф 36, оп 1, д 994)

Н. П. МОРОЗОВА, Н. Н. ШАТАЛИНА, С. К. ЕГОРОВ

МАТЕРИАЛЫ К ОПИСАНИЮ БИБЛИОТЕКИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Основу настоящей публикации составили два источника: рукопись Д. В. Поленова «Библиотека Г. Р. Державина» (РО РНБ, ф. 595, Поленовы, № 70) и владельческие сборники, включающие издания небольшого объема, сохранившиеся в архиве поэта (РО РНБ, ф. 247, т. 22–35).

Оба источника отражают лишь часть книжного собрания Г. Р. Державина.

Составитель первого из них — Дмитрий Васильевич Поленов (1806–1878), археолог и библиограф, был женат на Марии Алексеевне Воейковой, дочери Веры Николаевны Львовой (воспитывавшейся в доме Державина).

Созданный им Каталог является черновой авторской рукописью в 1/2 листа, объемом 74 л. Он написан на бумаге императорской Петергофской фабрики, л. 35–50 имеют белую дату: «1841». Рукопись состоит из 7 тетрадей с общей пагинацией и обложкой, в верхнем правом углу которой карандашом помечено: «Словесность XVIII век», в центре черными чернилами: «Библиотека Г. Р. Державина».

В Каталоге учтено 243 издания. Их описания в полном объеме отражают данные титульного листа, в ряде случаев дополненные комментарием составителя, частично цитируемом в настоящей публикации. Основная доля этих изданий хранилась в виде составленных Державиным конволютов, включавших наряду с печатными рукописные материалы.

Каталог открывается (л. 1–2) росписью содержания сборников, который с небольшими сокращениями выглядит следующим образом:

«Краткое описание книг, содержащих в себе брошюры из библиотеки Г. Р. Державина.

№ книги

на переплете

24. Имеет заглавие: Воскликание Муз российских 1797 года по случаю возшествия на престол и коронации императора Павла I. (в 4). Заглавие и оглавление пьесам, содержащимся в этой книге, писаны рукою Гавриила Романовича.

26. Разные стихотворения (в 8). <...>.

28. Саведры Образ истиннаго христианина (в 4). Рукопись. Приложено несколько мистических рисунков и Духовные речи (печатные).

30. Рукописная. Разные стихотворения; в числе их попадаются писанные рукою Гавр. Роман.: под № 8 Рескрипт Екатерины к Безбородке по случаю пожалования его в графское достоинство.

31. Оды и разные стихотворения. Печатные и несколько рукописных.

34. Оды и другие стихотворения; разные статьи в прозе и духовные речи. <...>.

35. Два письма Федора Петровича Львова. Три письма Сергея Н. Глинки. Прочее включает разные стихи и прозаические статьи, печатные и рукописные. <...>.

36. Духовные слова и разные стихотворения печатные и рукописные. Под № 45 несколько собственноручных стихов Гавр. Роман. Под № 50 надпись его же руки.

37. Кроме двух печатных незначительных пьес, остальное все рукописное. <...>.

38. Большею частью рукописные стихотворения. <...>.

39. Три оды Екатерине II; одна печатная и две рукописные, из которых одна Петрова.

50. Оды на возшествие на престол и на коронование Александра I и другие стихотворения, между прочим стихотворение „Лира“ Гайдена, перев. Карамзина.

Книги без номера

а. Брошюры разного содержания (в 8). Под № 9 „Обозрение книги псалмов“ Павского. — № 29. Послание казака Ермака Гаврильевича к М. И. Платову, печатанная в Калише. — № 33. Собственноручные французские стихи императрицы Марии Феодор. и перевод их Гавр. Роман.

б. (в 8). Несколько духовных речей и брошюр разного содержания, между которыми можно заметить два мнения Трощинского и Шишкова на Проект нового уложения, сочиненный комиссиею составления законов. „Здесь же описание праздника 5 сентября 1815“ (карандаш, на полях).

Книга в лист без №. Печатные брошюры и рукописи, по содержанию незначительные, кроме рукописи № 19, заключающей Основание конституции царства Польского.

с. Разные брошюры (в 8).

№ 11 (карандаш)».

В приведенном списке, к сожалению, перечислены лишь сборники. Каталог же описывает и целый ряд самостоятельных книг. В частности, это, по-видимому, относится к произведениям, изданным в 1816 году (см. № 21, 185, 270).

Крайне важным является то обстоятельство, что 5 из перечисленных конволютов сохранились в архиве Державина (РО РНБ, ф. 247, т. 23 (д. 38), 27 (д. 34), 28 (д. 37), 29 (д. 35), 32 (д. 26)). В них Д. В. Поленовым не расписаны лишь иноязычные издания и издания, напечатанные кириллицей.

Рассматриваемый документ не позволяет полностью восстановить состав не имеющих в нашем распоряжении сборников.

Тем не менее единичные карандашные пометы на полях рукописи (возможно, сделанные позднее Я. К. Гротом) позволяют установить, что в «книгу 24» входили издания, описанные ниже под № 351, 353, 125, 235, 358, 264, 211, 340, 162, 129, 135, 55, 37, 350, 349, 202, 160, 367, 181, 381, 365; в «книгу 31»: № 132, 166, 236, 282, 165, 201, 276, 25, 348, 382, 203, 72, 156; в «книгу 50»: № 68, 152, 27, 26, 270.

В Каталоге Д. В. Поленова доминирует, хотя и не выдержанный последовательно, тематический принцип расположения материала. Составителем выделены такие разделы: 1. «Духовные слова» (тетр. 1, л. 1–15); 2. «Оды и стихотворения на разные случаи» (тетр. 3, л. 20а–34); 3. «Смесь» (тетр. 2, л. 16–19; тетр. 5, л. 51–64). Тетрадь № 4 в значительной мере состоит из описания изданий 1801 года, посвященных теме восшествия на престол Александра I. Темой большинства изданий, описанных в тетради № 6 (л. 65–66), является война 1812 года. В тетради № 7, где характеризуются главным образом издания большого объема, часть которых, возможно, не входила в конволюты, предпринята попытка деления материала на «стихи» и «прозу».

Одна из учтенных в последней тетради книг (см. № 344) хранится в настоящее время в библиотеке ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, располагающей и другими принадлежавшими поэту изданиями.¹

К истории составленного Д. В. Поленовым Каталога, вероятно, имеет отношение следующее пересказанное Я. К. Гротом предание: «Из собственности, лично принадлежавшей Гавриле Романовичу, — так сказать, кабинетной его собственности, библиотека его, вместе с книгами Дарьи Алексеевны, отдана была Бороздину, главному душеприказчику покойной. Эта библиотека не отличалась богатством. В ней оказалось между прочим много мистических сочинений и переводов, доставшихся вдове Державина после смерти брата ее Николая Алексеевича Дьякова. Поэтому разбиравшие библиотеку А. А. Воейков (сын Веры Николаевны) и Д. В. Поленов (женат на сестре его) решили сбыть большую часть книг Державиных букинистам. Поленов удержал у себя лишь несколько книг, в т. ч. экземпляр старинного издания сочинений Ломоносова, с заметками, сделанными на полях его рукой Державина при составлении им „Рассуждения о лирической поэзии“».²

Достоверность приведенного рассказа, как и всякого мемуарного свидетельства, относительна. Известно, что часть книжного собрания Державина в 1862 году поступила в составе библиотеки К. М. Бороздина в Румянцевский музей.³

¹ См. № 39, 278, а также *Кочеткова Н. Д.* Экземпляры «Сочинений» Державина, хранящиеся в Пушкинском Доме // *Маргиналии русских писателей XVIII века* СПб., 1994 С. 55–65, *Заборов П. Р.* Рукописное посвящение, его эволюция и выразительные средства // *Языки рукописи* СПб., 2000 С. 172–175, о книгах библиотеки Г. Р. Державина, хранящихся в других собраниях, см. *Алексеева Н. Ю., Коплан Б. И.* Авторская правка Г. Р. Державина на экземплярах его «Сочинений» из собраний РГБ и БАН // *Маргиналии русских писателей XVIII века* С. 33–54, *Гардзонио С.* Автографы поэтов-шишковистов в книгах РГБ // *Маргиналии русских писателей XVIII века* С. 66–70

² *Державин Г. Р.* Соч., с объяснит. примеч. Я. К. Грота СПб., 1882 Т. VIII С. 10–11

³ См. *Иваск У.* Частные библиотеки России // *Русский библиофил.* 1911 № 11 С. 150, Государственный Румянцевский музей Путеводитель Библиотека М., Пг., 1923 С. 91–92

В примечаниях Я. К. Грота к Читалагайским одам говорится, что у Д. В. Поленова имелся экземпляр их издания, «принадлежавший самому поэту и отмеченный его поправками».⁴

Упомянутые Гротом издания вместе с целым рядом других принадлежавших поэту книг были переданы в конце XIX века В. Д. Поленовым в составе книжного собрания своего отца и дяди (Л. А. Воейкова) Нарышкинской библиотеке г. Тамбова.⁵ К сожалению, значительная часть ее редкого фонда утрачена в 1930-е годы.

Благодаря счастливой случайности, писателю В. Г. Лидину удалось приобрести тогда в одном из букинистических магазинов Москвы три книги из библиотеки Державина: «Стихотворение Анакреона Тийского» (перевод Н. А. Львова. СПб., 1794) с надписью: «Любезному другу моему Гавриле Романовичу. Числа 12. С.-Петербург»; «Душенька» И. Ф. Богдановича с надписью на титуле: «Гавриле Романовичу Державину приносит сам Душенька» и «Анакреонтические песни» Державина (СПб., 1804) с пометами автора и дарственной надписью Дарье Алексеевне.⁶

Несмотря на утраты, думается, в Тамбовской областной библиотеке им. А. С. Пушкина сохранились какие-то из принадлежавших поэту книг.

Вторым источником настоящей публикации, как уже было упомянуто, стали 14 составленных Державиным в 1790–1815 годах сборников, хранящихся ныне в РО РНБ (ф. 247, т. 22–35). В рукописной своей части они описаны в Отчете Публичной библиотеки за 1892 год (СПб., 1893. С. 43–97). Из числа печатных изданий здесь отмечены лишь не имевшиеся в библиотеке.

Конволюты создавались Державиным главным образом потому, что были наиболее удобной формой хранения листового материала и брошюр. Порядок расположения аллигатов в сборниках в целом произвольный, лишь иногда они образуют незначительные по объему тематические комплексы.

В большинстве случаев конволюты объединяют материалы, относящиеся к хронологическому периоду в два-четыре года.

Приводимое ниже краткое палеографическое описание сборников РНБ (указывается двойная нумерация: номер, присвоенный конволюту Гротом, и номер, присвоенный конволюту самим Державиным) и указатель входящих в них изданий позволят получить более точное представление об анализируемом материале:

1. Грот 22 (Державин 15). Сборник рукописный и печатный. 1781–[1800] гг. (преимущественно тексты 1796–1798). 369 л. 93 аллигата. 4°. Переплет: картон в «мраморной» бумаге коричневых тонов. Пометы: «№ 15» (верхняя крышка перепл.), «№ 798» (корешок), № 22 (внутренняя сторона верхней крышки перепл., синий карандаш). Содержит след. из-

⁴ Державин Г. Р. Соч. Т. III. С. 273.

⁵ См.: Список книг Дмитрия Васильевича Поленова и Леонида Алексеевича Воейкова, пожертвованных городу Тамбову. СПб., 1893. (№ 3304–3305, 3353). Ряд источников для изучения истории этого книжного собрания сохранился в РО РНБ (ф. 595. Поленовы, № 7, 15).

⁶ См.: Лидин В. Друзья мои книги. М., 1962. С. 38–42; Список книг Дмитрия Васильевича Поленова и Леонида Алексеевича Воейкова... № 3076, 3141, 3313.

дания: 378 (1), 210 (6), 389 (7), 50 (8), 164 (9), 262 (10), 127 (11), 128 (12), 145 (13), 162 (14), 144 (15), 147 (16), 138 (17), 8 (18), 345 (19), 314 (20), 11 (21), 234 (22), 198 (25), 357 (26), 76 (27), 122 (28), 196 (29), 232 (30), 108 (32), 302 (33), 365 (34), 298 (35), 208 (36), 268 (37), 102 (38), 14 (39), 318 (40), 154 (41), 225 (42), 317 (43), 316 (43а), 238 (44), 295 (45), 91 (46), 153 (47), 308 (48), 363 (49), 242 (73).

2. Грот 23 (Державин 38). Сборник рукописный и печатный. 1793–1795 гг. 102 л., 35 аллигатов. 2°. Переплет: картон в синей бумаге. Пометы: «№ 38» (верхняя крышка переплета, корешок, чернила). На форзаце (бумага 1794 г.) оглавление (почерк Поленова). Содержит след. издания: № 31 (6), 107 (13), 22 (15), 362 (35).

3. Грот 24 (Державин 39). Сборник рукописный и печатный. 1792–1810 гг. 223 л., 30 аллигатов. 4°. Мягкая обложка. Пометы: «39» (верхний л. обложки, корешок, карандаш), «№ 24» (внутренняя сторона верхнего л. обложки, синий карандаш). Содержит след. издания: № 233 (3), 352 (4), 199 (5), 200 (5а), 168 (5б), 40 (6), 342 (7), 296 (17), 217 (23), 324 (25), 15 (26), 89 (27).

4. Грот 25 (Державин 13). Сборник рукописный и печатный. 1796–1799 гг. 226 л., 81 аллигат. 2°. Переплет: картон в темно-желтой бумаге. Пометы: «№ 13» (верхняя крышка переплета). Оглавление (л. 1–2) написано рукою Державина на бумаге 1799 г. Содержит след. издания: № 344 (6), 183 (8), 306 (11), 344 (36), 295 (48–49), 209 (52), 17 (55), 81 (56), 350 (58), 80 (60), 95 (62), 146 (63), 9 (64), 16 (65), 121 (66), 176 (67), 148 (68), 360 (69), 296 (72), 297 (77), 119 (79).

5. Грот 26 (Державин 8). Сборник рукописный и печатный. 1788–1792 гг. 109 л., 11 аллигатов. 8°. Переплет: картон в голубой бумаге с разводами. Пометы: «№ 8» (верхняя крышка переплета, чернила). Содержит след. издания: № 35 (1), 304 (2), 328 (3), 305 (4), 68 (6), 29 (7), 383 (8).

6. Грот 27 (Державин 34). Сборник рукописный и печатный. 1787–1804 гг. 319 л., 66 аллигатов. 8°. Переплет: картон в темно-желтой бумаге, кожаный корешок. Пометы: «№ 34» (верхняя крышка переплета), «№ 27» (внутренняя сторона верхней крышки переплета, синий карандаш). Содержит след. издания: № 117 (1), 242 (2), 106 (3), 385 (5), 293 (6), 174 (7), 341 (8), 354 (9), 34 (25), 13 (47), 390 (48), 12 (49–50), 289 (51), 206 (52), 5 (53), 3 (54), 6 (55), 179 (56), 175 (57), 178 (58), 331 (59), 88 (60), 189 (61), 330 (62), 4 (63), 218 (64), 75 (65), 237 (66).

7. Грот 28 (Державин 37). Сборник рукописный и печатный. 1802–1803 гг. 141 л., 60 аллигатов. 1°. Переплет: картон в бумаге коричнево-голубыми разводами. Пометы: «№ 37» (верхняя крышка переплета). Оглавление написано рукою Державина. Содержит след. издания: № 169 (12), 292 (53).

8. Грот 29 (Державин 35). Сборник рукописный и печатный. 1805–1808 гг. 101 л., 39 аллигатов. 1°. Переплет: картон в голубой бумаге коричневыми разводами. Пометы: «№ 35» (верхняя крышка переплета). Содержит след. издания: № 337 (6), 51 (8), 24 (9), 284 (13), 216 (14), 286 (17), 84 (18), 355 (22), 33 (24), 93 (26), 339 (28), 51 (31), 391 (34), 45 (35), 143 (36).

9. Грот 30 (Державин 9). Сборник рукописный и печатный. 1799–1815 гг. (все печатные аллигаты относятся к 1813–1814 гг.). 349 л., 51 аллигат (аллигат 30 отсутствует). 4°. Переплет: картон в «мраморной» бумаге. Пометы: «№ 9» (верхняя крышка перепл., корешок), «№ 30» (там же), № 30 (Воспоминание в Царском Селе А. С. Пушкина) был оставлен Гротом у себя и вошел в принадлежащее Гроту «Собрание автографов Пушкина из лицейских бумаг», этот автограф находится на л. 1–4 об. «Библиотекарь А. Бычков». Содержит след. издания: № 64, 172 (1), 241 (2), 28 (3), 186 (4), 54 (5), 56 (6), 229 (7), 186 (8), 333 (9), 113 (10), 211 (15), 213 (11), 361 (12), 59 (13), 136 (14), 212 (15), 335 (16), 1 (17), 32 (18), 287 (19), 288 (20), 139 (21), 2 (30), 85 (32), 123 (36), 226 (97), 207 (38), 59 (39), 215 (40), 251 (41), 80 (42), 243 (43), 188 (44), 256 (45–46), 254 (47), 386 (48), 388 (49), 386 (50), 387 (51).

10. Грот 31 (Державин 18). Сборник рукописный и печатный. 1815 г. 158 л., 30 аллигатов. 4°. Переплет: картон в «мраморной» бумаге. Пометы: «№ 18» (верхняя крышка перепл., корешок), «№ 31» (внутренняя сторона верхней крышки перепл., синий карандаш). Оглавление (л. 1–2) написано рукою С. В. Капниста. Содержит след. издания: № 263 (1), 131 (2), 56 (3), 334 (4), 336 (5), 10 (7), 265 (8), 313 (9), 60 (11), 220 (25), 253 (26, 27), 282 (28), 90 (30).

11. Грот 32 (Державин 26). Сборник рукописный и печатный. 1788–1792 гг. 52 л., 12 аллигатов. 8°. Переплет: картон в «мраморной» бумаге. Пометы: «№ 26» (верхняя крышка перепл., корешок). Оглавление написано рукою Поленова. Содержит след. издания: № 227 (1), 281 (2), 66 (3), 78 (5), 197 (6), 70 (7), 71 (8), 72 (9).

12. Грот 33 (Державин 17). Сборник рукописный и печатный. 1777–1790 гг. 11 аллигатов. 4°. Переплет: картон в «мраморной» бумаге. Пометы: «№ 17» (верхняя крышка перепл., корешок), «№ 33» (верхн. крышка перепл.). Оглавление написано на форзаце рукою Поленова. Содержит след. издания: № 74 (1), 261 (2), 82 (3), 261 (4), 315 (5), 101 (6, 7), 103 (8), 105 (9), 104 (10), 260 (11).

13. Грот 34 (Державин 4). Проект учреждения правительствующего сената. [СПб., Мед. тип., 1811]. [8], 109 с. 4°. — Без тит. л. — Отчет 98, 1. — Пометы, касающиеся содержания (с. 8, 18, 21–23, 26–27, 30–31, 35, 38–40, 45, 47–49, 51–52, 54–57, 60–61, 64, 104, карандаш, почерк Державина). <Автор М. М. Сперанский>.

14. Грот 35 (Державин 3). Проект министерского устава. Ч. 1.: Общее образование министерств. СПб., Мед. Тип., 1810. [8], 78, [18], 10 с. 4°. — Петров 928. — Отчет 98, 2. — Пометы, касающиеся содержания (с. 42–43, 45, 59–61, 63, карандаш, почерк Державина). <Автор М. М. Сперанский. См.: Державин Г. Р. Сочинения / Авт. примеч. Я. К. Грота. 2-е изд. Т. 6. СПб., 1876. С. 250–260>.

Описанные в настоящей публикации издания (помимо не имеющих указания на дату) хронологически распределяются следующим образом:

1762 г.: № 283.

1767 г.: № 231.

- 1774 г.: № 132, 307.
1775 г.: № 147, 149.
1777 г.: № 74.
1779 г.: № 57, 103, 260 (всего 3 издания).
1780 г.: № 104, 315.
1781 г.: № 83.
1782 г.: № 82.
1784 г.: № 261.
1786 г.: № 105.
1787 г.: № 75, 101.
1788 г.: № 66, 78, 167, 281 (всего 4 издания).
1790 г.: № 166, 155, 282 (всего 3 издания).
1791 г.: № 70, 71, 73, 81, 197, 227, 236, 289 (всего 8 изданий).
1792 г.: № 65, 72, 77, 165, 201 (всего 5 изданий).
1793 г.: № 7, 22, 156, 168, 199–200, 203, 206, 218, 233, 277–278, 348, 378, 382 (всего 15 изданий).
1794 г.: № 31, 107, 217, 219, 222, 362 (всего 6 изданий).
1796 г.: № 8, 11, 36, 37, 50, 55, 97, 108, 122, 125, 127–129, 138, 144–145, 147, 162–164, 196, 198, 210, 232, 234–235, 242, 262, 264, 302, 314, 340, 345, 351, 358, 364–365, 389 (всего 38 изданий).
1797 г.: № 14, 19, 135, 161, 181, 202, 208, 211, 268, 298, 349, 353, 363, 367, 381 (всего 15 изданий).
1798 г.: № 44, 91, 102, 153–154, 225, 238, 295, 308, 316, 318 (всего 11 изданий).
1799 г.: № 9, 16–17, 38, 81, 95, 119, 121, 146, 148, 176, 180, 209, 280, 287–288, 296, 306, 344, 350, 360 (всего 21 издание).
1800 г.: № 76.
1801 г.: № 25, 42, 69, 76, 79, 118, 124, 133, 150, 160, 170–171, 182, 194–195, 239, 248–250, 252, 266–267, 270, 273, 285, 290–291, 294, 297, 301, 309–310, 347, 356, 359, 368–369 (всего 37 изданий).
1802 г.: № 29, 99, 292 (всего 3 издания).
1803 г.: № 41, 169, 193, 304–305, 383 (всего 6 изданий).
1804 г.: № 3, 5–6, 35, 68, 106, 179, 189, 237, 293, 328, 338, 390 (всего 13 изданий).
1805 г.: № 12–13, 46–47, 58, 86, 88, 92, 114, 120, 174–175, 177–178, 272, 330–332, 341, 352, 354, 377 (всего 23 издания).
1806 г.: № 4, 34, 89, 216, 244, 284, 339 (всего 7 изданий).
1807 г.: № 24, 33, 48, 51–52, 84, 143, 224, 337, 343, 355, 366, 391 (всего 13 изданий).
1808 г.: № 23, 45, 64, 87, 184 (всего 5 изданий).
1809 г.: № 53, 187, 214, 240, 246, 279, 373 (всего 7 изданий).
1810 г.: № 15, 40, 159, 258, 324, 370, 374–375, 379–380 (всего 10 изданий).
1811 г.: № 43, 63, 100, 259 (всего 4 издания).
1812 г.: № 1, 43, 186, 371 (всего 4 издания).
1813 г.: № 32, 39, 59, 62, 80, 85, 123, 136–137, 151, 158, 192, 204, 212, 215, 243, 245, 247, 256, 274–275, 329, 335, 361, 387, 388 (всего 26 изданий).

1814 г.: № 2, 18, 28, 54, 56, 61, 67, 96, 98, 109, 112–113, 126, 130, 134, 139, 172, 188, 190–191, 205, 207, 213, 215, 220, 223, 226, 229, 241, 251, 257, 311, 319, 321–323, 325–327, 333, 372, 384, 386 (всего 43 издания).
1815 г.: № 10, 20, 30, 60, 90, 94, 110–111, 131, 139–142, 157, 221, 253–255, 263, 265, 271, 299–300, 303, 313, 320, 334, 336, 346 (всего 29 изданий).
1816 г.: № 21, 185 (издано после смерти Державина), 269 (всего 3 издания).

Таким образом, наибольшее количество изданий относится к годам, отмеченным важными политическими событиями (воцарение Павла I, восшествие на престол Александра I, война с французами).

Существенно также то, что рассматриваемые источники в значительной мере позволяют реконструировать круг чтения Державина в последние годы его жизни.

В жанрово-тематическом отношении среди учтенных в настоящей публикации изданий преобладают оды (ок. 100 текстов, из них Екатерине II посвящено 18: № 22, 50, 127, 132, 138, 149, 164–165, 201, 203, 210, 231, 233, 264, 276, 282, 348 («епистола»), 382; Павлу I — 26: № 37–38, 55, 91, 125, 129, 135, 161, 163, 180–181, 202, 209, 211, 238, 268, 295, 298, 340, 349–351, 353, 358, 364, 367, 381; Александру I — 49: № 24, 28, 36, 40, 42, 53–54, 56, 79, 124, 131, 143, 150, 160, 168, 170, 182, 190, 194–195, 199, 229, 239, 241, 248–250, 252, 263, 266–267, 273, 285, 290–291, 293, 297, 301, 333–334, 339, 347, 352, 359, 368, 369) и жанры церковного красноречия (64 текста: № 3–17, 20, 65, 85–89, 102–105, 109–114, 144–148, 155, 175–179, 184–185, 208, 271, 277, 289, 314–321, 324–327, 330–331, 361).

Более 40 текстов посвящено событиям русской и европейских войн с французами 1805–1815 гг. (см. № 1, 18, 28, 32, 39, 58–61, 84, 90, 93, 98, 115–116, 126, 131, 136–137, 140, 151, 172–173, 186, 188, 191, 204–205, 212–213, 228–229, 241, 243, 245, 263, 269, 275, 333–334, 336, 341, 344, 366).

Каждое из имевшихся у Державина изданий тем или иным образом связано с его жизнью, творчеством и в этом отношении может служить сюжетом самостоятельного исследования. Задачи же настоящей работы ограничиваются рамками библиографического описания.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Геннади — *Геннади Г. Н.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и Список русских книг с 1725 по 1825 г. Т. 1–3. Берлин; Москва, 1876–1906.
- Капнист — *Капнист В. В.* Избранные произведения. Л., 1973.
- Отчет — Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 г. СПб., 1895.
- Петров — Книги первой четверти XIX века (каталог книг, хранящихся в Государственной публичной библиотеке Украинской ССР) / Сост. С. О. Петров. Киев, 1961.
- Поленов — *Поленов Д. В.* Библиотека Г. Р. Державина. Рукопись. РО РНБ, ф. 595, № 70.

- СК — Сводный Каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М.; Л., 1962–1967. Т. 1–5.
- СК РК — Сводный каталог русской книги 1801–1825. Т. 1.: А–Д. М., 2000.
- СРП 18 в. — Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1–2. Л.; СПб., 1988–1999.
- РП 19 в. — Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992–1999. Т. 1–4.
- Смирдин — Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная. Ч. 1–4, с приложениями: азбучной росписи имен сочинителей и переводчиков и краткой росписи книгам по азбучному порядку. СПб., 1828.
- Смирнов-Сокольский — *Смирнов-Сокольский Н. П.* Моя библиотека. М., 1969. Т. 1–2.
- Сопиков — *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. Редакция, примечания, дополнения и указатель В. Н. Рогожина. СПб., 1904–1906. Ч. 1–5.

В заключение составители благодарят сотрудников рукописного отдела РНБ за исключительно теплую атмосферу, помогавшую в работе, а также сотрудников БАН Е. А. Савельеву и Н. М. Баженову и сотрудника РГБ И. Ю. Фоменко за консультации.

1. А. На кончину его сиятельства генерала от инфантерии князя Петра Ивановича Багратиона.— СПб., тип. В. Плавильщикова, 1812. [7] с. 4°.— В конце текста: А.— Начало: «Нет счастья в мире сем...».— Грот 30 (Державин 9), аллигат 17.— Сопиков 11495; Смирдин 8012.— На экз. РНБ (18.153.2.103) помета: «По свидетельству Николая Ивановича Койленского автором этого стихотворения был Алексей Степанович Койленский, начальник штаба армии, умерший в 20-х годах».

2. А... Т... <Алексей Тутолмин>. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней, или Собрание разных мелочей, сочинения отставного драгунского инвалида А... Т... М., тип. Н. С. Всеволожского, 1814. 32 с. 4°.— С. [3]: К читателям.— Стихи.— Виньетки.— Грот 30 (Державин 9), аллигат 31.— *Морозова Н. П.* О последнем стихотворении Г. Р. Державина // *Русская литература.* 2002. № 2.

3. Августин (Сахаров, Михаил Степанович, 1768–1841). Слово в день входа во Храм Пресвятыя Богоматери, и на совершение новоустроенной зимней церкви во имя святыя великомученицы Екатерины, при Втором Кадетском корпусе, Говоренное того же корпуса законоучителем... 1803 года ноября 21 дня.— СПб., тип. Синода, 1804. 13 с. 4°.— Поленов 4, 6.— Грот 27 (Державин 34), аллигат 54.— СК РК 50.

4. — Слово на Новый 1806 год ... — СПб., тип. Синода, 1806. 9 с. 4°.— В конце текста: Говорено в Морской соборной церкви святителя Николая Чудотворца 1806 года января 1 дня.— Поленов 7, 14.— Грот 27 (Державин 34), аллигат 63.— СК РК 52.

5. — Слово на освящение новоустроенной летней церкви во имя святого благоверного великаго князя Александра Невского, при Втором Кадетском корпусе, Говоренное ... 1804 года мая 24 дня.— СПб., тип. Синода, 1804. 15 с. 4°.— Поленов 4, 5.— Грот 27 (Державин 34), аллигат 53.— СК РК 53.

6. — Слово на погребение его сиятельства гр. Валериана Александровича Зубова, ... родившагося, 1771, скончавшагося 1804 года июня 21 дня, говоренное ... в летней соборной церкви Троицкой Сергиевой Пустыни, в которой погребено тело покойнаго графа, состоящей по Петергофской дороге ... 1804 года июня 24 дня.— СПб., тип. Синода, 1804. 6 с. 4°.— Поленов 5, 7.— Грот 27 (Державин 34), аллигат 55.— СК РК 54.

7. **Амвросий (Москвин, Василий, ум. 1810)**. Слова проповеданные при высочайшем присутствии е. и. в. и их императорских высочеств в Большой придворной церкви ... в Санктпетербурге в 1792 м году.— СПб., тип. Синода, 1793. [2], 29 с. 4°. Поленов 15, 33.— СК 311 (кроме МГУ).

8. **Амвросий (Подобедов, Андрей Иванович, 1742–1818)**. Речь говоренная ... в Царском селе 6 июля 1796 года.— Б. м., [1796]. [2] с. 4°. Грот 22 (Державин 15), аллигат 18.— Отчет 51, 9.— СК 109 (РНБ, без тит. л.).

9. — Речь е. и. в. в высокаторжественный день коронации. Говорена 5 апреля 1799 года, в Большой придворной церкви ... — СПб., Имп. тип., 1799. [4] с. 4°.— Грот 25 (Державин 13), аллигат 64.— Отчет 71, 9.— СК 110 (БАН, РНБ).

10. — Речь е. и. в., самодержцу всероссийскому Александру Первому. В день торжества всеобщаго мира, говоренная в Казанском соборе ... 6 декабря 1815 года.— СПб., тип. Синода, [1815]. 4 с. 4°.— Грот 31 (Державин 18), аллигат 7.— СК РК 171.

11. — Слово в высокаторжественный день коронации е. и. в., Екатерины II. Говоренное в Большой придворной церкви ... Сентября 22 дня, 1796 года.— СПб., тип. Корпуса чужестранных единоверцов, [1796]. 12 с. 4°.— Грот 22 (Державин 15), аллигат 21.— СК 112.

12. **Амвросий (Протасов, Алексей Иванович, ок. 1762–1831)**. Пастырское наставление, при случае присяги на трехлетние выборы чиновников из дворянства в Тульской губернии, Говоренное в Тульской Преображенской церкви ... 1804 декабря 18 дня; Слово на случай присяги новоизбранных дворянством на трехлетие судей в Тульской губернии, Говоренное в Тульской Преображенской церкви ... 1804 года декабря 23 дня.— М., тип. Синода, 1805. 23 с. 4°.— Поленов 3, 2–3.— Грот 27 (Державин 34), аллигаты 49–50.— СК РК 177.

13. — Слово во святыи и Великий Пяток, о утешениях христианина среди бед жизни и ужасов смерти, Проповеданное в Тульском Успенском кафедральном соборе ... 1804 года, апреля 22 дня. 2-е изд.— М., тип. Синода, 1805. 16, 14 с. 4°.— Текст на рус. и лат. яз.— Пер. на фр. учителем Годфруа.— Петров 56. Поленов 3, 1.— Грот 27 (Державин 34), аллигаты 47–48.— Отчет 78, 4.— СК РК 182.

14. **Анастасий (Братановский-Романенко, Андрей Семенович, 1761–1806)**. Слово на погребение его высокопревосходительства Ивана Ивановича Шувалова, обер-камергера, действительнаго тайнаго советника, Московскаго университета куратора... скончавшагося 1797 года, ноября 14 дня, Говоренное в Александроневском монастыре в Благовещенской

церкве ... того же месяца 17 дня.— СПб., Имп. тип., 1797. 15 с. 4°.— Грот 22 (Державин 15), аллигат 39.— СК 153 (РГБ; РНБ).

15. **Антоний (Соколов, Алексей Федорович, ок. 1767–1827)**. Слова, по случаю выборов из дворянского Новгородской губернии сословия чиновников и прочих в судебныя места и общественныя должности, Говоренныя ... в Нове Городе генваря 25 и 28 числ 1810 года.— СПб., тип. Синода, 1810. 19 с. 4°.— Заставка (с. 3).— Петров 39.— Грот 24 (Державин 39), аллигат 26.— СК РК 261.

16. **Аполлос (Байбаков, Андрей Дмитриевич, 1745–1801)**. Поучение в день великаго святителя и чудотворца Николая 1799, мая 9, в богоспасаемом граде Архангельске, в Адмиралтействе говорил Аполлос, епископ Архангельский и Олонецкий.— М., Губ. тип., у А. Решетникова, 1799. 7 с. 4°.— Текст в рамке из орнаментальных украшений.— Виньетки (тит. л., с. 7).— Грот 25 (Державин 13), аллигат 65.— СК 224 (БАН; РНБ; ГПИБ).

17. — Поучение, говоренное 1799 года генваря 6 в богоспасаемом граде Архангельске, в соборе... — М., Губ. тип., у А. Решетникова, 1799. 7 с. 4°.— Текст в цветочной рамке.— Виньетки.— Грот 25 (Державин 13), аллигат 55.— СК 225 (кроме РГБ).

18. **Ардт, Эрнст-Мориц (1769–1860)**. Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах, о войнах его с Гишпаниею и Россиею, о истреблении войск его и о важности нынешней немецкой войны: Книжка в утешение и наставление немецкому народу сочиненная. Пер. с нем. яз. Александр Шишков.— СПб., тип. Плавильщикова, 1814. [4], 118 с. 8°.— Поленов 63, 47.— СК РК 313.

19. **Арно, Франсуа Тома Мари де Бакюлар д' (1718–1803)**. Поэма. Плачь Иеремии пророка, в шести песнях ... переведена синод. членом, Ставропигиального Московскаго Новопаскаго монастыря архимандритом Анастасием.— СПб., тип. Синода, 1797. [16], 72, [1] с. 8°.— Прозаический перевод поэмы: «Lamentations de Jeremie». — Поленов 72, [4].— СК 284.

20. **Афанасий (Протопопов, Александр Федорович, ок. 1783–1841), иеромонах**. Слово по случаю приведения к присяге новоизбранных губернских чинов из сословия дворянства, С. П. Бургской губернии в Казанском соборе генваря 15 дня 1815 года, говоренное Санкт-Петербургской духовной академии инспектором магистром иеромонахом Афонасием.— СПб., Мед. тип., 1815. [2], 7 с. 4°.— Поленов 15, 35.— СК РК 383.

21. **Бахтин, Иван Иванович (1756–1818)**. И я автор, или Разныя мелкия стихотворения ... — СПб., тип. Иос. Иоаннесова, 1816. [8], 62 с. 8°.— В сноске к открывающему сб. стих. «Сон» автор цитирует Державина, ставя его в образец себе.— Поленов 69, 14.— *Кочеткова Н Д Бахтин И. И.* // СРП 18 в. 1, 72.— СК РК 477.

22. Безсмертной миром и воиною, Екатерине Великой. На 1793 год. От младенствующих юго-днестровских муз.— Печатано в Новых Дубасарах [4] с. 2°.— Напечатано кириллицей.— На с. [3]: Агравлический пеан. В конце текста: *А С* — Заставка.— Грот 23 (Державин 38). Алигат 15.— Отчет 58, 2.

23. **Благодетельный помещик, кн. Павел Михайлович Волконский.**— Б. м., [1808]. 18 с. 8°.— Поленов 61, 36. («Без загл. л. Содержит описание погребения князя Волконского крестьянами его, которые из Москвы несли тело покойного на руках до Боровского Пафнутьева монастыря в 91 версте от Москвы. В конце напечатаны стихи, на этот случай сочиненные Яковом Бардовским 8 января 1808 г. Приложен грав. портр.»).— СК РК 438.

24. **Бобров, Семен Сергеевич (1765–1810).** Парение венценосного гения с полуночных пределов России к западным. Марта 15 дня 1807 года: Стансы.— СПб., тип. И. Глазунова, 1807. [8] с. 4°.— Поленов 48, 41.— Грот 29 (Державин 35). Аллигат 9.— СК РК 696.

25. **Богданов, Петр Иванович (1776–1818).** Ода на открытие в Москве Голицынской больницы, при высочайшем присутствии е. и. в. Александра Перваго, завещанной достойным вечная памяти кн. Димитрием Михайловичем Голицыным, бывшим в Вене чрезвычайным и полномочным послом, а сооруженной двоюродным братом его обер-камергером и разных орденов кавалером кн. Александром Михайловичем Голицыным, в пользу Отечества. Сочиненная ... 1801 года сентября дня.— М., тип. Сената, у Селивановского, 1801. 18 с. 4°.— Поленов 40, 15 («В конце приложена еще Кантата»).— *Фоменко И. Ю.* Богданов П. И. // СРП 18 в. 1, 102.— СК РК 705

26. **Борисполец, Тимофей Никифорович (—1849).** Его светлости кн. Платону Александровичу Зубову, открывшему источник просвещения для юнаго российского дворянства, Милостивейшему государю признавательныя чувства усерднейше посвящает преданнейший Тимофей Борисполец. Городовой секретарь.— М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, 1801. 8 с. 4°.— Поленов 51, 5. («Стихотворение под названием „Жертва сердца“»).— СК РК 752.

27. **Брежинский, Андрей Петрович (1779—после 1843).** Эпистола.— Посвящение кн. П. А. Зубову (с. 3).— М., Унив. тип., у Хр. Клаудия. 11 с. 4°.— Поленов 51, 4.— СК РК 792.

28. **Бунина, Анна Петровна (1774–1829).** Песнь Александру Великому, победителю Наполеона, и возстановителю царств.— СПб., Морская тип., 1814. 2, 16 с. 4°.— Грот 30 (Державин 9).— Пометы: правка стиля (почерк Державина). Аллигат 3.— СК РК 869.

29. **Буринский, Захар Алексеевич (1784–1808).** Поэзия.— М., Унив. тип., у Люби, Гария и Попова, 1802. 13 с.— Виньетки (тит. л., с. 3, 13).— Грот 26 (Державин 8). Аллигат 7.— СК РК 876.

30. **Бхарот Чондро Рай.** Шлоке Мога-мудграро, стихи нравоучительные. [Пер. Г. С. Лебедев].— Б. м., [1815]. 6 с. 4°.— Без тит. л.— Текст парал. на рус. языке и санскрите.— Поленов 56, 22 («... На экземпляре, который был у меня в руках написано рукой Державина: „Санскрито-Бенгальскаго или Священно-Индийскаго Браминскаго ученаго человека из книги — Зенд-Авеста“»).— Грот 31 (Державин 18). Аллигат 28.— *Лепехин М. П.* Лебедев Г. С. // СРП 18 в. 2, 193.

31. В надежде воскресения здесь преданы земли телеса блаженных иноков Александра Пересвета и Родиона Ослябя... Надпись на гробницах

иноков Александра и Родиона Ослябя, вновь устроенных в 1794 году, находящихся в Москве, в церкви Рождества пресвятыя Богородицы, что близ Симонова монастыря. [1] л.— Б. м., [1794].— Грот 23 (Державин 38). Аллигат 6.— Отчет 58, 1.

32. В. Д. Стихи на кончину главнокомандующего армиями ... кн. Кузцова-Смоленскаго.— М., Губ. тип., у А. Решетникова, 1813. [6] с. 4°.— Начало: «Летит! Как туча громоносна...».— Возможно, автором является митрополит Филарет (В. М. Дроздов).— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 18.

33. **Варакин, Иван Иванович (1759/1760—не ранее 1824)**. Торжествующий Петроград в день рождения ея императорскаго высочества государыни великия княжны Елисаветы Александровны ноября 3 дня 1806 года.— СПб., тип. И. Глазунова, 1807. [8] с. 4°.— В конце текста авт.: И. В.— Виньетки (с. 3, 5).— Поленов 46, 34.— Грот 29 (Державин 35). Аллигат 24.— СК РК 967.

34. — Мадригал покровителю несчастных [Державину].— СПб., тип. И. Глазунова, 1806. [1] л. 4°.— Текст в рамке из орнаментальных украшений.— В конце текста: В. а. р.— Грот 27 (Державин 34). Аллигат 25.— Пометы: «от Варакина». — Отчет 77, 3.— *Равдин Б. Н., Рогинский А. Б.* Варакин И. И. // СРП 18 в. 1, 141; *Лепехин М. П.* Варакин И. И. // РП 19 в. 1, 389.— СК РК 965.

35. Вера во Иисуса, или Кратчайший путь к Богу. Пер. с иностр. [И. В. Лопухин].— СПб., тип. Синода, 1804. 2, 24 с.— Посвящение переводчика митрополиту Амвросию (Подобедову).— На с. 1–4: От переводчика к читателю.— На с. 4: Пер. И. Лх-н. В С.П.б., в апреле 1803 года.— Грот 26 (Державин 8). Аллигат 1.— *Кочеткова Н. Д.* Лопухин И. В. // СРП 18 в. 2, 232; СК 1086.

36. **Виноградов, Иван Иванович (1765–1801)**. Ода его императорскому величеству кн. Александру Павловичю императорскаго всероссийскаго престола наследнику, на день рождения празднуемаго декабря 12 дня 1796 года ... — Б. м., [1796]. 4 с. 2°.— Поленов 33, [4].— СК 987 (БАН).

37. — Ода е. и. в. государю императору и самодержцу всероссийскому Павлу I при возшествии на престол 1796 года ноября 6 дня. ... — СПб., 1796. 7 с. 8°.— Поленов 31, [4].— СК 988 (БАН).

38. — Ода е. и. в. государю императору Павлу Первому, в день возшествия на престол 1799 года ноября 6 дня ... — СПб., [тип. Губ. Правления, 1799]. [8] с. 4°.— Виньетки.— Грот 25 (Державин 13). Аллигат 77.— СК 989.

39. Возрение на войну французов в союзе с десятью европейскими державами противу России 1812 года, со стороны ума, породившаго в Наполеоне исполинскую мысль с покорением России быть обладателем вселенныя.— СПб., тип. Ф. Дрехслера, [1813]. 21 с. 8°.— Без тит. л.— Поленов 63, 46.— СК РК 1227.

40. **Волкова, Анна Алексеевна (1781–1834)**. Стихи древнему столичному городу Москве на случай пребывания в оной государя императора Александра Перваго в декабре 1809 года.— СПб., Морская тип., 1810. 6 с. 4°.— В конце текста авт.: Анна Волкова.— Без тит. л. и обл.— Грот 24 (Державин 39). Аллигат 6.— СК РК 1285.

41. **Вольтер, Франсуа Мари Аруэ де (1684–1778)**. Генриада. Эпическая поэма ... Пер. Ив. Сиряков.— СПб., тип. Акад. Наук, 1803. 231, [4] с. 8°— Посвящение пер. Александру I.— Экз. ИРЛИ РАН: Ло 10. 1. 27. (библиотека М. Н. Лонгинова). Принадлежал Державину.— Переплет кожаный, с золотым тиснением на корешке.— Пометы: «IV б 1238» (наклейка на корешке перепл., запись повторена карандашом на форзаце); «Его высокопревосходительству господину действительному тайному советнику министру юстиции и разных орденов кавалеру милостивому государю Гавриилу Романовичу Державину почтеннейше подносит переводчик.

Любитель муз! Велик, Собою кто владеет,
О благе общества, как о своем, радеет,
К корысти страстию в душе не заражен;
Одно для всех добро творить расположен;
Сиянье в ком доброт во век не померцало;
И совесть чистая кому всегда Зерцало;
Душею любит кто едину Правоту —
Тебя поистине великим в сердце чту.
Не будем некогда мы зреть тебя в сем мире,
Но будем зреть в делах. — Твой голос слышать в лире.
Даров отличник муз из рода в род прейдет. —
Там жизни Твоя уже пределов нет.
Коль счастлив был бы я, и полон восхищенья!
Когда бы ты сие приял за знак почтенья
И слабость сих моих, возможных мной трудов
Могла в Тебе найти Защиту и Покров.

(чернила, автограф переводчика).— СК РК 1323.

42. Всерадостный глас благодарения московских муз вседержавному монарху россов, Александру Первому, торжественно произнесенный апреля 14 дня за изъявленное е. и. в. всемилостивейшее к ним благоволение в высочайших к начальникам Московскаго университета рескриптах от 4 апреля сего 1801 года.— М., Унив. тип., [1801]. 19 с. 4°.— Содерж.: Ода е. и. в. Александру I... от Московскаго университета... С благоговением посвящает Университета куратор Павел Голенищев-Кутузов. [Речь]. Харитон Чеботарев, истории, нравоучения и красноречия профессор; [Стихи: «Настройте, Музы восхищенны...»]. Бакалавр Алексей Мерзляков.— Виньетки (с. 3, 11, 14, 55).— Поленов 35, 2.— СК РК 1391.

43. Высочайше утвержденные правила Харьковского общества благотворения.— Харьков, Унив. тип., 1812. 19 с. 8°.— Поленов 17, 7.— Сопиков 8788.

44. **Вышеславцев, Михаил Михайлович (1758–1830-е годы)**. Приношение религии. Ижд. Хр. Клаудия. Кн. 1–2.— М., Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1798–1801. 8°: Кн. 1. 1798. [10], 112 с.— Посвящение.— Сб. стих. Державина, Ломоносова, Карамзина, Дмитриева, Хераскова, Княжнина, Кострова и др. Ряд стих. принадлежит составителю сборника, подпись которого в конце посвящения: Михаил Вышеславцов.— Поленов 69, [3]. — *Рак В. Д.* Вышеславцев М. М. // СРП 18 в. 1, 183.— СК 1200.

45. **Геннинг, Юст Христиан**. Достопочтеннейшим и благороднейшим господам членам музыкального собрания от швейцара Христиана Геннинга поздравление на 1808 год.— Б. м., б. г. [1] л. 2.— Грот 29 (Державин 35). Аллигат 35.— Отчет 91, 5.

46. **Гераков (Гераки), Гавриил Васильевич (1775–1838)**. Слава женского пола.— Пг., Мед. тип., [2], 1805. 38 с. 8°.— Посвящение Е. А. Суворовой-Рымникской. Поленов 68, 10 («Писано прозаическими стихами»).— СК РК 1600.

47. — Счастливый случай в тридцатой год жизни Гавриил Геракова.— Пг., Мед. тип., 1805. 24 с. 8°.— Посвящение авт. М. А. Нарышкиной.— Поленов 61, 35 («Автор рассказывает, как он случайно открыл о существовании девицы Ильиной, дочери капитана 1 ранга Дмитрия Ильина, который сжег при Чесме Турецкий флот и успел сходитайствовать пенсию и денежное вспомоществование. На с. 22–24 помещены 2 указа Александра I к кабинету министров о выдаче пенсии Екатерине Ильиной, дочери умершего капитана 1 ранга Дмитрия Ильина и награждении коллежского асессора Гавриила Геракова»).— СК РК 1602.

48. — Чувства верноподданного, излившиеся при чтении Манифеста о Милиции от 30 ноября, 1806 года.— Пг., тип. 1 Кадет. корп., 1807. 21 с. 12°.— В конце текста: Гавриил Гераков 4 декабря 1806.— Поленов 65, 2.— СК РК 1606.

49. **Гладкова, Екатерина Ивановна**. Занятия в приятные часы.— СПб., Морская тип., 1822. 43 с. 12°.— Ценз. разреш. 10 июля 1812 г.— Посвящение имп. Марии Федоровне.— Поленов 74, 32 («Сочинения Катерины Гладковой. Заключают несколько статей. Это, вероятно, детские упражнения во время учения, которые не стоили бы печати»).— СК РК 1680.

50. **Глинка, Сергей Николаевич (1775–1847)**. Песнь великой Екатерине.— СПб., при Имп. Шляхетн. сухопутн. кадет. корпусе, 1796. 8 с. 4°.— Стихотв. посвящение Екатерине II (об. тит. л.).— Виньетки (тит. л., заставка).— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 8.— *Киселёва Л. Н.* Глинка С. Н. // РП 19 в. 1, 576.— СК 1452 (РНБ).

51. — Пожарский и Минин, или Пожертвования россиян: Ода. ... — Смоленск, тип. Губ. правления, 1807. 8 с. 4°.— Посвящение кн. С. Ф. Голицыну.— В конце посвящения подпись автора.— В конце текста: город Духовщина: Село Сутоки 1807 года 31 января.— Грот 29 (Державин 35). Аллигат 8; Поленов 48, 40.— Отчет 91, 1.— СК РК 1732.— Пометы: В строке «Се голос Минина...» слово «голос» зачеркнуто, над ним написано: «глас, глас».— СК РК 1722.

52. **Голенищев-Кутузов, Павел Иванович (1767–1829)**. В память безсмертному Хераскову, скончавшемуся сентября 27 дня 1807 года от искреннего его почитателя.— М., Унив. тип., 1807. 4 с. 4°.— В конце текста: Павел Г<оленищев>-Кутузов.— Поленов 55, 18.— Грот 29 (Державин 35). Аллигат 31.— СК РК 1813.

53. — Ода е. и. в. всемилостивейшему государю императору Александру Первому, на заключение достохвального мира со Шве-

цією и вкупе на покорение Измаила. ... — [М., 1809]. [8] с. 8°.— Поленов 50, 50.— СК РК 1818.

54. — Ода е. и. в., государю императору Александру I, на покорение столицы Франции победоносным его оружием. С чувствованиями и сердцем, его славою восхищенными, благоговейно посвящает верноподданный Павел Г. Кутузов.— М., Унив. тип., 1814. 12 с. 4°.— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 5.— СК РК 1819.

55. — Ода на всерадостный день возшествия на всероссийский престол е. и. в. всемилостивейшаго государя Павла Петровича... От сердца искони преданнаго посвящает верноподданнейший Павел Голенищев Кутузов.— Б. м., [1796]. 6 с. 4°.— Поленов 31, [3].— СК 1483 (БАН; ГПИБ).

56. — Радостная песнь во славу бессмертных подвигов великаго государя императора Александра Перваго, возстановителя царей и царств, покоя и благоденствия Европы, на низложеннаго им врага и низвержение его с похищеннаго им трона. ... изданная мая в 5 й день 1814 года.— М., Унив. тип., [1814]. 8 с. 4°.— Виньетка (заставка).— Грот 31 (Державин 18). Аллигат 3; Грот 30 (Державин 9). Аллигат 6.— Пометы: «Бессмертному барду Норда Державину от сочинителя» (тит. л.).— СК РК 1824.

57. — Стихи на кончину кн. Елены Алексеевны Долгоруковой, с твердою верою в блаженную вечность преселившейся генваря 27 дня 1779 года. Сочинены ближним ее родственником.— Б. м., б. г. [2] с. 4°.— Виньетка.— Грот 25 (Державин 13). Аллигат 56.— Отчет 70, 5.

58. — Стихи на победы, одержанные в Германии над французами российским отрядом, состоящим под предводительством генерала Голенищева Кутузова.— СПб., Театральная тип., 1805. 2 с. 4°.— Поленов 50, 51.

59. **Городчанинов, Григорий Николаевич (1772–1852).** Кантата на знаменитую победу над французами, 6-го октября 1813 года, при Лейпциге.— Казань, Унив. тип., [1813]. [4] с. 4°.— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 13.— СК РК 1905.

60. — Лирическая песнь на вступление Казанскаго ополчения в град Казань февраля 24-го дня 1815 года... [Казань, 1815]. [2] с. 4°.— Грот 31 (Державин 18). Аллигат 11.— СК РК 1907.

61. — Ода на всеобщий мир в Европе, произнесенная при торжественном открытии Имп. Казанскаго университета июля 5-го дня 1814 года ... — Казань, Унив. тип., 1814. 12 с. 4°.— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 39.— СК РК 1912.

62. — Опыт краткаго руководства к эстетическому разбору по части российской словесности, в пользу и употребление обучающагося в Казанском учебном округе юношества ... — Казань, Унив. тип., 1813. [6], 66 с. 8°.— Поленов 58, 26 («У Смирдина нет. Разобраны по правилам риторики и с удивительным педантизмом „Речь Холмскаго к новгородцам“ из „Марфы Посадницы“ Карамзина, 10 строфа из 7 торжественной оды Ломоносова и ода Державина „На взятие Варшавы“»).— СК РК 1915.

63. **Грамматин, Николай Федорович (1786–1827)**. Досуги. Кн.1.— СПб., тип. Шнора, 1811. [8], 122, [2] с. 12°.— Посвящение И. И. Дмитриеву.— На с. [6] указан автор.— Поленов 69, 13 («Вышла только 1-я кн. С эпитафией из Жуковского: Не нужны мне венцы вселенной, Мне дорог ваш, друзья, венок»).— СК РК 1962.

64. **Григорьев А.** Марш, петый в день праздника лейб-гвардии Семеновского полка 21 ноября 1808 года. ... — СПб., Имп. тип., 1808. 6 с. 4°.— Поленов 67, 1.

65. **Дамаскин (Семенов-Руднев, Дмитрий Ефимович, 1737–1795)**. Слово в высокаторжественный день возшествия на всероссийский престол... императрицы Екатерины Алексеевны... сочиненное ... июня на 28 день, 1792 года.— СПб., тип. Синода, 1792. 11 с. 4°.— Поленов 15, 34.— СК 1690 (кроме МГУ).

66. **Дараган, Козьма Иванович (1767/1770–1825)**. Стансы на смерть ея сиятельства двора ея императорскаго величества обер-гофмейстерины... графини Марьи Андреевны Румянцовой. ... — СПб., 1788. [6] с. 8°.— Виньетка (заставка).— Поленов 26, 19.— Грот 32. (Державин 27). Аллигат 3.— Пометы: «Престань писать стихи, любезной Дараган, А бей ты лутче в барабан». (Тит. л., почерк Державина).— Отчет 96, 3.— *Татаринцев А. Г.* Дараган К. И. // СРП 18 в. 1, 342.— СК 1716 (РНБ).

67. **Двигубский, Иван Алексеевич (1771–1839)**. Краткая история Московскаго университета с июля 1812 года по 8 е число июля 1814 года.— [М.], Унив. тип., 1814]. 8 с. 4°.— Без тит. л.— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 1.— Петров 608.

68. **Делиль Жан (1738–1813)**. Дифирамб на бессмертие души. ... Перевод А. Л[абзина].— СПб., Мед. тип., 1804. [6], IV, 12 с., 1 л. ил. 8°.— Посвящение Александру I.— В конце посвящения указаны переводчик и дата: генваря 1 дня 1804 года.— С. I–IV: Предисловие.— Ил. (фронт.).— Грот 26 (Державин 8). Аллигат 6.— СК РК 2182.

69. **Державин, Гавриил Романович (1743–1816)**. Гимн кротости.— [М.], Унив. тип., у Хр. Клаудия, [1801]. 8 с. 4°.— Виньетки (с. 3, 8).— Поленов 51, 1.— СК РК 2244.

70. — Памятник герою. С указаго дозволения.— [Рига], 1791. 16 с. 12°.— Стихи, посвященные кн. Н. В. Репнину по случаю победы над турками при Мачине. Текст на рус. яз. с прозаическим переводом на франц. и нем. языки. На тит. л. виньетка с инициалами: P. R.— Грот 32 (Державин 26). Аллигат 7.— Поленов 27, 23.— СК 1788.

71. — То же.— [Рига], 1791. 14 с. 8°.— Текст на рус. яз. с прозаич. переводом на франц.— Грот 32 (Державин 26). Аллигат [8].— Пометы: На посл. ненум. л. стих. «Певцу памятника герою» на нем. яз., в конце текста почерком Державина: «Г. Штипенберга (?) сочинение»; на об. л.— рус. прозаич. перевод стихотворения: «Чтоб Гендриха воспеть, богов святилище оставя, Истинна величественным паренем к Волтеру только ниспускалась. По смерти сего Поэта, прятала лиру и никому с того времени не открывала оной, кроме тебя. Дабы достойно изобразить нам Репнина, тебе ея пове-

рила. Ты, озарен ея лучами, совоздвиг ему и себе вечный памятник. Тебе ныне Поезия подносит венец лавровый: Репнин Гендриху, а ты Волтеру подобен!».

72. — То же.— [Рига], 1792. 16 с. 8°. — Текст только на рус. яз. С. 9–16 занимает стих. «Творцу Памятника Герою», подписанное инициалами: В. Б.— Виньетки (тит. л., с. 8, 11, 16).— Грот 32 (Державин 26). Аллигат [9].— Смирнов-Сокольский 85.— СК 1789 (РГБ; РНБ, ГПИБ).

73. — Песнь дому любящему науки и художества в Новый год.— СПб., [тип. Акад. наук, 1791]. 10 с. 4°. — Поленов 24, 11.— СК 1791 (см. примеч.).

74. — Письмо ея императорскому величеству, в котором приносится благодарность от получившаго ея милости коллежского советника Державина.— [СПб., тип. Акад. наук, 1777]. 8 с. 4°. — Текст в рамке. Заставка.— Грот 33 (Державин 17). Аллигат 1.— Пометы: многочисленные исправления текста рукою Державина.— СК 1795.

75. — Пролог на открытие в Тамбове театра и народного училища. Представлен в день тезоименитства ея императорского величества ноября 24 дня 1786 года.— СПб., [тип. Акад. наук], 1787. 23 с. 8°. — Напечатано по заказу Д. М. Свистунова. Тираж 500 экз.— Поленов 34, [2].— Грот 27 (Державин 34). Аллигат 65.— СК 1797 (БАН; РНБ; ГПИБ).

76. — Стихи Елене Александровне Нарышкиной.— [СПб., 1800]. [1] с. 4°. — В конце текста: Соч. Г. Р. Державина.— Текст в рамке из наборных украшений.— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 27.— Отчет 57, 13.— СК 1801 (РНБ).

77. — Стихи на день рождения е. и. в. великой княжны Ольги Павловны. 1792 года июля 11 дня.— СПб., <б. г.>. 5 с. 4°. — Поленов 22, 7.

78. — Торжество возшествия на престол е. и. в. Екатерины Вторья, отправленное в Тамбове 1786 года, июня 28 дня.— Тамбов, Вольная тип., 1788. 10 с. 8°. — Описание праздника перед домом ген.-губ. И. В. Гудовича.— Виньетки (с. 1, 10).— Поленов 26, 21.— Грот 32 (Державин 27). Аллигат 5.— СК 1802 (БАН; РНБ).— Отчет 97, 4.— Пометы: «Сие было, к нещастию, зделано в честь тому, который покровительством дурных людей и оклеветанием честных показал нискую душу и худыя нравы. Как мудроно познавать людей!» (с. 10, почерк Державина, текст зачеркнут). На с. 8 в строке «Солнце в новом сиянии...» слово «новом» зачеркнуто, над ним написано «полном».

79. **Дмитриев, Иван Иванович (1760–1837)**. Стихи на случай священнаго коронования е. и. в. императора Александра Перваго.— М., тип. Сената, у Селивановского, 1801. [5] с. 8°. — Поленов 45, 28.— СК РК 2400.

80. **Доброправин, Иоанн Семенович (—1848)**, свящ. Цинтия, или Мысли при свете Луны.— СПб., тип. Имп. театра, 1813. 7 с. 4°. — Грот 30 (Державин 9). Аллигат 42.— СК РК 2406.

81. **Долгоруков, Иван Михайлович (1764–1823).** На защиту дам противу сатиры. Умы дамские вскружились.— [СПб., тип. Богдановича, 1791]. 6 с. 8°.— Без тит. л.— Брошюра направлена против сатиры, высмеивавшей ажиотаж в связи с пребыванием в Москве пленного шведского адмирала... — Поленов 26, 60.— Грот 25 (Державин 13). Аллигат 56.— Отчет 70, 5.— *Степанов В. П.* Долгоруков И. М. // СРП 18 в. 1, 280.— СК (БАН; РНБ; ГПИБ; см. примеч.)

82. Дружеское ученое общество с достолюбезным высокопочитанием приглашает сим и просит именнейших любителей наук и покровителей учености удостоить своим присутствием торжественное его открытие, имеющее быть в доме его высокородия Петра Алексеевича Татищева, ноября 6 дня 1782 года.— М., Унив. тип., у Н. Новикова, [1782]. 11 с. 4°.— Загл. и текст парал. на лат. и рус. яз.— Виньетки.— Грот 33 (Державин 17). Аллигат 3.— СК 2044 (БАН; РНБ; ГПИБ).

83. **Друковцев, Сергей Васильевич (1731–1786).** Сава ночная птица, повествующая руския сказки, из былей составленныя ... [2-е изд.].— М., Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. 77 с. 8°.— Посвящение П. А. Демидову.— Виньетки.— Поленов 72, [5].— СК 2052 (РНБ).

84. Дух россиян, или Сердечныя чувства сибирскаго плавильнаго мастера Усердова и запорожскаго козака Твердовскаго, изображенныя стихами по случаю победы, одержанной над Бонапартием 14 декабря 1806 года.— СПб., тип. И. Глазунова, 1807. 12 с. 4°.— Стихи Твердовскаго на украинском яз.— На с. 11–12: Истолкование слов, находящихся в стихах Твердовскаго.— Поленов 49, 45.— Грот 29 (Державин 35). Аллигат 18.— СК РК 2489.

85. **Евгений (Болховитинов, Евфимий Алексеевич, 1767–1837).** Слово на день торжественнаго воспоминания и господу Богу благодарения о поражении врагов Отечества нашего и о прогнании их из пределов Калужской губернии, проповеданное в Калужской Иоаннопредтеченской церкви окт. 12 1813 года ... — М., тип. Синода, 1813. 14 с. 4°.— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 32.— Петров 220.

86. — Слово на память иже во святых отца нашего Никиты епископа и чудотворца новгородскаго, при случае преложения мощей его из старой раки в новую, проповеданное в Новгородском кафедральном Софийском соборе ... Апреля 30 1805 года. С присовокуплением списков Новгородских епархиальных и викарных от начала основания Новгородской епархии и викариев преосвящ. архиереев. Список архиереев пер. из Селлиевой Российской иерархии и пополнен до 1805 года Андреем Орнатским.— СПб., тип. Синода, 1805. 22 с. 4°.— Виньетки (с. 14, 20).— Поленов 9, 17.— Петров 221.

87. **Евграф (Музелевский-Платонов, Евфимий, 1768–1809).** Слово на высокаторжественный день коронования и священнаго миропомазания его величества благочестиваго государя императора Александра Павловича самодержца всероссийскаго и супруги его благочестивой государыни императрицы Елизаветы Алексеевны, говоренное ... в Санкт-Петербургском Казанском соборе 1808 года.— СПб., тип. Синода, 1808. [3], 12 с.— Поленов 10, 20.

88. **Евламний (Введенский, Евфимий Иванович, 1756–1813)**. Речь на случай торжества и молебствия, бывшего 2 числа генваря 1805 года в Архангельске, за изливание особенных монарших щедрот на сей град ... — М., Губ. тип., у А. Решетникова, 1805. [4], 7 с. 4°. — Виньетка (тит. л.). — Поленов 7, 12. — Грот 27 (Державин 34). Аллигат 60. — СК РК 2489.

89. — Увещательные слова о том, что в святую čtyредесятницу христианину должно и нужно принести покаяние и причаститься святых таинств. — [СПб.], тип. Синода, 1806. 15 с. 4°. — На с. 7: Говорено преосвященным Евлампием епископом Архангельским и Холмогорским в первую неделю поста, 1806 года. — С. 8–15: Слово второе. — На с. 15: Говорено во вторую неделю поста 1806 года, когда бывает торжество чудотворного образа Грузинския Божия Матери, и препровождается из кафедрального собора крестным ходом в Архангельский монастырь. — Грот 24 (Державин 39). Аллигат 27.

90. Е. и. в. в день приезда своего в Ригу получил радостное известие из Парижа, что всеобщий мир подписан полномочными 8 ноября, о чем столичный град Санкт-Петербург извещается выстрелом 101 пушки из крепости. — [СПб., 1815]. [1]. — Грот 31 (Державин 18). Аллигат 30.

91. Е. и. в. ... Павлу Первому, высочайшему и всемилостивейшему наук попечителю, распространителю, покровителю и благодетелю, за всещедрое прибавление суммы, и на Белоградскую семинарию верноподданническое приношение от питомцев Белоградския семинарии. 1798 года. — М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, [1798]. 16 с. 4°. — Три стихотворения: «Ода» (с. 3–7), «Рондо» (с. 8–9), «История о древнем Сарнелле, нынешнем Белеграде» (с. 9–15). — Виньетки (с. 3, 15). — Грот 22 (Державин 15). Аллигат 46. — Отчет 53, 21. — СК 2123 (кроме МГУ).

92. Жизнь, свойства, военные и политическия деяния 1) Российскаго императора Павла I; 2) генерал-фельдмаршала кн. Потемкина-Таврическаго и 3) канцлера кн. Безбородки. — СПб., тип. И. Глазунова, 1805. 32 с. 8°. — Поленов 64, 48 («Многообещающее заглавие не соответствует содержанию, это даже можно заключить по числу страниц довольно крупной печати. Жизнь императора Павла заключается на 8 с.; Потемкина — на 10; а жизнь Безбородки почти на 1 с. К последней приложена им самим писанная просьба к государю Павлу I о увольнении его от всех дел (на 11 с.). В ней изложено все прохождение его службы. Это любопытный документ»). — Петров 788.

93. **Жихарев, Степан Петрович (1788–1860)**. Стихи к Россу. На шествие его против французов. — Б. м., б. г. [2] с. 4°. — В конце текста: Степан Жихарев. — Поленов 49, 44. Грот 29 (Державин 35). Аллигат 26. — Отчет 91, 4.

94. **Жуи, Виктор Жозеф Этьен де (1764–1846)**. Весталка, лирическая трагедия в 3-х д. В стихах ... Положена на музыку Гаспаром Спонтини, на рос. яз. перев. стихами же и с сохранением музыки. [Пер. Александр Волков]. — СПб., Мед. тип., 1815. 51 с. 8°. — Посвящение переводчицы А. Н. Вязмитиновой. — В конце посвящения указан переводчик. — Виньетка (тит. л.). — Поленов 60, 31. — Сопиков 11870; Смирдин 6835.

95. **Жуковский, Василий Андреевич (1783–1852)**. Его превосходительству господину тайному советнику, императорского Московского университета куратору и кавалеру, Михайле Матвеевичу Хераскову, на случай получения им ордена св. Анны I степени — от воспитанников Университетского благородного пансиона.— [М., 1799] [1] л. 8°. — В конце текста: Восп. Василий Жуковский. 1799 года марта 16 дня. [М., 1799]. — Грот 25 (Державин 13). Аллигат 62. — Отчет 71, 7.

96. Журнал первого собрания конференции Санкт-Петербургской Духовной академии 1814 года, августа 13 дня. Издан по определению Комиссии Духовных училищ.— СПб., Морск. тип., 1814. 35 с. 8°. — Поленов 16, 4. — Петров 808.

97. **Завалишин, Иринарх Иванович (1770–1821)**. Сувороида, поэма героическая ... Сочинена в Варшаве в 1795 году.— СПб., [тип. В. Плавильщикова], 1796. XXXVII, 66 с. 8°. — Стихотворное посвящение А. С. Суворову.— На стр. VII–XXXVII: «Историческое предуведомление». — Виньетки.— Поленов 70, [2] («Я имел случай видеть экземпляр этой поэмы из библиотеки Державина. На нижней обертке ее написана собственноручная его элиграмма:

Сей рифмотворческой безмысленной чухой
Геройский звук побед в потомство не промчится.
По имени творца в пыль тотчас завалится
И вечно будет жить собой
Или достойнее его — Гомеровой трубой.
Вот вид на эту песню мой.

СК 2311 (кроме МГУ).— *Кочеткова Н. Д.* Завалишин И. И. // СРП 18 в. 1, 322–323.

98. **Заварзин, Амос (1788/1790–1845)**. Чувствования сына отечества... — СПб., тип. И. Иоаннесова, 1814. 11 с. 12°. — Посвящение П. С. Молчанову.— Поленов 65, 5. («содержит мысли по случаю благодетельных происшествий марта месяца 1814 года »).— *Толстихина А. О.* Заварзин А. П. // РП 19 в. 2, 3.

99. **Захаров, Иван Семенович (1754–1816)**. Похвала Екатерине Великой... — СПб., тип. Шнора, 1802. 125 с. 8°. — Поленов 71, 21. — Петров 831. *Степанов В. П.* Захаров И. С. // СРП 18 в. 1, 329–330.

100. — Похвала женам: Слово, произнесенное в Беседе любителей русской словесности ... — СПб., Мед. тип., 1811. 67 с. 8. — Поленов 74, 33 («В заключение автор убеждает прекрасный пол (но кажется напрасно) отстать от любви к чужеземью и полюбить словесность русскую»).— *Степанов В. П.* Захаров И. С. // СРП 18 в. 1, 330–331.

101. **Зыбелин, Семен Герасимович (1735–1802)**. Слово похвальное... императрице Екатерине Второй... при благополучном окончании двадцатипятилетнего царствования горюенное в публичном собрании Имп. Московского университета ... Июня 30 дня 1787 года.— М., Унив. тип., у Н. Новикова, 1787. 30 с. 4°. — Русский текст дополнен переводом на лат. яз.— Виньетки (с. 1, 30). — Грот 33 (Державин 17). Аллигаты 6, 7. — СК 2395.

102. **Иероним (Понятовский, ум. 1802)**. Слово в день всерадостного торжества возшествия на всероссийский императорский престол... Павла Первого, говоренное в Нижегородском кафедральном Спасопреображенском соборе ... ноября 6 дня, 1797 года.— СПб., тип. Св. синода, 1798.[2], 18 с. 4°.— Виньетка (заставка).— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 38.— СК 2414 (кроме МГУ).

103. **Иероним (Фармаковский, 1732–1783)**. Слова ... в городе Муроме говоренныя 1778 года.— [М.], тип. Имп. Моск. ун-та [у Н. Новикова], 1779. 34 с. 4°.— Тит. л. в рамке.— Виньетки.— Грот 33 (Державин 17). Аллигат 8.— СК 2416 (РГБ; РНБ; ГПИБ).

104. — Слово, говоренное ... в Санакарском монастыре, при освящении вновь построенного храма августа 16 дня, 1780 года.— [М., Унив. тип., у Н. Новикова, 1780]. 19 с. 4°.— Тит. л. в рамке.— На с. 19: «Известие о Санакарском монастыре».— Грот 33 (Державин 17). Аллигат 10.— СК 2418 (кроме МГУ).

105. — Слово говоренное ... в Саровской пустыни при освящении великолепно вновь построенного храма августа 15 дня, 1778 года. 3-е изд.— М., тип. Пономарева, 1786. 28 с. 4°.— Кроме дополнений, вошедших во 2-е изд., в настоящее изд. включено: «Слово говоренное придворным проповедником Троицкия Сергиевы лавры архим., (что ныне архиеп. Московской и Калужской и Свят. правит. синода член) Платоном, при первом случае прихода его в Лавру февраля 4 дня 1767 года» (с. 20–28).— Виньетки (с. 2, 19–20).— Грот 33 (Державин 17). Аллигат 9.— СК 2421 (РНБ; ГПИБ).

106. **Измаил (I в. н. э.)**. Письмо от раввина Измаила к Моисею законоведцу, писанное в самое то время, когда был распят на кресте Христос Спаситель... — СПб., тип. Шнора, 1804. 6 с. 4°.— На с. [1–2]: Примечание к слову папирус.— Поленов 53, [2].— Грот 27 (Державин 34). Аллигат 3.— Петров 1808.

107. **Ильинский, Николай Степанович (1761–1846)**. В память славному мужу нижегородскому купцу Козьме Минину.— [Н.-Новгород, тип. Губ. правления, 1794]. [1].— Стихи. В конце текста: в Нижнем-Новегороде 1794 года, июня 20 числа. Николай Ильинской.— Текст напечатан в два столбца.— Поленов 28, 26.— Грот 23 (Державин 38). Аллигат 13.— СК 2489 (РГБ; БАН; РНБ).— *Кочеткова Н. Д.* Ильинский Н. С. // СРП. 18 в. 1, 356.

108. — Мысли о человеке.— Б. м., [1796]. [4] с. 4°.— Стихотв. посвящение М. А. Ладыженскому.— Без тит. л.— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 32.— СК 2492 (БАН; РНБ).— *Кочеткова Н. Д.* Ильинский Н. С. // СРП 18 в. 1, 356.

109. **Иннокентий (Смирнов, Илларион Дмитриевич, 1784–1819)**. Слово в день возшествия на всероссийский престол его величества благочестивейшего государя императора Александра Павловича, самодержца всероссийского, говоренное в Казанском соборе марта 12 дня 1814 года ... — СПб., тип. Синода, 1814. 8, 26 с.— Виньетка.— Поленов 10, 21.— Геннади 2, 387.

110. — Слово на день Вознесения Господня, говоренное в Троицкой церкви, что в доме господина синодального января 22 дня.—

СПб., Мед. тип., 1814. 12 с. 4°. — Грот 30 (Державин 9). Аллигат 10. — Смирдин 573.

114. **Иоанн Златоуст (ок. 347–407)**. Беседа ... на изречение святого апостола Павла: Жена привязана есть законом, в елико время живет муж ея, аще же умрет муж ея, свободна есть, за него же хочет посягнуть, точию о Господе, блаженной та есть, аще тако пребудет. Перевод с еллиногреч. яз. — СПб., тип. Синода, 1805. 15 с. 4°. — Поленов 8, 15.

115. К Каменскому. — Б. м., б. г. 3 с. 4°. — Начало: «Каменский! От молодых ногтей...». — Поленов 54, 15.

116. К согражданам. — Б. м., б. г. 3 с. 4°. — Начало: «К мечу сограждане! — к победам...». — Поленов 50, 52.

117. **Кайсаров, Михаил Сергеевич (1780–1825)**. Письмо к приятелю, содержащее в себе примечания на критику Стерновых сочинений, напечатанную в № [7] «Северного вестника». — СПб., б. г. 14 с. 8°. — В конце текста: Переводчик Тристрама Шанди. — Без тит. л. — Поленов 52, 7. — Грот 27 (Державин 34). Аллигат 1. — *Панов С. И.* Кайсаров М. С. // СРП 19 в. 2, 441.

118. Кантат на случай высочайшего присутствия е. и. в. государя императора Александра I на бале в доме вице-канцлера кн. Александра Борисовича Куракина сентября 28 дня 1801 года. — М., тип. Сената, у Селивановского, 1801. 4 с. 4°. — Поленов 44, 25.

119. Кантата на случай обновления в Морском кадетском корпусе вновь построенного большого столового зала, октября 9 числа 1799 года. [2] с. 1°. — Б. м., б. г. — Без тит. л. — Грот 25 (Державин 13). Аллигат 79.

120. **Капнист, Василий Васильевич (1758–1823)**. Владиславу Александровичу Озерову. — СПб., Театральная тип., [1805]. 2 с. 4°. — Поленов 55, 20. — Капнист 234, 568.

121. **Карабанов, Петр Матвеевич (1764–1829)**. Его высокопревосходительству Льву Алексеичу Нарышкину при поднесении экземпляра следующих при сем стихов. — [СПб., Имп. тип., 1799]. [4] с. 4°. — На с. [3–4] второе стих.: «Его высокопревосх. Александру Львовичу Нарышкину, на пожалование его орденом св. ап. Андрея Первозванного 5 мая, 1799 года». В конце каждого стих. указан автор. — Грот 25 (Державин 13). Аллигат 66. — Отчет 71, 10. — *Кочеткова Н. Д.* Карабанов П. М. // СРП 18 в. 2, 30. — СК 2800 (РНБ).

122. — Хоры для польского. — Б. м., б. г. [2] с. 4°. — В конце текста: соч. П. Карабанова. Музыка О. Козловского. — Напечатано не позднее 1796 г.: упоминается присутствие Екатерины II. — Грот 22 (Державин 15). Аллигат 28. — Отчет 51, 14. — СК 2811 (РНБ).

123. **Каразин, Василий Назарович (1773–1842)**. Речь о необходимости в настоящих обстоятельствах усилить домоводство, произнесенная в Харькове 13 генв. 1813 года в торжественном собрании Филотехнического общества... — Харьков, Унив. тип., 1813. 20 с. 4°. — Грот 30 (Державин 9). Аллигат 36. — Смирдин 6452.

124. **Карамзин, Николай Михайлович (1766–1826)**. На торжественное коронование е. и. в. Александра I самодержца всероссийского [с эпиграфом]. — М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, 1801. 12 с. 4°. — В конце текста указан автор. — Поленов 36, 5.

125. — Ода на случай присяги московских жителей е. и. в. Павлу Первому самодержцу всероссийскому.— М., Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1796. 13 с. 4°.— Поленов 29, 3.— СК 2819.
126. — Освобождение Европы и Слава Александра I. Стихотворение ... посвященное московским жителям.— М., тип. С. Селивановского, 1814. 22, 1 с. 8°.— Поленов 65, 4.— Петров 980.
127. **Каргопольский Сергей**. Ода е. и. в. всемилостивейшей государыне императрице Екатерине Алексеевне, на случай поставленного ей величеству бюста, в зале Благородного собрания.— М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, [1796]. 8 с. 4°.— Виньетки.— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 11.— СК 2837.
128. — Ода на брачное сочетание их императорских высочеств государя великого кн. Константина Павловича и государыни великой кн. Анны Феодоровны февраля 15 дня 1796.— СПб., тип. И. К. Шнора, [1796]. [12] с. 4°.— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 12.
129. — Ода на торжественный день возшествия на всероссийский наследственный престол, е. и. в. великого государя и самодержца Павла Перваго.— М., тип. А. Решетникова, 1796. 7 с. 4°.— Поленов 31, 1.— СК 2840 (БАН; РНБ).
130. **Карнеев, Захар Яковлевич (1748–1828)**. Мои понятия о Символе веры, сочинение автора мыслей, изливавшихся при молитве «Отче наш». В пользу беднаго семейства Л... С... — СПб., Акад. наук, 1814. 46 с. 8°.— Поленов 38, 62.
131. **Княжнин, Борис Яковлевич (1777–1854)**. Е. и. в. Александру I. Стихи, посвященные Борисом Княжниным в Париже 1814 года.— СПб, Мед. тип., 1815. 7 с. 4°.— Виньетка (тит. л.).— Грот 31 (Державин 18). Аллигат 2.— *Западов В. А.* Княжнин Я. Б. // СРП 18 в. 2, 83.— Геннади 2, 404.
132. **Коваленский, Михаил Иванович (1745–1807)**. Ода е. и. в. всемилостивейшей государыне Екатерине Второй... на новый 1774 год ... — СПб., [тип. Акад. наук], 1774. 13 с. 4°.— Виньетки (с. 3, 13).— Поленов 20а, 1.— СК 2991 (кроме МГУ).
133. **Козловский, Петр Борисович (1783–1840)**. Стихи на польской, игранный в день высочайшаго присутствия е. и. в. государя императора Александра I на бале в доме господина вице-канцлера Александра Борисовича Куракина 28 сентября 1801.— М., тип. Сената, у Селивановского, б. г. 4 с. 4°.— Поленов 45, 29.
134. **Кокошкин, Федор Федорович (1773–1838)**. Излияние чувств глубочайшей благодарности.— СПб., тип. Имп. театра, 1814. [3] с. 8°.— Посвящение императрице Марии Федоровне.— В конце посвящения указан автор.— Поленов 34, 4.— *Рогов К. Ю.* Кокошкин Ф. Ф. // СРП 18 в. 2, 19.
135. **Кондратович, Александр Андреевич**. Ода на отшествие е. и. в. Павла Петровича, императора и самодержца всероссийского в Москву для коронации ... — [СПб., при Имп. Акад. наук, 1797], 7 с. 4°.— Поленов 31, 2.— *Горохова Р. М.* Кондратович А. А. // СРП 18 в. 2, 115.— СК 3096 (БАН).

136. **Корбелецкий, Федор Иванович (ок. 1775–1837)**. Ода его светлости кн. Михаилу Ларионовичу Голенищеву-Кутузову на избрание главнокомандующим над всеми Российскими армиями ... С. Петербург 10 авг. 1812 г.— СПб., тип. Деп. внешн. торговли, 1813. [7] с. 4°.— На с. 7 напеч.: Ода сия не была напечатана в свое время по тому, что сочинитель 19 августа отправлен будучи по казенным поручениям в Москву и в уезды Московской губернии, захвачен был неприятелем и находился в плену.— Заставка (с. [3]).— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 14.— *Антонов А. С.* Корбелецкий Ф. И. // СРП 18 в. 2, 127.

137. **Корсаков, Петр Александрович (1790–1844)**. Храм славы истинных героев, сочинение ... читанное в Беседе апреля 3 дня 1813.— СПб., тип. И. Иоаннесова, 1813. 8 с. 8°.— Посвящение «бессмертным жидителям новаго храма славы русской».— Смирдин 18155.— Поленов 72, 22.

138. **Костров, Ермил Иванович (1755–1796)**. Стихи на высокаторжественный день возшествия на престол е. и. в. Екатерины II... 1796 года, июня 28.— М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, [1796]. 7 с. 4°.— В конце текста автор: Ермил Костров.— Виньетки (тит. л., с. 3, 7).— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 17.— СК 3168 (кроме МГУ).

139. **Кошанский, Николай Федорович (1784/1785–1832)**. На смерть графини Ожаровской.— Б. м., б. г. [1] л. 4°.— В конце текста: К.— Ценз. разреш. 24 дек. 1814 г.— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 21.— Пометы: «Кошанской» (почерк Державина).

140. **Кривопалов А.** Мысли россиянина, пришедшего ко гробу генерал-фельдмаршала, светлейшаго кн. Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова Смоленскаго ... — СПб., тип. В. Плавильщикова, 1815. 12 с. 8°.— Поленов 28, 28.

141. **Лабзин, Александр Федорович (1766–1825)**. Мысли на досуге поучающагося истинам веры.— СПб., тип. Сената, 1815. 128 с. 8°.— Поленов 63, 43.— Смирдин 353.— *Модзалевский Б. Л.* Лабзин А. Ф. // Рус. биогр. словарь. Т. «Лабзина-Лященко» (1914).

142. — О пользе чтения Священнаго Писания. Творение мыслящаго на досуге христианина поучающагося истинам веры.— СПб., 1815. 36 с. 8°.— Поленов 62, 41.

143. **Лахман, Георгий**. На торжественный день возшествия на все-российский престол е. и. в. государя императора Александра I 12 марта 1807 г. ... — СПб., Имп. Акад. наук, 1807. [4] с. 4°.— Поленов 47, 36.— Грот 29 (Державин 35). Аллигат 36.— Отчет 91, 6.

144. **Леванда, Иван Васильевич (1734–1814)**. Речь высокопреосвященнейшему Иерофею, Святейшаго правительствующаго синода члену, митрополиту Киевскому и Галицкому и Киевопечерския лавры архимандриту, на прибытие его из Чернигова в паству Киевския епархии 29 мая 1796 года, говоренная при входе его в Киево-Софиский собор ... — [М., 1796]. [2] с. 4°.— Без тит. л.— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 15.— СК 3497.

145. — Речь по случаю освящения походнаго храма Вознесения господня, для Малороссийскаго корпуса пеших стрелков, совершившагося 1796 года февраля в 23 день в Киеве, говоренная 24 фев-

раля в присутствии совершившаго в сей воскресный день в новопосвященном храме божественную литургию преосвященного Амфилохия, епископа Переяславскаго и Борисопольскаго и викарнаго Киевскаго, также управляющаго тем Корпусом господина генерал-порутчика и разных орденов кавалера Андрея Яковлевича Левонидова, и того Корпуса баталионных командиров штаб, и обер-офицеров... — [Киев, тип. Киево-Печерской лавры], 1796. 4 с. 4°. — Грот 22 (Державин 15). Аллигат 13. — СК 3501.

146. — Слово. Господи, силою твоею возвеселится царь. Псалом XX ст. 1. Говорено 5 апр. 1799 в Киево-Софийском соборе ... — [М], печ. при Моск. губ. тип., у А. Решетникова, 1799. [4] с. 4°. — Без тит. л. — Текст в рамке из орнаментальных украшений. Грот 25 (Державин 13). Аллигат 63. — Отчет 71, 8. — СК 3504.

147. — Слово в высокаторжественный день возшествия на все-российский престол ... императрицы Екатерины Алексеевны ... говоренное ... в Киево-Печерской лавре 28 июня 1796 года. — [Киев, тип. Киево-Печерской лавры, 1796]. 8 с. 4°. — Грот 22 (Державин 15). Аллигат 16. — Отчет 50–51, 8. — СК 3505.

148. — Слово на погребение преосвященного Иерофея, Святейшаго правительствующаго синода члена, митрополита Киевскаго и Галицкаго, Киевопечерския лавры архимандрита... — [М.], печ. при Моск. губ. тип., у А. Решетникова, 1799. 4 с. 4°. — Без тит. л. — В конце текста: Говоренное в Киево-Софийском соборе онаго же Собора протоиереем Иоанном Левандою. 10 сент. 1799. — Грот 25 (Державин 13). Аллигат 68. — Отчет 72, 11. — СК 3511.

149. **Леонтьев, Николай Васильевич (1739–1824)**. Ода е. и. в. ... Екатерине Алексеевне ... на прибытие е. и. в. из Москвы в Санктпетербург ... — СПб., [тип. Акад. наук], 177[5]. [21]с. 2°. — *Степанов В. П.* Леонтьев Н. В. // СРП 18 в. 2, 206. Поленов 25, 16 (19 с.). — СК 3511.

150. **Лихарев, Дмитрий**. Торжествующая Москва на всерадостное прибытие е. в. ... Александра Павловича в первопрестольный град Москву сего 1801 г. в сентябре ... — [М.], Унив. тип., у Хр. Клаудия, [1801]. [4] с. 4°. — Виньетка (с. [3]). — Поленов 45, 30 («Краткая речь в прозе»).

151. **Лобанов, Михаил Евстафьевич (1787–1846)**. Ода российскому воинству. 1813 года. января 1 дня. — СПб., тип. Имп. театра, 1813. 15 с. 8°. — Поленов 68, 9. — *Зубков Н. Н.* Лобанов М. Е. // СРП 19 в. 2, 377.

152. **Лопухин, Иван Владимирович (1756–1816)**. Подражание некоторым песням Давидовым. — [М., Унив. тип.], б. г. 16 с. 4°. — Посвящение архимандриту Платону. В конце посвящения указан автор. — Изд. в 1794–1796 гг. — Виньетки. — Поленов 51, [3]. — *Кочеткова Н. Д.* Лопухин И. В. // СРП 18 в. 2, 231. — СК 3798 (РГБ; РНБ).

153. **Лохвицкий, Кондратий Андреевич (1774–1830)**. Песнь на рождение е. и. в. великаго князя Михайла Павловича. — СПб., тип. И. К. Шнора, 1798. [4] с. 4°. — Грот 22 (Державин 15). Аллигат 47. — Отчет 54, 22.

154. **Лубяновский, Федор Петрович (1777–1869)**. Вздохи сердца. — М., Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1798, 15 с. 8°. — Виньетки

(с. 1, 15).— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 41.— *Дмитриева Е. Е.* Лубяновский Ф. П. // РП 19 в. 3, 397.— СК 3812 (БАН; РНБ; ГПИБ).

155. **Лукиан (Протопопов, Лукьян Федотович, 1743–1813)**. Слово на день рождения... цесаревича и великого князя Павла Петровича гово-ренное в придворной церкви, при высочайшем ея императорского величества и их императорских высочеств присутствии ... 1790 года сентября в 20 день.— [СПб.], тип. Синода, [1790]. 8 с. 4°.— Грот 33 (Державин 17). Аллигат 4.— СК 5738 (РГБ; БАН; РНБ).

156. **Львов, Николай Александрович (1751–1804)**. Песнь Норвежского витязя Гаральда Храброго, из древней исландской летописи Книтлинга сага господином Маллетом выписанная, и в Датской истории помещенная, переложена на российский язык образцом древняго стихотворения с примеру: Не звезда блесит далече в чистом поле.— [СПб.], 1793. [11] с. 4°.— Поленов 24, 12.— *Глинка Н. И., Лаппо-Данилевский К. Ю.* Львов Н. А. // СРП 18 в. 2, 247.— СК 3829 (кроме МГУ, ГПИБ).

157. **Львов, Павел Юрьевич (1770–1825)**. Боярин Матвеев ... — СПб., тип. Сената, 1815. 36 с. 8°.— Поленов 57, 25.— Смирдин 2835.

158. — Лукьян Степанович Стрешнев: Старинное русское предание ... — СПб., тип. Сената, 1813. 18 с. 8°.— Поленов 57, 24.— Смирдин 2836.

159. — Похвальное слово великому государю царю Алексею Михайловичу, самодержцу всея России, читанное в имп. Российской Академии 1806 года декабря 7 дня и удостоенное золотою медалью ... — СПб., Мед. тип., 1810. 78, 18, 1 с. 8°.— Поленов 73, 27 («Есть издание этого слова без означения года и места печатания 154 с. с примечаниями. Вероятно, оно было помещено в каком-нибудь периодическом издании и отпечатано в числе нескольких особых экземпляров...»).— Петров 1300.— *Зорин А. Л., Витенберг Б. М.* Львов П. Ю. // СРП 19 в. 2, 422.— Экз. БАН: [СПб., 1811. 106 с.] (с. 105–106 ошибочно помечены как 154, 156).

160. Любопразднственная хвалебная песнь, которую ... великому государю императору Александру Первому... в высокаторжественный и всерадостнейший для россов день высочайшаго и благодатнейшаго прибытия е. и. в. в царствующий град Москву со всеподданнейшим приветствием и благодарением поет Московская славяно-греко-латинская академия, 1801 года сентября дня.— М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, [1801]. 13 с. 4°.— Виньетка (с. 3).— Поленов 42, 19.

161. **Люценко, Ефим Петрович (1776–1854)**. Ода на всерадостное прибытие е. и. в. Павла Первого в Москву 1797 года, марта дня.— М., Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. [2], 7 с. 4°.— В конце текста автор: Ефим Люценко.— Поленов 32, [3].— *Лямина Е. Э., Панов С. И.* Люценко Е. П. // РП 19 в. 2, 441.— СК 3876 (РГБ; БАН; МГУ).

162. **Магницкий, Михаил Леонтьевич (1778–1844)**. Ода на бракосочетание его императорского высочества великого князя Константина Павловича ... — Б. м., [1796]. [6] с. 4.— Виньетка (с. 1).— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 14.— СК 3885 (РГБ; РНБ).

163. — Ода на всерадостный день восшествия на престол е. и. в. ... Павла Перваго.— М., Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, [1796]. 8 с. 4°.— Поленов 30, [4].— *Кочеткова Н. Д.* Магницкий М. Л. // СРП 18 в. 2, 255.— СК 3886 (кроме РНБ).

164. — Ода на случай постановления бюста ея императорскому величеству в доме Благородного собрания, сочиненная ... при начале 1796 года в Москве.— М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, [1796]. 7 с. 4°.— Виньетки (тит. л., с. 3, 7).— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 9.— *Кочеткова Н. Д.* Магницкий М. Л. // СРП 18 в. 2, 255.— СК 3887 (кроме МГУ).

165. **Майков, Аполлон Александрович (1761–1838).** На возшествие е. и. в. Екатерины II, на всероссийский престол ... 1792 года, июня 28 дня.— СПб., [тип. Сухопутн. кадет. корпуса, 1792]. [6] с. 4°.— Поленов 22, 5.— СК 3894 (РГБ; БАН; ГПИБ).

166. — На победы одержанные всемогшим оружием российским в царствование Екатерины II.— М., Унив. тип., у В. Огорокова, 1790. 18 с. 4°.— Посвящение имп. Екатерине II.— В конце посвящения указан автор.— Виньетки (с. 3, 18).— Поленов 20а, 2.— *Травников С. Н.* Майков А. А. // СРП. 18. 2, 57.— СК 3895 (кроме МГУ).

167. **Макферсон, Джеймс (1736–1796).** Поэмы древних бардов. Перевод А[лександра] Д[митриева]. На ижд. П. Б[огдановича].— СПб., 1788. 64 с. 12°.— Поленов 72, [3].— *Канунова Ф. З.* Дмитриев А. И. // СРП 18 в. 1, 269.— СК 4012.

168. **Маскле И. И.** Ода на бракосочетание его императорского высочества государя великаго князя Александра Павловича ... Пер. на российский язык лейб-гвардии Измайловскаго полку сержант Василей Нечаев.— СПб., тип. И. К. Шнора, 1793. [7] с. 4°.— Тит. л. и текст парал. на рус. и фр. яз.— Заставки глубокой печати (с. [3, 4]).— Грот 24 (Державин 39). Аллигат 5б.— *Антонов А. С.* Нечаев В. Н. // СРП 18 в. 2, 347.— СК 4096 (РГБ; БАН; РНБ).

169. **Мерзляков, Алексей Федорович (1778–1830).** Благодетелю московских муз.— [М., Унив. тип., 1803]. 8 с. 4°.— Посвящено Демидову.— Заставка.— Без тит. л. и обл.— Поленов 24, 13 («Из Державинской б-ки № 37»); Грот 28 (Державин 37). Аллигат 12.— Пометы Державина в тексте и рис. на полях. Отчет 87, 1. Сопиков 11358.

170. — Ода на всерадостнейшее коронование ... Александра Перваго, самодержца всероссийскаго, совершившееся сентября 15 дня 1801 года. Читана в публичном акте Имп. Московскаго университета.— М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, 1801. 17 с. 4°.— Поленов 35, 1.— Петров 1383.

171. — Слава.— М., Губ. тип., у А. Решетникова, [1801]. 15 с. 4°.— Стихи.— Виньетка (с. 15). Поленов 51, 2; Сопиков 10334; Смирдин 8126.

172. — Слово похвальное всемилостивейшему государю императору Александру Первому августейшему избавителю и миротворцу Европы, произнесенное в публичном годовом собрании Имп. Московскаго университета июля 10 дня 1814 г. ... — М., Унив. тип.,

[1814]. 2, 45 с. 4°. — Грот 30 (Державин 9). Аллигат 1. — Петров 1387.

173. — Стихи, сочиненные ... при первом известии о победе, одержанной российскими войсками над французскими войсками при Кремле. — СПб., тип. Ф. Дрехслера, б. г. 4°. — Поленов 50, 48 («Без тит. л.»).

174. — Тень Кукова на острове Овги-ги. — СПб., Морская тип., 1805. 7 с. 4°. — Поленов 54, 11 («Стихотворение, написанное по случаю плавания мимо этого острова двух русских судов: Нева и Надежда»). — Грот 27 (Державин 34). Аллигат 7.

175. **Мефодий (Смирнов, Михаил Алексеевич, 1761–1815)**. Слово в день Успения Божия Матери, проповеданное ... Августа 15 дня 1805 года в Санкт-Петербурге в домового его церкви. — СПб., тип. Синода, 1805. 9 с. 4°. — Заставка. — Поленов 6, 9. — Грот 27 (Державин 34). Аллигат 57. — Отчет 78, 7.

176. — Слово к воронежской пастве, которое преосвященный Мефодий ... проповедал в Воронежском Благовещенском соборе при отбытии своем из Воронежской на Коломенскую епископию мая 1799. — М., Губ. тип., у А. Решетникова, 1799. [8] с. 4°. — Текст в рамке из орнаментальных украшений. — Виньетка (тит. л.). — Грот 25 (Державин 13). Аллигат 67. — СК 4214.

177. — Слово на день Вознесения Господня, проповеданное ... мая 18 дня 1805 года в Санкт-Петербурге в домового его церкви. — СПб., тип. Синода, 1805. 9 с. 4°. — Поленов 9, 18. — Сопиков 10651; Смирдин 547.

178. — Слово на день Покрова Божия Матери, проповеданное ... Октября 1 дня 1804 года в Санкт-Петербурге в домового его церкви. — СПб., тип. Синода, 1805. 9 с. 4°. — Заставка. — Поленов 6, 10. — Грот 27 (Державин 34). Аллигат 58. — Сопиков 10649.

179. — Слово на день Успения Божия Матери, проповеданное ... Августа 15 дня 1804 года в Санкт-Петербурге в домового его церкви. — СПб., тип. Синода, 1804. 12 с. 4°. — Заставка. — Поленов 5, 8. — Грот 27 (Державин 34). Аллигат 56. — Отчет 78, 6. — Геннадии 2, 317.

180. **Мещерский, Прокопий Васильевич (1736–1818)**. Ода е. и. в. всемиростивейшему государю, Павлу Первому... на победы во всевожденнейший день рождения е. и. в. С благоговением посвящает кн. Мещерский 2-й. — [СПб., 1799]. [8] с. 4°. — Датировано по содержанию. — Виньетки (с. 3, 8). — Грот 25 (Державин 13). Аллигат 60. — Пометы: подчеркнуты стихи «Уж нет сирот в его народе» и «С тобою Бог, с тобою мы». Заштрихованный автограф (4 строки, с. 8). — СК 4220 (БАН; РНБ; ГПИБ). — *Степанов В. П.* Мещерский П. В. // СРП 18 в. 2, 287.

181. **Микулин, Николай**. Ода е. и. в. Павлу Первому... на прибытие его в столичный град Москву 1797 года... — [М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1797]. 12 с. 4°. — Поленов 33, [1]. — *Степанов В. П.* Микулин Н. // СРП 18 в. 2, 287. — СК 4228 (кроме РНБ).

182. — Ода е. и. в. Александру Первому, императору и самодержцу всероссийскому на прибытие его в столичный град Москву 1801 года... — М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, [1801]. 6 с. 4°. — Заставка. — Поленов 38, 11. — *Степанов В. П.* Микулин Н. // СРП 18 в. 2, 288.

183. **Митрофанов С. М.** На день тезоименитства его превосходительства милостиваго государя Петра Ивановича Бабарыкина. — Б. м., б. г. 1 с. 4°. — В последней строке стих. назван автор. — Без тит. л. — Виньетка. — Грот 25 (Державин 13). Аллигат 8. — Отчет 70, 2. — *Степанов В. П.* Митрофанов С. М. // СРП 18 в. 2, 293.

184. **Моисей (Близнецов-Платонов, Михаил Ильич, 1770–1825).** Речь, говоренная в Святейшем правительствующем синоде Московского Ставропигиального Заиконоспаскаго училищнаго монастыря архимандритом и Московской Славяно-греко-латинской академии ректором и кавалером Моисеем, при наречении его во епископа Пензенскаго и Саратовскаго марта 26 дня 1808 года. — СПб., тип. Синода, 1808. 2 с. 4°. — Поленов 8, 16. — Геннади 2, 336.

185. **Морозов, Иван Григорьевич (ок. 1765—после 1829).** Памятник торжества веры во граде Киеве. По случаю перваго высочайшаго пришествия в оный государя императора Александра I в 7 день сентября 1816 года. — СПб., тип. И. Иоаннесова, 1816. [8] с. 4°. — *Николаев С. И., Степанов В. П.* Морозов И. Г. // СРП 18 в. 2, 300. — Поленов 72–23.

186. На истребление французов, нагло в сердце России вторгнувшихся. — СПб., тип. И. Иоаннесова, 1812. 24 с. 4°. — Начало: «Пал наглый сопостат России!..». — Грот 30 (Державин 9). Аллигат 8. — Сопиков 7337.

187. **Нарежный, Василий Трофимович (1780–1825).** Славенские вечера. Книжка 1. — СПб., Имп. тип., 1809. 158, [4] с. 8°. — Посвящение П. А. Буцкому. — В конце посвящения указан автор. — Поленов 71, 19. — *Ларионова Е. О.* Нарежный В. Т. // РП 19 в. 4, 230. — Петров 1508.

188. Народная песня посвящается храброй Русской гвардии 30 июля 1814 г. — СПб., Мед. тип., 1 с. 4°. — Грот 30 (Державин 9). Аллигат 44.

189. **Нартов, Андрей Андреевич (1737–1813).** Речь, говоренная Имп. Российской Академии президентом Андреем Нартовым в первое торжественное собрание в новом сей Академии доме июля 12 дня 1804 года. — [СПб., тип. Акад. наук, 1804]. 21 с. 4°. — На с. 11–21: Ода сочиненная Имп. Российской академии членом Петром Карабановым и читанная июля 12 дня 1804 года в первое торжественное собрание в новом сей Академии доме. — Поленов 54, 13. — Грот 27 (Державин 34). Аллигат 61. — *Лепехин М. П.* Нартов А. А. // СРП 18 в. 2, 324. — Сопиков 10017; Смирдин 6447.

190. **Наумов, Иван Мокеевич (1770-е гг.–1833).** Чувствования верно-подданнаго при возвращении императора Александра I в Санктпетербург 1814 года. — СПб., Мед. тип., 1814. [4] с. 4°. — Грот 30 (Державин 9). Аллигат 4. — Отчет 93, 1.

191. — Чувствования россиянина при известии о возвращении императором Александром I Франции законнаго ея государя. — СПб., Мед. тип., 1814. 25 с. 8°. — Поленов 65, 3.

192 Начертание вновь заводимаго в Санкт-Петербурге частнаго училища — СПб, Морская тип, 1813 25 с 8° — Поленов 17, 6 («В нем дельно хоть и коротко изложено 1) на каких началах у великого народа долженствовало бы быть основано воспитание, 2) в каком состоянии часть их находится в России и 3) какие меры сочтены здесь полезным назначить без учреждения частнаго воспитания некоторога числа юношей в Санкт-Петербурге Во второй статье говорится о вреде воспитания иностранцами»)

193 **Невахович, Лев Николаевич (1776/1778–1831)** Вопль дщери иудейской — СПб, тип Брейткопфа, 1803 66 с 8° — Посвящение В П Кочубею — Поленов 74, 30 («Здесь помещены еще следующие небольшие статьи Собеседование между Синаг-Гадагом, Эметом и Шалумом (что означает нетерпимость, истина и миролюбие), Чувствование верно-подданнаго На случай учреждения комитета о устроении евреев на пользу государственную и их собственную») — Петров 1528 — *Зорин А Л, Рогов К Ю, Рейтблат А И* Невахович Л Н // РП 19 в 4, 244

194 **Невзоров, Максим Иванович (1762/1763–1827)** Е и в Александру Первому, всемилостивейшему государю и самодержцу всероссийскому, на восприятие прародительскаго престола — М, Унив тип, у Хр Клаудия, 1801 9 с 4° — Виньетки — Поленов 38, 12 — *Ранчин А М* Невзоров М И // РП 19 в 4, 257 — Сопиков 7320

195 — Ода на всерадостнейшее коронование благочестиваго государя императора Александра Павловича, самодержца всероссийскаго, совершившееся в первопрестольном граде Москве сентября 15 дня 1801 года М, Унив тип, у Хр Клаудия, [1801] 16 с 4° — Виньетки — Поленов 39, 13 — *Ранчин А М* Невзоров М И // РП 19 в 4, 258 — Сопиков 13002, Смирдин 7884

196 **Нелединский-Мелецкий, Юрий Александрович (1752–1828)** Господам конным артиллерийстам — Б м, [1796] [1] с 4° — Стихотворение «Вы громовержцами давно ль центавры стали?» В конце текста инициалы Ю Н М Перепечатано в «Стихотворениях Юрия Александровича Нелединскаго-Мелецкаго» (СПб, 1876, с 52–53) с примечаниями автора «Писано в 1796 г летом, а зимой в том же году трусил, что написал, а в 1801 раскаявался Увы!» — Грот 22 (Державин 13) Аллигат 29 — Отчет 52, 13 — СК 4547 (РГБ, РНБ)

197 — Ода, его светлости князю Николаю Васильевичу Репнину, на победу одержанную им над турецкими силами за Дунаем, в 28 день июня, 1791 года — Б м, 6 г 12 с 8° — Виньетки (с 1, 12) — Грот 32 (Державин 26) Аллигат 6 — Поленов 27, 22 — СК 4548 (РГБ, РНБ, ГПИБ)

198 — Хор Торжествуй! твоя то доля Б м, [1796] [5] с 4° — Без тит л — На с 4 в конце текста «Стихи Юрья Нелединскаго-Мелецкаго Музыка г Козловскаго» На с 5 помещено стих «От хозяина дома», принадлежащее, по-видимому, А И Самойлову — Грот 22 (Державин 15) Аллигат 25 — СК 4551 (РГБ, БАН, РНБ, примеч)

199 **Нечаев, Василий Никитич (— после 1829)** Ода на всерадостное бракосочетание их императорских высочеств государя великаго

князя Александра Павловича и государыни великой княгини Елисаветы Алексеевны, совершившееся 1793 года, сентября 28 дня.— СПб., печ. у И. К. Шнора, 1793. [12] с. 4°.— В конце посвящения указан автор.— Грот 24 (Державин 39). Аллигат 5.— СК 4599 (РГБ; БАН; РНБ).

200. — Ода на случай торжества заключения мира с Оттоманскою Портою, 1793 года сентября 2 дня.— СПб., тип. И. К. Шнора, 1793. 14 с. 4°.— Посвящение кн. Н. В. Репнину.— В конце посвящения указан автор.— Заставка глубокой печати (с. [7]).— Грот 24 (Державин 35). Аллигат 5а.— Пометы: «Его превосходительству милостивому государю Гавриле Романовичу Державину при поздравлении с знаменитым и всерадостным совершением брака их императорских высочеств и с торжественным заключением с Портою оттоманскою мира; Знаком совершенного почитания и преданности издателя» (верхний л. обложки, общей для аллигатов 5, 5а, 5б).— Антонов А. С. Нечаев В. Н. // СРП 18 в. 2, 347.

201. **Нечаев, Петр Осипович (1773–)**. Ея императорскому величеству Екатерине Второй императрице и самодержице всероссийской ... на высокаторжественный день возшествия ея величества на всероссийский престол всеподданнейше приношение. Июня 28 дня 1792 года.— СПб., 1792. [7] с. 4°.— Поленов 22, 6 («Текст напечатан курсивом»).— *Ланно-Данилевский К. Ю.* Нечаев П. О. // СРП 18 в. 4, 348.— СК 4601 (БАН; РНБ).

202. **Николев, Николай Петрович (1758–1815)**. Ода е. и. в. всепресветлейшему государю... Павлу Первому, на день всевожделенного его прибытия в Москву для священного миропомазания, 1797 года, марта дня.— М., Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, [1797]. 14 с. 8°.— Заставка.— Поленов 32, [2].— СК 4619 (БАН; РНБ; МГУ).

203. — Ода е. и. в. всемилостивейшей государыне Екатерине Алексеевне, на торжество мира с Оттоманскою Портою. 1793 года в сентябре. Всеподданнейше подносит ея верноподданный Н. Н.— СПб., при Имп. Акад. наук, [1793]. 9 с. 4°.— Тираж 70 экз.— Поленов 23, 10.— СК 4624 (РГБ; БАН).

204. **Новиков, Семен**. Панихида Наполеону, или Последнее с ним прощание в воспоминание 1812 года, положившаго начало новой эпохи в делах света и возвысившаго неколебимую издревле славу россиян безпримерным истреблением в России полмиллиона Наполеонова войска, самого ж Наполеона примерным бегством. Песнь первая. Сочинил [в стихах] отставной русской по степи С[емен] Н[овиков].— СПб., тип. И. Байкова, 1813. 44 с. 8°.— Поленов 58, 27 («Вместо предисловия помещены два примечания, объясняющих предмет и цель сочинения, которые впрочем видны из самого заглавия. Это повествование о последних годах царствования Наполеона, описанное с патриотическим негодованием. Все дела его здесь представлены в черном виде. Это только первая песнь; но последующих издано не было. Текст подкреплен многими историческими примечаниями и ссылками на разные сочинения»).— Смирдин 8112.

205. — Чувство без прикрас степного Русака с друзьями при всерадостнейшем возвращении в Петербург государя императора

Александра I по восстановлении Бурбонов ... — СПб., тип. Ив. Байкова, 1814. 8 с. 8°. — Поленов 66, 6. — Смирдин 8156.

206. Объявление о публичных учениях в имп. Московском университете и в обеих гимназиях онаго преподаваемых, с 17 августа 1793 года по 26 июня 1794 года. — М., Univ. тип. [у В. Огорокова], 1793. 23 с. 4°. — Текст парал. на лат. и рус. яз. — Виньетки. — Поленов 16, 2. — Грот 27 (Державин 34). Аллигат 52. — Пометы: «Его превосходительству Гавриле Романовичу Державину от куратора Шувалова» (тит. л.). — Отчет 78, 5. — СК 4819 (РГБ; РНБ; ГПИБ).

207. Объявлений филотехнического общества № 2*. — М., Univ. тип., 1814. 22 с. 4°.

208. **Оглоблинский, Онисим.** Благодарственная речь его преосвященству преосвященнейшему Афанасию, епископу Коломенскому и Тульскому ... говоренная ... по случаю определения ... на штатное протоиерейское место в граде Серпухов. 1797 года, августа 14 дня. — М., Univ. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия. [4] с. — Грот 22 (Державин 15). Аллигат 36. — Отчет 52–53, 18.

209. Ода е. и. в. благочестивому государю Павлу Первому на случай восприятия титула великаго магистра Ордена святого Иоанна Иерусалимскаго. 1798 года ноября 29 дня. — СПб., тип. Г[ос.] м[ед.] коллегии, 1799. 11 с. 4°. — Грот 25 (Державин 13). Аллигат 52. — Отчет 70, 4. — СК 4852 (РГБ; РНБ).

210. Ода е. и. в. Екатерине II. Сочиненная Вологодскаго главнаго народнаго училища учителем на случай освящения вновь построеннаго каменнаго училищнаго дома в Вологде 1796 года генваря 7 дня. [М., 1796]. 10 с. 4°. — Начало: «Не в силах обуздать желанья...». — Грот 22 (Державин 15). Аллигат 6. — СК 4864 (РГБ; РНБ; ГПИБ).

211. **Озерецковский, Николай Яковлевич (1750–1827).** Песнь на новый 1797 год е. и. в. всемилостивейшему государю Павлу Петровичу... — СПб., б. г. 8 с. 4°. — Поленов 30, 2. — *Биржакова Е. Э.* Озерецковский Н. Я. // СРП 18 в. 2, 378. — СК 4901 (РНБ; ГПИБ); СК 4902 (БАН; РНБ; МГУ).

212. **Окулов, Григорий Андреевич (1794–1837).** Встреча Суворова с Кутузовым, или Вести, принесенные в царство мертвых князем Смоленским. — СПб., тип. Воен. министерства, [1813]. 19 с. 4°. — Грот 30 (Державин 9). Аллигат 15. — С. 2–3 отсутствуют. — *Гоцкая М. М.* Окулов Г. А. // РП 19 в. 4, 419. — Смирдин 8087.

213. — Ода на взятие Парижа. — СПб., тип. Сената, 1814. 5 с. 4°. — Грот 30 (Державин 9). Аллигат 11. — *Гоцкая М. М.* Окулов Г. А. // РП 19 в. 4, 418–419. — Смирдин 7915.

214. **Олин, Валериан Николаевич (1788–1840).** Панегирик Державину. — СПб., 1809. 9 с. 4°. — Посвящение Г. Р. Державину. — Тит. л. грав. —

* К «№ 2» сноски о характере содержания, заключающего: Отчет членам филотехнического общества правителя его дел Василия Каразина; Правила филотехнического общества; высочайший указ, утвердивший филотехническое общество. Отчет опубликован как приложение к газете «Московские ведомости» 1814. № 8. Объявление № 1 издано в Харькове. — Грот 30 (Державин 9). Аллигат 38.

Поленов 55, 19.— *Нешумова Т. Ф., Щемелёва Л. М.* Олин В. Н. // РП 19 в. 4, 430.

215. — Сражение при Лоре. Эпическая поэма из Оссиана ... — СПб., Морская тип., 1813. [10], 8, [5] с.— Посвящение гр. Н. П. Румянцеvu.— Предисловие автора «О поэме Оссиана» (с. 7–9).— Виньетки глубокой печати (заставка, концовка).— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 40.— *Нешумова Т. Ф., Щемелёва Л. М.* Олин В. Н. // РП 19 в. 4, 430.— Смирдин 6708.

216. Описание публичного собрания Императорской Академии художеств, происходившего сентября 1 дня 1806 года.— [СПб., тип. Ф. Дрехслера, 1806]. 20 с. 4°.— Поленов 16, 3 («Без тит. л. Заключает отчет Академии за предшествовавший год»).— Грот 29 (Державин 35). Аллигат 14. Смирдин 6008.

217. Описание публичного собрания Императорской Академии художеств, последовавшего 1794 года октября 21 дня.— СПб., тип. Имп. Акад. художеств, 1794. 27 с. 4°.— Издание дополнено письмами А. А. Нартова и А. И. Корсакова о принятии их почетными членами Академии художеств и речью А. А. Нартова после избрания его почетным членом.— Виньетка (с. 27).— Грот 24 (Державин 39). Аллигат 23.— СК 4978 (кроме МГУ).

218. Описание торжества высокобращного сочетания их императорских высочеств благоверного государя великого князя Александра Павловича с ... великою княгинею Елисаветою Алексеевною щастливо совершившаго сего 1793 года, сентября 28 дня.— СПб., при Имп. Акад. наук, [1793]. 15 с. 8°.— Поленов 34, [1].— Грот 27 (Державин 34). Аллигат 64.— Пометы: «305» (тит. л., почерк XVIII в.).— СК 4984 (БАН; РНБ).

219. Описание торжества празднованного в Шклове его превосходительством Семеном Гавриловичем Зоричем 1793-го года 22-го сентября, в день коронации ея императорского величества и на случай перемещения в новый дом благородного военного училища им установленнаго.— СПб., при Имп. Шляхетн. сухопутном кадет. корпусе, 1794. 19 с. 8°.— Поленов 34, [3].— СК 4988.

220. Описание торжественного собрания Казанскаго общества любителей отечественной словесности декабря 12 дня 1814 года.— Казань, 1814. [8] с. 4°.— На с. 6–8: Список членов.— Грот 31 (Державин 18). Аллигат 25.

221. Описание торжественного собрания Казанскаго общества любителей отечественной словесности июля 8 дня 1815 года.— [Казань, 1815]. 8 с. 8°.— Поленов 18, 11.— Петров 1687.

222. Описание чрезвычайнаго собрания Императорской Академии художеств последовавшего сего 1794 года марта в 11 день.— СПб., тип. Корпуса чужестранных единоверцов, 1794. [10] с. 4°.— Поленов 16, 1 («По случаю назначения А. И. Мусина-Пушкина преемником президента Академии художеств»).— СК 5000 (РГБ; БАН; РНБ; ГПИБ).

223. **Павский, Герасим Петрович (1787–1863)**. Обзорение книги псалмов. Опыт археологический, филологический и герменевтический. Сочинение Санкт-Петербургской Духовной академии студента Герасима

Павского 1814 года.— СПб., тип. Синода, [1814]. 82 с. 8°.— Поленов 62, 39.— *Пастернак Е. Е.* Павский Г. П. // РП 19 в. 4, 501.— Петров 1762.

224. **Палицын, Александр Александрович (кон. 1740-х—нач. 1750-х гг.— 1816)**. Послание к Привете, или Воспоминания о некоторых русских писателях моего времени.— Харьков, Унив. тип., 1807. 70 с. 8°.— В конце текста указан автор.— Поленов 68, 8 («...Автор излагает свои мысли о некоторых умерших и живых еще тогда русских писателях, без всякой критики, но с большим пристрастием, в конце помещены примечания».— *Зыкова Г. В., Евсеева М. К.* Палицын А. А. // РП 19 в. 4, 508.— Смирдин 8028.

225. Памятник на кончину госпожи камергерши княгини Елисаветы Петровны Долгоруковой, урожденной Бакуниной, скончавшейся марта 16, на 35 году от рождения, и погребенной 19 числа 1798 года. В Москве в Новодевичьем монастыре.— М., Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, [1798]. 15 с. 4°.— В конце текста: «В знак незабвенной памяти издано коллегским советником Никанором Плещеевым».— Содержание: I. Слово, говоренное при отпевании тела е. с. кн. Елисаветы Петровны Долгоруковой, духовником ея, благочинным иереем Стефаном Никитиным. II. Иван Долгоруков. Стихи, на кончину е. с. кн. Елисаветы Петровны Долгоруковой. III. Н. Николев. Стихи на кончину кн. Елисаветы Петровны Долгоруковой. IV. А... В... Плач над гробом благодетельницы и друга моего, кн. Елисаветы Петровны Долгоруковой.— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 42.— СК 5119 (БАН; РНБ).

226. **Перевощиков, Василий Матвеевич (1785—1851)**. Речь, говоренная при торжественном открытии Императорского Казанского университета 5 го июля 1814 года ... — Казань, Унив. тип., 1814. 23, [1] с. 4°.— Грот 30 (Державин). Аллигат 37.— *Буз Е. М., Зорин А. Л.* Перевощиков В. М. // РП 19 в. 4, 558.

227. Песна светлейшему князю Григорию Александровичу Потемкину Таврическому, спевана от сръбског народа на Измаил. СПб., 1791. 8 с. 8°.— На сербском языке.— Виньетки.— Поленов 28, 18.— Грот 32 (Державин 26). Аллигат 1.— Отчет 96, 2.

228. Песнь воинов.— Б. м., б. г. 3 с. 2°.— Поленов 50, 47 («Без тит. л.»).

229. Песнь дифирамбическая победоносному Александру на вшествие в Париж 19/31 марта 1814 года поднесенная одним из французских стихотворцев, переведенная вольными стихами 20 августа 1814. [Пер. Я. А. Галинковский].— СПб., тип. Ф. Дрехслера, 1814. 28 с. 4°.— Текст парал. на рус. и фр. яз.— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 7.— С. 5–6 отсутствуют.— Пометы: «Песнь сия назначена была для поднесения е. и. в. 30 го авг.; но как никто не взял на себя сего труда по ходатайству издателя генерал-майора Юзефовича, то переводчик и принужден был листы посвящения сего не выпустить в публику» (корешок отсутствующих с. 5–6).— *Лотман Ю. М.* Галинковский Я. А. // СРП 18 в. 1, 194.— Смирдин 7939.

230. Песня.— М., тип. Платона Бекетова. 3 с. 2°.— Поленов 49, 46 («Песнь эта: «Ах, не ласточка...». Сочинил ее дядя его земской того же селения, за которое по мену сей рекрут отдан ... Потом помещен отрывок

из письма этого земского по случаю посылки песни. Наконец, следует и самая песня»).

231. **Петров, Василий Петрович (1736–1799)**. Ода всепресветлейшей ... государыне, императрице Екатерине Алексеевне ... во изъявление чувствительнейших сынов российских радости и искреннейшего благодарения, возбужденного в сердцах их всевожделенным манифестом в пятое лето благополучного ея величества государствования изданным о избрании депутатов к сочинению проекта Нового уложения... — [М.], печ. при Имп. Моск. ун-те, 1767. [12], с. 2°. — *Кочеткова Н. Д.* Петров В. П. // СРП 18 в. 2, 425. — Поленов 25, 15 («Из библиот. Державина № 39»). — СК 5239 (РГБ; БАН; РНБ).

232. — Ода его высокопревосходительству, Черноморского флота господину вице-адмиралу... Николаю Семеновичу Мордвинову. — [СПб.], 1796, 13 с. 4°. — Грот 22 (Державин 15). Аллигат 30. — Отчет 52, 16. — *Кочеткова Н. Д.* Петров В. П. // СРП 18 в. 2, 428. — СК 5242 (РНБ; ГПИБ).

233. — Ода Екатерине Второй... на присоединение Польских областей к России, 1793 года. — [СПб., тип. Крылова, 1793]. [27] с. 4°. — В конце посвящения и текста оды указан автор. — Виньетки (с. 12, 22). — Грот 24 (Державин 39). Аллигат 3. — Отчет 62, 1. — СК 5263 (кроме МГУ).

234. — Ода на всевожделенное бракосочетание его императорского высочества великого князя Константина Павловича с ее императорским высочеством великою княжною Анною Феодоровною. — [СПб.], 1796. 8 с. 4°. — Грот 22 (Державин 15). Аллигат 22. — Отчет 51, 11. — СК 5265 (БАН; РНБ; ГПИБ).

235. — Плачь и утешение России к е. и. в. Павлу Первому самодержцу всероссийскому. — [М.], 1796. 14 с. 4°. — СК 5277 (РГБ; БАН). — Поленов 29, 4. — *Кочеткова Н. Д.* Петров В. П. // СРП 18 в. 2, 428.

236. — Плачь на кончину его светлости князя Григорья Александровича Потемкина Таврического 1791 года, октября 5 дня представившагося в вере к Богу, в любви к отечеству, в желании благ роду человеческому; мужа всеми высокими титлами, но паче кротостию сиявшаго; покровителя наук, победоносца, миротворца; всем просвещенным, всем благородным душам вожделенного, почтенного, приснопамятного. — [М., 1791]. [2], 13 с. 2°. — СК 5778 (кроме МГУ). — Поленов 20а, 3. — *Кочеткова Н. Д.* Петров В. П. // СРП 18 в. 2, 428.

237. **Петряев, Николай Силыч (1762–1818)**. Теория и практика варения мыла на больших и мелочных заводах, с описанием домашних способов заменить таковое различными жидкостями. Пер. с фр. по приказанию гр. Ник. Петр. Румянцова, и по воле его же посвящается знатному купечеству гор. Коломны, титулярным советником Петряевым. — СПб., Имп. тип., 1804. 61, [2] с. 8°. — Грот 27 (Державин 34). Аллигат 66.

238. **Петухов, Илья**. Ода государю императору Павлу Петровичу на высокаторжественный день высочайшего е. и. в. коронования 1798 года,

апреля 5 дня ... всеподданнейше поднесенная и высочайшего благоволения удостоенная.— СПб., тип. Гос. мед. коллегии, 1798. 12 с. 4°.— Заставка.— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 44. — *Кукушкина Е. Д.* Петухов И. // СРП 18 в. 2, 435.— СК 5292 (БАН; РНБ).

239. **Пинский, Павел.** Ода на случай всерадостного возшествия на престол государя императора Александра Первого. Подражание французской, поднесенной сенатором графом Вельгурским.— [СПб.], Унив. тип., у Хр. Клаудия, [1801]. 4°.— В конце текста указан автор.— Поленов 36, 3.

240. **Писарев, Александр Александрович (1780/1784–1848).** Военные хоры, петье в день праздника лейб-гвардии Семеновского полка 21 ноября 1809 года ... Музыка господина Дерфельда.— СПб., Мед. тип., 1809. 7 с. 4°.— Виньетка (тит. л.).— Поленов 50, 40.

241. **Победоносный Александр во храме вышняго.** СПб., тип. Деп. внеш. торговли, 1814. [4] с. 4°.— Стихотворение навеяно службой в Казанском соборе.— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 2.

242. **Покровский, Феофилакт Гаврилович (1763—ок. 1843).** Философ Горы Алаунской*, или Мысли при известии о смерти великия Екатерины. [М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1797]. 15 с. 8°.

Без тит. л.— В конце текста: «П. к. й 1796 года, ноября 15 дня, при подошве горы Утлы».— СК 5450.— Поленов 52, 8.— Грот 27 (Державин 34). Аллигат 2.— См. также рукописный текст: Грот 22 (Державин 15). Аллигат 73.

243. **Политковский, Гаврила Герасимович (1770–1824).** Песня петербургских жителей на отъезд царицы-матушки к царю-батюшке. Дек. 19 дня 1812.— СПб., Мед. тип., 1813. 2 с. 4°.— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 43.— *Кукушкина Е. Д.* Четыре записки Г. Р. Державина к В. Н. Олину // XVIII век. Сб. 17, 213; *Николаев С. И., Степанов В. П.* Политковский Г. Г. // СРП 18 в. 2, 460.

244. **Поп, Александр (1688–1744).** Опыт о критике, поэма в трех песнях ... С англ. яз. пер. кн. Сергей Шихматов.— СПб., Мед. тип., 1806. 47 с. 8°.— Посвящение А. С. Шишкову.— Поленов 67, 5.— Петров 1869.

245. **Попов, Ксанфий Прокофьевич (1790–1853).** Перун полночный. Победная песнь князю Смоленскому ... Апреля 2 числа 1813 года.— СПб., Акад. наук, [1813]. 8 с. 8°.— Поленов 28–29.

246. **Послание к Федору Ивановичу Геену, директору и начальнику Военно-сиротского дома, на случай новоустроенного прекрасного здания для сего училища.**— СПб., тип. 1 кадет. корп., 1809. 5 с. 4°.— Поленов 55, 21.

247. **Послание Серединской станицы казака Ермолая Гаврильевича к атаману своему Матвею Ивановичу Калиш 1813 март 22.**— Б. м., 1813. 14 с. 16°.— Поленов 59, 30 («Нет ни у Сопикова, ни у Смирдина. Только кажется это не подлинное, а подделанное под казацкий тон. Содержание: Похвала Платову, Донским казакам и брань французов. Писано мерною прозою: „Ай спасибо, Матвей Иванович, что ты держишься старинушки?.. Помогай тебе государь, небесный царь!.. Ты нижи кольем за грани-

* К слову «Алаунской» дана сноска: «Смотри пространное землеописание Российского государства параграф 14».

цею, ты шелки давай иглокою ниткам... что задумают стариков седых на французский лад перестроивать“»).

248. **Поспелова, Мария Алексеевна (1780–1805)**. Ода на всерадостный день коронавания е. и. в. государя императора Александра Павловича.— М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, 1801. 11 с. 4°.— Поленов 39, 14.— Сопиков 7218.

249. **Похвиснев, Иван**. Жертва искреннейшего усердия на всерадостное в престольный град Москву высочайшее их императорских высочеств вшествие для высокаторжественного возложения короны и священнейшего миропомазания 1801 г. сентября 8 дня.— М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, [1801]. 8 с. 4°.— Поленов 38, 10; 43, 23.— Сопиков 3949.

250. **Похвиснев, Яков**. Акростиhi е. и. в. Александру Первому всемилостивейшему государю ... — М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, 1801. 7 с. 4°.— Поленов 43, 22. («Акростиhi на слова: „Мафусаилова лета благополучно царствовать богоподобному монарху“»)— Сопиков 1906.

251. Предначертание открытого испытания студентов Санктпетербургской Духовной Академии, при окончании первого ея учебного курса, в июле 1814 года.— Б. м., [1814]. [2], 14 с. 4°.— Текст парал. на рус. и лат. яз.— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 41.

252. **Приклонский, Павел Николаевич (1767–1838)**. Стихи е. и. в. государю императору Александру Павловичу на всерадостное прибытие в первопрестольный град Москву к священному миропомазанию и возложению на себя короны ... — М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, 1801. [7] с. 4°.— Виньетки (заставка, концовка).— Поленов 43, 21.— Сопиков 11507.

253. Программа для экзамена воспитанников Института путей сообщения. [Математика. Физика] 1815.— СПб., тип. Плюшара и К°, 1815. 54 с. 4°.— Текст парал. на рус. и фр. яз.— Грот 31 (Державин 18). Аллигат 27.

254. Программа открытого испытания воспитанникам начального курса Имп. Царскосельского лицея генваря 4 и 8 дня 1815 года. 8, 23 с. 4°.— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 47; Отчет 93, 4.— Пометы: рабочие заметки Грота для типографии (с. 1).

255. То же. 8 с. 4°.— Без тит. л.— Грот 31 (Державин 18). Аллигат 26.

256. Программа открытого испытания учащихся в Санкт-Петербургской губернской гимназии 19, 20, 22 и 23 дек. 1813 года.— СПб., Мед. тип., 1813. 19 с. 4°.— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 45.

257. Программа публичного экзамена учащимся в СПб. губернской гимназии дек. 18, 19, 21 и 22 числ 1814 года с 6 часов по полудни.— СПб., тип. Ивана Глазунова, 1814. [1], 7 с. 4.— На с. [1] напечатано приглашение принять участие в экзамене.— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 46.— Пометы: «Его высокопревосходительству Гавриилу Романовичу Державину» (с. [1]); «18 — пятница, 19 — суббота, 20 воскресенье, 21 понедельник, 22 вторник» (с. 1, карандаш, почерк Грота); «NB» (с. 7, напротив строки об экзамене по поэтике (22 дек. 7 класс), карандаш, почерк Грота).

258. Проект министерского устава. Ч. 1.: Общее образование министерств.— СПб., Мед. тип., 1810. [8], 78, [18], 10 с. 4°.— Петров 1928.—

Грот 35 (Державин 3).— Отчет 98.— Пометы Державина, касающиеся содержания (с. 42–43, 45, 59, 60–61, 63, карандаш).

259. Проект учреждения правительствующего сената.— [СПб., Мед. тип., 1811]. [8], 109 с.— Без тит. л.— Геннади 3, 204.— Грот 34 (Державин 4); Отчет 98.— Пометы, касающиеся содержания (с. 8, 18, 21–23, 26–27, 30–31, 35, 38–40, 45, 47–49, 51–52, 54–57, 60–61, 64, 104, карандаш, почерк Державина).

260. **Прокудин-Горский, Михаил Иванович (1744–до 1813)**. Речь при открытии Танбовского наместничества говоренная в торжественном собрании в присутствии ... Владимирского и Танбовского генерал-губернатора графа Романа Ларионовича Воронцова... — М., Унив. тип. [у Н. Новикова], 1779. XVI с. 4°.— Текст в рамке из орнаментальных украшений.— Заставка.— Грот 33 (Державин 17). Аллигат 11.— СК 5713 (РГБ; РНБ; ГПИБ).

261. Проповедь о Христе Спасителе в Китайском царстве, изображенная китайским писмом в 781 году по рождестве Христе на камне. Перевод с снятой с камня китайской копии, которая хранится в библиотеке Имп. Академии наук, коллегии иностранных дел канцелярии советник Алексей Леонтиев.— СПб., при Имп. Акад. наук, 1784. 10 с. 4°.— Текст в рамке.— Заставка.— Тираж 600 экз.— Грот 33 (Державин 17). Аллигат 2.— СК 5720 (кроме БАН; примеч.).

262. Различные стихотворения на случай постановления бюста ея императорского величества в доме Благородного собрания, при начале 1796 года, в Москве.— М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, [1796]. 11 с. 4°.— Содержание: Хор. Юрий Нелединский-Мелецкий. Музыка сочинена г. Людвигом Минелли.— 1-й Польской. Сергей Каргопольской. Музыка сочинена г. Игнатием Гелом.— 2-й Польской. Михайло Магницкой. Музыка сочинена г. Иосифом Яништою.— Виньетки.— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 10.— Пометы: «Еништою» (с. 11, карандаш).— СК 5820.

263. **Расторгуев, Егор Иванович**. Радость России или Возвращение в отчизну великаго и свыше благословеннаго императора отца отечества Александра I.— СПб., Морская тип., 1815. 14 с. 4°.— В конце текста автор: Е[гор] Р[асторгуев]. Автор раскрыт по изд.: Масанов П. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 томах. М., 1956–1960. Т. 1. С. 361.— Грот 31 (Державин 18). Аллигат 1.— Смирдин 7972.

264. **Репьев, Иван Николаевич (1755–1833)**. Ода на кончину ея императорского величества в Бозе почивающия императрицы Екатерины Вторыя... — СПб., [тип. Акад. наук], 1796. 7 с. 4°.— Виньетки.— Полевнов 30, [1].— СК 5935 (БАН).

265. Речи, произнесенныя в торжественном собрании Императорского Харьковского университета 30 августа 1815 года.— Харьков, Унив. тип., 1815. 22, 29, 11 с. 4°.— Содерж.: 1) Громов Яков. Об общих органических силах и постепенном отношении их между собою. 2) Dubrowits Andr. De studii academici natura. 3) Noeldechen Carl von Landwirthschaft und die Grundlagen des Staats Reichthums.— Грот 31 (Державин 18). Аллигат 8.

266. **Ржевский, Алексей Андреевич (1737–1804)**. Ода его величеству государю императору Александру Первому на всевожденное его коронование последовавшее в Москве 1801 сентября в день по высочайшем отбытии е. и. в. из С. Петербурга... — СПб., тип. Мед. коллегии, 1801. 15 с. 4°. — Поленов 36, 6. — Смирдин 7876.

267. **Родзянка, Семен Гаврилович**. На случай вожденнаго прибытия в Москву е. и. в. государя императора Александра Павловича. — М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, 1801. 2 с. 4°. Заставка. — Поленов 40, 16. — Сопиков 11513.

268. **Руссов, Степан Васильевич (1768–1842)**. Ода государю императору Павлу Петровичу, на высокаторжественный день всевысочайшаго е. и. в. на всероссийский престол возшествия 1797 года ноября 6 числа... — СПб., при Имп. Акад. наук, 1797. 20 с. 4°. — Грот 22 (Державин 15). Аллигат 37. — СК 6236 (БАН; РНБ).

269. **Свечин, Павел Иванович**. Дань величию России. Лирические песни на победы минувшей войны и на возвращение наших войск в отечество. — СПб., тип. К. Крайя, 1816. 100 с. 8°. — Посвящение Александру I. — В конце посвящения указан автор. — Поленов 67, 2. — Смирдин 7952.

270. **Свитен, Готфрид (1734–1803)**. Творение, сочинение Гайдена. Слова перевода с нем. яз. господина Карамзина. — М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, 1801. 16 с. 4. — Текст оратории заимствован Свитеном из поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай», переделанной Лидлеем. — Музыкальный словарь Гроува. М., 2001. С. 733. — Виньетка (тит. л.). — Поленов 52, 6.

271. **Себржинский, Василий Иванович (1786–1833)**. Слово в неделю Мытаря и Фарисея, и при случае погребения тела господина генерала от инфантерии Ивана Петровича Архарова, говоренное ... февраля 7 дня 1815 года. — СПб., тип. Синода, 1815. 13 с. 8. — Поленов 13, 27. — Смирдин 526.

272. **Севергин, Василий Михайлович (1765–1826)**. Слово похвальное Михайлу Васильевичу Ломоносову, читанное в Императорской Российской Академии в годовом торжественном ея собрании 1805 года... — СПб., Акад. наук, 1805. 56, [5] с. 4°. — На с. [1–5] напечатана надпись на рус. и лат. яз., сочиненная Я. Штелином и находящаяся на гробнице Ломоносова, воздвигнутой графом М. И. Воронцовым. — Поленов 54, 12. — Грот 27 (Державин 34). Аллигат 46. — Петров 2192.

273. **Селявин, Николай Иванович (—1833)**. Ода на всерадостнейший день коронования е. и. в. Александра Перваго 1801 г. сентября дня, сочинена в Олгополе... — М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, [1801]. 10 с. 4°. — Поленов 37, 9.

274. **Синельников, Филипп Мартынович**. Гений — благотворитель природы и человечества. — СПб., тип. И. Иоаннесова, 1813. 12 с. 8°. — Посвящение А. Н. Голицыну. — В конце посвящения: Ф. С. — Поленов 68, 12.

275. — Раздраженный лев, или Всепревозмогающая Россия. — СПб., тип. И. Глазунова, 1813. 8 с. 8°. — Посвящение Александру I. — В конце посвящения указан автор. — На тит. л. напечатан эпиграф из Державина. — Поленов 70, 17.

276. Слава и добродетель.— Б. м., б. г. 6 с. 4°.— Без тит. л.— Поленов 22, [6] («Стихотворение это заключает похвалу Екатерине II»).

277. Слово I при начале выбора судей в Пензенском наместничестве, в губернском городе Пензе. 1792 года, декабря 13 дня.— [М., Московская тип., 1793]. 16 с. 4°.— Без тит. л.— На с. 9–16: Слово II при окончании выбора судей в Пензенском наместничестве, декабря 19 дня, 1792 года.— В конце текста каждого «Слова»: Говоренное в Пензенском Спасском соборе тамошней Николаевской церкви протоиереем Григорием А.— Виньетки.— Поленов 14, 32.— СК 6552 (РНБ).

278. **Сохацкий, Павел Афанасьевич (1766–1809)**. Слово о главной цели воспитания; на всерадостный день возшествия на всероссийский престол... имп. Екатерины Вторья ... говоренное в торжественном собрании имп. Московскаго университета ... Июня 30 дня 1793 года.— М., Унив. тип., у В. Огорокова, 1793. 77, [1] 20 с. 4°.— Виньетки (с. 3, 77).— СК 6713.— ИРЛИ РАН: 44.117.— Обложка из «мраморной» бумаги типа павлиний хвост.— Пометы: «506» (чернила, почерк Державина, левый угол верхнего л. обложки); «1322» (наклейка на верхнем л. обложки, чернила и почерк второй половины XIX в.); «Его превосходительству Гаврилу Романовичу Державину Московскаго Университета от куратора Ивана Ивановича Шувалова» (внутренняя сторона верхнего л. обложки); «От Кобеко 25 нояб. 1870» (тит. л., карандаш).

279. Стихи на обручение ея императорскаго высочества великой княжны Екатерины Павловны с его светлостью принцем Ольденбургским 1809 года генваря 1-го дня.— СПб., тип. Имп. Акад. наук, 1809. 4 с. 4°.— Поленов 47, 37.

280. Стихи на обручение его светлости графа Григория Григорьевича Кушелева, вице-президента Адмиралтейской коллегии и разных орденов кавалера с ея светлостью графиней Любовию Ильиничною Безбородкою фрейлиною двора е. и. в.— [СПб., тип. Морск. кадет. корпуса, 1799]. [2]. 8 с. 8°.— Без тит. л.— Поленов 59, 28.— СК 6872 (РГБ).

281. Стихи на пожалование генерал-майором и кавалером ордена святого равноапостольнаго князя Владимира вторья степени его превосходительства Василия Степановича Попова.— Б. м., [1789]. [4] с. 8°.— Тит. л. отсутствует.— Поленов 26, 18.— Грот 32 (Державин 26). Аллигат 2.— Отчет 96, 2.

282. **Струйский, Николай Еремеевич (—1796)**. Епистола ея императорскому величеству ... Екатерине II... [2-е изд].— [СПб., тип. И. К. Шнора, 1790]. XXVIII с. 2°.— Заставка и концовка гравированы Х. Г. Шенбергом по рисункам И. К. Набгольца.— На последней с. выходные данные: «Издание второе печатано в Санктпетербурге, в тип. у И. К. Шнора производил Юрий Струйской 1790 года. А перьвым тиснением издавал в прошедшем году в декабре месяце Е. Озеров».— СК 6924 (РГБ; РНБ; ГПИБ).— Поленов 21, [1] («Из библиот. Державина»).

283. **Сумароков, Александр Петрович (1717–1777)**. Притчи Александра Сумарокова. Кн. 1–3.— СПб., [тип. Акад. наук]. 1762–1769, 8°.— Кн. 1. 1762. 70, [6] с.— Тираж 3600 экз.— СК 7026.— Поленов 67, [4].

284. **Сумароков, Павел Иванович (ок. 1760–1846)**. Предсказание.— СПб., Имп. тип., 1806. 4 с. 4°.— Поленов 48, 42.— Грот 29 (Державин 35).

Аллигат 13.— Отчет 91, 2.— Пометы: на полях с. 1 вариант начала публикуемого произведения (почерк Державина).

285. **Таушев, Александр Федорович** (—1809). Стихи на день всевысочайшей коронации е. и. в. Александра Перваго.— М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, 1801. 4 с. 4°.— Виньетки.— Сопиков 11470.— Поленов 42, 20.

286. **Тацит, Публий Корнелий** (ок. 58 — ок. 117). Речь Галгака, британского полководца к британцам, осажденным римлянами, под предводительством Агриколы: Извлечение из Тацита. [Пер. Магницкий М. Л.].— Б. м., б. г. 4 с. 4°.— Поленов 55, 17.— Грот 29 (Державин 35). Аллигат 17.— *Кочеткова Н. Д.* Магницкий М. Л. // СРП 18 в. 2, 254–257.

287. **Теряев, Андрей Михайлович** (1767–1827). Ода на смерть его светлости, канцлера, князя Александра Андреевича Безбородка.— [СПб.] тип. Шнора, 1799. [9] с. 4°.— Посвящение В. П. Кочубею.— В конце посвящения подпись автора.— Виньетки.— Грот 30. Аллигат 19.— СК 7202 (кроме РГБ).

288. — Стихи в роде элегий на кончину его светлости, канцлера князя Александра Андреевича Безбородка, посвященные брату, родству, дружбе и благодарности... — СПб., тип. Шнора, 1799. [15] с. 4°.— Три элегии, подписанные инициалами: А. Т.— Посвящение А. И. Безбородке.— Грот 30. Аллигат 20.— СК 7203 (кроме МГУ).

289. **Тихон (Малинин, Тимофей, 1745–1793)**. Слово на высокоторжественный день возшествия на престол великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийской 1791 года.— СПб., тип. Синода, 1791. 10 с. 4°.— Заставка.— Поленов 4, 4.— Грот 27 (Державин 34). Аллигат 51.— СК 7231, 7232.

290. **Тодорский, Иван Степанович**. Ода, плоды просвещения, на всерадостный день высочайшего возшествия на всероссийский праотеческий престол е. и. в. всеавгустейшаго государя императора Александра Павловича.— М., Губ. тип., у Андрея Решетникова, 1801. 7 с. 4°.— В конце текста: всеподданнейше подносит Иван Тодорский.— Поленов 46, 31.— Сопиков 7328; Смирдин 7877.

291. — Песнь Москвы на всерадостное и первое прибытие в оную е. и. в. всеавгустейшаго государя императора Александра Павловича...— М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, 1801. 7 с. 4°.— Виньетки.— Поленов 44, 24.— Сопиков 9343.

292. — Стихи о пользе конского ристания, которые достопочтеннейшим онаго любителям и древних геройских подвигов хранителям усерднейше подносит провинциальный секретарь Иван Тодорский августа 30 дня 1802 года.— М., Унив. тип., у Любия, Гария и Попова, 1802. 1 с. 2°.— Поленов 24, 14.— Грот 28 (Державин 37). Аллигат 53.

293. **Толмачов, Алексей**. Императору Александру I ... В радостнейший день его тезоименитства... — СПб., тип. Губ. Правления, [1804], 7 с. 8°.— Виньетка (тит. л.).— Поленов 46, 33.— Грот 27 (Державин 34). Аллигат 6.— Пометы: «1804 года» (с. 7, чернила, почерк нач. XIX в.).— Отчет 77, 1.

294. Тома, Антуан Леонард (1732–1785). Слово похвальное Марку Аврелию ... Третий перевод с фр. [Пер. И. В. Лопухин].— М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, 1801. 8, 4, 114 с. 8°.— Поленов 71, 20.— *Кочеткова Н. Д.* Лопухин И. В. // СРП 18 в. 2, 231.— Соликов 10828; Смирдин 10448.

295. Торжественное всерадостных и благодарных чувствований изъясление е. и. в. Павлу Первому ... во время всевожденнейшаго пришествия е. и. в. в царственный свой град Казань, со всеподданнейшим благоговением подносимое от новоучрежденной Казанской академии 1798 года.— М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, [1798]. 34 с. 4°.— Ода и стихи (станс, мадригал, канты, эпиграммы) на рус., лат. и греч. яз.— Виньетки.— СК 7272 (БАН; РГБ; ГПИБ).— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 45.— Грот 25 (Державин 13). Аллигаты 48–49.

296. Торжественный пеан. На случай молебствия о избавлении Италии от нашествия французов и возведения на царство Неаполитанского короля.— В Гатчине 3 го сентября 1799 г. [4] с. 1°.— На бумаге с водяным знаком 1799 г.— Грот 24 (Державин 39). Аллигат 17; Грот 25 (Державин 13). Аллигат 72.— Пометы: зачеркнуты стихи: «Вы человечество терзали И жертву крови посвящали», вместо них написаны: «Вы алчности вождей служили И смертных в жертву приносили» (с. [1], почерк Державина).

297. Торжественныя песни ... императору Александру Первому самодержцу всероссийскому во всерадостнейший день высочайшей коронации е. и. в., воспетия и со всеподданнейшим благоговением приносимыя от Нижегородской семинарии 1801 года сентября 15 дня.— М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, 1801. 57 с. 4°.— Заставка.— Поленов 41, 18 («Кроме приличных случаю стихотворений помещены Разговор Аполлона с музами в стихах на лат. яз. Акростих в честь имп. Александра и имп. Елисаветы Алексеевны на греч. Разговор между осенью и весной на рос. яз.— Речь на нем.— Речь на мордовском с рус. переводом.— Речь чувашская также с переводом»).

298. Торжество Лаврских муз, всемилоостивейшим посещением Павла Перваго ... обрадованных, е. и. в. с благоговением изъясляющих свои всерадостныя и благодарныя чувства. 1797 года, апреля дня.— М., Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, [1797]. 39 с. 4°.— Стихи и речи на рус., лат., греч., нем. и фр. яз.— Виньетки.— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 35.— Отчет 52, 17.— СК 7297 (кроме ГПИБ).

299. Торжество Казанскаго общества любителей отечественной словесности 12 декабря 1814 года.— [Казань, 1815].— Поленов 18, 12 («Отпечатано особо и составляет начало 1 книжки трудов сего Общества»).— Смирдин 6496.

300. То же.— Казань, Унив. тип., 1815. 108 с. 8°.— Поленов 69, 16 («Торжество происходило по случаю преобразования Общества и утверждения устава его, который тут же и напечатан. Кроме того помещен список членов общества с показанием их званий и чинов и историческое обозрение его»).

301. Торжествующий глас России при всерадостном возшествии на всероссийский престол е. и. в. ... Александра Павловича. 1801 года мар-

та 12 дня. Во изъявление всеподданнейших чувствий имп. Московский университет с глубочайшим благоговением приносит.— М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, [1801]. 26 с. 4°.— Поленов 41, 17 («Заключает три пиесы: два стихотворения профессора Павла Сохацкого и бакалавра А. Мерзлякова» (чернила), «3-я была вырвана в том экземпляре, который находился у меня» (карандаш)).

302. **Троепольский, Т.** Надписи в стихах к просекам, дорогам и храмам в англинском саду его светлости князя Александра Борисовича Куракина, в вотчине его, в селе Надеждине, Саратовского наместничества в Сердобской округе ... Изд. 2-е с прибавлением против 1-го.— М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1796. 28 с. 4°.— Виньетки.— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 33.— Пометы: отчеркнут текст № 10 (с. 21); в тексте № 20 (с. 26) в стихе «Мы забываем все — лишь числим утешенья!» под словом «числим» рукою Державина написано «вкусим».— СК 7379 (РГБ; РНБ; ГПИБ).

303. **Трошинский, Дмитрий Прокофьевич (1749–1829).** Мнение министра юстиции по части составления законов в Российской империи.— [СПб., 1815]. 66 с. 8°.— Поленов 17, 8 («Представлено в Государственном совете 27 января 1815 по случаю рассмотрения в оном проекта гражданского Уложения, сочиненного комиссиею составления законов. Этот проект подвергнулся сильному осуждению.— В одном месте (с. 57) Трошинский пишет, что проект гражданского Уложения есть испорченный перевод Наполеонова кодекса»).

304. **Турчанинова, Анна Александровна.** Натуральная этика, или Законы нравственности от созерцания природы непосредственно происходящие. Пер. с лат. Анны Турчаниновой.— СПб., 1803. 13 с. 8°.— В конце текста указан переводчик.— Грот 26 (Державин 8). Аллигат 2.

305. — Отрывки из сочинений. СПб., 1803. 32 с.— Грот 26 (Державин 8). Аллигат 4.

306. **Урусова, Екатерина Сергеевна (1747—после 1798).** Пастушка и эхо. [Отдельный оттиск из журнала «Новости. Ежемесячное издание». 1799. Кн. 4.— СПб., тип. Мед. комиссии. С. 323].— Грот 25 (Державин 13). Аллигат 11.— Отчет 70, 3.

307. — Полион, или Просветившийся нелюдим, поэма.— СПб., [печ. при Артиллер. и инж. шляхетн. кадет. корпусе, И. К. Шнором]. 1774. 64 с. 4°.— На стр. 57–64: «Письмо Петру Дмитриевичу Ерапкипу [!], сочинено в Москве».— Виньетки.— Текст в рамке.— Поленов 73, [3].— СК 7544 (кроме МГУ).

308. — Сердечныя чувства благодарности изливаемые пред престолом е. и. в. Павла Перваго.— СПб., тип. И. К. Шнора, 1798. [4] с. 4°. Заставка.— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 48.— Отчет 53, 23.— СК 7545 (БАН; РНБ).

309. — Стихи е. и. в. государыне императрице Марии Феодоровне.— М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, 1801. 4 с. 4°.— Поленов 44, 27 («княжны Катерины Урусовой»).— Сопиков 11505.

310. — Стихи на день высочайшаго коронования и святейшаго миропомазания государя императора Александра Перваго.— М.,

Унив. тип., у Хр. Клаудия, 1801. 4 с. 4.— Заставка.— Поленов 45, 27 («княжны Катерины Урусовой»).— Сопиков 11523.

311. Устав Казанского общества любителей отечественной словесности.— Казань, Унив. тип., 1814. 14 с. 8.— Подписано гр. А. Разумовским и утверждено комитетом министров 2 июля 1814.— Поленов 18, 10.— Смирдин 1915.

312. Учреждение для воспитания бедных девиц от Харьковского общества благотворения.— Харьков, Унив. тип., б. г. 14 с. 8°.— Поленов 17, 5.

313. **Федоров, Борис Михайлович (1794–1875)**. День рождения императрицы Марии и воспоминания о Павловске. Поэма ... Посвящается россиянам. Октября 14 дня 1815 года.— СПб., Имп. тип., 1815. 28 с. 4°.— Виньетка (с. 24).— Грот 31 (Державин 18). Аллигат 9.— Смирдин 8237.

314. **Феоктист (Мочульский, Иван, 1732–1819)**. Слово о примирении с Богом, с совестью и с ближними. По последовании примирения штаб-офицера с женою, Белогородской епархии, в приходской жены его церкви, в воскресный день 7 сентября 1796 года при собрании разного звания людей, по совершении божественной литургии ... произнесенное.— [М., 1796]. 7 с. 4°.— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 20.— СК 7729 (РНБ).

315. **Феофил (Раев, ум. 1811)**. Слово при высочайшем дворе ... государыни Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския в присутствии их императорских высочеств сказыванное в день рождения ... великой княгини Марии Феодоровны ... Октября 14 дня 1780 года.— [СПб.], тип. Имп. Сухопутн. шляхетн. кадет. корпуса, [1780]. 10 с. 4°.— Заставка.— СК 7747.— Грот 33 (Державин 17). Аллигат 5.

316. **Феофилакт (Русанов, Федор Гаврилович, 1765–1821)**. Слово на Великий Пяток говоренное в с[оборной] корпусной церкви ... 1798 года марта 26 дня. СПб., [тип. Сухопутн. кадет. корпуса, 1798]. 11 с. 4°.— Виньетка (концовка).— СК 7761.— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 43а.

317.— Слово на высокотожественный день рождения... великого князя Константина Павловича говоренное в с[оборной] корпусной церкви ... — СПб., [тип. Сухопутн. кадет. корпуса], б. г. 12 с. 4°.— Напечатано между 1796 и 1798 г. в бытность автора учителем Сухопутного и Артиллерийского корпусов и архимандритом Троице-Сергиевой пустыни.— Виньетки (с. 5, 12).— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 43.— Отчет 53, 19.— СК 7762.

318.— Слово на погребение его высокопревосходительства Петра Ивановича Мелисина от артиллерии генерала, оной инспектора, государственной военной коллегии члена, Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса директора, и орден российских ... кавалера.— СПб., тип. Синода, 1798. [2], 10 с. 4°.— В конце текста: «Говорено Сергиевой пустыни, что по Петергофской дороге, архимандритом, и Артиллерийского шляхетного кадетского корпуса в законе божии учителем Феофилактом, в Александроневском монастыре. 1797, декабря 29 дня».— Заставка.— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 40.— СК 7763.

319. **Филарет (Амфитеатров, Федор Георгиевич, 1779–1857)**. Слово в день Вознесения Господня, говоренное в церкви Живоначальныя Тро-

ицы, что в доме господина синодального оберпрокурора князя Александра Николаевича Голицына ... мая 7 дня 1814 года.— СПб., тип. Синода, [1814]. 15 с. 8°.— Заставка.— Поленов 11, 23.— Смирдин 515.

320. **Филарет (Дроздов, Василий Михайлович, 1783–1867)**. Беседа в Великий Пяток, из слов Пророка Исаии LVII, 1, говоренная в Александро-Невской Лавре ... 1815 года.— СПб., тип. Синода, [1815]. 20 с. 8°.— Поленов 14, 31.— Смирдин 425.

321.— Беседа из псалма LXXXIII, по освящении храма Пресвятыя Богородицы, в память явления всецелстныя иконы ея Казанския, устроеннаго в доме его сиятельства, графа Виктора Павловича Кочубей, говоренная ... ноября 13 дня 1814 года.— СПб., тип. Синода, 1814. 16 с. 8°.— Поленов 12, 26.— Смирдин 426.

322.— Обзорение богословских наук в отношении к преподаванию их в вышших Духовных училищах. Напечатано по определению комиссии духовных училищ.— [СПб.], тип. И. Иоаннесова, 1814. 56 с. 8°.— Поленов 62, 40.

323.— Опыт изъяснения псалма LXVII из уроков Санкт-Петербургской Духовной академии.— СПб., тип. Синода, 1814. 2, 4, 42 с. 8°.— В конце предисл.: Д. А. р. (Духовной Академии ректор).— Поленов 62, 42 («Это псалом: Да восстанет Бог, и да расточатся врази его...»).

324.— Слово в день Благовещения говоренное в Александроневской лавре ... 1810 года.— СПб., тип. Синода, 1810. 11 с. 4°.— Заставка.— Грот 24 (Державин 39). Аллигат 25.— Отчет 62, 4.

325.— Слово на второй день праздника Рождества Христова, говоренное в придворной церкви, в присутствии е. и. в. благочестивейшия государыни императрицы Марии Феодоровны и их императорских высочеств ... 1814 года.— СПб., тип. Синода, 1814. 22 с. 8°.— Поленов 14, 30.

326.— Слово на день Введения во храм пресвятыя Богородицы, говоренное в церкви живоначальной Троицы, что в доме его сиятельства кн. Александра Николаевича Голицына ... ноября 21 дня 1814 года.— СПб., тип. Синода, 1814. 19 с. 8°.— Поленов 12, 25.

327.— Слово на день сошествия святаго Духа, говоренное в церкви живоначальной Троицы, что в доме господина синодального оберпрокурора князя Александра Николаевича Голицына ... мая 18 дня 1814 года.— СПб., тип. Синода, 1814. 19 с. 8°.— Заставка.— Поленов 12, 24.

328. **Флавиан (ок. 309–404)**. Речь Флавиана патриарха Антиохийскаго к греческому императору Феодосию, просительная о помиловании города Антиохии. [Пер. Александр Мусин-Пушкин].— М., Губ. тип., у А. Решетникова, [1804]. 16 с. 8°.— В конце текста указан переводчик.— Грот 26 (Державин 8). Аллигат 3.— Петров 2059.

329.— Речь Флавиана патриарха Антиохийскаго к греческому императору Феодосию, просительная о помиловании города Антиохии с присовокуплением жизни переводчика. Пер. Александр

Мусин-Пушкин.— М., тип. Н. С. Всеволожского, 1813. 13 с. 8°. — Поленов 56, 23.

330. **Флавиан (Ласкин, Федор Петрович)**. Слово при всерадостном всенародном молебствии в Санкт-Петербурге в Казанском соборе декабря 3-го дня 1805 года о здравии е. и. в. по случаю высочайшего и отеческого его к жителям Санктпетербургским рескрипта... — СПб., тип. Синода, [1805]. 6 с. 4°. — Заставка. — Поленов 7, 13; 9, 19. — Грот 27 (Державин 34). Аллигат 62.

331.— Слово при случае приведения к присяге новоизбранных судей в Санктпетербургской губернии, говоренное в соборной святого Николая церкви, что в Морской ... генваря 18 дня 1805 года. — СПб., тип. Синода, 1805. 6 с. 2°. — Заставка. — Поленов 6, 11. — Грот 27 (Державин 34). Аллигат 59.

332. **Формей, Жан Анри (1711–1797)**. Опыт о совершенстве. Из Формея. — СПб., тип. Синода, 1805. 4, 92 с. 8°. — Поленов 63, 45. — Петров 1692.

333. **Хвостов, Дмитрий Иванович (1757–1835)**. Александр I в Париже Апреля 16 дня 1814 года. — СПб., Морская тип., 1814. [3], 12 с. 4°. — Текст парал. на рус. и фр. яз. — Грот 30 (Державин 9). Аллигат 9. — Пометы: «Его высокопр. Гавриле Романовичу Державину» (карандаш). — Петров 2606.

334.— Благодарствие Европы, Александру Первому и Отечеству 1815 года декабря 12 дня посвящает граф Хвостов. — СПб., тип. И. Иоаннесова, 1815. 12 с. 4°. — Грот 31 (Державин 18). Аллигат 4.

335.— Василью Алексеичу Олешеву. В селе его Ермолове, 1813 года марта 25 дня. — СПб., Имп. тип., 1813. [2] с. 4°. — Грот 30 (Державин 9). Аллигат 16.

336.— На вторичное вступление сынов Европы в Париж после победы при местечке, Прекрасный союз, называемом... — СПб., тип. И. Иоаннесова, 1815. 8, [4] с. 4°. — Грот 31 (Державин 18). Аллигат 5. — Петров 2610.

337.— Нева. [Стихотворение] 1807 года. Апреля дня. — Б. м., б. г. 4 с. 8°. — Грот 29 (Державин 35). Аллигат 6. Автор установлен по источнику: Хвостов Д. И. Лирические творения. — СПб., 1810. С. 65–68. — Поленов 55, 16.

338.— Ода Безначалие. — М., [тип. Платона Бекетова, 1804]. 4 с. 4°. — Поленов 54, 14. — Петров 2617.

339.— Ода е. и. в. Александру Первому, на рождение ея императорскаго высочества великой княжны Елизаветы Александровны. — М., Univ. тип., 1806. 8 с. 4°. — Виньетки (тит. л., с. 3, 8). — Поленов 47, 35. — Грот 29 (Державин 35). Аллигат 28. — Петров 2616.

340.— Ода е. и. в. ... Павлу Петровичу. Подносит в возблагодарение за милость всеподданнейший Дмитрий Хвостов. — СПб., [тип. Акад. наук], 1796. 7 с. 4. — Поленов 30, [3]. — СК 7946 (БАН; РГБ).

341.— Ода на случай войны и побед, 1805 года, читанная на публичном акте в Университетском благородном пансионе Декабря

23 дня 1805 года.— М., Унив. тип., 1805. 6 с. 4°.— Поленов 48, 38.— Грот 27 (Державин 34). Аллигат 8.— Петров 2625.

342.— Письмо к приятелю ... О пользе словесности.— Б. м., б. г. 7 с. 4°.— Грот 24 (Державин 39). Аллигат 7.

343.— Поэма, притчи... — М., тип. Дубровина и Мерзлякова, 1807. 29 с. 8°.— Поленов 68, 11 («Поэма заключается на 18 с., остальные наполнены примечаниями»).— ИРЛИ РАН: 44.116.— Обложка из «мраморной» бумаги серо-голубых тонов.— Пометы: «От Кобеко 25 нояб. 1870» (форз., карандаш).— Петров 2635.

344.— Стихи государю императору, на взятие крепости Бретчио у французов.— [СПб., 1799]. [3] с. 4°.— Без тит. л.— Грот 25 (Державин 13). Аллигат 6; (там же. Аллигат 36 — рукописный текст); Отчет 70, 1.— Пометы: «Дмитрий Хвостов» (с. 3, почерк Державина).— СК 7948 (РНБ).

345.— Хор для польскаго на случай присутствия е. и. в. и их императорских высочеств государей великих князей, великих княгинь, и великих княжен, и знаменитых гостей гр. Гаги и гр. Вазы, в доме его высокопревосходительства Льва Александровича Нарышкина, что на Мойке. 1796 года августа 23 дня.— [СПб., 1796]. [4] с. 4°. Музыка О. Козловскаго.— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 19; Отчет 51, 10.— СК 7951 (РНБ).

346. **Хвостова Александра Петровна (урожд. Хераскова, 1767–1853).** Письма христианки, тоскующей по горнем своем отечестве к двум друзьям ея, мужу и жене.— СПб., Морская тип., 1815. [2], II, 44 с. 12°.— Поленов 63, 44.— Петров 1806.

347. **Херасков, Михаил Матвеевич (1733–1807).** Ода е. и. в. ... Александру Первому самодержцу всероссийскому на всерадостное его прибытие в Москву ради священнаго миропомазания 1801 года в сентябре месяце.— М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, [1801]. 10 с. 4°.— Поленов 36, 4.— Сопиков 7055.

348.— Ода... Екатерине Второй, поднесенная по случаю присоединения от Речи Посполитой-Польской к Российской империи областей, и на всерадостное обручение его императорского высочества великаго князя Александра Павловича с великой княгиней Елисаветою Алексеевною. 1793 года, мая дня.— М., Унив. тип., у В. Окоорокова, 1793. 10 с. 4°.— Поленов 22, 8.— СК 7999.

349.— Ода... Павлу Петровичу... на день всерадостнаго его прибытия в Москву для священнаго миропомазания, поднесенная в Петровском подъездном дворце 1797 года, марта дня.— М., Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, [1797]. 8 с. 8°.— Поленов 32, [1].— СК 8008.

350.— Ода е. и. в. ... Павлу Петровичу, на его достопамятныя дела, купно и на обручение... великой княгини Александры Павловны с ... эрц-герцогом австрийским Иосифом палатином Венгерским. Подносит Московский университет 1799 года февраля 20 дня.— [М., Унив. тип., 1799]. 8 с. 4°.— Виньетки (заставка, концовка).— СК 8009 (РНБ).— Грот 25 (Державин 13). Аллигат 58.—

Отчет 70, 6.— Пометы: «Его превосходительству Гавриле Романовичу Державину» (тит. л., автограф М. М. Хераскова).— СК 8008.

351.— Ода е. и. в. ... Павлу Первому ... поднесенная при его всерадостном вступлении на прародительский престол от Московского университета 1796 года, ноября 12 дня.— М., Univ. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, [1796]. 8 с. 4°.— Поленов 29, [1].— СК 8007.

352.— Ода победоносному российскому войску е. и. в. самодержца всероссийского Александра Перваго, 1805 года в декабре месяце поднесенная.— [М., Univ. тип., у Хр. Клаудия, 1805]. 8 с. 4°. Заставка.— Поленов 48, 39.— Грот 24 (Державин 39). Аллигат 4.— Отчет 77, 2; 62, 2.

353.— Песнь е. и. в., всемилостивейшему государю Павлу Петровичу... во изъявление всеподданнической благодарности за полученную высочайшую милость посвящает.— [М., Univ. тип., 1797]. 7 с. 4°.— Поленов 29, [2].— СК 8013 (один из экземпляров БАН с автографом: «Гавриилу Романовичу Державину от автора»).

354.— Поэт.— [М., Univ. тип., у Хр. Клаудия, 1805]. 14 с. 8°.— Виньетки.— Поленов 52, 9 («Сочинение Хераскова, заключает в себе наставление поэтам и, кажется, писано в подражание Горациевой *Ars poetica* или Буало *L'art poétique*»).— Грот 27 (Державин 34). Аллигат 9.— Пометы: «Его превосходительству Г. Р. Державину от автора» (тит. л.).

355.— Российскому воинству на победы в начале 1807 года.— [М., 1807]. 4 с. 4°.— Без тит. л.— В конце текста авт.: М. Х[ерасков].— Поленов 48, 43.— Грот 29 (Державин 35). Аллигат 22.— Отчет 91, 3.— Пометы: «Гавриилу Романовичу» (с. 1, почерк М. Хераскова).

356.— Хождение перед Богом, или Жизнь брата Лазаря... Пер. с нем.— СПб., тип. Имп. Акад. наук, 1801 (?). 135 с. 12°.— Поленов 74, [2].— Смирдин 1005.

357.— Хор, петый в театре камер-юнкера Демидова мая 11 дня.— Б. м., б. г. 2 с.— Без тит. л.— Начало: «Кто, Россию защищая, в поле Марсовом блистал...».— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 26.— Отчет 55, 12.

358. **Храповицкий, Александр Васильевич (1749–1801)**. Ода ... императору Павлу Петровичу... на всевожденное вступление е. и. в. на прародительский наследственный императорский всероссийский престол ... — СПб., тип. Гос. мед. коллегии, 1796. 9 с. 4°. Грот 22 (Державин 15). Аллигат 31.— Поленов 29, [5].— СК 8063 (кроме МГУ).

359. **Храповицкий, Михаил Васильевич (1758–1819)**. Весна. Ода на всерадостное вступление на престол государя императора Александра Перваго.— СПб., Имп. тип., 1801. [12] с. 4°.— Поленов 46, 32.

360. **Цветковский, Самсон**. Стихи его высокопревосходительству господину тайному советнику сенатору и орденов ... кавалеру Гавриле Романовичу Державину. На прибытие в Белорусский город Витебск, от Витебского Главного народного училища.— Витебск. Печатано в тип.

Белорусск. Приказа обществ. призрения, 1799 года июня 30 дня. [4] с. 1°. — Грот 25 (Державин 13). Аллигат 69. — Пометы: «Соч.: Сампсон Цветковский» (с. [4], почерк Державина). — Отчет 72, 12.

361. **Цветницкий, Николай.** Слово в день Рождества Божия матере сочиненное нижегородским священником Николаем Цветницким для сказывания в тамошней храмовой церкви 1812 года, — когда еще жителям того города не известно было о взятии Москвы, а только о приближении к оной неприятеля. — СПб., тип. Синода, 1813. 2, 8 с. 4°. — Заставка. — Грот 30 (Державин 9). Аллигат 12.

362. **Челищев.** Благотворный мой избавитель. — Б. м., [1794]. [2] с. 2°. — Виньетки. — Поленов 28, 27 («Стихотворение в честь Дмитрию Прокофьевичу Трощинскому, с его акrostихом...»). — Грот 23 (Державин 38). Аллигат 35. — Пометы: «Челищев — Трощинскому» (с. 1, почерк Державина). — Отчет 59, 3.

363. **Чернявский, Родион.** Его светлости канцлеру князю Александру Андреевичу Безбородку. Расформированных Екатеринославских казацких войск сотник Родион Чернявский. — СПб., 1797. [4], с. 4°. — Ода «Приверженность». — Грот 22 (Державин 15). Аллигат 49. — Отчет 53, 24. — СК 8149.

364. — Песнь харьковского народа на день коронования ... императора Павла Петровича, самодержца всероссийского ... и ... императрицы Марии Феодоровны. В[ойск] к[азацких] с[отник]. Род. Чернявский. — [Харьков], тип. Слободского украинского приказа обществ. призрения, [1796]. [4] с. 2°. — Поленов 33, [3]. — СК 8151.

365. Чин действия каким образом совершилось всевысочайшее е. и. в. коронование, по церковному чиноположению ... 1796 года апреля 5 дня. — Б. м., [1796]. 20, 1 с. — Напечатано кириллицей. — Грот 22 (Державин 15). Аллигат 34.

366. Чувствования Россиянина, писанные в Санкт-Петербурге 1806 года. — СПб., Имп. тип., 1807. 15 с. 8°. — Поленов 65, 1 («В прозе, содержит излияние ненависти против французов»). — Смирдин 6291.

367. **Шаликов, Петр Иванович (1767/1768–1852).** Ода на прибытие е. и. в. Павла Первого ... в первопрестольный град Москву, марта дня, 1797 года. — М., Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, [1797]. 8 с. 4°. — Поленов 32, [4]. — СК 8205.

368. **Шелехов, Александр.** Ода е. и. в. Александру Первому на день высокаторжественнаго коронования в первопрестольном граде Москве. — М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, 1801. 9 с. 4°. — Поленов 37, 7.

369. — Стихи е. и. в. Александру Первому, самодержцу всероссийскому на прибытие в Москву. — М., Унив. тип., у Хр. Клаудия, 1801. 6 с. 4°. — Поленов 37, 8.

370. **Шихматов, Сергей Александрович (1783–1837).** На спуск кораблей. Памяти Евстафия и Трех святителей. 1810 года, сентября 30 дня. — Б. м., б. г. 3 с. 8°. — Без тит. л. — Поленов 60, 33.

371. — Ночь на гробах. Подражание Юнгу... — СПб., тип. Ф. Дрехслера, 1812. 66 с. 8°. — Поленов 68, 7. Пометы: «На обертке напечатано то же заглавие с прибавлением, что это сочинение издано оною Беседою». — Сопиков 6884; Смирдин 7997.

372. — Ночь на размышление... — СПб., тип. Акад. наук, 1814. 49 с. 8°. — Поленов 59, 29. — Смирдин 8216.

373. — Песнь Российскому слову. Сочинение прочитал в Императорской Российской Академии наук член оной кн. Сергей Шихматов, по случаю принятия его в члены оной Академии. — СПб., Имп. тип., 1809. 24 с. 8°. — Поленов 67, 6. — Сопиков 9369; Смирдин 7964.

374. — Послание к любезному моему брату кн. Михаилу Александровичу 1810 год, месяц серпень. — СПб., Морская тип., 1810. 29 с. 8°. — Поленов 60, 32.

375. — Приглашение друзей на вечернюю беседу 1809 года Декабря 8 дня. — СПб., Морская тип., 1810. 9 с. 8°. Без тит. л. — Поленов 60, 34.

376. **Шишков, Александр Семенович (1754–1841).** — Примечание на первую главу проекта Гражданского уложения. — Б. м., б. г. 48 с. 8°. — Без тит. л. — Поленов 18, 9 («В начале помещена выписка из Наказа. Писаны А. С. Шишковым по тому же случаю, как и мнение Трошинского. После рассмотрения недостатков 1 главы, Шишков излагает, каким образом она должна быть составлена. И в этих примечаниях Шишков остался верен самому себе: в окончании он разбирает слово гражданин в филологическом отношении. В самом рассмотрении есть указание на неправильности грамматические и синтаксические»).

377. — Речь о искусстве мореплавания сочиненная и читанная ... в первое по ученой части заседание Адмиралтейского департамента. 1805 году августа 18 дня. — [СПб., 1805]. 24 с. 8°. — Без тит. л. — Поленов 19, 13. — Сопиков 10082; Смирдин 4208.

378. Эпистола его высокопреподобию Софрониевой и Григориевой пустыни господину отцу архимандриту Феодосию Маслову. От монашествующих одной из вышеписанных пустынь. 1793 года. — Б. м., б. г. 3 с. 4°. — Орнаментальные украшения. — Грот 22 (Державин 15). Аллигат 1.

379. **Язвицкий, Николай Иванович (1782–)**. Историческое похвальное слово Суворову или Лавры генералиссимуса, князь Итальяскаго и графа Рымникскаго. — СПб., Имп. Акад. наук, 1810. 88 с. 8°. — Автор указан в конце посвящения. — Поленов 73, 28. — Сопиков 10847; Смирдин 6530.

380. — Механизм для стопосложения российского стихотворства, изданный для воспитанников Санкт-Петербургской губернской гимназии. — СПб., тип. Ф. Дрехслера, 1810. 89 с. 8°. — Поленов 67, 3. — Петров 2819.

380. — Механизм для стопосложения российского стихотворства, изданный для воспитанников Санкт-Петербургской губернской гимназии. — СПб., тип. Ф. Дрехслера, 1810. 89 с. 8°. — Поленов 67, 3. — Петров 2819.

381. **Яковлев, Алексей Семенович (1773–1817)**. Ода на высокотожественный день коронавания... императора Павла Петровича... С благоговением приносимая придворнаго театра актером Алексеем Яковлевым. — СПб., [тип. Губ. Правления], 1797. X с. 4°. — Поленов 33, [2]. — СК 8759 (БАН; РНБ; ГПИБ).

382. Ясницкий, Дмитрий. Ода е. и. в. великой государыне Екатерине Алексеевне ... на взятие турецкаго города Анапы российским воинством, под предводительством генерал-аншефа и разных орденов кавалера Ивана Васильевича Гудовича, 1791 года, июня 22 дня.— М., Унив. тип., у В. Огорокова, 1793. I—VIII, 9—20 с. 4°.— На с. VIII указан автор.— На с. III—VIII: «Письмо его высокопревосх. ... Ивану Васильевичу Гудовичу, на возвращение из похода по взятии турецкаго города Анапы, 1791 года, октября 12 дня в Ставрополе».— Поленов 23, 9.— СК 8796 (ГПИБ).

КНИГИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

383. Arien und Gesänge aus dem Sonnenfest der Braminen heroisch comische Oper in Aufzügen.— St.-Petersburg, gedruckt in den Türkischen Buchdruckereien, 1803. 22 S.— Грот 26 (Державин 8). Аллигат 8.

384. Augustissimo ac Potentissimo Alexandro I imperatori et autocratori totius Rossiae. De innumeris Hostium Copiis Triumphatori Magno Regum Regnorumque Pacificatori Magnanimo Fundatori suo clementissimo. Academia polocensis societatis Jesu D. D. D. Polocia, permissu Censuare Typis Academicis Soc: Jesu. Anno 1814. I. Julii. 74 p. 4°.— Виньетки.— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 48.

385. Epistel eines Braminen an den Zarewitsch Clor, und Hymne an die Sonne. Aus dem Russischen des Herrn von Derschawin.— Б. м., б. г. [8] S. 8°.— В конце текста указан переводчик: P. von Friccius, Vicepräsident des Reichs-Justiz-Collegiums.— Грот 27 (Державин 34). Аллигат 5; Отчет 79, 9.

386. Exercice Littéraire de messieurs les Elèves de l'institut des Pères-Jésuites.— St.-Petersbourg, le 21—23 mai, 1814. 4 p. 4°.— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 50.

387. Exercice Littéraire de M. M. Les Elèves de l'institut des Pères-Jésuites.— St.-Petersbourg, imprimé chez Alexandre Pluchart et Comp., le 20—21 mai, 1813. 4 p. 4°.— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 51.

388. Exercice de Philosophi et de Mathématiques.— St.-Petersbourg, imprimé chez Alexandre Pluchart et Comp., 1813. 20 p. 4°.— Грот 30 (Державин 9). Аллигат 49.

389. Reden zur Eröffnung der Statthalterschaft in Russland.— Mitau: Gedruckt bey F. F. Steffenhagen, [1796]. 24 S.— Грот 22 (Державин 15). Аллигат 7.

390. Sermon Prononcé par L'évêque Ambroise le jour du vendredi — fait dans Eglise Cathédrale de l'Assomption à Toula, le 22 Avril, 1804. Traduit en Français par le professeur Goderov, membre de diverses Sociétés littéraires de Paris, gouverneur des enfants de Monsieur Touhatchevsky.— Moscou, chez Cary et Comp., 1805. 14 p. 4°.— Виньетки.— Грот 27 (Державин 34). Аллигат 48.

391. Wiersz na okoliczność przysięgi ludów obwodu białostockiego na wierność najpotężniejszemu i najlepszemu pany imperatorowi wszec Rossyi Alexandrowi Pawlowczowi w Dzień uroczysty narodzin monarchy dnia 12/24 miesiaca grudnia.— W Dilymstoku. 1807. [7] p.— Грот 29 (Державин 35). Аллигат 34.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ПЕРЕВОДЧИКОВ

Анастасий (Братановский-Романенко А. С.)	19
Волков А. А.	94
Галинковский Я. А.	229
Дмитриев А. И.	167
Карамзин Н. М.	270
Лабзин А. Ф.	68
Лебедев Г. С.	30
Лопухин И. В.	294
Магницкий М. Л.	286
Сиряков И.	41
Турчанинова А. А.	304
Шихматов С. А.	244
Шишков А. С.	18
Friccius P.	385
Goderov	390

Л. В. РАССКАЗОВА

ДУХОВНЫЙ МИКРОКОСМ РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЛИЧНОСТЬ А. Н. РАДИЩЕВА

Постоянная и тесная связь А. Н. Радищева с провинциальной дворянской усадьбой: детство, проведенное в Немцове и Верхнем Аблязове, неоднократные приезды в Верхнее Аблязово, длительное проживание в Немцове делают излишними доказательства правомерности постановки заявленной темы. Однако нас интересует не отражение событий и действующих лиц усадебной жизни в биографии и творчестве писателя. Мы обратимся к духовному аспекту взаимосвязи писателя и обстановки его детства и зрелости.

Необходимо пояснить наше понимание духовного микрокосма русской провинциальной дворянской усадьбы.¹ Она является «определенной» моделью миропонимания своего владельца-дворянина, диктующей свои формы поведения. Между хозяином и усадьбой существует двусторонняя связь: как владелец определяет, обустроивает культурно-пространственную среду своей усадьбы, так и усадебный комплекс (архитектура господского дома, усадебной церкви и хозяйственных построек, наличие и планировка садов и парков, организация структур повседневности) и выраженный в нем духовный микрокосм оказывают влияние на живущих здесь людей. Духовная сущность усадьбы может представлять в разнообразных воплощениях: предметно-пространственном (здания, сады, планировка, бытовые предметы), социокультурном (взаимоотношения господ и дворовых, разных поколений семьи владельца и т. п.), вербально-художественном (произведения литературы, музыки, живописи, созданные в усадьбе). В этом случае творчество писателя может рассматриваться как одно из проявлений заложенной в усадьбе духовной сущности, духовного микрокосма. В таком аспекте мы и попытаемся рассмотреть влияние усадьбы на личность и творчество А. Н. Радищева.

Непосредственно помещичьей усадьбе посвящена работа писателя «Описание моего владения» (1801). Однако, справедливо замечает оста-

¹ См. *Рассказова Л. В.* Русская провинциальная среднедворянская усадьба как социокультурный феномен (на примере усадеб Пензенского края) Автореф. дис. канд. культурологии. Н. Новгород, 1999

вивший подробное исследование этого труда П. Г. Любомиров: «Уже данное заглавие намеренным перечнем разных возможных названий объекта „Описания“ (поместья, вотчины, деревни.— *Р Л*) и еще более прибавкой „или назови как хочешь“ заставляет думать, что замысел автора имел в виду не индивидуальное описание „своего“ имения, а типическую картину помещичьей деревни».² Он делает заключение: «Под нейтральным заглавием „Описание моего владения“ Радищев задумал <...> серьезную экономическую работу».³ И именно поэтому она находится вне темы нашего исследования.

Основное произведение, которому будет посвящена наша работа,— «Повесть о Филарете Милостивом» (1790), ибо ее действие происходит в усадьбе. Надо заметить, это произведение сравнительно мало привлекало внимание исследователей. Я. Л. Барсков убедительно доказал биографическую основу повести и использовал ее для реконструкции биографии писателя.⁴ В обстоятельной монографии Г. П. Макогоненко «Радищев и его время» имеется лишь отсылка к работе Я. Л. Барскова.⁵ Об обстановке греческого селения, «сходной с аблязовским имением», и образах родителей писателя, похожих на родителей Филарета, пишет в примечаниях к публикации повести в «Полном собрании сочинений» Радищева и А. В. Западов.⁶ Полагаем, отражение феномена усадьбы глубже, не только в конкретике образов и положений, фактов и событий.

Еще Я. Л. Барсков правильно заметил: «Деревня вскормила, вспоила Радищева и навсегда осталась ближе, милей его сердцу, чем город».⁷ Такой индивидуальной личностной ориентации Радищева способствовали сформировавшиеся в эпоху Просвещения общественные установки, закрепившие за городом и деревней разную мифологию. В общественном сознании город ассоциировался с долгом, службой, учебой, гражданской деятельностью. Усадьба же осознавалась как место чувствований, частной жизни, семьи, проявления индивидуальности и свободы владельца. Усадьба формируется и осознается как бы срединным явлением, объединенным с городом по признаку культуры и объединенным с деревней по признаку близости к природе, естественной жизни. Исследователь делает вывод о том, что «и город, и усадьба формируют соответствующую модель личности» в сознании современника: деревня — нравственно здорового, независимого в своем поведении, окруженного любящей семьей человека; город — испорченного пороками цивилизации, хотя и культур-

² Любомиров П. Г. Описание моего владения // А. Н. Радищев. Материалы и исследование. М., Л., 1936. С. 198.

³ Там же. С. 200.

⁴ Барсков Я. Л. А. Н. Радищев. Жизнь и личность // Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. М., Л., 1935. С. 17–170.

⁵ Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956. С. 506.

⁶ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. В 3 т. М., Л., 1938–1952. Т. 1. С. 496–501. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте в скобках с указанием тома римскими цифрами и страницы арабскими. См также Травников С. Н. Традиции агнографической литературы в повестях А. Н. Радищева // Литература Древней Руси. М., 1978. С. 74–84. Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994. С. 237–242.

⁷ Барсков Я. Л. Указ. соч. С. 21.

ного, просвещенного, зависимого от служебной карьеры, прихотей начальника и общественного мнения, не свободного в поведении и проявлении чувств. Я. Л. Барсков резюмирует: «Итак, усадьбу окружал ореол душевного и физического благоденствия, устойчивого бытования, безопасности в самом широком смысле слова. Особенно отчетливо, и, конечно, в розовом свете, это рисовалось при взгляде из города».⁸ Радищеву в полной мере было свойственно такое мировосприятие, что ярко проявляется в речи крестницкого дворянина из «Путешествия из Петербурга в Москву», «alter ego» (Барсков) писателя Радищев указывает, что «несчастной предрассудок дворянского звания» и «пример общий» велит дворянским сыновьям идти в службу. Обращаясь к детям, крестницкий дворянин высказывает свой взгляд на воспитание: «Не ропщите на меня, если будете иногда осмеяны, что не имеете казистого возшества, что стоите, как телу вашему покойнее, а не как обычай или мода велит; что одеваетея не со вкусом, что волосы ваши кудрятся рукою природы, а не чесателя. Не ропщите, если будете небрежены в собраниях, а особливо от женщин, для того, что не умеете хвалить их красоту; но вспомните, что вы бегаєте быстро, что плаваете не утомляясь, что подымаете тяжести без натуги, что умеете водить соху, вскопать гряды, владеете косою и топором, стругом и долотом; умеете ездить верхом, стрелять. Не опечальтесь, что вы скакать не умеете, как скоморохи. <...> Но вы умеете изображать животных и неодушевленных, изображать черты Царя природы, человека. В живописи вы найдете истинное услаждение, не токмо чувств, но и разума. Я вас научил музыке <...> ибо музыка, приводя внутренность в движение, делает мягкосердие в нас привычкою. <...> Не бойтесь сказать никому, что вы корову доить умеете, что щти и кашу сварите, или зажаренный вами кусок мяса будет вкусен. Тот, кто сам умеет что сделать, умеет заставить сделать и будет на погрешности снисходителен, зная все в исполнении трудности».⁹ Далее излагается содержание полученных его сыновьями знаний. Из этой речи видно, что нравственный идеал писателя — личность, сформированная усадебной жизнью. Причем ярко выделяется один из существенных признаков усадьбы — тесная связь с природой, с ее естественными законами. Заметим, что эта трактовка усадебной жизни в духе Руссо вполне укладывается в мифологию эпохи Просвещения.

Полагаем, индивидуально окрашенное, радищевское в этих рассуждениях — мотив ответственности человека за свое бытие. Человек должен полностью уметь содержать себя, ни от кого не зависеть и содержать тех, кто рядом с ним. Это расходится с руссоистско-карамзинским идеалом жизни на лоне природы и пользования ее дарами. Здесь не пользование, а практическая деятельность. В этом сказывается индивидуальная особенность личности писателя. А. Н. Радищев как тип личности, по справедливому утверждению Ю. М. Лотмана, являет собой яркий пример энциклопедиста, охватывающего своими знаниями все области науки в их

⁸ Евангулова О С Город и усадьба второй половины XVIII века глазами современников // Русский город М, 1984 Вып 7 С 186

⁹ Радищев А Н Путешествие из Петербурга в Москву М, Л, 1935 С 169–171 В дальнейшем «Путешествие » с указанием страницы

единстве, соединяющего науку с практикой, политикой и культурой и имеющего постоянное стремление, изучив, переделать мир.¹⁰ Жизнь Радищева полна постоянного практического делания. Даже находясь в Петропавловской крепости, в «Завещании детям», написанном после приговора к смертной казни, он дает чисто практические советы об уплате долгов, содержании дома, продаже недвижимости и т. п. Приехав в Илимск в приготовленный для него дом, он начинает хлопоты о строительстве более удобного, о сенокосах, огороде и проч. В Немцове, после ссылки, он опять же строит дом, занимается улучшением хозяйства и т. п. Он исследует тюнярский чернозем, обжигает гончарную посуду, прививает оспу, не говоря уже о научных занятиях, исторических, этнографических и экономических исследованиях Сибири.

Итак, нравственный идеал писателя — личность, воспитанная в усадьбе, — заявлен уже в «Путешествии». «Повесть о Филарете Милостивом» является логическим и закономерным развитием этих взглядов.

Прежде всего, почему именно житие Филарета Милостивого привлекло Радищева? Память его отмечается 1 декабря, а время заключения писателя в крепости — лето и начало осени. Тогда, как мы знаем, Радищеву разрешалось только духовное чтение, в частности Четьи-Минеи. Сам он в письме С. И. Шешковскому пишет: «Читая житие святого Филарета Милостивого, душа над тем паче прилепилася и вникла в его подвиги, что она соразмернее на подражание нашему слабому сложению» (III, 344). По нашему наблюдению, Филарет Милостивый — единственный начиная с летних месяцев святой, чья жизнь до обретения святости связана с владением хозяйством в сельской местности, т. е. с усадебной жизнью.¹¹ Это редчайший пример в житиях, чьи герои в подавляющем большинстве — священники, бедные проповедники, люди, с детства порвавшие с семьей и оставившие мир, воины, государственные служащие, богатые горожане.

Филарет в интерпретации Радищева — рачительный помещик-просветитель, исправляющий своей деятельностью пороки общественного устройства и конкретных людей. Необходимо заметить, что «золотой век» усадебной жизни в России приходится на конец XVIII века и связан с философией Просвещения. Одной из основополагающих его идей является мысль о творческой свободе человека и как следствие этого возможность устроить мир на основах разумности, сделать общество гармоничнее, совершеннее, руководствуясь рационально понятыми законами природы, естественного мира. Местом претворения этих утопических по своей сути идей становится усадьба. Она являет собой образ жизни и модель бытия, построенную дворянином по собственной воле и разумению. При этом

¹⁰ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII—начало XIX века). СПб., 1994. С. 259.

¹¹ О сословной принадлежности Филарета см.: Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX—X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960. С. 32, 45–46, 64–65 (сноска). Этот вопрос возник среди исследователей, изучавших греческие подлинники «Жития Филарета Милостивого». В его русском переводе, которым пользовался и А. Н. Радищев, появилось упоминание о владении Филарета «селами», что и позволило исследователям, как и писателю, считать его помещиком-землевладельцем.

усадьба, действительно, создает особую среду, далекую от реалий феодального строя и крепостной крестьянской деревни. Это был старательно и сознательно созданный идеальный замкнутый мир.

Задачу писателя в «Повести о Филарете» мы понимаем именно как попытку показать, как можно выстроить в реальности модель поведения и жизни в согласии с Божьими заповедями. «Он силой вдавливал себя в нормы „философской жизни“, — замечает Ю. М. Лотман, — и одновременно силой воли и самовоспитания делал эту „философскую жизнь“ образом и программой жизни реальной».¹² Так и житие Филарета он, по собственным словам, «предложил <...> несколько на образ нынешних мыслей», полагая, что не отступил «от истинного повествования нимало» и мечтая, «что оно может детям <...> быть на пользу» (III, 344). Рассмотрим, как это осуществилось.

Нетрудно заметить, что рисуемые Радищевым идеальные картины в филаретовой усадьбе — это повторение того, чему научил своих сыновей на практике крестичский дворянин. Настойчиво повторяется один и тот же идеал — идеал, определяемый духовным влиянием усадьбы. Радищев, задумываясь над тем, какой совет дать детям на будущую жизнь, своего рода последнее напутствие (ведь он приговорен к смерти и далее не сможет оказывать на детей постоянное благотворное отцовское влияние), пытается соединить надмирное и мирское, представить в реальной жизни православный нравственный идеал. Полагаем, подтверждением, что мысли его развивались именно в этом направлении, служит известный факт заказа писателем тогда же в крепости иконы с надписью: «Блаженны изгнанные правды ради, ибо их есть царствие небесное». Это, безусловно, оправдание себя и попытка объяснить детям внутреннюю логику деятельности отца вопреки благоденствию собственных родных и близких. Несомненно, слова из «Филарета Милостивого» являются его оценкой своей деятельности и оправданием ее печального итога: «Поистине достоин тот к оному (лику праведных. — *Р. Л.*) причтен быть, кто, забывая даже свое благосостояние, старается ежечасно облегчать бедствия себе подобных» (I, 400).

Смысл оригинального жития Филарета Милостивого — утверждение необходимости веры в Божье произволение, в неоставление человека Богом. Житийному Филарету все дает Господь. Поэтому сам Филарет так легко расстается со всем добром. У Радищева Филарет — делатель, устроитель мира. Собственно житийных подвигов благотворения Филарета писатель как раз и не упоминает.¹³ Однако никакого противопоставления житийному Филарету мы не наблюдаем.

Здесь необходимо раскрыть еще одно качество духовного микрокосма усадебной жизни — ее софийность. С точки зрения духовных основ, че-

¹² Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 269.

¹³ Милостивый Филарет раздал все нищим вплоть до последних волов, лошади, так что ему не на ком было пахать, коровы и теленка, так что семье его нечего было есть, и верхней единственной своей одежды и даже меры зерна, отданной ему другом, который узнал о его бедственном состоянии. Когда же он вновь по промыслу Божию стал благополучен, он устраивал у себя обеды для нищих и сам с семьей своей прислуживал им за столом.

ловеческая деятельность содержит два различных вектора, один обращен — к Богу, другой — к миру. «Обращенность к Богу,— формулируют исследователи этого вопроса,— дает непосредственно религиозное творчество — богослужение, храмовое искусство и внутреннее делание, то есть преодоление человеческого естества, дарующее связь с Господом. Обращенность к миру рождает науку, так называемое „светское“ искусство, социально-политическую и хозяйственную общественную практику».¹⁴ Таким образом, софийная природа русской усадьбы обнаруживает стихийную, т. е. не всегда осознаваемую самим владельцем усадьбы, религиозную основу — служение, внутреннее и внешнее домоустройство. Вот это софийное воплощение микрокосма усадьбы и «выслоилось», по нашему мнению, в повести Радищева. Причем в данном случае неважно, осознанно или неосознанно для писателя явилось это «отслоение».

Таким образом, житийный и радищевский Филарет — это явления одной духовной природы, одной ментальности, но разновекторные. Они ни в коей мере не должны и не могут быть противопоставляемы друг другу. Через них выразились разные воплощения (религиозное и мирское, но направленное тоже к Творцу) одной и той же духовной основы человеческого делания, творчества.

Радищев раскрывает в «Повести о Филарете Милостивом» как бы этапы и элементы формирования нравственного идеала, результат которого изложен крестиком дворянином. Необходимо заметить, что среде, формирующей человека с детства, писатель как последователь французских энциклопедистов придает важное, если не определяющее, значение. Ср. в «Повести о Филарете»: «Благому примеру навывкшая душа из детства укоренилась во благоделании» (I, 401). Так, повествуя в «Слове о Ломоносове» («Путешествие из Петербурга в Москву») о детстве русского гения, он не случайно останавливается на обстоятельствах его детства. Ломоносов рожден «от человека, который не мог дать ему воспитания, дабы посредством оного понятие его изострилось и украсилось полезными и приятными знаниями <...>. От воспитания в родительском доме он приял маловажное, но ключ учения, знание читать и писать, а от природы любопытство <...>. Сия тесная округа сведений, кои он мог приобрести на месте рождения своего, не могла усладить жаждущего духа...» (I. 380–381). Радищев как бы сравнивает с эталоном усадебного детства, которое могло дать все необходимое юноше для вступления в жизнь.¹⁵

Самым главным полагает писатель для этого периода жизни человека «начальное образование души», именно души, а не разума, так как разуму потребно время, чтобы «устроить в порядок» много понятий, «собранных посредством чувств» (I, 156). У провинциальной усадебной жизни

¹⁴ Долгополова С., Лаевская Э. Душа и Дом. Русская усадьба как выражение софийной культуры // Наше наследие. 1994. № 29–30. С. 150.

¹⁵ Без сомнения, здесь есть мотив автобиографический, как и в своеобразном лирическом отступлении того же «Слова о Ломоносове»: «...частым чтением церковных книг он основание положил к изящности своего слога; какое чтение он предлагает всем желающим приобрести искусство Российского слова» (I, 382).

есть огромное в этом смысле преимущество — естественная жизнь на лоне природы, способствующая развитию чувств, а не только разума, в близком природном окружении и подчиняясь ее ритмам, в отличие от городской жизни.

С каким же духовным наследством прибывает Филарет в «училище любомудрия и словесности» — Афины? «Из *сельского своего пребывания* (курсив мой. — Л. Р.), в котором он был воспитан, Филарет к жертвеннику любомудрия принес незлобие, благонравие, кротость, навык человеколюбия и правила Христова Евангелия <...> Изустно же (отец его. — Л. Р.) наставлял его заповедям Христовым» (и далее перечисляются все «благенства») (I, 401). Полагаем важным, не выходя из границ нашей темы, указать индивидуальную окраску итогов усадебного воспитания в этом фрагменте биографии Филарета. Этот автобиографический момент был неизвестен нашим предшественникам, предыдущим исследователям творчества писателя, а потому и не отмечен ими. Не просто «изустно» наставлял будущего писателя его отец, а с помощью фресок, украшавших родовую радищевскую церковь в Аблязове. Значение этого факта нельзя недооценивать. Именно не чтение (постижение разумом), а рассматривание сюжетов с пояснениями отца (постижение чувствами) — вот что западало в душу мальчика до отъезда его в Москву и обучения грамоте или параллельно с чтением текстов по книгам. «Сердце во мне обыкло предварять рассудок», — замечает сам о себе Радищев (III, 356). И здесь было первоначальное познание сердцем, а не только разумом. Не случайно поэтому далее замечает писатель о Филарете, что начав усердно учиться, «коль много он удивился нашед, что все ему преподаваемое было уже для него не новое, что все, что другие называли понятие, в нем было то чувство, которое он почитал в себе врожденным <...> Именовали мне Бога, Творца, Вседержителя; я давно уже его ощущал в себе, и душа моя к нему прильпе» (I, 402).¹⁶

Наконец, обратимся к итогу такого воспитания, т. е. расцвету деятельности Филарета, как излагает его Радищев: «Распоряжая своим именем, Филарет купил многие села, земли, устроил сады и дом невеликолепной, но снабженной всем, что к нужде и спокойствию жития нашего потребно. Оставшиеся же деньги отдал в торг купцам тирским и александрийским <...> Плодоносные годы, *доброе хозяйство и рассматрительное земледелие* одаряли его обильнейшими жатвами. Честность, верность и щастие в торгу воздали ему сотичную мзду от употреблений капиталов...» (I, 410). (Курсив наш. — Л. Р.) Здесь нарисована все та же устроенная на основах разумной потребности усадебная жизнь, а не аскетизм, присущий жизни христианских праведников. Ведь житийный Филарет не расчетом приумножает богатства, чтобы отдать их нищим, а неразумно и нерасчетливо, вызывая даже упреки домашних, раздает все вплоть до последней одежды и меры зерна, которые ему самому дали как милостыню. Он разоря-

¹⁶ Вопрос о связи сюжетов фресковой росписи Преображенской церкви в Верхнем Аблязове с жизнью и творчеством писателя рассмотрен в нашей статье в сборнике «Живу в душе друзей моих», который готовит к печати Объединение государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области.

ется на подаянии, уповая на Божью помощь, а не приумножает богатства «рассмотрительным земледелием».

Очевидно, что созданный Радищевым образ определен его просветительскими идеями. Однако для писателя они были лишены абстрактности, умозрительной спекулятивности и были опосредованы конкретным обликом русской провинциальной усадьбы, проявлены через усадебный микрокосм. Таким образом, «Повесть о Филарете Милостивом» — это анализ и осмысление своего жизненного опыта через опыт религиозный, т. е. в новой сфере, но с теми же нравственными ориентирами и идеалами. Он рисует детям вполне реальный, физически осязаемый и выполнимый идеал и пример для жизни. И этот идеал идет из усадебного детства. В повести модель жизни в усадьбе предстает одним из возможных угодных Богу и им вознаграждаемых способов спасения, софийного делания, «соразмерным на подражание нашему слабому сложению». В том, что писателем взят сюжет жития Филарета Милостивого и распространен именно в такой плоскости, мы видим одно из проявлений духовного микрокосма русской провинциальной дворянской усадьбы.

Р. Б. КАЗАКОВ

**ЗАМЕТКА Н. М. КАРАМЗИНА
«О МОСКОВСКОМ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИИ 1802 ГОДА»:
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ**

Несмотря на обширную литературу последних лет, проблема изучения исследовательского метода Н. М. Карамзина остается актуальной. И если о формировании его исторических представлений сейчас написано немало,¹ то о том, как складывались приемы и методы изучения истории Карамзиным, мы знаем далеко не достаточно. «История государства Российского», к созданию которой Карамзин приступил с конца 1803 года, показала читателям уже готового профессионального исследователя-историка, владеющего арсеналом известных к тому времени приемов критики источников русской истории. Свидетельством этому являются 12 томов «Примечаний», сопровождавших 12 томов текста «Истории». Когда же Карамзин успел выработать свою систему методов исторического исследования? где и как она была опробована? совершенствовалась ли она со временем? Эти вопросы еще ждут развернутых ответов, и для поиска их важно обратить внимание на те произведения Карамзина «доисторического» периода, где он демонстрирует и свой интерес к истории вообще и к отечественной в частности, и свое знакомство с источниками русской истории, и собственные результаты их анализа.

Время издания журнала «Вестник Европы» непосредственно предшествует началу сочинения «Истории». Исследователи давно обратили внимание на то, что русской истории в журнале уделено значительное место, что это обнаруживает новые черты в карамзинском творчестве. «В „Вестнике Европы“ (1802–1803) отчетливо проявляется новая тенденция в творчестве Карамзина: предпочтение не мифа, а исторического факта», — отмечала Н. Д. Кочеткова.² Исследования выявили многочисленные источники, использованные Карамзиным в материалах журнала. Среди них летописные произведения, памятники права, сочинения византийских

¹ Среди многих изданий см., напр.: Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII—начало XIX в. Л., 1981. (XVIII век. Сб. 13) и др.

² Кочеткова Н. Д. Формирование исторической концепции Карамзина — писателя и публициста // Проблемы историзма в русской литературе. С. 149.

авторов и др.³ Такое внимание к отечественному прошлому было свойственно русскому сентиментализму, тесно связанному с предшествующей литературной традицией, и особенно проявилось у Карамзина в период издания «Вестника Европы» с его широкой программой «народного воспитания» «Борьба с невежеством, пропаганда научного знания и стремление к образованности в самом широком смысле — все это сохраняло свою актуальность как для Кантемира, Ломоносова и Сумарокова, так и для Новикова, а затем для Муравьева, Карамзина и его сподвижников»⁴ В этом контексте журнал стал для Карамзина местом, где вырабатывался язык и стиль будущего масштабного исторического труда, опробовались некоторые результаты исторических штудий, проверялось восприятие читателями отдельных сюжетов русской истории.⁵ Карамзин оттачивал здесь свое мастерство и умение в доступной и интересной для разных читателей форме сообщить о важных современных событиях, например политических новостях, «которые составляют Историю нашего времени» (как говорилось в объявлении об издании журнала в 1803 году),⁶ и событиях русской истории, которые были известны ему из доступных исторических источников. Примером этого как раз и является небольшая заметка «О московском землетрясении 1802 года»

В данной статье предпринята попытка обнаружить материалы, использованные Карамзиным при подготовке этой заметки. Думается, что выявление источников Карамзина может помочь реконструировать исследовательскую лабораторию ученого накануне начала работы над «Историей государства Российского»

Впервые Карамзин опубликовал заметку в одном из двух ноябрьских номеров «Вестника Европы», выходившего 24 раза в год, в 1802 году,⁷ поместив ее без заглавия в разделе «Известия и замечания». Вместо заглавия стояло «Москва» для обозначения места события. Карамзин не вклю-

³ *Крестова Л В* Древнерусская повесть как один из источников повестей Н М Карамзина «Ранская птичка», «Остров Борнгольм», «Марфа-посадница» (Из истории раннего русского романтизма) // Исследования и материалы по древнерусской литературе М, 1961 С 193–226, *Кутина Л Л* Историческая повесть Н М Карамзина «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода» Стилистические наблюдения // Очерки по стилистике русских литературно-художественных и научных произведений XVIII—начала XIX в СПб, 1994 С 73–74, *Казаков Р Б* Источники о ликвидации независимости Новгорода в 1478 году в «Историях» Н М Карамзина, М М Щербатова, В Н Татищева // 40 лет студенческому научному кружку источниковедения истории СССР Сб науч студенч ст / МГИИИ М, 1990 С 174–181

⁴ *Кочеткова Н Д* Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания) СПб, 1994 С 34, 40

⁵ *Шмидт С О* «История государства Российского» Н М Карамзина в контексте истории мировой культуры // Всемирная история и Восток Сб ст М, 1989 С 195–197 Ст перензд *Шмидт С О* 1) Путь историка Избр тр по источниковедению и историографии М, 1997 С 264–266, 2) Н М Карамзин и его «История государства Российского» // Карамзин Н М Об истории государства Российского М, 1990 С 336–337

⁶ Объявление от содержателей Университетской типографии Люби, Гария и Попова о московских периодических изданиях, которые предположено издавать на будущи 1803-й год // Санктпетербургские ведомости СПб, 1802 № 91 (14 нояб) Прибавление (далее — СПбВ без указ года), То же // Московские ведомости М, 1802 № 92 (15 нояб) (далее — МВ без указ года)

⁷ Вестник Европы М, 1802 Ч VI № 21 С 69–73 (далее ссылки на журнал в тексте)

чил ее в первое собрание сочинений, а во втором и третьем (последнем прижизненном) изданиях «Сочинений» она вошла в девятый том вместе с другими статьями из «Вестника Европы». Именно во втором издании «Сочинений» и появилось название «О московском землетрясении 1802 года».

Текст, напечатанный в «Вестнике Европы» и в двух собраниях «Сочинений», практически не отличается.⁸ Карамзин не внес каких-либо изменений принципиального характера. В третьем издании исправлены опечатки второго издания, отмечены новые опечатки. Изменилось написание названий некоторых подверженных землетрясениям стран, которые перечислял Карамзин: «Филиппинских», «особливо Япо́на» — в «Вестнике Европы» и во втором издании; «Филлипинских», «особливо Япо́нии» — в третьем издании. Вполне возможно, что написание «Филлипинских» — это опечатка, «особливо Япо́на» — опечатка, попавшая по недосмотру и во второе издание «Сочинений», ведь в том же «Вестнике Европы» Карамзин давал и привычное название страны — «Япония». Такое случалось в издательской практике Карамзина, в частности при подготовке как раз в этот период второго издания «Московского журнала», когда не вся правка была внесена и не все опечатки исправлены.⁹

Любопытно отметить, что в свои «Сочинения» Карамзин включил почти все статьи из журнала, где он затрагивал проблемы русской истории. Пожалуй, логично было бы увидеть в «Сочинениях» и небольшую статью «Об имени реки Яхромы» (1803. № 13. С. 60–62), которая отчасти переключалась с карамзинским «Путешествием вокруг Москвы»: в первой автор рассуждал о происхождении названия реки, а во второй — пытался выяснить истоки имени города Коломны; в первой историограф упоминал Г. Ф. Миллера, вторая работа — переложение труда Миллера. Можно сказать, что содержание обеих статей в значительной степени обусловлено знакомством Карамзина с сочинениями Миллера.¹⁰ В разделе «Известия и замечания» были опубликованы еще два материала, связанные с историей России: несколько строк о переименовании Тамани в Тмутаракань и перевод фрагмента с интересными наблюдениями о Сибири и Якутии (1802. № 21. С. 86; 1803. № 18. С. 116–118). Однако статья «Об имени реки Яхромы» в «Сочинения» не вошла, а из журнального раздела «Известия и замечания» Карамзин включил в «Сочинения» только сообщение о землетрясении.

В наше время заметка опубликована в томе избранных произведений Карамзина «Записки старого московского жителя» В. Б. Муравьевым.¹¹

В этой небольшой по объему статье рассказывалось о несильном землетрясении, которое произошло в Москве 14 октября 1802 года. Карам-

⁸ Карамзин Н. М. Соч.: В 9 т. 2-е изд., испр. и умнож. М., 1814. Т. 9. С. 122–126; 3-е изд., испр. и умнож. М., 1820. Т. 9. С. 98–101.

⁹ Кочеткова Н. Д. Два издания «Московского журнала» Н. М. Карамзина // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 169–170.

¹⁰ См. также: Казаков Р. Б. О замысле и источниках «Путешествия вокруг Москвы» Н. М. Карамзина // Мир источниковедения: Сб. в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 206–210; Академик Г. Ф. Миллер — первый исследователь Москвы и Московской провинции / Подгот. текста, ст. С. С. Илизарова. М., 1996. С. 57–83.

¹¹ Карамзин Н. М. Записки старого московского жителя. М., 1986. С. 257–259.

зин сообщил здесь о причинах возникновения землетрясений, дал их научную классификацию, а также привел известные ему из источников сведения о московском землетрясении середины XV века.

Не все москвичи обратили внимание на происшествие 14 октября, но Пушкин, набрасывая в 1830 году план автобиографических записок, отметил его как одно из первых впечатлений своего детства.¹² Вероятно, с течением времени землетрясение, пусть и слабое, но все же редкое для московичей явление природы, переставало восприниматься как неординарное событие, особенно теми, кто не был его очевидцем. Примерно в том же 1830 году А. И. Герцен в ранней статье «О землетрясениях»,¹³ перечисляя наиболее известные с античных времен и до 1822 года землетрясения, о московском не упомянул. Под 1802 годом Герценом отмечено сильное землетрясение в Константинополе. Отголоском его и было то, что почувствовали 14 октября того же года москвичи.

Землетрясение потребовало реакции московских властей. Обер-полицеймейстер провел обследование поврежденных зданий, опросил свидетелей события и сообщил обо всем в донесении московскому главнокомандующему. О землетрясении докладывали и Александру I. Сохранившиеся документы, записи рассказов, донесения властей позднее использовал в своей статье Н. В. Дризен.¹⁴

Текст Карамзина показывает, что он использовал не только свои наблюдения, но и сообщения очевидцев в разных частях города (рабочих на Спасской башне Кремля). Карамзин точно датировал статью, что для него не являлось делом обыкновенным: в тексте заметки он сообщил, что писал ее 18 октября, когда над столицей еще стоял «густой и непрерывный туман», который Карамзин считал следствием землетрясения.

Заметка Карамзина уже давно привлекла внимание историков естествознания,¹⁵ но до сих пор никто (в том числе и исследователи творчества Карамзина) не обращал внимание на то, что Карамзин снова вернулся к этой теме, вскоре опубликовав еще несколько строк без заголовка также в разделе «Известия и замечания». В первой статье он предположил, что московские события были отголоском более сильного землетрясения в другом месте. В декабрьском номере Карамзин написал (привожу полностью): «Землетрясение, бывшее в Москве, пришло к нам от Ионического моря и всего более свирепствовало в Итаке, прославленной Гомером. В Варшаве, Землине и других местах оно было легко; но в Бухаресте разрушились многие дома и церкви. В сем городе явилось озеро, которого зеленоватая вода несколько часов весьма пахла серою. Этна и Везувий уже давно не выбрасывали лавы. Физики приписывают тому все нынешние землетрясения» (1802. № 24. С. 347). Эти строки автор не

¹² Пушкин А. С. Программа автобиографии // Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. XII. С. 307.

¹³ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 1. С. 354–361.

¹⁴ Дризен Н. В. Землетрясение в Москве (1802 г.) // Вестник всемирной истории. СПб., 1900. № 7. С. 185–188.

¹⁵ Zubov B. P. Историография естественных наук в России (XVIII в.—первая половина XIX в.). М., 1956. С. 223–224.

включал в собрания «Сочинений». И Карамзин, и Герцен имели в виду одно и то же землетрясение, наиболее сильно затронувшее Балканский полуостров. Можно говорить и о том, что информация Карамзина довольно точна, и Бухарест как один из наиболее пострадавших городов назван не случайно. И. В. Батюшкова, специально писавшая о развитии представлений о причинах землетрясений, отметила, что землетрясение 1802 года в Румынии было известно под названием «Великого» и ощущалось в Москве и Петербурге.¹⁶

Об отмеченных в Москве отголосках большого землетрясения «Вестник Европы» сообщил практически одновременно с газетами обеих столиц или даже раньше, чем они. Первые известия о самом землетрясении появились в «Московских ведомостях» за 19 ноября, а в «Санктпетербургских ведомостях» за 12 декабря.¹⁷ Надо сказать, что этому событию обе газеты уделили значительное внимание: в разделе иностранных новостей о землетрясении и его последствиях говорилось в четырех декабрьских номерах «Санктпетербургских ведомостей», здесь было опубликовано десять коротких сообщений, и в одиннадцати ноябрьских и декабрьских номерах «Московских ведомостей» — в каждом по одному сообщению.¹⁸ Иностранные новости датировались по григорианскому календарю, поэтому землетрясение в Европе случилось 26 октября (14 октября по юлианскому календарю в России), но толчки ощущались с 25 по 28 октября. Вся информация о последствиях землетрясения, данная Карамзиным в 24-м номере журнала, была опубликована на страницах столичных газет. Но Карамзин опустил многие детали, а также подробности политического характера 19 ноября «Московские ведомости» опубликовали сообщение из Варшавы от 28 октября: «Третьего дня в 12 1/2 часов пополудни при ясной погоде, северо-восточном ветре и непрерывном стоянии барометра на 28 Парижских дюймах примечено здесь в разных домах землетрясение, однако ж только по колебанию висячих вещей, как то люстр и пр. Направление его было с Юга на Север или обратно» 26 ноября писали о том, что землетрясение ощущалось в Землине, а 29 ноября уже давались некоторые подробности: «Октября 26/14-го в самый полдень чувствовано было в Землине землетрясение, и некоторые удары оно было нарочито сильны; к счастью, однако ж, оно не причинило никакого важного вреда».¹⁹ Состав сведений о землетрясении, публиковавшихся в газетах, практически совпадает, но в «Московских ведомостях» они появлялись на несколько дней раньше.²⁰ 19 декабря «Санктпетербургские ведомости» поместили сообщение от 12 ноября (31 октября по юлианскому календарю; в «Московских ведомостях» оно появилось 13 декабря): «В рассуждении землетрясения, с 25-го до 28 октября бывшего, из-

¹⁶ Батюшкова И. В. К истории изучения истории землетрясений учеными Румынии // История геолого-географических наук М, 1961 Вып 2 С 163

¹⁷ МВ № 93 (19 нояб) С 1331, СПбВ № 99 (12 дек) С 2632

¹⁸ СПбВ № 99 (12 дек), 101–103 (19–26 дек), МВ № 92 (15 нояб), 93 (19 нояб), 95–103 (26 нояб–24 дек)

¹⁹ МВ № 93 С 1331, № 95 С 1362, № 96 С 1374

²⁰ Ср СПбВ № 99 (12 дек) С 2632, МВ № 98 (6 дек) С 1407, № 99 (10 дек) С 1423

вестно, что оно приняло совсем другое направление и, простираясь до Варшавы чрез Молдавию и Валахию до Ионийского моря, миновало, однако ж, многие места и свирепствовало наиболее в Бухаресте и на острове Итаке. В некоторых местах удары были слышны 25-го, в других же 25-го и 27-го, а в некоторых и во все сии три дня. Торжественный выезд нового Господаря, Князя Ипсилланти в Бухаресте по причине землетрясения еще отсрочен. Невымощенная часть города провалилась, а на место оной сделалось озеро, испарявшее в первые часы удушливый серный запах». Чуть ниже давались подробности о разрушениях в Бухаресте²¹ Столичные газеты могли стать тем источником, откуда Карамзин почерпнул информацию для второй заметки, в том случае, если 24-й номер журнала был задержан: его предполагалось распространять среди подписчиков с 12 декабря.²² Вполне вероятно, что источником сведений могли быть и иностранные газеты.

Нужно отметить оперативность, с которой материал появился в «Вестнике Европы»: после землетрясения прошло не более двух недель, а читатели уже могли узнать о нем. Судя по объявлению в «Московских ведомостях», если не было опоздания, то 21-й номер журнала вышел, и его предполагалось распространять среди подписчиков с 25 октября 1802 года.²³ От 18 октября, которым датирована заметка, до объявленного начала рассылки журнала — всего неделя. Даже если сроки и не были выдержаны, можно думать, что номер был почти готов, когда Карамзин решил вставить в него сообщение о землетрясении. Этот факт говорит и о том, насколько быстро Карамзин мог написать небольшую по объему, но весьма содержательную заметку. Легкость и быстрота пера — качество очень важное для журналиста, тем более для того, кто, как это делал Карамзин, брался выдавать подписчикам журнал, составленный почти целиком из своих материалов. Обязательства, взятые перед читателями, отнимали много сил, требовали «регулярности» вдохновения и выпуска номеров в положенный срок. Во всяком случае, именно так это отложилось в памяти у членов семьи Карамзина. И когда десятилетия спустя М. П. Погодин взялся за составление биографии историографа, на полях погодинской рукописи появилось такое замечание об издании Карамзиным журналов, сделанное кем-то, возможно К. С. Сербиновичем, от имени семьи: «Срочности он не боялся, но точно тяготился ею».²⁴ Несколько дней, в которые заметка была написана, свидетельствуют еще и о том, что в это время автор уже свободно владел информацией из наиболее известных летописных источников и трудов историков XVIII ве-

²¹ СПбВ № 101 (19 дек) С 2685–2686, МВ № 100 (13 дек) С 1435

²² МВ № 99 (10 дек) С 1427

²³ МВ № 85 (22 окт) С 1217

²⁴ ОР РГБ, ф 231/1 (М П Погодин), оп 1, карт 16, д 1в, с 453, *Погодин М П* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников Материалы для биографии М, 1866 Ч 1 С 214–215, *Казаков Р Б* Об издании М П Погодиным биографии Н М Карамзина // Вспомогательные исторические дисциплины Высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации Тез. докл и сообщ науч конф М, 1994 С 73–76

ка, и это позволило ему быстро подобрать исторические параллели к событиям 14 октября и дать в популярной форме основные сведения о причинах и характере землетрясений, их географии.

По мнению О. Б. Кафановой, изучавшей переводы Карамзина, «Вестник Европы» по свежести материалов почти не уступал «Московским ведомостям» и «Санктпетербургским ведомостям», но был гораздо полнее этих газет. В. Г. Березина отмечала, что Карамзин снял сообщения о природных явлениях из статьи «Обозрение прошедшего года» в «Вестнике Европы» 1803 г. (№ 4. С. 305–313), так как дал их в разделе «Смесь» (так у Березиной. — *Р. К.*).²⁵ И все же подавляющее большинство публикаций раздела «Известия и замечания» рассказывают о политических событиях в Европе, в основном во Франции и Англии. Чаще всего это — переводные статьи, которые Карамзин публиковал уже спустя два месяца после их появления в иностранной печати, а иногда и раньше.²⁶

Заметка Карамзина интересна тем, что дает возможность судить и об уровне естественнонаучных знаний автора (что до сих пор еще недостаточно изучено), и о Карамзине-историке. Период «Вестника Европы» — это время интенсивных исторических занятий будущего историографа, чтения летописей, других источников. Хрестоматийно известная фраза Карамзина «Я по уши влез в русскую историю; сплю и вижу Никона с Нестором»²⁷ относится к 1800 году. В период издания журнала Карамзин уже хорошо знаком с опубликованными летописями, сочинениями историков XVIII века.

Отдельные случаи из русской истории, описанные Карамзиным в журнале на основе свидетельств известных ему источников, спустя годы вошли в состав «Истории государства Российского» в расширенном, дополненном виде, с обширными цитатами из источников, но без изменений принципиального характера, которые бы диктовались иным, более широким, составом источников, более высокой информированностью Карамзина, большим исследовательским и методическим опытом писателя.²⁸ Это можно объяснить по-разному. Одно из объяснений таково: в первые годы XIX века Историк стоял на пороге Истории. И переступил этот порог не начинающим с азав, а сложившимся исследователем со сформировавшейся системой методов изучения истории и представления результатов изучения в крупных научно-литературных формах.

В заметке Карамзин для сравнения упоминает землетрясение, случившееся в Москве в годы правления Василия II (1 октября 1445 года). Источник сведений Карамзина восстановить легко — им могла быть «История Российская» В. Н. Татищева, опиравшегося на Никоновскую летопись,

²⁵ Кафанова О. Б. Переводы Н. М. Карамзина в «Вестнике Европы» // Проблемы метода и жанра. Томск, 1986. Вып. 12. С. 100; Березина В. Г. Карамзин-журналист // Проблемы журналистики. Л., 1973. Вып. 1. С. 111–112.

²⁶ Кафанова О. Б. Указ. соч. С. 100.

²⁷ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 116.

²⁸ Казаков Р. Б. О замысле и источниках «Путешествия вокруг Москвы» Н. М. Карамзина. С. 206–210.

сообщение самой Никоновской летописи, опубликованной еще А. Л. Шлецером и С. С. Башиловым. На сообщении Никоновской летописи основаны строки о землетрясении в Москве и у М. М. Щербатова; здесь же найдем и первую попытку проанализировать летописную запись. Щербатов считал, что землетрясение не было сильным, так как летопись не сообщила ничего о жертвах и разрушениях, и считал необходимым упомянуть об этом случае только «по редкости таких трясений в Москве».²⁹ Щербатов применял своеобразную систему ссылок на источники, не похожую на более привычную для нас систему Карамзина: он давал подстрочное примечание после фрагмента текста большого объема, включавшего в себя описание разных событий истории, расположенных хронологически, и в этом примечании перечислял все источники, которыми пользовался в данном случае. И хотя отдельного примечания для записи о землетрясении он не сделал, предыдущее и последующее примечания № 34 и 35 упоминают и Никоновскую летопись, а текст Щербатова содержательно не отличается от ее сообщения. О московском землетрясении есть записи и в других летописях (среди них Вологодско-Пермская, еще не известная Карамзину, и др.). Иная редакция записи находится в Степенной книге.³⁰ В статье Карамзина нет никаких сведений, которых бы не давала Никоновская летопись и повторившие ее Татищев и Щербатов, что говорит о знакомстве Карамзина по крайней мере с этими трудами. Но другие статьи «Вестника Европы» на исторические темы и фраза о «Никоне с Нестором» говорят, что в это время Карамзин читал и саму летопись.

В «Истории государства Российского» историограф также сообщил о землетрясении 1445 года. Этот текст перекликается с текстом заметки 1802 года. В обоих случаях Карамзин писал о землетрясении как о явлении, не совсем обычном для московских мест, о том, что народ видел в этом предзнаменование «государственных бедствий». В примечании Карамзин дал заковыченную цитату и отметил сокращение в ней, но не назвал источника цитирования. Текстологическое сравнение показало, что это — несколько неточно переданная запись Никоновской летописи. В «Истории» встречаются случаи, когда Карамзин, процитировав в примечании летопись и назвав ее, в следующем примечании дает цитату из этого же памятника, уже не обозначая его. В предыдущем примечании есть ссылка и на Никоновскую летопись. Процитированные там же Новгородские и Псковские летописи не упоминают о московском землетрясении 1445 года, а Степенная книга, как уже говорилось, дает это сообщение в иной редакции. В примечании Карамзин процитировал запись о землетрясении не полностью, а только ее последнюю фразу о том, какое впечатление это событие произвело на москвичей.³¹

²⁹ Полн. собр. русских летописей. СПб., 1901. Т. XII. С. 66 (далее — ПСРЛ); *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1965. Т. V. С. 261; *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. СПб., 1781. Т. 4. Ч. 1. С. 534.

³⁰ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XXI. Ч. 2. С. 464.

³¹ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1993. Т. V. С. 172, 356, примеч. 330.

В «Истории» Карамзин привел цитату из летописей, сообщавших о землетрясении в Москве в 1471 году, но в период «Вестника Европы», вероятно, эти источники были ему неизвестны.³² Ни в 1802 году, ни во время работы над «Историей» Карамзин не знал источников, сообщавших о московском землетрясении 1542 года.³³ Не упоминали об этом доступные ему летописи, Татищев и Щербатов. Поэтому Карамзин считал, что между двумя землетрясениями прошло почти три с половиной века.

В заметке Карамзин не только описал последствия землетрясения 1802 года, но много места уделил объяснению причин природных катаклизмов, перечислил страны, где «землетрясение почти столь же обыкновенно, как у нас сильная гроза летом», упомянул страшное землетрясение 1755 года, разрушившее Лиссабон. Все это говорит о том, что Карамзин имел представление об основных идеях, господствовавших в естествознании по проблемам образования и строения Земли.

Специальная статья «Tremblemens de Terre», рассуждавшая о вулканизме, подземном огне и его взаимодействии с воздухом и пр., была включена в знаменитую «Энциклопедию».³⁴ А к началу XIX века была уже обширной и литература на русском языке, описывающая землетрясения и объясняющая их причины.³⁵ Опубликованы не только сугубо научные труды, например М. В. Ломоносова «О слоях земных» и «Слово о рождении металлов от трясения Земли», но и работы научно-популярного характера, рассчитанные на широкий круг читателей. И если Ломоносов в работе 1757 года давал характеристику землетрясений и их классификацию, полагая причиной их действие внутренних сил Земли, особенно «подземельного огня»,³⁶ то все же более распространенным в Европе и России во второй половине XVIII века было представление о сложении земного рельефа под разрушающим действием вод первичного Мирового океана (а также вод «всемирного потопа»), покрывавшего всю Землю. Наиболее ярким выразителем этих взглядов (названных «нептуническими») был чрезвычайно популярный немецкий ученый, профессор Фрейбергской горной академии А. Г. Вернер, у которого в России среди естествоиспытателей было много единомышленников. Близкие идеи развивал в начале XIX века профессор Московского университета И. А. Двигубский. С 1797 года в петербургском Горном училище геогнозию по Вернеру преподавал П. И. Медер, а с 1804 года лекции в Московском университете читал нептунист профессор Г. И. Фишер.³⁷ В 1795 году шотландский

³² Карамзин Н М История государства Российского М, 1989 Кн II Т 6 С 91–92
Примеч 629 под 1471 г

³³ Описание сборника с такой записью см ПСРЛ М, Л, 1962 Т XXVII С 14,
Шмидт С О У истоков российского абсолютизма М, 1996 С 87 Искренне признателен
С О Шмидту за сведения о сборнике

³⁴ Encyclopedie, ou Dictionnaire raisonne des sciences, des arts et metiers, par une societe
de gens de lettres Neufchastel, 1765 Т 16 Р 580–584

³⁵ Батошкова И В Представления о причинах землетрясений в работах отечественных
ученых М, 1959

³⁶ Ломоносов М В Слово о рождении металлов от трясения земли // Полн собр соч
М, Л, 1954 Т 5 С 306

³⁷ История естествознания в России М, 1957 Т 1 Ч 2 С 220–221, 232

ученый Дж. Геттон в книге «Теория Земли» сформулирует другую концепцию, названную «плутонической», где главная роль в геологическом прошлом Земли принадлежала подземным силам, вызывающим появление вулканов, землетрясений. Борьба двух течений в естествознании развернулась в XIX веке, хотя и в 1825 году в России нептунические взгляды еще преобладали.³⁸

«Московские ведомости», сообщая о землетрясении 8–9 ноября 1802 года, которое ощущали жители Страсбурга, приводили примечательное объяснение его причин: «Но кажется, что и сие землетрясение было только местное и что причины оно́го искать должно не во внутренности земли, но в воздухе, погоде и качестве здешнего местоположения. <...> Еще заслуживает замечания, что все чувствованные здесь с некоторого времени землетрясения никогда не бывали в полдень, а либо поутру, либо ввечеру или ночью. Физики утверждают, что землетрясения сии суть следствием необыкновенной погоды нынешнего году (год засушливый в Центральной Европе, а в Италии — дождливый, с наводнениями. — *Р. К.*) и что оные не могут возбуждать страха, а тем паче ожидания впредь сильнейших ударов».³⁹

В российской ученой среде в XVIII веке, кроме того, обсуждалось и доказывалось положение, согласно которому причиной землетрясений был подземный огонь, возникающий из-за возгорания горючих веществ. По существующим под землей каналам и пещерам огонь быстро распространяется на большие расстояния и, ища выхода, приводит к землетрясениям. Подземный огонь вырывается на поверхность, образуя вулканы. В вулканической деятельности и землетрясениях уже тогда видели одни и те же причины. Об этом читатели могли узнать в журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие». В 1756 году там опубликованы «Размышления о землетрясениях», где говорилось о движении от центра Земли вверх горячих паров, появившихся из-за воспламенения горючих веществ, «Письмо о землетрясениях» Г. В. Вегнера.⁴⁰ Июньский номер журнала поместил перевод главы «О огнедышащих горах и о землетрясении» из первой части «Естественной истории» Ж. Л. Бюффона: «Землетрясения бывают двоякие. Одно происходит от подземного огня и от выбрасывания огнедышащих гор. <...> Но есть другой род землетрясений <...> сии то землетрясения такие, которые на великие расстояния чувствуемы бывают и большую часть земли потрясают...». От подземного огня возникает подземный ветер, который распространяется так далеко, как далеко идут подземные «ямы и дыры» (так в тексте!).⁴¹ Несколькими десятилетиями спустя сочинение Бюффона было издано Академией наук отдельно и в более совершенном переводе, затем переиздано, а с 1801 года начало публиковаться третье издание. Можно с уверенностью предположить, что Карамзин знал эту книгу.

³⁸ Тихомиров В. В. Геология в России первой половины XIX века. М., 1963. Ч. II. С. 47.

³⁹ МВ. № 97 (3 дек.). С. 1395–1396.

⁴⁰ Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1756. Март. С. 274–285; Апр. С. 326–329.

⁴¹ Там же. С. 552–553, 555.

«Месяцеслов с наставлениями на 1771 год» напечатал статью «Изыяснение естественных причин землетрясения», вошедшую затем в «Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы».⁴² В статье утверждалось, что подземный огонь делает упругим находящийся в подземных пещерах воздух, который ищет выхода и колеблет стены пещеры. Возможно, под землей есть одна огромная пещера, а «может быть, и многие друг с другом сообщенные имеющие скважины, загоревшись в одном месте, распространяют действие свое вдруг на великую обширность». Это было чтение для самой широкой публики. Примерно такие же идеи предлагались для усвоения воспитанникам благородного пансиона при Московском университете.⁴³

Журнал Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума», в издании которого позже принимал участие и Карамзин, помимо произведений дидактически-нравственного характера, публиковал и небольшого объема статьи по естественной истории, «которые служили бы к доставлению <...> некоторых нужных знаний», как это говорилось в обращении к юным читателям в последнем номере журнала за 1785 год.⁴⁴ Особенно щедрой на такого рода материалы оказалась часть V журнала, где можно было прочитать о четырех стихиях, строении Солнечной системы, фазах Луны, кометах, природе приливов и отливов, подземном огне и пр. Здесь же была напечатана статья «О землетрясениях», где об их причинах говорилось так: «Все горючие материи (под землей. — *Р. К.*), загоревшись, производят великое множество воздуха так, как и зажженный порох. Такой огнем произведенный воздух становится столь тонок, что будучи долго стеснен и заперт в земле может произвести самые насильственные действия». Загоревшиеся подземные материи ищут выхода, «а не находя оного, причиняют жестокое потрясение земли».⁴⁵

В 1794 году журнал «Новые ежемесячные сочинения» поместил обширную работу А. Н. Гришова «Рассуждение о землетрясениях и огнедышащих горах», в которой подробно описывались известные тогда землетрясения и вулканы всех частей света и многих стран.⁴⁶

Мы можем с большей или меньшей уверенностью предположить, что эти сочинения могли быть известны Карамзину. Однако есть еще одна работа, знакомство с которой историографа делается очевидным при сравнении текстов этой работы и карамзинской заметки. Это статья «Землетрясение. Terra Motus. Tremblement de Terre» из «Магазина натуральной истории, физики и химии, или Нового собрания материй, принадлежащих к сим трем наукам», изданного Н. И. Новиковым.⁴⁷ В годы издания «Магазина» Карамзин близок к Новикову, участвует в подготовке нови-

⁴² Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1791. Ч. VII. С. 266–276.

⁴³ Миллен О. Л. Начальные основания естественной истории. Владимир, 1800. Ч. 1. С. 64.

⁴⁴ Детское чтение для сердца и разума. М., 1785. Ч. IV. С. 205.

⁴⁵ Там же. 1786. Ч. V. С. 37–39.

⁴⁶ Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1794. Ч. ХСІ–С; 1795. Ч. СІV. Публ. не оконч.

⁴⁷ Магазин натуральной истории, физики и химии, или Новое собрание материй, принадлежащих к сим трем наукам. М., 1788. Ч. III. С. 295–336.

ковского журнала «Детское чтение для сердца и разума». Резонно предположить, что Карамзин знакомился с томами «Магазина» сразу по выходе из печати, может быть, имел их в своей библиотеке. И в этом контексте сам факт использования Карамзиным статьи из «Магазина» спустя более десяти лет после ее публикации может внести дополнительные нюансы в наше понимание взаимоотношений Карамзина и Новикова, лиц новиковского круга.

В заметке Карамзин дал ту же классификацию землетрясений, какую привел автор статьи в «Магазине»: «Их (землетрясения. — *Р. К.*) разделяют на три рода: одно колеблет землю, другое разрывает ее, третье извергает пламя». В статье в «Магазине»: «1) зыблемость или колебание; 2) землетрясение, происходящее от воздымания: когда недра земли, будучи приведены в движение, поднимают своды, пещеры и раздирают земли и камни <...> 3) землетрясение, причиняемое извержением (*Par Explosion*), когда земля от содрогательных движений претерпевает со всех сторон колебание и сотрясение».⁴⁸ Есть и значительное число суждений Карамзина о природе землетрясений из его заметки, параллели которым содержит статья в «Магазине». Приведу последовательно эти суждения (с цитатами из заметки Карамзина), отметив в скобках страницы статьи в «Магазине»: землетрясения случаются и в более северных странах (с. 306); землетрясение состоит в порыве воздушных масс, заключенных в глубине земли, «которые (по мнению физиков), будучи теснимы огнем, с бурным стремлением ищут себе выхода» (с. 296); мы удалены от стран, где землетрясения — обычное дело (с. 313, 317); удары имеют один центр, где в подземных пустотах или каналах, имеющих сообщение между собою, «свирепствует воспламененный воздух, разливаясь как огненное море и в одну минуту действуя на великом пространстве» (с. 306, 315); землетрясения случаются чаще осенью и в ночное время (с. 303); в такие годы зима не бывает холодной (с. 305); землетрясения сопровождаются туманами (с. 303); последствия «самых легких потрясений» — исчезновение ручьев и появление новых (с. 303). Отмечу, что о теплой зиме после знаменитого Лиссабонского землетрясения 1755 года сообщал и Г. В. Вегнер.⁴⁹ Все это позволяет рассматривать статью «Землетрясение. *Terza Motus. Tremblement de Terre*» в качестве основного источника представлений Карамзина о землетрясениях, их причинах и последствиях, изложенных им в заметке «О московском землетрясении 1802 года».

Думается, что необходимо дополнить и уточнить мнение И. В. Батюшковой о взглядах Карамзина по этой проблеме. В своей книге «Представления о причинах землетрясений в работах отечественных ученых» она упомянула заметку Карамзина «О московском землетрясении 1802 года», сославшись при этом на девятый том третьего издания «Сочинений» историографа, вышедший в 1820 году. Возможно, поэтому об интересе Карамзина к землетрясениям говорится в третьей главе книги «Теория упругих газов как причины землетрясений. Объяснение причин земле-

⁴⁸ Там же. С. 296.

⁴⁹ Вегнер Г. В. Указ. соч. С. 329.

трясений в свете теории вулканизма и гипотезы поднятия (1800–1870)) в контексте геологических трудов 1810–1820-х годов, а затем второй четверти XIX века. Автор не обратила внимания на время создания заметки, хотя именно для третьего издания «Сочинений» Карамзин датировал каждое произведение. В результате естественнонаучные представления Карамзина, основанные на распространенных в XVIII веке среди русских ученых взглядах о землетрясениях и вулканизме как следствии действия подземного огня, оказались неоправданно модернизированными. Карамзин в начале XIX века сохранял сформированные еще литературой XVIII века знания в области естественных наук.

При внимательном просмотре «Вестника Европы» оказалось, что заметка о землетрясении и прибавление к ней не были единственными, где Карамзин обнаружил свой интерес к истории науки и, в частности, естествознанию. Не случайно в журнале появились две переводные статьи о Бюффоне: «Некоторые мысли лучших французских авторов, выбранные из новых сочинений госпожи Неккер» и «Бюффон и Руссо» (1802. № 6. С. 125–129; № 8. С. 339–343). Не случайно и то, что Карамзин выбрал для перевода материалы, где говорилось о взглядах Бюффона на литературу, его эстетических представлениях, достоинствах его слога, а не о его широкоизвестных трудах по естествознанию.

Карамзин обнаруживает хорошее знакомство с трудами не только Бюффона, но и И. Г. Гмелина, а также с материалами, где описывались находки костей мамонтов и высказывались предположения об их происхождении (автором одной из таких работ был еще Татищев). Он поместил письмо А. И. Мусина-Пушкина о найденных в Ярославской губернии мамонтовых костях и дал к нему свое примечание, где говорил, что ни Бюффон, ни Гмелин не верят в существование мамонтов, что нужно заключение натуралистов о находке, что, следуя Бюффону, нужно признать или существование теплого климата в Сибири в древности, или что остатки огромного зверя занесены в Сибирь водой. И здесь Карамзин рассуждает в рамках широко проходившей в XVIII веке дискуссии о природе останков мамонтов. Он писал далее: «Память страшной революции, произведенной в нашем мире сим элементом, сохраняется не только в преданиях народов, не только в священных книгах, но и в самом образовании земной поверхности, в составе первоклассных гор, и проч.» (1802. № 21. С. 40–42). Обращу внимание на то, что в данном случае для Карамзина источниками, дающими информацию о ветхозаветном потопе (речь шла именно об этой «воде»), — наряду с устными и письменными свидетельствами были и природные явления.

В следующем году в журнале появилась статья «О российском посольстве в Японию» (1803. № 11. С. 159–171), которую Карамзин включил во второе издание «Сочинений». В качестве важнейшей причины этого путешествия, помимо политических и экономических, Карамзин не раз называл причину научную — изучение и описание природы Японии и других островов: «Ум, просвещенный наукою, может объяснить там историю великих революций мира: ибо Тенерифа, по мнению Физиков, образовалась действием подземного огня, который из глубоких недр зем-

ли извергнул ее на поверхность моря». Япония и Филиппины упомянуты Карамзиным в заметке о землетрясении. А здесь также названы «Филиппинские Гишпанские острова, еще мало нам известные,— где Натура, среди ужасов вулканических и землетрясений, рассыпает все богатства своего плодородия...» (1803. № 11. С. 160, 164–165). В том же номере «Вестника Европы» помещен перевод французской статьи «Италиянские вулканы, или Огнедышащие горы» (1803. № 11. С. 192–197).

Изучение короткой заметки «О московском землетрясении 1802 года», на которую до сих пор исследователи обращали небольшое внимание, позволяет судить об уровне естественнонаучных представлений Карамзина, их происхождении и источниках. Разумеется, изучением только названных работ Карамзина эта проблема не исчерпывается. Это возможно делать, привлекая все, написанное Карамзиным, в том числе его самые крупные произведения и эпистолярный жанр. Заметка в то же время показывает, что в это время Карамзин уже выступает как вполне сложившийся историк-исследователь и со своей системой методов исследования, и с системой взглядов на развитие наук о природе и человеке и важности их распространения в обществе. Карамзин прекрасно выразил это в статье «О публичном преподавании Наук в Московском Университете» в том же «Вестнике Европы» (1803. № 23/24. С. 262): «Я говорю об Истории Естественной и еще ближайшей к нам Истории народов: знание той и другой необходимо для человека и гражданина, если он желает называться просвещенным».

М. ШИППАН

**В. Ф. МАЛИНОВСКИЙ — ПЕРЕВОДЧИК ФРАГМЕНТА РОМАНА
«ТЕОБАЛЬД, ИЛИ МЕЧТАТЕЛИ» И. Г. ЮНГА-ШТИЛЛИНГА***

«Потом я из мечтательного своего отечества в герцогство Берг перешел, где опять множество малых расколов находится».¹ Эта фраза взята из неопубликованной рукописи, хранящейся в РО ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН. Рукопись объемом 26 страниц является автографом просветителя Василия Федоровича Малиновского (1765–1814). Малиновский не озаглавил документ, и он значится в архиве под названием: «Материалы по истории германской религиозной философии». Некоторые фамилии были подчеркнуты в нем самим Малиновским, как например Якоб Бёме (1575–1624) и Готтфрид Арнольд (1666–1714).

До сих пор лишь Э. А. Араб-Оглы обратил внимание на этот документ; он же в 1958 году издал избранные сочинения В. Ф. Малиновского. Во введении к этому изданию Э. А. Араб-Оглы писал: «Интересны некоторые признания самого Малиновского в статье „Материалы по истории германской религиозной философии“, написанной им в форме автобиографии немецкого юноши».² Из сказанного следует, что Э. А. Араб-Оглы считал рукопись собственным произведением Малиновского.

Исследователь цитирует из текста рукописи: «...по настоящему ничего не выдуманно, но только происхождение вещей иначе расположено, даже из собственной моей жизни немногие анекдоты присоединены».³ Другая цитата из рукописи: «Провидение с малых лет моих провело меня через многие мечтания, без соучастия в оных, хоть многие влекли меня своею быстротою к себе; достопочтенный мой родитель, который еще жив, некогда был впутан в некие отношения; но никак не в фантастические

* В основу настоящей статьи лег доклад, прочитанный на заседании Сектора по изучению русской литературы XVIII в в ИРЛИ 29 сентября 1995 г. Текст представляет собой вариант раздела из книги *Schippan M. Zwei Romane Jung-Stillings in Rußland («Theobald oder Schwarmerei» und «Das Heimweh»)* Siegen, 2000 S 9–53 (Schriften der J. G. Herder-Bibliothek Siegerland e. V. Bd 33). Автор благодарит Л. Б. Михайлову (С.-Петербург) и В. и Л. Умлауфт (Дрезден) за помощь в работе.

¹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 25, № 317, л. 1 об.

² *Араб-Оглы Э. А. Выдающийся русский просветитель // Малиновский В. Ф. Избранные общественно-политические сочинения* М., 1958 С. 30

³ ИРЛИ, ф. 244, оп. 25, № 317, л. 2.

ниже мечтательные, хоть многие люди всякого разбора нас посещали <...> так и я был воспитан, слышали мы все. »⁴ Все это действительно совпадает с фактами биографии Малиновского. Когда Василий Федорович писал этот документ, отец его, Федор Авксентиевич Малиновский (1738–1811),⁵ был еще жив. Отец Василия собирал в своем доме гостей «всякого разбора» из различных общественных слоев Москвы, в частности из масонского кружка Н. И. Новикова. Среди посещавших дом Малиновского были И. В. Лопухин (1756–1816), И. П. Тургенев (1752–1807) и Х. А. Чеботарев (1746–1815), впоследствии преследовавшиеся правительством Екатерины II.⁶ Молодой Василий Малиновский, родившийся в 1765 году в Москве, в своем родном доме, так же как и «немецкий юноша», мог слышать разговоры религиозного и нравственного содержания.

Как было сказано, повествователь «из мечтательного своего отечества в герцогство Берг перешел, где опять множество малых расколов находится». В герцогстве Берг (Bergisches Land) город Вупперталь является главным городом. Вупперталь получил свое название в 1927 году, когда соединились города Эльберфельд и Бармен. В Бармене в 1820 году родился Фридрих Энгельс, который сам неоднократно указывал на то, что он вырос в области, где имеется множество сект, малых религиозных обществ. В доме родителей Энгельса его мать общалась с пиетистом Самуэлем Колленбушем,⁷ о котором пойдет речь еще раз в дальнейшем.

В районе реки Рур (Ruhrgebiet) леса поразительно близко подходят к промышленным центрам. Всего на километр отстоит лесной массив от Вупперталя, большого индустриального центра. На юге промышленный ландшафт граничит со сплошными горными массивами, которые в XVIII веке были еще мало заселены. Религиозные сепаратисты уединились в «Бергской стране».⁸ Ткачи из долин, рабочие металлургических заводов и мельниц, работавших на горных реках, тайно встречались в отдаленных местах для совместного богослужения. О таких встречах идет речь в рукописи Малиновского. В ней упоминаются неконформистские религиозные мыслители, которые временно жили в Бергской стране и на нижнем Рейне, как например Эрнст Христоф Гохманн фон Гохенау (1670–1721)⁹ и Герхард Терстееген, (1697–1769).¹⁰ Гохманн в своих проповедях

⁴ Там же Л 1

⁵ Митрополит Евгений (Болховитинов) Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви М., 1995 С 318

⁶ См Сборник Русского Исторического Общества СПб., 1868 Т I С 104 и сл., Вернадский Г В Русское масонство в царствование Екатерины II Изд 2-е, испр и расширенное / Под ред М В Рейзина и А И Серкова СПб., 1999 По указателю

⁷ См Knierrtem M Die Herkunft des Friedrich Engels Briefe aus der Verwandtschaft 1791–1847 Trier, 1991 S 22 u a

⁸ См Goebel M Geschichte des christlichen Lebens in der rheinisch-westfälischen Kirche Coblenz, 1852 Bd 2 S 681–855, (Nachdruck, 1992)

⁹ См Renkewitz H Hochmann von Hochenau (1670–1721) Quellenstudien zur Geschichte des Pietismus Witten, 1969, Modrow I Der radikale Pietismus Einige Überlegungen zu den «linken» Außenseitern einer sozial-religiösen Erweckungsbewegung in der ersten Hälfte des 18 Jahrhunderts // Frühneuzent-info, 1992 S 29–40, Geschichte des Pietismus Bd 2 Der Pietismus im achtzehnten Jahrhundert Gottingen, 1995 S 124–128

¹⁰ См Andel C P van Gerhard Tersteegen Leben und Werk Sein Platz in der Kirchengeschichte Neukirchen, 1973

выступал против войны и высокомерия богатых. Он указывал пути к самосовершенствованию и к самопознанию, к внутреннему покою и молитве. Для таких мыслителей, как Гохманн и Терстееген, важнее всего была вера в Бога и покорность Божией воле. Не будучи революционной по существу, их терпеливая сосредоточенность на собственном внутреннем мире делала излишней посредническую роль духовенства. Официальные представители традиционных конфессий, тесно связанные с государственной властью, стремились препятствовать подобным проявлениям индивидуальной набожности. К «мечтателям» (Schwärmern) применялись карательные меры вплоть до тюремного заключения. В то время как в XVI веке Томас Мюнцер и крестители города Мюнстера активно протестовали против существующего порядка (1534–1535), в XVIII веке «отшельники» и «мечтатели» просто скрывались от него: уходили в леса, в незаселенные места и там искали способов индивидуального общения с Богом.

Терстееген сочинял стихи, в которых славил непосредственную, без вмешательства священников, связь верующего человека с Богом. Он учил, что все люди равны перед Ним и что пред лицом Его нет сословных различий, что любой человек может довериться Его любви. Стихотворение Терстеегена «Молюсь во власть любви» было положено на музыку Д. С. Бортнянским.

Рукопись Малиновского свидетельствует о том, что автор был хорошо осведомлен о жизни в «Бергской стране», что ему были известны имена значительнейших пиетистов Рейнской области — Гохманна и Терстеегена.

Чтобы выяснить источник текста рукописи, мы задались вопросом: бывал ли сам В. Ф. Малиновский в «Бергской стране»? В поисках ответа я посетил городской архив Вупперталя. В Эльберфельде, ныне являющемся частью Вупперталя, в центре Бергской страны, Иоганн Генрих Юнг-Штилинг (1740–1816) в мае 1772 года сделался практикующим окулистом.¹¹ В пятницу 22 июля 1774 года в городе Эльберфельд в доме Антона Филиппа Гаспари встретились И. В. Гёте и И. Г. Юнг-Штилинг, братья Фридрих Генрих и Иоганн Георг Якоби, писатель Якоб Вильгельм Гейнзе, пиетисты Иоганн Герхард Газенкамп и Самуэль Колленбуш, который, как было сказано выше, впоследствии посещал мать Ф. Энгельса. На этой встрече обсуждались новейшие литературные произведения Гёте и Гейнзе, а также религиозные вопросы.¹² Гёте, который уже во время своего учения в Страсбурге подружился с Юнгом-Штилингом, посоветовал ему написать автобиографию. И был в восторге от результата. Но затем пути писателей разошлись.¹³

В «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзин отзывался с похвалой о таких автобиографических произведениях, как «Исповедь»

¹¹ См. *Merk G. Jung-Stilling Ein Umriß seines Lebens*. Kreutzal, 1989, *Hahn O. W. Johann Heinrich Jung-Stilling Wuppertal-Zurich*, 1990.

¹² См. *Reulecke J. Goethes Besuch bei Jacobi und Jung-Stilling in Sommer 1774 // « und reges Leben ist überall sichtbar! Reisen im Bergischen Land um 1800–1801 Neustadt a d Aisch*, 1978 S. 46.

¹³ *Reidel L. Goethes Anteil an Jung-Stillings «Jugend» Neu hrsg u bearb v E Merthens // Schriften der J G Herder-Bibliothek Siegerland e V Siegen*, 1994 Bd 29.

Ж-Ж Руссо, «Антон Райзер» К. Ф. Морица и «История юности» Штиллинга¹⁴ По замечанию Н. Д. Кочетковой, «стремление понять „внутреннего человека“, проследить события собственной жизни,— вот, что привлекало писателя в названных произведениях».¹⁵

Вскоре после указанной встречи писателей, философов и религиозных деятелей в Эльберфельде, 5 января 1775 года было основано «Первое общество любителей чтения» (Erste Lesegesellschaft), в работе которого Юнг-Штилинг тоже активно участвовал.¹⁶ Одной из целей этого общества было установление связи между пиетизмом и просвещением. Сохранился список гостей общества, включающий около ста лиц, который велся с августа 1785 по 1791 год.¹⁷ Имя В. Ф. Малиновского в этом списке не значится, хотя он путешествовал по Западной Европе в 1788–1790 годах. Зато в нем отмечен Н. П. Румянцев (1754–1826), который в 1785 году вел переговоры с курфюрстом Карлом Теодором фон дер Пфальц.¹⁸

Биография В. Ф. Малиновского изучена далеко не полностью. Известно, что в 1789 году он одновременно с Н. М. Карамзиным находился в Лондоне, где служил переводчиком при русском посольстве. Э. Кросс и Ю. М. Лотман полагают, что Карамзин и Малиновский встречались в Англии, хотя остаются невыясненными обстоятельства приезда Малиновского в эту страну.¹⁹ Косвенные сведения указывают, что в молодости Малиновский путешествовал по Европе с политической миссией. Нельзя исключить и того, что он побывал в Германии²⁰ и даже в «Бергской стране». Но даже если нельзя доказать факт пребывания В. Ф. Малиновского в Эберфельде, то изучение творчества И. Г. Юнга-Штиллинга привело к решению загадки рукописи.

Рукопись «Материалы по истории германской религиозной философии» является не оригинальным произведением русского просветителя В. Ф. Малиновского, а переводом из романа «Теобальд, или Мечтатели» И. Г. Юнга-Штиллинга, вышедшего в 1785 году в двух томах во Франкфурте на Майне и в Лейпциге.²¹ Сравнение текстов показало близкое

¹⁴ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника Л., 1984 С. 46

¹⁵ Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания) СПб., 1994 С. 248

¹⁶ Illner E. Bürgerliche Organisierung in Elberfeld 1775–1850 Neustadt a. d. Aisch, 1982 S. 32–39

¹⁷ Carnap A. v. Zur Geschichte des Wuppertals. Die geschlossene Lesegesellschaft in Elberfeld // Zeitschrift des Bergischen Geschichtsvereins 1863 S. 54–104

¹⁸ Ibidem S. 73

¹⁹ Cross A. «By the Banks of the Thames» Russians in Eighteenth Century Britain Newtonville, Mass., 1980, Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина М., 1987 С. 190 и сл.

²⁰ Декабрист А. Е. Розен сообщает, что В. Ф. Малиновский «путешествовал с пользой и с научной целью по Германии, Франции и Англии». См. Розен А. Е. Записки декабриста Иркутск, 1984 С. 101

²¹ Theobald, oder die Schwärmer Eine wahre Geschichte von Heinrich Stilling Erster Band, Zweiter und letzter Band Frankfurt und Leipzig, 1785 (экземпляр автора), Theobald, oder die Schwärmer, eine wahre Geschichte von Heinrich Stilling Leipzig, in der Weygandschen Buchhandlung, 1784–1785 Zwei Theile, Theobald, oder die Schwärmer Eine wahrhafte Geschichte von Heinrich Stilling Frankfurt, 1785 См. Jung-Stilling-Bibliographie Bearb. v. K. Pfeifer // Schriften der J. G. Herder-Bibliothek Siegerland e. V. Siegen, 1993 Bd. 28 S. 8, 19 (№ 58, 139)

сходство между романом и переводом на русский язык. Хороший знаток первой части жизнеописания Юнга-Штиллинга мог бы удивиться: ведь опубликованный в 1777 году том «Молодость Генриха Штиллинга» имел подзаголовок «Истинная повесть», и автор рукописи также подчеркивает, что он хочет написать «истинную повесть».

Фрагмент перевода является ранним свидетельством восприятия творчества Юнга-Штиллинга в России. На рукописи имеется поставленная рукой Малиновского дата: 9 января 1804 года.²² В 1805–1806 годах началась переписка Юнга-Штиллинга с русским переводчиком некоторых его произведений А. Ф. Лабзиным.²³ Первыми переводами на русский язык из произведений Юнга-Штиллинга были «Краткие нравоучительные правила на каждый день года для друзей христианства», а также «Приключения по смерти» (оба в 1805 году).²⁴ В 1807 году в России появились 100 экземпляров первых двух томов изданного в 1794–1796 годах в Марбурге романа «Тоска по отчизне» («Das Heimweh») Юнга-Штиллинга. Переводчик этого романа Ф. П. Лубяновский (1777–1869) признался, что он «Тоску по отчизне» прежде всего «мамоны ради» перевел.²⁵ В 1819 году Лубяновский издал полный перевод романа «Теобальд, или Мечтатели». Но в 1807 году Александр I объявил переводчику романа «Тоска по отчизне» свою немилость. Лубяновскому грозила ссылка в Сибирь.²⁶ Очевидно, что Александр I в первое десятилетие своего царствования от Юнга-Штиллинга вовсе не был в восторге. Только в 1816 году министр просвещения князь Н. А. Голицын разрешил полное издание романа «Тоска по отчизне» на русском языке, и книга стала распространяться по всей империи.²⁷ А. Е. Лабзина (1759–1825) сообщает в своих мемуарах, как ее муж осенью 1818 года в семейном и дружеском кругу читал отрывки из романа «Тоска по отчизне» и как чтение этих текстов религиозного содержания приносило присутствующим душевное утешение.²⁸

9 января 1804 года Малиновский в переводе романа «Теобальд, или Мечтатели» дошел до «Первого Отделения», где речь идет о том, что английские религиозные общества квакеров и методистов не могли произвести влияния на общественную мысль в Германии. Мы не знаем, в каком темпе Малиновский переводил текст. Но можно предположить, что он до конца 1803—начала 1804 года интенсивно занимался романом. По

²² ИРЛИ, ф. 244, оп. 25, № 317, л. 9 об.

²³ *Högy T. Jung-Stilling und Rußland. Untersuchungen über Jung-Stillings Verhältnis zu Rußland und zum «Osten» in der Regierungszeit Alexanders I // Schriften der J. G. Herder-Bibliothek Siegerland e V. Siegen, 1984. Bd. 12. S. 6.*

²⁴ См.: *Jung-Stilling-Bibliographie...* S. 23. (№ 184).

²⁵ Воспоминания Ф. П. Лубяновского. 1777–1834. М., 1872. С. 214.

²⁶ Там же. С. 237–241.

²⁷ См.: *Geiger M. Aufklärung und Erweckung. Beiträge zur Erforschung Johann Heinrich Jung-Stillings und der Erweckungstheologie. Zürich, 1963; Merthens E. Jung-Stilling und der Kreis um Frau von Krüdener // Zwischen Straßburg und Petersburg. Vorträge aus Anlaß des 250 Geburtstages von Johann Heinrich Jung-Stilling / Hrsg. v. P. Wörster // Schriften der J. G. Herder-Bibliothek Siegerland e V. Siegen, 1992. Bd 25. S. 41–92; Haumann H. «Das Land des Friedens und des Heils». Rußland zur Zeit Alexander I als Utopie der Erweckungsbewegung am Oberrhein // Pietismus und Neuzeit. 1992. Nr. 18. S. 132–154.*

²⁸ См.: *Лабзина А. Е. Воспоминания.* СПб., 1914. С. 135.

причинам пока неизвестным он вдруг прервал свой перевод в середине «Первого Отделения». Дело не в том, что ему не хватало знания немецкого языка: он прекрасно понимал смысл переводимого текста, но большая часть романа, сотни страниц, так и не была переведена им. Сюжетом романа Василий Федорович, видимо, не интересовался. В переведенных им листах введения условные персонажи Юнга-Штиллинга — сам Теобальд, Ганс, Кольб и многие другие лица — не встречаются. В самом случае мы уже давно смогли бы заметить, что рукопись является переводом романа. Внимание Малиновского привлекли прежде всего, во-первых, исторические экскурсы в начале романа и, во-вторых, некоторые нравственно-религиозные рассуждения в последующих частях. Русский просветитель сначала перевел «Предуведомление, которое прочесть непременно должно». В этом отрывке заметно увлечение Юнга-Штиллинга религиозными взглядами отца главного героя и самого Теобальда, похожими на религиозные воззрения отца автора и его собственные.

Важнейший вывод, к которому писатель приводит своего героя по изучении различных религиозных течений и взглядов, помещен на титульном листе первого тома в качестве лозунга: «Средняя мера лучше всего» («Mittelmass die beste Strass») Лучший путь к истинному временному и вечному счастью идет между неверием и мечтательством. «Неверие» и «мечтательство» («Unglaube» und «Schwärmerei») обозначают для Юнга-Штиллинга две крайности. Для Юнга-Штиллинга было естественным предполагать, что он имеет дело с верующими христианами как в случае личного общения, так и при обращении к читательской аудитории. Настоящий «безбожник» в его глазах был чудовищем. Действительно, в конце XVIII века в Германии — и тем более в России — «настоящими атеистами» были очень немногие. Олицетворением «неверия» в романе «Теобальд, или Мечтатели» предстают радикальный немецкий просветитель Иоганн Христиан Эдельманн (1698–1767) и французский деист Вольтер. В действительности же во время своего пребывания в Берлебурге (до 1742 года) Эдельманн пришел к выводу, что Бог вечен, неизменен и неразлучно связан с людьми.²⁹ За критику духовенства Эдельманн был обвинен в «атеизме», хотя был «атеистом» не более, чем деист Вольтер.

В романе «Теобальд, или Мечтатели» представлены самые различные социальные группы: простые верующие крестьяне и ремесленники, ортодоксальные священники всех встречающихся в Германии конфессий, истинные пиеисты и молчаливые, вольнодумствующие дворяне и масоны, бешеные богоборцы и дерзкие шарлатаны. Средний путь между фанатизмом и свержением рационализмом Юнга-Штиллиngu казался самым верным, и он вознамерился написать «Историю мечтателей» XVIII столетия. Историческое вступление, переведенное Малиновским, дает своего рода обзор направлений мысли в Германии с XV по XVIII век.

²⁹ См. Schwelett E. Johann Christian Edelmann—Repräsentant der radikalen Aufklärung // Aufklärung in Berlin / Hrsg. v. W. Forster. Berlin, 1989. S. 303. В 1737 г. Эдельманн как участник создания «Берлебургской библии» перевел первое предложение Евангелия от Иоанна «Am Anfang war die Vernunft» («В начале был Разум, здравый смысл»)

В истории немецкой литературы XVIII века вряд ли можно найти подобное сочинение. Именно это и заинтересовало Малиновского. Юнг-Штилинг сравнивает XV век с XVIII. Такие факторы, как введение книгопечатания и открытие «Нового света» в период Возрождения, расширили кругозор европейцев. По мнению Юнга-Штиллинга, время Реформации, гуманизма и Возрождения в Германии очень способствовало «общему познанию истины».³⁰ Для характеристики воздействия Реформации и перевода Библии автор использует типичную для периода Просвещения символику света. Малиновский переводит слова «das Licht» и «zu beleuchten» соответственно словами «свет» и «освещать», обозначившими ключевые понятия периода Просвещения в России. С тех пор как любой верующий получил возможность купить себе Библию на немецком языке и задуматься над ней, по-своему ее осмыслить, люди, по мнению Юнга-Штиллинга, освободились от необходимости прибегать к духовенству в качестве посредника при общении с Богом. Здесь он выступает защитником свободы мысли и совести. Возникновение свободных общин верующих и сект вне больших церковных организаций, по мнению автора, соответствовало Писанию, ибо апостол Павел говорит: «.. надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (Кор. I : 11, 19)

Как утверждает Юнг-Штилинг, XVII столетие было веком войн. Войны велись еще и в XVIII веке, автор называет их «частными».³¹ На связь войны и мира, с одной стороны, и развития или торможения истории мысли, с другой, в дальнейшем указал и В. Ф. Малиновский в своем главном труде «Рассуждение о мире и войне». По Юнгу-Штилингу начиная с периода церковной реформы дух нации в Германии проявился в писаниях многих неконформистских мыслителей. Он отдает предпочтение такому способу историографии, при котором отмечаются все проявления прогрессивной мысли в общественном сознании, а не повествуется о деяниях королей и военачальников. Он не упоминает Мартина Лютера, но говорит о переводе Библии на немецкий язык, как о событии, ведущем к духовному освобождению. Юнг-Штилинг, воспитывавшийся в кальвинистской вере, вырос вблизи той местности, где в 1726–1742 годах создавался полный перевод Библии в объеме 6000 страниц, с многочисленными замечаниями мистического характера (так называемая «Берлебургская Библия»). Он был известен и в России, но распространение его еще недостаточно изучено.³² В романе «Теобальд, или Мечтатели» Юнг-Штилинг обращает внимание именно на этот перевод Библии.

Юнг-Штилинг симпатизирует Готтфриду Арнольду, автору «Независимой истории церкви и еретиков» (1697–1699).³³ Арнольд сочувственно отзывался о всех христианских мыслителях, которые указывали на отсут-

³⁰ ИРЛИ, ф. 244, оп. 25, № 317, л. 2 об.

³¹ Там же л. 10.

³² См. *Urlinger J. Die geistes- und sprachgeschichtliche Bedeutung der Berleburger Bibel. Ein Beitrag zur Wirkungsgeschichte des Quietismus in Deutschland. Inaugural-Diss. Saarbrücken, 1969. S. 247.*

³³ См. *Gottfried Arnold (1666–1714) Mit einer Bibliographie der Arnold-Literatur ab 1714 / Hrsg. v. D. Blaufuß und D. Niewohner. Wiesbaden, 1995.*

ствии неравенства в раннехристианских обществах, за что были признаны еретиками. По мнению Юнга-Штиллинга, Арнольд, как и Христиан Томазиус (1655–1728), просветитель, чья деятельность развернулась в городе Галле, искали правду в области «мечтательства».

Не ограничиваясь вопросом о развитии религиозного мышления в Германии, Юнг-Штилинг высказался также о воздействии французской, английской и голландской литератур на немецкое общественное сознание. Он изложил взгляды янсенистов. О Декарте лишь упомянул, что тот «вел уборку» в области философии (Андре Глюксманн назвал ее «картезианским переворотом в мышлении»),³⁴ зато подробно изложил биографию мадам де Гюйон (1648–1717), выступавшей за интерконфессиональную христианскую внутреннюю сущность и потому пользовавшейся уважением в протестантских районах северной и средней Германии.³⁵ В автобиографическом романе «Антон Райзер», изданном в том же году, что и «Теобальд, или Мечтатели», К. Ф. Мориз (1756–1793) повествует, как он в районе курорта Пирмонт рос под влиянием книг и песен мадам де Гюйон.

Подобно роману «Антон Райзер» «Теобальд, или Мечтатели» содержит ряд элементов автобиографии. Под «мечтательным отечеством», упоминавшимся в начале, подразумеваются районы Зиген и Виттгенштейн. Юнг-Штилинг родился в 1740 году в селе Грунд, близ Хильхенбаха в районе Зиген. Ели и поныне стоят там такие высокие, что лучи солнца даже летом едва просвечивают сквозь хвою. Темные и величественные леса районов Зигена и Виттгенштейна защищали «мечтателей» и пустынных от преследований. Однако зрелище этих лесов навеивает грусть; они способствовали возникновению поэзии, близкой по настроению к природе. Подобно своему герою Теобальду Юнг-Штилинг отправился из «мечтательного своего отечества» в герцогство Берг. В районах Зиген и Виттгенштейн Юнг-Штилинг и ныне является самым популярным писателем. Многие жители знают его произведения наизусть.

Роман «Теобальд, или Мечтатели» в XX веке в полном виде не издавался. Однако он дает верное представление о неконформистских обществах в районах Берг, Зиген и Виттгенштейн, а также рисует точные портреты исторических личностей, известных Юнгу-Штилингу по рассказам живших еще современников этих людей.

Малиновский интересовался также возникновением тайного общества розенкрейцеров и потому перевел часть исторического экскурса, которую Юнг-Штилинг в своем романе вложил в уста патеру Игнатию. Упоминание Заратустры и основанной им «религии магов», по всей вероятности, было близко восточноеврейским интересам Малиновского, владевшего древнееврейским и турецким языками и занимавшегося даже китайским. Апология христианства, проводимая Юнгом-Штилингом, изображенный им процесс развития веры в Бога до крестовых походов как и легенда об

³⁴ См. *Glucksmann A Die cartesianische Revolution Von der Herkunft Frankreichs aus dem Geist der Philosophie Reinbek bei Hamburg, 1989.*

³⁵ См. *Eckardt M Der Einfluß der Madame Guyon auf die norddeutsche Laienwelt im 18 Jahrhundert Phil Diss Bremen, 1928*

испанском монахе Розенкрейце или де Роза Крус, были переведены Малиновским относительно полно. Поскольку в 1784 году орден розенкрейцеров объявил о своей самостоятельности, повествование Юнга-Штиллинга о возникновении этого братства, по всей видимости, вызвало особый интерес Малиновского, и тем более потому, что розенкрейцеры пытались реформировать общество посредством мистики, пансофии, алхимии, каббалы и магии.³⁶ Если московские «вольные каменщики» из кружка Н. И. Новикова стремились определить свое место на перепутье «между вольнодумством и религией», что подтверждается новоизданными письмами Новикова,³⁷ то это в определенном отношении соответствовало лозунгу Юнга-Штиллинга «средняя мера лучше всего».

Л. Б. Михайлова в статье о В. Ф. Малиновском отметила следующее: «Есть такой тип исторических личностей, которым суждено то исчезать из нашего сознания, быть едва очерченными на грани между памятью и забвением, то вновь возрождаться, возникать на новых поворотах истории».³⁸ Некоторые его замечания весьма современны. Так, в его «Рассуждениях о мире и войне» говорится, что благополучие любого государства в Европе теснейшим образом связано с общим благополучием и безопасностью всех народов. Предрассудки одних народов относительно других — здесь звучит мотив «предрассудка» (*préjugé*), свойственный европейскому Просвещению, — следует преодолеть, дабы способствовать взаимопониманию между ними и предотвратить войны. В отношениях между государствами и народами следует ввести правовые нормы, действующие между частными лицами.

Такие свидетельства нового мышления находят свое место в издании произведений и писем В. Ф. Малиновского на немецком языке, осуществляемом нами совместно с Л. Б. Михайловой. Это издание будет существенно отличаться от выпущенного Э. А. Араб-Оглы. Так, третья часть «Рассуждений о мире и войне» (И. С. Достян называла ее «европейской утопией Малиновского»³⁹) пока еще не печаталась в России.⁴⁰ В издание будут включены более поздние труды русского просветителя: статьи «Россиянин в Англии» (Э. Кросс и Ю. М. Лотман предполагали авторство

³⁶ См. *Frick K R H Die Erleuchteten Gnostisch-theosophische und alchemistisch-rosenkreuzerische Geheimgesellschaften bis zum Ende des 18 Jahrhunderts* Graz, 1973, *Yates F A Aufklärung im Zeichen des Rosenkreuzes* Stuttgart, 1975

³⁷ *Новиков Н И Письма* СПб, 1994

³⁸ *Михайлова Л Б Этико-педагогические взгляды В Ф Малиновского // Нравственный идеал русской философии* Материалы III Санкт-Петербургского симпозиума историков русской философии (3–5 апреля 1995 г) СПб, 1995 Ч 2 С 73

³⁹ *Достян И С «Европейская утопия» В Ф Малиновского // Вопросы истории* 1979 № 6 С 32–46

⁴⁰ Польский историк Й. Скворнек опубликовал третью часть на русском и на польском языках *Skowronek J Rozwazania o pokoju i wojne* Wasyla F Malinowskiego // *Teki Archiwalne*, 1978, N 4 S 23–57, *Aneks III Memorial W[asilija Fiodorowicza] M[alinowskiego] o narodowym samookresleniu, jako podstawie niezawieslego bytu politycznego narodów, pod tytułem «Rozwazania o pokoju i wojne, część III, Jassy 1801 — S -Petersburg 1803 // Adam Jerzy Czartoryski Pamiętniki i memoriały polityczne 1776–1809* Warszawa, 1989 S 567–599 Паола Феретти осуществила перевод всего сочинения на итальянский язык *Vassiliu Fedorovič Malinovskij Ragionamento sulla pace e sulla guerra, a cura di Paola Feretti* Napoli, 1990 См также *Feretti P Life and Work of Vassiliu Malinovski* Ph D Diss Cambridge, 1995

В. Ф. Малиновского; Л. Б. Михайлова доказала его)⁴¹ и «Записки о Молдавии» из журнала «Приятное и полезное препровождение времени», а также работа по еврейскому вопросу «Об утешении дочери Иудейской» (1803 г., найдена Л. Б. Михайловой).⁴²

Переводческая деятельность В. Ф. Малиновского является составной частью тех литературных контактов, которые П. Н. Берков характеризовал как высшую форму гуманизма, дружбы народов и веры в лучшее будущее человечества.⁴³

⁴¹ См.: *Cross A.* «By the Banks of the Thames»... P. 245–251; *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина... С. 190. *Михайлова Л. Б.* Выступление на конференции «Царскосельский лицей и традиции европейского просвещения». Пушкин. 16–18 октября 1991 г. См. также: *Беспрозвантый В.* Кто был автором «Россианина в Англии»? // В честь 70-летия проф. Ю. М. Лотмана: Сб. статей. Тарту, 1992. С. 49–56.

⁴² РГИА, ф. 796, оп. 84, № 633, л. 1–31; *Михайлова Л. Б.* Неизвестная работа В. Ф. Малиновского «Об утешении дочери Иудейской» (рукопись).

⁴³ См.: *Berkov P. N.* *Literarische Wechselbeziehungen zwischen Rußland und Westeuropa im 18. Jahrhundert.* Berlin, 1968. S. 6.

В В КОСТЮКОВА

В. В. ИЗМАЙЛОВ И С. РИЧАРДСОН

**(К истории западноевропейского влияния
на русскую сентиментальную повесть 1810-х годов)**

В В Измайлов, младший современник и последователь Н М Карамзина, известен нам прежде всего как поклонник идей и художественного творчества Ж-Ж Руссо (его статьи на просветительско-философские и касающиеся нравственного воспитания темы, напечатанные в издававшихся им журналах, полны отсылок к идеям Руссо, он открыл на свои средства пансион для мальчиков, где пытался использовать педагогическую систему, описанную в романе Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1805), литературная ориентация на «Новую Элоизу» Руссо заметна в его повестях «Ростовское озеро» и «Молодой философ», также он перевел «Руссовы письма о ботанике» (1810) и вслед за Руссо сам интересовался естественными науками)¹

Но, как показывает ряд его повестей, оригинальных и переводных статей, опубликованных в издаваемых им журналах («Вестник Европы» за 1814 г., «Российский музеум», 1815 г.), Измайлов так же высоко ценил и использовал в собственном творчестве и художественные достижения не менее известного русской читающей публике романиста — С Ричардсона (1689–1761)

Особенно часто имя Ричардсона и его героев появлялось на страницах «Вестника Европы» за 1814 год, когда Измайлов стал его издателем, определявшим идейную и художественную направленность журнала. Основными продолжали оставаться для Измайлова проблемы просвещения и воспитания — темы, поднятые еще в издаваемом им журнале «Патриот» (1804). Здесь он выступил с литературно-критической статьей

¹ *Дмитриев М А* Мелочи из запаса моей памяти 2-е изд М, 1869, *И(ванчин)-П(исарев) Н Д* О Владимире Васильевиче Измайлове // Литературная газета 1830 Т 2 № 66 22 ноября, *Сухомлинов М И* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению СПб, 1889 Т 2 С 264–266, *Горленко В П* Южно-русские очерки и портреты Киев, 1898 С 75–92, *Максимов А Г* 1) «Патриот» 1804 года Журнал воспитания, изд Измайловым // Лит вестн 1904 Т 8, 2) «Российский музеум, или Журнал европейских новостей» 1815 года, изд Измайловым // *Sertum bibliologicum* Пг, 1922, *Мордовченко Н И* Рус критика 1-й четв XIX в М, Л, 1959, *Кочеткова Н Д* Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания) СПб, 1994, *Лобанова Л П* Измайлов В В // Русские писатели 1800–1917 Биографический словарь М, 1992 Т 2 Г–К С 408–409

«Взгляд на повести или сказки»,² где подчеркивал воспитательную роль повести как жанра.

В период же издания «Вестника Европы» Измайлова интересуют проблемы именно женского воспитания, влияние светского общества на становление женского характера. Поэтому особое внимание в журнале уделено женской теме: помещаются материалы о знаменитых женщинах XVIII столетия, многочисленные повести, представлявшие разные женские характеры и судьбы.

Среди этих повестей особенно выделяются повести самого Измайлова, появившиеся одна за другой в «Вестнике Европы» (1814) — «Летучие листочки, или Тайные записки светской дамы», «Обе школы, или Свет и уединение» и «Противоречия, или Гордость ума и слабость сердца». Все три повести объединены одной идеей — идеей развращающего влияния света на личность женщины.

Выделяются эти повести прежде всего тем, что, с одной стороны, они продолжали традицию «светской» повести, заложенную Карамзиным, с другой же — в них заметен поиск новых тем и художественных средств, приведший к достаточно интересным находкам.

Хотя повесть «Летучие листочки» вышла анонимно, можно предположить, что автором ее был Измайлов, — сравнительный анализ этих трех повестей показал их стилистическую близость. Анонимность же использовалась им как литературный прием для придания достоверности «тайным запискам» некой светской дамы, пожелавшей остаться неизвестной.

Перейдем к анализу повести «Летучие листочки, или Тайные записки светской дамы». Цель нашего анализа — установить, какое влияние оказал Ричардсон на повесть Измайлова.

Повесть написана под несомненным идейным и художественным влиянием «Моей исповеди» Карамзина. Исследователи отмечали, что в последних повестях Карамзина отразились новые художественные принципы писателя, свидетельствующие о существенных изменениях, произошедших в его мировоззрении и творчестве («понятие „чувствительность“ значительно расширяется и даже приобретает новый смысл»; главным предметом изображения становится «злодей»; создается большая дистанция между автором и героем; появляется авторская самоирония).³ Измайлов же как один из самых глубоких почитателей и последователей Карамзина чутко уловил изменения в художественной системе писателя и попытался воплотить эти новые художественные принципы в собственном творчестве. На фоне многочисленных подражаний «Бедной Лизе» Карамзина⁴ «Летучие листочки» Измайлова выглядели глубоким, интересным произведением.

² Патриот. 1804. Ч. II. № 5. С. 208–213.

³ Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803) // Учен. зап. Таргуск. ун-та. 1957. С. 122–162; Макогоненко Г. П. Литературная позиция Карамзина в XIX веке // Русская литература. 1962. № 1. С. 68–106; Кочеткова Н. Д. Утверждение жанра в литературе сентиментализма и переход к новым поискам // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Л., 1973. С. 53–77.

⁴ Сиповский В. В. Русский роман, переводной и оригинальный, за первую половину XIX столетия (1800–1850) // РО ИРЛИ, ф. 279, № 21, л. 11 об.

Следуя «Моей исповеди» Карамзина, Измайлов в «Летучих листочках» ставит проблему влияния на личность «светского» общества, а главным предметом психологического анализа делает отрицательного героя. Измайлов, как и Карамзин в «Моей исповеди», ставит задачу разобраться в психологии отрицательного персонажа.

В основе повести лежит оригинальный сюжет о том, как некая светская дама Елена пытается выгодно выйти замуж. При этом она использует всяческие уловки и, когда ей не удастся «заполучить» нужную ей кандидатуру, вынуждена довольствоваться мало интересным для нее и сторонящимся «света» Датуровым. Неожиданно для героини, которая считала, что выходит замуж за недалекого человека, которым можно будет руководить и вести светский образ жизни, муж оказывается умным, сильным и безупречно честным человеком. Основная сюжетная коллизия повести — идейное противостояние Елены и Датурова, т. е. противостояние нравственных принципов «чувствительного» героя цинизму его антипода — герою «света». Герой «света» (Елена) разоблачен, но при этом перевоспитать его не удастся, он остается прежним «отрицательным» героем.

Если общая идея образа «отрицательного» героя (герой понимает пошлость «света»), но принимает его законы и живет в согласии с ними) заимствована у Карамзина, то сам характер как «отрицательного» персонажа, так и его антипода — «чувствительного» явно ориентированы, на наш взгляд, на ричардсоновские характеры Ловласа и Грандисона. Такая ориентация неоднократно подчеркивается автором на протяжении всей повести — Елена читает романы Ричардсона, высказывает свое мнение по поводу их главных героев. Измайлов использует выработанный писателями-сентименталистами (Н. Ф. Эмин, Н. М. Карамзин) и ставший «общим» местом для поэтики сентиментальной прозы прием характеристики мировоззрения героя кругом чтения или вводит для той же цели рассуждения своих персонажей о любимых ими книжных героях.⁵ Исследователь М. В. Иванов видит за этим художественным приемом еще и «стремление подключить свое произведение к образцу»,⁶ что, по его мнению, является характерной особенностью как европейского, так и русского сентиментализма. Он исходит из выдвинутого им положения о нормативности эстетики «карамзинистов» в отличие от эстетики самого Карамзина. Нормативность же предполагает некий эстетический канон, а «подключение» — способ подчеркнуть принадлежность произведения этому канону.

Исследователь указывает на разные варианты такого «подключения»: «подключение» через название произведения («Российская Памела», «Российский Вертер» и т. д.); указания самих авторов на свою зависимость от образцов в предисловиях; называние своих героев именами героев известных произведений; чтение главными героями знаменитых произ-

⁵ Кочеткова Н. Д. Герой русского сентиментализма. 1. Чтение в жизни «чувствительного» героя // XVIII век. Сб. 14. Л., 1983. С. 121–143.

⁶ Иванов М. В. Поэтика русской сентиментальной прозы // Русская литература. 1975. № 1. С. 115–121.

ведений, благодаря чему проводится аналогия между ними и «высокими» героями.

Прием «подключения» использует и Измайлов. В данном случае он «подключает» свою повесть к романам «образцового» Ричардсона. Так, в «Летучих листочках» Измайлов использует чтение главной героиней двух романов Ричардсона «Кларисса, или История юной леди» и «История сэра Чарльза Грандисона» как прием обрисовки ее характера. Причем прием этот Измайлов использует уже в начале повести (она начинается с чтения героиней указанных романов), тем самым как бы сразу предлагая ключ к пониманию характера Елены.

Елена не просто читает романы Ричардсона, она пытается анализировать образы Ловласа, Клариссы, Грандисона. Ее суждения об этих образах резко отличаются от общепринятых. Так, Ловлас для нее не злодей, а человек, владеющий «тонким искусством» оболъщения, с которым интересно вступить в поединок. Образ же Грандисона, напротив, оценивается ею как скучный и утомительный в своем совершенстве: «Характер Ловласа, при всей его резкости, заманчивее характера Грандисона, которого совершенство для меня утомительно. Первый задает по крайней мере труд отыгрываться от его тонкаго искусства, а последний оставляет без дела ум и сердце женщины, ведя ее за руку на свободном пути любви, удерживая ее от падения, следуя за каждым ее шагом почти как неотступная Минерва за любовником Евхарисы».⁷

Мнение Елены об образе Клариссы идет вразрез с мнениями «философов» и «моралистов» (вероятно, Елена наслышана о восторженных отзывах об этом образе Д. Дидро, Ж-Ж. Руссо, Х. Ф. Геллерта, А. Галлера). Высокие оценки именно этих авторов (на них ссылались во многих русских сентиментальных журналах) повлияли на восприятие ричардсоновских образов в русском образованном обществе. Трактовка же образа Елены, отличная от общепринятой, используется Измайловым как прием для передачи ее мировосприятия. Этот эпизод является косвенным свидетельством степени известности в русском образованном обществе как самих романов Ричардсона, так и мнения о них знаменитых европейских авторов.

Елена не воспринимает Клариссу как образец стойкой добродетели. Она считает, что, окажись Кларисса в других обстоятельствах, она бы, забыв добродетель, как любая светская дама стала бы удовлетворять свое самолюбие игрой-борьбой с противоположным полом. Героиня Измайлова пытается снизить высокий образ Клариссы: «Нет, воля ваша, господа философы и моралисты, будь только Кларисса в других обстоятельствах, не в заключении и не в изгнании, а на свободе, на обширном театре света, где героини любви могут вести равный бой с Алкидами другого пола, и Ловелас утешит ея самолюбие, займет ея сердце приятнее всех Грандисонов в мире».⁸

Измайлов пользуется здесь приемом характеристики отрицательного персонажа, который состоит в том, что герой критически оценивает заведомо положительные образы и, напротив, восхищается образами отрица-

⁷ Вестник Европы. 1814. № 15. С. 179–180.

⁸ Там же.

тельными, чем и обличает себя. Елена обличает себя оценкой, данной ею героям Ричардсона — Клариссе и Грандисону. Образ же Ловласа ей близок и интересен. В этом заметна попытка автора задать аналогию между своей героиней и образом Ловласа.

И далее, уже возникшая параллель Елена — Ловлас находит дальнейшее подтверждение по ходу развития сюжета и характера героини. Рассмотрим на примерах, с помощью каких художественных средств раскрывается автором эта аналогия. Во-первых, нужно отметить сходство мотивов поведения Елены и Ловласа, заключающееся в следующем: и Елена, и Ловласу важны любовные победы в свете, их поступками движет самолюбие и гордость. На эту особенность характера Ловласа указывает М. Голден.⁹

Измайлов наделяет свою героиню отдельными чертами характера Ловласа: она умна, самолюбива, иронична и цинична. Ее образ создается автором с помощью тех же художественных средств, что и образ Ловласа, и прежде всего используется речевая характеристика героини (она читана, цитирует известных авторов, играет словами и т. д.).

Елена, как и Ловлас, словесно выражает свою суть: «...какое обширное поле для женских побед»; «...и без того дело мое требовало всех хитростей Овидиевой науки»; «подцепила его на дно моих глубоких сетей, но он ускользнул» и т. д.

Елене, как и Ловласу, свойствен цинизм. Например, она говорит о предполагаемом выгодном для нее женихе престарелом графе Д**: «...по годам своим он годился бы быть стражем Султанского сераля» или «...почивали его оранжерейными фруктами, чтобы вкусными плодами оживить немного его мертвые соки».¹⁰ Или, попав в общество сельских дворян, она иронизирует по поводу их разговоров и привычкой разделяться на две половины, женскую и мужскую. В связи с этим она цинично заявляет: «...это разделение на подобие того, как обещано в день Страшного Суда разделить праведных и грешных».¹¹

И Ловлас, и Елена, не веря в женскую добродетель, всегда стремятся испытать ее, если на их пути встречается ее образец. Как цель Ловласа состоит в том, чтобы испытать добродетель Клариссы (об этом он сообщает в Письме 185 к своему другу Бельфорду), так и цель Елены — испытать Софию и Датурова. Рассуждения Елены и Ловласа о беспорочных женщинах очень близки: «Такие типы женщин существуют лишь потому, что по каким-то причинам отсутствуют искушения, а не потому что они могут устоять против них».¹²

Сельское уединение для нее — «имеет великую цену в отношении к любовным завязкам, ибо гораздо легче в отсутствии другой женщины завязать и укрепить узел сердечной любви».

И хотя характер главной героини и не дан в развитии (автор сосредоточился на другом — на описании и психологическом обосновании ха-

⁹ *Golden M. Richardson's Characters. The University of Michigan Press. 1963.*

¹⁰ Вестник Европы. 1814. № 15. С. 184.

¹¹ Там же. № 20. С. 251.

¹² Там же. С. 249.

рактера и поведения Елены как уже «отрицательного» образа), но все же эта эволюция декларируется им весьма характерным способом — героиня вспоминает, что и у нее когда-то, до вхождения в свет, Грандисон был любимым героем, в то время как сейчас она увлечена его антиподом Ловласом. Так, Елена размышляет: «Помню живо, что в детстве моем любила я страстно картину высоких добродетелей в книгах и на театре; сердце мое трогалось бедствиями несчастных; ничто изящное не было чуждо моему сердцу; и я проливала слезы от удивления Грандиссону, и подобным ему героям».¹³

Далее Измайлов использует один из известных приемов характеристики героя — прием пародирования отрицательными героями положительных персонажей. Например, Елена, разыгрывая «романическую комедию» с Любковичем, одним из предполагаемых женихов, отводит себе роль Клементины, известной героини Ричардсона из романа «Грандисон». Елена притворно повторяет смиренную позу Клементины «... положила руку на сердце, взглянула на небо, опустила взоры на землю и стояла в живописном положении чувствительной Клементины».¹⁴

Итак, Измайлов создает образ сильной, волевой женщины, которая подобно Ловласу привыкла побеждать в светских любовных интригах.

При создании образа Датурова Измайлов явно ориентировался на образ Грандисона. Елена и сама его сравнивает с Грандисоном. Грандисон, как и муж, для нее скучны (она считает его «фанатиком добродетели», поступающим «по правилам строжайшей честности, наблюдаемой им во всех делах жизни»). Измайлов делает своего героя таким же принципиальным в своей добродетели, каким является ричардсоновский Грандисон. Так, Грандисон оставляет Клементину, поскольку она другого вероисповедания, а Датуров — Елену, объясняя это тем, что опасность грозит его добродетели.

Таким образом, в повести «Летучие листочки, или Тайные записки светской дамы» образы главных героев созданы под явным влиянием образов Ричардсона. Причем образ Елена — Ловлас более глубокий, чем русские Ловласы XVIII века (ср.: Ветрогон из романа Н. Эмина «Роза, полусправедливая и оригинальная повесть»; граф Плуталов и Ветролет из романов П. Львова «Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки» и «София»). Главным стал отрицательный герой, чей образ, благодаря ориентации автора на известный персонаж Ричардсона, получился богаче и живее, чем положительный (Датуров).

В основе сюжета другой повести Измайлова того же года «Противоречия, или Гордость ума и слабость сердца» лежит мотив, на наш взгляд, взятый им из «Клариссы» Ричардсона. Мотив этот можно определить как мотив любви, скрытой за дружбой и внешними противоречиями. Вообще же, эта тема привлекала внимание Измайлова, о чем свидетельствует переведенный им диалог «Любовь и Дружба», который появился в «Вестнике Европы» в 1813 году, т. е. годом раньше повести «Противоречия».

¹³ Там же. № 21. С. 5.

¹⁴ Там же. № 15. С. 184.

Герои повести стараются представить себя антиподами, внешне они в состоянии борьбы, гордыня не позволяет им признаться, что они влюблены друг в друга (ср.: в романе Ричардсона за внешней борьбой между Ловласом и Клариссой — глубоко скрытый интерес друг к другу).

Правда, у Ричардсона этот мотив подчинен главной теме — теме духовного противостояния порока и добродетели. Измайлов же ставит перед собой более простую психологическую задачу: выявить истинную причину споров и противоречий, возникших между героями. Конфликт повести Измайлова в отличие от конфликта ричардсоновской «Клариссы» не несет в себе никаких глубоких социальных и нравственных оснований. Он носит чисто этический характер: гордыня и тщеславие, черты характера главных героев, являются движущей силой конфликта повести.

Измайлов явно проводит параллель между своим героями, Валерией и Евгением, и героями Ричардсона, Клариссой и Ловласом. Он использует реминисценцию, отсылающую читателя к роману Ричардсона «Кларисса». Так, когда между героями Измайлова зашел разговор о дружбе, Валерия, сообщает автор, «хвалила описание сей героической страсти в Ричардсоновой Клариссе и в Руссовой Элоизе, и говорила шутя, что «любовь отсвечивается в дружбе, как солнце в стекле или в воде».¹⁵ Здесь явная отсылка к эпизоду из романа «Кларисса», в котором героиня отвергает любовные посягательства Ловласа, говоря, что она испытывает к нему лишь дружеские чувства. В ответ же она слышит от Ловласа эти ироничные слова.¹⁶

Попробуем проанализировать, какую идейную и художественную функцию несет эта реминисценция в данной повести. Валерия и Евгений рассуждают о дружбе и любви, причем Валерия превозносит дружбу, а Евгений считает ее «жалким подобием любви». Та же тема дружба-любовь присутствует и в романе Ричардсона, где Кларисса «героически» пытается убедить и себя, и Ловласа в том, что она испытывает к нему лишь дружеские чувства. Ловлас же, как и Евгений, предпочитает дружбе любовь. Валерия определяет «дружбу» Клариссы как «героическую страсть», и сама Валерия всячески пытается скрыть свое чувство к Евгению под видом дружбы.

Намеченная автором параллель поддерживается психологической зарисовкой взаимоотношений его героев, в основе которых лежит борьба двух самолюбивых и гордых натур. Измайлов наделяет в целом положительный образ Евгения отдельными чертами образа Ловласа: «Евгений имел строгие добродетели, едва смягченные глубокою чувствительностью, великую привязчивость к светским порокам и маленькую слабость досадовать на успехи, чуждые его славе».¹⁷ Образы Валерии и Клариссы при всей своей несхожести имеют одну общую черту — и та и другая пытаются скрыть любовное чувство за дружбой, обе противостоят предмету своей страсти. Правда, если противостояние Клариссы Ловласу несет в себе высокий духовный смысл, то противостояние Валерии Евгению — это всего лишь светское соперничество.

¹⁵ Вестник Европы. 1814. № 10. С. 89.

¹⁶ Clarissa, or the History of a Young Lady. London, 1769. Vol. V. P. 170.

¹⁷ Вестник Европы. 1814. № 10. С. 87.

Таким образом, в основу повести «Противоречия» Измайлов положил один из мотивов «Клариссы» Ричардсона (мотив любви, скрытой за дружбой и внешними противоречиями), но при этом иначе сюжетно оформил его. Чтобы поддержать свою повесть авторитетом образца, Измайлов использует прием уподобления (через реминисценцию).

В повести «Обе школы, или Свет и уединение» тема вынесена уже в название — противопоставление двух миров, «светского» и «уединенного». Тема стала одной из центральных для «Вестника Европы» 1814 года. Свое духовное обоснование она нашла в «Молитве уединенного» Н. Д. Иванчина-Писарева, помещенной Измайловым вслед за повестью «Обе школы». Это своеобразная молитва сентиментально настроенного человека, благодарящего Бога за то, что он «удалил его от зараженных развратом городов» и в «блаженном уединении» он «издали взирает» на «кровавую игру страстей ненасытных и злобных».¹⁸

Содержание повести сводится к следующему: главная героиня Пальмира из домашнего «уединения» попадает в «светское» общество и становится жертвой интриги, затеянной дочерью хозяйки «светского» салона Модолоубовой. Желая отомстить своей удачливой сопернице, к которой ушел граф Изумрудов, она делает все, чтобы разорвать их отношения: пытается заинтересовать графа невинной Пальмирой. Пальмира же постепенно увлекается графом, подчиняется законам «света». Только стараниями добродетельного, стонящегося «света» Ипполита Милодарова ей удается вернуться к прежним добродетелям.

В этой повести, как и в «Летучих листочках», Измайлов использует прием «подключения» произведения к образцу — «подключение» через чтение героями известных произведений. В данном случае герои Измайлова читают романы Ричардсона «Клариссу» и «Грандисона», благодаря чему проводится аналогия между ними и «высокими» героями Ричардсона. Из текста повести следует, что «чувствительный» герой и его сестры зачитывались романами Ричардсона. В соответствии с канон сентиментальной повести чтение происходило в беседке, романы выбирались «маминькой» и читались в ее присутствии. Чтению в семье героя придавалось большое воспитательное значение: «... мы летели скорее к развязке романов (ричардсоновских. — В. К.), а заботливая материнская любовь останавливала нас на каждой странице, заставляя замечать возвышение чувств, благородство любви, нравоучения писателя».¹⁹ Герои Измайлова оценивают окружающих их людей через любимые ими образы Ричардсона: «Этот дерзкий мальчишка, перешептывались мы с сестрицею, не будет никогда благоразумным Грандисоном, а этот гордый Нарцисс не обещает ли другого Ловеласа?»²⁰ Идеальным героем в семье становится «робкий, стыдливый, осторожный юноша» — идеал, воспринятый ими из романов С. Ричардсона, Г. Филдинга и Ж.-Ж. Руссо.

Благодаря подобному приему «подключения» в читательском восприятии проводится аналогия между образом Ипполита Милодарова и Гран-

¹⁸ Вестник Европы. 1814. № 8. С. 297.

¹⁹ Там же. № 4. С. 257.

²⁰ Там же. С. 258.

дисоном Ричардсона. Кроме того, у них одна сюжетная функция — «спасательная»: Грандисон спасает мисс Байрон от посягательств сэра Харгрейва и затем женится на ней, а Милодаров спасает Пальмиру от графа Изумрудова и интриг Модолобовой и тоже женится на ней.

Измайлов наделил Милодарова отдельными чертами характера Грандисона: он никогда не уступит в том, что может принести ущерб его чести или совести; он готов помочь нуждающимся.

Образ графа Изумрудова, «русского Ловласа», вполне типичный образ сентиментальной светской повести. Сходство образов чисто внешнее, поверхностное. Ричардсон вносил в образ своего героя глубокую идею (Ловлас ниспровергает общественную мораль, нарушая законы нравственности. Когда на его пути появляется Кларисса, образец высокой добродетели и сильной личности, его целью становится искушить и ниспровергнуть добродетель. Когда же это ему не удается, он прибегает к насилию. Добродетель повержена, но не сломлена). Ловлас блестящий светский обольститель, хорошо образованный и циничный.

Измайлов же ставил перед собой иную задачу — показать, как губительно действует «свет» на хорошую, но не стойкую героиню. Поэтому ему не нужен был такой «злодей», как Ловлас. Измайлов берет отдельные черты, присущие этому образу. В тексте находим авторские определения, данные графу Изумрудову, намекающие на связь этого образа с Ловласом Ричардсона. Измайлов, характеризуя своего героя, пишет: «Сей мастер любовного искусства и всех его хитростей наизусть читая Тибулла и Петрарку, Боккация и Парни, Фобласа и Кребилюновы сказки, умел говорить с женщинами, смотря по характеру и случаю языком наглаго сластолюбца, или нежного любовника. Никогда острота не украшала такого развратного ума и никогда щастие света не ласкало другого недостойнейшаго человека».²¹ Когда Измайлов называет его «красавцем и совершенным героем романа», у читателей не возникает сомнения, каким героем и какого романа является граф Изумрудов.

Как видим, в названных повестях Измайлов создавал свои образы, ориентируясь на известные ричардсоновские образы Ловласа, Клариссы и Грандисона. Кроме того, он использовал как средство характеристики своих героев чтение ими романов Ричардсона, а также реминисценции, напоминающие сцены из этих романов.

Касаясь проблемы востребованности образов английского романа русской прозой конца XVIII века, В. В. Сиповский в своем известном труде «Очерки из истории русского романа» приходит к выводу о том, что «излюбленными героями нашего «английского» романа оказались Памела, Ловлас, Юлия, Сен-Пре и Вертер; почти незаметны следы интереса к Клариссе и Грандисону ...»²² Но, как видно из проанализированных нами повестей, в начале XIX столетия эта картина несколько меняется. Образ Грандисона привлек внимание Измайлова. Так, он использовал его в своих повестях в качестве положительного образа, противостоящего хотя и главным, но «сбившимся с пути» героям. Грандисон Измайлова

²¹ Вестник Европы. 1814. № 2. С. 96–97.

²² Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2. С. 58.

в одной повести («Летучие листочки, или Тайные записки светской дамы»), не добившись возвращения героини к добродетели, наказывает ее, в другой же («Обе школы, или Свет и уединение») он достигает цели — героиня спасена.

Обращение Измайлова к образу Грандисона, на наш взгляд, обусловлено появлением в его повестях «отрицательных» героев в качестве главных. Автор вслед за Карамзиным проявил интерес к психологии «отрицательного» героя, попытался дать ее социальную мотивировку. С другой же стороны, он проявляет себя как идеалист, вводя в повести образы, близкие образу Грандисона.

Измайлов несомненно знал как положительные, так и отрицательные отзывы европейской критики об образе Грандисона, в которых отмечалось, что постоянное совершенство делает образ скучным. Для самого же Измайлова, жившего идеей воспитания через просвещение и отводившего в этом особую роль роману и повести, образ Грандисона не представлялся скучным, напротив, он был идеальным образом для воспитания молодого человека. Не случайно как бы в защиту этого образа Измайлов выбирает для перевода отрывок «из иностранного журнала», в котором звучит обличительная речь в адрес «света»: «Свет есть подозрительный тиран; для него ненавистно все, что выше обыкновенной меры <...> Не поставляют ли в порок Ричардсону постоянного совершенства в характере его Грандиссона? А Грандиссон есть только герой романа: публика обличила себя невольным образом».²³

Большое нравственное значение придавал образу Грандисона и Карамзин. В статье «О книжной торговле и любви ко чтению в России» он писал: «Кто начинает „Злосчастливым дворянином“, нередко доходит до Грандисона».²⁴ О той высокой роли, которую Карамзин отводил образу Грандисона, говорит и тот показательный факт, что в первоначальном тексте статьи читатель «доходит до чтения „Новой Элоизы“». В поздней же редакции Карамзин заменяет роман Руссо «Грандисоном» Ричардсона.²⁵

Суждения о другом, более ярком и противоречивом, образе Ричардсона — Ловласе находим в статье «О новой Элоизе», представленной как «Письмо Россиянки», помещенной Измайловым в издаваемом им «Вестнике Европы». Статья имела определенную цель — защитить роман Руссо от нападок некоторых европейских критиков, указывавших на отсутствие в нем «моральной цели». Для доказательства обратного автор проводит параллели между «Клариссой» Ричардсона и «Новой Элоизой» Руссо, и, находя идейное сходство этих романов, апеллирует к авторитету Ричардсона: «Из новой Элоизы можно вывести то же нравоучение, какое мы извлекаем из Ричардсоновой Клариссы. . .»²⁶ Основную идею этих романов автор видит в том, что добродетельная женщина в «опаснейшей из страстей человеческих» (любовь) «не должна верить ни уму, ни сердцу»,

²³ О вежливости нравов // Вестник Европы 1814 № 24 С 332–333

²⁴ Вестник Европы 1802 № 9 С 44

²⁵ Кочеткова Н. Д. Середина 1780-х годов — 1800 сентиментализм // История русской переводной художественной литературы Древняя Русь XVIII век СПб, 1995 Т 1 С 262

²⁶ Вестник Европы 1814 № 9 С 44

если ею «не руководствует опытный рассудок или просвещенный друг». Таким образом, все богатство идей «Клариссы» (главная героиня погибает, но остается духовно непобежденной; гибель героини приводит к духовному перерождению героя-злодея; и др.) у российского критика сводится к одной моралистической идее, перефразируя которую можно сказать, что неосторожная любовь всегда бывает в противоречии с добродетелью. Содержание же образа Ловласа сводится к тому, что он «зверский» и «совершенный злодей». Сравним это упрощенное понимание образа с его оценкой у Карамзина, который считал, что образ Ловласа будет «удивлением всех читателей и всех времен» благодаря тому, что в нем «видим какое чудное, однако ж естественное смешение добрых и злых качеств — Ловелас иногда благородный, иногда безбашенный, иногда чудовище ...»²⁷

Говоря о двух героях, Ловласе и Сен-Пре, автор статьи отдает предпочтение герою Руссо. В основе подобного выбора лежит характерное для сентименталистов отношение к роману, как действительному средству воспитания. Автор пишет: «Или я ошибаюсь, или преступление любви нравоучительнее в лице слабого Сен-Пре, нежели в лице зверского Ловеласа ...»²⁸ Далее логика автора такова: Ловлас — герой не типичный, в отличие от характерного для «света» образа Сен-Пре (добродушного, но слабого юноши), а поэтому подобные герои «гораздо обыкновеннее и скорее могут показать пример опасности для обоих полов».²⁹

Читателями романов Ричардсона Измайлов делает не только своих «чувствительных» героев, но и советует читать их всем «чувствительным» людям. Так, в издаваемом им «Российском музее, или Журнале Европейских новостей» (1815), он помещает переведенную им статью А. Ривароля «О чтении романов вообще и Английских в особенности»,³⁰ носящую явно программный характер. В ней ставилась насущная для русских сентименталистов тема света и «ослабления» или даже «совершенной утраты чувствительности». В качестве последнего средства ее «восстановления» автор назидательно предлагал чтение образцовых английских сентиментальных романов.

Содержание статьи соответствовало настроению, переживаемому Измайловым и поклонниками «чувствительного» чтения вообще. Об этом настроении мы можем судить по сохранившейся переписке Измайлова и его друга и почитателя, известного поэта и прозаика, декабриста Ф. Н. Глинки. Как следует из переписки, они обсуждали ту же волновавшую их проблему порождения светским обществом «холодных» людей и постепенного исчезновения людей «чувствительных». Читаем в письме Глинки к Измайлову: «Ваши мысли на счет холодности нынешнего светского общества (в котором больше прозаизма, нежели в самой бумажности губернского правления) весьма сходны с теми, кои имел я сам, обращаясь в свете или суеде и суетности».³¹

²⁷ Московский журнал 1791 Ч.4 С 109.

²⁸ Вестник Европы. 1814 №9. С 45

²⁹ Там же С 46

³⁰ Российский музей, или Журнал Европейских новостей 1815 Ч 4 С. 108–119

³¹ Письмо Ф. Н. Глинки к Измайлову. 1826 г. 13 дек Петрозаводск // Московский обозреватель 1877 №16 С 418

Статья была прямо обращена к «чувствительному человеку», которому трудно найти подобных себе по «сердцу и чувству», в утешение которому остается только чтение «отборных» английских романов и «уединенная беседа с самим собою».

Такой «чувствительный» читатель еще существовал в конце 20-х годов XIX века. Ярким примером этого и является Ф. Н. Глинка. Восхищаясь слогом Н. М. Карамзина и В. В. Измайлова, он писал: «Пусть кричат умопоклонники, пусть выхваляют свой правильный, сухой и холодный слог, я придерживаюсь сердца и повторяю одно и то же: с ума сойти можно, а с сердца никогда».³² Именно такому читателю Измайлов предлагает романы Ричардсона, Филдинга и Голдсмита.

Большая часть статьи посвящена Ричардсону. Ему отдается приоритет перед Филдингом и другими английскими авторами как писателю более глубокому и нравственному. Сравнивая роман с историей с точки зрения их полезности для воспитания нравов, автор отдает предпочтение роману, считая историю сухой. Романы же, но романы нравоучительные, «могут питать душу постоянным образом, согреть ее теплотою умеренною, которая приводит не в распаление, но в умиление. Ричардсон есть Корнель сего рода. Где почерпнем лучшую Философию нравов, как не в его романах? Как душа моя возвышается, смягчается и добреет, так сказать с Клариссою!»³³ Несколько страниц посвящено анализу образа Клариссы, анализируется сцена в притоне Сен-Клер. Среди всех английских романов предпочтение отдается романам Ричардсона.

Здесь же Измайлов помешает, по-видимому, собственный перевод еще не известного русскому читателю «Письма Ричардсону от супруги Клопштока».

Продолжая следить за европейской критикой в отношении жанра романа, Измайлов публикует в «Русском зрителе» (1828) переведенные им отрывки из предисловия только что вышедшего тогда романа В.-Ж.-Э. Жуи «*Sécile ou les Passions*», которые, на его взгляд, содержали «новые мысли и мнения» о романах, причем выбирает он отрывки, посвященные анализу творчества Ричардсона и В. Скотта. Проблемы, поставленные в этом предисловии, отражали содержание литературного процесса 20-х годов XIX века.

Конец 20-х годов XIX века — время угасания сентиментальной повести как жанра. Как отмечают исследователи, в прозаических опытах этого периода ощутимы новые тенденции, которые получили полное развитие в литературе следующего десятилетия. Проза усваивает опыт романтической поэмы, т. е. новый тип повествования. «Новые по сравнению с сентиментальной повестью композиционные принципы, новый герой позволили сделать ее отражением передовых умонастроений в эпоху, когда именно идейные искания стали определяющей приметой общественной жизни страны».³⁴

³² Письмо Ф. Н. Глинки к Измайлову. 1827 г. 10 янв. Петрозаводск // Московский обозреватель. 1877. № 16. С. 417.

³³ Российский музей. 1815. Ч. 4. С. 111.

³⁴ Петрушина Н. Н. Проза второй половины 1820-х—1830-х гг. // История русской литературы. Л., 1981. Т. 2. С. 501.

Состояние выбора между разными типами романов особенно заметно в журналах и альманахах середины 1820-х годов, где перемежаются отрывки из романов исторических и нравоописательных. Но уже 1830-е годы были периодом бурного расцвета исторического романа.

Предисловие Жуи «О романах», выбранное Измайловым для перевода, в определенной степени отражает состояние русской прозы 20-х годов — состояние выбора между традицией сентиментальной нравоописательной и романтической исторической прозы. И если в целом русская проза выбирает новый тип повествования, то Измайлов остается верен сентименталистским принципам. Так, вслед за автором, утверждавшим, что «творения В Скотта нанесли удар Ричардсоновским романам», Измайлов завершает этот вывод восклицанием «А зря!»³⁵

В предисловии анализируется созданный Ричардсоном роман «частной жизни», подчеркивается роль Ричардсона в создании новой формы повествования (роман в письмах), отмечается мастерство в создании характеров Руссо и Сталь — «сии два романиста уронили, по нашему мнению, славу романов в письмах». В предисловии утверждается, что на смену роману в письмах приходит исторический роман.

К Ричардсону обращается Измайлов и в своих рассуждениях о природе художественного творчества. В статье «Религия и философия» развивается характерная для этики сентиментализма мысль о религиозно-философской основе истинного творчества.

Философия имеет божественное происхождение и призвана исследовать причины зла и образовать «науку добра». Измайлов перечисляет имена великих людей, руководствовавшихся философией, среди которых в области романов называет Ричардсона. Так, он пишет «Философия от колыбели мира присутствует в совете великих умов, чтобы исследовать причины зол и образовать науку добра. Ею руководствовались в нравоведении Сократы и Плутархи, в законодательстве Платоны и Беккарии, в истории Тациты и Юмы, в Поэзии Гомеры, Горации, Поппи, Корнелии, Виланды, Державины, в самых баснях и романах Эзопы и Ричардсоны»³⁶. Следует отметить, что собирательный образ романистов назван не именем особо почитаемого Измайловым Руссо, а именем безусловно «нравственного» Ричардсона.

Таким образом, русская сентиментальная повесть 10-х годов XIX века все еще находилась под большим влиянием западноевропейской сентиментальной прозы. Исследованный нами материал позволяет говорить о Ричардсоне как об одном из авторов, продолжавшем влиять на русскую повествовательную литературу начала XIX века. Примером этого и является проза В. В. Измайлова.

³⁵ Русский зритель. 1828. № XV, XVI. С. 224.

³⁶ В(ладимир) И(змайлов). Религия и философия (русское сочинение) // Вестник Европы. 1814. № 17. С. 52.

И З СЕРМАН

НЕИЗДАННЫЙ КОНСПЕКТ М. В. ЛОМОНОСОВА «ТРАКТАТА О ВОЗВЫШЕННОМ» ПСЕВДО-ЛОНГИНА В ПЕРЕВОДЕ Н. БУАЛО

У этого ломоносовского текста странная судьба. В 1940 году Е. Я. Данько в своей до сих пор очень важной работе «Из неизданных материалов о Ломоносове»¹ указала, что «в деле № 9 по разряду XVII Государственного архива хранятся вместе с письмом Ломоносова к Виноградову — его конспекты трудов Буало и Готшеда. Французский текст озаглавлен «*Traité du sublime, ou du merveilleux dans le discours, traduit du grec, de Longin Par Nicolas Boileau Despreaux*» (л 2–7 в деле № 9). Данько датирует этот конспект временем не позже второй половины 1738 года.²

Поскольку исследовательница посвятила свою статью немецким материалам первостепенной важности (источникам «Письма о правилах русского стихотворства»), то она ограничилась только упоминанием конспекта Буало, предоставив возможность заниматься им другим исследователям или хотя бы публикаторам.

Упоминается этот конспект в Полном собрании сочинений Ломоносова³ и в книге А. А. Морозова,⁴ а в московском академическом сборнике написано, что Ломоносов «внимательно изучал „Поэтическое искусство“ Буало»⁵.

Я вспомнил о существовании этого конспекта после того, как напечатал свою работу «Ломоносов и Буало» (1982),⁶ до сих пор невостробованную новыми поколениями исследователей.

Только в послеперестроечную эпоху при помощи А. Л. Зорина, самоотверженно скопировавшего рукопись конспекта, я его получил и теперь публикую.

¹ Данько Е. Я. Из неизданных материалов о Ломоносове // XVIII век. Сб. 2. М., Л., 1940. С. 259.

² Там же. С. 261.

³ См. *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 8. М., Л., 1959. С. 872. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

⁴ Морозов А. А. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости 1711–1741. М., Л., 1962. С. 291–293.

⁵ Моисеева Г. Н. Поэтическое творчество М. В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 9.

⁶ Серман И. З. Ломоносов и Буало (проблема литературной ориентации) // *Le Monde russe et soviétique*. 1982. P. 471–482.

Перед публикацией я сверил текст с наиболее авторитетным изданием «Траите»,⁷ по которому указаны страницы. В некоторых случаях в ломанных скобках вставлены пропущенные и необходимые по смыслу слова.⁸

TRAITE DU SUBLIME OU DU MERVEILLEUX DANS LE DISCOURS TRADUIT DU GREC DE LONGIN

PAR NICOLAS BOILEAU DESPRÉAUX

Preface de Despreaux

Préface

Casaubon l'appelle un *Livre d'or*; voulant marquer par là le poids de ce petit ouvrage qui, malgré sa petitesse, peut estre mis en balance avec les plus gros volumes (334)

Chapitre II

quoique la Nature [ne se montre] jamais plus libre que dans les discours sublimes et pathétiques, il est pourtant aise de reconnoistre qu'elle n'est pas absolument ennemie de l'art et des regles. J'avoue, que, dans toutes nos productions, il la faut toujours supposer comme la base, le principe et le premier fondement. Mais aussi il est certain que nostre esprit a besoin d'une methode pour lui enseigner a ne dire que ce qu'il faut et a le dire en son lieu, et que cette methode peut beaucoup contribuer a nous acquerir la parfaite habitude du Sublime. Car comme les vaisaux sont en danger de perir, lorsqu'on les abandonne a leur seule legerete, et qu'on ne sçait pas leur donner la charge et le poids qu'ils doivent avoir, il en est ainsi du Sublime, si on l'abandonne a la seule impetuosite d'une nature ignorante et temeraire. Nôtre esprit assez souvent n'a pas moins besoin de bride que d'eperon < > (342–343)

La nature est ce qu'il y a de plus necessaire pour arriver au Grand. «Cependant, si l'art ne prend soin de la conduire c'est une aveugle qui ne sçait ou elle va.»

Telles sont ces pensees. *Les Torrens entortillez de flamme Vomir contre le Ciel. Faire de Boree son joueur de flûtes* < > (343)

De tous ceux-la pourtant je n'en vois point de si enfle que Clitarque. Cet Auteur n'a que du vent et de l'ecorce. Il ressemble a un homme qui, pour me servir des termes de Sophocle, «ouvre une grande bouche pour souffler dans une petite flûte» (343)

⁷ *Boileau Oeuvres completes*. Bibliothèque de la Pleiade. Introd. par A. Adam. Ed. établie et annotée par F. Escal. Paris, 1966. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

⁸ При раскрытии цитат использовано также издание *О возвышенном* / Перевод, статьи и примечания Н. А. Чистяковой. М., Л., 1966. Далее в тексте ссылки на это издание — Чистякова, с указанием страницы. Там же см. краткий очерк восприятия трактата «О возвышенном» в России (С. 115–117). В этой работе, а также в дополнительной сверке французского текста принял участие А. О. Демин.

Chap. III

Timee [en] est tout plain de froid⁹ < > En voulant louer Alexandre le Grand «Il a, dit-il, conquis toute l'Asie en moins de temps qu'Isocrate n'en a employé a composer son Panegyrique» (345)

Chap. IV

Toutes ces affectations cependant si basses et si pueriles, ne viennent que d'une seule cause, c'est a sçavoir de ce qu'on cherche trop la nouveaute dans les pensees qui est la manie surtout des Ecrivains d'aujourd'hui (347)

Chap. VI

Il y a [pour ainsi dire] cinq sources principales du Sublime < > 1 *Une certaine Elevation d'esprit, qui nous fait penser heureusement les choses* < > 2 *Pathetique* < > 3 *Les Figures tournees d'une certaine maniere* 4 *La noblesse de l'expression* qui a deux parties, le choix des mots, et la diction elegante et figurée < > 5 *La Composition et l'arrangement des paroles dans toute leur magnificence et leur dignite* (349-350)

Chap. VII

Pour moy, lui disoit Parmenion, si j'estois Alexandre j'accepterois ces offres — Et moy aussi, repliqua ce Prince, si j'estois Parmenion (351)

Autant qu'un homme, assis au rivages des mers,
Void d'un roc élevé d'espace dans les airs,
Autant des Immortels les coursiers intrepides
En franchissent d'un saut, etc (352)¹⁰

L'Enfer s'emeut au bruit de Neptune en furie
Pluton sort de son thrône, il pâlit, il s'ecrie,
Il a peur que ce Dieu, dans cet affreux sejour,
D'un coup de son Trident ne fasse entrer le jour
Et par le centre ouvert de la Terre ebranlee
Ne fasse voir du Styx la rive desolee,
Ne decouvre aux Vivants cet empire odieux
Abhorre des Mortels, et craint même des Dieux (352)¹¹

Il (Neptune — И С) attelle son char, et montant fierement
Lui fait fendre les flots de l'humide Element
Des qu'on le voit marcher sur ces liquides plaines
D'aise on entend sauter les pezantes Balaines
L'Eau fremit sous le Dieu qui lui donne la loi
Et semble avec plaisir reconnoistre son Roi
Cependant le char vole, etc (353)¹⁷

⁹ Cp Pour ce qui est de ce Froid et Pueril dont nous parlons Timee en est tout plein (345)

¹⁰ Илиада, V, 770-772

¹¹ Илиада, XX, 61-65

¹⁷ У Псевдо-Лонгина здесь компиляция стихов из различных мест Илиады XIII, 18 XIII 19 27-30

*Dieu dit Que la lumiere se fasse, et la lumiere se fit etc (353)*¹³

Mozes

Ainsi le Legislatateur des Juifs n'estoit pas un homme ordinaire, ayant fort bien conceu la grandeur et la puissance de Dieu, l'a exprimée dans toute sa dignité au commencement de ses Loix. (353)

Une epaisse obscurité avoit couvert tout d'un coup l'armée des Grecs et les empêchoit de combattre En cet endroit Ajax ne sachant plus quelle resolution prendre, s'écrie:

Grand Dieu, chasse la nuit qui nous couvre les yeux
Et combats contre nous à la clarté des Cieux (354)¹⁴

Chap. VIII

Heureux! qui, près de toi, pour toi seule soupire,
Qui jouit du plaisir de t'entendre parler¹⁵

Sapho

O prodigue etonnant! o fureur incroyable!
Des hommes insensez, sur de fresles vaisseaux,
S'en vont loin de la terre habiter sur les eaux
Et suivant sur la mer une route incertaine,
Courent chercher bien loin le travail et la peine
Ils ne goûtent jamais de paisible repos
Ils ont les yeux au Ciel et l'esprit sur les flots,
Et les bras étendus, les entrailles émues,
Ils font souvent aux Dieux des prières perdues (357)¹⁶

Cependant il n'y a personne, comme je pense, qui ne voye bien que ce discours est en effet plus fardé et plus fleuri, que grand et sublime Voions donc comment fait Homere, et considerons cet endroit entre plusieurs autres

Comme l'on voit des flots soulevez par l'orage
Fondre sur un vaisseau qui s'oppose à leur rage,
Le vent avec fureur dans les voiles fremit,
La mer blanchit d'écume, et l'air au loin gémit
Le matelot troublé, que son art abandonne,
Croit voir dans chaque flot la mort qui l'environne (357-358)¹⁷

Aratus a tâché d'enrichir sur ce dernier vers, en disant

Un bois mince et leger les defend de la mort¹⁸

Mais en fardant ainsi cette pensée, il l'a rendue basse et fleurie, de terrible qu'elle estoit (358)

¹³ Об этой цитате из Пятикнижия см Чистякова, 127

¹⁴ Илиада, XVII, 645-647

¹⁵ Сапфо, фрагмент 2

¹⁶ Отрывок из поэмы «Аримаспея» (См Чистякова, 24, 129)

¹⁷ Илиада, XV, 624-628

¹⁸ Цитируется стих (299) из поэмы Арата «Феномены» («Небесные явления») (См Чистякова, 25, 130)

En effet, de trop arrêter aux petites choses, cela gâte tout, c'est comme du moëllon ou des plâtras qu'on auroit arrangez et comme entassez les uns sur les autres, pour élever un bâtiment. (358)

Chap. X

L'Amplification <...> «est un accroissement de paroles que l'on peut tirer de toutes les circonstances particulieres des choses et de tous les lieux de l'oraison, qui remplit le discours, et le fortifie, en l'appuyant sur ce qu'on a déjà dit» (359–360).

La même différence, à mon avis, est entre Demosthene et Ciceron pour le grand et le Sublime, autant que nous autres Grecs pouvons juger des ouvrages d'un Auteur Latin. En effet, Demosthene est grand en ce qui est serré et concis; et Ciceron, au contraire, en ce qui est diffus et étendu. On peut comparer ce premier, à cause de la violence, de la rapidité, de la force et de la vehemence avec laquelle il ravage, pour ainsi dire, et emporte tout, à une tempeste et à un foudre. Pour Ciceron, on peut dire, à mon avis, que, comme un grand embrassement il devore et consume tout ce qu'il rencontre, avec un feu qui ne s'éteint point, qu'il répand diversement dans ses ouvrages, et qui, à mesure qu'il s'avance, prend toujours de nouvelles forces. (360)¹⁹

Chap. XI

Platon *De la République Dialogue 9*: [Les voluptueux] sont comme des bestes qui regardent toujours en bas, et qui sont courbées [vers] la terre. (361)²⁰

La noble jalousie est utile aux Mortels. (362)²¹

Hésiode opera et dies. V. 25.

Chap. XIII

Àu reste, vous devez sçavoir que les *Images* dans la Rhetorique, ont tout un autre usage que parmi les Poètes. En effet, le but qu'on s'y propose dans la Poésie, c'est l'étonnement et la surprise: au lieu que dans la prose, c'est de bien peindre les choses et de les faire voir clairement. Il y a pourtant cela de commun, qu'on tend à émouvoir en l'une et en l'autre rencontre.²²

Dans la poésie.

Mere cruelle, arrête, éloigne de mes yeux
Ces Filles de l'Enfer, ces spectres odieux.
Ils viennent; je les voy: mon supplice s'appreste,
Quels horribles serpens leur sifflent sur la teste. (363)²³
[Paroles d'Oreste dans Euripide, dans son Orestée, V. 255 e].

Et ailleurs:

Où fuirai-je? Elle vient. Je la vois. Je suis mort. (364)²⁴
[Euripide, Iphigénie en Tauriden]

¹⁹ Ср.: Чистякова, 28.

²⁰ Платон. Государство, IX, 586 А.

²¹ Гесиод. Труды и дни, 24.

²² Ср.: Чистякова, 31–32.

²³ Еврипид. Орест, 255–257.

²⁴ Еврипид. Ифигения в Тавриде, 291.

A l'aspect du peril, au combat il s'anime,
Et le poil herisse les yeux etincelants,
De sa queue il se bat les costez et les flancs, (364)²⁵

Le Soleil parle ainsi a Phaeton, en luy mettant entre les mains les rênes de ses chevaux

Prends garde qu'une ardeur trop funeste a ta vie
Ne t'emporte au dessus de l'arde Lybie,
La jamais d'aucune eau le sillon arrose
Ne rafraîchit mon char dans sa course embraze (364)

Et dans ces vers suivants

Aussitost devant toy s'offriront sept etoiles
Dresse par la ta course et suy le droit chemin
Phaeton, a ces mots, prend les resnes en main,
De ses chevaux ailez il bat les flancs agiles
Les coursiers du Soleil a sa voix son dociles
Ils vont le char s'eloigne, et plus prompt qu'un éclair,
Penetre en un moment les vastes champs de l'air
Le Pere cependant plein d'un trouble funeste
Le voit rouler de loin sur la plaine celeste,
Lui montre encor sa route, et du plus haut des Cieux,
Le suit autant qu'il peut, de la voix et des yeux
Va par la, luy dit-il revien detourne arreste (364)²⁶

Ne diriez-vous pas que l'ame du Poete monte sur le char avec Phaeton, qu'elle partage tous ces perils, et qu'elle vole dans l'air avec les chevaux?

[Euripide] La montagne a leurs cris repond en mugissant (365)²⁷

La Sublimate < > vient < > ou de *la Grandeur d'ame* ou de *l'Imitation*, ou de *l'Imagination* (367)

Chap. XXII

que [leur] long combat ne fait que commencer (377)

Iliad, Liv XV, v 697

Changement de personnes

De la vous descendez dans une plaine Quand vous l'avez traversee, vous pouvez vous embarquer tout de nouveau et en douze jours arriver a une grande ville qu'on appelle Meroe (378)

Chap. XXIII

Mais Hector qui les voit epars sur le rivage,
Leur commande a grands cris de quitter le pillage
D aller droit aux vaisseaux sur les Grecs se jeter

²⁵ Илиада XX 170–171

²⁶ Цитируется отрывок из несохранившейся драмы Еврипида «Фазтон» (Чистякова 32 33 132)

²⁷ Еврипид Вакханки 726

«Car quiconque mes yeux verront s'en écarter,
Moi-même dans son sang je cours laver la honte».²⁸

Ce discours auroit languï s'il y eût entremêlé: *Hector dit alors de telles ou semblables paroles.* <...> Le véritable lieu donc où l'on doit user cette Figure, c'est quand le temps presse, et que l'occasion qui se presente ne permet pas de differer <...>. (378)

Chap. XXIV

<...> comme dans la Musique le son principal devient plus agréable à l'oreille, lors qu'il est accompagné des différentes parties qui lui répondent; de même la Périphrase tournant à l'entour du mot propre, forme souvent, par rapport avec lui, une consonance et une harmonie fort belle dans le discours. (380)

Chap. XXV

<...> d'exprimer une chose basse en termes grands et magnifiques, c'est tout de mesme que si vous appliquiez un grand masque de Theatre sur le visage d'un petit enfant... (382)

Chap. XXIX

Les fournaïses du mont Etna, qui quelquefois jette du profond de ses abysses,

Des pierres, des rochers et des fleuves de flammes. (390)

Pind. Pith. I. P. 254. Edit. de Benoist.

Chap. XXX

Que les fautes dans le sublime se peuvent excuser. (390)

Chap. XXXIV

<...> l'Historien Theopompus a fait une peinture de la descente du Roy de Perse dans L'Egypte, qui est miraculeuse d'ailleurs: mais il a tout gâté par la bassesse des mots qu'il y mêle. «Y a-t-il une ville, dit cet Historien, et une nation dans l'Asie qui n'ait envoyé des Ambassadeurs au Roy? Y a-t-il rien de beau et de précieux qui croisse et qui se fabrique en ces Païs dont on ne luy ait fait des présens? Combien de tapis et de vestes magnifiques, les unes rouges <...> les autres historiées de couleurs! Combien de tentes dorées et garnies de toutes les choses nécessaires pour la vie! Combien de robes et de lits somptueux? Combien de vases d'or et d'argent enrichis de pierres précieuses ou artistement travaillez! Ajoûtez à cela un nombre infini d'armes étrangères et à la Grecque, une foule incroyable de bestes de voiture, et animaux destinés pour les sacrifices: des boissaux remplis de toutes les choses propres pour réjouïr le goust: des armoires et des sacs pleins de papier, et de plusieurs autres ustensiles, et une grande quantité de viandes salées de toutes sortes d'animaux etc.»

²⁸ Cp.: Aussi-tost dans son sang je cours laver la honte (378). Илиада, XV, 346–349.

De la plus grande élévation il tombe dans la dernière bassesse à l'endroit justement où il devoit le plus s'élever. Car mêlant mal à propos dans la pompeuse description de cet appareil des boissaux, des ragoûts et des sacs: il semble qu'il fasse la peinture d'une cuisine. (397–398)²⁹

Чап. I

Mais c'est à la charge, mon cher Téréntianus, que nous reverrons ensemble exactement mon ouvrage, et que vous m'en direz vôtre sentiment avec cette sincérité que nous devons naturellement à nos amis. (341)

Longin nous donne ici par son exemple un des plus importants préceptes de la rhétorique qui est de consulter nos amis sur nos ouvrages.

В свое время П. Н. Берков указал, какие большие возможности открываются перед исследователем, если он понимает (или хочет понять) всю масштабность литературных интересов Ломоносова.³⁰ Он установил много интересного, основываясь иногда только на частных и скудных данных.

Теперь в нашем распоряжении есть материал, уникальный по своим размерам, на скудном фоне того, что сохранилось от пребывания Ломоносова в Германии, т. е. от того времени, когда он серьезно занялся разработкой собственной литературной программы, конспект может очень многое прояснить в поэтическом самоопределении Ломоносова.

Ведь до сих пор считалось, что литературно Ломоносов всегда был ориентирован на немцев, получив в Германии основательную филологическую подготовку и на лекциях в Марбурге, и в ходе самостоятельных изучений немецкой критической литературы и поэзии. И все же эта старательно пройденная немецкая школа не помешала ему, как уже указывалось, в жанре торжественной оды следовать французским одическим поэтам Малербу, Буало, Ж.-Б. Руссо. В свое время о малербизме ломоносовских од убедительно писал Л. В. Пумпянский.³¹ Без ссылок на его работу об этом сказано в новейшем американском учебнике.³² Не касаясь в данной работе конкретных соотношений ломоносовской оды с французской одической традицией, я считаю, что для более точного анализа данной проблемы следует предвзительно понять, как решал Ломоносов для себя и, — как показала история, — для всей русской поэзии XVIII века проблему высокого стиля и что в европейском литературном контексте помогло ему в этом.

Когда после Елизаветинского переворота 1741 года церковнославянский язык в речах церковных проповедников снова стал претендовать на абсолютную гегемонию в русской словесной культуре, основательно поколебленную в 1720–1730-е годы, Ломоносов стал искать решения про-

²⁹ Ср Чистякова, 75–77

³⁰ Берков П Н Литературные интересы Ломоносова // Литературное творчество М В Ломоносова Исследования и материалы / Под ред П Н Беркова и И З Сермана М, Л, 1962 С 14–68

³¹ Пумпянский Л В Очерки по литературе первой половины XVIII в III Ломоносов и Малерб // XVIII век Сб I М, Л, 1935 С 110–130 Reprint Brucken Verlag GMBH, The Hague, 1968

³² Brown W E A history of 18th-century Russian literature Ardis, Ann Arbor, 1980 P 90–93

блемы высокого стиля вне тех крайностей, которые были представлены, с одной стороны, Кантемиром и Тредиаковским, а с другой — церковными ораторами 1740-х годов.

Что могло подсказать Ломоносову то решение проблемы, которое он наметил в *Риторике* (1744)?

Какой литературный опыт мог он использовать для решения этой чисто русской проблемы? Ведь ни одна из известных Ломоносову европейских литератур перед такой проблемой не стояла, ни немцы, ни французы, ни итальянцы не сталкивались с существованием в своей культуре двух разных, но в то же время очень близких и очень сходных языков.

Ни Готшед, которого как теоретика Ломоносов внимательно изучал в марбургский период своей жизни, ни другие немецкие теоретики 1730-х годов не могли ему помочь в решении чисто русских проблем, которые поставила перед поэтами особая, только в России существовавшая культурно-языковая ситуация.

Известное свидетельство его интереса к Буало есть в «Письме о правилах российского стихотворства» (1739), и оно полемично по своему содержанию. Ломоносов повторяет критическое замечание Готшета о неумении французов понять истинную фонетическую структуру своего собственного стиха, его тоническую, а не силлабическую иногда природу: «...понеже, надеясь на свою фантазию, а не на правила, толь криво и косо в своих стихах слова склеивают, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя они так же, как и немцы, могли бы стопы употреблять, что сама природа им в рот кладет, как видно в первой строфе оды, которую Боало Депрео на сдачу Немура сочинил:

Quelle docte et sainte ivresse
Aujourd'hui me fait la loi?
Chastes Nymphes du Permesse, etc. (230)

однако нежные те господа, на то не смотря, почти одними рифмами себя удовольствуют» (7, 13).

Как показала Е. Я. Данько, Ломоносов весь этот пример из Буало и его оценку взял буквально у Готшета, с некоторыми, правда, отступлениями³³ Этим примером из Буало, — как образцом тонического стиха, — Ломоносов целил и в Тредиаковского, в его «Оду торжественную о сдаче города Гданска» (1734), начальные строки которой представляют собой перевод первых строк оды Буало «На взятие Намюра», той самой, которую цитирует Ломоносов.

В оде Тредиаковского стихи Буало переведены силлабическим стихом, девятисложником:

Кое трезвое мне пианство
Слово дает к славной причине?
Чистое Парнаса убранство,
Музы! не вас ли вижу ныне?³⁴

³³ Данько Е. Я. Указ соч. С 268–269

³⁴ Тредиаковский В. К. Избранные произведения М., Л., 1963 С 129

Третьяковский не решился употребить вполне адекватный синоним французского *saint* — *священный* и предпочел ввести в свою оду оксюморон *трезвое пианство*.

Позднее Ломоносов в *Риторике* (1747) дал такой прозаический перевод первых четырех строк оды «На взятие Намюра» в числе примеров к фигуре «восхищения»: «И Боало Депрео, начиная оду свою на взятие Намюра, говорит: „Какое ученое и священное пьянство дает мне днесь закон? Чистые перmesseские музы, не вас ли я вижу? Поспешай, премудрый лик, к звону, который моя лира рождает“» (7, 285).

Ломоносов свободнее в подборе слов. У него не возникло сомнений, когда он ввел в текст своего перевода слово *священный* в сочетании с существительным *пианство*, рассчитывая на взаимную их стилистическую ассимиляцию, опираясь уже на значительный опыт своей собственной поэтической работы в 1740-е годы.

В указанных случаях Ломоносов Буало называет; однако у него можно, как я предположил, обнаружить и скрытое обращение к Буало, к тому самому переводу Псевдо-Лонгина, который Ломоносов конспектировал в Марбурге.

В *Риторике* (1744) Ломоносов включил цитату из книги Бытия, которая должна была послужить примером для риторической фигуры «представления»: «Представление есть подобное, но весьма краткое деяния изображение важными словами. Так представлено Божие сотворение света словом в книге Бытия: *и рече Бог: да будет свет, и бысть свет*, что несравненно великолепнее, нежели простая речь: Бог свет сотворил словом» (7, 59).

Позднее Ломоносов сделал то, к чему он очень редко обращался, он ввел эту библейскую цитату в текст «Оды на восшествие Елисаветы Петровны» (1746):

Уже народ наш оскорбленный
В плачевнейшей ночи сидел.
Но Бог, смотря в концы вселенны,
В полночный край свой взор возвел,
Взглянул в Россию кротким оком
И, видя в мраке ту глубоко,
Со властью рек: «Да будет свет»,
И бысть! (8, 140)

Как хорошо известно исследователям французской литературы конца XVII века, эта цитата из Библии занимает центральное место в цикле критических работ Буало и в спорах, ими вызванных.³⁵

У Псевдо-Лонгина в переводе Буало цитата из книги Бытия приведена без каких-либо дополнительных соображений как пример высокого наравне с цитатами из Гомера: «Ainsi le législateur des Juifs n'était pas un homme ordinaire; ayant fort bien conçu la grandeur et la puissance de Dieu, l'a exprimée dans toute sa dignité, au commencement de ses Lois, par ces

³⁵ Brody J. Boileau and Longinus. Genève, E. Droz. 1960. P. 17–18; Litman Th. A. Le sublime en France (1660–1714). Paris, 1971. P. 161–197.

paroles: *Dieu dit que la lumière se fasse et la lumière se fit Que la Terre se fasse, la Terre fut faite*» (353).

Теперь, когда в нашем распоряжении есть конспект этого «Рассуждения», сделанный в Марбурге, мое гипотетическое предположение можно подтвердить записью в этом конспекте: *Dieu dit que la lumière se fasse et la lumière se fit, etc*

Именно этот образ привлек внимание Ломоносова и по этой записи был им введен в оду 1747 года.

Полагаю, что данный конспект поможет ответить на вопрос, который в свое время оставил без разъяснений внимательный исследователь поэзии Ломоносова Л. В. Пумпянский в очень содержательной, но, к сожалению, опубликованной только в 1983 году работе «Ломоносов и немецкая школа разума». Последовательно ограничив воздействия на Ломоносова немецких поэтических школ 1730-х годов, исследователь ставит вопрос, что он считает «главной особенностью ломоносовского стиля». ³⁶ Сам он определяет этот стиль, как «парящий». При этом Пумпянский констатирует, что «парение совершенно чуждо школе разума (и буалоизму) и имеет совершенно другие исторические корни. Но как к ним подойти? Есть ли в западной оде аналогии ломоносовскому стилю? Есть ли прямые западные источники?» ³⁷

Когда я писал книгу о поэтическом стиле Ломоносова, эта работа Пумпянского не была известна, но вопрос о природе и генезисе «парящего», если пользоваться терминологией Пумпянского, стиля у Ломоносова я пытался определить. Тогда я писал, что «в параграфе 239 *Риторики* (1748) Ломоносов к фигуре „восхищения“ дает исключительно стихотворные образцы, ибо, как он говорит в заключительных строках его, „сей фигуры хотя нет в правилах у древних учителей красноречия, однако есть много примеров в употреблении“, иными словами, как „фигура“, т. е. как осознанный поэтический прием, „восхищение“ (восторг) было понято только в Новое время, и потому, очевидно, Ломоносов считает его свойством стиля поэзии Нового времени вообще и своего собственного творчества в частности». ³⁸

Как кажется, конспект Буало, сделанный Ломоносовым, позволяет определить самый ближайший источник парящего стиля, который так интересовал Л. В. Пумпянского.

Когда я высказал свои соображения о том, как Ломоносов ориентировался на Буало, решая собственные стилистические задачи, то я не сопоставил ломоносовское отношение к Буало-поэту с ориентацией на Буало основоположника новой русской поэзии — Кантемира.

В свое время Л. В. Пумпянский, опираясь на тогдашнее представление во французской науке о литературной репутации Буало, полагал, что Буало к концу 1720-х годов, т. е. к моменту, когда им заинтересовался Кантемир, уже не был живым явлением французской литературы, и по-

³⁶ Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Сб. 14 Л., 1983 С. 39

³⁷ Там же С. 41

³⁸ Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова М., Л., 1966 С. 137

этому обращение к нему Кантемира не отражало литературных позиций молодого поэта, а было чем-то вроде профессионального тренажа: «Буало не современник Кантемира; он умер в 1711 г.; для поколения Кантемира он уже не живой литературный факт, а именно бесспорный „образец“, давно канонизированный и приравненный к римским классикам сатиры...»³⁹

Формально это замечание верно: Кантемир хронологически не был литературным современником Буало, но интерес к его сатирам появился у него совсем не потому, что Буало через десять лет после своей смерти был «бесспорным образцом». Таким образом он стал гораздо позже. Заявить о своей приверженности к Буало в конце 1720-х годов значило выбрать определенную литературную позицию самостоятельно и ответственно, на основе точного представления о том, что происходило в это время во Франции, где о Буало много и страстно спорили, а не в России, где, кроме кружка друзей Кантемира, о нем еще вообще не знали. Более того — знакомство Кантемира с франкоязычной журналистикой могло обратить его внимание на одно очень интересное для французской литературной жизни обстоятельство. Он мог легко убедиться в том, что Буало в это время вполне живой автор, хотя и умер в 1711 году, автор переиздаваемый и читаемый. Только издание сочинений Буало с комментариями его друга Броссета выходило с 1711 по 1740 год; было продано 20 000 экземпляров.⁴⁰ Издание выходило в Голландии, в условиях цензуры, и поэтому привлекло к себе французских читателей. По мнению исследователя литературной судьбы Буало во Франции в XVIII веке, он был, особенно в первой половине столетия, самым обсуждаемым автором. О Буало спорили, у него были убежденные защитники и упорные противники.⁴¹

Вопреки традиции, которая сложилась уже к концу XVIII века, видеть в Буало *только критика*, только теоретика, наука XX века вновь «открыла» Буало-поэта.⁴² Так, например, Броди показал, что Буало создал свою собственную систему поэтической семантики. Например, глагол *savoir* (знать, уметь) у него применяется во многих случаях в «функциональной связи» (*functional closeness*) со словами *génie, talent, secret, goût*. Буало наделяет слова, преимущественно глаголы, особым спектром значений, которых они не имели до него в литературном языке. Он употреблял эти глаголы для характеристики своих друзей-поэтов, высокого уровня их искусства.⁴³ Он восхищается Мольером:

Que tu ris agréablement!
Que tu badines savamment!

.

³⁹ Пумпянский Л. В. Кантемир, Третьяковский // Гуковский Г. А. Русская литература XVIII в. М., 1939. С. 51.

⁴⁰ Miller Y-B. Boileau en France au XVIII siècle. Baltimore and London, 1942. P. 143.

⁴¹ Подробнее об этом см. Серман И. З. Кантемир и Буало. (Проблема литературной ориентации) // Russia and The World of the Eighteenth century Slavica Publishers. 1985. P. 634–650.

⁴² Brody J. Boileau and Longinus. P. 33.

⁴³ Там же. P. 49.

Jadis sous le nom de Terence
Sut-il mieux badiner que toi? (127)

Тот же глагол (*savoir*) помогает понять мастерство Расина

Que tu *sais* bien, Racine, a l'aide d'un acteur,
Emouvoir, etonner, ravir un spectateur! (127)

Особое значение интеллекта и способности к глубокому пониманию вещей получает у Буало и слово *esprit*⁴⁴ Буало сделал определенную группу отвлеченных понятий современной ему философской мысли своего рода действующими лицами своей поэзии, ее персонажами. Так, понятие *разум* (*raison*) в его поэзии не имеет значения *здравого смысла* (*bon sens*) как его стали понимать враги рифмы и поэзии⁴⁵. *Разум* у него имеет двойное значение, двойную роль: он обозначает не только самую творческую способность поэта, но созданное им, результат действия этой способности. По мнению Броди, в следующих стихах Буало —

Tout doit tendre au Bon sens mais pour y parvenir,
Le chemin est glissant et penible a tenir,
Pour peu qu'on s'en ecarte, aussitôt on se noie,
La Raison, pour marcher, n'a souvent qu'une voie (158) —

«the itinerary of Boileau to express the paradox in temporal terms, the consummations of this voyage requires an impossible synchronism between the time of travelling and the moment of arrival» Таким образом, поэтическая работа у Буало метафорически изображается как особого рода плавание, где в каждый момент происходит движение и достижение цели этого движения.

Несколько замечаний о методе конспектирования Ломоносова. Кроме существенных для него общих суждений он приводит в своем конспекте стихотворные отрывки из седьмой, восьмой и тринадцатой глав «Рассуждения».

Конспект, как в этом легко убедиться, сделан выборочно. Ломоносов выписывал основные положения, касающиеся проблем *высокого* т е то, что его интересовало особо. Это касалось первых шести глав «Рассуждения» и далее главы десятой.

Часто Ломоносов делал записи как бы для памяти. В главе седьмой у Псевдо-Лонгина есть пространное рассуждение о том, какие качества нужны настоящему оратору, великому человеку, который избегает пошлых (*extraordinaires*) суждений. Ломоносов не фиксирует это рассуждение, а приводит только заключительный обмен репликами между Парменионом и Александром Македонским (351).

В той же главе Буало вставляет строку, как он думает, из Гесиода об адской богине:

Une puante humeur lui coulait des narines

⁴⁴ Там же Р 59

⁴⁵ Там же Р 65

Он так ее комментирует (даю в переводе): «На самом деле он не представляет эту богиню ужасной, но противной и отвратительной». В противоположность этой поэтической неудаче он приводит стихи Гомера как пример истинно величественного изображения. Не фиксируя предшествующего рассуждения, Ломоносов восторженно оцененные четыре строки переписывает (353), как и следующие две цитаты из Гомера. Конспект, в котором Ломоносов с особым интересом переписывает стихотворные переводы античных поэтов и драматургов, как мне кажется, убедительно свидетельствует о том, что воспринимал он Буало как поэта, а не как педанта-теоретика. И у него находил иногда Ломоносов ключ к загадкам создаваемого им поэтического стиля.

В заключение было бы несправедливо обойти молчанием очень основательную книгу А. М. Пескова «Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX в.» (1989), хотя Ломоносов в ней появляется как третьестепенный персонаж. Но эта книга ретроспективно помогает понять в свете позднейшего интереса к Буало в литературе начала XIX века, как мог французский поэт помочь формированию поэзии на русской почве.

К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

ОТРЫВКИ ОБ ИСКУССТВАХ М. Н. МУРАВЬЕВА

18 сентября 1802 года в расцвете творческих сил скончался выдающийся русский скульптор Михаил Иванович Козловский, в котором соотечественники с гордостью видели «ревнителя Фидию, российского Бонарота». Вскоре после его погребения президент петербургской Академии художеств А. С. Строганов обратился в Совет Академии с письмом, которое было рассмотрено на заседании от 6 октября 1802 года. В нем было предложено объявить конкурс на лучшее надгробие Козловскому, причем одно из условий творческого соревнования состояло в том, чтобы его участники избегали пышности и не ваяли объемных фигур: «...в рассуждении сего объяснить воспитанникам, что они мысли свои расположили более в выражении чувств душевных, нежели в представлениях пышных и великолепных: то есть таким образом, чтобы предметы, качества его изображающие, были не столь огромны и не представляли бы фигур отделенных».¹

Почти через два месяца, на заседании Совета от 11 декабря 1802 года был объявлен победитель — большая золотая медаль была вручена юному скульптору Василию Демут-Малиновскому. Помимо него малые золотые медали были вручены воспитанникам Степану Пименову (скульптурный класс), Александру Протопопову (архитектурный класс) и Оресту Кипренскому (живописный класс).² На том же заседании было объявлено об избрании в почетные члены Академии художеств М. Н. Муравьева и графа С. О. Потоцкого.³ В материалах заседания Совета от 31 января 1803 года

¹ Письмо А. С. Строганова с формулировкой условий конкурса было впервые полностью опубликовано в кн.: *Шмидт И. М. В. И. Демут-Малиновский*. М., 1960. С. 31–32. Его содержание, впрочем, было уже давно известно из краткого изложения в сборнике материалов по истории Академии (см.: *Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования* / Под ред. П. Н. Петрова. СПб., 1864. Т. 1. С. 430–431).

² Там же. С. 434–435.

³ Там же. С. 433. В дальнейшем Муравьев активно участвовал в жизни Академии: он был инициатором проведения конкурсов по созданию надгробий И. И. Лепехину и А. А. Мусину-Пушкину, предлагал программы для «обучающихся резному художеству на камнях» и т. п. (См.: Там же. С. 444, 446, 453, 456, 466, 474, 481, 486–487 и др.).

содержится крайне скудная информация о том, что Академия планировала в это время издание собственного периодического органа, которое, впрочем, так и не было осуществлено «Для будущего издания академического журнала полагается быть оному в большую осьмушку с гравированными рисунками, между которыми помещать произведения и русских художников, как живописцев, так скульпторов и архитекторов»⁴

В начале января 1803 года М Н Муравьев обратился к вице-президенту Академии художеств П П Чекалевскому со следующим письмом, к которому было приложено три прозаических миниатюры

«Милостивый государь мой Петр Петрович!

Позвольте удостоенному вами почетному любителю утруждать вас прочтением сих отрывков От суждения вашего превосходительства зависит, ежели они заслуживают, поместить их в записки Академии С истинною признательностью и совершенным почтением честь имею быть

милостивого государя
вашего превосходительства
покорнейший слуга
Михайло Муравьев»⁵

17 января 1803 года упомянутые в письме отрывки были зачитаны в Совете Академии художеств и рекомендованы для публикации в «будущем издании Академии»⁶ В течение последующих ста пятидесяти лет три кратких текста Муравьева покоились в архиве, пока наконец искусствоведы не обратили на них внимание⁷

Публикуемые ниже отрывки Муравьева интересны в первую очередь как его наиболее поздние высказывания на художественные темы Они далеки от оригинальности и важны, скорее, как результат осмысления прочитанных книг, знакомства с произведениями изящных искусств, посещения выставок петербургской Академии художеств и т д Они отражают определенную систему ценностей и приоритетов, дальнейшему упрочению и распространению которых были призваны содействовать

Если обратиться к более ранним произведениям поэта, к его записям, делавшимся сугубо для себя, то станет очевидным, что раздумья о художествах были неотъемлемой частью его интеллектуальной жизни в течение многих лет Значительное число разрозненных суждений Муравьева об искусстве можно найти на страницах трехтомного собрания его сочинений, опубликованных К Н Батюшковым и В А Жуковским в 1819–1820 годах В данной заметке хотелось бы также обратить внимание на несколько неопубликованных записей поэта

Характерной особенностью мышления Муравьева было стремление к оценочности и упорядочению, приводившее к составлению разнооб-

⁴ Там же С 439 Ср также РГИА, ф 789, оп 1, ч 1, ед хр 1643, л 1

⁵ РГИА, ф 789, оп 1, ч 1, 1803, ед хр 1632, л 2

⁶ Там же Л 1

⁷ Коваленская Н Н 1) История русского искусства XIX века М, 1951 С 13, 2) Русский классицизм живопись, скульптура, графика М, 1964 С 256, 265–266 и др, Петров В Н М И Козловский М, 1977 С 209, Верещагина А Г Русская художественная критика конца XVIII — начала XIX века Очерки М, 1992 С 143

разных списков имен в его дневниках. В них суммировались почерпнутые из различных источников знания, выверялись оценки, нередко производилось сравнение русских достижений в той или иной области с достижениями западноевропейскими. Подобные перечисления художников, свидетельствующие о пристальном интересе Муравьева к развитию русского искусства, встречаются в дневниках поэта 1780–1790-х годов неоднократно.⁸ Муравьев, как и многие его современники, особенно восторженно относился к А. П. Лосенку, видел в нем русского Рафаэля, художника, способного встать вровень с западноевропейскими мастерами.⁹

Отрывки, представленные на суд Совета Академии художеств, проникнуты той же патриотической гордостью за успехи соотечественников, тем же историческим оптимизмом, той же просветительской убежденностью в возможности рационального постижения законов искусства. Помимо всего прочего они примечательны тем, что по отношению к ним в отличие от других сочинений Муравьева можно с уверенностью говорить о значительном, хотя, возможно, и опосредованном влиянии на русского поэта идей И. И. Винкельмана.

Несомненно, есть определенное сходство между многими более ранними утверждениями Муравьева и отдельными положениями немецкого историка искусства (я имею в виду восторженное преклонение перед древностью, мысль о необходимости подражания образцам как для художника, так и для стихотворца,¹⁰ восхищение Гомером,¹¹ частое предпочтение древним новым, признание Рафаэля, Корреджо и Тициана наилучшими художниками Нового времени,¹² некритическое отношение к знаменитой формуле Горация «ut pictura poesis» и признание вследствие того поэзии горящей живописью¹³ и т. п.), однако все эти идеи столь общи, столь типичны, имели столь широкое хождение во второй половине XVIII столетия, что признание непосредственным их источником трудов именно Винкельмана, было бы по меньшей мере наивным. К тому же его сочинений нет в числе книг Муравьева, большая часть которых находится ныне в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ.¹⁴

⁸ Ср., например, следующие списки в тетради, заполнявшейся в 1770–1790-х гг.: «Фидий, Практитель, Мишель-Анж, Жирардон, Лоррен, Фалконет, Пигаль, Пюжет, Пажу, Лемоень, Гардеев, Козловский, Шадрин» (РНБ, ф. 499, № 30, л. 39 об.); «Мишель-Анж, Як Бароций ди Виньола, кавал[ер] Бернини, Блондель, Баженов, Н. А. Львов, Гваренгий». (Там же, л. 40).

⁹ Ср. муравьевскую надпись «А. П. Лосенкову» (1777) и следующую запись в одном из дневников: «Мишель-Анж, Тинторет, Тициан, Рафаил, Корреж, Албан, Доминикин, Гвидо Иулий Римлянин, Болоньезе, Пармезан, Аннибал Карраш, Жордано, Маратти, Алб[рехт] Дюрер, Жувенет, Рубенс, Вандик, Веласкес еспаньолец, Ле Пуссень, ле Сюер, Ле Брюн, Конпель, Бушер, Ванлоо, Рету, Тьеполетто, Грюз, Раф[аил] Менгс, Батони, Лосенков». (Там же, л. 40 об.).

¹⁰ *Муравьев М. Н.* Полн. собр. соч. СПб., 1820. Т. III. С. 295.

¹¹ Там же. Т. I. СПб., 1819. С. 145–149, 207–209; Т. III. С. 140–141. См. также: *Езунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.; Л., 1964. С. 108–117.

¹² Там же. Т. I. С. 151; Т. III. С. 295.

¹³ Ср. стихотворения Муравьева «Об учении природы» (1779) и «К И. Ф. Богдановичу» (1782).

¹⁴ Приношу благодарность Г. А. Космолинской за возможность ознакомиться с каталогом книг М. Н. Муравьева, хранящихся в Отделе редких книг и рукописей Научной биб-

В «Эмилиевых письмах» (1789 или 1790) находим, правда, характеристику древних, близкую знаменитой формуле Винкельмана «*edle Einfalt, stille Größe*»,¹⁵ но и это рассуждение до такой степени общо, что вряд ли допустимо говорить о прямом влиянии идей немецкого ученого и теоретика искусства:

«Дух более возвышается с древними, и величественная простота их удобнее применяется ко всем временам и народам, нежели изысканная тонкость новых, которые владычествуют некоторое время и исчезают с модою. .».¹⁶

Первый из отрывков, «Происхождение живописи», Муравьев начинает с пересказа излюбленного в XVIII веке эпизода¹⁷ о дочери коринфского горшечника Бутада¹⁸ и ее возлюбленном из «Естественной истории» (кн. XXXV, 151) Плиния Старшего. Совершенно в духе Винкельмана и Менгса, неоднократно объявлявших рисунок основой изобразительных искусств, Муравьев обращается к юным художникам с призывом совершенствоваться в этом «основании всего». Далее в соответствии с концепцией «идеальной красоты»,¹⁹ которая в природе не встречается и которую художник по изысканию рассеянных в мире прекрасных черт должен воплотить в своих созданиях,²⁰ Муравьев предлагает подобно Зевксису²¹ стремиться к изображению «идеи прекрасного». Не случайно и упоминание «Аполлона Бельведерского» в качестве одного из вершинных достижений искусства. Как известно, описание этой скульптуры во второй части «Истории искусства древности»,²² использующее образы одного из гомеровских гимнов,²³ привлекло всеобщее внимание к этому античному шедевру.

лиотеки МГУ О библиотеке поэта см также *Мартынов И Ф* Библиотека и читательские дневники М Н Муравьева // Памятники культуры Новые открытия Письменность Искусство Археология Ежегодник, 1980 Л, 1981 С 48–62

¹⁵ Эта формула, и позднее неоднократно употреблявшаяся и варьирувавшаяся Винкельманом, была им впервые сформулирована в «Мыслях по поводу подражания греческим произведениям в живописи и скульптуре» (1755) «Благородная простота и спокойное величие, присущие греческим статуям, являются в то же время истинной отличительной чертой произведений греческой литературы периода расцвета» (*Винкельман И И* История искусства древности Малые сочинения СПб, 2000 С 317)

¹⁶ *Муравьев М Н* Полн собр соч Т I С 196, Т III С 174–176

¹⁷ См об этом *Tutsch C* «Man muß mit ihnen, wie mit seinem Freund, bekannt seyn» Zum Bildnis J J Winckelmanns von Anton von Maron Mainz, 1995 S 86

¹⁸ Муравьев называет его дочь Дибутадой, следуя распространенному ранее ошибочному чтению этого имени

¹⁹ См *Винкельман И И* Указ соч С 115, 309

²⁰ Ср Там же С 117–119

²¹ Винкельман также касается этого эпизода, донесенного до нас как Плинием Старшим, так и другими античными писателями Полемизируя с Бернини, немецкий историк искусства восхищается Зевксисом, сравнивавшим пять красавиц перед тем, как создать идеальный женский образ (Там же С 118)

²² Там же С 275

²³ См об этом в кн *Kraus K* Winckelmann und Homer, mit Benutzung der Hamburger Homer-Ausschreibungen Winckelmanns Berlin, 1935, *Schadewaldt W* Winckelmann und Homer Leipzig, 1941 Эта связь винкельмановских описаний с античной литературой живо ощущалась образованными современниками, как можно заключить из описания Ф Шиллером собрания антиков в Мангейме (1785), его русский перевод был опубликован уже в 1802 г [*Шиллер Ф*] Зала антиков в Мангейме Письмо путешественника датчанина // Новости русской литературы на 1802 г 1802 Ч 1 С 385–399

Если первый из отрывков содержит главным образом напутствия молодым художникам, то второй посвящен описанию образцового, по мнению Муравьева, скульптурного произведения. Весьма характерно поэтому, что при его описании поэт цитирует знаменитую формулу Винкельмана и говорит о воплощенной в нем «благородной простоте».²⁴ Это словосочетание не случайно и важно в первую очередь как отсылка к целому комплексу идей, к тому идеализированному образу античности, что сформировался во второй половине XVIII столетия под влиянием сочинений немецкого ученого и его единомышленников, лег в основу эстетической платформы Веймарского классицизма и надолго определил восприятие произведений искусства, представления о прекрасном и т. п.

Третий отрывок Муравьева посвящен московской архитектуре. Как нетрудно заметить, Муравьев не был ее поклонником и предпочитал ей строгие формы северной Пальмиры. Как и большинство современников, испытавших влияние нового, под влиянием Винкельмана и его последователей распространившегося филлэллинизма, поэт свысока относится к древнему русскому зодчеству, и в то же время он видит в «готическом вкусе»,²⁵ завезенном в Россию Аристотелем Фьораванти в XV веке, неизбежный и благотворный этап знакомства россиян с законами градостроительства. Все же постройки итальянского мастера, по его мнению, не могут быть сравнены со зданиями И. Е. Старова, Ф. И. Волкова и их учеников, в которых Муравьеву видится «возобновление» греческой архитектуры.

Это общее воззрение на историю искусств роднит три публикуемых отрывка с этюдом Муравьева «Художества российские» (предположительно 1790-е гг.), в котором культовые здания и скульптура древних греков возводятся в ранг эталонов: «Остатки греческих храмов и истуканов пережили все республики Греции и при возрождении наук в Европе служили и еще служат образцами прекрасного».²⁶ В то же время древнерусскому искусству (и в первую очередь иконописи и зодчеству) *de facto* отказывается в какой-либо эстетической ценности: «Довольствуясь возбуждать набожество молящихся, живописцы наши не ревновали последовать природе и не искали прекрасного в украшении храмов».²⁷ Поворот к подлинно эстетически значимым свершениям состоялся, согласно Муравьеву, лишь благодаря начавшейся европеизации России («Знаменитая эпоха преобразования России Петром I стала эпохой и искусств российских»); важнейшим свершением в связи с этим было основание в Петербурге Академии художеств 6 ноября 1757 года:

«Украшена счастливыми произведениями членов своих, Лосенкова, которой достоин быть главою Российских живописцов, Кокуринова [sic],

²⁴ Та же формула приходит Муравьеву на память, когда он характеризует образцовую, по его мнению, архитектуру Петербурга («благороднейшие формы простых и величественных зданий»).

²⁵ Умеренность позиции Муравьева становится еще более явной, если сравнить его мнение с уничтожительными суждениями Н. А. Львова о готических зданиях в «Итальянском дневнике» 1781 г.

²⁶ *Муравьев М. Н.* Полн. собр. соч. СПб., 1819. Т. II. С. 184.

²⁷ Там же. С. 185.

Баженова, обоих архитекторов, из которых последний особенно заслужил внимание иностранных. В меньшем искусстве Скородумов равняется с учителями своими англичанами Шубин, Козловский, Гордеев утверждают место свое между ваятелями так, как Архипов, Волков, Пескорский в исторических живописцах, Левицкий и Рокотов в портретном [роде]»²⁸

Попытка поэта опубликовать отрывки об искусствах в журнале, планировавшемся и не осуществленном Академией художеств, интересна еще и потому, что именно Муравьеву было суждено стать вдохновителем первого русского периодического издания, целиком посвященного искусству. После назначения Муравьева 24 января 1803 года попечителем Московского университета и его учебного округа, к которому были причислены губернии Московская, Смоленская, Калужская, Рязанская, Владимирская, Костромская, Вологодская, Ярославская, Тверская и Тульская,²⁹ он активно содействовал улучшению образования в Московском университете и приглашению туда иностранных ученых. По его же инициативе при университете возникло несколько печатных органов — один из которых, редактируемый И Г Буле «Журнал изящных искусств» (1807, кн 1–3), стал первым русским художественным периодическим изданием. Вероятно, именно интенсивные контакты Муравьева с Академией художеств в начале 1800-х утвердили поэта в мысли о необходимости подобного предприятия, осуществлению которого он стал позднее содействовать, используя свое высокое служебное положение.

Текст «Отрывков об искусствах» М Н Муравьева публикуется по белой писарской копии, хранящейся в РГИА (ф 789, оп 1, ч 1, 1803, ед хр 1632, л 3–10). Общее заглавие «Отрывки об искусствах» в рукописи отсутствует и принадлежит публикатору. Орфография и пунктуация модернизированы, сохранены лишь особенности написания личных имен. Сведения о широко известных художниках (Фидий, Пракситель, Рафаэль, Палладио, Фальконе, Левицкий и др.) и исторических событиях (свержение татарского ига и т. п.) в комментариях к заметкам Муравьева не вводятся.

²⁸ Цит. по рукописи, так как опубликованный текст носит следы издательского вторжения. ГИМ, ф 445, № 232, л 70–70 об. Ср. *Муравьев М Н* Полн. собр. соч. СПб., 1819. Т II. С 186.

²⁹ См. Дело по отношениям министра народного просвещения к куратору Московского университета и к начальникам губерний Московского округа об определении попечителем сего округа тайного советника Муравьева // РГИА, ф 733, оп 28, ед хр 4, л 1. Отмечу попутно, что столь авторитетные исследователи, как Е В Петухов и Н Л Жинкин, указывают неверную дату этого назначения — 21 ноября 1803 г. (*Петухов Е В* М Н Муравьев. Очерки // Журнал Министерства народного просвещения 1894. Кн 8. С 271; *Жинкин Н Л* М Н Муравьев (по поводу истекшего столетия со времени его смерти) // Известия Отделения русского языка и словесности 1913. Т XVIII. Кн 1. С 296), чему виной взаимно противоречащие сведения, сообщаемые С П Шевыревым (*Шевырев С П* История Московского университета 1755–1855. М., 1855. С 321–322, 327). Причиной ошибки, на наш взгляд, стало то, что в этот день — 21 ноября 1803 г. — Муравьев был назначен товарищем министра народного просвещения, причем в указе, по-видимому, были подтверждены и его прежние кураторские обязанности.

[Отрывки об искусствах]

Происхождение живописи

Греки, которых легкий и нежный вкус изыскивал красоту повсюду, оставили в преданиях своих историю или баснь о рождении живописи. По их сказаниям, богатый Коринф был местом рождения сего прекрасного искусства и любовь поводом.³⁰ Прекрасная Дибутада, дочь скудельного художника, внушила младому Дамону нежную страсть. Препятствия возвысили живость сего чувствования, которое составляет прелесть и мучение младости. Отсутствие, необходимою предписанное, увлекло юношу от мест, оживленных присутствием любезной. Но страсть, владычествовавшая в обоих сердцах, открывает им таинство обмануть разлуку и угадывать прелесть будущих веков. Уединенный светильник посредствует между любовников, и тень любимая изображается верными чертами на стене. Скоро начертание Дибутады становится сокровищем отсутствующего; и то, что любовь изобрела, любовь и дарование приводят в совершенство, а вкус и наблюдения возвышают в науку.

Оставьте хладную кисть, которых сердце неспособно возвышенной чувствительности, страстной любви прекрасного, восхитительного служения природы. Ваше долгое и бесполезное учение изменит неспособность вашу. Вы не пренесете на платно природы, которая не поставляет вас выше самих себя. Вы не воскликнете с Вернетом³¹ посреди грозных волн океана и молний, и мрака ужасной бури: какое восхитительное зрелище! Вы не останетесь недвижимы, изумлены при виде Аполлона Бельведерского.³²

Но вы, которые чувствуете в себе сердце, из нежнейшей персти созданное, которых воображение воскриляется с полетом Зефира, не полагайтесь единственно на неученое дарование. Подвергните опыты ваши строгому ученичеству. Посвятите бдения свои приобретению чистоты рисунка. Пускай природа, долго вами наблюдаемая, предстанет вам без покрывала и выразится под каждым движением руки вашей. Столько приятностей безименных, убегающих, неизвестных непросвещенному оку,

³⁰ Имеется в виду излюбленный в XVIII столетии эпизод из «Естественной истории» (XXXV, 151) Плиния Старшего: «Лепить из глины портретные изображения первым придумал гончар Бутад из Сикиона, в Коринфе, благодаря дочери: влюбленная в юношу, она, когда тот уезжал в чужие края, обвела тень от его лица, падавшую на стену при светильнике, линиями, по которым ее отец, положив глину, сделал рельеф и, когда он затвердел, подверг обжигу вместе с прочими глиняными изделиями, и передают, что он хранился там в Нимфее до тех пор, пока Муммий не разрушил Коринф» (Цит. по кн.: *Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве* / Перевод с латинского, предисловие и примеч. Г. А. Тароняна. М., 1994. С. 105). По мнению большинства современных исследователей, Бутад — личность реальная, а не легендарная. Полагают, что этот мастер жил в Коринфе в VII или VI в. до н. э.

³¹ Верне Клод-Жозеф (1714–1789) — французский художник-маринист.

³² Аполлон Бельведерский — скульптура работы Леохара (IV в. до н. э.), о бронзовом оригинале которой можно судить по позднейшей мраморной римской копии (Ватиканские музеи).

рассеяно в необъятной природе, что все дни жизни художника едва могут быть достаточны к наблюдению и произведению оных.

В самой природе художник, посвященный в таинствах ее, изыскивает прекрасное и ему единственно подражает. Таким образом Зевксис,³³ что написать изображение Елены, избирает в Кротоне десять прекраснейших дев³⁴ и дополняет многообразием образов идею прекрасного, которую в воображении своем сохраняет.

Без пользы блистательное составление красок, строжайшее наблюдение тени и света, самый пламень стихотворческого изобретения украшают картину, ежели недостает основания всего — правильности рисунка. Божественный Рафаэль, который оживотворял произведения богатой мечты своей и живописал разуму, оставил тысячу свидетельств прилепления своего к рисованью, сии картоны, составляющие учение и отчаяние художников. В своей краткой жизни, тридцати семи лет, жил он довольно для искусства и славы. Между нами рано похищенный судьбою Лосенков, который столько раз и столь удачно подражал кисти Рафаиловой, соревновал ему в сей первой части искусства, и Фидий века нашего, Фалконет, обещал более пространства славе своей, когда увидел изображение изваянного им героя,³⁵ умноженное рисунками Лосенкова.

Живописец Андромах³⁶ был прерван смертию в труде своем. Но потерю его заменяет нам живописец взятая казанского³⁷ картинами, Отечеству посвященными. Какое выражение силы в печенежском единоборце! Какое достоинство в победителе Казани! Какая торжественность в священном избрании младого Михаила! Живописец, наполненный любви Отечества, он достоин предавать бессмертию славу российских героев.

Но кто украсит миртом чело российских граций? Долго почтенный Левицкий изображал улыбку свободного сердца, задумчивость томных глаз. Многих остановил он счастливою кистию цвет юности и гордость преходящих лет. Нестор искусства, он позволяет соревнование питомцам своим: и во множестве вижу их, устремляющихся служить другому поколению. Служить красоте с надеждою славы есть двойное торжество художника.

³³ Зевксид (или Зевксис) из Гераклен — один из наиболее прославленных живописцев древности, о творческой деятельности которого, относимой ко времени ок 435–397 гг до н э, сохранилось большое число античных свидетельств (См *Overbeck J Die antiken Schriftquellen zur Geschichte der bildenden Kunst bei den Griechen Leipzig, 1868 № 1647–1691*)

³⁴ Имеется в виду эпизод написания картины Зевксиды «Елена» в храме Юноны Лацинии (Геры Лакинии), сообщаемый как Плинием Старшим в «Естественной истории» (XXXV, 61), так и другими античными авторами «...вообще же он был настолько тщательным, что, собираясь писать картину на доске для агригентцев, которые должны были посвятить ее от имени государства в храме Юноны Лацинии, он осмотрел их девушек обнаженными и выбрал пять девушек, чтобы передать на картине то, что было самого прекрасного в каждой из них» (Цит по кн *Плиний Старший Естественное знание Об искусстве С 91*)

³⁵ О «Медном всаднике» Э. М. Фальконе (1768–1778, при участии М. А. Колло и Ф. Г. Гордеева) и рисунке А. П. Лосенко, изображающем макет этого памятника (1770)

³⁶ О последней картине Лосенко «Прощание Гектора с Андромахой» (1773)

³⁷ Т. е. Григорий Иванович Угрюмов (1764–1823), следующие картины которого подразаются Муравьевым «Взятие Казани» (ок 1800), «Испытание силы Яна Усмаря» (1796–1797), «Избрание Михаила Федоровича на царство» (ок 1800)

Сие торжество есть наслаждение зрителя. Человек любит исполнением силы, которою одарен он подражать природе и творить с нею наперыв. Совершенство искусств есть крайнее произведение разума, и столетие Перикла есть столетие вкуса и мудрости.

Скульптура на гробе Козловского³⁸

Какой памятник, благородною простотою украшенный,³⁹ представляется взору моему? Я вижу орудии и произведения ваяния, небрежно разбросанные. Сама богиня искусства в одеянии печали, по длинному стану ее простирающемся, сидяща на гробнице, включающей прах любимца, сетующа, унывающая, склонив главу свою на одну руку, из другой опускает выпадающий млат. Юный художник! Ты чувствовал всю скорбь богини, которой внушения тебе не чужды. Скульптура говорит, кажется: Козловского нет более. Нет знаменитого художника, который заменял нам Канову,⁴⁰ которого чуждые страны завидовали России, который поставил в Петрополе образ другого Аннибала,⁴¹ не менее страшного Италии, унизившего вершины Альпов. Она говорит великодушным соперникам его в жизни, товарищам в искусстве: вы должны мне теперь и за себя, и за Козловского. Вы должны здесь повторить чудеса Фидиев и Праксителей. Ваш резец должен представить благодарности и любви россиян их собственных героев, воздать служение добродетелям гражданским и военным, воскресить Пожарского, изобразить Филарета, храбрых воевод древности Палецких, Курбских, Серебряных, мудрых бояр и советников царских Матвеевых, Долгоруких. Россия! сколько произвела ты великих мужей в древности, сколько в целое столетие новой славы своей! Ежели изваян посреди Петрова града образ величественный основателя его, то не дышат еще в меди усердные его сподвижники Голицыны, Меньшико-

³⁸ Как явствует из описания Муравьева, речь идет о гипсовом проекте надгробия Козловскому, исполненном С. С. Пименовым. Это объемная скульптура, изображающая скорбящую музу ваяния с молотом в руке (оригинал хранится ныне в Государственном Русском музее в Петербурге). Пименов сознательно отклонился от условий конкурса, согласно которым рекомендовалось изготовление барельефа, а не объемных фигур, в силу чего ему была присуждена лишь малая золотая медаль (*Петрова Е. Н.* Степан Степанович Пименов 1784–1833. Л., М., 1958. С. 13–14).

³⁹ Как показал В. Штаммлер, выражение «благородная простота» («*noble simplicité*», «*Edle Einfalt*») весьма частотно в произведениях французских и немецких классицистов XVII–XVIII веков. Однако после публикации «Мыслей по поводу подражания греческим произведениям в живописи и скульптуре» (1755), специфическое содержание, вложенное в него Винкельманом, в течение долгого времени доминирует в подавляющем числе европейских сочинений на эстетические темы (*Stammeler W.* «*Edle Einfalt*» Zur Geschichte eines kunsttheoretischen Topos // *Worte und Werte*. Bruno Markwardt zum 60. Geburtstag / Hrsg. von G. Erdmann und A. Eichstaedt. Berlin, 1961. S. 359–382).

⁴⁰ В произведениях Антонио Кановы (1757–1822) его современникам виделось возрождение античного ваяния и наилучшее воплощение эстетических идеалов, сформулированных Винкельманом и его последователями. Среди поклонников итальянского скульптора были и профессор Петербургской академии художеств, избравшей Канову в «почетные вольные общники» 1 ноября 1804 г. (ф. 789, оп. 1, ч. 1, 1803 г., д. 1773, л. 4). С июня 1803 по конец 1806 г. Канова руководил по поручению Академии занятиями посланного в Рим В. И. Демут-Малиновского.

⁴¹ О памятнике А. В. Суворову (1799–1801) в Петербурге по проекту М. И. Козловского

вы, Шереметевы, Апраксины. Не возносится еще в мраморе грозный Миних,⁴² хладнокровный Ласси,⁴³ победитель при Франкфурте и выше всех, ужас оттоман, честь полководцев российских Румянцев.⁴⁴

Какое поприще ваятелям, в котором предшествовал Козловский!

Покойся, знаменитый художник! избавившись от бури волн житейских, ты обрел пристанище, небо. Благодарность соотечественников сохраняет здесь память твою. Просвещенный и чувствительный покровитель художеств созывает юных соревнователей твоих вокруг хладного праха твоего и раздает венцы дарованиям, которые испытали соорудить тебе памятник.

Аристотель Болонский

Связи России с упадающею Грециею долженствовали бы переселить ранее в Отечество наше просвещение и вкус художеств, если бы несчастное нападение татарское не отвлекло внимание предков наших на единственную цель защищения. Но сколь скоро была она достигнута мудрым Иоанном, и низвержение ига татарского препровождено соединением всех уделов в единое политическое тело, так скоро первые взоры государя обратились к искусствам Запада. Призывается из Италии в Москву Аристотель Болонский,⁴⁵ славный архитектор времени того, и рука его, возвышая здания, ознакамливает предков наших с первыми понятиями зодчества. Конечно, искусства покрыты были тогда тению долгого невежества, и заря вкуса не сияла еще для Палладиев и Михель Анжев. Но готический вкус в дерзких своих замыслах имеет нечто гордое и служит ныне печатию древности для нашей огромной Москвы. Путешественники узнают некоторые черты сходства с Венециею в сих гордых теремах, в сих важных святилищах, которые наполняют сердца благоговением, в сих чертогах, думе государственной посвященных, наконец в сем величественном Кремле, позорище толь многих веков и происшествий, который представлен пред глазами нашими приятною кистию Алексеева.⁴⁶ Какое расстояние между сей готической архитектуры [sic] и возобновленной греческой! Между церкви Василья Блаженного и Соборной церкви Александра Невского! Между Красного крыльца⁴⁷ и Саркосельской колоннады!⁴⁸ Что если бы труд Баженова не был тщетен, и Москва-река носила

⁴² Миних Бурхард Кристоф (1683–1767), граф — российский военный и государственный деятель.

⁴³ Ласси Петр Петрович (1678–1751), граф — полководец; на русской службе с 1700 г. М. Н. Муравьев имеет в виду успехи Ласси в Польше во время военной кампании 1733–1735 гг.

⁴⁴ Румянцев-Задубайский Петр Александрович (1725–1796), граф — российский полководец и военный теоретик.

⁴⁵ Болонский архитектор Аристотель Фьораванти (1420–1486) прибыл в Москву по приглашению Ивана IV в 1475 г.

⁴⁶ Алексеев Федор Яковлевич (между 1753 и 1755–1824) — живописец. С 1803 г. преподаватель перспективной живописи Академии художеств.

⁴⁷ Это название закрепилось в первой половине XVII века за крыльцом, шедшим по лицевой стороне Московского царского дворца от Благовещенского собора до Грановитой палаты.

⁴⁸ О Камероновой галерее (1783–1786) Царскосельского дворца.

бы на себе огромную тень постигнутого им дворца?⁴⁹ Мы видим посреди нас полагаемое основание другого Петра и Павла. Петербург представляет благороднейшие формы простых и величественных зданий. Москва сочетает попеременно красивое с огромным, и глаз путешественника утомляется сим множеством громад, которые издалека восстают с холмов своих и представляются во множестве различных видов. Аристотель Болонский был бы поражен удивлением, если бы судьба позволила ему взглянуть однимгновением на зданья наших старовых⁵⁰ и волковых.⁵¹

⁴⁹ О проекте дворца для Московского Кремля (1767–1775) В. И. Баженова.

⁵⁰ Старов Иван Егорович (1745–1808) — русский архитектор. Выше Муравьевым упомянут построенный в Петербурге по его проекту Троицкий собор Александро-Невской лавры (1776–1790).

⁵¹ Волков Федор Иванович (1755–1803) — архитектор; с 1794 г. профессор Академии художеств.

А О ДЕМИН

ОПЕРНОЕ ЛИБРЕТТО Г. Р. ДЕРЖАВИНА «ЭСФИРЬ»

Либретто оперы «Эсфирь» занимает особое место в творческом наследии Г Р Державина Оно не было положено на музыку, не увидело сцены и, как большинство драматических сочинений поэта, не было опубликовано ни при его жизни, ни в последующих собраниях сочинений вплоть до академического В ходе подготовки к изданию четвертого тома «Сочинений» Державина Я К Грот счел «оперу» «Эсфирь» заимствованной, хотя не мог указать ее иностранный источник,¹ и напечатал из нее лишь отрывок² О том, что «Эсфирь» была оригинальным произведением Державина, Грот сообщил в девятом томе «Сочинений» (С 758) Впоследствии «Эсфирь» как оригинальное произведение Державина неоднократно упоминалось в научной литературе,³ однако вплоть до настоящего времени либретто оставалось неопубликованным

Известны две рукописи «Эсфири» Первая из них, хранящаяся в РО РНБ (ф 247, Державин, т 6), представляет собой черновой автограф либретто, датированный автором «Писана на Званке в октябре 1814 года Начата 6 числа этого месяца» (л 5 об)⁴ Для черновика Державин ис-

¹ Это утверждение Грота может показаться сомнительным, поскольку даже если предположить, что черновой автограф оперы, несомненно указывающий на ее оригинальное происхождение, стал известен публикатору уже после сдачи в набор четвертого тома «Сочинений», то он не мог не быть знаком с «Воспоминаниями» В И Панаева, вышедшими в свет в 1859 г (См Братчина Ч I СПб, 1859 С 107–128) «Воспоминания» В И Панаева в более полном варианте были напечатаны в сентябрьском номере «Вестника Европы» за 1867 г (с 193–270), однако в них нет прямого и несомненного указания на то, что «Эсфирь» является оригинальным, а не заимствованным произведением Державина

² См Державин Г Р Сочинения Т IV СПб, 1867 С 802–804 В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы

³ См Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 год СПб, 1895 С 17, *Гуковский Г А* Литературное наследство Г Р Державина // Литературное наследство Т 9–10 М, 1933 С 375–376, *Зорин А* Глагол времен Издания Г Р Державина и русские читатели // «Свой подвиг свершив » М, 1987 С 131, *Демин А О* Неизданное произведение Г Р Державина (Черновик либретто оперы «Эсфирь» в РО РНБ) // Материалы XXXIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» Филология Новосибирск, 1995 С 67–68

⁴ Стихотворный текст Державин начал вносить в черновую тетрадь 7 октября (см л 7 об запись в левом верхнем углу)

пользовал «Книгу об издержках денежных для каменного дома 1791 года», которая велась, судя по почерку, Е. Я. Державиной⁵ Рукопись ИРЛИ (ф 96, Державин, оп. 1, № 27, л. 1–27) содержит текст либретто, переписанный набело секретарем Державина Е. М. Абрамовым, с собственноручными незначительными поправками поэта Кроме того, в единице хранения (л 28–62) находится также копия текста оперы, сделанная в середине XIX века для Я. К. Грота.⁶ Сравнение названных рукописей показывает, что текст либретто после написания черновика был значительно переработан, так что можно предположить существование ряда промежуточных вариантов, предшествовавших возникновению окончательной редакции. В частности, речитативы в черновике в основном изложены шестистопным нерифмованным ямбом, а в белой рукописи размер заменен четырехстопным, в результате чего текст стал гораздо компактнее, действие выиграло в динамичности.⁷

Очевидно, что черновой автограф либретто является важнейшим источником для изучения истории текста «Эсфири». Изменения, внесенные в черновик в ходе подготовки окончательной редакции текста, помогают также уточнить круг произведений словесности, оказавших влияние на творческий замысел Державина

Для своей «оперы» поэт воспользовался одним из самых популярных сюжетов европейской драматургии Нового времени,⁸ имевшим свою традицию также и в России от «Артаксерсова действия» (1672) до «Стефанотокоса» (1742),⁹ которая не была, однако, по всей вероятности, знакома ему. В качестве источников, помимо Священного Писания, Державин использовал русские переводы трагедии Ж. Расина «Эсфирь», появившиеся во второй половине XVIII века.¹⁰ Возможно, что его внимание при-

⁵ Текст чернового автографа расположен на л 5 об, 7 об–8 об, 9 об–10 об, 11 об–12 об, 14 об–16 об, 19–20 об, 25 об–28 об, 30 об–33 об, 34 об–38

⁶ Из них текст занимает л 28–54 об На л 52 об карандашом отмечен отрывок из д III, явл VII, который впоследствии будет опубликован (IV, 802–804) На л 54–54 об начиная с реплики Мардохея до конца вычеркнут карандашом финал, не вошедший в публикацию

⁷ О стихотворных размерах, используемых в речитативах, см *Державин Г П* Рассуждение о лирической поэзии // XVIII век Сб 15 Л, 1986 С 248

⁸ См *La comedie d'Artaxerxes* (Артаксерсово действие) presentee en 1672 au Tsar Alexis par Gregori le pasteur Texte allemand et texte russe publies par Andre Mazon et Fréderic Cocron Paris, 1954 P 37–42, *Frenzel E* Stoffe der Weltliteratur Ein Lexikon dichtungsgeschichtlicher Langsschnitte Stuttgart, 1962 S 159–161

⁹ *Митрополит Евгений (Болховитинов)* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви Т 1 СПб, 1827 С 133–134, *Кудрявцев И М* «Артаксерсово действие» — первая пьеса русского театра // *Артаксерсово действие* М, Л, 1957 С 4–168, *Державина О А* Русско-европейские литературные связи в области драматургии на рубеже XVII–XVIII веков (история Эсфири на школьной сцене западноевропейского и русского театра) // *Славянские литературы VII Международный съезд славистов* М, 1973 С 282–294, *Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII века* М, 1975 С 237–274, 275–292, 412–462, 643–648, 670–673, *Ромодановская Е К* Артаксерсово действие // *Словарь книжников и книжности Древней Руси Вып 3 (XVII век)* А–З СПб, 1992 С 113–116

¹⁰ *Расин Ж* Эсфирь, трагедия, взятая из Священного Писания М, 1783, *Расин Ж* Эсфирь, трагедия в пяти действиях с хорами, почерпнутая из Священного Писания М, 1795 На эти переводы в качестве источников «Эсфири» Державина указывал Грот (IV, 802)

влекли также фрагменты перевода «Эсфири» Расина, публиковавшиеся М. М. Вышеславцевым и П. А. Катениным в «Вестнике Европы» в 1812–1815 годах¹¹ Кроме того, Державин был несомненно знаком с изложением Книги Есфирь в сочинении Иосифа Флавия «Древности Иудейские»,¹² которое наряду с «Войной Иудейской» он основательно изучил в ходе работы над трагедией «Ирод и Мариамна»¹³

Если общая сюжетная канва «Эсфири» Державина может быть возведена непосредственно к первоисточнику — библейской Книге Есфирь,¹⁴ то план драматического действия, содержание и особенно расположение конкретных сцен в большинстве своем заимствованы поэтом из «Эсфири» Расина

Так же как и Расин, Державин делает Эсфирь племянницей Мардохея, в то время как согласно Библии и Иосифу Флавию Мардохей доводится своей воспитаннице старшим двоюродным братом. Среди действующих лиц трагедии Расина находится Фамарь, израильтянка из свиты Эсфири, «без речей» В «опере» Державина это имя дано ближайшей подруге и наперснице Эсфири Как и Расин, Державин вводит в свою драму хор еврейских дев, сопровождающих Эсфирь.

В «опере» Державина можно отметить следы заимствований из текста перевода «Эсфири» Расина, опубликованного в 1783 году.¹⁵ Например, замечание Артаксеркса, размышляющего о награждении Мардохея:

Так,— кто заслуги мне вспомнил,
Когда их позабыл я сам?

¹¹ См. ВЕ 1812 Ч 61 № 1 С 16–20, ВЕ 1812 Ч 61 № 3 С 257–258, ВЕ 1812 Ч 64 № 13 С 6–14, ВЕ 1815 Ч 80 № 8 С 253–259, ВЕ 1815 Ч 81 № 12 С 270–283 Премьера «Эсфири» в переводе Катенина состоялась 3 мая 1816 г в Петербурге Перевод был опубликован в августе 1816 г и впоследствии был подвергнут резкой критике за неуклюжесть и «славенщизну» А. А. Бестужевым (См. Сын Отечества 1819 Ч 51 № 3 С 107–124)

¹² Иосифа Флавия Древности Иудейские, с латинского на русский язык переложенные придворным священником Михаилом Самуйловым Ч II СПб, 1781 С 198–212

¹³ См. комментарий В. А. Бочкарева к «Ироду и Мариамне» // Стихотворная трагедия конца XVIII — начала XIX в. М., Л., 1964 С 605–611

¹⁴ Книга Есфирь в Ветхом Завете воспроизводит историческое предание о происхождении иудейского праздника Пурим Персидский царь Агасфер (Артаксеркс, Ассур) изгоняет за гордыню свою жену Астинь и выбирает из прекраснейших девушек страны иудейку Эсфирь, которая, однако, скрывает свое происхождение по воле своего опекуна Мардохея Мардохей оказывает царю услугу, сообщив ему через Эсфирь о покушении на его жизнь, но вызывает ненависть царского приближенного Амана, отказавшись приветствовать его коленопреклонением Аман добивается от царя согласия на уничтожение всего иудейского народа в назначенный день Мардохей убеждает колеблющуюся Эсфирь просить милости у царя, но дважды она не решается молить о пощаде для своего народа, зная, что, явившись к царю без разрешения, рискует быть казнена в соответствии с персидским законом Тем временем Артаксеркс узнает из государственной летописи о заслуге Мардохея и намеревается воздать ему почести, которые должен провозгласить Аман, не зная, что они предназначаются его врагу Эсфирь приглашает царя и Амана на пир, во время которого наконец рассказывает о своем происхождении и о злодейских замыслах Амана, уже велевшего приготовить во дворе своего дома виселицу для Мардохея На этой виселице повешен Аман Мардохею оказывают великие почести, а евреи получают возможность отомстить врагам Иосиф Флавий объясняет ненависть Амана к иудеям его происхождением из амалекитян

¹⁵ В дальнейшем этот текст условно называется «текстом Расина» и ссылки на него даются в тексте с указанием номеров страниц

Кричит всяк в слух: карать пороки! —
Но только не свои. Себя ж
Быть мыслят все достойны чести (с. 384)¹⁶

опирается на следующий фрагмент роли Ассура из перевода 1783 года: «Из толиких смертных, повсечасно нас окружающих, дабы уважить перед нами корыстолюбивые свои попечения, не найдется ни один, который бы, тронувшись справедливою ревностию, приял в нашей славе верное участие, учинил бы нам воспоминовение о забвенном достоинстве, всякий, будучи скор вешать нам о том, что должно наказать» (с. 37). Особенно близко к тексту Расина первое явление третьего действия. Например, слова Амана, возмущенного «несправедливостью» Артаксеркса по отношению к нему:

О злой тиран! вот, как играешь
Ты в царстве первыми людьми!.. и т. д. (с. 394)

имеют своим источником отрывок из реплики расиновского Амана: «Лютый царь! Вот, каковыя игралища тебе угодны! Ты для того, зная, осыпал меня коварными твоими благодеяниями, чтоб дать мне лучше почувствовать твое тиранство и отличить меня, наконец, большим бесчестием» (с. 57–58). Зосара Державина предлагает Аману удалиться от двора в выражениях, напоминающих соответствующий фрагмент из роли Зары у Расина:

Но, коль не хочешь унижаться,
Чего еще желаешь ты? и т. д. (с. 397)

Ср.: «К чему тебе стремится выше? <...> Дерзни искать инде мирнейшия судьбы. Удалися в Геллеспонт и на сии удаленные брега, где заблуждающие твои праотцы были некогда повержены, когда противу них воспаленная месть иудеев изгнала весь Амалек из печальныя Идумеи. <...> Наипаче чад твоих обнадежу я побег. <...> Меня ты узришь довольную бегущую за твоими стопами» (с. 60). Наконец, сухое, «графическое» сравнение двора с бурным, полным опасностей морем в роли Зары: «Наиужаснейшее и наибурнейшее море надежнее есть для нас, как сей обманчивый двор» (с. 60) — приобретает под пером Державина яркую живописную красочность:

Как, двор, непостоянен ты!
Сейчас, как гладкий понт, блистаешь,
Но в миг ты мрачен и бугрист (с. 393)

В стихотворном переводе 1795 года приведенные места либо пропущены, либо переведены со значительными отступлениями от оригинала. Совпадение текста Державина с другими фрагментами перевода 1795 года не отмечено.

Наблюдения над черновиком «оперы» показывают, что в первоначальном варианте либретто среди заимствований из Расина находились также

¹⁶ Здесь и далее при цитировании «Эсфири» Державина ссылки даются на страницы настоящей публикации

имена некоторых персонажей, впоследствии измененные. В черновике наблюдаются колебания относительно имени супруги Амана — встречаются формы: Зара, Сара и Зосара. В конце концов Державин отдает предпочтение последней.¹⁷ В начальном варианте либретто имя начальника евнухов было «Гидасп». Так назван начальник внутренней стражи, сообщник Амана, в трагедии Расина. Затем имя «Гидасп» последовательно исправляется Державиным на «Гайй». Имена «Зосара» для жены Амана и «Гайй» для начальника евнухов Державин берет из Библии.¹⁸ Из Священного Писания заимствованы имена евнухов, заговор которых открывает Мардохей: Фар и Гаваф (1.), а также некоторые подробности, например, протяженность персидского царства «от Ефиопьи и до Индии» (Л. 3 об.), (1; 1) и сто двадцать семь царств, находящихся под властью Артаксеркса (там же). Вполне вероятно, что библейское описание роскошного праздничного пира (1; 5–8) послужило Державину источником вдохновения при создании первого секстета израильских дев, восхищенных богатством убранства внутренних покоев царского дворца (с. 375–376). Описание внешнего вида Мардохея, облачившегося в траур при вести о грядущем истреблении евреев, также заимствовано Державиным из Священного Писания: «Те же и Мардохей в раздранном рубище, покрытый вретисцем и посыпанный по главе пеплом...» (с. 376). Ср.: «Мардохей же, разумев замышляемое, раздра ризы своя и облечеса во вретисце, и посыпаса пепелом...» (4; 1).

Наиболее значительное заимствование из Книги Есфирь содержится в изложении сна Артаксеркса (с. 387). В Книге Есфирь сон со сходным содержанием видит Мардохей. В центре его мотивной структуры — схватка двух змеев: «И се глас ужасный, громи и трус, и смятение на земли, и се два змии велицы произыдоша, готови между собою братися» (1.). В заключительной главе книги Мардохей дает следующее толкование своего пророческого сна: «...два же змия — аз есмь и Аман» (10; 3). В «опере» сон царя, не зная его содержания, «толкует» Аман, обращаясь к Эсфири:

Прости, о кротка голубица!
Я — змей, тебя что мнил сглотить (с. 404)

Образом голубицы, символизирующей Эсфирь, в «опере» Державин заменяет образ полноводной реки, приистекающей из малого источника, используемый в Библии (1., 10; 3).

Принимая во внимание все случаи влияний и заимствований в «Эсфири» Державина, нельзя не заметить, что автор обработал библейский сюжет самостоятельно и свободно. События Книги Есфирь, разворачивающиеся по крайней мере на протяжении двух лет, в «опере» происходят в течение одного дня. В предысторию вынесены только изгнание Астини и разоблачение заговора Фара и Гавафа.

¹⁷ Формой «Зара» передается расиновское «Zarès» в переводе 1783 г. В переводе 1795 г. — «Зареда».

¹⁸ Далее Книга Есфирь цитируется по изданию: Библия, сиречь Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. СПб., 1751. Стб. 837–854 с указанием номера главы и стиха в тексте.

Сохраняя набор и последовательность событий, упоминаемых в источнике сюжета, Державин существенно изменяет расположение их во времени, предельно усиливая драматизм и динамику действия. Поэт изменяет также основные характеристики и взаимоотношения действующих лиц. Так, например, в Библии именно Зосара советует Аману построить виселицу и повесить на ней Мардохея (5; 14). В «опере» Зосара неизменно выступает в защиту евреев, утверждая, в частности, что «Израилев Бог — правды Бог» (с. 396). Гайй, в Библии берущий Эсфирь под свою опеку (2; 9), в «опере» объединяется с Аманом и способствует ему в попытке истребления израильтян.

«Пристрастное» отношение Державина к ветхозаветному преданию можно объяснить тем, что история Эсфири, и в особенности история конфликта Мардохея с Аманом, имели для поэта автобиографическое значение. В 1791 году он ввел в «Описание торжества, бывшего по случаю взятия города Измаила» эпизод, основанный на Книге Есфирь, в котором намекнул на свои враждебные отношения с князем Вяземским, а затем раскрыл этот намек в «Объяснениях» (I, 403–404). В «опере» образ Мардохея должен вызвать ассоциации с Державиным или, точнее, с представлением поэта о самом себе. Потомок иноплеменников (ср. Багрим в «Темном»), он беззаветно предан своему государю, печется о его безопасности, терпит притеснения со стороны царских фаворитов и получает, наконец, заслуженное вознаграждение — становится ближайшим поверенным и советником царя. Державин усиливает автобиографические черты образа Мардохея, наделяя его поэтическим дарованием. В соответствии с представлением автора о древнееврейских пророках как о певцах и стихотворцах, отразившимся в «Рассуждении о лирической поэзии» (VII, 517–519),¹⁹ его герой поет несколько арий и финал, аккомпанируя себе на арфе, что соответствует также оперной природе образа. В довершение автобиографического сходства, вторая ария Мардохея (с. 370) представляет собой первую строфу из оды Державина «Идолопоклонство» (III, 52).

Парадоксальным образом автобиографические черты присущи также антагонисту Мардохея, главному злодею в «опере» — Аману. Державин создавал его характер, видимо, также опираясь на собственный опыт, но на этот раз — опыт жестокой борьбы за власть и влияние при дворе. Иноплеменник в Персии, так же как и Мардохей, Аман добился высокой должности ревностным служением государю. Он говорит о себе, обращаясь в воображении к Артаксерксу:

И тот, кто в бранях и крамолах
Был острый меч твой, твердый щит,
Низверг Истама, Артабана
И бакров под стопы твои... (с. 394)

Аман ловко плетет интриги, играет сердцем Артаксеркса по собственной прихоти: «Всегда любимцев царских в воле открыть им свет или

¹⁹ См. также «Послание к вел. кн. Екатерине Павловне о покровительстве отечественного слова» (ок. 1809) (III, 529–530).

закреть» (с. 382). Именно представление о всевластии «царского любимца» и толкает его к гибели.

Несомненно автобиографической является сцена, в которой Зосара уговаривает Амана оставить двор и удалиться в провинцию, в Идумею. Эта сцена, заимствованная, как было показано выше, из трагедии Расина, оказалась близка Державину, пережившему отставку в 1803 году и пребывавшему с тех пор в «почетной опале» вдали от государственных дел (с. 396–397).

Любопытно, что, пытаясь погубить Эсфирь и Мардохея, Аман коварно обосновывает законность своих действий и обращается к Артаксерксу со следующими словами:

Но не забыл, тебе что верен,
Что блюсть законы мы должны,
То осужденника ли к смерти
И ног коснувшуся твоих
Мне чтить?

Ассур
(в смятении)

Жестокой! да, законы!

(закрывая глаза, стоит в безмолвии) (с. 402)

Ср. в «программной» оде Державина «Властителем и судиям»: «Ваш долг есть сохранять законы...» (I, 111).

Аман приходит в ярость, узнав о возвышении своего врага Мардохея, и видит в этом не волю Провидения, а лишь смену временщиков. Он гибнет, будучи не в силах смирить свою гордыню и считая Мардохея не праведником, но лишь очередным фаворитом.

Впрочем, и Мардохей, в котором не пробудилось милосердие при виде ползающего перед ним в пыли и со слезами умоляющего о прощении Амана, поступает по жестоким законам «двора», где можно жить лишь ценой «погубления» других. Однако вряд ли Державин вкладывал подобный смысл в этот образ. Его Мардохей полон высокого религиозно-философского, «пророческого» лиризма. Он олицетворяет собой «справедливого вельможу», помогающего несчастным и выступающего заступником угнетенных перед лицом высшей власти, а также являющимся духовным наставником этой власти, — роль, на которую Державин неизменно претендовал на всем протяжении своей придворной карьеры и к исполнению которой стал стремиться с удвоенной силой после отставки, о чем свидетельствуют его драмы, писавшиеся по большей части «в стол», но активно предлагавшиеся к постановке.

«Эсфирь», созданная в октябре 1814 года, т. е. после «Грозного», была последним произведением Державина для сцены. В ней развиваются и приводятся к завершению темы и ситуации, актуальные для Державина-драматурга на протяжении 1800–1810 годов. В прямом и недвусмысленном противопоставлении Мардохея Аману логически завершается тема праведных и неправедных вельмож и их влияния на царя, возникшая

в «Добрыне» и прозвучавшая столь мощно и трагически в «Ироде и Мариамне» и в «Темном».

Тема пристрастного и немилосердного толкования законов, приводящего к гибели невинной жертвы, разработанная в «Добрыне» и в «Ироде и Мариамне», в «Эсфири» получает счастливое и свободное от применения сверхъестественных сил разрешение: если Прелепу могло спасти от несправедливой казни только чудесное вмешательство доброй волшебницы, а Мариамна уже не могла спастись чудом и погибала, то Эсфирь, формально нарушающая закон царской «неприкосновенности» и принадлежащая к народу, «прописанному на смерть» царским указом, оказывается под защитой любви и милосердия Артаксеркса, за которыми, разумеется, стоит воля премудрого и всеблагого Провидения.

Наконец, традиционная трагедийная тема любви двух представителей враждующих народов или социальных групп, разрабатывавшаяся Державиным, как и его современниками, в национально-патриотическом ключе с неизменно трагическим завершением (Марина Мнишек и кн. Пожарский в «Пожарском», иудейка Мариамна и идумеянин Ирод в «Ироде и Мариамне», Евпраксия и Батый в «Евпраксии», Капиллана и Пизар в «Атабалибо»), в «Эсфири» имеет счастливое и естественное разрешение: выходя замуж за Артаксеркса, Эсфирь в отличие от Мариамны, Евпраксии и Капилланы не губит, а спасает свой народ, и совесть ее остается чиста, поскольку Артаксеркс, уважая ее религиозное чувство, сочетается с ней браком по еврейскому, а не по персидскому, языческому, обряду. Артаксеркс, со своей стороны, в отличие от Пожарского может не опасаться, что Эсфирь будет вредить ему подобно своим соплеменницам, о которых Артаксеркс знает,

Что изуверно лишь закон
Свой чтут, язычников не терпят... и т. д. (с. 382)

Царь обретает в Эсфири любящую супругу, верного друга и мудрого советника. Артаксеркс и Эсфирь клянутся друг другу быть идеальными правителями (с. 406–407).

«Эсфирь» можно считать итоговым драматическим произведением Державина. В ней получила завершение работа поэта над жанром «оперы» с ее яркой зрелищной образностью, общественно-политической назидательностью и преимущественной принадлежностью «живому царству вымыслов и мечтаний поэзии».²⁰ В ней отразились размышления «певца Фелицы и Бога» о собственной придворной карьере, о механизмах государственного управления, о взаимоотношениях между людьми, о роли божественного провидения в жизни человека. Вне зависимости от частных эстетических оценок «Эсфирь» наглядным образом подтверждает искренность державинского утверждения об опере как о роде сочинения, «более других ему свойственном» (VIII, 878).

Предлагаемая публикация текста «оперы» дает возможность читателям и исследователям расширить свои представления о творчестве

²⁰ Державинскую характеристику оперы см. Державин Г. Р. Рассуждение о лирической поэзии // XVIII век. Сб. 15. Л., 1986. С. 254–258.

Державина и открывает пути дальнейшего углубленного изучения как этого произведения, так и позднего творчества «отца русских поэтов» в целом.

В основу настоящей публикации текста «оперы» положена рукопись РО ИРЛИ (ф. 96, оп. 1, № 27, л. 1–27). Рукопись выполнена Е. М. Абрамовым и содержит собственноручные поправки Державина. Все случаи правки рукой Державина или переписчика внесены в печатаемый текст. При этом бывшие неисправные чтения выносятся в примечания с указанием, кем сделано исправление — автором или переписчиком.

Согласно общепринятым нормам, буквы *ѣ, ѥ, і* заменяются буквами *е, ф, и*; опускается конечный *ъ*, вместо *щ* ставится *сч* в словах типа *счастье* или *жч* в слове *мужчина*. Написание *іо* (*всіо, огніом*) передается буквой *ѣ*.

В соответствии с современными орфографическими правилами в глаголах второго лица единственного числа в окончании ставится *ь* (в том числе и в возвратных глаголах типа *улыбаешься*). Последовательно проведено написание инфинитивов с *ь* на конце (*играть, смеяться*). Принято написание инфинитива *идти*.

В именительном падеже множественного числа прилагательных и причастий вместо окончания *-ия/-ья* печатается *-ие/-ые*. Окончания прилагательных и причастий *-аго/-яго* последовательно заменены окончаниями *-ого/-его*. Окончание родительного падежа единственного числа прилагательных женского рода *-ия/-ья* сохраняются для правильной просодии. Сохраняются также формы прилагательных мужского рода единственного числа в родительном падеже на *-ова* (*худова, маленькова*) и в именительном падеже с окончанием *-ой* (*праздной, ложной*), имеющие стилистическую окраску просторечности в противоположность формам на *-ый*. Кроме того, сохранены окончания существительных среднего рода в именительном падеже множественного числа на *-ьи* (*замираньи, воздыханьи*), как характерные для державинского языка.

Написание приставок на *с/з* приводится в соответствие с современными правилами оглушения/озвончения в зависимости от первой согласной корня (*разбить, расстроить, но сделать, стряхнуть*).

Слитные и раздельные написания *не* с различными частями речи даются по современным нормам с учетом смысла. То же относится к слитному, раздельному и дефисному написанию приставок и предлогов. Частицы *ли/ль, бы/б, же/ж* последовательно печатаются отдельно от полнозначных слов.

Все имена нарицательные, кроме наименований персонажей в ремарках (*Девы, Евнухи, Придворные*), печатаются со строчной буквы. Так же печатаются все прилагательные и местоимения. Исключение составляют слово *Бог* в форме единственного числа в значении *Бог Израиля* и слово *Господь*, а также местоимения и притяжательные прилагательные, относящиеся к ним, — все эти слова печатаются с прописной буквы. Форма множественного числа *боги*, обозначающая языческих богов, печатается со строчной.

К единой форме приведено написание имен собственных *Артаксеркс* (в тексте рукописи наблюдаются колебания с формой *Артаксерск*), *Ас-тинь* (*Ассинь*) и *Фамарь* (*Фомарь*).

Сохранена форма написания слова *олтарь*. Остальные случаи написания слов, отличающиеся от современных или ошибочные, вынесены в примечания — в тексте же даются нормативные или исправленные написания. В тех случаях, когда стиховой размер требует ударения в слове, отличающегося от нормативного, над соответствующей гласной ставится знак ударения.

Внутрифразовая пунктуация приведена в соответствие с современными нормами. Сложные знаки ставятся с учетом смысла фразы — случаи неоднозначного прочтения отмечены в примечаниях. В ряде вопросительных предложений добавлены знаки вопроса, отсутствующие в рукописи. Знак «. - - » заменяется многоточием. Тире после точки опускается.

Сохранена нумерация стихов, наличествующая в рукописи, и архивная фолиация.

Л 1

ЭСФИРЬ

Опера в трех действиях

Л 1 об

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ассур, или Артаксеркс, царь персидский.

Мардохей } пленники иудейские.
Эсфирь }

Аман, наперник Ассуров.

Зосара, жена его.

Гайи,¹ начальник евнухов.

Фамарь, подруга Эсфири.

Девы

Евнухи } составляют хоры.

Стражи. }

Действие происходит в городе Сузах, в чертогах царских

Примечание Есть стихи, которые с рифмами, поются, а без рифм — исполняются речитативом или музыкальным разговором

Л 2

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

*Театр представляет притвор царских чертогов
Внутри видна стража воинов, снаружи при воротах скамейки*

ЯВЛЕНИЕ I

*Мардохей, один, сидит в задумчивости, перебирая аккордами
струны арфы. — то умолкая, то вновь начинает
(речитатив)*

Расцвел уж день, сияет солнце;
Но мой так мрачен дух, как ночь.

¹ Написание на протяжении всей рукоп *Гайи*

Сионские влекутся девы
В чертог язычника царя!
5 Зачем, зачем? — О Бог Солима!

(ария)

Избавь нас от напасти
Еще Ты вновь какой
И так в чужой уж власти,
И плен мы сносим злой
10 Но ах! как обожаем
Мы тварь и льстивый свет,
Тебя позабываем
Достойны всяких бед

Л 2 об

ЯВЛЕНИЕ II

Мардохей, Аман и Зосара
(проходя мимо)

Аман

От Гайя прислан к нам гонец
15 Сейчас он с девами прибудет

Зосара

Аман! Зосаре тайну вверь
Почто везутся девы в Сузы?

Аман

(оглядываясь в полголоса)

Меж нас, — как изгнана Астинь, —
Царь возжелал, —

(увидя Мардохея)

Но что я вижу?
20 Гнуснейший изверг здесь!

Зосара

Кто он?

И что тебе так ненавистен?

Аман

Юдейский это пленник злой,
Вреднейший Мардохей, изветник
Всмотрись, всмотрись в лице его,
25 Зри гордость в нем жестоковыйну,
И опытом сама познай

(подшед к Мардохею)

Не видишь ли, что здесь могущий
Наперсник, друг царев, Аман?
А ты ему не воздал чести!

Мардохей

*(будто не видя и не слыша, ударяя в струны арфы,
громозгласно продолжает арию)*

- 30 Творцу я поклоняюсь мира,
В лице Его служу царю;
Нигде, ни в ком себе кумира
И не творил, и не творю.
Почто ж мне, идола бесчестны,
35 Шумихой, мишурой прелестны,
Вкруг ползать ваших олтарей?
Почто? — Коль в хижине безвестной
Доволен под рукой небесной
Я долею моей.

Аман

Слышь!

Зосара

Презрь.

Аман

Пощада злых — вред царств.

(воинам)

- 40 Да изженется дерзновенный.
*(изгоняют Мардохея)
(увидя Дев)*

Но се уж дев я вижу вход.

Мардохей

(выходя, увидя Эсфирь², про себя)

Ах! — и Эсфирь моя меж ими.
Увы! что будет с нею, что?

ЯВЛЕНИЕ III

Аман, Зосара, Гай, Эсфирь³, Фамарь и прочие Девы.

Л. 3 об

Гай

- Исполнил я царево слово:
45 Из царств ста двадцати семи
От Эфиопьи и до Инды
Се мной избранные цветы.

Аман

(Девам)

О юницы лепообразны!
Чистейших стадо голубиц!

² Вставлено Державиным

³ В рукоп Эсфирь

- 50 Возблагодарствуйте судьбине,
Что устроит жребий ваш
Красы вождевая вашей,
Зовет к себе вас сильный царь

(дуэт)

Эсфирь и Фамарь

- С детства самого в бедах
55 Возрасли мы и скорбях
Наши дома — не жилища,
Но — пустыни, горы, лес,
Стон и вздохи — наша⁴ пища,
А питье — потоки слез
60 Как же мы себя посмеем
Благоденствием здесь льстить?
Царя солнцем не умеем
И богов мы ваших чтить,
Не умеем поклоняться
65 Тварям мы и унижаться

Л 4

Эсфирь

- С тех пор богов как Амалика
Приял в свою Израиль сень,
Как кровны воскурил он жертвы
И в небесах Того забыл,
70 Кем создан мир и Кто им правит,
И Коему должна вся тварь
Единому лишь поклоненьем

Фамарь

Под чуждым игом страждем мы

Аман

- Но ваши ж научают старцы,
75 Что от небес дается власть
Царь рек,— и долг ваш,— исполненье

Фамарь

Дрожу!

Эсфирь

(воззря на небеса)

Един господь наш Бог

Гай

Не бойтесь,— на лоно неги
Вы избранны⁵ и ддя утех

⁴ Исправлено Державинным вместо *были* 2 1

⁵ В рукоп переписчиком поставлены цифры *Избранны вы*

Зосара

80 Прияв обычаи Персиды,
Коль угодите вы царю,
То может быть, что и Астини
Из вас кому венец...

Л 4 об

Аман

(в полголоса, грозя ей)

Ши! ши!

Эсфирь

(в недоумении)

Увы!

Зосара

Всем может льстить надежда.

Фамарь

85 Коль персиянка не могла...

Эсфирь

То нам...

Аман

Меня лишь только чтите
И, под моим покровом став,
Не бойтесь ничего.

Гай

Конечно,
Счастливы будете в ваш век,
90 Ассура живучи в чертогах.

Аман

Блюстителю вам и друг Аман.

(трио)

Аман

Я отвращу от вас наветы.

Гай

Я вам полезны дам советы.

Зосара

Я ваша мать, мои вы дети.

Л 5

Аман

95 Идите в рай ваш, не боясь.

Г а и й

Там все готово, все для вас.

Зосара

Я не спущу с моих вас глаз.

Аман

Останься Гайй, здесь со мною;
А ты, Зосара, их веди,
100 Да отдохнут в своих чертогах
И возвратятся вспять сюда
Узнать цареву повеленье.

(продолжается трио)

Аман

Идите в рай ваш, не боясь.

Г а и й

Для восхищенья царских глаз.

Зосара

105 Сама сопровождаю я вас.

(уходят)

ЯВЛЕНИЕ IV

Аман и Гайй

Аман

Мне кажется, что ты одно
Избрал еврейско только племя.
Что б, Гайй, значило сие?
Ты знаешь, — не люблю сионян.

Г а и й

110 Мне Артаксеркс велел избрать
Прекрасных дев в его державе,
Ни стран, ни племя не назвав.
С востока Солнца до полудни
Объехал я страны, искал
115 В Армении, в Грузии, в Персиде,
Евреек лучше не нашел.

Аман

Дивлюсь! — иной бы не поверил.
Но кто та блещуща звезда,
Та скромна, благородна дева,
120 Что начала со мною речь?

Г а и й

Эсфирь ее зовут; но племя
Она какого, и отец
Ее,— то все содержит в тайне;
Лишь знаю только стороной,
125 Ей дядей Мардохей зовется.

А м а н

Какой? — не тот ли жидовин,
Отродье древня Веньямина,
Что ныне царедворцем здесь,
Который Навходоносором
130 С Ионией царем пленен?

Г а и й

Быть может.

А м а н

Самый тот бряцатель,
Что пел сей час здесь, Мардохей,
Который Фара и Гавафа
Ков на царя открыл,— мой враг.

Л. 6

Г а и й

135 И мне, как змей, он ненавистен,
Двоих друзей моих угрыз.
Он нам...

А м а н

Он нам, о так! опасен,
Когда племянница его...

Г а и й

Из всех прекраснейшая дева,
140 Понравяся, пленит царя!

А м а н

(ария)

О весть! — смятенье, страх
Все сердце раздирает;
Хлад, огонь течет в костях,
И дух мой предвещает
145 Мне некую беду!
Коль в нашей еще власти.

(увидя входящих Дев)

Се зрю уже я дев в виду.⁶

(уходят в сторону)

⁶ Строка четырехстопного ямба на фоне трехстопного.

ЯВЛЕНИЕ V

Эсфирь, Фамарь и прочие Девы выходят из другой стороны.

Л 6 об.

Фамарь

(в восторге)

О! блеск какой и ослепление!

- 150 Каков же сам быть должен царь?
Как Солнце, мною, как Бог, сияет!

Эсфирь

Напротив, воображала я,

Что ты, как ряд богов узрела,

Твой златом ослепленный взор,

- 155 Твой разум им не удивлялся,

Зря их, глухих, слепых, немых;

Но, о поклонниках жалея,

Смеялася безумству их.

Так и с властями бывает мира,—

- 160 Что рабствует хотя им чернь,

Но мудрый чтит лишь добродетель,

За благость обожаем царь.

А ты вняла ли от Зосары,

Что здесь неизбежима смерть

- 165 И тем, без царския кто воли

Дерзнет к его стопам упасть?

Ах! — до него копь не доходит

Стон бедных,— Бог ли он, Фамарь?

Фамарь

Но Эсфирь!⁷ и благодеяний

- 170 Его нельзя нам не признать.

(секстет)

Две первые Девы

Души его подруг

Там ложницы видны.

Л 7

Две вторые Девы

Там сердце, ум и дух

Сластями упоены.

Две третьи Девы

- 175 Там завесы вокруг

Звездами сцеплены.

Две четвертые Девы

В тених утехи вдруг

И тихи, нежны сны.

⁷ Требуется ударение на первый слог.

Две пятые Девы

Сто арф и птиц там в слух
180 И ветерки слышны.

Две шестые Девы

Там дни все без помех
Любви посвящены.

(все вместе)

Там дни все без помех
Любви посвящены;
185 Желаньи, счастье, смех
В душах съединены.

Эсфирь

Еще не есть то добродетель,
Кто щедрит для себя других.
Быть благу к сирому и бедну:
190 Вот — мне завидное добро.

(увидя Мардохея)

Кто там? Поди сюда к нам ближе.

ЯВЛЕНИЕ VI

*Те же и Мардохей, в раздранном рубище,
покрытый вретичем и посыпанный по голове пеплом,
которого за руку приводит Фамарь*

Фамарь

Поди сюды.

Л 7 об

Эсфирь

Поди и кто,
Повеждь, ты старец нам печальный?

Мардохей

Не узнаешь меня, Эсфирь?
195 Не узнаешь того, кто с детства
После родителей твоих
Тебя прияв из колыбели,
Так воспитал, как нежный цвет,
Храня от хлада и от зною
200 Между роскошных персиян?
И с дней, как воля Артаксеркса
Пред трон свой воззвала меня,
Семь лет, как уж тебя не видел.
Ах! брата твоего отца
205 Не знаешь ты, Аминадава?
Я,— я твой дядя, Мардохей.

Эсфирь

(с восторгом бросается и обнимает)

- Ты Мардохей? — к тебе я длани
Днесь простираю, мой отец?
О радость! о восторг! — Но в пепле
210 И в вретнще тебя я зрю!
Спросить дерзну ли о причине?
Какой злой рок постиг тебя
В те дни, как зреть тебя я мнила
В кругу царевых ближних слуг,
215 В одежды пышны облечена,
Носящим милости его
За избавление от смерти
Зломышленных ему скопцов?

Л 8

Мардохей

- Так, дочь моя, я спас Ассура,
220 Но тем весь погубил мой род

Эсфирь

Как, как?

Мардохей

- Убийц друзья в отплату
За казнь их, мне так мстя, клялись⁸
Евреев род весь истребить
225 Грядуща месяца Адара
К тому назначен первый день,
И письмоносцы⁹ по Персиде
Готовы уж к сатрапам течь

Эсфирь

О горе!

Фамарь и все Девы

(плачут)

Ах!

Мардохей

О Бог Солима!

(ария)

- 235 Грудь от вздохов тяжких рвется,
Стынет в жилах кровь и дух
Бурей так и мразом жнетса
Расцветавший нежный луг!

⁸ Вписано Державиным вместо *так отмстили мне*

⁹ Исправлено Державиным вместо *письмоносны*

О всеильный царь природы!
235 Манием кротящий воды,
Взглядом тающий льды гор!
Оботри Ты наши слезы.

(плачет, преклоняясь на посох, и все с ним)

Жизнь спаси, прерви железы
И ослабь на нас Твой взор.

Эсфирь

240 Что ж нам начать?

Мардохей

О мила дочь!
Узнав сюда твоё прибытьё,
Надежду сильну возымел.
Не для того ль ты небесами
В числе дев прочих избрана,
245 Чтоб спасть тебе твой род от смерти?

Эсфирь

(с удивлением)

Как может, отче мой! раба?

Мардохей

Сердца царей в руке Господней:
Ассур к тебе коль бросит взор,
Защитой будь нам у престола.

Эсфирь

250 Хоть слабой красотой моею
Его и обратила б взоры¹⁰
Но не допустит...

Мардохей

Нет, иди!

Эсфирь

Казнь люта там, рекла Зосара.

Мардохей

Иди, — я заклинаю спасть
255 Отечество, нам¹¹ Бог защитник.
Так, он вдохнул мне мысль сию.
Иди, иди, о дочь! Мужайся.

¹⁰ Исправлено Державинным вместо: *Его б и обратила взоры.*

¹¹ Исправлено Державинным вместо: *твой.*

Эсфирь

(преклоня главу)

Вняв Господа, вняв глас отца,
В их волю дух свой поручаю.

(ария)

260 Иду, чтоб благовонной
Дух жертвой вознести,
Послушностью безмолвной
Отечество спасти;

(Девам)

А вы препроводите,
265 Сестры, меня в мой путь,
И Господа просите
Вдохнуть мне твердость в грудь.

(хор)

Девы

Иди, благословенна дева,
В геройский твой избранный путь,
270 Спаси твой род от царска гнева
И обессмерть твой славный труд.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

Итого 271 стих

Театр представляет тронный чертог Ассура. При дверях стража

ЯВЛЕНИЕ I

Аман и Гай

Аман

(с радостью показывая печать царскую)

Се несумненный знак, мой друг,
 Ко мне доверенности царской
 И власти сана¹² моего:
 В день, в час един во всей Персиде
 5 Замерт мне ненавистна кровь;
 Ни пол, ни возраст не спасется, —
 Изгладится еврейский род

(ария)

Да мужа, силой столь известна,
 Каков Аман, трепещет свет.
 10 Посмотрим, как рука небесна
 Моих противников спасет.
 Так, самолюбье есть блестящий
 Тот облак, в коем воздух сжат:
 Трони его, — и вихрь ярящий,
 15 И гром, и молнии излетят.

Гай

Кто от твоих не дрогнет взоров?
 О, коль ужасен друг царев!

Аман

Л 10

Но ревности твоей я много
 Обязан, Гай, в деле сем
 20 Ты палестинцев так удачно
 Строптивный, непокорный дух
 Умел Ассуру описать,
 Что царь сей кроткий, осторожный¹³
 В минуту против чувств своих
 25 На их решился истребленье
 И праведно: от них вреда
 Нам более, чем польз, ждать должно,
 Носящий с ропотом ярем
 Надменный раб властям опасен

Гай

30 Наперсничьем¹⁴ твоим одним
 Я мудрым следовал веленьям.

¹² Исправлено Державиным вместо *сына*

¹³ Исправлено Державиным вместо *кроткой, осторожной*

¹⁴ В рукоп *наперсничьем*

Аман

- И сам открою я тебе
Надменностью¹⁵ давно обидной
Сей Мардохей несносен мне.
35 Хвал Бога своего под видом,
Который будто создал всё,
Людскую унижая славу,
Велит он только чтить Его,
А в Нем себя. В киченье тайно
40 Я в то его проник и в дух,
Равняющий вельмож с червями.
Аману ли сие сносить?
Но предрассудки слабнут лестью,
А скрытый, самолюбный нрав
45 И недоверчивый, коль можно
Помалу только нагибать,
То я, прикрывшись равнодушьем,
Вливал лишь тайно, стороной
В грудь царску ненависть к евреям,
50 Ждал случая, пока он сам
На них за что возненавидит
И мстящий мой свершит¹⁶ удар
Обставя ж так его сетями,
Послал тебя будить в сне льва
55 Поведай же теперь подробно
Ты, как и что с ним говорил,
Успех толь получив желанный?

Л 10 об

Гай

- Он принял с радостью меня.
Где, вопрошал, и что я видел
60 В сем путешествии моем,
И перлы где нашел драгие,
За коими им послан был
И коих столь он жаждет страстно?¹⁷
Я описал ему страны
65 Вкруг Нила, Тигра и Ефрата
До Иорданских берегов,
Где Навходоносора,¹⁸ Кира
И меч его блистал потом;¹⁹
А до юдей дошед, гнуснее
70 Всех их представил, сколько мог.
Он внял и вопрошал строптиво:

Л 11

¹⁵ Исправлено Державиным вместо *И сам открою я тебе. Что гордостью*

¹⁶ В рукоп *свершит*

¹⁷ В рукоп переписчиком расставлены цифры над строкой

1 4 3 2 5
И коих жаждет он столь страстно?

¹⁸ В рукоп *Новходоносора*

¹⁹ В рукоп переписчиком расставлены цифры над строкой

5 1 2 3 4
Потом и меч его блистал

- Ужель и жены их так злы?
 Я отвечал, не оробея,
 Что изуверно лишь закон
 75 Свой чтут, язычников не терпят,
 Что всегда готовы яд
 Или кинжал из-под покрова
 И в сердце милое вонзить.²⁰
 С сим словом побледнел, затрёсся
 80 И, запинаясь, он спросил:
 Одних ли я привез евреек?
 Я, умягчить его чтоб гнев,
 Польстив, сказал, что есть и прочи.
 Но ты вошел и речь пресек.

Аман

- 85 Я по лицу его смятенну
 Познал в тот миг мной жданный час.
 Огня кипяща сердцу поддал.
 Но ты лишь вышел,— он печать
 Поверил царства мне безмолвно,
 90 А с ней и смерть на весь Солим,²¹
 От коей бы и сам доносчик,
 И дев с ним однородный²² сонм
 Никак теперь уж не спаслися;
 Но ты как рек²³, что есть меж них
 95 И красоты²⁴ иноплеменны,—
 Он любопытствует их зреть.

Л 11 об

Гай

(с трепетом)

Но как, ах! как Эсфирь мы скроем?
 Она — как Солнце между звезд.

Аман

- О том, мой друг, не беспокойся;
 100 Узря ее,— не узрит он.
 Всегда любимцев царских в воле
 Открыть им свет или закрыть.

(дуэт)

Аман и Гай

(с восторгом)

Отмстим, восторжествуем
 Мы над врагами днесь

²⁰ В рукоп *вонзить*

²¹ В рукоп переписчиком расставлены цифры над строкой

1 2 5 6 7 3 4
А с ней на весь Солим и смерть

²² Исправлено Державинным вместо. *однородной*

²³ Исправлено Державинным вместо. *сказал*

²⁴ В рукоп *красаты*

- 105 И хитростями даруем
Себе мы прежний вес.
Что может укрепиться
Противу²⁵ сил вельмож?
Хоть правда проявится,
110 Преодолеет ложь.²⁶

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Зосара
(в расстройстве)

Зосара

Что за смятение, скажите?
Внимаю крик и плач, и стон
Повсюду при дворе и граде!²⁷

(к Аману)

- Повеждь, любезный мой супруг,
115 Какое важное злодейство
Еврейский учинил народ,
Что, слышу, в Сузах и в Персиде
Прописан будто он на смерть?

Аман

Верховной так угодно власти.

Гай

- 120 Так царь велел.

Зосара

Всегда, везде
Царя вы одного вините,
Ему приписывая зло,
Хотя без вашего совета
Он ничего и не творит.

Аман

- 125 Его мы волю исполняем.

Зосара

Не зная ей и причин?

Гай

Причин?
О том и думать мы не смеем;
Царева мысль есть суд небес.

²⁵ Исправлено Державиным вместо *против*

²⁶ Исправлено Державиным вместо *ложь*

²⁷ Окончание слова и восклицательный знак вписаны Державиным

Зосара

Но не грустил бы, не терзался,
130 Коль добрая была б она.
Он ночь всю не спал и придворны
Взнести хроники к себе велел.

Л 12 об

Аман

Знать, мыслит мне о награжденьи
За извержение ехидн.

Зосара

Каких?

Гай

Се страшна царска тайна.

Зосара

Не можно ль сообщить и мне?

Аман

Не любопытствуй тайн супруга.
Молчать и исполнять — долг жен.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Ассур в последовании придворных Евнухов,
последние держат дворские хрошки (дневники), папир (бумагу), печать
чернильницу и прочие письменные приборы. Вдали видны Девы

Ассур

(задумчиво сев на трон и указывая на книги)

Я сам их рассмотреть потщуся,

140 Подайте.

(перебирая листы)

Казнь не столь за зло,
Как за добро нужна награда.²⁸
В сем должность истинна царя.
Так,— кто заслуги мне вспомнил,
Когда их позабыл я сам?
145 Кричит всяк в слух: карать пороки!
Но только не свои. Себя ж
Быть мыслят все достойны чести.
Ах! вижу, вижу сам теперь,
Как ревность истинна забвенна.

Л 13

²⁸ В рукоп на града

Аман

(в полголоса, Гаю)

150 Конечно, он меня с тобой
Наградой отличить желает.

Гай

(тоже тихо)

Тебя,— быть может,— не меня.

Ассур

(ища глазами)

Что, здесь Аман?

Гай

(в полголоса, Аману)

Слышь, царь любимца
К себе зовет.

Аман

(громогласно)

155 Мне государь? Я здесь.
Что повелит

Ассур

(Аману)

Известны

Всем правота и честь твоя.
Советы мне твои — законы.
Скажи, мой друг, мне чем воздать
Тому усерднейшему мужу,
160 Кой, собственно себя презря,
Чрез все опасности решился
Мне трон и жизнь один спасти?

Гай

(Аману, тихо)

Се точно ты —

(в сторону)

иль я.

Аман

(тоже в полголоса)

13 об Спокойся,—
Дай лучшу из наград избрать.

(думает)

Ассур

165 Что медлишь? — возвести скорее.

Аман

(громогласно)

- О государь! достойно, мню,
Почтить того примерной честью,
Как будто самого тебя:
Да взыдет на коня он царска
170 В твоей порфире и венце
И возвестится гласом трубным
По стогнам, ступит только где,
Что он наперсник твой и друг;
175 А славы сей во утвержденье
Да всех первейший из вельмож,
Коня его ведя под уздцы,²⁹
Велит властям³⁰ всем и народам
Пред ним так пасть, как пред тобой.

Ассур

(пишет,³¹ свертывает и печатает свиток папира)

- 180 Премудрый рек. Да совершится
Всё то сейчас; но с тем, что ты
Сей свиток, мной запечатленный,
За прагом вскроешь врат моих,
И там³² тот да возблещет славой,
185 Начертано чье имя в нем.

Гаий

(Аману тихо)³³

Кому, кроме тебя, прилична
Такая честь? Блажен!

(обнимает)

Зосара

(также)

Мой друг!

(трио)

Аман, Гаий и Зосара

- Как перлы рос в дни ведра
С гор сыплются на луг
190 И чела трав и кедра
Осеребряют вдруг,
Так царские щедроты
Живят его народ.

²⁹ В рукоп *узцы*.

³⁰ В рукоп . *влястям*

³¹ В рукоп *пишит*.

³² Исправлено Державиным вместо. *так*

³³ Ремарка вставлена Державиным

(хор)

Евнухов и Придворных

Звучи, персидская держава,
195 При добром том царе твоём;
Честь Артаксерксова и слава
Греми и раздавайся всем.

(Аман и Зосара под хором уходят)

ЯВЛЕНИЕ IV

Ассур, Гай, Евнухи и Царедворцы

Ассур

(памолчав, задумчиво)

При громогласной столь мне славе,
При всем величии моем,
200 Быть может, что воспоминаньи
Астининой любви, красоты;
Иль напротив, о промедленьи³⁴
Заслугам должное воздать,
Смущав меня, всю ночь терзали,—
Л 14 об 205 Не мог я ни на час заснуть.
Мне снилось, что гремели громы,
Горел весь в молнии небосклон,
Два змия предо³⁵ мной дралися,
Висели с облаков мечи,
210 И белоснежных стая горлиц
Вилася над моей головой;
Из коих в грудь одна мне скрылась
От змия, что хотел сглотить,
И словом, тьмой я мечт томился.
215³⁶ Вот жизнь завидная царей!

Гай

(таинственно)

Колпиц иль горлиц вид — предвестье
Каких-то радостей царю.

Ассур

Колпиц! Ты дев привел мне в память.
Из любопытства их представь.

(Гай подает знак рукою)

³⁴ В рукоп *о промедленья*

³⁵ Исправлено Державиным вместо *пред.*

³⁶ В рукоп ошибочно *115*

Те же и сонмища Дев, предводительствуемая Зосарою, под белыми покрывалами в таком же платье, с лилеями в руках, тихо приближаются к трону под низжеследующим пением³⁷

(хор)

Дев

Л 15

- 220 Священнейшую волю
Творим святых небес,
Вручаем нашу долю
Тебе, о Артаксеркс!
Украшь лилей цветами,
225 Невинностию трон,
И ложными богами
Не постыди Сион.

Ассур

(с удивлением, Гайю)

Как, как, Сион! Тут есть другие?
И что их сокровен так зрак?

Гай

(с смятением)

- 230 Нет, государь! — по их закону,
Они не открывают лиц

Ассур

(с неудовольствием)

Царю? Зреть не хочу евреек
Идите прочь отсель

(Зосара хочет их повести назад)

Эсфирь

(вырывается из ряда и бежит)

Спаси!

(упадает в ноги Ассуру)

Ассур

(поспешно сходит с трона)

- Что се? Какое дерзновенье!
235 Коснулась ног моих!

³⁷ Грамматическое согласование в этой фразе, — как в рукоп

Г а и й

Смерть! Смерть!

(Воины, поспешно поднимая³⁸ Эсфирь в обмороке, сдерживают нечаянно³⁹ с нее покрывало и хотят увести)

А с с у р

(увидя в лицо Эсфирь)

Остановитесь! Что я вижу?

Жива ль она?

(берет за руку)

Едва дышит!

(Воины сажают на креслы, а Девы, сбросив свои покрывалы, помогают ей разными способами)

А с с у р

(с поспешностью отступая)

(ария)

Какая прелесть несравненна!

Какая красота в чертах!

240 Грудь зыблется, как моря пена;
Как блеск зарей,— в устах, в щеках.

Как снежна белизна,— все тело!

Коснулся лишь ее рукой,

Забилось сердце, обомлело!

245 Погиб мой ум, исчез покой.

Э с ф и р ь

(открыв глаза, томно)

Какое Солнце озарило

Вокруг меня, гоня прочь мрак?

Какой мне предстоит здесь ангел?

Ум возвращает, чувства, жизнь!

З о с а р а

250 Се царь.

А с с у р

(с благоговением)

Восстань, небесна дева!

Э с ф и р ь

(встает)

Ах, государь! се ты, се ты!

Прости, что не могла снести блеска

Прогневанных твоих очес.

³⁸ В рукоп. при переносе повтор слога: *поднима-||-мая*.

³⁹ В рукоп.: *печаетно*.

Ассур

Нет, ты прости, оставь мне винность,
255 Что так тебя я оскорбил,
Не выслушав, чего желаешь

Эсфирь

(с нерешительностью)

Прошу, ах, нет!

Ассур

Л 16

Проси, проси,
Все отдаю Возьми полцарства

Эсфирь

(преклоня голову)

Могу ль сего достойной быть?

Ассур

260 Достояна, знать, коль избираю
И искра хоть ко мне любви
В тебе едина есть, откройся
И в знак надежды длань прости

Эсфирь

Царю противиться не смею,
265 А тайну после объявлю
(подавая руку показывает робость)

Ассур

(с восторгом)

О, как я рад! И веселюся,
Что зрю по сердцу деву мне!
Что добродетель отличаю
И соподвижников моих
270 Хочу, да вечера днесь блещет
Моя особым торжеством,
Да в ней два мужа председатель
И украшают пир собой
Один, что мною⁴⁰ днесь прославлен⁴¹
275 За верность и за твердый дух,
Другой, который будет избран
Тобой, прекрасная! твой гость
(обращаясь к Эсфире⁴²)

⁴⁰ Исправлено Державинным вместо *мне*

⁴¹ В рукоп *прославлен*

⁴² В рукоп *к Эсфире*

Эсфирь

Коль то твоей угодно воле,
Да примет честь сию Аман

Л 16 об

Ассур

280 Да будет так, и именуясь⁴³
Теперь ты стран царицей сих,
Со мной в чертог мой внидь

Эсфирь

Страшуся!

(дуэт)
(оба вместе)

Ассур

Чего тебе страшиться,
Владей, господствуй мной,
285 Не царь, но пленник зрится
Здесь в узах пред тобой
Смотри, как воздыхаю,⁴⁴
Горю тобою весь,
В блаженстве утопаю
290 И в сладостях небес!

Эсфирь

Пред сим бесстрастно, мнится,⁴⁵
Взор на мужчин зрел мой,
Но днесь к тебе стремится
И с сердцем и с⁴⁶ душой
295 Смотри, как обожаю
Я взор твоих очес,
В блаженстве утопаю
И в сладостях небес!

(порознь переключаясь)

Ассур

300 Что может быть милее
Тебя на свете сем?

Эсфирь

Льетса кровь живее
В присутствии⁴⁸ твоём

Ассур

Счастлив, тебя кто любит,
Счастливей⁴⁷ ты кого?

Эсфирь

Блаженнее всех будет
Друг сердца твоего!

Ассур

Но можно ль непресечно
Счастливыми нам быть?

Эсфирь

Открой чистосердечно,
Что я должна творить?⁴⁹

Л 17

Ассур

305 Быть неразлучно вечно,
Друг друга век любить

Эсфирь

Во время скоротечно
Нельзя сего свершить?

⁴³ Исправлено Державиным вместо *имянуясь* Обе формы написаны через я

⁴⁴ Исправлено Державиным вместо *воддыхаю*

⁴⁵ В рукоп *мнится*

⁴⁶ Вставлено Державиным

⁴⁷ Исправлено Державиным вместо *счастливее*

⁴⁸ В рукоп *в присутствии*

⁴⁹ В рукоп *творить*

Ассур

Я браком сочетаюсь
И клятву тебе дам.

Эсфирь

На брак я соглашаюсь,
Веди ко⁵⁰ олтарям.

(оба вместе)

- 320 Сладка да будет доля
Супружних нам оков
Коль цепь сердец есть воля,
А узел душ — любовь:
Пойдем и соединимся,
Блаженством насладимся.

(хор)

Дев и Евнухов

- 325 Идите, соединитесь,
Супружества венцом⁵¹
Небесным утвердитесь
Пред олтарем лучом.

Ассур и Эсфирь

(вместе)

- Идем и освятимся
330 Супружества венцом,
Любовным озаримся
Там более огнём.

(хор)

(повторяется)

- Идите, соединитесь
Супружества венцом,
335 Любовным вспламенитесь
Там более огнём.

КОНЕЦ ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ

Итого 336 стихов

⁵⁰ В рукоп.: кь, что противоречит размеру стиха.

⁵¹ Исправлено Державиным вместо: венцов.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Театр представляет вертоград Астини, по надписи на вратах принадлежащий Эсфири, в котором видны пахучие деревья и цветы с блистающими плодами, между коими арфа и приготовляемый великолепный стол

ЯВЛЕНИЕ I

Зосара

(одна, в задумчивости рассматривая надпись)

- Итак, Эсфирин вертоград
 На место вижу здесь Астини,
 По надписанью на вратах!
 Не зрю в нем божеских кумиров,
 5 И нет Амана здесь! — где ж он?
 Во всем ужасная премена!⁵²
 Он послан свиток исполнять;
 Но приглашен на пир к царице.
 Как, двор, непостоянен ты!
 10 Сейчас, как гладкий понт, блистаешь,
 Но миг ты мрачен и бугрист.
 Сидел кто в колеснице счастья,
 И с ней⁵³ во прах стремглав упал.

(ария)

- О звезды неба роковые!
 15 Спускаючи на нас свой свет,
 Да замираньи сердца злые
 Каких не предвестят мне бед,
 Но больше вами озаренным
 Сей жизни путь и охраненным
 20 От всяких зол да будет нам.
 Но где мой, где, ах! где Аман?

ЯВЛЕНИЕ II

Аман и Зосара.

Аман

(с печальным видом)

Ты здесь, любезная супруга,
 Ты здесь и тужишь обо мне?

Зосара

- Ищу тебя; но что случилось?
 25 Где был и что печален так?

⁵² Исправлено Державиным вместо *ужасна перемена*

⁵³ Исправлено Державиным вместо *И я*

Аман

Царево исполнял веленье
Завидно и обидно мне.

Зосара

Других завидует кто счастью,
Не будет счастлив никогда.

Аман

- 30 Завидовать и огорчаться
Никак не стал бы я; но ах!
Раб гнусный и от всех презренный,
По повелению царя,
Чрез меру возвеличен мною
- 35 И поклоняем был от всех.
О злой тиран! вот, как играешь
Ты в царстве первыми людьми!
Высоких низишь, низких высишь
По прихотям одним твоим.
- 40 И тот, кто в бранях и в⁵⁴ крамолах
Твой острый меч был, твердый щит,
Низверг Истама, Артабана
И бакров под стопы твои,
Как бы в насмешку и коварно
- 45 Осыпан тьмой был благ твоих,
Чтоб после, спхнув его с вершины,
Пред светом показать, что червь
Есть всякий раб пред самовластьем.

Л 18 об

Зосара

- Не обвиняй за то царей,
50 Что их намеренья сокрыты
Бывают так, как неба рок.
О! так, быть может, добродетель
Ассур сим лучше мнил почитать.
И праведно ль твое роптанье,
- 55 Коль подал сам ты твой совет
Примерно наградить заслугу?

Аман

Да, наградить, не обижать...

Зосара

- Какая ж тут кому обида?⁵⁵
Ты ведасшь, прикрасы все
- 60 На свете детски суть игрушки,
Приманчивый тщеславья блеск;

⁵⁴ Вставлено переписчиком

⁵⁵ Знак вопроса, отсутствующий в рукоп., вставлен нами по смыслу

- Меж тем, достоинство прямое —
Одна доверенность царя
Пусть раб, нося личину,⁵⁶
65 Играл днесь царское лицо,
Но если власть твоя и сила
Еще остались при тебе,
Ты можешь, можешь все, размысли

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Гай

Аман*(Гаю)*⁵⁷

- Поди, мой друг, ко мне скорей
70 И мрак мой разгони душевный
Повеждь, что слышно при дворе?

Гай

Весьма тебе благоприятно
Ты приглашаешься на пир

Зосара

- В отличие всех вельмож той девой,
75 Которой днесь пленен Асур,
И председатель ты зван ей в пире

Аман*(с удивлением)*

Какая честь!

Гай

И также зван
В достоинство сие известный
Наш враг и новый временщик⁵⁸

Аман

- 80 Что б значило сие? Как мыслить?

Зосара

- Что б ни было, но притворись
Кто нрава изгибать не может
По время,⁵⁹ тот не царедвор
Иди и, наряжаясь пышнее,
85 Планеты новые поздравь

⁵⁶ В этой стихотворной строке пропущена одна стопа

⁵⁷ Вставлено Державиным

⁵⁸ В рукоп *временщик*

⁵⁹ Т е по времени

Г а и й

На них, однако же, взирают
 Не равнодушно при дворе:
 Отличие приводит в зависть,
 Все шепчут: сколь любимцев сих
 90 Дружной с собою обращенье,
 Падение тем ближе их,
 Что ревность...

А м а н*(с радостию)*

Как, уж предвещают,
 Что подлый сей певец?..

Г а и й

Так мнят.

*(трио)***Аман, Гаий и Зосара***(вместе)***Аман и Гаий****Зосара**

О! коль ревность и безвестность 100
 95 Мысль о них мутит царя,
 Красота ей, ему честность
 Не помогут у двора.
 На том дереве повесить,
 При вратах что, наша власть.

Если ревность и безвестность
 И мутили б ум царя,
 Доблесть, прелесть и приветность
 Свет прольют, исчезнет прят:
 Правда козни перевесит.
 Бойтесь сами в яму пасть.

*(порознь)***Аман и Гаий****Зосара**

На том дереве повесить,
 При вратах что, наша власть.

Правда козни перевесит.
 Бойтесь сами в яму пасть.

А м а н*(Гаию)*

115 Боязни женски презирая,
 Иди скорей и казнь готовь.

*(Гаий уходит)***ЯВЛЕНИЕ IV****Аман и Зосара.****Зосара**

Пускай на гибель иорданцев
 От трона приговор исшел,
 Но зверство в вас к чему такое?
 120 Израилев Бог — правды Бог.

И как на тех вам ополчаться,
Кто суть угодники царю?
Напротив, чтить их, быть покорным —
Прямой его есть к сердцу путь.

Аман

- 125 Как! явно ободрять мне дерзость
Прописанных уже на смерть?

Зосара

- Но коль не хочешь унижаться,
Чего еще желаешь ты?
Осыпан благами ты мира,
130 Сребристой старостью покрыт.
Оставь двора сиянья ложны,
Вдали что блещут, мрачны вблизи,
Подобные гнилушкам древа.
Брось их, и в обществе друзей
135 Во Идумею удалися
На лоно родины твоей.
Я за тобой с детьми приеду
Делить жизнь сельску и покой.
Не угодивший царской воле
140 И не имевший уже сил
Способствовать народну благу
Блажен, коль презрит суеты!

Л. 20 об.

Аман

О двор! о блеск!

(увидя Мардохея)

Но что я вижу?

Идет наш враг,— пойдем отсюда.

(уходит с Зосарою в одну сторону)

ЯВЛЕНИЕ V

Мардохей и Фамарь.

(входят с другой)

Фамарь

- 145 Как, Мардохей, в венце, в порфире!
Иль в свитке ты написан был?

Мардохей

Ты видишь.

Фамарь

Но за что?

Мардохей

За верность,
Которую скрывал Аман;
Но мудрый царь проник усердье,
150 Воспомнил, воздал честью сей.

Фамарь

Хвала ему.

Мардохей

А ты откуда?

Л. 21

Фамарь

Из храма.

Мардохей

Что, свершился брак?

Фамарь

Уже.

Мардохей

(с ужасом)

Во капище неверных?

Фамарь

Да.

Мардохей

Нечестивица! а мне
155 Не раз она, не раз клялася
Быть вере жертвою отцов.

Фамарь

Она обет⁶⁰ свой совершила.

Мардохей

Как?

Фамарь

Царь велел принести олтарь,
Сбрегомый Киром, Соломона,
160 И перед ним она в любви
Клялася⁶¹ Богом Авраамлим.

Мардохей

Как! сим Ассур доволен был?

⁶⁰ В рукоп. *обед*

⁶¹ В рукоп. *клялася*

Ф а м а р ь

Весьма не только что доволен,
 Но, присягнувши тут и сам,
 165 Как солнце, в зраке просветлился

М а р д о х е й

О чудо!

Ф а м а р ь

Но при всем том, мне
 Казалось, что смутна царица,
 В восторге, кажется, грустит
 Не то ли, что робеет тайну
 170 Свою открыть, прося за нас?

М а р д о х е й

Бог благ, иметь терпенье должно

Ф а м а р ь

О так! сколь зрим его чудес!

(ария)

Кто бы мог тому поверить,
 Чтоб языческий сам царь
 175 Стал кумирам лицемерить
 И еврейской чтить олтарь?
 Как могло сие случиться,
 Чтобы сделалась Эсфирь,
 Бедна, сирота,— царица
 180 В той стране, где царь был Кир?
 Как могло и это стать,
 Чтоб надменный, злый⁶² Аман
 Пред рабом стал унижаться,
 Облеченным в царской сан?

(дуэт)

185 Все дела сии Господни,
 И судьбы Его кто весть?
 Земля, небо, преисподни
 Возглашают Его честь
 Воспоем и воспрославим
 190 Его имя всякий час
 Сердце царское оставим
 Обратить Ему,— спасть нас

⁶² В рукоп. злы

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Ассур и Эсфирь под веселым маршем, в царской одежде и в великолепном брачном последовании Амана, Зосары,⁶³ Гаяя, Дев, Евнухов, Царедворцев и воинов, из коих одни несут на драгоценных блюдах регалии царские, т е скипетр и проч , а другие — знамена с персидским гербом, т е Солнцем⁶⁴
При вступлении на театр Мардохей присовокупляется к Придворным, а Фамарь — к Девам

Ассур

(Эсфири)

- О, как, мой ангел-утешитель,
Благополучен я тобой!
195 Твой каждый взгляд и каждое слово
Неизреченную мне льет
Приятность в чувства, в сердце, в душу
Тобой подобен я богам.

(отступая с удивлением)

(ария)

Л 22 об

- 200 Но что за робость благородна?
В лице стыдливость зарь горит!
Из алых уст зефира скромна
Мне благовоенье не дышит!
Прерви молчанье, брось препятства,
Откройся в таинстве твоём,
205 Промолвь и пожелай полцарства,
Не откажу тебе ни в чем.

Эсфирь

(ария)

- Как⁶⁵ юная на стебле роза,
Едва что развернула цвет,
Трепеща зноя и мороза,
210 Благоуханья не лиет;
Так я, хоть Солнцем озаряюсь,
Хотя живу, дышу тобой;
Но паче смерти ужасаюсь
Увидеть гневный образ твой.

Ассур

- 215 Вещай!
(увидя становящуюся Эсфирь на колени)

К чему так унижаться?

(поддерживая)

Без робости откройся мне.

⁶³ В рукоп *Зосара*

⁶⁴ В рукоп *Солнем*

⁶⁵ Исправлено Державинным *вм* *какая*

Эсфирь
(преклоняясь)

Прошу,— освободи от гнева...

Ассур
(с удивлением)

Кого?

Эсфирь
*Отечество мое.*⁶⁶

Мардохей

Оно и так всё⁶⁷ истребленно,
220 Почти не существует уж
С времен плененья вавилонска.

Л 23

Ассур
(Мардохею)

Но ты что за ходатай с ней?

Аман

Знай: он еврей.

Гай

Она еврейка.

Ассур
(с негодованием⁶⁸ отступая от Эсфири)

Как! осужденны мной на смерть?

Аман

225 Вот, государь, ты сам днесь видишь,
Как дерзок сей и хитр народ.
Не зря на гнев твой, на изгнание,
Они дерзнули в дом твой вползть,
И друг за друга так вступаться;
230 Кто знает, их какая цель,
Какая тайна между ними,
Что столь тесна их⁶⁹ дружбы связь.

Эсфирь

Он дядя мой.

Мардохей

Она дочь братня.

⁶⁶ Выделено в рукоп.

⁶⁷ В рукоп. слова «и так всё» вычеркнуты Державинным, сверху написано слово «едва», затем вычеркнуто и внизу вновь написано: «и так всё».

⁶⁸ Вписано Державинным.

⁶⁹ Исправлено Державинным вместо: *коротка*.

Ассур

Вы родня?⁷⁰

Аман

Сомненья больше!..

Ассур

- 235 Аман! опомнись, устыдися!⁷¹
Забыл, что ей ты зван на пир.

Л. 23 об.

Аман

- Но не забыл, тебе что верен,
Что блюеть законы мы должны;
То осужденника ли к смерти
240 И ног коснувшуся твоих
Мне чтить?

Ассур

(в смятении)

Жестокой! да,⁷² законы!

(закрывая глаза, стбит в безмолвии)

(трио)

Эсфирь, Мардохей и Фамарь

(упадая на колени и воздевая руки к небу)

- Слышь, Бог Сион! с небес
Наш вопль и воздыханье,
Отри ток наших слез
245 И обрати вниманье
И милость к нам царя,
Да, тайну он⁷³ прозря,
В нас скорбь, врага желанье,
Остановит⁷⁴ изгнанье.

Ассур

(с горестию)

- 250 Но что за⁷⁵ тайна? кто ваш враг?
И что вы сим сказать мне мните?

Аман

Не верь им, государь, не верь.

⁷⁰ По-видимому, в начале строки пропущено слово «так»; в противном случае строка оказывается ритмически дефектной.

⁷¹ Исправлено Державиным вместо: «и стыдися».

⁷² Исправлено Державиным вместо: ах.

⁷³ Вставлено Державиным.

⁷⁴ Конечный ь исправлен Державиным на ъ.

⁷⁵ Исправлено Державиным вместо: какая.

Эсфирь

Вот само по себе открыто,
Что мы таили, и наш враг⁷⁶

(указывая на Амана)

255 Я обличать его стыдилась

Ассур

Как! он!⁷⁷ За что тебе он враг?

Эсфирь

(указывая на Мардохея)

Враг, за него

Ассур

А что причина?

Мардохей

(взглянув на небо)

О Боже! дай царю Твой суд!
Склони, о государь! слух к правде

260 На заговорщиков донес
Тебе я, что они хотели,
Живот твой прекратя, твой трон
Доставить хищному Аману
Хитрец сей

(указывая на Амана)

им в том общник был

265 С тех пор ему я стал несносен

Аман

Какая клевета! Чтоб власть
Я царску мнил себе присвоить?

Мардохей

Ты сделал то сей самый час

Аман

Я? Как?

Мардохей

(указывая на Гаия)

Не чрез него ль ты древо

270 На казнь велел нам припасти?

⁷⁶ Исправлено Державиным вместо
Вот по себе сама открыта
Вся наша тайна и наш враг

⁷⁷ Исправлено Державиным вместо *как!*

Г а и й

(вострепета, указывая⁷⁸ на Амана)

Аман мне именем⁷⁹ царевым
То учинить велел.

Л 24 об

А с с у р

Моим

Ты словом приказал устроить
Эсфири с Мардохеем смерть,
275 В то время, как она царицей,
А он мне другом наречен?
Вот так-то хитрые вельможи
Заводят в сети их владык!
Давно я зрел твое лукавство,
280 Мнил остеречь тебя стыдом;
Но ты, не зря на униженье,
Еще дерзнул вознесть твой рог!

А м а н

Закон творил, твою я волю.

А с с у р

Молчи!

(отворачиваясь, говорит с Мардохеем)

З о с а р а

(бросаясь к ногам Эсфири)

Помилуй, умились!

А м а н

(ползает и целует у нее⁸⁰ ноги, которая от обоих их устраниется)

285 Прости, о кротка голубица!
Я — змей, тебя что мнил слотить.

А с с у р

(обернувшись к Аману)

Как, ты еще смел у царицы
При мне и ноги лобызать?
Возьмите *(воинам)* и на самом древе
Сейчас повесьте⁸¹ его там,

(указывая на Эсфирь и Мардохея)

Где он хотел их погубить.

З о с а р а

Увы!

⁷⁸ В рукоп. *указыва*

⁷⁹ В рукоп. *имянем*

⁸⁰ В рукоп. *няе*

⁸¹ В рукоп. *повести*

Аман

Я зрю, Сиона силен Бог,⁸²
И правы суть судьбы Его.
(Амана уводят, а Зосара последует за ним⁸³)

ЯВЛЕНИЕ VII⁸⁴

Ассур, Эсфирь, Мардохей, Гай, Фамарь, Девы, Евнухи и Царедворцы.

Ассур

(обнимая Мардохея)

О небесам любезный смертный!
295 Подпора трона, честь моя!
Каким обязан я признаньем
И благодарностью тебе,
Что, жизнь и скиптр мне сохраняя,
Прогнал ты мглу с очей моих,
300 Коварством вокруг меня лежавшу;
Что деву милу, как Эсфирь,
Ты воспитал мне, возлелеял,
Котора славу и блаженство
Мое составить может век.
305 О, так! великим хоть я чтуся
Победой фракнов, сириан,
Но внутренних врагов победа
Сильнейшим делает царя;
А благонравная супруга
310 Смиренною ее душой
Светлее счастье⁸⁵ всех⁸⁶ венцов.

Мардохей

Благополучнее считаться
Она должна всех прочих жен,
Что сделалась благоугодной
315 Столь сердцу мудрого царя;
А паче, коль она на милость
Его преклонит спасть наш род.

Ассур

(взяв скиптр и прикасаясь им к Эсфири)

Да предков жезл сей мой священный
Законов силою отдаст
320 Тебе не только безопасность;
Но и всему народу жизнь,

Л. 25 об.

⁸² Строка пятистопного ямба на фоне четырехстопного.

⁸³ Исправлено Державиным вместо: *за ними*.

⁸⁴ Отсюда и до знака «*» следует отрывок, опубликованный Я. К. Гротом (IV, 609–611).

⁸⁵ По-видимому, нужно «счастья», либо знак тире после *душой*.

⁸⁶ После этого слова в рукоп. переписчиком вставлено: *ему*.

Права, свободу, как и⁸⁷ персам,
И да цветет Юдея так,
При Кире как цвела она.

Мардохей

(упадая в ноги)

325 Нет слов⁸⁸ изречь благодаренья.

Ассур

(поднимая Мардохея)

Встань! та мзда еще мала,
Коль верный раб благословится;
Но царь доверенность свою
Да делит с ним на самом деле,
330 Дав власть счастливыми творить.

(отдает Мардохею скиптр)

Вот⁸⁹ скиптр, будь соправитель царства
Мне моего, — как был Аман.

Мардохей

(не принимая скиптра)

Л. 26

Нет, царь! владей ты им с царицей,
Да будет тайною тебе
335 Она помощницей, подпорой,
Прибежище сирот и вдов,
Невинных щит и притесненных
И общая народа мать.

Ассур

Совет твой мудрый я приемлю:
340 Да соцарит со мной Эсфирь.

Эсфирь

(с смиренномудрием)

О тяжкий долг супруги царской
И купно сладостный при том,
Чтоб управлять его душою,
Своей ему подвластной⁹⁰ быв!⁹¹

(дуэт)

Ассур и Эсфирь

345 Любви к отечеству и правде⁹²
Орудьем быть, благим богам,

⁸⁷ Исправлено Державиным вместо: *бы*.

⁸⁸ В рукоп.: *словом*.

⁸⁹ Исправлено Державиным вместо: *се*.

⁹⁰ В рукоп.: *подвласной*.

⁹¹ В рукоп. вопросительный знак.

⁹² Исправлено Державиным вместо: *правды*.

Другия не желать награды,
Как благоденствия людям,—
Да будет нашим общим долгом,
350 И в том друг другу мы залогом

(трио)

Ассур, Мардохей (с арфою) и Фамарь

Л 26 об
Да славится великодушна
Смиренномудрая Эсфирь!
Что небу став послушна,⁹³
Не для сияния порфир,
355 Но для людей своих спасенья
Прияла бодро дерзновенья⁹⁴
Себя на жертву принести,
На гнев царя, на смерть идти.

*(квартет)*⁹⁵

Да славится великодушный,
360 Благий⁹⁶ и кроткий Артаксеркс,
Что гласу правды стал послушный,
Отер народны токи слез,
И, злость от трона удаляя,
Клевет оковы расторгая,
365 В блеск доблестей себя облек,
В царе став Бог и человек *

Мардохей

*(тож на арфе, провождаемый Девами, кои припевают свои стихи попарно
всякий раз ему вторя)*

Да будет славим Вседержитель,
Бог Сиона в род и род,⁹⁷
Что был евреев избавитель
370 Он от египетских работ!

*(секстет)*⁹⁸

Две первые Девы

Через Чермно море предводитель,

Вторые две Девы

Из камня источитель вод,

Третии две Девы

Царств хананейских покоритель,

Л 27

⁹³ Строка трехстопного ямба на фоне четырехстопного

⁹⁴ В рукоп *дерзновенья*

⁹⁵ К Ассуру, Мардохею и Фамари присоединяется Эсфирь

⁹⁶ В рукоп *благ*

⁹⁷ Строка четырехстопного хоря на фоне четырехстопного ямба

⁹⁸ В рукоп *секстет*

Четвертые две Девы

Питавший манной Свой народ,

Пятые две Девы

375 И днесь от смерти нас спаситель,

Шестые две Девы

Чудесностью Своих щедрот

(хор)

(общий)

Да воспеваются сердечно
Эсфирь вовек и Артаксеркс,
И имя их, хвалимо вечно,

380 Гремит средь звезд и внутри⁹⁹ сердец!

*NB За сим может следовать балет
или еврейские брачные и богочтимые пляски*

КОНЕЦ ОПЕРЫ

<i>Итого в 1 действии</i>	<i>241</i>
<i>во 2</i>	<i>336</i>
<i>в 3</i>	<i>380</i>
<i>Всего</i>	<i>987 стихов</i>

⁹⁹ Исправлено Державиным вместо *средь*

В. П. СТЕПАНОВ

НЕИЗДАННЫЕ ТЕКСТЫ И. М. ДОЛГОРУКОВА

В стремительном литературном процессе начала XIX века наблюдается несколько примечательных анахронизмов: Державин продолжал в почти неизменном виде одическую традицию классицизма, Хвостов остался в рамках сумароковской школы, Долгоруков писал в духе «легкой» поэзии, сформировавшейся в России к концу XVIII века под сильным французским влиянием.

Поэт очень личный, Долгоруков не пошел вслед за сентименталистами и не стал поэтом «чувства», оставшись рациональным поэтом личных «впечатлений». Его поэзия не вызвала отторжения у современников, хотя он явно был человеком другой эпохи и эстетики; скорее, она вызывала их интерес. Известны иронические, но одновременно и заинтересованные отзывы о нем П. А. Вяземского и А. С. Пушкина.

Колоритная фигура Долгорукова привлекает внимание и в наше время, когда начинают переиздаваться его многочисленные мемуары.

Рукописей поэтических произведений Долгорукова известно немного, в три прижизненных издания вошло все, что он счел нужным напечатать. Поэтому некоторый интерес представляет экземпляр последнего издания «Бытия сердца моего, или Стихотворений князя Ивана Михайловича Долгорукова» (М., 1817–1818. Ч. 1–4. В двух переплетах) с рукописными дополнениями автора. Он хранится в Пушкинском Доме в составе библиотеки известного историка литературы и библиофила М. Н. Лонгинова (шифр Ло. 38.1.8., ч. 1–4).

Как попал личный экземпляр Долгорукова в библиотеку Лонгинова, объясняет запись на форзаце первого тома, по характеру однотипная с рядом других владельческих записей лонгиновской библиотеки: «Сын автора, сенатор князь Дмитрий Иванович Долгорукий, прислал мне из Москвы, при письме от 19 февраля 1865, в подарок этот драгоценный экземпляр сочинений своего отца, вписавшего собственноручно на особых листах, вплетенных в книгу, объяснения на свои стихотворения, выпущенные из них в печати стихи и т. п. Михаил Лонгинов. Тула. 22 февраля 1865». Весьма вероятно, что подарок связан с работой Лон-

гинова над заметкой «Хронология некоторых стихотворений князя И. М. Долгорукова».¹

Д. И. Долгоруков, старший сын поэта, так же как и дочь Варвара (в крещении Антонина, в замужестве Новикова), были помощниками отца в его литературных работах. В своих воспоминаниях князь Долгоруков указывал, что именно Дмитрий особенно помогал ему в подготовке третьего издания сочинений: «Я готовил третье издание моих сочинений, слышал первое с вторым, исправлял некоторые старые пиесы и собирал те из новых, которые могли выдержать Ценсурную пробу. Все это надобно было соединить в одно целое, прибрать по материалам и переписать набело <...> Сын мой Дмитрий был мне хороший сотрудник в механизме моей работы, и мы с ним перемарали бумаги пропасть».² Эта помощь сводилась, очевидно, прежде всего к наведению справок и переписке текста. Почерк старого князя был неудобочитаем, как это видно и из записей на вшитых в экземпляр чистых листах. Поэтому они все продублированы почерком сына, по расшифровке которого мы их и публикуем. Д. И. Долгоруков хорошо знал и другие сочинения отца, в частности его мемуары, сведениями из которых дополнил, вероятно, позднее пометки отца (они оговорены в тексте). Сами расшифровки также делались, скорее всего, уже после смерти И. М. Долгорукова, так как в 1820 году Д. И. Долгоруков уехал в Петербург, чтобы присоединиться к русскому посольству в Царьград.³ До конца жизни у него хранились рукописи прозаических произведений Долгорукова. О. М. Бодянский, впервые опубликовавший эти тексты, сообщал, что получил их от наследников Д. И. Долгорукова.⁴ Можно думать, что до того как экземпляр попал к Лонгинову, он не был известен за пределами семейства Долгоруковых. Во всяком случае, с ним не был знаком М. А. Дмитриев, который во время работы над книгой о Долгорукове пользовался материалами семейного архива.⁵ В противном случае он не назвал бы безо всякого сомнения адресатом стихотворения «Шутка за шутку» М. Н. Зиновьева, так как в экземпляре адресат однозначно расшифрован как М. Н. Макаров.⁶

Мысль Долгорукова дополнить свои сочинения примечаниями не была совершенно оригинальной для своего времени. Хорошо было известно, что существуют рукописные «объяснения» Державина к вышедшим из печати первым томам его сочинений. В качестве побудительной причины, заставившей его написать примечания, Державин назвал желание и даже необходимость объяснить новому поколению смысл ряда своих произведений. «В некоторых моих произведениях и поныне многие что читают, того не понимают совершенно <...> Все примечатели и разби-

¹ Русский архив 1865 № 3 С 368–372

² Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни (рукопись) ИРЛИ, р I, оп 6, № 68, с 977–978 (Далее «Повесть »)

³ Там же С 1053

⁴ Долгоруков И. М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда М., 1870 С III–IV (Далее «Славны бубны »)

⁵ Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни М., 1998 С 167, 599

⁶ Дмитриев М. А. Князь И. М. Долгоруков и его сочинения М., 1863 Изд 2-е, испр и доп С I–II, 249

ратели моей жизни без особых замечаний, оставленных мною на случай смерти моей, будут судить невпопад».⁷ Сокращенное изложение этих примечаний было издано Н. Ф. Остолоповым уже в 1821 году под заглавием «Ключ к сочинениям Державина».

Д. И. Хвостов прибег к такой же форме пояснений, но уже в публичной печатной форме, при издании в 1814 году собрания своих «Посланий». Хотя сами примечания по содержанию были менее интересны, чем державинские, и не вызвали особого резонанса, по типу они к ним очень близки. Как и Державин, Хвостов обычно фиксирует время и историю создания, указывает людей и обстоятельства, которые вызвали послание, иногда указывает ранние и поздние изменения редакции стихов, поясняет особенности своих метафор («вымыслов») и языка.

В общем, работа Долгорукова шла в том же русле. Дело, однако, не в заимствовании идеи или подражании кому-то из современников. Общим было ощущение, что эпоха, которой принадлежали авторы прошлого века, утратила злободневность, и их поэзия постепенно стала требовать пояснений для нового поколения литераторов и писателей.

Манера работы непосредственно на тексте, с листами, вплетенными в издание, была привычной для Долгорукова. Описывая свое путешествие в Одессу под заглавием «Славны бубны за горами», он упоминает, какое употребление он сделал из своего сборника «Сумерки моей жизни» (1806), посвященного памяти первой жены Е. С. Смирной: «У всех есть альбом; а я, странный человек, вожу с собою „Сумерки“ мои с белыми чистыми листами и прозвал их *Nigrum*» (в данном случае, скорее всего, не «черное», а «печальное»). В этот экземпляр «как в альбом,— пишет он далее,— мои знакомые дарили меня своим пером».⁸

Пометы Долгорукова отчетливо распадаются на замечания и добавления к текстам. Последние, очевидно, не были спонтанной правкой книжного текста. Во-первых, Долгоруков несколько раз делает указание на то, что стихи «выпущены», что «в рукописи» было иначе, чем в печатном тексте. Это прежде всего может означать, что он сравнивал тексты с наборной рукописью, измененной в цензуре. С другой стороны, некоторые дополнения так обширны, что вряд ли они восходят к ней. По-видимому, он обращался и к более ранним рукописям своих произведений. Во всяком случае, стихотворение «Ропот на дорогу» сохранилось в первоначальной редакции, из которой заимствованы вписанные строки, в «Журнале путешествия из Москвы в Нижний 1813 года».⁹

Впрочем, Долгоруков вряд ли предполагал когда-либо печатать свои исправления, дополнения и пояснения. Вся его работа носила как бы внутренний характер, хотя параллельно и машинально он выправлял также и вкравшиеся в текст и не замеченные им в корректуре опечатки.

Последнее издание сочинений Долгоруков считал не только самым полным, но и самым удачным.¹⁰ Он начал работать над изданием по пред-

⁷ Вопросы русской литературы. Львов, 1973. Вып. 2. С. 109.

⁸ Славны бубны... С. 174, 301.

⁹ Долгоруков И. М. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года. М., 1870. С. 119.

¹⁰ «Издание сие было прекрасно отработано во всяком отношении, говоря в Типографическом о нем смысле». (Повесть... С. 1045).

ложению книгопродавца Ширяева осенью 1816 года и, как писал: «Труда было довольно, но я никогда такими упражнениями не тяготился; они были в моем давнишном и привычном вкусе».¹¹ В то время, когда оно печаталось, он с семейством ездил на юг России, и корректуры высылались в определенные места по маршруту его поездки. Об этом он писал в записках о «Путешествии в Киев в 1817 году», что в Девицах его ждали корректурные листы первого тома, а в Киеве в лавке он увидел книгу уже изданной и «очень обрадовался сим новым начаткам старых моих произведений...».¹²

Внесение замечаний в экземпляр по времени связано с другой работой Долгорукова, которая велась одновременно, — составлением мемуарного свода «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни». В. И. Коровин, переиздавший «Капище», датирует работу над ним 1818 годом.¹³ Окончание работы фиксирует сам Долгоруков, записав в мемуарах под октябрём 1820 года: «Я кончил мой Лексикон».¹⁴ Почти все расшифровки в экземпляре присутствуют и в статьях, посвященных этим же лицам в «Капище». Если не буквально, то текстуально очень близко совпадают там и здесь характеристики персонажей и отношений их с автором. Складывается впечатление, что экземпляр собрания сочинений с пометками служил Долгорукову предварительным путеводителем по кругу тех лиц, которых он заносил в «Капище».

По содержанию разнообразная правка Долгорукова на практически полном собрании его стихотворений симптоматична для характеристики его личности. Наследник одной из самых знатных русских фамилий, светский человек и крупный чиновник, он не принадлежал ни к заскорузлым консерваторам, ни к «либералистам» начала XIX века, в общем оставаясь человеком вполне благонамеренным. Подобно Карамзину-историку он не видел необходимости каких бы то ни было масштабных преобразований в русской жизни. По поводу конституционных проектов он писал: «Дело в человеке, а не в хартии <...> Нравы переменялись, и воля царя давала им угодное ему направление <...> Я с теми мыслями сойду в гроб, что нет правления лучше единодержавия, когда самодержец — человек Божий по уму и нраву».¹⁵ Его цепкий и живой ум подмечал в русской жизни смешные несоответствия между сложившимися обычаями и идеями европейского Просвещения. Недаром его триада «Авось», «Везет» и «Живет» оказалась столь популярной в публике (ср. в десятой главе «Онегина» стих «Авось, о Шиболет народный..») Любопытны и чисто бытовые наблюдения Долгорукова, вроде иронической сценки в толпе крестьян. «Один мужик кричал другому: „Для меня мир важнее барина!“ Слава богу! И мужики входят во вкус политической свободы».¹⁶

¹¹ Там же С 978

¹² Долгоруков И М Путешествие в Киев в 1817 году М, 1870 С 26, 109 (Далее «Путешествие в Киев»)

¹³ Капище М, 1997 С 351

¹⁴ Повесть С 1054

¹⁵ Путешествие в Киев С 156

¹⁶ Славны бубны С 3

Вместе с тем образованность (преимущественно французская) и отчасти легкомысленная широта суждений создали ему репутацию последовательного вольнодумца и вольтерьянца, каким он никогда не был. Подводя итог своей житейской репутации после оскорбительной отставки от всех должностей, Долгоруков насмешливо записал в «Путешествии в Киев»: «Когда я был молод, меня в публике называли атеистом, натуралистом, деистом, потом республиканцем, наконец даже и якобинцем...».¹⁷ Те суждения, которые казались Долгорукову совершенно естественными, шутивными и остроумными, наталкивались на возражения официальной цензуры. Цензуру он считал, как и большинство литераторов начала века, не столько политическим орудием, сколько глупым препятствием на пути разумной мысли. «Какой путешественник с полной свободой опишет нашего края недостатки? Цензура съест и автора, и книгу. Хоть плачь, да все хвали!» — писал он, приступая к очередным путевым запискам.¹⁸ Зная эти сложности, Долгоруков, как видно по дополнениям к текстам, избегал прямых столкновений с цензором, прибегая к автоцензуре своих стихотворений. Действительно, трудно представить, чтобы он с надеждой напечатать включил в подцензурную рукопись те отрывки из «Торжества совести», где речь идет об убийстве Орловыми императора Петра III, и ряда других стихов в адрес «вельмож» и «сатрапов». Однако к 1817 году (время министерства А. Н. Голицына) цензурные требования ужесточились до такой степени нелепости, особенно по духовной части, что Долгоруков уже не мог предугадать решений цензора и вынужден неоднократно констатировать: «цензура не пропустила».

Многочисленные параллели пояснений смысла отдельных стихов и целых пассажей, особенно когда речь идет о лицах, которым они адресованы, можно найти в мемуарных сочинениях Долгорукова, например в «Капище», где по дням года собрано 365 заметок о его знакомых. Вместе с тем рукописные пометы дают и некоторые дополнительные сведения. Так, мы узнаем, что анонимное стихотворение «Стихи к N. N.» из «Иппокрены», адресованные Долгорукову, принадлежат некоей провинциалке Николевой, заочной поклоннице поэта.¹⁹ О недружелюбных отношениях Долгорукова с И. И. Дмитриевым известно давно, и, как писал он в «Капище», «я многие резкие места относил к нему и прямо бил, как в мишень».²⁰ Начиная со скандала с чтением в присутствии И. И. Дмитриева в Московском обществе любителей словесности стихотворения «Невинность», которое Общество отказалось печатать, а Н. Н. Сандунов даже вышел из членов Общества, увидев в нем нападки на Дмитриева, Долгоруков продолжал выражать свое неудовольствие прежним приятелем и даже старое стихотворное послание к нему переименовал в безликое «Сослуживцу». Из примечаний мы узнаем, что стих «Ликуй, холодный себялюбец...» из стихотворения «В последнем вкусе человек» настроженный Дмитриев считал нацеленным именно в него.

¹⁷ Путешествие в Киев С 135.

¹⁸ Славны бубны С 27

¹⁹ Помещено как анонимное в сборнике «Поэты XVIII века» Л., 1972 Т.2 С 488

²⁰ Капище С 106

Особенно любопытны примечания Долгорукова к стихотворениям, посвященным некоторым дамам московского света, с которыми он в разное время находился в близких отношениях. В поэзии, да и в мемуарах Долгорукова, женщины и любовная тема занимают центральное место. В «Капище» он признавался, что всегда «писал стихи не по иному какому побуждению, как чтобы нравиться женскому полу, ибо я во вселенной ничем, кроме его, не пленялся».²¹ Хроника его романических отношений исключительно велика, но за исключением провинциального романа с Е. А. Улыбышевой («Людмила» его стихотворений) не скандальна. Поэмы, относящиеся к подносной любовной лирике, сами по себе не особенно информативны. Но если дополнить их другими сведениями, то они проливают свет на атмосферу московского светского общества, где под влиянием сентиментальной эмансипации женщины стали играть чуть ли не ведущую роль. Именно в Москве появились первые сочинительницы, которых с радостью привечали издатели в своих журналах, и первые журналы, посвященные женщинам. Эта сфера, где мимолетные литературные занятия часто превращались в игру, а иногда походили на мистификацию, остается малопонятной и, главное, трудно изучаемой, потому что мы не знаем бытовых условий, нравов, побудительных мотивов. Поэтому любые намеки на характер литературной салонной культуры могут оказаться ценными как для понимания русского сентиментализма, так и людей, олицетворяющих эту культурную эпоху.

Репутация Карамзина как человека московского дворянского сообщества, конечно, неотделима от его авторского, писательского успеха.

Слава «Истории государства российского», а затем созданная усилиями друзей и почитателей биографическая легенда об историографе и писателе стусевали те черты ранней биографии Карамзина, которые приходили в противоречие с образом «чувствительного» автора. Проза и поэзия Карамзина, пронизанные авторским началом, невольно провоцировали читателя на отождествление писателя с его лирическим героем. Любое противоречие между реальным человеком и литературным образом привлекало обостренное внимание. В 1796 году Г. Р. Державин в письме к И. И. Дмитриеву, «очень» похвалив «Послание к женщинам», остался недоволен последним стихом («Он нежной женщины нежнейшим другом был») и фривольно заметил, «что с таковыми жен друзьями мужа с рогами». В следующем письме Дмитриеву он, правда, извиняясь, любезно пояснял, что несомненно только «привязанность к добродетели и восторг поэта» побудили Карамзина похвалиться «дружбою дамы».²² Ясно, что Державину был известен адресат стихотворения — Анастасия Ивановна Плещеева, и какие-то скандальные слухи, добравшиеся до Петербурга.

В 1801 году Карамзин женился на Елизавете Ивановне Протасовой, младшей сестре А. И. Плещеевой (Протасовой). Эта первая женитьба Карамзина нашла отражение в рукописном «Описании бракосочетания гос-

²¹ Капище. С. 106.

²² Державин Г. Р. Сочинения. Л., 1987. С. 417–418.

подина К...», которое М. П. Погодин назвал «пасквилем».²³ «Описание» вышло из круга Дружеского литературного общества братьев Тургеневых, сыновей И. П. Тургенева, давнего масонского знакомого Карамзина; сохранился автограф А. С. Кайсарова с его авторской правкой.²⁴ Оно оценивалось обычно с точки зрения идейного, гражданского противостояния молодых членов кружка карамзинизму. Однако в «Описании» прослеживается также язвительная насмешка над несоответствием, как казалось авторам, Карамзина-писателя и человека. Как ни молоды были братья Тургеневы, какие-то расходившиеся по Москве слухи побудили их наряду с иронической картинкой сентиментального бракосочетания упомянуть в «куплетах» «скромные диваны, свидетели нескромных сцен» (отсылка к «Модной жене» Дмитриева) и ввести песенку супругов:

Лишась способности грешить,
Мужей оставим мы в покое,
И жен начнем добру учить.

Данные стихи являются цитатой из стихотворения Карамзина «Исправление. (Шутка над лицемерами и ханжами)».

В своих пометах Долгоруков не упоминает Карамзина прямо. В «Капище» он даже свидетельствует, что «не имел с ним ни связи, ни близкого знакомства», только «случалось бывать с ним в одних и тех же домах».²⁵ Имеются в виду дамские салоны, всегдагдаем которых был Долгоруков, и их хозяйки, прежде всего В. П. Волконская, В. А. Трубецкая и П. Ю. Гагарина. В их домах ставились домашние спектакли благородных любителей, страстным поклонником и участником которых был Долгоруков, и господствовала околослитературная атмосфера. Варвара Александровна Трубецкая, жена Н. Н. Трубецкого, сводного брата Хераскова, была поэтессой и автором драмы «Эдуард и Эмма»; им принадлежало гостеприимное и веселое Очаково. Стихотворную переписку с ней (о «луне») Долгоруков поместил среди своих сочинений. В доме Варвары Петровны Волконской также были театральные представления. Долгоруков был в нее долго и сильно влюблен, под именем «Глафиры» к ней обращен ряд его стихотворений. Замечания Долгорукова о Прасковье Юрьевне Гагариной вызывают наибольший интерес. По рождению она была Трубецкая, дочь Юрия Никитича Трубецкого, брата Н. Н. Трубецкого. Ее муж, кн. Ф. С. Гагарин, погиб во время штурма Варшавы в 1794 году; много лет спустя вторым браком она вышла за полковника П. А. Кологривова; Вера Федоровна Вяземская, разрешения жениться на которой П. А. Вяземский просил у своего опекуна Карамзина, была ее старшей дочерью, и, возможно, ребенком сживала у Карамзина на коленях.

Роман Карамзина с Гагариной приходится на 1790-е годы. К ней обращены два из его лучших лирических стихотворений «К верной» и «Неверной», овеянные надеждой на счастливый конец его любовного увлече-

²³ Погодин М. П. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. 1. С. 391.

²⁴ Русский библиофил. 1911. № 1. С. 30–39.

²⁵ Капище. С. 251.

ния. Судя по письму к Дмитриеву от апреля 1799 года, к этому времени близкие отношения уже закончились: «...в семи верстах от города, там, где я третьего года писал <...> стихи «К „верной“ давно неверной».²⁶

Долгоруков в мемуарных записях характеризует Гагарину как одну из самых ярких фигур московского света: «Я с ней знаком был во время ее вдовства, и довольно коротко: она женщина смолоду взбалмошная и на всякую проказу готовая. Во время тесной связи ее с Карамзиным я не урежал к ней моими посещениями. Всех резвостей исчислить невозможно, какие она выдумывала для приятного провождения времени и на даче, то есть за городом, и в городском ее доме <...>. Я с ней часто игрывал на театре, на котором она затевала разные зрелища, единственно для того, чтобы привлечь к себе людей, и из одного чванства: впрочем, в этом искусстве она худо успевала. Я никогда не забуду оперы „Serva Padrona“ (Служанка-госпожа), которую мы с ней сам-друг разыграли на театре Шаховского под Донским. Хуже этого позорища едва ли кто видал что-нибудь на сцене. Княгиня не умела ни петь, ни играть, театр мог поместить до 150 человек, а мы роздали с ней 300 билетов; разумеется, что была страшная давка, шум, крик и всякое неустройство. Ее все это забавляло чрезвычайно. Знаменитый Карамзин преклонял перед ней колена и отражал на нее сияние своей славы».²⁷

Долгоруков подчеркивает «взбалмошность» как основную черту характера Гагариной. Но в жизни этой светской дамы были также по-настоящему решительные поступки. Вместе с мужем, будучи беременной, она отправилась в польский поход и попала в плен к повстанцам; ей, однако, удалось бежать. Затем она первой из русских женщин в пору увлечений воздухоплавательными опытами поднялась в Москве на воздушном шаре.

Долгоруков, как и Карамзин, тоже посвящал Гагариной стихи: «Стихи мои под названием „Параше“ обращены были на ее лицо <...> суть памятник моего с ней знакомства и приятного провождения времени в ее кругу».²⁸ И в этой связи особо любопытно рукописное указание Долгорукова, что в этом стихотворении «имена выворочены» и что Селимена, а не Параша изображает в нем Гагарину. Во всяком случае данная помета дает основание рассматривать этот персонаж не в качестве обобщенного портрета суетной прелестницы, а связать его с конкретной женщиной, бывшей любовницей Карамзина.

Дополнительную черту к образу Гагариной дает и безадресное печатное примечание к стихотворению «Камин в Москве» о некоем самоубийце, по поводу чего «некоторые из приятелей <...> поговоря об этом, как о странном случае, сутки, на другие поехали на бал и плясали».²⁹ Рукописное замечание указывает, что речь идет о самоубийстве барона Спренгпостена, постоянного участника «круговенек» у Гагариной. В «Капище» Долгоруков описывает эту историю еще более ярко: «Мы, верные ее

²⁶ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 101.

²⁷ Капище. С. 153.

²⁸ Там же.

²⁹ Бытие сердца моего. Ч. 2. С. 182.

поклонники, человек до шести, съехавшись, оплакивали самоубийство одного молодого сотоварища нашего, Шпренхпортена, который застрелился; мы призывали дух его с неба, мистические делали воззвания к царству мертвых, весь воздух около себя очаровывали, словом, из доброй воли пришли все в такой ужас, у камина сидя, что я, доехавши до-мой, вытерпел страшную бессонницу, и доныне для меня незабвенную».³⁰ Этот же сюжет возникает в письмах Г. П. Каменева, общавшегося в Москве с Карамзиным, причем последний пересказывает ему всю историю с такими подробностями, что можно предположить — источником сведений был все тот же узкий кружок. При этом Каменев приводит эпиграмму Долгорукова на смерть барона, оставшуюся неопубликованной и, возможно, забытую автором:

Барон С<пренгпорте>н застрелился;
Умы толкуют так и сяк.
Но я у чувств моих спросился
И заключил, что он — дурак.³¹

Кроме воспоминаний Долгорукова есть и ряд других свидетельств о жизни Карамзина, светского человека в светской Москве, о которой мы знали только по туманным намекам в его письмах к И. И. Дмитриеву. Еще в 1830-е годы в устной памяти существовал не только «Карамзин» А. С. Пушкина и В. А. Жуковского, но и воспоминание о Карамзине, московском жителе прошлого века.

Два эпизода из его жизни вошли в «Записки» А. М. Тургенева, писавшиеся в тридцатые годы, но посвященные началу его чиновничьей карьеры и юношеским впечатлениям. Обращаясь к ним, мы все более погружаемся в область анекдотов и слухов, а не фактов. Однако именно из «слухов» в итоге и складываются исторические репутации.

Первый эпизод связан непосредственно с Гагариной, связь которой с Карамзиным не могла не привлекать всеобщее внимание, и представляет довольно едкую пародию на идиллические сельские картины в «Бедной Лизе». Текст Тургенева также хранит воспоминание о «Бракосочетании» Карамзина, где тот собирался «жен чужих добру учить».

«Вдовствовавшая тогда княгиня Прасковия Юрьевна Гагарина <...> жаловала чтение сочинений историографа. Николай Михайлович тогда не был еще историографом, пописывал просто, без высокого титула. Она была с Карамзиным коротко знакома, и он, лишившись возможности сам грешить, начал, как сам то напечатал, жен чужих учить. Было летнее время, читать и ночью душно, жарко в будуаре, а читывал княгине свои сочинения сам историограф. Княгиня, Н. М. Карамзин и неразлучная в то время подруга княгини девица Морозова собрались поехать к Симонову монастырю и там, на берегу Лизина пруда, выслушать чтение Николая Михайловича — сочиненный им роман «Бедная Лиза». Поэты прихотливы: послали к Лизину пруду ковры, подушки и, как было жарко, дамы позволили чтецу снять фрак и надеть халат китайский. Чтение спокойно

³⁰ Капише С 153

³¹ Вчера и сегодня СПб, 1845 Кн 1 С 55–56, 58

продолжалось, спокойствие ничто не нарушало! Начало темнеть, читать было не видно. Слуги княгинины, чтобы не беспокоить близостию господ, стояли с каретою вдалеке за монастырем. Две дамы и историограф, прекратив чтение, наслаждались прохладой вечера и, вероятно, Николай Михайлович их добру учил, как вдруг приходит к Лизину пруду человек восемь молодых купеческих сидельцев. Сорванцы, посмотрев на историографа и на дам, спросили их: „Что вы тут делаете?“ Николай Михайлович начал им что-то ораторствовать; только двое из удалцов схватили историографа и сказали ему, чтобы он не пикнул, а если отважится отворить рот,— они отправят его в пруд разговаривать с Лизой. Между тем другие по очереди учили княгиню Прасковию и наперсницу ея Морозову — чему? Про то знают княгиня, Морозова и знал покойный историограф. <...> С того времени Николай Михайлович читал, а княгиня слушала всегда в будуаре». ³²

Во втором эпизоде мы видим Карамзина в том же кругу развлечений барской Москвы, общем для него и Долгорукова. Мансурова — это красавица, за которой Долгоруков в бытность ее бедной девушкой на выданье ухаживал в Петербурге. Богатый брак позволил ей присоединиться к жизни московского света, где Долгоруков по старому знакомству стал неизменным участником ее домашних спектаклей.

«Князь Иван Дмитриевич Трубецкой <...> давал в доме своем на Девичьем поле бал со всевозможными причудами: благородный театр, сюрпризы супруге своей Екатерине Александровне, урожденной Мансуровой, иллюминация и фейерверк. <...> Сюрприз был подготовлен в фейерверке: статуя, представляющая *Fidélité*, при окончании фейерверка должна быть освещена бриллиантовым огнем и на пьедестале, в транспаранте блистать стихи в честь супружескую. <...> Прогорела штука, вторая, третья, может быть, и до десяти, наконец после возникшей тьмы надобно было зажечь — осветить изображение. Фейерверкер поднес фитиль князю Ивану Дмитриевичу, он был должен зажечь на натянутом шнуре голубка, который понес искру пламенной любви его сиятельства к обожаемой. В восторге, в восхищении зажег князь куклу-голубка, искусно сделанную фейерверкером. Куколка побежала по натянутому шнурку с быстротою молнии; прибежала к *Fidélité*, зажгла, и что увидели? живую — супругу князя Катерину Александровну за статуей <...> *faisant une infidélité!* Что же? Ничего. Все видели княгиню, никто не ошибся, но князя-супруга уверили и удостоверили, что то была *une femme de chambre* <...>. Николай Михайлович Карамзин был сочинителем стихов в честь *fidélité*, сам присутствовал на бале, видел все происшествие и вместе с прочими уверял князя, что за статуею *Fidélité* видели женщину, но то была не княгиня». ³³

Замечания и дополнения Долгорукова к текстам печатаются с указанием заглавий затронутых правкой стихотворений по порядку их размещения в издании и в соответствии с указаниями автора, к каким местам текста относятся или в какие места вставляются. Отметим также, что допол-

³² Тургенев А. М. Записки // Былое. 1918. Кн. 13. С. 173–174.

³³ Там же. С. 172.

нительно на чистых листах книги Д. И. Долгоруковым вписаны последние стихотворения Долгорукова-отца — «Чистый понедельник» (напечатано в книге М. А. Дмитриева) и «Взгляд старца на заходящее солнце» (указано О. М. Бодянским в перечне рукописей Долгорукова, хранившихся в семье сына).³⁴

Экземпляр библиотеки ИРЛИ, шифр: Ло.387.1.8. (ч. 1—4).

Владельческая запись на форзаце части первой издания:

«Сын автора, сенатор князь Дмитрий Иванович Долгорукий, прислал мне из Москвы, при письме от 19 февраля 1865, в подарок этот драгоценный экземпляр сочинений своего отца, вписавшего собственноручно на особых листах, вплетенных в книгу, объяснения на свои стихотворения, выпущенные из них в печати стихи и т. п. Михаил Лонгинов. Тула. 22 февраля. 1865».

Предисловие

Писано в 1817 году.

Гимн в день моего рождения

Писано во время моего пребывания в Пензе в 90-х годах.

ст. «В день, когда на брань стремился...»

Я был под шведом в день сражения 24 мая 1790 года.

ст. «При дверях чертогов царских...»

Я часто бывал у меньшого двора в то же время в Павловском и Гатчинах.

стрф. «Когда мерзкие внушенья...»

Эта строфа относится к моим беспокойствам Пензенским по гражданской службе.

стрф. «Ты свои святы законы...»

Директор экономии посылал на меня язвительные доносы ко двору, при котором находился тогда племянник его родной кн. Зубов первым царедворцем.

Акростих

Писано в самой первой молодости.

Размышление о смерти

Писано было в Володимире и читано мною там публично в обществе охотников до словесности 1811 года.

На кончину Г. Горича

Сии стихи суть первые, кои отдал я в печать. Я их писал в 1786 году, будучи 22 лет от роду.

На открытие здания для ботика Петра I в Переяславле

Писаны во время моего начальства над сим городом в 1803 году.

³⁴ «Бытие сердца моего»; между частями 3-й и 4-й в одном переплете; Дмитриев М. А., с. 129; Славны бубны... С. IV.

На открытие Владимирской гимназии 1804 года августа 7-го дня
Читаны публично при открытии гимназии.

Князю Пожарскому

Писаны во время первого ополчения и напечатаны в особой тетрадке вместе с речью, которую я, бывши губернатором, произнес купеческому сословию.

На пострижение благородной особы

Писано в Пензе на счет Дарьи Михайловны Новиковой, постриженной в бытность мою там в 90-х годах.

Невинность

Читана публично Ф. Ф. Кокошкиным в Обществе любителей российской словесности в Москве в 1816 году и много принесла мне беспокойства.

ст «Чтобы одно лишь в свете было »

В рукописи было и цензурою не пропущено:

Чтоб где-нибудь на свете было
Священно царство правоты

Песня последняя моим современникам

Сочинена в 1816 году в Москве.

Рассуждение о судьбе

Писано в Москве 1815 года и напечатано было особо.

На освобождение князя Сибирского

ст «Сколь подвиг знаменит сопутницы твоей »

Сия женщина сопровождала его в ссылку, наконец, сделалась его женой
Хвала геройскому подвигу ее.

Кн. Гр. Сем. Волконскому

Писано тогда, как он был генер.-губ. пограничных наших азиатских областей.

Нешастной красавице

Сие послание извлечено из Киевского моего путешествия и писано на счет генерал-майорши Рахмановой, урожденной Пассековой, заключенной во Фроловском монастыре по причине сумасшествия, в 1810 году.

Щастливой человек

Писано в Москве в 90-х годах.

ст «Коль им наполнен Твой закон » исправлен на «нисполнен Твой закон »

Прогулка на Трех горах

Писано в царствование нынешнего государя А<лександр> I в Москве в 1801 году.

Прогулка в Савинском

Писано в Никольском по прибытии моем из Владимирской губернии

Плач над Москвою

Писано в Шуе, скоро по освобождении Москвы от француза

Черты свободного писателя

Писано в Москве в 1814 году

ст «Того, что вера » исправлен на «Того, что честь рекла »

Торжество совести

ст «Не наша сухота »

Чинов ли? — За какой сегодня постоят
Крестов? — их дюжин пять на выбор подвалят,
И лент через плечо из самой нежной ласки
Со всех сторон нашьют какой угодно краски
А что всего милей и проч

ст «Все ради присягнуть » до «Короче, в нем все дар »

Лицом ли не пригож? Влюбляет всех без меры,
С ним рядом ничего Купидо, сын Венеры,
И лучшая жена за тридевять земель
Прискачет без души, чтоб лечь к нему в постель

ст «И выведет, что он » до «Богатому на что »

Закройщиком родясь, быть может генералом
И тотчас попадет в сравнение с Аннибалом

ст «Я царь и над молвой »

Сии слова приписывали Наполеону

ст «И в очередь свою » по «Умолк народный шум »

Мы видели царя на тронной вышине,
Посмотрим как теперь с собой наедине
Во внутренних своих покоях отдыхает
И в очередь свою как совесть поздравляет

ст «Хотел, чтоб все »

Как Генрих ты желал, чтоб каждый мужичок,
Мог ставить на огонь с говядиной горшок
Чтоб всякий был твоей державою доволен
И кроме только зла, все делать был бы волен
И что ж из этих и проч

ст «А ты всегда в крови »

В Израиле цари давно уж воевали,
И часто по пяти царей в полон бирали,
Но громки Соломон лишь только и Давид,
А прочие своих веков позор и стыд
Гражданской царь и проч

ст «Быть славным алчет он »

Внемли, что говорят на родине твоей
Кому ты не постыл? — кто славе рад твоей?

В отечестве твоём и солнце не играет,
И небо не дождит, земля не прозябает.
Увы, какой венец и проч.

ст. «Ответствуйте! ея допросов...»

Не ты ли позабыв страх божий, добродетель,
Несчастливого царя кончины был свидетель?
И святотатственной коснувшись рукой,
Всю плоть его мождил и разлучил с душой,
Не ты ли за сие злодейство знаменито,
Которое во всех концах земли открыто,
Не только умереть на плахе не сужден,
Возвысился в чины, всем в свете награжден?
И с беззаконием соедини другое
Потомству передал имение чужое,
Которое, когда твой дед в потемках был,
Боярский древний род за верность получил.

Прим.: Имение деда моего конфисковано и отдано потом Гр. Орлову.

ст. «Вещай, кичливый сын...» заменено на «А ты, бесплодный сук великого героя!»

ст. «На ближнего бедах...»

Отчеркнутые стихи < «На ближнего бедах...» до «Сугубо в них разил...»> «суть история моей бабки родной, у которой брат её родной, граф Петр Борисович Шереметев, отнял следующую часть имения после отца, потому что она с мужем предпочла ссылку пышной доле при дворе жестокой Анны».

ст. «Чужих фортуна насос...»

А ты, что там лежишь, разнежн, на диване,
Во веки не зажить твоей глубокой ране.
Безжалостный игрок и проч.

ст. «Лишил навеки детей...»

Приблизься, утучнен победой богатырь,
В сражениях — медведь, у трона — нетопырь
Разграбя крепкой стан напрасно ты гордишься.
Я знаю лишь одно: когда ты спать ложишься,
Сколь робок предо мной, хоть меч твой в головах.
Как коршун, налетев, уносит кур в когтях,
Так хищен ты в бою и помыслом и нравом.
Вселенна твой грабеж зовет военным правом.
Ты можешь вслух сказать везде, что ты богат:
(Ведь ты не копиист, а фронтовой солдат)
Что срамно для судей, то славно для солдат.
Нажива от пера! — намеренье проклято!
А с кучи мертвых тел собрать добычу — свято!
Так судит целый мир и рыцарский устав.
Но я, страж истинны, не смышлю ваших прав.
По мне хоть у знамен, хоть у зеркал бездельство
Есть богоухольное ужасное злодейство.
Успехами его ты славу мог стяжать,

Вселенну от себя заставить трепетать.
Но счастье совсем сокровище другое,
Нигде его не даст сражение лихое.
Нам должно, чтоб его вокруг себя найти,
Счет с совестью своей прилежнее вести.
Внимать её совет, с ней спор остерегаться
(И зло переносить с терпением обучаться)
И логике её премудрой обучаться.
Фортуна! где бы ты и проч.

Сумерки моей жизни

Прим. Д. И. Долгорукого: «Вскоре после кончины моей матери отец собирал нас каждое после обеда вокруг фортепиан. Старшая из сестер играла любимое матушкино адажио, и каждый из нас по очереди, когда музыка останавливалась, говорил наизусть по куплету из пьесы „Тебе, Евгения, приносим и проч.“»

24 декабря в день её именин

Все это собрание стихов писано мною в Володимире. Адажио было присоединено к стихам в особой книжке, которая тогда же и была напечатана.

ст. «В стране, где всех существ...»

В рукописи было:

О, если всех существ Зиждитель
Устроил вправду где-то рай.

Другу

Сии стихи были посвящены мною кн. Н. Е. Куракиной.

Тальша

Я писал эти стихи у А. Н. Воейковой в Ковровской её деревне.

Ночная поездка

Отправив очень скучную поездку в деревню гр. А. Р. Воронцова в 50 верстах от Владимира, дорогой, ехавши назад ночью, сложил я сии куплеты.

Успенское

Писано в Володимирской деревне господина Муханова И. Ильича.

Хижина на Рпени

Я жил летом под самым городом Владимиром в палатке на берегах именуемой речки, за которой на противной стороне построена была от непогод беседка, в то время, когда эти стихи вышли.

Завещание

Писано скоро после смерти сестры моей, когда я ездил к зятю в Можайскую деревню поклоняться гробу её, что происходило в 90-х годах <приплетен немецкий рукописный перевод стихотворения>.

Я

Писано в Москве в течение последних лет протекшего столетия.

Низовая повесть

Отношение мое к бывшей княгине Трубецкой, а ныне гр. Броглио подало повод сим стихам и вымышленной сказке.

Глафире

Сии три послания к Глафире писаны в последних годах минувшего столетия.

Прим. Д. И. Долгорукого: «Я был влюблен в кн. Волконскую; она под именем Глафиры в стихах моих воспламеняла сильным образом мои чувства» (записки отца моего, 1805 г.).

Людмиле

Сочинено в Пензе в 93-м годе.

Прим. Д. И. Долгорукого: «Людмиле — Е. А. Улыбышевой».

Незнакомой в столице

Сие послание принадлежит госпоже Воейковой, которая хотела непременно меня видеть.

Незнакомой в уезде

Сие послание принадлежит госпоже Николевой, супруге Ив. А., которая не зная меня вовсе, изволила на имя мое адресовать стихи в журнале под названием «Иппокрена».

Параше

Писано на щет Гагариной и кн. Волконской. Имена их выворочены Первая названа Селименой, а её собственное Прасковьи дано здесь последней.

Судьбе

ст «Был пышный богатырь »

Потемкин

ст «Бывало князь прямой »

Князь Яков Федорович Долгорукой.

ст «Бывало, на часок .»

Многие игроки и счастливые волокиты.

ст «Бывало проскакав .»

Граф Борис Петрович Шереметев и дочь его княжна Урусова.

ст «Бывало кто в кредит »

Все придворные фавориты.

Сослуживцу

Оно в начале адресовано было Ивану Ивановичу Дмитриеву, но поступки его потом заставили вымарать его имя.

Сердечкину

Фантазия никому лично не принадлежащая.

ст «Дорат сказал »

Этот стих подал причину сей пиесы: «L'esprit peut rendre un homme amiable mais l'estomach le rendre heureux» (из Дората)

Соседу

Я был влюблен, рассердился, приревновал и написал эту штуку в 90-х годах.

Морфею

Писано в Володимире во время тяжкой скуки скоро после моего там поселения из Москвы.

ст. «Кому не страшно сон терять?..»

Виноват! хотел зацепить Державина.

Парфену

Вымышленное лицо.

А. И. Вилламовой

Писаны по приезде моем в Москву после моей отставки в 1812 году.

Воспоминание в Рамзае

Писано в приятельской деревне под Пензой в 1813 году.

П. П. Нарышкину

ст. «Что Бог, который благ...!»

в рукописи было на 8 стихе сего послания к Нарышкину:

Что Бог, который благ и кроток бесконечно,
За временный наш грех не станет мучить вечно

ст. «Пять раз на месте сем...»

Я в своём Никольском всегда приезжал плакать о какой-нибудь беде.

М. Н. Макарову

Ответ на его стихи ко мне в последнюю войну с Наполеоном.

И. Н. Классону

Писано в Пензе к одному приятелю, который живет в доме нашем без мала 30 лет.

Н. Ф. Остолопову

Ответ на его стихи, писан в Малороссии.

ст. «Доколь их странности...»

Здесь в рукописи поставлено было:

Доколе в Мистику по горло не уйдешь

Цензура не пропустила Мистики.

Дружбе

Писаны в Москве и посвящены кн. Волк<конской>.

Восхищенье

Посвящено ей же.

Камин в Пензе

Там и сочинен в 95 году и после переведен на французский язык профессором университетским г. Авиа (Aviat). Первый экземпляр сих стихов печатан в типографии господина Струйского в Саранске.

Камин в Москве

Писан там же в 90-х годах.

ст. «Не требуйте на то примера...»

Барон Спренгпортен, по смерти которого г-жа Гагарина, нынешняя Кологривова, оказала сильное равнодушие к потере всedневногo своего гостя, и В. С. Нарышкин, который всякий день ездил по гостям и как умер, то собственные холопы его похоронили.

За женщин

Сии стихи писаны в насмешку танцевальной академии, которую в царство императора Павла завели для одних мужчин и дали собранию этому такое фальшивое наименование потому, что боялись назвать клубом аглинским, которого сия академия была прообразователь.

Против женщин

Писано в любовной досаде в Москве.

Бал

Писано без предмету.

Пир

Вся эта пиеса сочинена по воображению без цели на кого-нибудь.

1799-й год

Я во вeс этот год был влюблен, и все, что в нем ни написано мною, дышит тогдашним расположением моего сердца.

Приказ швейцару

Писано в Пензе во время службы моей там вице-губернатором.

ст. «Попам, что и без них...»

Подчеркнутая строка не нравилась митрополиту Платону.

ст. «И что за прибыль...» по «Металл! ты мудрецов...»

Все стихи между знаками относились тогда на счет князя А. Б. Куракина, который живучи поблизости Пензы в своем поместье был и винокур, и поставщик, и откупщик, и следовательно по любви к выгодам своим довольно похож был на портрет, который я с него вздумал здесь нарисовать.

Нечто для весельчаков

Я писал эти стихи в одно время с Рассуждением о судьбе, хотя предметы тех и других совсем разнообразны.

ст. «Меж тем одна из дам...»

Лизавета Петровна Глебова.

ст. «Послушайте меня, — Дельфина...»

Все сии стихи относятся к кн. Н. Е. Куракиной.

Везет

ст. «Догнал, — так и пошла...» до «Гостеприимства добродетель...»

Между сими двумя строфами пропущен один <куплет>, которого цензура не позволила печатать:

В избах, на стогах и во граде
Побольше значить хочет всяк,
Собой лубуется в наряде
С разумным рядом и дурак.
Жрецы своим огромным строем
О том же мыслят пред налоем;
И в самых кельях, говорят,
Не все монахи бьют поклоны,
Но, часто, глядя на иконы,
В уме мирское сатанят

ст. «И нагло вытеснят везде...»

Здесь также выпущен один куплет:

Пускай бы съездили вельможи
Без всякой почести своей
В одной дворянской нашей коже
Российских посмотреть затей.
Увидели бы, что без крову
Меньшую братию Христову
Во всяком смысле тормошат;
А то сатрапам лежебоким
Иль витязю с пером высоким
Известно дело! — кто не рад!

В последнем вкусе человек

стрф. «Ликуй, холодный себялюбец...»

Эту строфу И. И. Дмитриев отнес к себе.

Семира Болеславна

Писано в Веневской деревне у тещи моей и с тамошнего оригинала снята картина.

Дубина

Я писал эту притчу по случаю моей отставки в Волод<имерской> губернии.

Баркас

Эта безделка дала мне мысль написать на слово *везет* те стихи, которые напечатаны выше и ошастливлены были такой славой в публике.

Исповедь греховодника

Писано в Володимире без предмета с одного идеала.

Ропот на дороге

ст. «Должна быть розница...» до «Но путешественник свободный...»

Курьер все царство объезжая
Дрожит как Каин на блуку.
Он кровью харкает, он плачет;
Велят — и день и ночь все скачет,
Летит стремглав в овраг, в реку.

Елисавет град

Сии стихи взяты из моего путешествия в Одессу и Киев.

Развалины Серпуховской крепости
Из того же путешествия.

П. И. Мятлевой в Киев
Из путешествия.

На долину Мшинскую в Белеве
Анне Петровне Юшковой.

Темире
Т. А. Луниной.

На день рождения П. П. Н.
Нарышкиной.

Барону А. С. С.
Александрю Сергеевичу Строганову.

Вечеринка в саду
Сии стихи сочинены в саду В. А. Владыкиной.

Бал в Кременчуге
Из путешествия.

Хвала вину
ст. «А Бахус входит...» до «По чести, может ли...»

И впрямь кто может пить гренаж,
Тому, что нужды добиваться?
При ком,— и с кем,— и где проспаться,—
Принцесса ль, баба ль — все кураж!

ст. «Не стану их хвалить за розы...»
NB Я не терплю никакой выжимки ни водяной, ни масляной, из розанов. Этот дух сильно действует на мои нервы.

Приветствие малолетнего отцу его, в день его именин
Писаны в деревне Черниговской моего зятя Селецкого в день именин его 15 июля кн. Владимира и читаны ему сыном его Мишей.

Надпись ... Екатерине II
Писано в Пензе.
<Вписано в раздел «Надписи»>

За яблоко отец людей
Утратил рай, утратил душу;
Но мне ль винить поступок сей:
Я сам бы отдал все за Грушу.

Запись Д. И. Долгорукого: «Мачиха моя называлась Аграфеной. Эти стихи не были пропущены цензурой».

Приношение С. Н. Р.
Прим. Д. И. Долгорукого: приношение С. Н. Р (Софье Николаевне Рубецкой).

Песня VII. Меня реки разлучают

Сочинена в водополь на пароме, переезжая Оку в Муроме на пути из Москвы в Пензу.

Песня XXVIII. Рыцарь! Вложи в ножны...

Писана в Орле.

Песня XXIX. Пока Фатъма меня любила...

Писана в Киеве и посвящена Н. И. Ширковой.

Дурылом, или Выбор в старшины. Комедия.

Сия комедия сочинена в деревне на провинциального оригинала. Два лица Дурылом и Сусекина списаны с натуры, а прочие все — идеальные изображения. Многие, не зная сего, думали, что я имел в предмете некоторых жителей московских, но владимирские обыватели, прочтя комедию, узнавали того из своих соотечественников или сограждан, который доставил мне случай пошутить пером на свой счет.

Отчаяние без печали, или Так водится. Комедия.

Сия комедия писана для общественного театра в доме кн. Мих. Петр. Волконского в 98 году и была играна только один раз у меня в доме в Володимире моим семейством. После, перед напечатанием ее она мною переделана.

Любовное волшебство. Опера.

Эту оперу сочинил я в 98 году в Москве. Она напечатана тогда же особо, и после не переделана. Её играют в Нижнем с некоторыми, однако, уменьшениями. Сцена знатного барина выпускается вся.

Приятелю. Шутка за шутку.

Сии стихи, сочиненные на счет г. Макарова, будучи написаны в начале 1818 года не успели по моему плану в свой разряд во 2-ю часть моих сочинений, тогда уже отпечатанную, и потому и внесены в конце сей последней.

ст. «Нет мастера...»

Здесь выпущены следующие стихи цензурой:

Нет мастера на грех! Натура разыгралась;
Услужливый зефир прихлопнул дверь замком,
Служанка Госпожа в минуту под бочком,
Как бабочка вокруг тебя уже играет,
И треплет по щеке и в оченки лобзает.
Тут ласковостей тьма! — Одна другой во след
Дань нежная любви, венец её побед;
И тайны не страшась нескромныя измены
Ты небо заключил в свои четыре стены.

ст. «В таком порядке дел...»

Амур без алтаря, без жертвы Гименей

Не могу понять, отчего цензорам не угодно было пропустить того стиха, который я вписал. Неужели для сохранения целомудрия? Увы!

я могу сказать о своем стихе, что сказал Русо об Элоизе: *Le mal était fait d'avance*.

ст. «Как говорит преданье...»

У меня было:

Как пишет Соломон...

полустишие правильное. Цензоры, вступясь, видно, за честь Соломона, не апробовали моей ссылки на его премудрость и рассудили переменить мое полустишие; но зачем же они его сделали неправильным? Выпуская мой стих, по крайней мере они обязаны были его заменить лучшим.

ПИСЬМО Г. П. КАМЕНЕВА М. И. НЕВЗОРОВУ

Письмо Г. П. Каменева М. И. [Невзорову] от 16 декабря 1801 года находится в «Собрании автографов» Рукописного отдела Российской национальной библиотеки.¹ Оно написано на бумаге серо-голубого цвета с водяным знаком «JMWSI» (2 л., 237 × 190 мм). В тексте есть вставки, исправления, зачеркивания, перестановка слов, отмеченная цифрами (л. 2), на л. 1, 2 об. — чернильные пятна, внизу подтеки. Изменил ли Каменев своей привычке (по собственному признанию, он писал «прямо набело» и потому «не очень чисто»,² или найденный автограф является черновым, сказать трудно. Однако общий вид рукописи, количество исправлений, а главное, подчистки (их целесообразность в черновике крайне сомнительна) позволяет предположить, что автограф из собрания Российской национальной библиотеки и есть то самое письмо, которое было отправлено адресату неперебеленным.

Эпистолярная Каменева невелика. Она представлена 15 письмами поэта к С. А. Москотильникову, опубликованными Е. А. Бобровым в 1902 году³ (отрывки, или «наиболее интересные извлечения»⁴ из 13 писем, были напечатаны еще в середине 1840-х годов⁵). Письмо Каменева Невзорову — единственная за истекшее столетие и, думается, обнадеживающая находка: ведь публикации Е. Боброва, предпринявшего огромные усилия для собирания архива казанского поэта, казалось, вообще исключали возможность обнаружения его неизвестных автографов.

Научная ценность данной публикации определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, это единственный документ, подтверждающий

¹ РНБ, ф. 1000, собр. автографов, оп. 1. Поскольку формирование фонда еще не завершено, входящие в его состав единицы хранения не имеют нумерации.

² Письмо Г. П. Каменева С. А. Москотильникову от 16 февраля 1799 года // Бобров Е. Литература и просвещение в России XIX в. Материалы, исследования и заметки. Казань, 1902. Т. 3. С. 115.

³ Письма Г. П. Каменева С. А. Москотильникову // Бобров Е. Литература и просвещение в России XIX в. Материалы, исследования и заметки. Т. 3. С. 111–155.

⁴ Там же. С. 109.

⁵ См.: *Второв Н. И.* Г. П. Каменев // *Вчера и сегодня: Лит. сб., сост. В. А. Соллогубом.* СПб., 1845. Кн. 1. С. 29–64.

факт знакомства Каменева с М. И. Невзоровым (1762 или 1763–1827),⁶ поэтом, переводчиком, масоном, одним из сподвижников Н. И. Новикова. (Скорее всего, оно состоялось в январе—феврале⁷ 1800 года в Казани: как известно, М. И. Невзоров сопровождал И. В. Лопухина во время сенаторской ревизии Казанской, Вятской и Оренбургской губерний). Вторых, это единственное из сохранившихся деловых писем Каменева, разительно отличающееся от его дружеских писем С. А. Москотильникову. Их тематика и стилистика обнаруживают явную зависимость от литературной традиции: поэзии Юнга (она определила образ чувствования и поведения Каменева) и «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина (именно на эту модель жанра ориентируется авторское «я»: в Москве приехавший из провинции Каменев ощущал себя путешественником).⁸

Публикуемое письмо лаконично. Большую часть его (л. 1–2 об.) занимает посылаемая по просьбе Невзорова «выправка из казенной палаты о лашманах». Это документ, составленный кем-то из казанских чиновников на основании законодательных актов. «Выправка» оформлена как вставка: ее чужеродность в структуре письма подчеркнута полями большей, чем в самом письме, ширины. Собственно авторский текст отделен от документальной части графически.⁹ Наконец, письмо Каменева Невзорову от 16 декабря 1801 года интересно как один из возможных источников «Путешествия в Казань, Вятку и Оренбург...», если бы его замысел был осуществлен в полном объеме. (Из пяти задуманных частей напечатана только одна). Стремясь к точности описания, Невзоров не только скрупулезно отмечал все источники своей книги, но и (как правило, в примечаниях) называл имена лиц, сообщивших ему необходимые сведения.¹⁰ Каменева среди них нет. Судя по тексту первой части «Путешествия», повествование о пребывании в Казани не закончено. В любом случае публикуемое письмо следует рассматривать как еще одно доказательство «подлинности сказаний»¹¹ Невзорова.

⁶ См. о нем: *Кочеткова Н. Д.* Невзоров М. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. СПб., 1999. Вып. 2 (К–П). С. 336–340.

⁷ Именно в это время Невзоров и Лопухин находились в Казани. См.: *Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году Максима Невзорова*. М., 1803. Ч. 1. С. 143–260.

⁸ См. об этом: *Лазарчук Р. М.* Письма Г. П. Каменева и их историко-литературное значение // *Проблемы изучения русской литературы XVIII века: От классицизма к романтизму*. Л., 1976. Вып. 2. С. 74–84.

⁹ Эти особенности учтены нами при публикации.

¹⁰ *Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году*. Ч. 1. С. 4, 170–171, 241 и др.

¹¹ Там же. С. V.

Милостивый государь Максим Иванович!

Выправку, сделанную по казенной палате о лашманах,¹² Вам при сем сообщая.

Во времена царствования государя императора Павла I учреждены лашманы из тех татар, которые не захотели войти в христианскую веру, и они не что иное как рабочие люди, срубающие [и] доставляющие на пристани дубовый лес, назначенный Адмиралтейскою конторою к строению корабельному. С начала их заведения до указа покойного императора,¹³ данного декабря в 16 день 1799 года,¹⁴ состояли они из || одних служилых татар некрещеных (ибо принявшие христианскую веру называются крещеными татарами), и их было по пятой ревизии 112 653 души. Но с издания указа к оным работам присоединены все вообще татары, черемисы, чуваша, вотяки, мордва, башкиры и прочие народы, живущие в Нижегородской, Казанской, Симбирской, Саратовской, Вятской и Оренбургской губерниях, и считается их ныне вообще 609 664 души. Прежде, когда их число было невелико, должны они были с 10 до 17 человек давать работника. Но с состоявшегося вышеупомянутого указа при покойном императоре¹⁵ тягость их облегчилась и по расположению конторы Адмиралтейской, сколько в который год для строения нужно лесу, причиталось.¹⁶ || На нынешний же 1801 год поставить им с 280 душ одного человека. Экономические, удельные, государственные и приписные к заводам крестьяне от оной работы освобождаются.

Должность лашманов состоит в следующем. По заклеюанию адмиралтейскими чиновниками и по указанию их рубят они дубовый и сосновый годный к корабельному строению лес и вывозят к учрежденным при реках Волге, Суре, Вятке и Свияге пристаням, для сего из ближних к пристаням селений наряжаются пешие, а из отдаленных — конные. Пешие, вступивши в работу с 1 числа октября, продолжают ее безотлучно до 18 декабря, выключая праздничные и воскресные дни, и отпускаются в дома. Конные же работники остаются до того времени, доколе все срубленные леса вывезут.¹⁷ За работу платит им казна: пешим по 20, а конным по 40 копеек || в день. Два человека должны в день вырубить и обчистить 14 бревен четырехсажен-

¹² См. о лашманах: Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и Е. А. Ефрон: СПб., 1896. Т. 33. С. 409–410. (Статья написана В. Собицким).

¹³ См. указ 31 января 1718 года (Полн. собр. законов Российской Империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. V. № 3149. Далее сокращенно. ПСЗ).

¹⁴ См.. ПСЗ. Т. XXV. № 19224.

¹⁵ См. предыдущую сноску.

¹⁶ Далее следовало: «с трехсот душ один работник». Зачеркнуто Каменевым. По-видимому, ошибочно.

¹⁷ Эти сроки определены манифестом 21 мая 1779 года. См.: ПСЗ. Т. XX. № 14878.

ных. Конные же должны на каждую лошадь накладывать не менее 15 пуд.¹⁸

За нужное почтаев заметить, что слово лашман есть хотя не простонародное, но только в разговорах употребительное и происходит, по моему мнению, от ЛАЖЬ — подать и МАННЬ — человек.¹⁹ Ибо по казенной палате и в указах называются они просто рабочими людьми. Я не знаю, известно ли в Москве слово ЛАЖЬ, а у нас означает оно какой-нибудь излишний и произвольный налог денег,²⁰ например, говорят: «Я при промене заплатил на ассигнацию или на медных большой лаж» или: «Он берет большой лаж» и прочее.

План церкви и фасад ее²¹ отдал я для скопирования и, как скоро будет готов, доставлю Вам с первой почтой. Так же и о сбережении дубовых лесов. В прочем с истинным моим почтением остаюсь Ваш, милостивый государь, покорнейшим слугою.

Гаврила Каменев. ||

¹⁸ См. ПСЗ. Т. XXV. № 19224.

¹⁹ В. Собичевский связывал этимологию этого слова с нижнемецкими laschen — обрубать, отесывать и Mann — человек. — См.: Энциклопедический словарь. Т. 33. С. 409. Ср.: «Государственный крестьянин, при заготовке корабельных лесов низовых губерний; это большею частью татары, и они свободны от солдатства и других повинностей». (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1881. Т. 2. С. 240). «Словарь русских народных говоров» (Л., 1980. Вып. 16. С. 299) дает следующее объяснение значения этого слова: «Государственный крестьянин, занимающийся заготовкой, обработкой и доставкой к месту сплава корабельного леса» (казан., пенз., вят.).

²⁰ В. И. Даль определяет ЛАЖЬ как «промен <...> приплата к одному роду монеты, при промене ее на другую, нпр., бумажек на серебро, серебра на золото; прибавочная ценность монеты одного рода, при уплате ею за товар». (Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 234).

²¹ О какой из казанских церквей идет речь, установить не удалось.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БРАН — Библиотека Российской академии наук
ГИМ — Государственный Исторический музей
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
ЛГУ — Ленинградский государственный университет (ныне Санкт-Петербургский государственный университет)
МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
МГУ — Московский государственный университет
ОР — Отдел рукописей
ОРК — Отдел редкой книги
ПСЗ — Полное собрание законов
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГБ — Российская государственная библиотека
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
РНБ — Российская Национальная библиотека
СПб ИИ РАН — Санкт-Петербургское отделение Института истории Российской академии наук
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов Е. М. 359, 366
Аввакум, протопоп 96
Август II, курфюрст саксонский 10
Август III, курфюрст саксонский 17
Августин (Сахаров М. С.) 243
Августин Блаженный 108
Аверинцев С. С. 66
Авиа, профессор 425
Агапкина Т. А. 61
Агрикола Гней Юлий 276
Аддисон Дж. 144
Адоуров В. Е. 72
Адрианова-Перетц В. П. 124, 134
Азара Х. Н. де 164
Акунха Карильо (Жарилло) де, архиепископ Толедский 133
Аламбер Ж. Л. Р. д' 208, 226–227
Албан см. Альбано Фр.
Александр I, имп. 74, 203, 208, 236–237, 242, 244, 246–253, 256–262, 264–269, 271–274, 276–278, 281–284, 286, 299, 314, 420
Александр Великий см. Александр Македонский.
Александр Македонский 139, 169, 345
Александр Павлович см. Александр I.
Александр Ярославич (Невский), вел. кн. 243
Александра Павловна, вел. княжна 282
Алексеев В. Н. 164
Алексеев И. А. 151
Алексеев М. П. 180, 234
Алексеев Ф. Я. 356
Алексеева М. А. 209
Алексеева Н. Ю. 8, 237
Алексеева О. Б. 142
Алексеева Т. В. 155
Алексеевский Б. 204
Алексей Михайлович, царь 261
Альбано Фр. 349
Альон д', маркиз 217
Альфонс V, Великодушный, король арагонский, неаполитанский и сицилийский 130, 132, 134–135, 145–146
Алявдина А. А. 157
Амбодик-Максимович Н. М. 78
Амвросий (Москвин В.) 244
Амвросий (Подобедов А. И.) 244, 247
Амвросий (Протасов А. И.) 244, 286
Амфилохий, епископ Переяславский и Бориспольский 260
Анакреон (Анакреонт) 16, 40, 100, 238
Анастасевич В. Г. 55
Анастасий (Братановский-Романенко А. С.) 244–245, 287
Ангальт Ф. Е. 71, 77
Андреевский И. С. 81
Анисимов Е. А. 31
Анна Иоанновна, имп. 19–22, 24, 26, 422
Анна Леопольдовна, правительница 23, 44–45, 67
Анна Федоровна, вел. княгиня 258, 270
Аннибал см. Ганнибал.
Антон Ульрих, герцог брауншвейгский 23, 45
Антоний (Соколов А. Ф.) 245

- Антонов А. С. 259, 262, 266
 Антропов И. П. 155
 Апеллес (Апелес, Аппелес) 169, 174
 Аполлос (Байбаков А. Д.) 74, 245
 Апраксин С. Ф. 224
 Араб-Оглы Э. А. 310, 318
 Арат 336
 Аржанс Ж. Б. де Буайе маркиз д' 227
 Аржанухин С. В. 110
 Ариосто Л. 50
 Аристотель 167
 Аристотель Болонский см. Фьораван-
 ти А.
 Арндт Б. Ф. 147
 Арндт Э. М. 245
 Арно Ж. см. Арнольд Г.
 Арно Ф. Т. М. де Бакюляр (Бакюлар)
 77, 80, 245
 Арнольд Г. 98, 310, 316–317
 Арнольд де см. Арно Ф. Т. М. де Бакю-
 ляр
 Артаксеркс (Агасфер, Ассур), библ. 360,
 362
 Артемьева Т. В. 118
 Аруз Ф. М. д' см. Вольгер.
 Архаров И. П. 274
 Архипов, исторический живописец
 (возм. Иванос Архип) 352
 Афанасий (Протопопов А. Ф.) 245
 Афанасий, епископ Коломенский и Туль-
 ский 267
 Афанасьев А. Н. 142
 Ахвердов Н. И. 177
- Бабарыкин П. И. 264
 Багратион П. И. 243
 Баженов В. И. 349, 352, 356–357
 Баженова Н. М. 243
 Байер Г.-З. 21
 Байков И., типограф 266–267
 Бакунин П. В. 210
 Бараг Л. Г. 153
 Баран Х. 122
 Баранов С. Ю. 122
 Баранов Ф. 186
 Барделебен фон 19
 Бардовский Я. 246
 Барков И. С. 83
 Барсков Я. Л. 187, 289–290
 Бартнев П. И. 233
- Барятинская Е. П. 77
 Батони П. Дж. 160, 349
 Баттё Ш. 167
 Батюшков К. Н. 49–50, 348
 Батюшкова И. В. 300, 304, 307
 Бахтин И. И. 245
 Бахтин М. М. 58
 Башилов С. С. 303
 Безбородко А. А. 236, 254, 276, 284
 Безбородко А. И. 276
 Безбородко Л. И. 275
 Безсонов П. А. 96
 Бекенштейн И.-С. 21
 Бекетов Н. А. 32
 Бекетов П. П. 269, 281
 Беккариа Ч. 332
 Белоусов А. Ф. 46
 Белоутова Н. Е. 178
 Бельфор, бригадир 223
 Бельченков И. 162
 Бёме Я. 310
 Бенедиктов В. Г. 56
 Бенешевич В. Н. 170
 Берг Ф. Р. 163
 Бердников Л. И. 69, 79
 Березайский В. С. 69
 Березина В. Г. 302
 Беркен А. 180
 Беркли Дж. 101
 Берков П. Н. 18, 33, 75–76, 86, 95, 101,
 183, 194, 217–218, 319, 340
 Берни Ф. 164, 226
 Бернини Л. 170, 349–350
 Бертло 222–223
 Беспрозванный В. 319
 Бессер И. 11–12, 14, 16, 25
 Бестужев А. А. 360
 Бестужев А. Ф. 109
 Бестужев-Рюмин А. П. 214
 Бецкой И. И. 166
 Бешенковский Е. Б. 233
 Бион 48
 Биржакова Е. Э. 267
 Бирон Э. И. 23
 Бланк Б. К. 81
 Бланшар Ж. Б. 157
 Блок А. А. 120–121
 Блондель 349
 Блюментрост Л. 20
 Боало Депрео см. Буало-Депрео Н.
 Бобров Е. А. 431

- Бобров С. С. 68, 187, 246
 Богданов П. И. 246
 Богданович И. Ф. 115–118, 238, 262, 349
 Богданович П. И. 253
 Бодмер И. 15
 Бодус Ж. Л. А. 182
 Бодянский О. М. 410, 419
 Бок И.-Г. 25
 Боккаччо Дж. (Боккаций) 328
 Болоньезе см. Гримальди Дж. Фр.
 Болотов А. Т. 47, 190–193, 195–199
 Болтин И. Н. 91
 Бон Дж. 74
 Бонапарт см. Наполеон Бонапарт
 Бонарот см. Микеланджело Буонаротти
 Борисполец Т. Н. 246
 Бороздин К. М. 237
 Бортнянский Д. С. 312
 Боссюэ Ж. Б. 203, 222, 226–227
 Бочкарев В. А. 360
 Боярдо М. М. 226
 Браве И. В. 81
 Брайдерт В. 112
 Брежинский А. П. 246
 Брейтингер И. 15
 Брейткопф Б. Т. 264
 Брион П.-Ж. 109
 Броди Дж. 342, 344–345
 Брокгауз В. А. 432
 Броккес Б.-Г. 57
 Броссе 344
 Броссет см. Броссе
 Брусилов Н. П. 60
 Брюль Г. фон 18, 178
 Брюсов В. Я. 55
 Буало-Депрео Н. 12, 16, 24, 26, 283, 333–334, 341–346
 Буз Е. М. 269
 Булгаков Я. И. 226
 Буле И. Г. 352
 Бунин В. 81, 124
 Бунин И. А. 65
 Бунина А. П. 246
 Бургаве-Кау Г. 210
 Буринский З. А. 246
 Бутурлин А. Б. 204
 Бутурлин П. А. 204, 220, 223
 Буцкой П. А. 264
 Буше (Бушер) Фр. 349
 Бхарот Чондро Рай 246
 Бычков А. Ф. 240
 Бэкон Фр. 98
 Бюффон Ж. Л. Л. де 214, 227, 305, 308
 Вагеманс Э. 111
 Вайзе Хр. 22
 Вакуа Ж. Ш. 209
 Валерий Максим 151
 Валицкая А. П. 101
 Валлен-Деламот Ж. Б. М. 156
 Ван Дейк А. 349
 Вандик см. Ван Дейк А.
 Ванлоо Ш. А. 349
 Варакин И. И. 247
 Варбуртон В. 166
 Варда А. 69, 79, 82, 123–124, 126, 139
 Василий II, вел. кн. московский 302
 Васильев М. В. 202, 223
 Ватле К. А. 166
 Ватто А. де 203, 219, 233
 Введенский А. А. 201
 Вегнер Г. В. 305, 307
 Везалий А. 99
 Вейер Ш. де 218, 234
 Веласкес Д. Р. де Сильва 349
 Велли Ж. Л. де 156, 209
 Вельгурский, сенатор 271
 Венгеро С. А. 65
 Вергилий Марон Публий 47–48, 54, 83
 Верещагина А. Г. 348
 Вернадский Г. В. 311
 Верне К. Ж. 353
 Вернер А. Г. 304
 Веселая Г. А. 164
 Веселова А. Ю. 47, 190
 Вивес Х. Л. 73
 Виен И. И. 157, 161, 166–172, 174
 Вийер Ш. де 182
 Виланд К. М. 332
 Вилламова А. И. 425
 Вильбоа А. Н. 78
 Вильгельм V, штатгальтер 181
 Вильмот К. 164
 Вильмот М. 164
 Винкельман И. И. 154–179, 349–351, 355
 Виноградов И. И. 247, 333
 Виньола Я. Б. ди 349
 Витенберг Б. М. 261
 Виттенбург Е. П. 178

- Владыкина В. А. 428
 Водовозова Е. Н. 65
 Воейков А. А. 237
 Воейков А. Ф. 48–49
 Воейков Л. А. 238
 Воейкова А. Н. 423
 Воейкова В. Н. 237
 Воейкова М. А. 235
 Война-Куринский П. 60
 Волков А. С. 254, 287
 Волков Ф. И. 351–352, 357
 Волкова А. А. 247
 Волконская В. П. 415, 425
 Волконский Г. С. 420
 Волконский М. П. 429
 Волконский П. М. 246
 Волчков С. С. 67
 Вольтер 92, 98–99, 108, 114–118, 120–121, 156, 203–205, 211–213, 216, 219–222, 225, 233–234, 248, 251–252, 315
 Вольф Хр. 9, 15
 Воронцов А. Р. 164, 204–205, 225, 233, 423
 Воронцов М. И. (Л.) 164, 203–206, 211, 214–215, 218, 223, 274
 Воронцов Р. И. (Л.) 204, 206, 214, 220, 223–224, 273
 Воронцов С. Р. 164–165, 205–206, 223–224, 234
 Воронцова (урожд. Скавронская) А. К. 205, 214, 223–224
 Востоков А. Х. 63
 Всеволодский-Гернгросс В. Н. 31
 Всеволожский Н. С. 243, 281
 Второв Н. И. 431
 Вышеславцев М. М. 248, 360
 Вяземская В. Ф. 415
 Вяземский А. А. 76, 363
 Вяземский П. А. 409, 415
 Вязмитинова А. Н. 254

 Гаврилова Е. И. 155
 Гагарин Ф. С. 415
 Газенкамп И. Г. 312
 Гайден см. Гайдн Й.
 Гайденков Н. М. 142
 Гайдн Й. 236, 274
 Галгак, британский полководец 276
 Галинковский Я. А. 57–58, 230, 269, 287
 Галлер А. 323
 Гамильтон Г. 164
 Ганке Г. Б. 13–14, 18
 Ганнибал, карфагенский полководец 355
 Гаральд Храбрый 261
 Гарвей У. 99
 Гардзонио С. 237
 Гарий типограф, 246, 276, 297
 Гарон Л. 133, 151–154
 Гартонг А. П. 56
 Гаспари А. Ф. 312
 Гваренгий см. Кваренги Дж.
 Гвидо Июлий Римлянин см. Рени Г.
 Гвидо см. Рени Г.
 Гедеон (Криновский Г. А.) 118
 Геен Ф. И. 271
 Гейне Хр. Г. 165
 Гейнзе Я. В. 312
 Гел И. 273
 Геллерт К. Ф. 323
 Гельвеций К. А. 98, 101, 210, 214, 228.
 Гендрих см. Генрих IV Великий
 Геништа И. 273
 Геннади Г. Н. 242, 256, 258, 263–264, 273
 Геннинг Ю. Хр. 249
 Генрих II король фр., 231
 Генрих IV Великий, имп. герм. 232
 Генрих IV, король фр. 251
 Георгий, принц Ольденбургский 275
 Гераков (Гераки) Г. В. 249
 Гереус К. Г. 14
 Геродот Галикарнасский 211, 222, 226
 Герцен А. И. 32, 299–300
 Гесиод 337, 345
 Геснер С. 53
 Гёте И. В. 10, 25, 58, 65, 113, 158, 184, 312
 Геттон Дж. 305
 Гиберти Л. 170
 Гиньес Ж. де 215, 228
 Гиршфельд 47
 Гладкова Е. И. 249
 Глазунов И. П. 246–247, 253–254, 272, 274
 Глебова Л. П. 426
 Глинка А. И. 62
 Глинка Н. И. 261
 Глинка С. Н. 47, 62, 64, 236, 249
 Глинка Ф. Н. 57, 330–331
 Глюксманн А. 317

- Гмелин Г. Г. 308
 Гоббо, майор 222, 224
 Годобский Ц. 55
 Годфруа, учитель 244
 Голден М. 324
 Голдсмит О. 331
 Голенищев-Кутузов (Смоленский) М. И. (Л.) 247, 250, 259, 267, 271
 Голенищев-Кутузов П. И. 54, 248–250
 Голицын А. М. 246
 Голицын А. Н. 274, 280, 413
 Голицын Д. А. 156–157, 159–161, 171, 173, 176, 178
 Голицын Д. М. 246
 Голицын Н. А. 314
 Голицын С. Ф. 249
 Голицына П. И. 163
 Головенкова Р. В. 162
 Гольберг Л. 71, 78, 214, 229
 Гольдбах Хр. 23
 Гомер 157, 332, 336, 342, 346, 349–350
 Гораций Флакк Квинт 13, 16, 83, 181, 183, 283, 332, 349
 Гордеев (Гардеев) Ф. Г. 349, 352, 354
 Гордон П. 215, 220
 Горич Г. 419
 Горленко В. П. 320
 Городчанинов Г. Н. 250
 Горохова Р. М. 258
 Горфункель А. Х. 211
 Готлоб Л. И. 224
 Готшед И. Хр. 11–18, 30, 34, 36, 341
 Гофман фон Гофмансвальдау Х. 11–14, 17, 20
 Гохманн фон Гохенау Э. Хр. 311–312
 Гоцкая М. М. 267
 Грамматин Н. Ф. 251
 Грасиан-и-Моралес Б. 67
 Гращенко В. Н. 162
 Грегори И. Г. 359
 Грёз (Грюз) Ж. Б. 349
 Грекур Ж. Б. Ж. В. де 213, 223
 Грессе Ж. Б. Л. 201, 203, 219–220, 228
 Грибовский А. М. 77
 Гривс Дж. 171
 Григоренко А. Ю. 97
 Григорий А., протонерей 274
 Григорьев А. 251
 Гримальди Дж. Фр. 349
 Гримм М. 156
 Гринберг М. С. 30, 34
 Гринеус С. 215, 228
 Гришов А. Н. 306
 Громов Я. 273
 Гросс А. Л. 214, 224
 Гросс Г. 220, 224
 Гросс Ф. И. 224
 Гроссман Л. П. 120
 Грот Я. К. 97, 183, 237–240, 243–247, 249–286, 358–359, 405
 Гроув Дж. 274
 Губер А. А. 162
 Гудович И. В. 252, 286
 Гуковская З. В. 146
 Гуковская-Кантор А. С. 161
 Гуковский Г. А. 29, 38, 344, 358
 Гуревич А. Я. 104, 107
 Гуровский Н. Р. 222, 224
 Гуровский Р. 224
 Гюбер Л. Ф. 168, 172–174, 178
 Гюйон Ж. М. Бувье де ла Мотт де 317
 Гюнтер И. Хр. 10, 12, 14, 16, 19, 24, 78
 Даламбер см. Аламбер Ж. Л. Р. д'
 Даль В. И. 433–434
 Дамаскин (Семенов-Руднев Д. Е.) 72–73, 78, 251
 Даниловский Н. И. 83
 Данько Е. Я. 333, 341
 Дараган К. И. 251
 Дашкова (урожд. Воронцова) Е. Р. 74, 100–101, 164, 205–208, 210–211, 213, 220, 224
 Двигубский И. А. 251, 304
 Девельи Ж. Л. см. Велли Ж. Л. де
 Дезульер А. 56
 Декамбон ван дер Веркен М. Г. 180
 Декарт Р. 317
 Делиль Ж. 182, 251
 Демидов П. А. 253, 262, 283
 Дёмин А. О. 334, 358
 Демин А. С. 67
 Демосфен 337
 Демут-Малиновский В. И. 347, 355
 Державин Г. Р. 3, 78–79, 97, 99, 106–107, 109, 181, 183, 235–240, 242–284, 286, 332, 358–367, 370–371, 377–378, 380–383, 385, 387, 390–393, 395, 400–403, 405–406, 408, 410, 414, 425

- Державина Д. А. 237–238
 Державина Е. Я. 359
 Державина О. А. 38, 359
 Дерфельдт (Дерфельд) А. 271
 Дженкинс Т. 165
 Джорджоне 349
 Дзампьеро Д. 349
 Дидро Д. 156, 167, 210, 227, 323
 Динглингерин Ф. М. 16
 Дмитриевский И. А. 32
 Дмитриев А. И. 262, 287
 Дмитриев И. И. 248, 251–252, 302, 413–417, 424, 427
 Дмитриев М. А. 320, 410, 419
 Дмитриев С. С. 164
 Дмитриева Е. Е. 261
 Дмитриева Р. П. 96
 Дмитриев-Мамонов Ф. И. 75
 Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. московский 40
 Добберт (Довер) Г., каретник 220, 224
 Добронравин И. С. 252
 Долгополова С. 293
 Долгорукий Я. Ф. 424
 Долгоруков (Долгорукий) Д. И. 409–410, 419, 423–424, 428
 Долгоруков И. М. 253, 269, 409–430
 Долгоруков П. В. 204–205, 224
 Долгорукова (урожд. Бакунина) Е. П. 269
 Долгорукова (урожд. Смирная) Е. С. 411
 Долгорукова Е. А. 250
 Доминикин см. Дзампьеро Д.
 Донателло (Донатто ди Никколо ди Бельто Барди) 170
 Дора (Дорат) К. Ж. 424
 Достоевский Ф. М. 119–120
 Достян И. С. 318
 Дрё дю Радье Ж. Ф. 75
 Дрехслер Ф. 247, 263, 268–269, 284–285
 Дризен Н. В. 299
 Друковцев С. В. 253
 Дубровин, типограф 282
 Дубровский А. Л. 214
 Дункер И. Ф. 155
 Душечкина Е. В. 46, 122–123
 Дьяков Н. А. 237
 Дьякова М. А. 83
 Дюбо Ж. Б. 166–167, 169
 Дюкре-Дюмениль Ф. 186
 Дюмон Ж. 205
 Дюре де Морсан Ж. М. 203, 227
 Дюрер А. 349
 Евангулова О. С. 290
 Евгений (Болховитинов Е. А.) 97, 253, 311, 359
 Евгений, принц савойский 12
 Евграф (Музелевский-Платонов Е.) 253
 Евклид 227, 221
 Евлампий (Введенский Е. И.) 254
 Еврипид 337–338
 Евсеева М. К. 269
 Егоров С. К. 235
 Егунов А. Н. 349
 Екатерина II, имп. 32, 36–37, 76–79, 82, 85–86, 89–92, 161, 163, 204–212, 214–216, 224, 236, 242, 244–245, 249, 251–252, 255, 257–260, 262, 266–267, 270–271, 273, 275–276, 279, 282, 286, 311, 428
 Екатерина Алексеевна, вел. княгиня см. Екатерина II
 Екатерина Великая см. Екатерина II
 Екатерина Павловна, вел. княжна 275, 363
 Екклезиаст, библ. 98–100, 104, 108
 Елагин И. П. 32, 37, 62, 81
 Елагина Н. А. 201
 Елеонская А. С. 67
 Елизавета Александровна, вел. княжна 247, 281
 Елизавета Алексеевна, имп. 253, 266, 268, 277, 282
 Елизавета Петровна, имп. 5, 28–29, 31–33, 35, 40, 45, 62, 67, 76, 118, 163, 203, 205–206, 209, 214, 224–226, 342
 Ельчанинов Б. Е. 37
 Еништа см. Геништа И.
 Ерапкин П. Д. см. Еропкин П. Д.
 Ермак (Ермолай) Гаврильевич, казак 236, 271
 Ермакова-Битнер Г. В. 82
 Еропкин П. Д. 278
 Ефрон Е. А. 432
 Женетт Ж. 66–67, 78
 Живов В. М. 34
 Жилле Н. Ф. 156

- Жинкин Н. Л. 352
 Жирардон Ф. 170, 349
 Жихарев С. П. 254
 Жозе I, король португальский 111
 Жордано см. Джорджоне
 Жувене (Жувенет) Ж. 349
 Жуи Э. В. Ж. 331–332, 254
 Жуков П. Ф. 206, 211, 222, 224, 226–227, 232–233
 Жуковский В. А. 51, 61, 251, 255, 348, 417

 Заборов П. Р. 98, 116, 180, 205, 211, 237
 Завадовский П. В. 68
 Завалишин И. И. 71, 77, 255
 Заварзин А. 255
 Закревский А. О. 78
 Западов А. В. 29, 110, 289
 Западов В. А. 79, 258
 Заратустра 317
 Захаров И. С. 255
 Зевксис (Зевксид) 350, 354
 Зеленин Д. К. 49, 61
 Зеньковский В. В. 97–98
 Зиновьев В. Н. 165
 Зиновьев М. Н. 410
 Золотницкий В. Т. 70, 81
 Зорин А. Л. 261, 265, 269, 333, 358
 Зорич С. Г. 268
 Зубков Н. Н. 260
 Зубов А. Ф. 155
 Зубов В. А. 244
 Зубов В. П. 299
 Зубов И. Ф. 155
 Зубов П. А. 246
 Зыбелин С. Г. 255
 Зыкова Г. В. 269

 Иван (Грозный) IV Васильевич 356
 Иванов А. М. 157, 161–162
 Иванов Вяч. 65
 Иванов И. А. 63–64
 Иванов М. В. 162, 322
 Иванчин-Писарев Н. Д. 320, 327
 Иваск У. 237
 Иероним (Понятовский) 256
 Иероним (Фармаковский) 256
 Иерофей, митрополит Киевский и Галицкий 259–260
 Измайлов В. В. 320–332

 Иисус Христос 114, 247, 256, 273
 Иконников В. С. 215–216
 Илизаров С. С. 298
 Ильин Д. 249
 Ильина Е. Д. 249
 Ильинский Н. С. 256
 Иннокентий (Смирнов И. Д.) 256
 Иоанн III см. Иоанн Антонович
 Иоанн Антонович, имп. 43–45
 Иоанн Златоуст 257
 Иоанн Иерусалимский 267
 Иоаннесов И. 245, 255, 259, 264, 274, 280–281
 Иосиф Флавий 360
 Иосиф, эрцгерцог австрийский, палатин венгерский 202, 282
 Ипсиланти А., князь 301
 Иродот см. Геродот Галикарнасский
 Исократ 335

 Каганович А. Л. 156, 171
 Кагаров Е. 49
 Каждан А. П. 291
 Казаков Р. Б. 296–298, 301–302, 305–307
 Кайзерлинг Г. К. 23–24
 Кайсаров А. С. 415
 Кайсаров М. С. 257
 Каламис 168
 Каменев Г. П. 417, 431–434
 Каменский М. Ф. 257
 Камилл Марк Фурий 150
 Кампенгаузен Б. фон 44
 Каниц Фр. Р. 11, 14, 24
 Канова А. 355
 Кантемир А. Д. 101, 110, 297, 341, 343–344
 Кантемир Д. К. 135–136, 138–139
 Канунова Ф. 3. 262
 Капнист В. В. 36–37, 82, 183, 242, 257
 Капнист С. В. 240
 Карабанов П. М. 77, 142, 257, 264
 Каразин В. Н. 257, 267
 Карамзин Н. М. 32–33, 47, 53–54, 62–64, 74, 80, 85, 98, 181, 183, 186–187, 189, 236, 248, 250, 257, 274, 287, 296–309, 312–313, 319–322, 329–331, 412, 414–418, 432
 Карвалью и Мелу ди, С. Ж. 111–114
 Каргопольский С. 258, 273
 Каржавин Ф. В. 73

- Карл V, герцог лотарингский 208, 232
 Карл XII, король шведский 233
 Карнеев З. Я. 258
 Карпинский Фр. 55
 Карраччо А. 349
 Карраш Аннибал см. Карраччо А.
 Касаткина Е. А. 29
 Катенин П. А. 360
 Кафанова О. Б. 302
 Кваренги Дж. 349
 Кейлюс А. К. Ф. 166
 Кёниг И. У. 13–14, 17–18, 20, 25, 27
 Кипренский О. А. 347
 Кирпичников А. И. 153
 Киселёва Л. Н. 249
 Классон И. Н. 425
 Клаудий Хр. типограф 246, 248, 251, 254,
 257–267, 269, 271–274, 276–279,
 282–284
 Клейн Й. 28, 32, 52, 55
 Клопшток Фр. Г. 27
 Книтлинг 261
 Княжнин Б. Я. 258
 Княжнин Я. Б. 85, 248
 Кобеко Д. Ф. 205, 208, 211, 258, 275,
 282
 Коваленская Н. Н. 348
 Коваленский М. И. 258
 Козельский Я. П. 78
 Козловский М. И. 162, 347–349, 352,
 355–356
 Козловский О. А. 257, 265, 282
 Козловский П. Б. 258
 Козьян С. 206
 Коипель см. Куапель А.
 Койленский А. С. 243
 Койленский Н. И. 243
 Кокоринов А. Ф. 155, 351
 Кокоскин Ф. Ф. 258, 420
 Кокуринов см. Кокоринов А. Ф.
 Колленбуш С. 311–312
 Колло М. А. 354
 Колмаков Н. М. 207, 210, 216
 Кологривов П. А. 415
 Кологривова (урожд. Трубецкая, первым
 браком Гагарина) П. Ю. 415–418,
 426
 Кольбер Ж. Б. 208, 232
 Комаров М. 49, 63
 Кондратович А. А. 258
 Кондратович К. А. 3, 69, 79
 Константин Павлович, вел. кн. 258, 261,
 270, 279
 Копанев Н. А. 226–227, 229, 232–233
 Копелевич Ю. X. 11
 Коплан Б. И. 237
 Копреева Т. Н. 234
 Корбелецкий Ф. И. 259
 Корнель П. 31, 66, 332
 Коровин В. И. 412
 Королев С. В. 209
 Корреджо (Аллегри А.) 173–175, 349
 Корреж см. Корреджо
 Корсаков А. И. 268
 Корсаков П. А. 259
 Корф М. А. 45
 Космолинская Г. А. 68, 73, 349
 Костров Е. И. 57, 248, 259
 Костюкова В. В. 320, 327
 Кохановский П. 49
 Кочетков А. 115–117
 Кочеткова Н. Д. 46, 62, 66, 77, 118, 237,
 245, 247, 255–257, 260, 262, 270,
 276–277, 289, 296–298, 313, 320–322,
 329, 432
 Кочубей В. П. 265, 276, 280
 Кошанский Н. Ф. 259
 Кошен Ш. Н. 209
 Край К. К., типограф 274
 Кребийон (Кребильон) К. П. Ж. де 328
 Крестова Л. В. 297
 Кривоपालов А. 259
 Криновский Г. А. см. Геден
 Крифт П. 98
 Кросс Э. 313, 318–319
 Крузе К. Ф. 208, 210, 223–224
 Крылов И. А. 270
 Крюков И. 67
 Куапель А. 349
 Кудряцев И. М. 359
 Кузнецов С. О. 202
 Кузнецова Л. К. 209
 Кук Дж. 263
 Кукушкина Е. Д. 96, 271
 Кулябко Е. С. 233
 Куник А. А. 6, 43, 45
 Куракин А. Б. 81, 257–258, 278, 426
 Куракина (урожд. Апраксина) Е. С. 220,
 224
 Куракина Н. Е. 423, 426
 Курганов Е. 64
 Курганов Н. Г. 153, 227

- Курилов А. С. 67
 Кутина Л. Л. 297
 Кутузов А. М. 75, 80
 Кучеренко Г. С. 101
 Кучеров А. 190, 198
 Кушелев Г. Г. 275
 Кушелева (урожд. Безбородко) Л. И. 275
 Кючарианц Д. А. 51
- Ла Мотт А. У. де 167
 Ла Поплиньер де Ле Риш А. Ж. 83
 Лабзин А. Ф. 251, 259, 287, 314
 Лабзина А. Е. 314
 Лабрюйер Ж. де 98, 108
 Лагрене Л. Ж. Ф. (старший) 156
 Ладыженский М. А. 256
 Лаевская Э. 293
 Лазарчук Р. М. 74, 431–432
 Лаппо-Данилевский К. Ю. 83, 155, 165, 261, 266, 347
 Лаптон Т. 145
 Ларионова Е. О. 264
 Ларошфуко Ф. 98, 108
 Ласси (Ласи) П. П. 43–44, 356
 Лафонтен А. Г. Ю. 59
 Лафранк см. Франко Дж. Б.
 Лахман Г. 259
 Ле Брюн см. Лебрен Ш.
 Ле Руа П. Л. 211
 Ле Сюзер (Сюер) Э. 349
 Лебедев Г. С. 246, 287
 Лебрен Ш. 157, 166, 349
 Леванда И. В. 259–260
 Левин В. Д. 189
 Левин П. 41
 Левин Ю. Д. 116, 144, 188–189
 Левицкий Д. Г. 352, 354
 Левонидов А. Я. 260
 Левшин В. А. 53, 118–119
 Лейбниц Г. В. 98, 101, 112, 115
 Леман И. Г. 206, 224
 Лемир П. 209
 Лемуан (Лемоень) Ж. Л., (?) Ж. Б., (?) Сен Поль 349
 Леонтьев (Леонтиев) А. 273
 Леонтьев Н. В. 260
 Леохар 353
 Лепехин И. И. 347
 Лепехин М. П. 246–247, 264
- Леруа Ж. Д. 171
 Летурнер П. 147
 Лефевр Э. 217–218
 Ливий Тит 150
 Лидин В. Г. 274
 Лидлей 274
 Липсий Ю. 144
 Лис И. 224
 Лисипп (Лизипп) 169, 174
 Лихарев Д. 260
 Лихачев Д. С. 47
 Лобанов М. Е. 260
 Лобанова Л. П. 320
 Логинов К. К. 61
 Локк Дж. 101
 Ломоносов М. В. 3–9, 21, 23, 25–30, 33–45, 72–73, 78, 106–107, 217, 226, 233, 237, 248, 250, 274, 293, 297, 304, 333, 340–343, 345–346
 Лонгинов М. Н. 248, 409–410, 419
 Лопиталь де, маркиз 217, 225
 Лопухин И. В. 73–76, 82, 247, 260, 277, 287, 311, 432
 Лоррен Ж. Л. 156
 Лоррен К. 349
 Лоррень см. Лоррен К.
 Лосенко А. П. 156, 178, 349, 351, 354
 Лосенков см. Лосенко А. П.
 Лотман Ю. М. 62, 100–101, 183, 187, 269, 290–292, 313, 318–319, 321
 Лохвицкий К. А. 260
 Лознштейн Д. К. 14
 Лубяновский Ф. П. 260–261, 314
 Лувуа Ф. М. 208, 232
 Лукиан (Протопопов Л. Ф.) 261
 Лукин В. И. 36–37
 Лукреций Кар Тит 208–209, 222, 230
 Лунина Т. А. 428
 Лызлов А. И. 77
 Львов А. 74
 Львов Н. А. 83, 165, 183, 238, 261, 349, 351
 Львов П. Ю. 47–48, 261, 325
 Львов Ф. П. 236
 Львова В. Н. 235
 Любий (Люби), типограф 246, 276, 297
 Люблинский В. С. 205, 212
 Любомиров П. Г. 289
 Людовик XIV, король фр. 30–31
 Людовик XV, король фр. 92, 228

- Лютер М. 316
 Люценко Е. П. 261
 Лямина Е. Э. 261
- Магницкий М. Л.** 261–262, 273, 276, 287
Майков А. А. 262
Майков В. И. 41, 110
Макаров М. Н. 410, 425, 429
Макогоненко Г. П. 289, 321
Максимов А. Г. 320
Макферсон Дж. 187–189, 262, 268
Малагрида Г. 113
Малерб Фр. де 78, 340
Малиновский В. Ф. 310–319
Малиновский К. В. 202
Малиновский Ф. А. 311
Малле П. А. 230, 261
Маллет см. Малле П. А.
Малэк Э. 69, 122–125, 130–131, 149, 151, 153
Мамай, хан татарский 40
Манн Ю. В. 199
Маратти К. 349
Маргарита Наваррская 145–146
Марино Дж. 12
Мария Феодоровна, имп. 236, 249, 258, 278–280, 284
Марк Аврелий, имп. римский 214, 277
Маркетти А. 209, 222, 230
Марков Н. 68
Маррон П. А. 182
Мартынов И. Ф. 350
Масанов П. Ф. 273
Маскле И. И. 262
Маслов Ф., архимандрит 285
Масон И. см. Мейсон Дж.
Матвеев А. 261
Матвей Иванович, станичный атаман 271
Махаев И. М. 155
Мац И. Л. 162
Маццуола Фр. (Пармиджанино) 349
Медер П. И. 304
Мезэн А. 217
Мейсон Дж. 74–75
Мелиссино (Мелисино) П. И. 205, 220, 224, 279
Мельгунов А. А. 73
- Мелюзино см. Мелиссино П. И.**
Менгс А. Р. 161, 165, 170, 174–175, 349–350
Менке И. Б. 11–15, 25
Мерзляков А. Ф. 48, 56, 248, 262, 278
Мерзляков, типограф 282
Мефодий (Смирнов М. А.) 263
Мехель К. фон 165
Меховский М. 216
Мещерский П. В. 263
Микеланджело Буонаротти 160, 347, 349, 356
Микулин Н. 263–264
Миллен О. Л. 306
Миллер Г.-Ф. 8, 10, 11, 15, 17–21, 24–27, 202, 206, 211, 215–217, 220, 222–224, 230, 298
Милонов Н. П. 60
Мильвуа Ш. Г. 74
Мильтон Дж. 274
Минелли Л. 273
Минин К. 249, 256
Миних Б. К. (Хр.) 26, 224, 356
Миних Г. М., сын И. Э. Миниха 211, 219
Миних И. Э. 223–224
Миних Хр. В. 214, 224
Митрофанов С. М. 264
Михаил Павлович вел. кн. 260
Михаил Федорович, царь 354
Михайлова Л. Б. 310, 318–319
Михель Анж см. Микеланджело Буонаротти
Мишель-Анж см. Микеланджело Буонаротти
Мобер де Гуве Ж. А. 210, 230
Модзалевский Б. Л. 259
Мозговая Е. Б. 155, 166
Моисеева Г. Н. 333
Моисей (Близнецов-Платонов М. И.) 264
Моисей, библи. 256, 336
Молчанов П. С. 255
Мольер Ж. Б. 36, 344
Монтень М. Э. де 98, 105
Монтерон М. 66
Монтескио см. Монтескье Ш. Л. де
Монтескье Ш. Л. де 35, 67–68, 213–214, 220, 230
Мордвинов Н. С. 68, 270
Мордовченко Н. И. 320

- Мориц К. Ф. 313, 317
 Морозов А. А. 42, 44, 333
 Морозов И. Г. 264
 Морозова, компаньонка П. Ю. Колог-
 ривовой 418
 Морозова Н. П. 46, 235, 243
 Москотильников С. А. 431–432
 Моск^р 48
 Мочульский В. 29, 39
 Муравьев В. Б. 298
 Муравьев М. Н. 76, 297, 347–357
 Мусин-Пушкин А. А. 347
 Мусин-Пушкин А. И. 268, 280–281, 308
 Муханов И. И. 423
 Мюнцер Т. 312
 Мятлева П. И. 428
- Набгольц И. К. 275
 Набоков В. В. 58, 64
 Наполеон Бонапарт, имп. фр. 245–247,
 253, 266, 278, 421, 425
 Нарезный В. Т. 264
 Нартов А. А. 52, 204, 206, 215, 220, 224,
 226, 264, 268
 Нарушевич А. 55
 Нарышкин А. В. 103
 Нарышкин В. С. 426
 Нарышкин Л. А. 219, 224, 257, 282
 Нарышкин С. В. 103
 Нарышкина Е. А. 78, 252
 Нарышкина М. А. 249
 Нарышкина П. П. 428
 Наумов И. М. 264
 Невахович Л. Н. 265
 Неверов О. Я. 218
 Невзоров М. И. 76, 265, 431–432
 Невский А. А. 61
 Нейкирх Б. 13–14
 Неккер см. Сталь Ж. де
 Некрасов Н. А. 46–47, 64
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 265,
 273
 Нестор, летописец 302
 Нехачин М. В. 74
 Нечаев В. Я. 262, 265
 Нечаев П. О. 266
 Нешумова Т. Ф. 268
 Никита, епископ Новгородский 253
 Никитин С., иерей 269
 Николаев Н. И. 211
 Николаев С. И. 3, 46, 55, 118, 264, 271
 Николай Л. Г. 163
 Николай Михайлович, вел. кн. 203,
 208
 Николев Н. П. 266, 269
 Николева А. 413
 Николь П. 98
 Никон, патриарх 302
 Никулин Н. Н. 161
 Новиков И. В. 122–130, 134–136, 138–
 153
 Новиков Н. И. 75–77, 79–80, 94–95, 102,
 108, 253, 255–256, 297, 306–307, 311,
 318, 432
 Новиков С. 266
 Новикова (урожд. Долгорукова) В. И.
 410
 Новикова Д. М. 420
 Новокамский П. 216
 Новосильцев Н. У. 204
 Новосильцева (урожд. Строганова) М. С.
 204, 206, 220, 225
- Обеф Верто Р. О. д' 78
 Овидий Назон Публий 13, 49, 75, 161,
 221, 231
 Огарев Н. П. 65
 Оглоблинский О. 267
 Одар Дж. М. д' 206, 208–209, 222, 224
 Ожаровская, графиня 259
 Озерцовский Н. Я. 267
 Озеров В. А. 257
 Озеров Е., типограф 275
 Окроков В. И. 262, 267, 275, 282, 286
 Оксеншерн Й. Т. 204, 219, 231
 Окулов Г. А. 267
 Олешев А. В. 74
 Олешев В. А. 281
 Оливейра ди, Ф. Ш. 114
 Олин В. Н. 267, 271
 Ольга Павловна, вел. княжна 252
 Опиц М. 14
 Орлов А. Г. 82
 Орлов Г. Г. 78, 81, 83, 413
 Орлов Ф. Г. 78
 Орнатский А. 253
 Осипов Н. П. 69
 Ослябя Р. 246–247
 Оссиан см. Макферсон Дж.
 Остолопов Н. Ф. 411, 425

- Павел I, имп. 53, 71, 83, 183, 208, 213,
 216, 225, 235, 242, 247, 250, 254, 256,
 258, 261–263, 266–267, 270, 277–278,
 281–285, 426, 433
 Павел Петрович см. Павел I, имп.
 Павел, апостол 257, 316
 Павлов М. 155
 Павсаний 159, 171
 Павский Г. П. 236, 268–269
 Пажу О. 349
 Палиссо де Монтенуа Ш. 207, 212, 231
 Палицын А. А. 74, 269
 Палладио А. 352, 356
 Панаев В. И. 56, 358
 Панин Н. И. 204, 213, 221, 225
 Панин П. И. 71, 204
 Панов С. И. 257, 261
 Панофский Э. 46
 Панченко А. М. 96, 104
 Паперно И. 28
 Пармезан см. Маццуола Фр.
 Парменион 335, 345
 Парни Э. 55
 Паскаль Б. 98, 108
 Пастернак Е. Е. 269
 Пастухов П. И. 144
 Пекарский П. П. 8, 10–11, 17, 19, 22–26,
 45
 Пельниц К. Л. фон 204, 220, 231–232
 Перевозищikov В. М. 269
 Пересвет Александр 246–247
 Перетц В. Н. 124
 Перикл 169, 355
 Пермской М. 127
 Песков А. М. 346
 Пескорский И. Я. 352
 Петити Ж. Р. 166
 Петр I, имп. 21–22, 30–31, 35, 76, 92,
 95, 212–213, 215, 221–222, 230, 232–
 233, 351, 419
 Петр II, имп. 19
 Петр III, имп. 204, 206–209, 413
 Петрарка Фр. 49, 328
 Петров В. Н. 348
 Петров В. П. 83, 236, 270
 Петров П. Н. 164, 347
 Петров С. О. 242, 244–245, 253–255, 263,
 265, 268–269, 271–272, 274, 281–282,
 285
 Петрова Е. Н. 355
 Петрунина Н. Н. 331
 Петряев Н. С. 270
 Петухов Е. В. 352
 Петухов И. 270–271
 Пигаль Ж. Б. 170, 349
 Пий VII, Папа Римский 164
 Пикте Ф. П. 205, 208–209, 212, 221,
 225
 Пиль Р. де 157, 166, 170
 Пименов С. С. 347, 355
 Пина и Мелу ди, Ф. 114
 Пиндар 16, 339
 Пинский П. 271
 Писарев А. А. 271
 Питч (Пич) И. В. 15, 24
 Плавильщиков В. А. 243, 245, 255, 259
 Плавильщиков П. А. 85
 Платов М. И. 236, 271
 Платон (Левшин П. Г.) 256, 260, 426
 Платон, философ 332, 337
 Плещеев Н. 269
 Плещеева А. И. 80, 187, 414
 Плещеева (Протасова) Е. И. 414
 Плещеева Н. И. см. Плещеева А. И.
 Плиний Старший 132, 161, 171, 350,
 353–354
 Плутарх 332
 Плюмар де Данжель 213–214, 231
 Плюш А. 205
 Плюшар А. А. 272, 286
 Погодин М. П. 124–125, 129–131, 140–
 141, 150, 152, 301, 415
 Подшивалов В. С. 73
 Пожарский Д. И. 249, 355, 420
 Позье И. 205, 209–211, 221, 225
 Покок Р. 166
 Покровский Ф. Г. 271
 Поленов Д. В. 235–240, 243–272, 274–
 286
 Политковский Г. Г. 271
 Полянская А. 63
 Помбал де, маркиз — см. Карвалью и
 Мелу ди, С. Ж.
 Пономарев, типограф 256
 Понятовский Станислав-Август, король
 польский 214
 Поп (Попий) А. 112, 271, 332
 Попов В. С. 246, 275, 297
 Попов К. П. 271
 Попов М. И. 49
 Попугаев В. В. 58
 Порошин С. А. 213–214, 216

- Поспелов Ф. Т. 68
 Поспелова М. А. 74, 272
 Потемкин (Таврический) Г. А. 224, 254, 269–270
 Потоцкий С. О. 347
 Похвиснев И. 272
 Похвиснев Я. 272
 Прайор М. 68
 Пракситель 169–170, 174, 349, 352, 355
 Прево д'Экзиль А. Ф. 198, 229
 Преннер Г. К. 214, 219
 Приклонский П. Н. 272
 Прокопович Феофан см. Феофан Прокопович
 Прокудин-Горский М. И. 273
 Протопопов А. 347
 Псевдо-Лонгин 333, 335, 340, 342, 345
 Пумпянский Л. В. 8–9, 14–15, 17–18, 23–24, 78, 340, 343
 Пуссен (Пуссень) Н. 46, 349
 Пуфендорф С. 97
 Пучинов М. И. 202, 225
 Пушкин А. С. 10, 50–51, 58, 61, 238, 240, 299, 409, 417
 Пфальц К. Т. фон дер 313
 Пфедфель Г. К. 150–151, 154
 Пшибышевский Б. 157, 178
 Пюже (Пюжет) П. 170, 349
- Равдин Б. Н. 247
 Радищев А. Н. 78, 80, 99, 288–295
 Радклиф А. 186
 Разумовская (урожд. Нарышкина) Е. И. 225
 Разумовский А. Г. 23
 Разумовский А. К. 81, 163, 279
 Разумовский К. Г. 4–6, 23, 163, 225
 Рак В. Д. 68, 122, 134–135, 152–153, 248
 Ранчин А. М. 265
 Расин Ж. 30–33, 39, 41–42, 345, 359–362, 364
 Рассказова Л. В. 288–289, 292, 294
 Растопчин Ф. В. 77
 Расторгуев Е. И. 273
 Растрелли К. Б. 206, 211, 213, 223, 225
 Рафаил см. Рафаэль Санти
 Рафаэль Санти 160, 174–175, 349, 352, 354
 Рахманова (урожд. Пассек) 420
- Резанов В. И. 29–30, 35
 Рейзин М. В. 311
 Рейтблат А. И. 265
 Рейфенштейн И. Ф. 161–162, 165
 Рейхель И. Г. 79, 177
 Рени Г. 160, 349
 Репин И. Е. 46
 Репнин Н. В. 251, 265–266
 Репьев И. Н. 273
 Ресту (Рету) Ж. Б. 349
 Решетников А. Г. 245, 247, 254, 258, 260, 262–263, 276, 280
 Ржевский А. А. 41, 202, 274, 211, 213, 221, 225
 Ржеуцкий В. С. 217
 Ривароль (Риварол) А. 182, 330
 Ридигер Хр., типограф 248, 253, 258–263, 266–267, 269, 271, 273, 277–278, 282–284
 Ризедель И. Г. 164
 Ричардсон С. 320–332
 Ришар Ж. 166
 Ришелье А. Ж. дю Плесси, кардинал 208, 222, 232
 Робусти Я. (Тинторетто) 349
 Ровинский Д. А. 62, 209
 Рогинский А. Б. 247
 Рогов К. Ю. 258, 265
 Рогожин В. Н. 243
 Родзянка С. Г. 274
 Розанов И. Н. 110
 Розен А. Е. 313
 Розенкрейц (де Роза Крус) 318
 Рокотов Ф. С. 352
 Роллен Ш. 67, 150–151
 Ромодановская Е. К. 359
 Рослин У. 66
 Ротари П. А. 155
 Рубан В. Г. 76
 Рубенс П. П. 173–174, 202, 349
 Рубецкая С. Н. 428
 Румянцев (Задунайский) П. А. 268
 Румянцев Н. П. 270, 313, 356
 Румянцева М. А. 251
 Руссе де Мисси Ж. 213, 232
 Руссо Ж. Б. 340
 Руссо Ж. Ж. 53, 92, 101, 184, 233, 290, 308, 313, 320, 323, 327, 329–330, 332, 430
 Руссов С. В. 274
 Рубенс см. Рубенс П. П.

- Савари де Брюлон Ж. 215–216, 232
 Саведра-и-Фахардо Д. 235
 Савельева Е. А. 243
 Савицкий С. 229
 Сазонова Л. И. 67, 75, 194
 Сакраменту А. ду 114
 Салтыков И., поручик 4
 Салтыков П. С., генерал 5
 Салье К. 166
 Самарин Н. М. 222, 225
 Самойлов А. И. 267
 Самуилов М. 360
 Сандунов Н. Н. 413
 Саншес А. Н. Р. 113
 Сапфо (Сафо) 336
 Свечин П. И. 274
 Свистунов Д. М. 252
 Свитен Г. 274
 Себржинский В. И. 274
 Севергин В. М. 274
 Селивановский С. И. 252, 257–258
 Селлий Г. 157, 253
 Селявин Н. И. 274
 Семека А. В. 102, 105.
 Семенов П. 133, 152
 Сенека Луций Анней 161
 Сенекар Д. 213, 223, 225
 Сербинович К. С. 301
 Сервант см. Сервантес Сааведра М. де
 Сервантес Сааведра М. де 51, 203, 214,
 227
 Сергеев А., переводчик 108.
 Серков А. И. 311
 Серман И. З. 32, 333, 340, 343–344
 Сиверс Я. Е. 201
 Сильвен А. 151
 Симеон Полоцкий З, 96, 104.
 Симеон, князь болгарский 138
 Синельников Ф. М. 274
 Силовский В. В. 192, 195, 198, 321, 328
 Сиряков И. 248, 287
 Скипина К. 58
 Сковронек Й. 318
 Скородумов Г. И. 352
 Скотт В. 331
 Смирдин А. Ф. 243, 250, 254, 257, 259,
 261–269, 271, 274, 276–277, 279–280,
 283–285
 Смирнов-Сокольский Н. П. 243, 252
 Снегирев М. М. 109
 Собакин М. Г. 22
 Собичевский Е. 432–433
 Соколов А. Н. 142
 Соколов Н. И. 62
 Сократ 332
 Соллогуб В. А. 431
 Соловьев С. М. 35, 210
 Сологуб Ф. 116
 Сомов В. А. 156, 120–201
 Сопиков В. С. 243, 248, 254, 262–265,
 271–272, 274, 276–277, 279, 282,
 284–285
 Сорель Ш. 149
 Сорник Д. 209
 Софронова Л. И. 67
 Сохацкий П. А. 275, 278
 Сперанский М. М. 240
 Спиноза Б. 98
 Спиридов М. Г. 186
 Спонтини Г. 254
 Спренгпортен (Шпренхпортен), барон
 416–417, 426
 Срезневский И. П. 63
 Стадничук Н. И. 161
 Сталь Ж. де 80, 308, 332
 Старов И. Е. 351, 357
 Староста А. 123
 Стенник Ю. В. 28–29, 33, 41, 85–86, 90–
 92
 Степанов В. П. 46, 74, 78, 81, 142, 253,
 255, 260, 263, 264, 271, 409
 Стерн Л. 78, 199, 257
 Стефан Яворский 97
 Стиль Р. 144
 Страбон 171
 Страленберг Ф. И. 92
 Стрельцова Г. Я. 98, 108
 Стрешнев Л. С. 261
 Строганов А. Н. 203
 Строганов А. С. 166, 200–234, 347, 428
 Строганов Г. Н. 200–203, 207–218, 225–
 226
 Строганов Н. Г. 203
 Строганов П. А. 203, 208
 Строганов С. Н. 203
 Строганова (урожд. Воронцова) А. М.
 203–204, 206, 208, 210, 215, 223, 225
 Строганова (урожд. Голицына) А. Б. 204
 Строев А. Ф. 206
 Струйский Н. Е. 275
 Струйский Ю. 275
 Суворов А. В. 255, 267, 285, 355

- Суворова-Рымникская Е. А. 249
 Сукин Ф. И. 213, 220, 225
 Сумароков А. П. 3–7, 5–8, 15, 28–30, 32–35, 37–42, 51–53, 57, 62, 75–76, 78, 87–90, 92, 94, 110, 206, 211, 215, 217, 220, 225, 275, 297
 Сумароков П. И. 275
 Сухомлинов М. И. 21, 33, 45, 320
 Сципион Публий Корнелий 150–151
 Сюлли де Бетюн М. 207, 210, 222, 232
- Таронян Г. А. 353
 Тассо (Тассе) Т. 49, 232
 Татаринцев А. Г. 251
 Татищев В. Н. 97, 216, 297, 303–304, 308
 Татищев П. А. 253
 Тауберт И. И. 72
 Таушев А. Ф. 81, 276
 Тацит Публий Корнелий 276, 332
 Твердовский, казак 253
 Тейльс А. В. 108
 Тейльс И. А. 51, 227
 Теокрит см. Феокрит
 Теренций Публий Афер 345
 Терстеegen Г. 311–312
 Теряев А. М. 276
 Тибулл Альбий 328
 Тинторетто, Тинторет см. Робусты Я.
 Тихомиров В. В. 305
 Тихон (Малинин Т.) 276
 Тициан В. 174–175, 349
 Тодорский И. С. 276
 Толмачов А. 276
 Толстихина А. О. 255
 Толстой А. Г. 82
 Толстой Л. Н. 51–52
 Тома А. Л. 277
 Томазиус Хр. 15, 317
 Томпсон Д. 204, 232
 Томсон Дж. 54
 Топорков А. Л. 61
 Топоров В. Н. 63
 Топчев А. В. 28
 Торелли С. 156
 Травников С. Н. 262, 289
 Третьяков В. К. 6–9, 14–15, 18, 23–26, 28–30, 52, 72, 150, 341–342, 344
 Троепольский Т. 278
 Тротти де Ла Шетарди Ж. Ж. 44, 217
- Трошинский Д. П. 236, 278, 284–285
 Трубецкая (урожд. Мансурова) Е. А. 418
 Трубецкая В. А. 415
 Трубецкой И. Д. 418
 Трубецкой Н. Н. 415
 Трубецкой Ю. Н. 415
 Трубников А. 162
 Тургенев А. И. 63
 Тургенев А. М. 417–418
 Тургенев И. П. 74–76, 311, 415
 Турчанинова А. А. 278, 287
 Туссен Ф. В. 204, 232
 Тутолмин А. 243
 Тынянов Ю. М. 183
 Тьеполетто Дж. Б. 349
 Тютчев Ф. И. 110
- Увиль Ле Метел А. д' 135, 142–143, 146, 152–154
 Угрюмов Г. И. 354
 Улыбышева Е. А. 414, 424
 Умлауфт В. 310
 Умлауфт Л. 310
 Унковская Н. 150
 Унтербергер К. 165
 Урванов И. Ф. 175, 178
 Урусов П. 68
 Урусова Е. С. 278–279
 Усмарь Я. 354
 Успенский Б. А. 28, 30, 34, 187
 Участкина З. В. 201
 Ушаков Ф. В. 80
 Уэсли Дж. 114
- Фавораль 133, 151, 154
 Фальконе (Фалконет) Э. М. 170, 349, 352, 354
 Фассмани Д. 19
 Федоров Б. М. 279
 Федоров-Давыдов А. А. 162
 Федосов Д. Г. 215
 Фейт Р. 180–189
 Фелибьен А. 157
 Фенелон Ф. 146–147, 214, 227
 Феодосий, имп. греческий 280
 Феокрит 47–48, 54
 Феоктист (Мочульский И.) 279
 Феопомп, историк 339
 Феофан Прокопович 21–22, 97, 101

- Феофил (Раев) 279
 Феофилакт (Русанов Ф. Г.) 279
 Феретти П. 318
 Фидий (Фидиас) 169, 174, 347, 349, 352, 354–355
 Филандер фон дер Линде (наст. имя Менке И. Б.) 11–12
 Филарет (Амфитеатров Ф. Г.) 279
 Филарет (Дроздов В. М.) 247, 280
 Филарет Милостивый 291–295
 Филарет, митрополит Московский 355
 Филдинг Г. 199, 203, 227, 327, 331
 Финч Э. 45
 Фишер Г. И. 304
 Флавиан (Ласкин Ф. П.) 281
 Флавиан, патриарх Антиохийский 280
 Флор Луций Анней 55
 Флоровский Г., протоиерей 97
 Фолькельт И. 57
 Фоменко И. Ю. 243, 246
 Фонвизин Д. И. 36–37, 77, 85
 Фонтенель Б. Ле Бувье 213
 Фор О. А. 217–219, 225
 Формей Ж. А. 281
 Фраанье М. Г. 180
 Франко Дж. Б. 173
 Франциск I, король фр., 133
 Фридрих II Великий, король прусский 207, 214, 227
 Фридрих Вильгельм I, король прусский 19
 Фьораванти А. 351, 356–357
- Хардер Х. 38
 Харламов Е. 227
 Хауде А. 18–19
 Хауде И. С. 19
 Хвостов Д. И. 281–282, 409, 411
 Хвостова (урожд. Хераскова) А. П. 282
 Хейзинга Й. 47
 Хемницер И. И. 83
 Херасков М. М. 41, 75, 78, 96–110, 248–249, 255, 282–283, 415
 Хлебников П. К. 77, 79
 Хованский В. А. 49
 Холодковский Н. А. 113
 Хомяков П. З. 190–199
 Хотеев П. И. 19, 43
 Храповицкий А. В. 75, 283
 Храповицкий М. В. 283
- Царева В. П. 198
 Церава Г. К. 156
 Цветковский С. 283–284
 Цветницкий Н. 284
 Цедлер И. Хр. 16
 Целищева Л. Н. 161
 Цицерон Марк Туллий 337
- Чеботарев Х. А. 248, 311
 Чекалевский П. П. 156–157, 161, 170–176, 348
 Челищев П. И. 284
 Черная Л. А. 70
 Чернина А. Е. 180
 Чернышев И. Г. 204, 214, 219, 225
 Чернявский Р. 284
 Черняк И. Х. 46
 Чимабуэ Дж. 172
 Чинтио 145
 Чиньяролли Д. 51
 Чистякова Н. А. 334, 336–338, 340
 Чулков М. Д. 69, 88, 198
 Чумакова Т. В. 96
- Шадрин А. М. 146, 349
 Шаликов П. И. 60, 81, 284
 Шампень Ф. 157
 Шапп д'Отрош Ж. 90–92, 94, 215, 223
 Шаррон П. 98
 Шаталина Н. Н. 235
 Шаховской А. А. 416
 Шванвиц М. 24, 72
 Шевырев С. П. 352
 Шекспир У. 143, 145, 151
 Шелехов А. 284
 Шенберг Х. Г. 275
 Шервинский С. В. 48
 Шереметев П. Б. 422, 424
 Шешковский С. И. 291
 Шиллер Ф. 350
 Шиппан М. 9, 310
 Ширкова Н. И. 429
 Ширяев А. С., книгопродавец 412
 Шихматов М. А. 285
 Шихматов С. А. 271, 284–285, 287
 Шишков А. С. 236, 245, 271, 285, 287
 Шлецер А. Л. 303
 Шлыкова М. Э. 164

Шмидт И. М. 347
Шмидт С. О. 297–298, 304
Шмурло Е. Ф. 215
Шнор И. К. 251, 255–256, 258, 260, 262, 266, 275–276, 278
Шоме А. Ж. де 212, 223, 225
Штаммлер В. 355
Штелин Я. Я. 9, 21, 23–24, 26, 202, 274
Штипенберг Г. 251
Шторх П. 61
Штрубе де Пирмонт Ф. Г. 212, 232
Шубин И. 352
Шувалов А. П. 205, 211, 217–218, 225
Шувалов И. И. 155–156, 162–164, 204, 211, 217–219, 225, 244, 267, 275
Шувалов П. И. 214
Шумахер И.-Д. 19, 25–26
Шхонебек А. 155

Щедрин Ф. Ф. 162
Щемелева Л. М. 268
Щербатов М. М. 91, 297, 303–304

Эдельманн И. Хр. 315
Эзоп 332
Эйзен Ш. Д. 209
Экарт Г. Ф. 209
Эллингер О. 155
Эмин Н. Ф. 322, 325
Эмин Ф. 62
Энгельс Ф. 311–312
Эразм Роттердамский 73
Эрль В. И. 46
Эрнандес Ф. 217
Эфрос А. М. 145

Юзефович, генерал-майор 269
Юлиан, имп. римский 214
Юм Д. 101, 208, 214, 222, 229, 332
Юнг Э. 284, 432
Юнгор см. Юнкер Г. В. Фр.
Юнг-Штилинг Г. И. 310, 312–318
Юнкер (урожд. Вагнер) М. Э. 9
Юнкер Г. В. Фр. 8–27
Юнкер Хр. 9–11
Юсти К. 162
Юшкова А. П. 428

Ягужинский С. П. 219, 222, 225
Язвицкий Н. И. 285
Якоби И. Г. 312
Якоби Фр. Г. 312
Яковлев А. С. 285
Яништа И. см. Геништа И.
Янсен Г. Й. 184–185, 188
Ясницкий Д. 286

Aarne A. A. 153
Abelin B. 229, 232
Adam A. 334
Aguillara G. A. dell' 231
Albéroni C. 230
Alembert d' J. L. R. см. Аламбер Ж. Л.
Р де
Alewin R. 31
Alexandre le Grand см. Александр Македонский
Ambroise, évêque см. Амворсий (Протасов А. И.)
Andel C. P. van 311
Anton Ulrich Hertzog zu Braunschweig см. Антон Ульрих
Apelle см. Апеллес
Aquin de Château-Lyon P. L. d' 231
Argens d' см. Аржанс Ж. Б. де Буайе, маркиз д'
Arksté (Arkstée), libraire 229–230
Arnold G. см. Арнольд Г.
Aviat см. Авиа, профессор

Bannier l'abbé 231
Barbier A. A. 227–228, 230–231, 233–234
Barillot, libraire 230
Bassompierre J. F. 227
Baudus J. L. A. см. Бодус Ж. Л. А.
Belfort см. Бельфор, бригадир
Benoist, éditeur 339
Berkov P. N. см. Берков П. Н.
Berni F. см. Берни Ф.
Bertlo см. Бертло
Besser см. Бессер И.
Blaufuß D. 316
Bodmer см. Бодмер И.
Boiardo (Bojardo) M. M. см. Боярдо М. М.

- Boileau Despréaux N. см. Буало-Депрео Н.
 Bosquet M. M. 232
 Bossuet J. B. см. Боссюэ Ж. Б.
 Bower A. 229
 Breidert W. см. Брайдерт В.
 Breitingер см. Брейтингер И.
 Breitkopf B. Ch. 16
 Brockhaus F. A. 12
 Brody J. см. Броди Дж.
 Brown W. E. 340
 Brueset, libraire 230
 Brühl H. von см. Брюль Г. фон
 Bruzen de la Martinière A. A. 231
 Budd F. E. 143
 Buffon G. L. L. de см. Бюффон Ж. Л. Л.
 де
 Bullough G. 143, 151
 Busiri V. A. 164
 Bystron J. S. 61
- Calamis см. Каламис
 Cambell, le docteur 229
 Canitz см. Каниц Фр. Р.
 Carnap A. von 313
 Carné de 227
 Cary, imprimeur 286
 Castel de Saint-Pierre 232
 Senaispart D. см. Сенепар Д.
 Cervantes Saavedra M. de см. Сервантес
 Сааведра М. де
 Changuion F. 232
 Charles V duc de Lorraine см. Карл V,
 герцог лотарингский
 Charles XII см. Карл XII, король швед-
 ский
 Chasles G. de 227
 Chassant A. 153
 Chatelain Z., imprimeur-libraire 226, 232
 Chaumeix A. J. de см. Шоме А. Ж. де
 Cheke M. 112
 Chèvremont J. B. de 232
 Choffin D. E. 150
 Cicéron см. Цицерон Марк Туллий
 Cioranescu A. 154
 Clitarque 334
 Cocron F. 359
 Colbert J. B. см. Кольбер Ж. Б.
 Colombey É. 149
 Corregio см. Корреджо
- Corrozet G. 151, 153
 Cramer, libraire 233
 Cross A. см. Кросс Э.
 Curtius E. R. 47
 Czartoryski A. J. 318
 Czernichew J. G. см. Чернышев И. Г.
- Danzel Th. 12–13, 15
 Daubenton L. J. M. 227
 David F. A. 178
 David M. E. 227
 Dechalles R. P. 227
 Deer W. 19
 Deleyre A. 229
 Delille, abbé см. Делиль Ж.
 Démosthène см. Демосфен
 Derschawin см. Державин Г. Р.
 Derzhavin см. Державин Г. Р.
 Desaint, libraire 228
 Desenne, libraire 207
 Diderot D. см. Дидро Д.
 Didot, libraire. 229, 232
 Diepolder H. 164
 Döbert см. Добберт (Добер)
 Drage C. L. 3
 Droz E. 344
 Dubrowits A. 273
 Duchesne, libraire 231
 Dulac G. 156
 Dumont J. de Carscroon 227
 Durand, libraire 228–229
 Durant см. Durand, libraire
 Duren J. van 231, 233
 Durye de Morsan J. M. см. Дюре де
 Морсан Ж. М.
 Dworski A. 55
- Eckardt M. 317
 Edelman J. Chr. см. Эдельманн И. Хр.
 Eichstaedt A. 355
 Engels F. см. Энгельс Ф.
 Erdmann G. 355
 Escal F. 334
 Estienne (Etienne), veuve, les frères, lib-
 raires 231
 Euclide (Euclides) см. Евклид
 Euripide см. Еврипид
 Evdokimova L. 156

- Faure O. A. см. Фор О. А.
 Favoral см. Фавораль
 Feith R. см. Фейт Р.
 Fénélon F. см. Фенелон Ф.
 Feretti P. см. Феретти П.
 Fernow C. L. 178
 Fevre см. Фор О. А.
 Fielding H. см. Филдинг Г.
 Filleau de Saint-Martin 227
 Förster W. 315
 Fort см. Фор О. А.
 França J. A. 111
 Frédéric II le Grand см. Фридрих II Великий
 Frenzel E. 359
 Friccus P. von 286–287
 Frick K. R. H. 318
 Fulda L. 12
- Gaillard P. 228
 Garon L. см. Гарон Л.
 Gastinel G. 112
 Geiger M. 314
 Genard F. 228
 Gennete G. см. Женетт Ж.
 Georges S. A., libraire 203, 233
 Gleditschen J. F. 16
 Glucksmann A. см. Глюксманн А.
 Godard d'Aucour C. 202, 228
 Godebski C. см. Годабский Ц.
 Goderov 286–287
 Goebel M. 311
 Goethe см. Гёте И. В.
 Golden M. см. Голден М.
 Gostal N. 226
 Gottlob L. J. см. Готлоб Л. И.
 Gottsched J. Chr. см. Готшед И. Хр.
 Græsse J. G. 229, 234
 Graeves J. см. Гривс Дж.
 Gravelot H. F. le Bourguignon 227
 Gravesande W. J. 228
 Gregorii см. Григори И. Г.
 Gresset J. V. L. см. Грессе Ж. Б. Л.
 Griffio G., editore 231
 Grœll M., libraire 229
 Grynaeus S. см. Гриньус С.
 Guignes J. De см. Гиньес Ж. де.
 Günther J. Chr. см. Гюнтер И. Хр.
 Guyon см. Гюйон Ж. М. Бувье де ла Мотт де.
- Haag E. 182
 Hahn O. W. 312
 Hammarberg G. 58
 Hancke G. B. см. Ганке Г. Б.
 Hannojst L. 151
 Harder H. V. см. Хардер Х.
 Haude I. S. см. Хауде И.
 Haumann H. 314
 Hautchamp du 228
 Hauzer A. 47
 Hazard P. 35, 182
 Heier E. 163
 Helvétius C. A. см. Гельвеций К. А.
 Henrico secondo re di Francia см. Генрих II король фр.
 Henry le Grand см. Генрих IV Великий, имп. Германии
 Heraeus см. Гереус К. Г.
 Hernandez Philippe см. Эрнандес Ф.
 Herzen A. см. Герцен А. И.
 Hésiode см. Гесиод
 Heyne Ch. G. см. Гейне Хр. Г.
 Hochmann von Hochenau см. Гохманн фон Гохенау Э. Хр.
 Hoffmannswaldau см. Гофман фон Гофмансвальдау
 Högy T. 314
 Højer T. S. 217
 Holberg L. см. Гольберг Л.
 Homer (Homère) см. Гомер
 Hondt P. de, libraire 228
 Honoré fils, libraire 229
 Horaz см. Гораций
 Huber L. F. см. Гюбер Л. Ф.
 Humblot, libraire 230
 Hume D. см. Юм Д.
 Husar I. 178
- Illner E. 313
 Isocrate см. Исократ
- Jacobi, см. Якоби И. Г. и Фр. Г.
 Jansen H. J. см. Янсен Г. Й.
 Joukoff см. Жуков П. Ф.
 Julien см. Юлиан, имп. римский
 Julienne de 233
 Jung-Stilling см. Юнг-Штиллинг И. Г.
 Junker Chr. см. Юнкер Хр.
 Justi C. см. Юсти К.

- Käfer M. 157
 Kendrick T. D. 114
 Klein J. см. Клейн Й.
 Knabe P. E. 167
 Knieriem M. 311
 König J. U. см. Кёниг И. У.
 Kraus K. 350
 Krüdener B. J. von Wietinghoff von
 314
 Krzyżanowski J. 132
- L'Ecluse des Loges 232
 L'Emery N. 201, 219, 229
 La Morlière Ch. J. L. A. R. de. 229
 La Place P. A. 227
 Lambert, libraire 227, 229
 Le Baron см. Миних Г. М.
 Le Blanc, abbé 229
 Le Roy J. см. Леруа Ж. Д.
 Lehmann C. 153, 221
 Leibnitz G. W. см. Лейбниц Г. В.
 Leiner W. 66
 Lemery см. L'Emery N.
 Lessing G. E. 35
 Lever J. W. 143, 154
 Lever M. 10
 Levitt M. C. 3
 Lewin J. E. 66
 Liget L. 229
 Lipsius J. см. Липсий Ю.
 Lis J. см. Лис И.
 Litman Th. A. 20
 Löffler U. 112
 Lohmeier A. M. 181
 Longin (Longinus) см. Псевдо-Лонгин
 Lopes Ó. 114
 Louis XV см. Людовик XV, король фр.
 Louvois F. M. см. Лувуа Ф. М.
 Lucretius Carus Titus (Lucrezio Caro Tito)
 см. Лукреций Кар Тит.
 Lupton см. Лаптон Т.
- Macaulay R. 113
 Mahon P. A. O. 221
 Malek E. см. Малэк Э.
 Mallet P. A. см. Малле П. А.
 Marchetti см. Маркетти А.
 Marker G. 41
 Markwardt B. 11, 355
- Maron A. von 350
 Marron P. H. см. Маррон П. А.
 Maubert de Gouvest J. H. см. Мобер де
 Гуве Ж. А.
 Mauvillon (Mauvillion) E. de 229–230
 Mauzi R. 35
 Mayone Dias E. 114
 Mazon A. 359
 Mencke см. Менке И. Б.
 Mercus см. Merkus, libraire
 Mérigot, libraire 229
 Merk G. 312
 Merkus, libraire 229–230
 Merthens E. 312, 314
 Mesnier de Quedron A. G. 229
 Mezières 230
 Mikulski T. 61
 Miller Y. B. 344
 Mirabaud J. B. 232
 Modrow I. 311
 Møtjens A. 232
 Montesquieu Ch. L. см. Монтескье Ш. Л.
 де
 Mortier P., libraire 228–229
 Mozes см. Монсей, библи.
 Müller G.-F. см. Миллер Г.-Ф.
 Munich G. M. см. Миних Г. М.
 Murr Chr. G. von 113
- Nachov I. M. 178
 Neaulme 226, 231
 Néel L. B. 231
 Nestesuranoi I. 232
 Nickolls J. см. Плюмар де Данжель
 Nietwöhner D. 316
 Nikolai L. G. см. Николаи Л. Г.
 Noeldechen C. 273
 Nourse J. 227
 Noyon R. 228
 Nytorp K. 140
- Ouville A. d' см. Увиль Ле Метел
 А. д'
 Overbeck J. 354
 Ovidius (Ovidio, Ovide) см. Овидий На-
 зон Публий
 Oxientierna J. Th. см. Оксеншерна Й. Т.
 Ozanam J. A. F. 227

- P. H. M. см Маррон П А
 Palissot de Montenouy Ch см Палиссо де
 Монтенуа Ш
 Parmenion см Парменион
 Pausie см Поэзе И
 Pelous J-M 31, 35
 Pfeffel G K См Пфеффель Г К
 Pfeifer K 313
 Philander von der Linde см Филандер
 фон дер Линде
 Philibert A, libraire 232
 Philibert C, libraire 230, 232
 Pictet (Pitte) см Пикте Ф П
 Pierre le Grand см Петр I, имп
 Pierre I см Петр I, имп
 Pingre A G 215
 Platon см Платон, философ
 Pluchart A см Плюшар А
 Pluche A, abbe 231
 Pluche N см Pluche A, abbe
 Plumard de Dangeul см Плюмар де Дан-
 жель
 Pœlnitz (Polnitz, Polnitz) C L von см
 Пельниц К Л фон
 Poggjoli R 47
 Pombal Marquis von см Карвалью и
 Меллу ди, С Ж
 Pozzo A 232
 Praxitele см Пракситель
 Pretot E A Ph 226
 Preuss J, libraire 229
 Prevost A F см Прево д'Экзиль А Ф
 Psalmanzar G 229
 Puzzi, padre 221
- Racault J M 215
 Racine J см Расин Ж
 Ralph S L 233
 Rammelmeyer A 120
 Raphael см Рафаэль Санти
 Regnard J F 223, 232
 Rehm W von 164
 Reidel L 312
 Renkewitz H 311
 Reulecke J 312
 Rgewski см Ржевский А А
 Ribou, editeur 229
 Richardson см Ричардсон С
- Richelieu A J du Plessis см Ришелье
 А Ж дю Плесси
 Rickoff см Ryckhoff J
 Rivarol A см Ривароль А
 Robinet J B R 157
 Rokyta H 178
 Rosa Pereira da, I 113
 Rotunda D P 151, 154
 Rousseau J J см Руссо Ж Ж
 Rousselot de Surgy J Ph 229
 Rousset de Missy J см Руссе де Мисси
 Ж
 Rudiger H 163
 Ryckhoff J 232
- Saillant, libraire 228
 Sale G 229
 Sandras de Courtitz G de 232
 Sapho см Сафо
 Saraiva J A 114
 Savary de Bruslons J см Савари де Брю-
 лон Ж
 Schadewaldt W 350
 Schamschula E 151
 Schilling G 175
 Schippan M см Шиппан М
 Schomex см Шоме А Ж де
 Schreuder, libraire 229
 Schweleit E 315
 Sellius G см Селлий Г
 Sempiternis H 154
 Senepart D см Сенепар Д
 Senepart P 213
 Sgard J 212, 231
 Shakespeare W см Шекспир У
 Shama S 181
 Shevlock, le capitaine 229
 Simeon Polotski см Симеон Полоц-
 кий
 Skowronek J см Сковронек И
 Smith, libraire 232
 Solnon J F 31
 Sophocle 334
 Sorel Ch см Сорель Ш
 Sparrow J 61
 Stackelberg J von 180
 Stammler W см Штаммлер В
 Stanislas см Понятовский Станислав-
 Август, король польский
 Steffenhagen F F 286

Steinmetz H. 34
Straatman H. de 232
Streng J. C. 181, 185
Strube de Pyrmont (Piermont) F. H. см.
Штрубе де Пирмонт Ф. Г.
Sully de Béthune M. см. Сюлли де Бетюн М.
Swinton J. 229
Sylvain A. см. Сильвен А.

Tasso (Tasse) T. см. Тассо Т.
Térence см. Теренций Публий Афер
Tersteegen G. см. Терстееген Г.
Theile W. 31–32
Théopompus см. Феопомп, историк
Thompson D. см. Томпсон Д.
Thompson S. 153–154
Titian см. Тициан В.
Tittmann J. 12
Touhatchevsky 286
Toussaint F. V. см. Туссен Ф. В.
Tubach F. C. 141, 151, 154
Tutsch C. 350

Uchastkina Z. V. см. Участкина З. В.
Urlinger J. 316

Vatteau см. Ватто А. де
Verissimo S. J. 111
Vernet J. 230
Vertot R. A. de 232
Vilers Ch. de см. Вейер Ш. де
Vinaver E. 32
Voltaire (Volter) F. M. A. de см. Вольтер

Warda A. см. Варда А.
Watteau A. de см. Ватто А. де
Weinrich H. 115
Weise Chr. см. Вайзе Хр.
Wesley J. см. Уэсли Дж.
West C. B. 185
Westeins, libraire 232
Weyher Ch. см. Вейер Ш. де
Widdecke E. 19
Wörster P. 314
Wortman R. S. 31

Yates F. A. 318

Zaccheloci C. 226
Zedler I. Chr. см. Цедлер И. Хр.
Zukowska-Billip K. 132

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. И. Николаев.</i> Неизвестное стихотворение Ломоносова и отклик на него Сумарокова	3
<i>Н. Ю. Алексеева.</i> Петербургский немецкий поэт Г. В. Фр. Юнкер	8
<i>Й. Клейн.</i> Ломоносов и трагедия	28
<i>П. И. Хотеев.</i> О редком издании оды Ломоносова 1741 года. («Первые трофеи Его Величества Иоанна III...»)	43
<i>С. И. Николаев.</i> Имя на дереве. (Из истории идилического мотива)	46
<i>Н. Д. Кочеткова.</i> Литературные посвящения в русских изданиях XVIII — начала XIX века	66
<i>Ю. В. Стенник.</i> Poleмика о национальном характере в журналах 1760–1780-х годов	85
<i>Е. Д. Кукушкина.</i> Поэзия М. М. Хераскова. Понски смысла жизни	96
<i>Э. Вагеманс.</i> Литературно-философская интерпретация Лиссабонского землетрясения: португало-франко-русская теодицея	111
<i>В. Д. Рак.</i> Материалы к изучению сборника И. В. Новикова «Похождение Ивана гостинного сына, и другие повести и сказки»	122
<i>Е. Б. Мозговая, К. Ю. Лаппо-Данилевский.</i> Идеи И. И. Винкельмана и Петербургская академия художеств в XVIII столетии	155
<i>М. Г. Фраанье.</i> Голландский писатель Фейт в русских переводах	180
<i>А. Ю. Веселова, А. Т. Болотов и П. З. Хомяков.</i> Роман или мемуары?	190
<i>В. А. Сомов.</i> Круг чтения петербургского общества в начале 1760-х годов. (Из истории библиотеки графа А. С. Строганова)	200
<i>Н. П. Морозова, Н. Н. Шаталина, С. К. Егоров.</i> Материалы к описанию библиотеки Г. Р. Державина	235
<i>Л. В. Рассказова.</i> Духовный микрокосм русской дворянской усадьбы и его влияние на личность А. Н. Радищева	288
<i>Р. Б. Казаков.</i> Заметка Н. М. Карамзина «О московском землетрясении 1802 года»: Источниковедческий комментарий	296
<i>М. Шиптан.</i> В. Ф. Малиновский — переводчик фрагмента романа «Теобальд, или Мечтатели» И. Г. Юнга-Штиллинга	310
<i>В. В. Костюкова, В. В. Измайлов и С. Ричардсон.</i>	320

Публикации

<i>И. З. Серман.</i> Неизданный конспект М. В. Ломоносова «Трактата о возвышенном» Псевдо-Лонгина в переводе Н. Буало	333
---	-----

<i>К. Ю. Лаппо-Данилевский. Отрывки об искусствах М. Н. Муравьева</i>	347
<i>А. О. Дёмин. Оперное либретто Г. Р. Державина «Эсфирь»</i>	358
<i>В. П. Степанов. Неизданные тексты И. М. Долгорукова</i>	409
<i>Р. М. Лазарчук. Письмо Г. П. Каменева М. И. Невзорову</i>	431
Список сокращений	435
Именной указатель	436